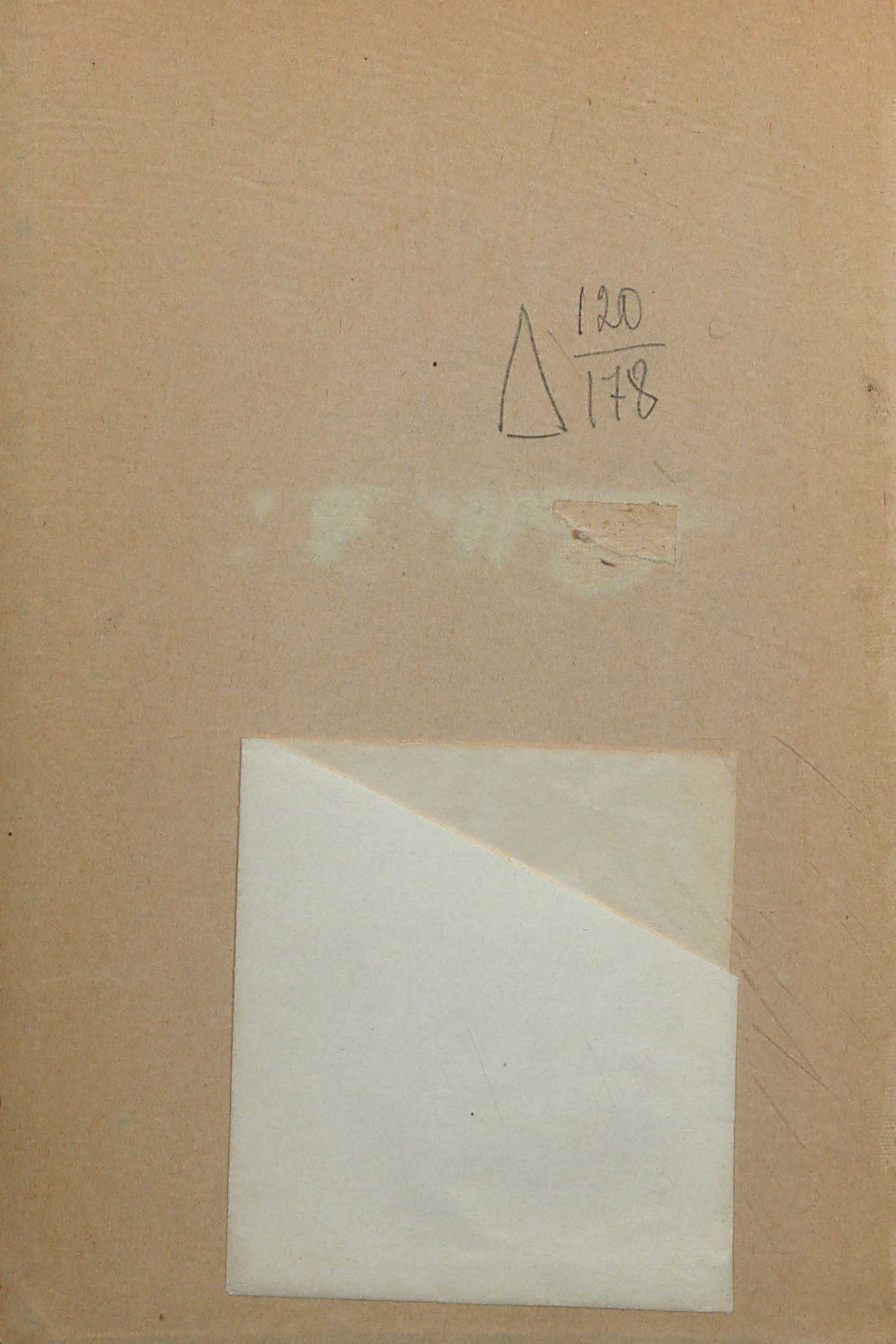

120
178

Генералъ-Фельдмаршалъ

Князь Паскевичъ

Его жизнь и дѣятельность.

По неизданнымъ источникамъ составилъ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ

Князь Щербатовъ.

Приложенія

къ

Тому пятому

1832—1847 гг.

Складъ у В. А. Березовскаго.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1896.

Генералъ-Фельдмаршалъ

Князь Паскевичъ.

ГЕНЕРАЛЪ-ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ ПАСКЕВИЧЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ СОСТАВИЛЪ

Генеральнаго Штаба Генералъ-Лейтенантъ

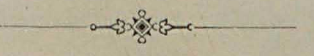
КНЯЗЬ ЩЕРБАТОВЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ

ТОМУ ПЯТОМУ

1832—1847 гг.

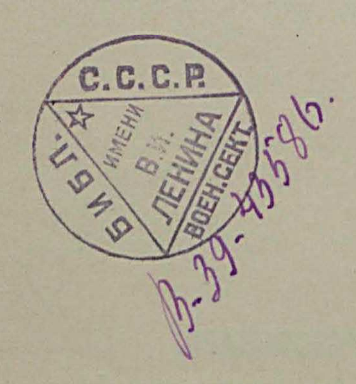

Складъ у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО.

С.-Петербургъ, Колокольная, собственный домъ, № 14.

1896.

Типографія Тренке и Фюсно, Максимиліановскій пер., № 13.

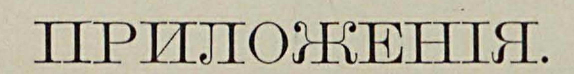

ОГЛАВЛЕНІЕ ПРИЛОЖЕНІЙ.

Страницы.

Страницы.

Страницы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1.

ПИСЬМА

КЪ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1832 годъ.

(39 писемъ).

С.-Петербургъ.
4-го (16-го) генваря 1832 г.

За разными препятствіями не могъ поранѣе отвѣчать на письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 24-го декабря; благодарю за добрыя желанія на новый годъ; Дай Богъ, чтобъ онъ прошелъ мирно; но врядъ ли! Сумасбродство и нахальство Франціи и Англіи превосходятъ всякую мѣру, и чѣмъ это кончится нельзя предсказать. Радуюсь, что вы спокойно начали новый годъ и что можно было открыть театры. Инструкція, данная тобой корпуснымъ командирамъ касательно офицеровъ, весьма хороша. На счетъ возвращающихся польскихъ солдатъ, предоставляю тебѣ поступить по твоему усмотрѣнію; хорошо бы ихъ приманить въ нашу службу, хотя съ нѣкоторыми выгодами, дабы край отъ нихъ очистить. Жду бюджета съ нетерпѣніемъ, вѣрю, что нелегко концы свести. Жаль, что Энгель не остается, онъ умѣлъ скоро имъ полю-

биться; надо скорѣе будетъ рѣшить о г. Паленъ. Красинскаго послѣдній рапортъ также весьма любопытенъ; надо тебѣ будетъ войти въ положеніе горныхъ жителей, которые за пріостановленіемъ работы на заводахъ въ крайней нуждѣ; источникъ сей доходовъ весьма значительный и можетъ много помочь. Здѣсь у насъ все въ порядкѣ и смирно. На маскарадѣ 1-го числа было во дворцѣ 22,364 человѣка; и въ отмѣнномъ благочиніи. Скоро, полагаю, должны дойти вторые пѣхотные резервы, равно и гренадерскіе. Изъ рапортовъ съ радостью вижу постепенное усиленіе полковъ. Желаю тебѣ (чтобы) по прочимъ частямъ войска также постепенно подвигались къ должному устройству, ибо надо быть ко всему готову. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

Получилъ 16-го. Отвѣчалъ 20-го генваря

С.-Петербургъ.
10-го (22-го) генваря 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, получилъ я за нѣсколько дней и искренно благодарю за добрыя вѣсти о положеніи арміи; надѣюсь, что по милости Божіей принятыя тобой мѣры будутъ имѣть желательныя мною послѣдствія. — К. Шаховскому я дозволилъ долѣе здѣсь пробыть; онъ было хотѣлъ совершенно оставить корпусъ по семейнымъ обстоятельствамъ, и съ трудомъ могъ я его уговорить остаться; его бы трудно было замѣстить; онъ настоящій гренадерскій командиръ. — Энгель получилъ уже увольненіе, хотя мнѣ сего весьма жаль; онъ дѣло понималъ и совершенно дѣйствовалъ сходно моимъ

намѣреніямъ. Оставлять сіе мѣсто не занятымъ, долго невозможно.

Будущее положеніе для Королевства видѣлъ. Весьма бы полезно было кончить оное въ твоемъ присутствіи. Такъ какъ послѣднія извѣстія изъ Лондона меня успокоили, то я двинулъ гвардію домой; и считаю, что въ нынѣшнюю минуту безъ большого затрудненія тебѣ можно сюда прибыть на самое короткое время; что будетъ весьма полезно по всѣмъ предметамъ; мы въ одинъ часъ съ тобой больше сдѣлаемъ и рѣшимъ, чѣмъ въ нѣсколько мѣсяцевъ на бумагѣ. Стало, разрѣшаю тебѣ, ежели не увидишь препятствій, пріѣхать ко мнѣ нынѣ же. Полагаю, на всю поѣздку достаточно будетъ трехъ недѣль. Здѣсь кончимъ мы все, что касается до будущаго положенія Королевства и расположенія арміи. Въ отсутствіе твое старшій будетъ командовать по наружности; оставь всѣ подробности к. Горчакову.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждать тебя буду и съ какою радостію обниму! — Стало, до свиданія.

Здѣсь все тихо и хорошо. Прочее самъ увидишь. Жена тебѣ кланяется. Прощай, любезный Отецъ Командиръ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
19-го (31-го) генваря 1832 г.

Огромное число занятій послѣдніе десять дней отняли у меня всякую возможность ранѣе отвѣчать на письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 6-го генваря. Сегодня же утромъ получилъ я другое, отъ 13-го числа. Радуюсь весьма, что въ краю все спокойно; но на сіе спокойствіе я не весьма пола-

гаюсь, и осторожность необходима. Потому же, хотя не хочу я вѣрить неблагопріятнымъ слухамъ объ офицерахъ, но усугубить бдительнѣйшій присмотръ необходимо нужно; въ семъ состоитъ, по моему мнѣнію, самая большая опасность въ долгомъ оставленіи огромнаго числа войкъ въ Царствѣ; что я избѣгну при малѣйшей возможности.

Я былъ увѣренъ что Раутенштраухъ надѣнетъ мундиръ нашъ. Коссецкій немного выиграетъ, что не захотѣлъ, ибо я его уволю съ ношеніемъ нашего мундира, такъ какъ здѣсь передѣлъ г. Грабовскаго. Глупъ и Трембицкій, ибо также не уйдетъ отъ нашего мундира хотя при отставкѣ. Со вниманіемъ читалъ все, что пишешь о приготовленіяхъ арміи къ заграничному походу; покуда всѣ сіи приготовленія должны кончиться на бумагѣ, ибо нѣтъ никакой близкой опасности; напротивъ, я намѣренъ возвратить скоро гренадеръ, а потомъ и болѣе еще войскъ съ границы; ибо симъ я своего вліянія не уменьшаю, но доказываю чистоту моихъ намѣреній, при всей твердости, въ сохраненіи достоинста моего согласія, не то, что мнѣ предлагается. Другая также важная причина, для которой уменьшеніе числа войскъ въ Польшѣ необходимо, это огромность военной смѣты; мы рѣшительно не въ состояніи вынести въ мирное время подобной издержки. Когда сюда пріѣдешь, тогда мы обо всемъ условимся подробно.

Болѣзненность въ войскѣ мнѣ весьма прискорбна, на это должно также обратить всю попечительность. Къ тебѣ будетъ Вилліе. По строевымъ запискамъ вижу, что иныя войска значительно прибавились, другія же, именно второго корпуса, уменьшились; но въ третьемъ корпусѣ число людей по дивизіямъ наиболѣе неуравнительно; хорошо бы полки уравнять въ силѣ. Странно мнѣ, отчего 4-й резерв. кавал. корпусъ имѣетъ только по 9 рядовъ, тогда какъ почти не былъ въ дѣлахъ, а пошелъ въ 4 эскадр. по 20 рядовъ, увѣдоми меня отчего, и по разсчету ли на 6 или даже и на 4 эскадрона.

Планъ и проектъ для Модлина я получилъ и соображенiе, полагаю, что можно будетъ его упростить, не уменьшая силы. Здѣсь у насъ все тихо. Тебя я жду съ нетерпѣнiемъ, чему, я надѣюсь, ты повѣришь. Жена тебѣ кланяется. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой доброжелат.

Н.

Получено 10 марта 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
2-го (14-го) марта 1832 г.

Любезный Иванъ Федоровичъ, съ отъѣзда твоего я три раза получилъ твои извѣстiя, изъ Луги, Суража и изъ Соколовки; жалѣю, что починка экипажа тебя заставила провесть столь непрiятно цѣлыя сутки. Ты уже долженъ быть извѣстенъ о наглой и неслыханной дерзости французовъ, завладѣвшихъ насильно и среди ночи Анконой; не знаю, чѣмъ кончится; но ежели и это союзники мои перенесутъ терпѣливо, то поздравляю ихъ съ самыми прекрасными послѣдствiями; удивляться же сему я никакъ не могу, ибо полтора года сiе предвижу вопреки увѣренiю противнаго другихъ, коихъ ослѣпленiе или трусость не хотѣло признавать того, что для меня очевидно было. Покуда я никакихъ перемѣнъ не дѣлаю въ нашихъ распоряженiяхъ. Ежели мои союзники атакованы будутъ въ Германiи, то мы готовы; въ противномъ случаѣ, не мнѣ начинать войну. Но время сiе ради Бога употреби въ пользу, усугубя надзоры за приведенiемъ всего въ должный видъ и образованiе. По рапортамъ ты силенъ числомъ людей, но желательно, чтобъ и обученiе не совершенно пропадало.

Больныхъ по госпитальнымъ рапортамъ очень прибываетъ.— Вели Горчакову объѣхать войска и донести, въ какомъ положенiи фронтовая и хозяйственная части нынѣ находятся? Я ищу

кого изъ своихъ г. адъютантовъ можно мнѣ будетъ послать для того же предмета. Письмо сіе везетъ къ тебѣ Ф. А. Фельдманъ, котораго тебѣ поручаю въ милость. Вчера прибылъ сюда сынъ Т. Лубинскаго, для опредѣленія въ службу; первый примѣръ; желательно, чтобъ подѣйствовалъ на прочихъ; призови, пожалуй, отца и скажи ему, сколько мнѣ пріятно видѣть, что онъ слова мои не забылъ.

Не худо-бъ было придумать, какъ бы польскіе флорины уравнять цѣнностью съ нашей монетой, приноровя такъ, чтобъ не было болѣе современемъ въ Польшѣ иной монеты, какъ наша; и давъ званіе флориновъ нашимъ ¼ рублямъ; какъ полагаешь, хорошо ли будетъ?

Ежели обстоятельства болѣе объяснятся къ войнѣ въ Германіи, то я намѣренъ послать г.-а. Нейдгардта въ Вѣну; дабы узнать, чего австрійцы хотятъ? и какія предположенія въ военномъ смыслѣ у нихъ въ виду, дабы намъ заблаговременно знать, что̀ наше будетъ дѣло. То же полагаю сдѣлать и съ пруссаками. Гвардія наша начинаетъ вступать, и въ отличномъ видѣ.

Здѣсь все тихо, но въ крайнемъ ожесточеніи на французовъ. Прошу княгинѣ поцѣловать за меня ручку. Жена моя тебѣ кланяется. Прощай, любезный отецъ командиръ; вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Всѣмъ нашимъ кланяюсь.

Получено 15-го марта 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) марта 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 28-го числа получилъ я третьяго дня; радуюсь, что ты благополучно при-

былъ. Но усиливающійся дурной духъ, признаться, меня крайне заботитъ; нельзя довольно обращать вниманія на сей предметъ, и нѣсколько строгихъ примѣровъ были-бъ необходимы, ежели-бъ возможно было кого изобличить. Съ величайшимъ нетерпѣніемъ и любопытствомъ жду твоихъ увѣдомленій на счетъ состоянія войскъ и той степени образованія и устройства, до которой они достигли. Новаго въ комитетѣ еще ничего не получалъ, но жду ежеминутно изъ Хаги и изъ Парижа. Любопытно знать, какъ французское министерство объяснитъ неслыханное овладѣніе Анконой. На счетъ Кракова я писалъ рѣшительно въ Вѣну и Берлинъ, требуя занятія; сіе тѣмъ нужнѣе, что изъ Вѣны получили мы приглашеніе, вмѣстѣ съ пруссаками требовать отъ короля саксонскаго высылки цѣлой шайки мятежныхъ поляковъ изъ Дрездена, гдѣ, какъ кажется, пересыльный ихъ пунктъ между парижской пропаганды съ Краковымъ и Галиціей. Писалъ также пруссакамъ, кои прямо меня спрашивали, что имъ дѣлать съ этими 6,000 поляковъ, и просилъ ихъ картелью передать намъ, а ты ихъ пошли внутрь, раздѣля часть въ Грузію, часть въ Оренбургъ, а остальныхъ въ Сибирь на службу.

Что-то будетъ съ конскрипціей; вѣроятно, шумъ, и это не мѣшаетъ, ибо, къ сему придравшись, можно будетъ негодяевъ офицеровъ прибрать и выслать; вообще строгу быть должно. Но притомъ отличать тѣхъ, кои во время бунта намъ оказали услуги.

8-го (20-го). Вчера видѣлъ я Головина, и съ радостью слышалъ отъ него, въ какомъ добромъ порядкѣ и духѣ первый корпусъ; онъ мнѣ сказывалъ, что 3-й гораздо моложе и слабѣе образованіемъ. Можетъ быть, не найдешь ли ты лучшимъ вмѣсто 3-го оставить 2-й корпусъ; если это лучше по твоему, то я на это согласенъ. Предлагаю тебѣ, вмѣсто г. Вита, въ военные губернаторы г.-л. Головина; ты его умъ и способности знаешь; мнѣ кажется, что онъ былъ бы

весьма хорошъ на это мѣсто, гдѣ нужно человѣка твердаго и рѣшительнаго; напиши мнѣ, что ты думаешь? Онъ довольно уменъ, чтобъ найтиться тутъ.

Препровождаю тебѣ записку Жомини. Хотя въ ней новаго ничего нѣтъ, и много уже нами рѣшено было, но любопытно знать мысли его. Пунктъ Раховскій дѣйствительно можетъ быть важенъ; но мѣстность мнѣ вовсе неизвѣстна; вели снять ее и сдѣлать предварительный проектъ на крѣпость. Скоро ли примемся за цитадель въ Варшавѣ? ежедневно убѣждаюсь въ ея необходимости. Жена моя тебѣ кланяется. Княгинѣ цѣлую ручку. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ; вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Сейчасъ получили мы извѣстіе, что французское правительство порочитъ своего эскадроннаго командира и отозвало его; но Анкону не оставляетъ.

Получено 23-го марта 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
13-го марта 1832 г.

Я получилъ вчера утромъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое тебя благодарю. Жалѣю, что поляки, не смотря на ужасный урокъ, имъ нанесенный за ихъ безсмысленное вѣроломство, вновь затѣваютъ подобное; на подобную же дерзость надо подобные же способы осторожности. Разрѣшаю тебѣ пріостановить возвращеніе 2-го корпуса на предложенномъ самимъ тобой основаніи. Ежели впослѣдствіи и окажется возможнымъ возвратить одинъ корпусъ, то отъ тебя же зависѣть будетъ, который изъ двухъ отпустить, по степени его образованія; лучше даже будетъ возвратить 3-й,

ибо постоянныя квартиры его ближайшія и замѣнятъ необходимость, тобой предвидимую, оставлять 4 пѣхотную дивизію, ибо отъ Бѣлостока до Варшавы 150 верстъ.

Жду, что будетъ послѣ объявленія новаго положенія и конскрипціи; ежели выйдетъ шумъ, надо строго и скоро наказать, дабы и мысль отнять о возможности противиться законной власти.

Ты хорошо поступилъ съ Потоцкимъ; надо ускорить открытіемъ суда. Сегодня утромъ получилъ я донесенія Орлова; онъ убѣдилъ короля произнесть обѣщаніе признать Леопольда, хотя и подъ разными условіями. Также изъ Лондона о первомъ впечатлѣніе, произведенномъ надъ министерствомъ наглымъ овладѣніемъ Анконою; хотя оно не такъ сильно, какъ я бы того желалъ, но однако довольно сильно, ибо оно требуетъ отъ Франціи объясненій въ явномъ обманѣ. Важно то, что, по примѣру Ямайки, другіе острова бунтуютъ противъ англичанъ, вслѣдствіе новыхъ постановленій правительства, которыя оказались утѣснительными; т. е. можетъ изъ этого выйти повтореніе отдѣленія Американскихъ Штатовъ.

Повторяю просьбу мою приступить какъ можно ранѣе къ постройкѣ цитадели; она весьма важна и наиболѣе впечатлѣніемъ, которое произвесть должно. Не мѣшаетъ также поспѣшить отправленіемъ библіотекъ, ибо чѣмъ скорѣе всѣ сіи мѣры кончатся, тѣмъ лучше, чтобъ болѣе не раздражать умовъ. На дняхъ посылаю г.-м. Глинку для осмотра артиллеріи и ф. а. Эссена и к. Ливена для осмотра пѣхоты. К. Лабановъ поѣдетъ смотрѣть гусаръ. Эти посылки полезны тѣмъ, что даютъ намъ чаще понятіе о состояніи войска, а войску доказываютъ, что за нимъ смотрятъ, а начальниковъ частныхъ держатъ въ осторожности.

Завтра вступаетъ послѣдній полкъ гвардіи; всѣ воротились въ отличномъ порядкѣ и въ добромъ духѣ. Отставками мы теряемъ до 6,000 человѣкъ; потеря весьма чувствительная,

въ особенности инымъ полкамъ; но нечего дѣлать, ибо мѣра справедлива.

16-го (28-го). Вчера, возвратясь сюда, испуганъ былъ извѣстіемъ опасной болѣзни младшей дочери Михаила Павловича, и черезъ нѣсколько часовъ конвульсій мы ея лишились; потеря столь страшно и неожиданно насъ поразила, что мы еще опомниться не можемъ. Бѣдные братъ и сестра переносятъ сей ударъ съ христіанскою твердостію; но на подобный ударъ одно время цѣлебно дѣйствуетъ!

Нахожу, что много просится у насъ въ отпускъ; сколь ни уважительны причины, но нельзя однако не обратить вниманіе и на то, что молодое войско, въ самое время своего устройства послѣ войны, останется безъ настоящихъ начальниковъ. Это не можетъ не имѣть вліянія на состояніе сей части и дѣлается теперь еще важнѣе тѣмъ, что въ краѣ предстоитъ и по дурному оказывающемуся духу. Желательно-бъ мнѣ было нѣсколько умѣрить сей отпускъ. Кажется мнѣ, что я уже писалъ или здѣсь еще говорилъ тебѣ, чтобъ ты велѣлъ выздоравливающихъ изъ госпиталей нижнихъ чиновъ 1-го корпуса зачислять въ остающееся войско, теперь надо будетъ предпочтительно включать ихъ во 2-й корпусъ, чтобъ уравнять его силой съ 3-мъ, вотъ все на сей разъ, что могъ придумать. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Княгинѣ ручки цѣлую; жена моя тебѣ кланяется.

Получено 31-го марта 1832 года г. Варшава.

Царское Село.
28-го марта (4-го апрѣля) 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 13-го (25-го) марта, получилъ я третьяго дня. Радуюсь, что объявленіе

новой грамоты обошлось тихо; на благодарность поляковъ я не считалъ и не считаю; моя цѣль исполнена будетъ, ежели отнимется у нихъ способъ вредить Россіи и упрочится ихъ зависимость. Ты хорошо сдѣлалъ, что объявилъ себя намѣстникомъ; полагаю утвердить Коссецкаго директоромъ департамента юстиціи, Строганова — внутреннихъ дѣлъ и Фурмана — финансовъ, ими и мы, и всѣ довольны. Раутенштраухъ останется членомъ правительственнаго совѣта; но про него доходятъ до меня черезъ всѣхъ пріѣзжихъ весьма невыгодные слухи; всѣ жалуются на его грубость и несправедливость, такъ что сомнѣваются даже въ искренности его намѣреній! Правда ли и должно ли сему вполнѣ вѣрить, спрашиваю тебя; но скрыть сего я не долженъ былъ отъ твоего свѣдѣнія. Также всѣ единогласно говорятъ, что поляки желаютъ сохранить нашихъ русскихъ чиновниковъ, бывъ совершенно ими довольны, какъ людьми ласковыми и справедливыми; тѣмъ лучше. Я не могу довольно поблагодарить тебя, что ты строго взыскиваешь за буйство нашихъ офицеровъ; дать сему волю было-бъ — положить начало всѣмъ безпорядкамъ, отъ чего сохрани насъ Боже!

Мнѣ Ридигеръ то же говорилъ про состояніе своего корпуса, что и ты нашелъ; но онъ за духъ его ручается и увѣряетъ, что чрезъ 7 или 8 мѣсяцевъ корпусъ будетъ въ совершенномъ порядкѣ. Жаль только, что много хорошихъ офицеровъ выходятъ въ отставку или ѣдутъ въ отпускъ. Жду, что рѣшишь съ цитаделью. Меня увѣрилъ Ридигеръ, что сборъ старыхъ солдатъ пойдетъ успѣшно, ибо къ нему явилось до 2-хъ тысячъ съ просьбой о принятіи; но онъ опасается мерзавцевъ офицеровъ. Хорошо бы тебѣ прислать ко мнѣ тѣхъ изъ офицеровъ польскихъ, на коихъ понадѣяться можно, дабы здѣсь ихъ опредѣлить на службу; начни съ артиллерійскихъ полковниковъ Вейсфлага и Лепиже, которые ни въ чемъ не замѣшаны и не участвовали. Тоже сдѣ-

лать можно съ п. п. Райкой, буде сего желаетъ; ибо они, какъ говорятъ, боятся товарищей и желаютъ быть сюда вытребованными. О монетѣ буду ждать. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ; дѣло Анконское притихло; т.-е., кажется, французы струсили, но чѣмъ кончится, не знаю, вотъ и все. Княгинѣ цѣлую ручки. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Забылъ сказать, что Нессельродъ получилъ отъ Тенгоборскаго копію съ рапорта его къ тебѣ отъ 10-го (22-го) марта; я считаю содержаніе онаго весьма важнымъ; сообщи мнѣ свои по оному замѣчанія.

Получено 5-го (17-го) апрѣля 1832 года г. Варшава.

С.-Петербургъ.
31-го марта (12-го апрѣля) 1832 г.

Я получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, въ прошлую субботу вечеромъ, за которое благодарю. Вѣсть о назначеніи депутаціи мнѣ весьма пріятна и дѣлаетъ честь удальству г. Витта; вліяніе, которое выборъ лицъ произвести долженъ въ цѣломъ краѣ и во всей Европѣ, будетъ весьма полезно и не можетъ не изумить демагоговъ. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что назначилъ имъ вспомоществованіе и присылаешь съ ними адъютанта. Здѣсь будетъ имъ пріемъ въ Георгіевской залѣ, съ тѣмъ, чтобъ дать всю возможную сему важность въ лицѣ Россіи и польстить ея честолюбію. Словомъ, дѣло это прекрасное, и не могу тебя довольно за оное поблагодарить. Что касается до соблюденія новодарованнаго учрежденія, надо крайне избѣгать всякаго оному нарушенія. Но ежели изъ прощенныхъ офицеровъ, кто нарушитъ спо-

койствіе, то таковыхъ предавать *военному суду*, какъ неблагодарно вторично нарушившихъ присягу; тѣмъ, кажется, избѣгнемъ мы дальнѣйшее. Лубинскіе теперь всѣ въ рукахъ нашихъ, надо показывать, что мы вѣримъ ихъ преданности, но продолжать за ними строго надзирать; письма отъ Томаса Бенкендорфъ не получилъ, напротивъ того онъ ему писалъ и я читалъ, что я для сына готовилъ его гражданской службѣ, но, отдавъ мнѣ его разъ на руки, предастъ его участь мнѣ. Съ радостію слышу, что находимъ успѣхъ въ образованіи войскъ; постепенно увѣдомляй меня, каково пойдетъ. Теперь до сентября останутся у тебя оба корпуса; а осенью воротить 3-й, которому всѣхъ ближе домой. Жду съ любопытствомъ, что рѣшишь по цитадели, а потомъ по Модлину. Послалъ ли Жомини осмотрѣть Раховскій пунктъ? Прежде еще, чѣмъ получилъ письмо твое, я уже назначилъ г. Строганова въ министерство внутреннихъ дѣлъ, Коссецкаго—юстиціи и Фурмана въ финансовъ. Раутенштрауха нашелъ я полезнѣе оставить членомъ правительственнаго совѣта и государственнаго совѣта, чѣмъ давать особую часть; ибо онъ хорошъ какъ совѣтникъ по всему, но крутъ и грубъ въ личныхъ сношеніяхъ, завѣдывая особой частію. Съ тѣхъ поръ, увидѣвъ третьяго дня Энгеля, я удостовѣрился, что я правильно судилъ, ибо и онъ совершенно раздѣляетъ сіе мнѣніе. Притомъ, ежели когда-либо будешь ты въ отсутствіи, то онъ совершенно способенъ будетъ временно предсѣдательствовать

Здѣсь все въ порядкѣ; по политикѣ все по старому. Жена моя вамъ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Г. Витту скажи спасибо. Вотъ письмо, на которое, кажется, и отвѣта не нужно.

Получено 12-го (24-го) aпрѣля г. Варшава.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) апрѣля 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, получилъ я въ субботу поздно вечеромъ. Радуюсь, что все спокойно, и молю Бога, чтобъ такъ и осталось. Ты хорошо сдѣлалъ, что наборъ отложилъ до отъѣзда депутатовъ, скоро ли ѣдутъ? Жду съ нетерпѣніемъ, что мнѣ Фельдманъ отъ тебя привезетъ касательно цитадели?

Я всегда полагалъ, что болѣе 50 домовъ подъ сломку не пойдетъ; касательно работы, то кажется мнѣ, такъ какъ революціонное правительство наряжало жителей на работу, то справедливо употребить и нынѣ ту же мѣру, производя солдатскую плату по 40 копѣекъ мѣдью; можно ли? Ты меня поставилъ въ непріятное затрудненіе по предмету отправленія библіотекъ, ибо писалъ о возникшихъ вопросахъ прямо оффиціально Грабовскому, который про это ничего не зналъ. Должно про подобныя вещи писать записками ко мнѣ въ собственныя руки, ибо касаются моихъ повелѣній какъ русскаго Государя, наказующаго вѣроломсто поляковъ; и потому ежели и есть какое затрудненіе, то должно непосредственно меня объ этомъ увѣдомлять. Сіе тѣмъ болѣе въ семъ случаѣ нужно было, что и самая просьба не основательна, въ особенности Société Littéraire: ибо, какъ они не говорятъ, но Чарторижскій и Немцевичъ были главные члены ихъ и первые въ революціи; а какъ мы вошли военной рукой въ Варшаву, то и всѣ подобные предметы суть трофеи наши. Изъ милости я могу ими жаловать ихъ вновь, но принадлежатъ они намъ. Впередъ прошу рѣшительно сего избѣгать. Извѣстія изъ Австріи весьма любопытны, хотя не новы.

Орловъ прибылъ въ Лондонъ и принятъ отлично.

Сюда прибылъ маршалъ Морнье, я его не видѣлъ еще, но его хвалятъ. По послѣднимъ свѣдѣніемъ изъ Лондона ка-

жется, что Англія рѣшилась пристать къ намъ тремъ, чтобъ требовать отъ Франціи немедля оставить Анкону. Замѣчанія твои на счетъ Головина справедливы, не знаю покуда, кого назначить на мѣсто г. Витта, когда онъ кончитъ свои занятія по суду. Твоя рекомендація г. Сулима для меня важна и я буду имѣть его въ виду. Здѣсь все тихо и въ должномъ порядкѣ. Жена тебѣ кланяется. Княгинѣ цѣлую ручки. Завтра иду къ исповѣди; прошу тебя простить, ежели въ чемъ невольно огорчилъ, въ одномъ смѣю тебя увѣрить — въ искренней моей благодарности и нелицемѣрной неизмѣнной дружбѣ, съ которою на всегда тебѣ доброжелат.

Н.

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) апрѣля 1832 г.

Въ четвергъ, выходя отъ обѣдни, получилъ я письмо твое любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 1-го (13-го) апрѣля. Съ сердечнымъ сожалѣніемъ вижу, что несогласіе мое на утвержденіе г. Раутенштрауха въ коммисію внутр. дѣлъ тебя огорчило; рѣшившись на это, я не имѣлъ иной цѣли, какъ пользу службы. Отдавая полную справедливость ему и въ способностяхъ, и въ томъ усердіи, которое нынѣ намъ оказываетъ, я убѣжденъ былъ и остаюсь, что несравненно онъ полезнѣе будетъ въ общемъ совѣтѣ, какъ старшій членъ, чѣмъ управляющимъ столь важною частію, гдѣ намъ нуженъ собственно русскій и надежный. Покойный братъ 15 лѣтъ имѣлъ при себѣ г. Раутенштрауха, зналъ его и уважалъ всѣ его дарованія, употреблялъ его съ полною дѣятельностію, но никогда не ввѣрялъ ему отдѣльной части, ибо зналъ его характеръ и недостатки и держалъ его строго, чему я былъ часто свидѣтель. Употреблять его такимъ же образомъ и полезно, и нужно, но не иначе. Вотъ моя исповѣдь.

13-го (25-го). На дняхъ увѣдомило насъ австрійское правительство, что хотя не предвидитъ причины близкому разрыву съ Франціей, но, слѣдуя за поведеніемъ оной и постепенно возрастающею дерзостію ея, даже въ дѣлахъ внутреннихъ Германіи, они рѣшились настаивать у короля прусскаго, серьезно заняться всѣми предварительными мѣрами для предупрежденія нахальнаго начала войны. Они просятъ содѣйствія моего при королѣ, дабы убѣдить его на сіе рѣшиться, и предлагаютъ дать въ случаѣ нужды вспомогательный корпусъ для центральной арміи въ 50 тыс. человѣкъ!

Первое, мнѣ совершенно сходное и съ моимъ убѣжденіемъ, я принялъ; но второе предложеніе я отвергъ рѣшительно, сказавъ, что ежели помощь Россіи нужной быть можетъ, такъ она не иначе явится, какъ съ 200 тыс. человѣкъ, какъ прилично ея величію и к. Варшавскому!

Повторяю, что не вижу на сей разъ опасности, ибо Франція одна никогда не можетъ отважиться начать войну съ цѣлой Европой; она тогда опасна быть можетъ, ежели дадутъ ей время и способъ поставить вверхъ дномъ южную Германію; что всячески нынѣ старается сдѣлать; но противъ чего, кажется, принимаютъ весьма благоразумныя мѣры. Ежели же намъ надо будетъ явиться, то наша армія должна составить центръ между пруссаковъ и австрійцевъ, вѣроятно, дѣйствуя въ Саксоніи, на Франкфуртъ на Майнѣ. Тогда назначу 1-й, 2-й и 3-й пѣхотные гренадерск. и гвардейскій пѣхот. корпуса, и 1-й, 2-й, 3-й и 4-й резерв. кавал. съ приличнымъ числомъ казаковъ. Предвижу возможность таковой потребности, надо подумать, кому мы поручимъ твою должность по Царству?—ежели-бъ Энгель согласился, лучше-бъ не нужно было, ибо военную часть въ Царствѣ можно-бъ было тогда вручить г. Кайсарову, который съ 5 корпусомъ долженъ будетъ занять сей край. Лучшаго, какъ Энгель, не найдемъ, развѣ Витта оставить.

Нейдгардтъ ѣдетъ въ Доберонъ къ водамъ; я поручилъ ему въ проѣздъ чрезъ Берлинъ переговорить съ пруссаками и условиться обо всемъ; что изъ сего будетъ—увидимъ.

Строганова я отправлю на дняхъ; надѣюсь, что онъ съ прежнимъ усердіемъ примется вновь за дѣло. Надѣюсь, что и Раутенштраухъ въ той пространной сферѣ, которую я ему назначилъ, будетъ по прежнему полезенъ. Жду съ любопытствомъ послѣдствій твоей поѣздки въ Модлинъ. Княгинѣ прошу поцѣловать ручку. Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Получено 30-го апрѣля (12-го мая) 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
24-го апрѣля 1832 г.

Въ четвергъ, послѣ обѣда, получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 17-го (29-го) числа. Радуюсь, что все было еще спокойно, и надѣюсь, что съ помощью Божіею и принятыми тобой мѣрами все останется въ покоѣ. Записку о характерахъ прибывшихъ депутатовъ получилъ; они почти всѣ прибыли и покуда, какъ слышно, весьма удивлены и довольны Петербургомъ. Я ихъ передѣваю; и какъ ты думаешь? въ зеленые губернскіе мундиры, съ шитьемъ нашимъ, губернскими гербовыми пуговицами и съ однимъ малиновымъ воротничкомъ! А Лубянскій надѣваетъ нашъ генеральскій мундиръ безъ эполетъ! каково? Принять полагаю ихъ въ воскресенье. Теперь одно дѣло будетъ въ сочиненіи имъ рѣчи и въ отвѣтѣ; я симъ займусь. Причины затрудненій наряда жителей мнѣ кажутся уважительными. Жду съ нетерпѣніемъ, что произведетъ наборъ, врядъ ли безъ фарсъ обойдется, но серьезнаго быть не можетъ. Изъ Англіи имѣю извѣстія. Насъ тамъ,

благодаря Чарторижскому и Немцевичу, начали было ругать, но успокоились. Что заговоры есть и будутъ въ Польшѣ, тому нѣтъ сомнѣнія; но врядъ ли августовское извѣстіе справедливо, что-то пахнетъ выдумкой, но все и этимъ пренебрегать не должно.

У насъ все холодно и ни мало не похоже на весну. Все тихо и спокойно и я всѣмъ доволенъ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 8-го (20-го) мая 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
3-го (15-го) мая 1832 г.

Въ субботу получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 25-го апрѣля, за которое искренно благодарю. Третьяго дня, въ воскресенье, совершился важный актъ; приношеніе повинной поляками, въ Георгіевской залѣ, съ должнымъ торжествомъ и при огромномъ стеченіи народа. Тебя одного не доставало въ свидѣтели торжества великодушной Россіи, тобою вновь прославленной. Поляки дрожали во всей силѣ слова; но утѣшились послѣ отвѣта. Они ведутъ себя скромно и тихо. Я болѣе не считаю ихъ депутатами, ибо порученіе, имъ данное, кончилось. К. Радзивилъ мнѣ очень нравится, вся его наружность и обхожденіе весьма благородны; также и епископъ Хоромanскій препочтенный старикъ. Изъ прочихъ мнѣ молодой Немоевскій весьма полюбился его скромной благородной наружностію. Радзивилу далъ я Александра, а Хороманскому 1 Анну. Изъ получаемыхъ донесеній адъютантовъ вижу, что артиллерія и кавалерія далеко ушли впе-

редъ; а пѣхота, въ особенности 19 егерскій полкъ крайне еще слабъ и неисправенъ. Обрати на это все твое вниманіе. Жду, будетъ ли шумъ при наборѣ рекрутъ? Всѣ твои записки я утвердилъ. Все здѣсь тихо и смирно; готовимся къ параду. Сегодня жду Орлова. Жена тебѣ и княгинѣ кланяется, а я ей ручки цѣлую. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой доброжелат.

Н.

Получено 18-го (30-го) мая 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
11-го (23-го) мая 1832 г.

Разныя причины препятствовали мнѣ ранѣе тебѣ отвѣчать, любезный Иванъ Федоровичъ, на письмо твое отъ 2-го (14-го) числа. Ожидаю, что произошло у васъ по публикованіи набора. Радуюсь, что къ заложенію цитадели приступлено; и вышло, что и у тебя, и у насъ въ одинъ же день былъ большой смотръ. Я войсками здѣсь былъ весьма доволенъ, въ особенности кавалеріей, которая дѣйствительно въ наиблестящемъ видѣ. Странно было видѣть въ числѣ зрителей того самаго Лубинскаго и въ русскомъ мундирѣ, съ которымъ за годъ передъ симъ дрались! Старикъ Мортье почти остолбенѣлъ, видя сіи войска и въ такомъ состояніи. Все, что ты объявилъ Потоцкому, весьма справедливо; но на нихъ никогда полагаться нельзя. Записку о монетѣ разсмотрю въ подробности. Извѣстія о королѣ Виртембергскомъ не справедливы; напротивъ онъ нынѣ видитъ плоды своего прежняго сумасбродства, испугался и весьма усердно пристаетъ къ Австріи и Пруссіи для общей цѣли. Ты уже вѣрно знаешь, что англійское министерство рушилось; чѣмъ кончится, трудно покуда рѣшить; но можетъ быть и удастся составить министерство подъ гла-

вою Велингтона; тогда союзъ съ Франціей рушится; въ противномъ случаѣ, можетъ настать конецъ Англіи.

Здѣсь у насъ все хорошо, но мы крѣпко зябнемъ. Что-то у васъ дѣлается по войскамъ; Ридигеръ уѣхалъ и я ему сдѣлалъ наставленіе.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Получено 24-го мая (10-го іюня) 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
20-го мая (1-го іюня) 1832 г.

Любезный Иванъ Федоровичъ, письмо твое отъ 3-го мая получилъ я за три дня. Вполнѣ раздѣляю скорбь твою о потерѣ твоего почтеннаго отца; рана подобная долѣе заживаетъ, чѣмъ всякая другая.

Вліяніе, произведенное на умы наборомъ, не мудрено, надо сего было и ожидать; но не вѣрю, чтобъ что важное произойти могло, ибо гдѣ у нихъ на то способы и неужель мы зѣвать будемъ? пусть пробуютъ; а что въ Европѣ о томъ крикъ подымутъ, на то я плюю; ибо мы дѣлаемъ то, на что имѣемъ право по закону, и что здоровая политика намъ предписываетъ. О семъ имѣлъ я любопытный разговоръ, прощаясь съ депутатомъ Немоевскимъ; человѣкъ сей заслуживаетъ особаго твоего благосклоннаго вниманія благородствомъ чувствъ и откровенностію; онъ мнѣ сказалъ, что мѣра сія самая благодѣтельная для края, но что мы должны крайне опасаться и принять самыя строгія мѣры, дабы они не занесли заразы въ духъ нашей арміи. Говоря о Краковѣ и о скверномъ семъ гнѣздѣ, онъ меня убѣдительно просилъ, чтобъ я отдалъ его,

ежели можно, Австріи, дабы уничтожить независимость сего гнѣзда всему нынѣшнему злу. Все, что ты мнѣ пишешь про открытыя тобой интриги, мнѣ совершенно непонятно.

Феньша я никогда не вижу, а еще менѣе вхожу съ нимъ въ разговоры про дѣла; съ какого же пути ему интриговать и у кого, и зачѣмъ противу Раутенштрауха? не понимаю. Про Коссецкаго вотъ собственныя мнѣ слова Строганова, онъ плутъ былъ и есть, но преспособный, прежде кралъ и нажившись пересталъ — стало и тутъ не вижу, чтобъ можно было винить Строганова въ предубѣжденіи къ нему. Раутенштрауху я всегда отдавалъ и отдаю справедливость; но повторяю, что держать его въ рукахъ надо, мнѣнія сего былъ и покойный братъ, который его 15 лѣтъ держалъ, съ пользою употреблялъ, но лично не довѣрялъ. Англійскій консулъ плутъ или мерзавецъ, о которомъ уже я и прежде просилъ насъ его избавить; просто шпіонъ. Что въ Англіи дѣлается — стыдъ и срамъ; но не сдобровать имъ. Забылъ сказать, вели офицеровъ польской арміи, которые въ наборъ идти должны рядовыми, не оставлять съ другими рекрутами, но собрать въ одно мѣсто, подъ надежный надзоръ, и, сколько ихъ будетъ, мнѣ напиши, дабы мнѣ найти, куда ихъ спрятать: ибо ихъ слишкомъ опасно разбивать по всей арміи. Былъ ли у тебя парадъ для закладки цитадели, ты мнѣ о томъ не пишешь, сбылось ли твое намѣреніе? Изъ рапортовъ адъютантовъ вижу я, что во многихъ полкахъ еще многаго не достаетъ по части амуниціи и, что еще хуже, много справедливыхъ претензій на неполученіе жалованья; что же дѣлаютъ дивизіон. командиры? Въ артиллеріи, именно въ 7-й бригадѣ, орудія съ раковинами, и не приступлено даже къ требованію о ихъ перемѣнѣ. Вели, кому слѣдуетъ, сіе замѣнить, и все привесть въ должный видъ и порядокъ. Здѣсь у насъ все тихо и хорошо. Въ прошедшую субботу былъ снѣгъ и лежалъ на два вершка, а вчера 18 градусовъ жару въ тѣни и пресильная гроза!

Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

P.-S. Къ сожалѣнію моему, замѣчанія твои на Розена отчасти справедливы, что и прежде ему отъ меня строго замѣчено, съ подтвержденіемъ не отходить отъ данныхъ тобой начертаній.

Получено 28-го мая (10-іюня) 1832 г. г. Варшава.

Елагинъ Островъ.
21-го мая (2-го іюня) 1832 г.

Едва только что я отправилъ письма свои, какъ получилъ твоего курьера отъ 15-го (27-го) числа. Предвидѣнное сбылось, крикъ жалобы—не выдумки. Но на это смотрѣть не должно, ибо мы имѣемъ право на сію мѣру. Ругательство англійскаго консула превосходитъ мѣру и воображеніе; я потребую его удаленія. Мѣра, тобой принятая, справедлива и докажетъ имъ, такіе ли мы варвары, какъ они силятся насъ представлять. Любопытенъ знать, не будетъ ли вздору какого при закладкѣ цитадели. Чѣмъ менѣе виновныхъ будетъ по суду, тѣмъ лучше; но примѣръ нуженъ; и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; ибо долго тянуть не годится.

Писалъ тебѣ подробно вчера, не имѣю ничего болѣе прибавить. Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Получено 4-го (16-го) іюня 1382 года г. Варшава.

Елагинъ Островъ.
29-го мая (10-го іюня) 1832 г.

Вчера утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 23-го (4-го) числа. Радуюсь душевно, что закладка цитадели счастливо исполнена; прошла благополучно, и что ты при семъ случаѣ былъ доволенъ успѣхами войскъ. Что касается до неприсутствія поляковъ при семъ торжествѣ, то, признаюсь, я понимаю, что было-бъ сіе имъ черезчуръ тяжело. Ихъ раздраженіе по причинѣ рекрутскаго набора кончится ничѣмъ, я увѣренъ; но увѣренъ я и въ томъ, что съ окончаніемъ онаго и съ удаленіемъ всего сего сброда вздорныхъ и намъ столь враждебныхъ людей, все совершенно успокоится и даже, можетъ быть, приметъ вовсе другой оборотъ. Что касается до сожалѣній нашихъ къ нимъ, оно совершенно неумѣстно и ты хорошо дѣлаешь, что не даешь сему воли. Ты весьма правильно говоришь, нужна справедливая строгость и непреодолимое постоянство въ мѣрахъ, принятыхъ для постепеннаго ихъ преобразованія. Не отступлю отъ отъ этого ни на шагъ.

Благодарности отъ нихъ я не ожидаю и признаюсь слишкомъ глубоко ихъ презираю, чтобъ оно мнѣ могло быть въ какую цѣну; я стремлюсь заслужить благодарность Россіи, потомства, вотъ моя постоянная мысль; съ помощію Божіею, не унываю и буду стараться, покуда силы будутъ; и сына готовлю на службу Россіи въ тѣхъ же мысляхъ и вижу, что онъ чувствуетъ какъ я. По совершенной неизвѣстности исхода дѣлъ въ Европѣ, я рѣшился остановить гренадеръ вдоль праваго берега Двины; равно и 4 резервный корпусъ по Днѣпру. Такъ будутъ они въ 6 недѣль наравнѣ съ хвостомъ твоей арміи, ежели-бъ нужно было двигаться. Здѣсь все тихо и хорошо; войска готовятся къ лагерю.

Вчера прибылъ Поццо изъ Парижа, я его 12 лѣтъ не видалъ и мы другъ друга могли поздравить стариками. Онъ крайне любопытенъ и увѣряетъ, что болѣе года не быть миру; что Филиппъ первый свалится, а за нимъ будетъ la terreur и война неизбѣжна!

Вотъ и всѣ мои новости. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней дружбѣ моей.

Тебѣ искренно доброжелат.

Н.

Александрія.
5-го (17-го) іюня 1832 г.

Получено 10-го (22-го) іюня 1832 года г. Варшава.

Вчера утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 30-го (12-го) числа. Слава Богу, что наборъ, несмотря на крикъ и нареканія, идетъ тихо и хорошо; надѣюсь на милость Божію, что такъ и кончится. Рапортъ к. Горчакова вообще довольно удовлетворителенъ; и всѣ твои въ слѣдъ онаго предписанія весьма хороши; я не сомнѣваюсь въ стараніи всѣхъ, но въ умѣніи, послѣ столь ужасной потери испытанныхъ старыхъ шт.-офицеровъ; потеря невозвратная.

Твое опасеніе за Германію совершенно и я раздѣляю; опасность вижу нынѣ я тутъ, а не во Франціи; дай Богъ, чтобъ мѣры, принимаемыя Австріею и Пруссіею, были успѣшны; но, по моему, поздно спохватились и врядъ ли помогутъ, или остановятъ зло. Во Франціи, какъ кажется, началась серьезная драка не въ одной Вандеи, но и въ пяти или шести ближайшихъ къ оной департаментахъ; и ежели-бъ герцогиня Берри не надѣлала своимъ сумасбродствомъ бѣду, трудно-бъ

было не ожидать важныхъ послѣдствій. Одно важно уже то, что междоусобная война началась; а такъ какъ мы вѣрно Францію не атакуемъ, что одно могло временно соединить враждующія партіи, то ясно кажется мнѣ, что не можетъ намъ Франція одна быть страшна. Но оборони Боже давать волю революціи торжествовать ненаказанно въ Германіи; тогда Франція усилится ею, и война будетъ и неизбѣжна, и ужасна!

Здѣсь у насъ по прежнему холодно, тихо и смирно; на дняхъ думаю дочерей отправить моремъ въ Доберонъ и намѣреваюсь проводить ихъ до высоты Ревеля; а оттуда возвратиться сухимъ путемъ. Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелат.

Н.

Получено 24-го іюня (6-го іюля) 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
19-го іюня (1-го іюля) 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 6-го (18-го) іюня получилъ я въ ту самую минуту, какъ отправлялся съ дочерьми на извѣстной тебѣ Ижорѣ; потому и не могъ тебѣ тогда же отвѣчать. Сегодня же по утру получилъ другое отъ 13-го (25-го). Содержаніе его мнѣ весьма пріятно тѣмъ, что доказываетъ, сколь хорошо тобой приняты были мѣры къ успѣшному и спокойному производству набора; надо признаться, что успѣхъ превосходитъ наши ожиданія. Мѣра же сія самая полезная и почти, полагаю, самая рѣшительная, для упроченія спокойствія сего края и большаго его слитія съ Россіею. Совершенно раздѣляю мысли твои на счетъ дѣлъ во Франціи; нѣтъ, мнѣ кажется, сомнѣнія, что ежели правительство устоитъ въ принятыхъ имъ строгихъ мѣрахъ, то нетолько что король

утвердится, но и революціонной пропагандѣ нанесенъ будетъ рѣшительный ударъ. Ибо ежели собственное ихъ же произведеніе вынуждено было картечью дѣйствовать по орудіямъ его воцаренія, то нѣтъ лучшаго доказательства, что революціи долженъ послѣдовать конецъ. Но противное выйдетъ, ежели правительство испугается и не устоитъ въ рѣшимости идти прямо лбомъ противъ революціи; истощивъ тогда всѣ способы къ обузданію оной, и не воспользовавшись единственной для того минутой, правительство само себя поразитъ, и тогда близокъ оному конецъ, и одинъ Богъ знаетъ оному окончаніе. Пріуготовленія, о коихъ ты мнѣ пишешь, не мѣшаетъ на всякій случай, обдумавъ, хранить въ тайнѣ. Но важнѣе всего неусыпное наблюденіе за приведеніемъ войскъ въ порядокъ, рапортъ к. Горчакова крайне не удовлетворителенъ; а я не могу довольно повторять, сколько мнѣ желательно, чтобъ г. дивиз. и корпусные командиры болѣе на сіе обращали вниманіе. По рапортамъ вижу, что больныхъ гораздо меньше, слава Богу! Работы по крѣпостямъ идутъ, кажется, хорошо. Изъ Ревеля отправилъ я къ тебѣ Фельдмана съ детальными чертежами для Александровской цитадели; кажется, хорошо; надѣюсь, что тебѣ понравится. Исторія Шмита престрамовская; добро бы его поймать! какой стыдъ ихъ правительству! Съ письмомъ симъ шлю Феньша; по твоему согласію я его отпускаю; надѣюсь, что онъ тебѣ докажетъ и невинность, и усердіе свое; я ему еще подтвердилъ о томъ, хотя, повторяю, никогда за нимъ противнаго не видалъ и не слыхалъ. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

О ходѣ суда ничего не знаю.

Получено 3-го (15-го) іюля 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
28-го іюня 1832 г.

Любезный Иванъ Федоровичъ, письмо твое отъ 20-го іюня получилъ я третьяго дня по утру, и благодарю за всѣ добрыя вѣсти. Слава Богу, что у тебя все тихо и спокойно идетъ; это вѣрно и бѣситъ нашихъ враговъ; въ особенности въ Англіи ругательства на меня превосходятъ воображеніе; подстрекаетъ на сіе к. Чарторижскій и младшій сынъ Замойскаго. Странно и почти смѣшно, что англійское правительство избрало къ намъ въ послы, на мѣсто лорда Гетидера, лорда Дургама, того самаго, который извѣстенъ своимъ ультралиберальствомъ, или попросту сказать якобинствомъ. Говорятъ, что будто онъ самому своему правительству, т. е. друзьямъ своимъ, сдѣлался безпокоенъ, и чтобы уволить его подъ благовиднымъ предлогомъ и польстить его гордость, шлютъ его къ намъ, въ надеждѣ, что онъ у насъ исправится. Я такъ благодаренъ за честь, и право ремесло берейтора мнѣ не въ мочь, и охотно его избавился-бъ, ежели-бъ могъ; впрочемъ, можетъ быть его удаленіе изъ центра интригъ менѣе будетъ опасно; у насъ же удостовѣрится, ибо уменъ, говорятъ, что онъ во многомъ совершенно ложное имѣетъ понятіе; и можетъ быть перемѣнитъ свой образъ мыслей. Доброе желаніе правительства быть съ нами въ ладахъ доказывается и тѣмъ, что они смѣнили тотчасъ консуловъ своихъ въ Мемелѣ и въ Варшавѣ; какъ намъ противныхъ. Вполнѣ раздѣляю твой образъ мыслей касательно хода дѣлъ во Франціи. Можетъ ли быть что глупѣе и подлѣе, какъ роль короля, который, рѣшившись разъ (картечью?) подчивать тѣхъ, коимъ обязанъ своимъ воцареніемъ, и стало, казалось, что съ ними разошелся, объявилъ Парижъ въ осадномъ положеніи, и все это къ ничему! стало, нигдѣ не правъ, и самъ себя въ грязь положилъ, изъ которой, по правдѣ, лучше-бъ ему было никогда не вылѣзать. Проектъ

Гродно разсматриваю; равно и проектъ укрѣпленія границъ. Здѣсь у насъ все тихо, но холодно и до сегодня такая грязь, что я войска долженъ былъ разрѣшить вывесть изъ лагеря; сущая бѣда; говорятъ, что и вездѣ такъ. Записку о ходѣ верховнаго суда читалъ и понимаю, что скоро идти не можетъ, сколь сіе ни желательно.

Судить военнымъ судомъ скрывателей оружія не только можно, но и должно. Письмо польскаго офицера весьма любопытно; хорошъ народъ!

Радуюсь, что Горчаковъ находитъ успѣхъ. Хорошо бы Гиленшмиту тоже осматривать артиллерію; въ плохомъ еще видѣ. Учебныя команды для 2-го и 3-го корпусовъ на дняхъ идутъ.

Жена тебѣ кланяется, княгинѣ цѣлую ручки. Тебя же отъ всего сердца обнимаю. Вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 10-го (22-го) іюля 1832 г. г. Варшава.

Лагерь при Красномъ Селѣ.
5-го (17-го) іюля 1832 г.

Благодарю тебя душевно, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 27-го числа и за поздравленіе со днемъ моего рожденія. Дай Богъ, чтобъ мнѣ удалось упрочить благосостояніе Россіи; тогда я умру спокоенъ. Радуюсь, что у тебя все тихо и спокойно, не смотря на всѣ предсказанія нашихъ друзей. Вчера я видѣлъ нашихъ раненыхъ и нашелъ ихъ въ добромъ духѣ; но раны есть ужасныя! Слухи о Венгріи надѣюсь, что не справедливы; чуть ли это не желанія ли одни господъ поляковъ и надежды ихъ; впрочемъ, зародышъ всему дурному въ нихъ есть, этому я вѣрю; но быть не можетъ,

чтобъ было въ войскахъ, тѣмъ болѣе, что по системѣ австрійской, никогда войска венгерскія не стоятъ вмѣстѣ; они же лучшая у нихъ всегда пѣхота. Сегодня прибылъ Дургамъ, я его видѣлъ въ Кронштадтѣ и, не смотря на его непріятную рожу, долженъ признаться, что слышалъ отъ него болѣе хорошаго, чѣмъ ожидалъ, и ни слова о Польшѣ; увидимъ, что дальше будетъ. У насъ покуда такой холодъ, какъ будто въ сентябрѣ, и болѣе двухъ дней теплыхъ не было. Завтра ученье въ цѣль артиллеріи, будетъ 120 орудій. Хорошо-бъ и у васъ симъ заняться. Радуюсь, что ты войсками нынѣ довольнѣе; надѣюсь, что все къ лучшему пойдетъ. Грабовскій мнѣ пишетъ, что ты его милостиво принялъ, и что вообще тебя всѣ любятъ и уважаютъ; и что дѣла идутъ весьма удовлетворительно. Жалѣетъ только, что судъ надъ злодѣями наряженъ не военный; ибо симъ дѣло долго тянется. Жена моя тебѣ кланяется, я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 18-го (30-го) іюля 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
12-го (24-го) іюля 1832 г.

Я получилъ письмо твое отъ 5-го (17-го) третьяго дня по утру и радуюсь, любезный Иванъ Федоровичъ, что все идетъ тихо и хорошо. Отчетъ по финансовой части крайне удовлетворителенъ и любопытенъ, дѣлаетъ честь Фурману и всему устройству сей части въ Польшѣ и доказываетъ, что край сей не совершенно истощенъ, какъ полагали. Отчетъ к. Горчакова также весьма удовлетворителенъ и обѣщаетъ хорошихъ послѣдствій. Вчера я смотрѣлъ образцоваго полка команды, идущія

во 2-й и 3-й корпуса; могу сказать, точно отличныя; надо строго только наблюдать, чтобы не отходили ни въ малѣйшей вещи отъ сихъ образцовъ. Дургамъ прибылъ; я его сперва принялъ инкогнито, бывъ въ Кронштадтѣ; онъ былъ très embarassé; но я его скоро ободрилъ и долженъ признаться къ своему удивленію, что былъ имъ весьма доволенъ. Онъ никакого не имѣетъ порученія, какъ только увѣрить насъ въ искренномъ ихъ желаніи быть съ нами въ тѣснѣйшей дружбѣ. Ни слова мнѣ про Польшу; но въ разговорахъ изъяснилъ онъ съ другими, что въ обиду себѣ считаетъ, что полагали, чтобъ онъ согласиться могъ на какое-либо порученіе подобнаго рода; что дѣло это наше собственное, какъ ирландское опять ихъ; словомъ говоритъ какъ нельзя лучше. Я былъ у нихъ на кораблѣ, который велѣно было мнѣ показать, и меня приняли какъ своего, все показывая. Признаюсь, я ничего хорошаго тутъ не видѣлъ; и они сами съ удивленіемъ смотрятъ и говорятъ про наши корабли. Важно то еще, что въ парламентѣ было предложеніе министровъ, чтобъ платить причитающуюся долю долга нашего въ Англію; споръ былъ упорный; дошло до того, что министры объявили, что они, въ случаѣ отказа, оставятъ министерство; и наконецъ 46 голосами перевѣсъ остался на ихъ сторонѣ въ пользу нашу. Дѣло весьма важное, и доказывающее, сколь они силятся съ нами ладить. Франція въ такомъ положеніи, что ежечасно должно ждать перемѣны въ правительствѣ; но что изъ сего выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Мы будемъ спокойно ждать, ни во что не вмѣшиваясь. Калишскіе кадеты прибыли и премилые ребята. Княгинѣ цѣлую ручки. Жена моя тебѣ кланяется; а я сердечно обнимаю; твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 25-го іюля (6-го августа) 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
19-го (31-го) іюля 1832 г.

Въ воскресенье по утру получилъ я письмо твое отъ 11-го (23-го), любезный Иванъ Федоровичъ. Слава Богу, что все продолжаетъ быть тихо и спокойно; послѣ сей жестокой пробы краю, нельзя полагать, чтобъ другое что могло въ немъ поколебать спокойствіе. Развѣ во время суда что случится; но потому-то я радуюсь, что скоро начнется; хорошо бы и скоро совершенно кончить всѣ мѣры наказаній необходимыхъ. Здѣсь все тихо и спокойно. На прошлой недѣлѣ дѣлалъ ученія обоимъ пѣхотнымъ дивизіямъ гвардіи и былъ весьма доволенъ; также и всей кавалеріи; въ субботу же было большое ученіе или маневръ всему корпусу; я могу рѣшительно сказать, что лучшаго не видалъ. Иностранцы глядятъ и не вѣрятъ глазамъ; а я счастливъ, видя войско въ такомъ блестящемъ положеніи и съ такимъ усердіемъ и готовностію. Чрезъ два дня начнутся маневры на два корпуса и начнутся на маршѣ разстоянія одинъ отъ другого.. Я весьма одобряю намѣреніе твое объѣхать армію; оно будетъ полезно для войскъ и для самаго края; любопытенъ знать, что ты найдешь—въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Дургамъ тихъ и весьма учтивъ. Вотъ и всѣ мои новости. Цѣлую ручки княгинѣ; жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброжелательный.

Н.

Получено 3-го (15-го) августа 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
28-го іюля (10-го августа) 1832 г.

Я получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, въ воскресенье вечеромъ среди всѣхъ попыховъ маневровъ. Что

посольство Дургама вскружило всѣ головы въ Варшавѣ, сему я вѣрю весьма; но тѣмъ пуще обманутся въ своихъ ожиданіяхъ, ибо онъ даже рта не разѣвалъ. Вообще я имъ весьма доволенъ; мы разныхъ правилъ, но ищемъ одного, хотя разными путями. Въ главномъ же мы совершенно одного мнѣнія: сохраненіе согласія между нами; опасеніе и недовѣренность къ Франціи, и избѣжаніе елико возможно войны. Онъ мнѣ признался уже, что совершенно съ фальшивыми мыслями объ Россіи къ намъ прибылъ; удивляется видѣть у насъ истинную и просвѣщенную свободу; любовь къ отечеству и къ Государю; словомъ, нашелъ все противное своему ожиданію. Поѣдетъ въ Москву, чтобъ видѣть сердце наше; весьма ему здорово.

Будетъ ли отъ австрійцевъ и пруссаковъ рѣшительное поддержаніе условленныхъ мѣръ, не знаю; надѣюсь, но не увѣренъ; а считаю, что симъ все можетъ быть выиграно или навсегда потеряно. Про результатъ посылки К. Вреде еще ничего не знаю, но ежели такъ, то раздѣляю твое опасеніе. Покушеніе польскихъ рекрутъ не важно, но непріятно; надо однако будетъ надъ нѣсколькими сдѣлать примѣръ, взыскавъ и съ нашихъ за слабое смотрѣніе. Происшествіе съ полк. Шлипенбахомъ въ моихъ глазахъ гораздо важнѣе, ибо примѣръ несубординаціи въ вышнемъ офицерѣ и предъ фронтомъ, въ присутствіи корпуснаго командира. Я бы отдалъ его подъ судъ, ежели-бъ не зналъ за хорошаго офицера, пусть посидитъ покуда въ крѣпости.

Рибопьеръ прислалъ мнѣ копію съ сообщеннаго ему показанія прусскимъ правительствомъ объ открытомъ заговорѣ, и говоритъ мнѣ, что тебѣ о томъ донесъ; что это такое?

Маневры у насъ кончились благополучно; я былъ весьма доволенъ всѣми войсками; но пѣхотой и артиллеріей особенно; мы дѣлали до 40 верстъ почти безъ приваловъ; и не было усталыхъ. Все прошло весело и съ хорошей погодой; а се-

годня буря жестокая. Въ Кронштадтѣ собранъ флотъ на рейдѣ 17 кораблей, 12 фрегатовъ, а всѣхъ 49 вымпеловъ; картина прекрасная. Жена тебѣ кланяется. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Сообрази, пожалуй, нельзя ли въ видѣ милости распространить на поляковъ нашу дворянскую грамоту, дабы классъ сей возстановить? Хорошо бы.

Получено 7-го (19-го) августа 1832 г. г. Варшава.

Александрія.
2-го (14-го) августа 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 26-го іюля (7-го августа) получилъ я вчера утромъ, за которое душевно благодарю. Слава Богу, что дѣло набора благополучно идетъ къ концу, попытка къ бунту ничего не значитъ, и дала кромѣ того случай узнать духъ старыхъ солдатъ. Судя по чертежамъ, успѣхъ работъ по цитадели и Модлину весьма хорошъ, что мнѣ сказывалъ и Фельдманъ. Въ сей послѣдней хорошо бы подумать и о тетъ-де-понѣ Козунскомъ. По политикѣ новаго ничего нѣтъ; кажется дѣло Бельгіи приходитъ къ концу. Про Дона Педро по 24-е число извѣстно, что онъ все былъ въ Опорто; и всѣ приверженцы и доброжелатели ему въ Англіи почитали дѣло его потеряннымъ. Туда ему и дорога. Здѣсь мы съ Дургамомъ ладимъ очень хорошо; и про польскія дѣла онъ рѣшительно объявилъ, что не только не вмѣшивается, но что по возвращеніи въ Лондонъ будетъ доказывать всю нелѣпость и мерзость слуховъ, на насъ клеветой распускаемыхъ. Каковъ? Читалъ записку твою о Муштехедѣ *);

*) Персидскій глава духовенства.

не могу понять, отчего могло произойти недоразумѣніе; ибо просьба его, по смыслу даннаго повелѣнія излишня, ибо сіе само собой разумѣлось; касательно же примѣненій надо будетъ сдѣлать изслѣдованіе. Но не хорошо онъ сдѣлалъ, что обманомъ уѣхалъ.

Братъ жены уѣхалъ третьяго дня; онъ убѣжденъ въ необходимости поддержать силою правила, объявленныя франкфуртскимъ сеймомъ; и мнѣ не нужно было просить его убѣдить у себя въ сей необходимости; но повторяю, какъ то и прежде говорилъ, я не увѣренъ, чтобъ достало у нихъ сей рѣшимости. Я посылаю затѣмъ въ Берлинъ и Вѣну г. Поццо-ди-Борго, который имъ рѣшительно объявитъ, что, ежели они завѣдомо хотятъ себѣ бѣды, вопреки здравому разсудку, то что я ихъ брошу на произволъ судьбы.

Пора бы намъ кончить съ судомъ. Ты мнѣ не писалъ, видѣлъ ли по возвращеніи отсюда Немоевскаго? Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 11-го (23-го) августа 1832 г. г. Варшава.

Царское Село.
11-го августа 1832 г.

Послѣднее письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, получилъ я въ поселеніяхъ, куда ѣздилъ для осмотра резерв. бат. гренадерскаго и 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ; гренадерскими и бат. 1-го и частію второго корпуса былъ я весьма доволенъ, но нашелъ бат. 3-го корпуса въ слабомъ еще состояніи; вездѣ люди прекрасные, и черезъ мѣсяца два или три будутъ красой полковъ, куда поступить должны. Ты весьма хорошо

сдѣлалъ, что смѣнилъ Рембелинскаго, ибо подобная проба должна была не оставаться безъ наказанія; хотя я болѣе въ томъ вижу глупость, чѣмъ дурное намѣреніе, но и одинъ видъ онаго не долженъ быть терпимъ. Здѣсь у насъ все тихо; но, къ несчастію, холера вновь появилась въ Петербургѣ, хотя еще въ слабой степени. Кажется, она пришла съ моря, ибо началась въ Кронштадтѣ.

На сей разъ болѣе ничего не имѣю сказать. Жена тебѣ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ.

Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 21-го августа (2-го сентября) 1832 г. г. Варшава.

Царское Село.
16-го (28-го) августа 1832 г.

Въ воскресенье вечеромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое сердечно благодарю. Рапортъ кн. Горчакова меня крайне порадовалъ и я одному твоему неусыпному попеченію и настойчивости приписываю, что войска въ столь короткое время могли оказать столь большой успѣхъ; но въ особенности утѣшаетъ меня описываемый въ нихъ истинно русскій духъ; дай Боже его всегда сохранить въ цѣлости.

Сердце господъ польскихъ либераловъ не должно насъ ни мало безпокоить; пусть они мечтаютъ, что хотятъ, всѣ ихъ бредни кончатся къ ихъ стыду. Весьма радуюсь, что судъ открыть можно было. Совершенно раздѣляю мнѣніе твое на счетъ времени возвращенія плѣнныхъ и дарованія дворянской грамоты. Симъ послѣднимъ дѣломъ нынѣ же займусь пріуготовительно. Ежели будутъ достовѣрныя доказательства новаго

дамскаго общества, то кажется мнѣ, надо будетъ, призвавъ, объявить имъ, что сіе имъ запрещается, и отобрать у нихъ подписки въ томъ, что впредь собираться не будутъ; ежели же сего не исполнятъ, то судить. Любопытенъ знать, доволенъ ли самъ будешь при осмотрѣ войскъ. Изъ плановъ съ удовольствіемъ вижу, что крѣпостныя работы успѣшно подвигаются; жду плана мѣста избраннаго вмѣсто Рахова; нужно и объ ономъ во-время подумать. Здѣсь все тихо и хорошо, но холера вновь показалась въ Кронштадтѣ и Петербургѣ, хотя въ довольно слабой степени. Когда-то Богу угодно будетъ насъ отъ оной избавить? Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 28-го августа 1832 г. г. Варшава.

Царское Село.
23-го августа (8-го сентября) 1832 г.

Я только въ воскресенье вечеромъ получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 16-го (28-го) числа. Слава Богу, что все тихо кончается съ наборомъ; но извѣстіе о заговорѣ и намѣреніи напасть на замокъ и съ злыми умыслами противъ твоей жизни слишкомъ важно, чтобъ онымъ пренебрегать, хотя я не вѣрю возможности для нихъ предпринять что-либо, при строгой существующей осторожности; но никто ручаться не можетъ, чтобъ какой нибудь злодѣй не покусился на твою жизнь; и потому молю тебя усугубить осторожности для себя.

Подлыя увертки Потоцкаго избѣгнуть участія въ судѣ доказываютъ его малодушіе; Туркулъ мнѣ говорилъ про какую

то актрису, которая будто имъ ворочаетъ; какъ бы ни было, но стыдно. Но отставлять его отъ службы мнѣ бы еще не хотѣлось; но можно послать г. Витта и корпуснаго доктора его освидѣтельствовать и донести, въ какомъ онъ дѣйствительно состоянiи здоровья.

Съ особымъ удовольствiемъ читалъ я подробный рапортъ кн. Горчакова; видно, что онъ правильно исполнилъ осмотръ и ничѣмъ не пренебрегалъ.

Дургамъ ѣдетъ на нашемъ пароходѣ и, какъ кажется, весьма доволенъ. Я его пригласилъ на прощанiе въ самый Варшавскiй день! пусть помнитъ. Здѣсь все тихо и хорошо. Холера продолжается и заболѣваетъ не болѣе какъ до 20 человѣкъ въ сутки; умираетъ же третья часть. Будущiй вторникъ съ помощiю Божiею будемъ подымать колонну; работать будутъ одни солдаты, участвовавшiе въ безсмертныхъ походахъ 1812, 13 и 14 годовъ. Въ среду вечеромъ пущусь въ путь, въ Смоленскъ, и полагаю на Могилевъ, Бобруйскъ и Черниговъ быть въ Кiевѣ 8-го или 9-го числа и пробыть двое сутокъ; потомъ поѣду на Полтаву въ Харьковъ и оттуда въ Чугуевъ для осмотра войскъ и назадъ на Курскъ, Орелъ, Тулу и Москву. Постараюсь быть дома 1-го октября. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 1-го сентября 1832 г. г. Варшава.

Царское Село.
26-го августа 1832 г.

Не могу пропустить сегодняшняго дня, не изъяснивъ тебѣ, любезный Иванъ Федоровичъ, то чувство благодарности, которое воспоминанiе за годъ передъ симъ одержанной побѣды

во мнѣ возобновляетъ. Мы праздновали сей день молебнами во всѣхъ полкахъ; и усердно за тебя молились. Къ обѣду пригласилъ я офицеровъ гусарскаго полка; и нарочно сегодня же принялъ на прощальную аудіенцію Дургама. Любопытенъ знать, какъ вы сей день отпраздновали.

С.-Петербургъ.
31-го августа (11-го сентября) 1832 г.

Любезный Иванъ Федоровичъ, я получилъ письмо твое, на которое совершенно не имѣю времени отвѣчать, ибо черезъ часъ отъѣзжаю. Слава Богу, что у васъ все въ тишинѣ и порядкѣ; буде что случится понужнѣе, пиши мнѣ въ Кіевъ или Харьковъ или Москву. Прощай, кланяйся княгинѣ и вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 8-го октября 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
1-го октября 1832 г.

Мнѣ приходится благодарить тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за три твоихъ письма, изъ которыхъ первое получилъ я въ Смоленскѣ, второе въ Москвѣ, а послѣднее третьяго дня здѣсь. Исполнивъ поѣздку мою, простиравшуюся въ одну сторону до Кіева, въ другую до Воронежа, возвратясь на Москву въ 23½ дня, мнѣ точно не было никакой возможности ранѣе тебѣ отвѣчать. Твое удовольствіе состояніемъ войскъ меня особенно обрадовало и доказываетъ, что неусыпные труды твои и твое усердіе умѣлъ перелить въ душу подчиненныхъ.

Спасибо тебѣ и имъ за таковой отличный успѣхъ. Я также почти вездѣ совершенно доволенъ былъ состояніемъ войскъ,

мной осмотрѣнныхъ, въ особенности кавалеріи, которая въ блестящемъ видѣ.

Пріемъ, тебѣ сдѣланный въ Люблинѣ, и замѣченный тобою духъ въ тамошнихъ сословіяхъ крайне меня удивилъ и порадовалъ; ежели сему искренно вѣрить, такъ надо благодарить Бога, что наконецъ открылъ имъ глаза и убѣдилъ ихъ въ истинной ихъ пользѣ. Слава Богу.

Посылаю тебѣ оригиналомъ записку, мною полученную изъ Дрездена, отъ нашего посланника, самаго почтеннаго, надежнаго и въ особенности осторожнаго человѣка; ты увидишь, что мое мнѣніе на счетъ Собанской подтверждается.

Долго ли графъ Виттъ дастъ себя дурачить этой бабой, которая ищетъ однихъ своихъ польскихъ выгодъ подъ личной преданностью, и столь же вѣрна г. Витту, какъ любовница, какъ Россіи, бывъ ей подданная. Весьма хорошо-бъ было открыть глаза графу Витту на ея счетъ, а ей велѣть возвратиться въ свое помѣстіе на Подолію.

Жду ежеминутно разрѣшенія жены моей, моли за насъ Бога, чтобъ даровалъ намъ и сей разъ счастливо пройти сію критическую минуту.

Здѣсь все тихо и хорошо. Не знаемъ, чѣмъ разрѣшится Голландская гроза и будутъ ли англичане довольно глупы и дерзки, чтобъ вести французовъ въ Бельгію, а гарнизоны ихъ въ крѣпости, строенныя на англійскія деньги противъ Франціи. Принцъ Оранскій мнѣ пишетъ, что они съ 100,000 войска готовы защищаться до послѣдней капли крови, и я сему ни мало не сомнѣваюсь. Странное и непостижимое стеченіе обстоятельствъ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой искренно доброжелательн.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 15-го (27-го) октября 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
10-го (22-го) октября 1832 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, изъ Неборова. Сердечно радуюсь объ найденномъ тобой при осмотрѣ войскъ; столь удовлетворительное ихъ состояніе вполнѣ служитъ доказательствомъ всеобщему рвенію и желанію исполнить мое ожиданіе. Я буду ожидать твоего представленія, дабы объявить кому слѣдуетъ мое удовольствіе. Жалѣю, что Плоцкое воеводство не заслужило похвалы на подобіе Люблинскаго; хорошо бы чѣмъ нибудь поощрить тѣхъ за доброе начало. Съ удовольствіемъ позволяю г. Витту быть сюда, ежели точно отсутствіе его не остановитъ суда, который крайне мнѣ желательно поспѣшнѣе кончить. Сюда прибылъ Панкратьевъ; я его видѣлъ уже въ Москвѣ. Онъ не желаетъ ѣхать обратно въ Грузію; и я полагаю съ пользою употребить его въ твоей командѣ, назначивъ настоящимъ военнымъ губернаторомъ въ Варшаву, съ правомъ присутствовать въ правительственномъ совѣтѣ, гдѣ усилить русскую сторону будетъ полезно. Сіе тѣмъ нужнѣе, что графу Витту послѣ суда надо будетъ возвратиться къ постоянной своей весьма важной должности. Панкратьевъ тебѣ извѣстенъ какъ вѣрный человѣкъ, и котораго хладнокровіе будетъ полезно на этомъ мѣстѣ. Напиши мнѣ, что про это думаешь? Здѣсь у насъ все тихо и спокойно и хорошо. Я въ ежеминутномъ ожиданіи родовъ жены; да благословитъ и сохранитъ ее Богъ милосердый. Про политику новаго ничего не знаю, кромѣ, что французамъ больно хочется напасть на Голландію; англичане того хотѣли; но боятся французовъ поселить въ своихъ крѣпостяхъ въ Бельгіи; словомъ, презабавный вздоръ, и ежели-бъ король голландскій былъ поумнѣе, то могъ бы онъ славно перессорить. У турокъ идетъ крайне плохо и я симъ весьма

озабоченъ и вовсе ту сторону изъ виду не упускаю; это намъ поважнѣе. Министръ финансовъ тебѣ писалъ о желаніи моемъ впустить въ Польшѣ въ обращеніе новую монету съ русской и польской надписью, цѣной въ 1 злотъ, а на наши деньги въ 15 копѣекъ серебромъ; это было-бъ полезно, дабы болѣе иной монеты не быть въ королевствѣ. Вели по сему сдѣлать соображеніе и представь мнѣ. Жена моя тебѣ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ.

Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 3-го ноября 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
16-го (28-го) октября 1832 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 18-го (30-го) числа, которое три дня, что я получилъ. Мнѣ крайне жаль, что ты полагаешь, что судъ продлиться еще долженъ шесть мѣсяцевъ, и понять не могу, отчего? Тѣмъ это непріятнѣе, что поддерживаетъ еще болѣе духъ недовѣрчивости и ненависти къ намъ, потому крайне мнѣ желательно ускорить симъ дѣломъ; не оставь, любезный Иванъ Федоровичъ, симъ особенно заняться.

Я весьма радъ, что ты принялъ мое предложеніе о назначеніи Панкратьева; что я по желанію твоему и сдѣлалъ, не назначая покуда военнымъ губернаторомъ; я постараюсь его отправить поскорѣе. Про политику я ничего новаго не могу тебѣ сказать, по послѣднимъ извѣстіямъ кажется, что король голландскій уступаетъ и дѣлаетъ денежныя условія. Про турокъ новаго ничего не знаю, но изъ-за Кавказа пишутъ, что успѣхи Али-паши произвели ужасныя волненія въ умахъ

въ турецкихъ областяхъ. На дняхъ посылаю г.-л. Муравьева къ султану съ тѣмъ, чтобъ увѣдомить его, что я не измѣняю своего расположенія къ нему и въ постигающемъ его несчастіи; и что въ глазахъ моихъ Али-паша такой же бунтовщикъ и среди своихъ успѣховъ, каковымъ я его считалъ при началѣ его замысловъ; оттуда Муравьевъ долженъ ѣхать къ пашѣ и объявить ему то же самое; а ежели султанъ хочетъ къ нему придать своего сановника для предложенія условій, то разрѣшено ему его взять съ собой; но ни въ какомъ случаѣ не дѣйствовать самому, какъ полномочный султана. У насъ, благодаря Бога, идетъ все хорошо; жена моя благодаритъ княгиню за письмо, на которое при первой возможности будетъ отвѣчать.

Происшествіе въ Краковѣ сколь ни маловажно, но доказываетъ, что за духъ тамъ царствуетъ; ежели-бъ отъ меня одного зависѣло, то давно бы я велѣлъ своимъ войскамъ занять городъ; но не одинъ я въ семъ дѣлѣ судья. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 28-го октября (7-го ноября) 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
21-го октября (2-го ноября) 1832 г.

Съ новымъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 12-го (24-го). Отличное состояніе войскъ и постепенный успѣхъ, тобой въ нихъ замѣчаемый, меня крайне радуютъ. Послѣднія твои предписанія на счетъ зимнихъ занятій и способъ, тобой избранный для усовершенствованія всѣхъ начальниковъ въ большихъ дѣйствіяхъ, совершенно согласны съ моими желаніями; а твои слова, что всѣ

служатъ вѣрой и правдой, служатъ мнѣ залогомъ, что все замѣченное къ веснѣ усовершенствуется до желаемой степени. Мнѣ весьма пріятно, что были присланы свидѣтели изъ прусской арміи, ибо то, что видѣли они, послужитъ невѣрящимъ доказательствомъ, что армія наша, вопреки ихъ увѣреніямъ, существуетъ и существуетъ на помощь нашимъ друзьямъ и на погибель врагамъ; ты весьма хорошо сдѣлалъ, что имъ все показалъ. На счетъ дѣлъ европейскихъ по сей день долженъ тоже повторять, что не знаю, что будетъ, но вѣрить не могу, чтобъ англичане осмѣлились начать войну противъ Голландіи и въ особенности въ эту пору; и еще менѣе, чтобъ позволить могли французамъ итти занять Бельгію. Твое желаніе въ письмѣ исполнилось, ибо получилъ оное, послѣ счастливаго разрѣшенія жены. Слава Богу, онъ услышалъ молитвы мои и поддержалъ въ одиннадцатый разъ силы доброй почтенной моей жены. Дай Богъ, чтобъ новорожденный мой Архистратигъ былъ вѣрнымъ слугой своему отечеству; буду на то его готовить, какъ готовлю братьевъ. Жена моя тебѣ кланяется и благодаритъ за добрыя желанія. Цѣлую ручки княгинѣ.

Забылъ было сказать тебѣ про Малетскаго. Про обстоятельство, о которомъ въ бумагѣ своей упоминаешь, что будто онъ отклонялъ отъ постройки Модлина, я никогда не слыхалъ и желаю знать, кто тебѣ сіе сказывалъ. Но ты самъ видѣлъ работы его въ Замосцѣ; онъ прекрасный строитель, коего таланты терять жаль, у насъ же точно мало надежныхъ строителей; послѣ Опермана изворачиваемся кое-какъ, и я полагалъ, что, оставя его подъ отчетностію инженеръ-департамента, можно было употребить въ Брестѣ, поручивъ тебѣ, наравнѣ съ Модлинымъ, главное завѣдываніе построенія крѣпости.

Прощай, вѣрь искренной дружбѣ, любезный Иванъ Федоровичъ, тебя искренно любящій и доброжелат.

Н.

Получено 10-го ноября 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) ноября 1832 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 26-го октября. Ты хорошо сдѣлалъ, что воспользовался совокупнымъ полученіемъ амнистіи съ извѣстіемъ о рожденіи М. Н., дабы обнародовать то и другое вмѣстѣ.

На благодарность поляковъ нечего намъ считать; это вѣками они только могутъ намъ доказать. Наши же всѣ мѣры должны единственно клониться къ большему ихъ слитію съ нами, всѣмъ, что можно. По сей причинѣ трудно мнѣ согласиться на новый отдѣльный заемъ вродѣ перваго, ибо нынѣ должно избѣгать всего, что можетъ даже видъ подать отдѣльной ихъ самостоятельности, что неминуемо послѣдуетъ, и чего они и добиваются предлагаемымъ займомъ. Нужны деньги, то могутъ у насъ занять. Притомъ, не видавъ всего бюджета, мнѣ никакъ нельзя ничего рѣшить. Поляки, на службу идущіе, прибываютъ сюда и ведутъ себя очень хорошо; но одѣты въ своемъ старомъ платьѣ, и вмѣсто того, чтобъ быть снабженными какъ велѣно, ничего не имѣютъ и идутъ почти босые— непростительная оплошность или плутня частныхъ начальниковъ, которымъ пріемъ, обмундированіе и препровожденіе до границы поручено было. За это прошу наистрожайше взыскать съ виновныхъ.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ, все тихо; рѣка стала, но зимы еще не видимъ. У меня дома все благополучно; во вторникъ назначены крестины. Цѣлую ручки княгинѣ; прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Прилагаю новый 15 копѣечникъ или злотъ.

Получено 21-го ноября 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
14-го (26-го) ноября 1832 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 1-го числа сего мѣсяца въ моихъ рукахъ уже денъ съ пять, но ранѣе не могъ отвѣчать. Радуюсь, что все у тебя тихо, но такъ какъ я благодарности поляковъ не вѣрилъ, то и не удивило меня то, что пишешь про происходившее у выпущенныхъ. Малецкаго рѣшился я лучше употребить здѣсь; можетъ быть въ Кронштадтѣ, ибо сіе будетъ вѣрнѣе; надо ему будетъ объявить, что онъ допускается на службу въ нашемъ инженерномъ корпусѣ, и велѣть ему ѣхать сюда. Ежели закобенится, то Богъ съ нимъ.

Здѣсь все тихо и хорошо. Третьяго дня получили мы пріятное извѣстіе объ окончательномъ разбитіи Кази-Муллы, въ самомъ Гильжи, гдѣ онъ самъ убитъ штыками, дѣло славное. Теперь велѣно Розену приняться за правый флангъ, гдѣ у насъ крѣпко шалятъ.

Сегодня пришла вѣсть о поимкѣ герцогини Бери; шлю приказаніе Поццо объявить королю, что, ежели онъ не вышлетъ ее просто за границу, но допуститъ до суда или чего подобнаго, то что Поццо велѣно въ тотъ же день со всей миссіей выѣхать изъ Франціи. Посмотримъ, что изъ сего будетъ; страшно и гадко! У турокъ идетъ плохо, и на дняхъ ожидать надо развязки, ибо визирь пошелъ на встрѣчу Ибрагиму въ Конію.

Цѣлую ручки княгинѣ; жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 2-го (14-го) декабря 1832 г. г. Калишъ.

С.-Петербургъ.
24-го ноября (6-го декабря) 1832 г.

Отвѣчаю на два твоихъ письма, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 10-го и 18-го чиселъ сего мѣсяца. Ожидавъ ежеминутно пріѣзда графа Витта, я откладывалъ писать до свиданія съ нимъ, думая, что онъ изустно многое отъ тебя привезетъ. Сегодня только узнали мы черезъ письмо его, что онъ въ дорогѣ заболѣлъ. Жалѣю весьма, что ты себя столь мало поберегъ, что схватилъ лихорадку. Слава Богу, что такъ прошло, но молю тебя, будь остороженъ и не пренебрегай своимъ здоровьемъ. Успѣхи по Модлину невѣроятные и дѣлаютъ честь строителямъ. Признаюсь, устройство сей крѣпости и Варшавской цитадели считаю я величайшей важности.

Записку Фурмана разбираю и отвѣчать буду при будущемъ случаѣ; но все трудно мнѣ понять, не имѣя всего бюджета подъ глазами, который мнѣ желательно скорѣе получить.

Вчера былъ я въ Кронштадтѣ и видѣлъ 1,500 поляковъ уже во фронтѣ; ими всѣ не нахвалятся, не только нѣтъ бѣглыхъ, но даже не было съ приходу и одного пьянаго. То же получилъ я донесеніе изъ Кавказа, такъ что надѣюсь, что скоро и забудутъ, что они не всегда здѣсь служили. Вліяніе на умы, произведенное вступленіемъ французовъ въ Бельгію, весьма естественно; но дѣло еще не похоже на всеобщую войну. Противная войнѣ партія въ Англіи безпрестанно усиливается, и я полагаю, что скоро кончится перемѣною въ министерствѣ. Всего забавнѣе то, что Дургамъ за насъ поссорился со всѣми товарищами и не ѣздитъ болѣе въ совѣтъ! О люди! люди!

Предположенія твои на счетъ формированія артиллеріи совершенно согласны съ тѣмъ, что я предполагалъ сдѣлать. Формированіе же подвижныхъ магазейновъ на семъ основаніи

сколь ни выгодно, но требуетъ по затрудненію большого соображенія, чѣмъ мы нынѣ же займемся.

Здѣсь все тихо и хорошо, зима у насъ стоитъ ровная, но снѣгъ выпалъ только сегодня и сегодня же въ первый разъ можно было ѣхать на саняхъ. Все вниманіе обращено нынѣ на происшествія въ Голландіи. Въ Испаніи, кажется, всѣ съ ума сошли, и надо и тамъ ждать суматохи. Изъ Турціи новаго ничего не имѣю, но жду ежечасно; покуда велѣлъ готовиться флоту.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 16-го (28-го) декабря 1832 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
11-го (23-го) декабря 1832 г.

Нехотя промѣшкалъ отвѣчать тебѣ скорѣе, любезный Иванъ Федоровичъ, на письмо твое отъ 28-го ноября. Близкій конецъ года прибавилъ мнѣ занятія и я насилу отдѣлался.

Радуюсь, что у тебя все тихо, но по обыкновенію не много полагаюсь на тишину сію. Покуда французы будутъ въ Бельгіи и въ тѣсномъ союзѣ съ Англіею, мечты ихъ не перестанутъ; одна физическая невозможность... *) можетъ ихъ удержать въ тишинѣ. Но надо полагать, что не долго еще существовать англинскому министерству, ибо всѣ партіи согласны въ томъ, что оно не годится.

Получилъ я бюджетъ и разсматривалъ, — и убѣдился въ необходимости уменьшить всѣ административныя части до пропорціи болѣе согласной съ величиной царства въ нынѣшнемъ

*) Не удалось разобрать одно слово, переправленное чернилами.

его положеніи и въ особенности съ настоящею потребностію. Я непремѣнно желаю, чтобъ нынѣ же каждая коммисія представила проектъ уменьшенія своихъ штатовъ до крайней возможности, и не позже какъ къ 1-му (13-му) февраля. Полагаю, что можно бы было и въ иныхъ палатинатахъ сдѣлать убавленіе, соединеніемъ двухъ въ одинъ, напр., Августовскаго съ Плоцкимъ, Калишскаго съ Мазовецкимъ, Краковскаго съ Сандомирскимъ и Люблинскаго съ Подлясскимъ; вели сіе обдумать и представить.

Наконецъ кончены въ Берлинѣ совѣщанія о военныхъ мѣрахъ германскаго союза, и довольно порядочно, но о насъ тутъ и слова не было, мы будемъ готовы, ежели Германія того заслуживать будетъ.

Забылъ сказать, что по моему требованію французское правительство оффиціально обязалось выслать подписчиковъ печатнаго воззванія, ими къ намъ присланнаго; новое доказательство, что ихъ стоитъ постращать, чтобъ они слушали; и всегда такъ будетъ; пора бы ихъ узнать!

Здѣсь все тихо и хорошо. Неожиданно прибылъ старикъ ф. г. Витгенштейнъ; дряхлый и съ палкой, ужасно постарѣлъ и не можетъ болѣе сѣсть на лошадь. Цѣлую ручки княгинѣ; жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброжелательн.

Н.

Получено 26-го декабря (2-го генваря). г. Варшава.

С.-Петербургъ.
15-го (27-го) декабря 1832 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 4-го числа и за поздравленіе со днемъ моего ангела. Всѣ изъявленія милыхъ вѣрныхъ поляковъ меня вовсе не тро-

гаютъ, и имъ вѣрить мнѣ столь же легко, какъ тому, что огонь болѣе не жжетъ.

То, что пишешь мнѣ про поѣздку свою въ Калишъ, совершенно согласно съ моимъ ожиданіемъ; увѣренъ, что всѣ имущіе будутъ за насъ въ душѣ, но трусость ихъ и легкомысліе будутъ всегда препятствіемъ намъ на нихъ полагаться. Угрозы мои въ Парижѣ велѣть г. Поццо выѣхать, ежели не получу требованнаго удовлетворенія за возмутительныя воззванія поляковъ, имѣли полный успѣхъ; Лелевеля призвалъ Брогліо и объявилъ ему и всѣмъ подписавшимъ, чтобъ непремѣнно выѣхали. Цитадель Антверпенская держится и, кажется, хорошо обороняема, но постигнуть мудрено, съ какою цѣлію, ежели голландская армія не предпринимаетъ никакихъ дѣйствій. Иногда приходитъ мнѣ на мысль, что нарочно она выжидаетъ той минуты, въ которую французы, обезсиливъ и ослабѣвъ морально отъ всѣхъ препятствій при осадѣ, дадутъ случай легче ихъ разбить, а можетъ и снять осаду.

Г. Нессельродъ посылаетъ отвѣтное мое письмо, на таковое же эрцгерцога Фердинанда; онъ писалъ мнѣ весьма дружески, и я увѣренъ, что мы, а не поляки, имъ довольны будемъ. Вели выбрать надежнаго офицера его полка и изъ образованныхъ и придай ему 1 унт.-оф. и 1 рядового сего же полка изъ отличнѣйшихъ, и пошли съ моимъ письмомъ. Мнѣ желательно, чтобъ ты продолжалъ съ нимъ быть въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ.

Здѣсь у насъ все тихо и хорошо и пляшутъ донельзя почти всякій день, и тѣмъ лучше.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 31-го декабря (11-го генваря).

С.-Петербургъ.
25-го декабря 1832 г. (6-го генваря 1833 г.).

Начинаю отвѣтъ мой на письмо твое отъ 14-го (28-го) числа поздравленіемъ съ наступающимъ новымъ годомъ; дай Боже, чтобъ оный прошелъ въ мирѣ и тишинѣ; но ежели присуждено намъ сразиться съ общимъ врагомъ, то да благословитъ всемогущій Богъ оружіе наше, на защиту праваго дѣла и во славу Россіи! Сегодня былъ обыкновенный парадъ и молебенъ и произвелъ на всѣхъ присутствующихъ то же глубокое впечатлѣніе, которое возбуждаетъ всегда. Возвратясь домой, получилъ стороной извѣстіе о паденіи Антверпенской цитадели. Жаль!—тѣмъ болѣе, что столь славная защита заслуживала быть увѣнчанной вырученіемъ, и что бездѣйствіе арміи непонятно! Къ чему было лить кровь, ежели съ тѣмъ, чтобъ ничего не произвесть; странно и непонятно.

Ты хорошо дѣлаешь, что занимаешься приготовленіями къ рекрутскому набору и на весьма справедливомъ основаніи.

Здѣсь все тихо и хорошо. Жду пріѣзда к. Горчакова и г. Красовскаго, чтобъ условиться объ исполненіи предлагаемаго переформированія арміи въ новый составъ, который намъ дастъ большія выгоды. Еще не рѣшаюсь, какъ къ оному приступить.

Всѣ сіи дни меня замучали бумагами, и я насилу отдѣлался. Всякій какъ бы нарочно ищетъ свалить съ плечъ на меня. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелатель.

Н.

Получено 4-го генваря 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
29-го декабря 1832 г. (10-го генваря 1833 г.).

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 21-го числа, и за добрыя желанія по случаю новаго года; равно и отъ имени моей жены. Я съ удовольствіемъ видѣлъ данное тобой приказаніе коммисіямъ къ передѣлкѣ штатовъ; но быть можетъ, что назначенный срокъ будетъ недостаточенъ, дабы произвесть работу сію съ должнымъ раченіемъ; отъ тебя зависѣть будетъ продлить, но съ тѣмъ, чтобы не мѣшкали. Сегодня прибылъ парижскій курьеръ съ извѣстіемъ дѣйствительнаго изгнанія членовъ польскаго патріотическаго комитета; дѣло весьма хорошее. Сдача цитадели Антверпенской произвела предвидѣнное дѣйствіе, т. е. хвастовство неимовѣрное; но войска уже идутъ назадъ. Король нидерландскій не уступаетъ и такъ остается вопросъ, что произвело пролитіе крови? есть ли хотя малѣйшая перемѣна въ обоюдномъ положеніи сихъ державъ и наконецъ — чѣмъ все сіе должно кончиться?—право непостижимо.

Въ Тифлисѣ у насъ было пошли большія пакости, но, благодаря Бога, во-время все открылось. Былъ заговоръ фамиліи Арбеліановъ и Эристовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ изъ дворянъ перерѣзать г. Розена и всѣхъ русскихъ, и Грузію сдѣлать независимою. Дѣло таилось болѣе году; г.-м. к. Чевчевадзе былъ всему извѣстенъ и кажется игралъ въ семъ дѣлѣ роль, сходную съ Михайлою Орловымъ по дѣлу 14-го декабря. Всѣ почти схвачены и дѣлается строгое слѣдствіе; но все лучшее дворянство къ оному вовсе не причастно, и съ большимъ неудовольствіемъ узнали, что нужно было схватить сіи лица за преступленія, которыя впрочемъ имъ еще неизвѣстны. Г. Виттъ ѣдетъ на дняхъ, жду Горчакова, чтобъ приступить къ дѣлу о переформированіи арміи.

Здѣсь все тихо и хорошо. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ. Вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

Когда вышепомѣщенныя письма Государя за 1832 годъ были уже напечатаны, въ семейномъ архивѣ кн. Паскевича отыскалось еще одно письмо Императора, слѣдующаго содержанія:

Получено 25-го апрѣля 1832 года г. Варшава.

С.-Петербургъ.
19-го (31-го) апрѣля) 1832 г.*

Письмо твое отъ 12-го (24-го) апрѣля получилъ я въ субботу, любезный Иванъ Федоровичъ, и сердечно тебя благодарю за всѣ твои добрыя ко мнѣ чувства, которыя вполнѣ цѣнить знаю.

Вчера прибылъ ко мнѣ Фельдманъ; радуюсь, что ты имъ доволенъ былъ, онъ достойный офицеръ. Съ нимъ долго мы разбирали всѣ проекты, и кажется мнѣ всѣ перемѣны весьма основательны, и какъ цитадель, такъ и Модлинъ будутъ прекрасны. Закладку цитадели вели произвести съ должной церемоніею, и назвать Александровскою. Разсматривая планы, узналъ я, будто Жолиборскія школы еще существуютъ; буде такъ, вели сейчасъ закрыть и взять подъ воинскія потребности. Церковь въ улицѣ, что останется внутри цитадели, вели сдать въ наше вѣдомство и передѣлать русскою для гарнизона.

Голова колонны депутатовъ прибыла, завтра ждутъ остальныхъ; любопытенъ знать, что они здѣсь толковать будутъ! впрочемъ, воли имъ здѣсь не дамъ. Прондзинскій согласился

---

*) Т. е. 1-го мая, Государь, очевидно, обчелся.

писать исторію ихъ дѣйствій и я его сюда выписываю съ женой и запру въ Царское Село. Теперь жду съ нетерпѣніемъ, что окажется послѣ объявленія о наборѣ. Отвѣтъ твой на записку Тенгоборскаго читалъ я съ большимъ любопытствомъ. Она заслуживаетъ особаго уваженія и содержитъ много весьма справедливаго. Первые рапорты к. Лобанова о состояніи 3 гусарской дивизіи я получилъ и, судя по онымъ, сія дивизія въ весьма хорошемъ положеніи; жду таковыхъ же отъ пѣхоты и артиллеріи. Забылъ сказать, что бѣглыхъ новобранцевъ поляковъ судить должно за побѣги по нашему, и съ самаго начала сдѣлать нѣсколько строгихъ примѣровъ.

Напиши мнѣ, какими людьми будутъ производиться земляныя работы цитадели, жителями ли по наряду, или инако? Ты обѣщалъ мнѣ записку о монетѣ, не забудь прислать.

Княгинѣ прошу поцѣловать ручки. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней дружбѣ. Тебѣ доброжелат.

Н.

№ 2.

а.

Варшава.
11-го ноября 1831 г.

Всемилостивѣйшій Государь.

Я имѣлъ счастіе получить письмо Вашего Императорскаго Величества изъ Москвы отъ 3-го (15-го) ноября. Справки за нѣкоторыми дѣлами, которыя я хотѣлъ представить въ ясности и не имѣя ничего новаго писать, задержали меня до 5 дней, отъ одного курьера до другого; а перемѣна направленія на Москву и дурная дорога причиною, что курьеры опоздали. Во время войны я посылалъ курьеровъ чрез 3 и 4 дня, те-

перь я взялъ за правило черезъ 5 и 6 дней посылать; буду дожидаться на сіе Вашего Императорскаго Величества положенія.

О имѣніи измѣнниковъ, неподпавшихъ подъ амнистію, сдѣлано распоряженіе: взять въ секвестръ ихъ имѣнія, но еще весьма мало взято, ибо лица сіи еще не приведены въ извѣстность. По приведеніи оныхъ лицъ въ извѣстность, я велю наложить секвестръ (на счетъ же конфискаціи не будетъ приступлено до того времени, покуда разрѣшенія не будетъ отъ Вашего Императорскаго Величества; ибо законы польскіе всякую конфискацію запрещаютъ).

На прошедшей почтѣ, въ запискѣ при письмѣ, я имѣлъ счастіе поднесть Вашему Императорскому Величеству распоряженія и мнѣнія мои объ офицерахъ и солдатахъ польской арміи. Объ офицерахъ рѣшительно ничего болѣе не могъ дѣлать, какъ то, что я имѣлъ счастіе представить; на счетъ же солдатъ пишетъ ко мнѣ полковникъ Соболевъ, который управляетъ Калишскимъ воеводствомъ, что являются солдаты и офицеры, которые хотятъ въ Россіи служить; я офицерамъ рѣшительно отказалъ, а солдатъ велѣлъ принимать и посылать въ Россію вслѣдствіе повелѣнія Вашего. Я думаю можно будетъ ихъ распредѣлять по гарнизоннымъ баталіонамъ или даже въ полки, всегда въ Россіи находящіеся; на счетъ же срока службы, я дѣлаю о семъ справки, которыя буду имѣть счастіе въ скоромъ времени представить.

Если новыя мнѣнія будутъ, то я буду имѣть (обрывъ).

О Калишскомъ кадетскомъ корпусѣ я тотчасъ озаботился и послалъ г.-м. князя Голицына; онъ сейчасъ пріѣхалъ, и говоритъ, что нашелъ въ довольно хорошемъ положеніи; сдѣлавъ оному осмотръ, по будущей почтѣ буду имѣть честь представить о положеніи сего корпуса докладъ. Я теперь весьма занятъ публикаціею амнистіи, но какъ только оная вчера вышла, то еще не знаю вліянія, которое она произведетъ.

Между тѣмъ секретная полиція безпрестанно доноситъ, что назначается бунтъ къ 17-му (29-му) ноября. Что хотятъ зажечь городъ въ 12 мѣстахъ и когда русскіе бросятся тушить и разсѣются, то броситься на дворецъ взять оный, а проч. (ихъ) вырѣзать. Я велѣлъ на 1 пожаръ идти одному баталіону, если же 2 и 3 пожара вдругъ будутъ, то со всѣмъ войскомъ пойти на оные и собираться на назначенные пункты, ибо сіи пожары означаютъ бунтъ; — а хозяевамъ домовъ велѣлъ объявить, что они должны сами наблюдать за поджигателями и если дома ихъ будутъ сожжены, то они сему будутъ сами виноваты, что не (вы)давали злоумышленниковъ. Я усилилъ одною пѣхотною бригадою гарнизонъ и ожидаю. Выписки изъ доносовъ полиціи при семъ прилагаю (относительно) 17-го (29-го) числа, но думаю, что сіе кончится одними угрозами—но изъ сего слѣдуетъ, что духъ здѣсь весьма еще нехорошъ.

№ 2.

б.

Дневн. зак., т. 17, стр. 120 – 238.

КОНФИСКАЦІЯ ИМУЩЕСТВА

2339 лицъ

и составъ польской революціонной эмиграціи.

Въ исполненіе Высочайшей воли, объявленной помощникомъ статсъ-секретаря 30-го мая (11-го іюня) 1832 года за № 671, совѣтъ управленія Царства Польскаго постановилъ 28-го іюня (10-го іюля) 1835 года конфисковать все имущество лицъ, принимавшихъ участіе въ революціи, которыя не воспользовались дарованною 20-го октября (1-го ноября) 1831 года амнистіей и ушли за границу.

Постановленіе это обнародовано (только на польскомъ языкѣ) въ «Дневникѣ законовъ» (Dzienn. praw) 25-го ноября (7-го декабря) 1835 года.

Въ приложенномъ къ нему спискѣ: *Lista imienna osób maiących udział w Rewolucyi, niekorzystaiących z udzielonéy Amnestyi, i wyszłych za granicę*, поименовано въ алфавитномъ порядкѣ 2339 лицъ. Противъ каждаго изъ нихъ выставлено званіе, чинъ или занятіе. Группировка ихъ по этимъ обозначеніямъ даетъ слѣдующій составъ польской революціонной эмиграціи во второй половинѣ *тридцатыхъ* и въ *сороковыхъ* годахъ:

Генераловъ *)	13
Флигель-адъютантовъ **)	3
Адъютантъ вел. кн. Константина Павловича ***) . .	1
Камергеръ ****).	1
Совѣтникъ (radca) *****).	1
Секретарь сената (бывшій въ царствѣ до революціи) ******)	1
Частныхъ секретарей *******)	4
Секретарь редакціи одной газеты.	1
Редакторъ	1
Сынъ президента (губернатора)	1
Судейскаго званія ********)	8

*) *Домбинскій* Генр., *Коминскій* Іосифъ, *Канарскій* Томашъ, *гр. Пацъ* Людв., *Рыбинскій* (до революціи полковн.), *Сухожевскій* Тадеушъ, *гр. Шембекъ, 2 Шварца* (оба Яны), *Сѣравскій* Юліанъ, гр. *Тышкевичъ* Тадеушъ, *Уминскій, Войчинскій.*

**) *Гр. Залускій* Іосифъ, *гр. Соболевскій* Іежы, *Шимановскій* Іосифъ (гв. полковн.).

***) Гр. *Замойскій* Владиславъ.

****) Князь *Сапѣга.*

*****) Гр. *Плятеръ* Людвигъ.

******) *Нѣмцевичъ* Юліанъ.

*******) Одинъ изъ нихъ, *Ломанъ* Янъ, секретарь гр. Паца.

********) 4 аудитора и 4 ассесора гражд. суд.

Войтъ гмины	1
Чиновъ уѣздной администраціи, полиціи, лѣсной и пограничной стражи, топографовъ и почт. . . .	26
Архитекторъ.	1
Бухгалтеровъ	3
Военный коммисаръ . . . , ...	1
Интендантскихъ чиновниковъ	3
Экономовъ.	4
Банковыхъ дѣятелей *)	2
Штабъ-офицеровъ	64
Оберъ-офицеровъ (огромное большинство подпоручиковъ, затѣмъ поручиковъ)	972
Иностранныхъ офицеровъ (преимущественно поляковъ прусскаго ландвера и австрійскихъ войскъ, затѣмъ французскихъ офицеровъ)	12
Юнкеровъ.	2
Подхорунжихъ (школы)	10
Кадетъ (калишскаго корпуса)	7
Унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и вахмистровъ . .	199
Рядовыхъ	210
Военныхъ добровольцевъ (woyskowych), т. е. повстанцевъ.	258
Деньщикъ.	1
Докторовъ, лекарей и хирурговъ (преимущественно военныхъ)	63
Ветеринаръ	1
Аптекарей	2
Фельдшеръ	1
Писарей канцеляристовъ	10
Капелановъ	2
Ксендзовъ	14

*) Президентъ Польскаго банка, *Ельскій* Людвигъ, и членъ комитета кредитнаго общ., *Накваскій* Генрихъ.

Діаконовъ	2
Базиліанъ	4
Профессоровъ и учителей	7
Надзирателей при учебныхъ заведеніяхъ *)	2
Академиковъ (студентовъ академіи, преобразованной передъ революціей въ университетъ)	123
Студентовъ варшавскаго и виленскаго университетовъ.	42
Гимназистовъ (огромное большинство) и воспитанниковъ др. школъ.	51
Сеймовыхъ и обводовыхъ депутатовъ	3
Обывателей и состоящихъ при нихъ сыновей (изъ нихъ многіе служили въ революціонныхъ войскахъ и носили чины подпоручика и поручика) . . .	84
Иностранный обыватель (изъ галиційскихъ урядниковъ).	1
Купецъ	1
Мѣщанъ	7
Промышленниковъ и ремесленниковъ **)	4
Слугъ	2
Служитель при дворцѣ (Бельведерскомъ)	1
Женщинъ ***)	3
Неизвѣстныхъ занятій и званія (niewiadomych) . . .	97
Всѣхъ . . .	2339

N. B. — Списокъ политическихъ изгнанниковъ и конфискацій этимъ числомъ не ограничивается. Въ томъ же 1835 году состоялись постановленія совѣта управленія о конфискаціи имуществъ еще нѣсколькихъ десятковъ лицъ, объявленныхъ

*) Изъ нихъ одинъ *dozorca* (надзиратель) гражданскій, другой *dozorca* при кад. корпусѣ (калишскомъ).

**) 1 пивоваръ, 1 портной, 1 обойщикъ, 1 музыкантъ.

***) Изъ нихъ 1 дворянка (Лазаревичъ), 1 жена обывателя и 1 жена унтеръ-офицера.

изгнанниками. Въ послѣдующіе годы неоднократно встрѣчаются такія же постановленія (продолжающіяся и въ царствованіе Императора Александра II) по отдѣльнымъ случаямъ.

№ 3.

Сем. арх. кн. Паскевича.

Жителямъ Варшавы!

До свѣдѣнія моего доходили всѣ нелѣпые слухи, которые наполняли Варшаву въ прошедшія послѣднія недѣли и, къ сожалѣнію и къ стыду легковѣрныхъ, были многими приняты за истину. Нынѣ прошли дни, въ которые ядовитые ненавистники спокойствія и счастія своего края обѣщали жителямъ здѣшнимъ: мщеніе россіянъ, обѣщали казни зачинщиковъ и виновниковъ революціи, наконецъ обѣщали безпокойствіе и возстаніе жителей. А для чего всѣ сіи слухи? Для того только, чтобы привести въ заблужденіе легкомысленныхъ и вовлечь г. Варшаву въ новыя бѣдствія и несчастія.

Обращаюсь къ вамъ, жители Варшавы, какъ могли вы дать вѣру таковымъ нелѣпостямъ? Правительство русское и особенно Владыки, имъ управляющіе, не показали ли вамъ многіе примѣры не токмо великодушія; но и дружескаго участія; кто освободилъ любимаго вождя вашего Костюшку изъ справедливаго плѣна? — Владыко Русскій! Кто возвратилъ вамъ имя Польши?—Владыко Русскій! Кто обѣщалъ вамъ продолжать начатое ваше бытіе политическое? — нынѣшній Владыко Россіи!

Цвѣтущее положеніе земли вашей въ послѣднихъ пятнадцати прошедшихъ лѣтахъ дошло до такой степени, какъ оно никогда не было; кому вы онымъ обязаны?—попеченію Владыкъ Русскихъ! Наконецъ, великодушное и примѣрное обхо-

жденіе побѣдоносныхъ войскъ предводительствуемой мною арміи при взятіи города вашего штурмомъ должно вамъ достаточно показать, что постоянное и твердое правительство никогда не дойдетъ къ таковымъ низкимъ мѣрамъ мщенія, чтобы (какъ гласятъ вамъ люди недостойные) хладнокровно и обдуманно приготовить нападеніе на обезоруженныхъ и спокойныхъ жителей.

Напротивъ того, они всегда найдутъ подпору и защиту у правительства.

Касательно заслуженныхъ казней главныхъ виновниковъ революціи, правительство русское есть безмѣрно сильно, и дѣянія его чрезъ мѣру открыты, что бы оно захотѣло тайно произвесть оныя. Когда же наступитъ къ тому время, то исполненіе заслуженной кары виновныхъ будетъ произведено публично, и правительство увѣрено, что всякій полякъ, истинно любящій отечество свое—увидитъ въ ономъ мѣру справедливую и залогъ будущаго спокойствія.

На счетъ же обѣщаннаго возмущенія, сколь я и не желаю вѣрить новому вѣроломству, но долженъ искренно всякаго предварить, что, стремясь сохранить спокойствіе мирныхъ гражданъ, всѣ мѣры взяты, дабы наказать со всею строгостію нарушителей сего спокойствія.

Сіе искренное мое воззваніе къ вамъ, жители г. Варшавы, должно и на будущее время успокоить васъ и удостовѣрить, что настоящее убѣжище ваше есть—могущественное и великодушное правительство Россійское!

№ 4.

а.

ПРОТОКОЛЪ

Временнаго правленія Царства Польскаго.

Засѣданіе 7-го (19-го) генваря 1832 года.

Присутствовали:

Предсѣдатель, дѣйствительный тайный совѣтникъ Энгель.

Члены правленія, завѣдывающіе отдѣленіями:

Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, дивизіонный генералъ Раутенштраухъ.

Юстиціи, дивизіонный генералъ Коссецкій.

Внутреннихъ дѣлъ и полиціи, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ графъ Строгановъ.

Финансовъ, казначейства и контроля, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фурманъ.

Исправляющій должность генеральнаго секретаря правленія, статсъ-совѣтникъ Тымовскій.

Представляя на разсмотрѣніе правленія проектъ бюджета на 1832 годъ, членъ по части финансовъ просилъ временное правленіе дозволить присутствовать въ семъ засѣданіи исправляющему должность генеральнаго директора въ правительственной коммисіи доходовъ и скарба, статсъ-референдарію Островскому, по уваженію, что чиновникъ сей нѣсколько лѣтъ уже занимающійся составленіемъ бюджета, можетъ дать по оному подробныя объясненія. Членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія просилъ правленіе о

таковомъ позволеніи для генеральнаго директора правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія статсъ-совѣтника Бадени, на что временное правленіе изъявило согласіе и выше помянутые чиновники приглашены присутствовать въ семъ засѣданіи правленія.

Приступая къ разсмотрѣнію рапорта правительственной коммисіи доходовъ и скарба, въ коемъ оная представляетъ отчетъ о дѣйствіяхъ предшествовавшихъ составленію бюджета, выводя слѣдующій результатъ расходовъ и доходовъ на 1832 годъ:

Расходы	случайные	286,000	зл.	9	гр.
	положительные . . .	105,030,644	»	26	»
Доходы	случайные	13,536,308	»	5	»
	положительные . . .	77,368,157	»	7	»

Дефицитъ въ положительныхъ доходахъ 27,662,487 зл. 19 гр.

Временное правленіе обратило предварительно вниманіе на причины столь невыгоднаго результата и, находя основательнымъ представленіе помянутой коммисіи, что результатъ сей происходитъ отъ значительнаго уменьшенія доходовъ послѣ военныхъ бѣдствій, отъ постепеннаго увеличенія расходовъ на погашеніе долга государственнаго, отъ наступленія въ началѣ апрѣля сего года окончательнаго срока вѣнской конвенціи о поставкѣ соли на счетъ претензій сего края, въ особенности же отъ предписанія Его Свѣтлости генералъ-фельдмаршала помѣстить въ бюджетъ расходовъ на 1832 годъ сумму 57,072,852 злотыхъ въ распоряженіе временнаго правленія на удовлетвореніе экстраординарныхъ издержекъ дѣйствующей арміи, въ Царствѣ Польскомъ расположенной, — обратило все вниманіе

свое на предполагаемыя коммисiею средства увеличить доходы и убавить расходы государственные.

Мысль возвысить подати жителей царства, какъ ближайшее средство увеличить казенные доходы, признана неудобоисполнимою. Временное правленiе, имѣя въ виду положенiе жителей Царства Польскаго приведенныхъ во время недавней войны въ разоренiе до такой степени, что даже могутъ оказаться недоимки въ податяхъ, поступаемыхъ въ казну, владѣльцевъ земли, полагало, что увеличиванiе доходовъ посредствомъ возвышенiя податей будетъ только мнимымъ и не удовлетворитъ предполагаемой цѣли, а потому признало вѣрнѣйшимъ основать расчетъ на доходахъ, понынѣ въ казну поступавшихъ.

Временное правленiе приняло въ особенное соображенiе проектъ коммисiи скарба, увеличить бюджетъ доходовъ дополненiемъ къ оному ожидаемыхъ въ семъ году прибылей банка; и хотя оная полагала, что по уваженiю крайнихъ обстоятельствъ, слѣдовало бы отступить отъ принятаго правила, на основанiи коего банкъ вносилъ въ бюджетъ доходовъ однѣ только прибыли истекшаго года; и предписать о помѣщенiи въ бюджетъ доходовъ ожидаемыхъ банкомъ въ семъ 1832 году прибылей, могущихъ составить до 2,500,000 злотыхъ; не смотря на то, временное правленiе, сообразивъ, что не только порядокъ въ дѣйствiяхъ, но и кредитъ банка не допускаютъ уклоняться отъ правилъ первоначальнаго учрежденiя онаго, что доходы банка, завися отъ стеченiя различныхъ обстоятельствъ, ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть приняты въ основанiе для опредѣленныхъ издержекъ, что наконецъ въ случаѣ необходимой надобности прибѣгнуть къ сему послѣднему средству для вспомоществованiя казнѣ, можно будетъ воспользоваться онымъ въ 3-мъ кварталѣ сего года, когда прибыли банка будутъ опредѣлены уже съ большею точностью, положило, что по симъ уваженiямъ нельзя согла-

сится помѣстить въ бюджетъ прибылей банка, въ нынѣшнемъ году ожидаемыхъ.

Переходя къ общимъ средствамъ сокращенія казенныхъ расходовъ, правленіе не оспаривало, что предположеніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба внести въ бюджетъ расходовъ вмѣсто 57,072,852 злотыхъ, въ распоряженіе правленія назначенныхъ, только 29,410,364 зл. 11 гр., составляющихъ дѣйствительный остатокъ отъ расходовъ, за исключеніемъ помянутой суммы въ распоряженіе правленія предоставленной, было бы самымъ удобнымъ средствомъ уничтожить дефицитъ. Но имѣя въ виду предписаніе высшей власти, не допускающее къ принятію таковаго предложенія, поставило себѣ въ обязанность разсмотрѣть ближайшимъ образомъ всякаго рода издержки, въ особенности же оклады жалованья гражданскихъ чиновниковъ, не смотря на то, что по разнымъ отдѣленіямъ управленія сокращены уже расходы на 4,518,978 злотыхъ, и не взирая на оправдываемое опытомъ мнѣніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба, что жалованье чиновникамъ едва достаточно для удовлетворенія существенныхъ потребностей и что уменьшеніе числа правительственныхъ мѣстъ и чиновниковъ не можетъ послѣдовать безъ предварительнаго систематическаго преобразованія. Разрѣшая предметы бюджета, разсмотрѣнные предварительно на конференціяхъ, временное правленіе разсуждало объ оныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ представила ихъ правительственная коммисія доходовъ и скарба, подѣлившая ихъ на три разряда.

I. На предметы, коихъ разрѣшеніе сходно съ мнѣніемъ правительственной коммисіи скарба и вопреки представленію надлежащихъ властей, увеличитъ предполагаемые расходы.

II. На предметы, коихъ разрѣшеніе вопреки представленію правительственной коммисіи доходовъ и скарба, и сходно съ требованіемъ прочихъ властей, равномѣрно увеличитъ расходы.

III. На предметы, коихъ разрѣшеніе, согласно съ мнѣніемъ

правительственной коммисіи доходовъ и скарба въ противность предположенію прочихъ властей уменьшитъ расходы.

Въ первомъ разрядѣ первый вопросъ къ разрѣшенію правленія былъ слѣдующій: должны ли быть помѣщены въ штатѣ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи оклады статсъ-совѣтниковъ, статсъ-совѣтниковъ генеральныхъ, директоровъ оной коммисіи, или нѣтъ? Временное правленіе, сообразивъ, что штатъ государственнаго совѣта, въ коемъ помѣщались оклады статсъ-совѣтниковъ, генеральныхъ директоровъ оной правительственной коммисіи, впредь существовать не будетъ, признало основательнымъ предположеніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба и положило помѣстить въ штатѣ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, оклады жалованья двухъ статсъ-совѣтниковъ (ибо третій получаетъ жалованье по штату почтоваго вѣдомства).

Равнымъ образомъ, сходно съ мнѣніемъ правительственной коммисіи доходовъ и скарба, временное правленіе положило сумму 115,682 зл. 15 гр., слѣдующую Польскому банку въ нынѣшнемъ году въ счетъ 194,000 зл., уплаченныхъ банкомъ Неймарку за Нумизматическую коллекцію, вслѣдствіе Высочайшей воли купленную для здѣшняго университета, помѣстить въ статью расходовъ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Противъ такого рѣшенія членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія объяснилъ, что при всѣхъ усиліяхъ правительственной коммисіи, въ вѣдѣніи его состоящей, сократить штатные расходы успѣхъ не будетъ отвѣчать усиліямъ, если уплата столь значительныхъ суммъ будетъ неожиданно и не по принадлежности на нее возлагаема. Онъ замѣтилъ, что Нумизматическая коллекція, о которой идетъ дѣло, есть даръ щедроты Монаршей, а потому если Государю Императору благоугодно было обогатить симъ кабинетъ, назначенный для общественной пользы, то издержки на сей предметъ

должны быть равномѣрно заимствованы изъ общихъ государственныхъ доходовъ.

На сіе заключеніе членъ по части финансовъ отвѣчалъ, что не усматриваетъ причины, почему правительственная коммисія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія противится помѣщенію въ ея штатъ расхода, который послѣдовалъ на основаніи Высочайшей воли, и не въ первый разъ въ штатъ ея помѣщается. Не оспаривая, что уплата банку вышепомянутой суммы не можетъ быть произведена на счетъ штатныхъ суммъ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, онъ полагалъ однако-жъ, что коль скоро сумма сія сходно съ обязательствомъ должна быть выплачена и слѣдовательно помѣщена въ бюджетѣ, то надобно пріискать для нея соотвѣтственное мѣсто, какъ то: въ штатѣ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія; ибо въ бюджетѣ не содержится, упоминаемой членомъ по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, особой статьи расходовъ на общія государственныя потребности, ни къ одной изъ правительственныхъ коммисій не относящихся.

Предсѣдатель правленія, соглашаясь съ симъ мнѣніемъ, присовокупилъ, что ежели правительственная коммисія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія убѣждена въ томъ, что сумма 115,682 зл. 15 гр. ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть поставлена на счетъ ея расходовъ, то вольно ей помѣстить оную отдѣльно въ особомъ разрядѣ, но полагалъ при томъ, что главнѣйшее замѣчаніе при разсмотрѣніи сего предмета, встрѣчается въ вопросѣ: нѣтъ ли средства отсрочить таковой платежъ на нѣкоторое время?

Въ такомъ случаѣ желательно, чтобы правительственная коммисія доходовъ и скарба снеслась съ Польскимъ банкомъ для исходатайствованія отсрочки на годъ для уплаты сего долга съ надлежащими процентами.

Временное правленіе положило заключеніе сіе поручить

особенному вниманію правительственной коммисіи доходовъ и скарба.

Приступая ко 2-му разряду предметовъ, подлежащихъ разрѣшенію временнаго правленія, правительственная коммисія доходовъ и скарба требовала, во первыхъ, не вносить въ бюджетъ штатную сумму города Варшавы 180,000 зл., какъ добавокъ со стороны казны государственной на содержаніе полиціи, или же поставить расходъ сей на счетъ суммъ города Варшавы. Въ подкрѣпленіе сего правительственная коммисія доходовъ и скарба изъяснила, что хотя сія сумма и помѣщена была въ бюджетѣ 1830 года, но теперь помѣщеніе таковой излишне, ибо полицейская часть перешла большею частью въ военное вѣдомство.

Предсѣдатель временнаго правленія полагалъ заключеніе сіе неосновательнымъ; ибо предположеніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба, что полицейская часть поступила большею частью въ военное вѣдомство, требуетъ достовѣрнѣйшаго подтвержденія, которое не иначе можетъ послѣдовать, какъ по сношеніи по сему предмету съ военнымъ губернаторомъ города Варшавы. Членъ правленія по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи, подтверждая сіе мнѣніе, присовокупилъ, что по совѣщанію его съ варшавскимъ военнымъ губернаторомъ, оказалось вовсе противное тому, какъ представляетъ правительственная коммисія доходовъ и скарба, что занятія по полицейской части (о коихъ въ случаѣ надобности онъ готовъ дать отчетъ предсѣдателю правленія) поступили въ военное вѣдомство, и что за симъ несообразно будетъ съ общественною потребностью, ежели полицейская служба лишена будетъ предназначеннаго ей содержанія. Онъ заключилъ наконецъ, что по всѣмъ симъ уваженіямъ, военный губернаторъ г. Варшавы, отвѣчая за спокойствіе и порядокъ въ городѣ, поручилъ ему просить правленіе, чтобы сумма, назначенная въ 1830 году на содержаніе варшавской полиціи, и впредь была производима.

Выслушавъ сіи мнѣнія, временное правленіе положило, что сумма 180,000 зл. должна быть помѣщена въ бюджетѣ, какъ добавочная на содержаніе полиціи; а поелику членъ правленія по части юстиціи, разсматривая представленіе правительственной коммисіи доходовъ и скарба съ двоякой стороны: слѣдуетъ ли совершенно исключить сумму сію изъ бюджета, или показать ее въ штатѣ г. Варшавы, и не соглашаясь на первое, полагалъ, что второе обстоятельство заслуживаетъ вниманія, то временное правленіе поручило члену по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи представить штатъ города Варшавы для удостовѣренія въ справедливости заключенія правительственной коммисіи доходовъ и скарба.

По поводу суммы 50,000 зл., потребованной правительственною коммисіею юстиціи на упражненіе по части законовъ, правительственною же коммисіею доходовъ и скарба не внесенной въ бюджетъ 1832 года, членъ по части юстиціи объяснилъ, что хотя законодательная депутація по Высочайшему повелѣнію закрыта, но не слѣдуетъ изъ того, чтобы сумма 145,000 злотыхъ по бюджету 1830 года, на содержаніе оной опредѣленная, была исключена изъ бюджета 1832 г.; ибо въ нынѣшнее время при ожиданіи новаго порядка вещей предвидится, что отъ правительственной коммисіи юстиціи будутъ требуемы проекты, коихъ составленіе сопряжено будетъ съ особенными издержками. Правительственная коммисія юстиціи, не имѣя возможности опредѣлить издержки съ точностью, ограничилась заключеніемъ внести въ бюджетъ всю безъ изъятія сумму, которая впрочемъ въ значительной части не будетъ израсходована; за неимѣніемъ же таковой суммы коммисія долженствовала бы, при каждомъ требованіи какого-либо проекта, просить правленіе о назначеніи на сіе суммы, отъ чего дѣйствія ея были бы безпрестанно замедляемы.

Объясненіе сіе не убѣдило члена по части финансовъ, который, утверждая, что одни только достовѣрные расходы, и

на предметы определенные, имѣютъ быть внесены въ бюджетъ, находилъ затѣмъ основательнымъ сопротивленіе коммисіи скарба, показывать въ расходѣ сумму, которой надобность подлежитъ сомнѣнію. Согласно съ симъ членъ по части финансовъ заключилъ, что, помѣщая въ бюджетѣ общую запасную сумму для удовлетворенія расходовъ, о коихъ упоминаетъ членъ по части юстиціи, правительственная коммисія доходовъ и скарба была того мнѣнія, что временное правленіе не признаетъ за тѣмъ надобности помѣщать въ бюджетѣ сумму 50,000 злотыхъ. Поелику же членъ по части юстиціи, послѣ объясненія сего, отступилъ отъ предположенія правительственной коммисіи юстиціи, когда указана ему была сумма для удовлетворенія помянутыхъ издержекъ, — временное правленіе признало обстоятельство сіе уже рѣшеннымъ.

Переходя къ предметамъ, причисленнымъ къ 3-му разряду, правительственная коммисія доходовъ и скарба отдѣлила предметы общіе всѣмъ властямъ отъ частныхъ, къ одному какому-либо вѣдомству относящихся.

По первымъ полагала убавить жалованье высшимъ чиновникамъ, а именно: генеральнымъ директорамъ, статсъ-совѣтникамъ, начальникамъ центральныхъ властей и предсѣдателямъ воеводскихъ коммисій.

Принявъ за основаніе въ самомъ началѣ рапорта указанное, что жалованье низшихъ чиновниковъ, весьма скудное и едва достаточное на удовлетвореніе первыхъ потребностей, ни подъ какимъ видомъ уменьшено быть не можетъ, правительственная коммисія доходовъ и скарба полагала, что жалованье выше помянутыхъ чиновниковъ, какъ несоотвѣтственное съ способами казны, должно подлежать уменьшенію, посредствомъ коего казна сбережетъ до 140,000 зл. въ годъ по расходамъ. По мнѣнію ея остается только рѣшить вопросъ: слѣдуетъ ли уменьшить жалованье, статсъ-совѣтникамъ и проч., согласно съ предположеніемъ правительственной коммисіи духовныхъ

дѣлъ и народнаго просвѣщенія изъ 25,000 злотыхъ въ 20,000, или же въ 15,000 злотыхъ по предположенію правительственной коммисіи доходовъ и скарба.

Членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ, защищая предположеніе правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, обращалъ вниманіе правленія на издержки, предстоящія живущимъ здѣсь статсъ-совѣтникамъ, генеральнымъ директорамъ; сравнивалъ расходы ихъ съ расходами предсѣдателей воеводскихъ коммисій и полагалъ, что ежели послѣдніе, имѣя казенную квартиру, дрова, свѣчи и прочія выгоды, получили однажды прибавку въ жалованіи, то тѣмъ болѣе имѣютъ на сіе право первые, кои при большихъ издержкахъ не пользуются означенными выгодами, и что несправедливо было бы поставить ихъ снова въ то положеніе, въ коемъ находились они передъ увеличеніемъ окладовъ ихъ жалованья.

Членъ правленія по части финансовъ, защищая мнѣніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба, упомянулъ, что поелику возвышеніе жалованья статсъ-совѣтникамъ послѣдовало не такъ давно, то нельзя полагать, чтобы возвращеніе имъ прежняго жалованья, на которомъ служили столь долгое время, могло привести ихъ въ весьма тягостное положеніе.

Среди сихъ разсужденій о правилахъ уменьшенія жалованья чиновниковъ, членъ по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи подалъ мнѣніе рѣшить, во первыхъ, вопросъ: справедливо ли, когда дѣло идетъ о сокращеніи расходовъ казны посредствомъ уменьшенія жалованья чиновниковъ, уменьшать оное однимъ только высшимъ, и не согласнѣе ли съ справедливостью потребовать пожертвованья какой-либо части жалованья отъ всѣхъ безъ изъятія чиновниковъ? Членъ сей не соглашался съ мнѣніемъ, чтобы высшему чиновнику, получающему противъ низшаго большее жалованье, было легче пожертвовать часть онаго; потому что жалованье сіе соотвѣт-

ствуетъ его расходамъ, которые по чину, по мѣсту, увеличиваются и должны быть значительнѣе расходовъ низшаго чиновника, который по произволу можетъ принимать постороннихъ людей въ своемъ домѣ, или же ограничить свой кругъ общественныхъ связей. По симъ уваженіямъ онъ полагалъ, что ежели для увеличенія казенныхъ доходовъ требуется уменьшеніе жалованья чиновниковъ, то оно должно относиться равно ко всѣмъ чиновникамъ, не смотря на званіе, съ тѣмъ однако-жъ, чтобы оно не убавляло значительно доходовъ ихъ и не доставляло казнѣ прибыли больше той, какую предполагалось получить отъ уменьшенія жалованья статсъ-совѣтниковъ и прочихъ высшихъ чиновниковъ.

Согласно съ мнѣніемъ члена по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи относительно раскладки на всѣхъ чиновниковъ предполагаемаго правительственною коммисіею доходовъ и скарба уменьшенія расходовъ на жалованье чиновниковъ, членъ по части юстиціи полагалъ, что надобно при томъ опредѣлить, изъ какого именно жалованья производить предполагаемый по раскладкѣ вычетъ; обращая вниманіе правленія на весьма скудное жалованье чиновниковъ по части юстиціи, для коихъ и само-малѣйшій вычетъ будетъ ощутителенъ, онъ былъ того мнѣнія, чтобы вычетъ производить, начиная съ чиновниковъ, получающихъ жалованья выше 2,000 злотыхъ въ годъ.

Временное правленіе, находя вполнѣ основательнымъ предположеніе члена по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи и принимая при томъ въ соображеніе, что поелику исчисленное правительственною коммисіею доходовъ и скарба сбереженіе расходовъ на жалованье высшихъ чиновниковъ простирается до 145,000 злотыхъ въ годъ, то раскладка сей суммы на всѣхъ чиновниковъ не можетъ быть обременительна, положило: что всѣ безъ изъятія чиновники въ 1832 году должны внести въ казну процентъ съ получаемаго ими жалованья и компетенціи и процентъ сей долженъ равняться тому, какой вно-

сится отъ нихъ въ эмеритальное общество. На семъ основаніи, въ разрѣшеніе мнѣнія членовъ своихъ, правленіе постановило:

1. Что поелику постановленіе сіе распространяется безъ изъятія на всѣхъ чиновниковъ, обществу эмеритальному принадлежащихъ, а можетъ случиться, что нѣкоторымъ изъ нихъ окладное жалованье уменьшено, то уменьшенія сіи, сколь иными доказательствами объяснены не будутъ, должны почитаться недѣйствительными, тѣмъ болѣе, что предстоитъ ожидать, что столь незначительная издержка казны вознаграждена будетъ процентами, вносимыми въ казну чиновниками отъ получаемаго жалованья.

2. Что поелику вычетъ въ казну процентовъ изъ жалованья чиновниковъ на основаніи сего распоряженія назначается временно и не будетъ имѣть вліянія на постоянное уменьшеніе жалованья, то относительно взноса процентовъ на эмеритальный капиталъ остаются прежнія правила въ той силѣ, какъ бы вовсе не существовало вычета изъ жалованья.

3. Что отъ сего правила исключаются пенсіоны какъ за выслугу лѣтъ, такъ и пожалованные въ видѣ особенныхъ наградъ.

Членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія на счетъ 3-го пункта замѣтилъ: что по значительности нѣкоторыхъ пенсіоновъ, правительство было бы въ правѣ требовать пожертвованья отъ получающихъ оные. Онъ замѣтилъ также и то, что могутъ оказаться чиновники, кои по случаю уменьшенія жалованья потребуютъ назначенія имъ пенсіона изъ эмеритальнаго капитала, и что пенсіонъ сей у иного будетъ превышать жалованье, производившееся ему на службѣ; въ такомъ случаѣ казна не получитъ никакихъ выгодъ.

Но предсѣдатель правленія и члены онаго по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи, и по части юстиціи, не оспаривая,

что отъ соглашенія на предположеніе члена, сдѣлавшаго замѣчанія сіи, могло бы произойти весьма выгодное послѣдствіе для доходовъ казны, были того мнѣнія, что пенсіонъ долженъ почитаться священнымъ долгомъ правительства чиновникамъ, которые посвятили всю жизнь свою службѣ и доказали усердіе на самомъ дѣлѣ, по внесеніи же съ ихъ стороны процентовъ въ эмеритальное общество, капиталъ эмеритальный становится ихъ неприкосновенною собственностью.

Приступая къ предметамъ, относящимся къ нѣкоторымъ отдѣленіямъ правленія въ особенности, а во первыхъ къ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, прав. коммисія доходовъ и скарба представила на разрѣшеніе правленія три слѣдующія обстоятельства.

Первое. Должна ли впредь существовать должность протоколиста въ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія или нѣтъ?

Второе. Слѣдуетъ ли уменьшить и въ какой степени генеральную дирекцію фундушей въ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія?

Третье. Не слѣдуетъ ли, по уваженію оказавшагося по бюджету дефицита, уменьшить жалованье епископовъ, отъ казны производимое?

По первому изъ сихъ обстоятельствъ, членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, соглашаясь, что имѣть протоколиста не предвидится надобности, и что должность сія можетъ быть исправляема генеральнымъ секретаремъ, просилъ однако-жъ правленіе, во вниманіе особенныхъ заслугъ исправляющаго должность сію чиновника, не лишать его мѣста такъ неожиданно, по уваженію долговременной безпорочной его службы. Въ дополненіе къ сему помянутый членъ присовокупилъ, что ежели бы даже временное правленіе изъявило согласіе оставить по прежнему мѣсто протоколиста въ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и

народнаго просвѣщенія, то и тогда оная коммисія употребитъ стараніе занять сего чиновника по другой должности, такъ что жалованье, имъ получаемое, будетъ непремѣнно сбережено.

Членъ правленія по части финансовъ полагалъ, напротивъ того, что всѣ приведенныя членомъ по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обстоятельства относятся единственно къ тому, чтобы чиновнику, исправляющему нынѣ должность протоколиста, по уваженію его способностей назначить другое мѣсто; но сіе не доказываетъ надобности имѣть протоколиста, о чемъ идетъ дѣло, при составленіи бюджета.

Онъ полагалъ, что о лицахъ нынѣ говорить неумѣстно; ибо, ежели при каждомъ предположеніи уничтожить какое-либо мѣсто будетъ обращаться вниманіе на заслуги или способности чиновника, занимающаго оное, то окажется, что уничтожить ихъ по большей части невозможно, и казна не освободится отъ излишнихъ издержекъ. Онъ присовокупилъ къ тому, что никогда не было такъ нужно какъ нынѣ обращать вниманіе на лица, когда цѣлыя управленія, цѣлыя отдѣленія уничтожаются, когда множество заслуженныхъ чиновниковъ остаются безъ способовъ пропитанія, но одинъ примѣръ особенной милости можетъ подать поводъ ко многимъ и справедливымъ жалобамъ. Мнѣнія сіи, въ особенности же то, чтобы однажды поданный примѣръ не послужилъ для правленія поводомъ назначать должности для лицъ, были причиною, что членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отступилъ отъ своего предложенія, присовокупивъ, что правительственная коммисія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія будетъ стараться выдать изъ собственныхъ суммъ пособіе чиновнику, лишенному мѣста, впредь до назначенія его къ другой должности, засимъ, мѣсто протоколиста исключено изъ штатовъ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Относительно уменьшенія числа чиновниковъ въ дирекціи

фундушей въ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, оказались обстоятельства другого рода. Хотя правительственная коммисія доходовъ и скарба утверждала, что администрація имуществъ, оставшихся отъ духовенства, состоитъ въ ея вѣдѣніи, а затѣмъ дирекція сія избавлена отъ множества занятій, и хотя членъ по части финансовъ объявилъ, что правительственная коммисія доходовъ и скарба готова принять на себя всѣ дѣла дирекціи фундушей, не увеличивая числа своихъ чиновниковъ, но временное правленіе согласно съ объясненіемъ члена по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія: что управленіе имуществами уничтоженнаго духовенства составляетъ маловажную часть занятій дирекціи фундушей, которая въ особенности занимается обревизованіемъ отчетовъ о суммахъ, отпускаемыхъ для духовенства и народнаго воспитанія, сборовъ поступающихъ съ учениковъ, въ особенности же контролемъ прихода, который ежегодно перемѣняется, и по удостовѣренію, что чиновники, занимающіеся по части управленія имуществами уничтоженнаго духовенства увольнены отъ должностей, и что остальные затѣмъ для блага службы должны остаться при должностяхъ своихъ, хотя бы предметы занятій ихъ перешли въ вѣдѣніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба, не согласилось на предложеніе правительственной коммисіи скарба. Заключеніе той коммисіи относительно уменьшенія жалованья епископовъ обратило на себя вниманіе правленія.

Разсмотрѣвъ представленія по сему предмету правительственной коммисіи доходовъ и скарба и правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, временное правленіе въ полномъ увѣреніи, что доходы казны должны быть приняты въ особенное соображеніе при разрѣшеніи сего случая, и что хотя правительственная коммисія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія утверждала, что по уваженію званія и должности епископовъ, жалованье производится имъ

въ видѣ вознагражденія за отобранныя у нихъ имѣнія, и чт наконецъ, по Высочайшему постановленію, оклады жалованья епископовъ, составленные въ Римѣ, не допускаютъ къ предполагаемому уменьшенію, временное правленіе однако-жъ соглашалось съ мнѣніемъ правительственной коммисіи доходовъ и скарба именно потому, что жалованье епископовъ есть вознагражденіе за отобранныя у нихъ имѣнія, въ вѣдѣніе казны поступившія, по случаю убыли въ доходахъ сихъ имѣній, оное жалованье должно быть уменьшено; что же касается до обстоятельства, что назначеніе жалованья епископовъ послѣдовало въ Римѣ по Высочайшему соизволенію, то остается только сообщить главѣ западной церкви, что, по случаю уменьшенія казенныхъ доходовъ, жалованье епископамъ будетъ также уменьшено.

На семъ основаніи временное правленіе вполнѣ согласилось въ томъ, что жалованье епископовъ въ нынѣшнее время должно быть непремѣнно уменьшено, но что касается до самаго уменьшенія и времени, съ котораго производить уменьшенное жалованье, то правленіе, не считая себя въ правѣ разрѣшить сіе, положило представить о томъ на Высочайшее благоусмотрѣніе. Къ сему заключенію правленія побудило и то обстоятельство, что какъ жалованье архіепископа, такъ и двухъ епископовъ сандомирскаго и калишскаго, по случаю кончины сихъ, уже поступило въ числѣ остаточныхъ суммъ; предосудительное же поведеніе краковскаго епископа во время мятежа ожидать должно, что Его Величество изволитъ повелѣть пріостановить выдачу ему жалованья и ходатайствовать у главы западной церкви о назначеніи на сіе мѣсто краковскаго суфрагана, то за симъ, уменьшеніе жалованья епископовъ относиться будетъ только до четырехъ католическихъ и одного уніатскаго.

Относительно штата правительственной коммисіи юстиціи, правительственная коммисія доходовъ и скарба предполагала:

1) Уничтожить должность секретаря присутствія, коего должность можетъ быть исправляема генеральнымъ секретаремъ, отчего будетъ сбережено 3,500 зл. въ годъ.

2) Уменьшить жалованье архиваріуса 5,000 зл. въ годъ въ 4,000 злотыхъ.

3) Не увеличивать жалованья генеральнаго секретаря на 3,000 зл., а секретаря переводчика французскаго языка на 1,000 злотыхъ.

4) Не согласиться на предполагаемую правительственною коммисіею юстиціи прибавку 500 злотыхъ къ жалованью архиваріуса.

5) Исключить изъ штата правительственной коммисіи юстиціи оклады жалованья редактора россійскаго языка и его помощника, составляющіе 9,000 злотыхъ въ годъ; потому что чиновники сіи, назначенные для употребленія по отдѣленію юстиціи, должны получать жалованье по штату канцеляріи временнаго правленія. А какъ членъ по части юстиціи, доказывая необходимость каждой изъ вышепомянутыхъ издержекъ, изъявилъ съ своей стороны согласіе помѣстить всѣ сіи издержки въ штатъ отдѣленія юстиціи, отказавшись за удовлетвореніемъ таковыхъ отъ остальныхъ суммъ, могущихъ оказаться по его отдѣленію, членъ по части финансовъ отвѣчалъ, что со стороны своей не имѣетъ противу сего никакого возраженія.

Относительно штата правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, правительственная коммисія доходовъ и скарба предполагала, во-первыхъ, пріостановить выдачу всякаго добавочнаго жалованья, отчего расходы убавятся на 17,900 злотыхъ въ годъ.

Противъ сего предположенія членъ по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи объяснилъ, что прибавку къ штатному жалованію нѣкоторыхъ чиновниковъ почитать надобно наградою, вслѣдствіе Высочайшей Воли пожалованною за ревностную и

долговременную службу, а затѣмъ не подлежащую пріостановленію, чтобы безъ вины не лишить чиновника оказанной ему милости; онъ замѣтилъ, что прибавки, о коихъ идетъ дѣло, послѣдовали большею частью для сравненія нѣкоторыхъ чиновниковъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, пользующейся меньшими окладами жалованья съ равными имъ по мѣстамъ чиновниками въ другихъ частяхъ управленія, а потому, для сохраненія однообразія, отнимать ихъ нынѣ не слѣдуетъ.

Раздѣляя мнѣніе сіе, членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія обратился къ правленію съ просьбою уполномочить правительственную коммисію доходовъ и скарба поставить въ штатъ выпущенные на текущій годъ 3,000 злотыхъ добавочнаго жалованья г-ну Линде въ награду многолѣтнихъ заслугъ его. Въ подкрѣпленіе сего членъ ссылался на представленіе свое по сему предмету, въ коемъ объяснилъ: что какъ г-нъ Линде исправляетъ нынѣ должность генеральнаго директора народнаго воспитанія, не получая по сему мѣсту особеннаго жалованья, то по крайней мѣрѣ заслуживаетъ того, чтобы жалованье, нынѣ имъ получаемое, не было уменьшаемо.

Соглашая таковыя мнѣнія, временное правленіе положило, что какъ уже въ семъ засѣданіи принято за правило, чтобы всѣ безъ изъятія чиновники способствовали уменьшенію расходовъ казны, то и нѣтъ причины отступать отъ сего правила относительно г. Линде и нѣкоторыхъ чиновниковъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи.

Предполагаемое правительственною коммисіею доходовъ и скарба сокращеніе расходовъ отъ уменьшенія окладовъ администраціонныхъ отдѣленій воеводскихъ коммисій, также квартирныхъ денегъ для предсѣдателя мазовецкой воеводской коммисіи изъ 6,000 въ 3,000 злотыхъ и для предсѣдателей люблинской и августовской коммисій изъ 3,000 зл. въ 2,000;

отъ уничтоженія должности секретарей присутствія въ воеводскихъ коммисіяхъ, отъ чего сбережено будетъ до 25,000 злотыхъ въ годъ; равномѣрно отъ непомѣщенія въ штатъ 4,800 злотыхъ въ годъ на содержаніе канонирскихъ лодокъ, временное правленіе съ общаго согласія членовъ предположило проектъ правительственной коммисіи доходовъ и скарба привесть въ исполненіе.

Заключеніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба, соединить въ воеводскихъ коммисіяхъ отдѣленіе администраціонное съ отдѣленіемъ военно-полицейскимъ, членъ правленія по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи не находилъ основательнымъ, утверждая: что причины, представляемыя правительственною коммисіею доходовъ и скарба, доказываютъ тому противное; онъ считалъ весьма ошибочнымъ мнѣніе, что съ назначеніемъ военныхъ начальниковъ по воеводствамъ, уменьшились занятія военно-полицейскихъ отдѣленій, ибо доказано на опытѣ, что учрежденіе военныхъ начальниковъ, полезное во многихъ отношеніяхъ, увеличило занятія военно-полицейскихъ отдѣленій, потому что начальники сіи большею частью незнакомы съ мѣстностью, съ языкомъ и даже съ собственными своими обязанностями.

Мнѣніе сіе признано было основательнымъ и заключеніе правительственной коммисіи доходовъ и скарба осталось безъ уваженія.

Подавая мнѣніе о воеводскихъ коммисіяхъ, членъ правленія по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія полагалъ, что здѣсь именно слѣдуетъ рѣшить представленіе правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, поданное во время предварительныхъ конференцій о бюджетѣ, на счетъ исключенія изъ штатовъ завѣдываемой имъ коммисіи 20,000 злотыхъ, назначенныхъ на духовныя отдѣленія воеводскимъ коммисіямъ для перемѣщенія оныхъ въ штатъ правительственной коммисіи внутрен-

нихъ дѣлъ и полиціи, въ вѣдѣніи коей состоятъ всѣ воеводскія коммисіи.

Поелику членъ по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи не оспаривалъ сего предположенія, не влекущаго за собою никакихъ особенныхъ расходовъ по ввѣренному ему отдѣленію, коль скоро суммы на содержаніе духовныхъ отдѣленій вмѣстѣ съ сими отдѣленіями поступаютъ въ штатъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, то временное правленіе согласилось на сіе предположеніе.

Равномѣрно членъ по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи не оспаривалъ исключенія изъ штата почтоваго вѣдомства 15,000 зл., положенныхъ на экстраординарныя издержки, но предоставлялъ правленію разсмотрѣть: выгодно ли для казны, ежели почтовое вѣдомство, въ случаѣ крайней надобности не имѣя особенныхъ суммъ въ распоряженіи своемъ, будетъ входить къ правленію съ представленіями о назначеніи ему таковыхъ, которыя наконецъ будутъ уплачены казною.

Въ разрѣшеніе сего, временное правленіе, принявъ въ соображеніе, что могутъ случиться обстоятельства, при коихъ почтовое вѣдомство не можетъ пріостановить исполненія данныхъ ему приказаній, не подвергнувъ себя отвѣтственности, и что въ каждомъ подобномъ случаѣ оно принуждено будетъ относиться къ временному правленію о назначеніи ему денежной выдачи, признало справедливымъ оставить въ почтовомъ штатѣ на экстраординарные расходы 15,000 злотыхъ, съ коихъ однако-жъ почтовое вѣдомство должно будетъ представить отчетъ.

На вопросъ правительственной коммисіи доходовъ и скарба, не слѣдовало ли бы сократить расходы коммисіи надзора за казенными строеніями, простирающіеся по штату до 400,000 злотыхъ, временное правленіе отвѣчало: что, ожидая по сему распоряженія высшаго начальства, предлагаетъ вышеозначенную сумму оставить въ бюджетѣ по прежнему.

По разрѣшеніи всѣхъ сомнѣній правительственной коммисіи доходовъ и скарба, препятствовавшихъ окончанію бюджета на текущій годъ, членъ правленія по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи обратился къ правленію съ просьбою разрѣшить нижеслѣдующіе вопросы:

1) Изъ какихъ суммъ будетъ содержанъ Августовскій каналъ, который, вслѣдствіе распоряженій его свѣтлости генералъ-фельдмаршала, поступилъ въ вѣдѣніе генеральнаго директора дорогъ и мостовъ.

2) Въ какомъ штатѣ помѣщенъ будетъ окладъ жалованья правительственнаго совѣтника г. Метцеля, который, принадлежа къ числу чиновниковъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи и будучи употребленъ при томъ муниципальнымъ управленіемъ г. Варшавы для завѣдыванія постройкою мостовъ, не показанъ въ штатахъ ни одного изъ сихъ управленій.

3) Помѣщена ли въ бюджетѣ сумма 137,868 злотыхъ 26 грошей, назначенная на перемѣщеніе и учрежденіе вновь госпиталя С. Лазаря, вслѣдствіе особеннаго распоряженія правленія?

На сіи вопросы временное правленіе отвѣчало:

По первому—что поелику представленіе правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи объ Августовскомъ каналѣ доведено до свѣдѣнія его свѣтлости съ просьбою о назначеніи суммы на содержаніе канала, то, до разрѣшенія его свѣтлости, правленіе не можетъ дать надлежащаго отвѣта.

По 2-му—что во уваженіе долговременной службы правительственнаго совѣтника Метцеля и по соображенію, что чиновникъ сей особенно занятъ по муниципальному управленію г. Варшавы, положило, что жалованье ему должно быть производимо отъ сего управленія, почему и уполномочило члена по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи сдѣлать по сему надлежащія распоряженія.

6*

По 3-му—что предписаніе правленія относительно госпиталя С. Лазаря исполнено помѣщеніемъ назначенной суммы въ бюджетѣ.

Членъ по части юстиціи, замѣтивъ, что по штату не показано суммы на содержаніе дворца королевскихъ намѣстниковъ, представилъ о назначеніи таковой.

Правительственная коммисія доходовъ и скарба объяснила, что сумма на содержаніе сего дворца, вмѣстѣ съ таковою-жъ на содержаніе брюловскаго дворца, помѣщена въ бюджетѣ на 227,400 зл.

Но временное правленіе, принявъ во вниманіе, что соединеніе сихъ двухъ суммъ въ бюджетѣ неумѣстно, какъ по различному управленію сими дворцами, такъ и потому, что брюловскій дворецъ, занимаемый военнымъ варшавскимъ губернаторомъ, долженъ быть содержанъ на счетъ города Варшавы, а не на счетъ Царства Польскаго, опредѣлило: помѣстить въ штатѣ г. Варшавы сумму на содержаніе брюловскаго дворца, въ бюджетѣ же вмѣсто 227,400 злотыхъ, оставить только 60,000 зл. на содержаніе дворца королевскихъ намѣстниковъ.

По разсмотрѣнію всѣхъ вышеозначенныхъ запросовъ, временное правленіе поручило правительственной коммисіи доходовъ и скарба неминуемо заняться выполненіемъ въ предметѣ измѣненія бюджета относительно постановленія, на семъ засѣданіи опредѣленнаго.

Предсѣдатель временнаго правленія дѣйствительный тайный совѣтникъ Федоръ Енгель.

б.

ПРОТОКОЛЪ

Временнаго правленія Царства Польскаго.

Засѣданіе 12-го (24-го) генваря 1832 года.

Присутствовали тѣ же, что и въ протоколѣ XXI.

3) По рапорту члена по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 12-го (24-го) сего генваря № 176 о предосудительныхъ поступкахъ профессоровъ бяльскаго училища во время мятежа и по возстановленіи законнаго правительства,—временное правленіе, принявъ во вниманіе, что въ Высочайшемъ Манифестѣ отъ 20-го октября (1-го ноября) 1831 года изображено: «что полное и совершенное прощеніе даруется тѣмъ подданнымъ Царства Польскаго, кои возвратились къ долгу повиновенія, никто изъ нихъ не будетъ ни нынѣ, ни впредь подвергаемъ суду или преслѣдуемъ за поступки или изъявленныя ими политическія мнѣнія, во все время бывшихъ въ Царствѣ Польскомъ смятеній» и что посему поступки профессоровъ Бяльской школы во время мятежа должны быть преданы забвенію, полагало однако-жъ, что сіе нимало не препятствуетъ начальству, имѣющему надзоръ за воспитаніемъ юношества, удалить отъ должностей учителей, не заслуживающихъ довѣрія. Разсматривая же поведеніе профессоровъ Бяльской школы по минованіи мятежа, въ особенности же профессора Ричеля, усмотрѣло: что онъ въ торжественные и драгоцѣнные для каждаго вѣрноподданнаго дни тезоименитства Августѣйшаго брата Его Императорскаго Величества и вступленія на престолъ Его Императорскаго Величества, когда жители города Бялы возобновляли присягу на вѣрность Государю, осмѣлился публично играть на орга-

нахъ неприличную пѣсню, оскверняя столь священное торжество. Сообразивъ также, что преданіемъ забвенію таковаго поступка можно подать поводъ ко вредному подражанію не уважать законную власть, положило: что по удаленіи профессора Ричеля отъ должности, согласно съ заключеніемъ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, поступки его должны быть подвергнуты строжайшему изслѣдованію.

По представленію члена по части финансовъ, казначейства и контроля:

1) По представленнымъ при рапортѣ правительственной коммисіи доходовъ и скарба отъ 11-го (23-го) сего генваря № 4715 двухъ проектовъ постановленій, первый—относительно правъ собственности казны государственной на недвижимыя имѣнія и капиталы, оставшіеся послѣ духовныхъ заведеній; второй—относительно поступленія въ кредитное общество какъ ихъ, такъ и имѣній горнаго вѣдомства,—временное правленіе, принимая во вниманіе, что необходимыя общественныя потребности заставляютъ предпринимать всякія мѣры для умноженія казенныхъ доходовъ, изъявило готовность поднести на Высочайшее утвержденіе проектъ объ отдачѣ подъ залогъ кредитному обществу недвижимыхъ имѣній горнаго вѣдомства; относительно же недвижимыхъ имѣній духовенства полагало, что слѣдовало бы предварительно потребовать мнѣніе по сему предмету отъ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, имѣющей попеченіе о цѣлости имуществъ духовенства, а потому представленіе правительственной коммисіи доходовъ и скарба передало на ея заключеніе.

2) Равномѣрно по предмету проекта Высочайшаго постановленія, представленнаго правительственною коммисіею доходовъ и скарба отъ 7-го (19-го) сего генваря, о дозволеніи возвысить проценты съ капиталовъ, обезпеченныхъ на частныхъ имѣніяхъ, а именно: съ капиталовъ, причитающихся

правительству по конвенціи 1797 года, состоящихъ въ управленіи правительственной коммисіи доходовъ и скарба и правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

3) Убѣждаясь по рапорту правительственной коммисіи доходовъ и скарба отъ 9-го (21-го) сего генваря № 4976, что въ существовавшихъ доселѣ въ Варшавѣ горной и лѣсной школахъ число учениковъ, вслѣдствіе бывшихъ мятежей, до такой степени уменьшилось, что при существованіи оныхъ издержки казны на содержаніе школъ не будутъ соотвѣтствовать приносимой отъ нихъ пользѣ, принявъ при томъ во вниманіе, что существованіе сихъ училищъ зависѣть будетъ отъ общихъ мѣръ правительства въ отношеніи ко всѣмъ училищамъ, временное правленіе отвѣчало правительственной коммисіи доходовъ и скарба, что уполномочиваетъ оную не вносить въ бюджетъ 1832 года суммы, на содержаніе сихъ двухъ училищъ опредѣленныя.

Предсѣдатель временнаго правленія дѣйствительный тайный совѣтникъ Федоръ Энгель.

в.

ПРОТОКОЛЪ

Временнаго правленія Царства Польскаго.

Засѣданіе 15-го (27-го) генваря 1832 года.

Присутствовали тѣ же.

Разрѣшая представленія членовъ, завѣдывающихъ отдѣленіями правленія:

по представленію члена по части духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія отъ 15-го (27-го) сего генваря №№ 6235, 1205 объ изъявленномъ краковскимъ епископомъ желаніи принесть вмѣстѣ съ тамошнимъ каѳедральнымъ капитуломъ и духовенствомъ присягу на вѣрность Государю Императору, по предмету принадлежащихъ духовенству въ Царствѣ Польскомъ капиталовъ и получаемаго отъ казны содержанія, временное правленіе отвѣчало: что какъ предосудительные поступки во время мятежа краковскаго епископа обнаружены, и по рапорту члена по части духовныхъ дѣлъ оказывается, что помянутый епископъ издалъ во время возмущенія три духовныя грамоты, исполненныя злостныхъ выраженій противъ законной власти, которыя сверхъ того были подписаны нѣкоторыми членами краковской консисторіи, то удовлетвореніе желанія краковскаго епископа и капитула зависитъ единственно отъ Высочайшей воли.

г.

ПРОТОКОЛЪ

Временнаго правленія Царства Польскаго.

Засѣданіе генваря 17-го (29-го) дня 1832 года.

Присутствовали:

Предсѣдатель, дѣйствительный тайный совѣтникъ Енгель.

Члены правленія, завѣдывающіе отдѣленіями:

Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, дивизіонный генералъ Раутенстраухъ.

Юстиціи, дивизіонный генералъ Коссецкій.

Внутреннихъ дѣлъ и полиціи, свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ графъ Строгановъ.

Финансовъ, казначейства и контроля, дѣйствительный статскій совѣтникъ Фурманъ.

Исполняющій должность генеральнаго секретаря правленія, статсъ-совѣтникъ Тымовскій.

По прочтеніи и подписаніи протокола чрезвычайнаго засѣданія 7-го (19-го) сего генваря, продолжая совѣщаніе о бюджетѣ на текущій годъ:

1) Предсѣдатель временнаго правленія сообщилъ членамъ, что согласно съ изъявленнымъ въ засѣданіи 7-го (19-го) сего генваря желаніемъ удостовѣриться, въ какой мѣрѣ возможно предохранить казну отъ назначенія суммъ на расходы города Варшавы, пригласивъ на приватную конференцію военнаго губернатора г. Варшавы и члена по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи, разсматривалъ онъ вмѣстѣ съ ними штаты г. Варшавы, вслѣдствіе чего по общему согласію положено: не выдавать впредь управленію города никакого отъ казны денежнаго пособія, а сумму 180,000 злот., показанную въ бюджетѣ 1830 года въ видѣ добавочной на содержаніе полиціи, поставить въ число остаточныхъ суммъ.

Предсѣдатель сообщилъ также, что на сей конференціи разрѣшенъ окончательно вопросъ насчетъ жалованья правительственнаго совѣтника Метцеля, которое согласно съ желаніемъ правленія помѣщено въ штатахъ г. Варшавы.

2) Членъ правленія по части внутреннихъ дѣлъ и полиціи повторилъ вопросъ, сдѣланный въ предыдущемъ засѣданіи, доселѣ окончательно не рѣшенный: изъ какихъ суммъ будутъ удовлетворяемы расходы по Августовскому каналу, который по волѣ г. главнокомандующаго поступилъ въ вѣдѣніе генеральной дирекціи дорогъ и мостовъ. Онъ присовокупилъ къ тому, что, основываясь на свѣдѣніяхъ, сообщенныхъ ему партикулярно дивизіоннымъ генераломъ Малетскимъ, подъ надзо-

ромъ коего производились работы по означенному каналу, издержки на окончаніе, починку и содержаніе онаго, въ теченіе сего года обойдутся въ 404,000 злот., и будучи увѣренъ, по соображенію также партикулярныхъ свѣдѣній, что сумма сія недостаточна, онъ тѣмъ болѣе считаетъ долгомъ обратить вниманіе правленія на необходимую надобность помѣстить въ бюджетѣ 1832 года сумму на содержаніе сего канала, дабы въ противномъ случаѣ не послѣдовало совершеннаго уничтоженія столь важной работы, или не потребовалось на будущій годъ еще болѣе издержекъ на приведеніе оной въ прежнее состояніе.

Поелику же предсѣдатель правленія объяснилъ членамъ, что на вопросъ правленія: изъ какихъ суммъ должны быть удовлетворены расходы на окончаніе и содержаніе Августовскаго канала, его свѣтлость изволилъ предложить, чтобы потребная для сего сумма внесена была въ общій бюджетъ Царства Польскаго, то временное правленіе положило: предложить правительственной коммисіи доходовъ и скарба помѣстить на сей предметъ сумму 400,000 злотыхъ въ бюджетѣ текущаго года.

3) Членъ правленія по части финансовъ, ссылаясь на доставленный къ нему для помѣщенія въ бюджетѣ штатъ канцеляріи министра статсъ-секретаря въ С.-Петербургѣ, въ коемъ между прочимъ показано 50,000 злотыхъ добавочныхъ къ жалованью министра статсъ-секретаря на счетъ суммъ военнаго вѣдомства, полагалъ, что поелику въ бюджетѣ не помѣщена сумма на содержаніе польскаго войска, то и упомянутыя 50,000 злот. въ числѣ таковой показаны быть не могутъ, а потому слѣдуетъ поставить ихъ на счетъ общихъ суммъ, въ распоряженіе правленія представленныхъ.

Но какъ временное правленіе, разсуждая о семъ, приняло въ уваженіе, что Государь Императоръ, увольнивъ министра статсъ-секретаря отъ званія генерала польскихъ войскъ съ

пенсіономъ по узаконенію, не изволилъ повелѣть о помѣщеніи его жалованья въ штатахъ военнаго вѣдомства, то и положило, что добавка къ сему жалованью можетъ быть производима только изъ общихъ суммъ, а потому опредѣлило помѣстить въ бюджетѣ сего года безъ всякаго измѣненія штатъ канцеляріи статсъ-секретаріата, доставленный правительственной коммисіи доходовъ и скарба и уже Высочайше утвержденный.

4) Тотъ же членъ правленія представилъ за симъ протоколъ конференціи, состоявшейся между членами правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и членомъ правительственной коммисіи доходовъ и скарба, по предмету облегченія правительства сдѣланіемъ заема подъ казенные капиталы и фундуши чрезъ понужденіе должниковъ поіезуитскихъ суммъ приступить къ займу въ кредитномъ обществѣ и чрезъ отдачу духовныхъ имѣній подъ залогъ кредитному обществу.

Разсмотрѣвъ разсужденіе по сему предмету, въ особенности же слѣдующія заключенія, плодъ общаго совѣщанія и согласія коммисій:

a) Что для сего нуженъ законъ, уполномочивающій вѣдомство закладныхъ книгъ учредить закладную книгу для обезпеченія въ оной общихъ фундушей духовенства на имѣніяхъ, принадлежащихъ не существующему нынѣ духовенству, а между тѣмъ какъ обезпеченіе сіе не могло бы послѣдовать, ежели не будетъ владѣльца имѣній, то остается снестись съ папскою властью, тѣмъ болѣе, что здѣсь идетъ дѣло о собственности цѣлаго духовенства.

b) Чтобы общее имущество духовенства, подъ имѣнія не существующаго духовенства взяло въ займы въ кредитномъ обществѣ соотвѣтственную сумму листами заставными, которую правительственная коммисія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія даетъ въ займы казнѣ государственной по приличномъ обезпеченіи.

c) Чтобы должниковъ суммъ поiезуитскихъ заставить приступить въ кредитное общество, для выученія имѣемыхъ у нихъ капиталовъ и отдачи въ казну.

d) Казну обязать, чтобы для обезпеченія долга, занятаго въ кредитномъ обществѣ подъ имѣнія не существующаго духовенства, а равно капиталовъ поiезуитскихъ, взысканныхъ съ частныхъ должниковъ, дала отъ себя облигаціи въ таковую-жъ сумму для удовлетворенія общихъ духовенства и едукаціонныхъ фундушей, обезпечая оныя на собственныхъ капиталахъ, имѣемыхъ у частныхъ лицъ, и обезпеченныхъ въ закладныхъ книгахъ на первой половинѣ цѣны частныхъ имѣній, съ тѣмъ, что въ случаѣ открывающейся невѣрности какого-либо обезпеченія или неуплаченія процентовъ кредитному обществу съ имѣній, уничтоженному духовенству принадлежащихъ, общее обезпеченіе и солидарная отвѣтственность фундушамъ духовенства и едукаціоннымъ обезпечены будутъ на всѣхъ вообще капиталахъ казны, а въ случаѣ надобности и на всѣхъ доходахъ Царства Польскаго.

Временное правленіе, признавая мѣры сіи равно выгодными какъ для казны, изыскивающей средства къ умноженію своихъ доходовъ, такъ и для капиталовъ подуховныхъ и едукаціонныхъ, обезпечиваемыхъ вѣрнымъ и постояннымъ залогомъ, изъявило свое согласіе на оныя и уполномочило правительственную коммисію духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, равно какъ и доходовъ и скарба, составить проектъ Высочайшаго постановленія.

На семъ основаніи, въ ожиданіи Высочайшаго утвержденія сего проекта, временное правленіе уполномочило правительственную коммисію доходовъ и скарба помѣстить въ статью доходовъ въ бюджетѣ ту сумму, какая будетъ взята въ займы подъ имѣнія уничтоженнаго духовенства, и ту, которая имѣется въ виду отъ выручки капиталовъ поiезуитскихъ.

5) При семъ, согласно съ мнѣніемъ члена по части фи-

нансовъ, временное правленіе поручило помѣстить въ доходѣ бюджета на сей годъ суммы, ожидаемыя отъ продажи казенныхъ имѣній, на основаніи контрактовъ, представленныхъ уже или имѣющихъ быть представленными на Высочайшее утвержденіе.

6) Штатъ канцеляріи временнаго правленія, соотвѣтствующій необходимой надобности, принятъ въ томъ видѣ, въ какомъ былъ представленъ предсѣдателемъ на Высочайшее утвержденіе.

7) Наконецъ временное правленіе утвердило штатъ Польскаго банка на текущій годъ, согласно съ представленіемъ члена по части финасовъ отъ 15-го 27-го сего генваря № 238, въ коемъ хотя упомянуто, что расходы банка, удовлетворяемые изъ собственныхъ суммъ онаго, не требуютъ разсмотрѣнія при общемъ соображеніи расходовъ Царства, но по уваженію предположеннаго правительствомъ приращенія доходовъ посредствомъ вычета 4-хъ процентовъ изъ жалованья всѣхъ чиновниковъ, а затѣмъ и чиновниковъ банка, для внесенія таковой суммы въ бюджетъ, правленіе полагало, что помянутый штатъ банка долженъ быть утвержденъ окончательно.

Устранивъ такимъ образомъ всѣ затрудненія, препятствовавшія окончанію бюджета на текущій годъ, временное правленіе поручило правительственной коммисіи доходовъ и скарба, за минованіемъ срочнаго времени, поспѣшить съ представленіемъ бюджета.

Предсѣдатель временнаго правленія дѣйствительный
тайный совѣтникъ Федоръ Енгель.

№ 5.

ПРОТОКОЛЪ

Временнаго правленія Царства Польскаго.

Засѣданіе 2-го (14-го) марта 1832 года.

Присутствовали:

Предсѣдатель временнаго правленія, генералъ-губернаторъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій.

Члены Правленія:

Духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія генералъ-лейтенантъ Раутенстраухъ. Юстиціи генералъ-лейтенантъ Косецкій. Внутреннихъ дѣлъ и полиціи свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ графъ Строгановъ. Финансовъ, казначейства и контроля дѣйствительный статскій совѣтникъ Фурманъ.

Исправляющій должность генеральнаго секретаря правленія статсъ-совѣтникъ Тымовскій.

По выслушаніи протокола предшествовавшаго засѣданія, бывшаго 26-го февраля (9-го марта) сего года, и по подписаніи онаго предсѣдателемъ правленія дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Енгелемъ, его высокопревосходительство сообщилъ присутствующимъ отзывъ его свѣтлости г. генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича Эриванскаго отъ 10-го (22-го) прошедшаго генваря № 46, въ которомъ изображено: что Государь Императоръ, снисходя на его (предсѣдателя) прошеніе, всемилостивѣйше соизволилъ, Вы-

сочайшимъ указомъ, въ 26-й день декабря правительствующему сенату даннымъ, уволить его отъ должности предсѣдателя временнаго правленія Царства Польскаго, предоставляя его свѣтлости учредить дальнѣйшее теченіе дѣлъ сего правленія и заниматься окончательнымъ разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ въ общемъ присутствіи членовъ онаго.

По выслушаніи сего Высочайшаго Его Императорско-Царскаго Величества указа г. дѣйствительный тайный совѣтникъ Енгель оставилъ собраніе, которое подъ управленіемъ новаго предсѣдателя неотложно продолжало по обыкновенію свои занятія.

Прежде всего читанъ былъ Высочайшій Его Императорско-Царскаго Величества манифестъ, состоявшійся въ 13-й день февраля сего года, объ учрежденіи въ Варшавѣ особаго уголовнаго суда надъ лицами, изъятыми изъ всепрощенія, дарованнаго подданнымъ Царства Польскаго Всемилостивѣйшимъ манифестомъ 20-го октября (1-го ноября), вмѣстѣ съ тѣмъ же манифестомъ прочтено и предложеніе г. главнокомандующаго дѣйствующею арміею генералъ-губернатора Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго отъ 1-го (13-го) марта № 809, коимъ его свѣтлость далъ знать правленію, что предсѣдателемъ особаго главнаго суда Высочайше назначенъ генералъ-отъ-кавалеріи графъ Виттъ; членами: генералъ-лейтенантъ Сулима, генералъ-маіоры: Панютинъ, князь Голицынъ и Данenбергъ, оберъ-шталмейстеръ графъ Потоцкій, сенаторъ Чарнецкій, статсъ-совѣтники: директоръ правительственной коммисіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія Шанявскій и членъ правительственной коммисіи юстиціи Вычеховскій, назначеніе же въономъ прокуратора и секретаря, а равно нѣсколькихъ лицъ для замѣщенія ихъ, въ случаѣ надобности, возложено на временное правленіе.

Послѣ сего прочтены были предложенія его свѣтлости, которыя предъ симъ послѣдовали во временное правленіе.

При первомъ изъ оныхъ, отъ 12-го (24-го) февраля сего года № 58, его свѣтлость сообщилъ правленію отношеніе министра статсъ-секретаря отъ 9-го (21-го) февраля № 181, объ утвержденіи Его Императорскимъ Величествомъ бюджета, составленнаго для Царства Польскаго на 1832 годъ.

Сіе предложеніе временное правленіе положило: препроводить въ правительственную коммисію доходовъ и скарба, при чемъ, обращая вниманіе на особенныя, заключающіяся въ ономъ распоряженія, а именно: на повелѣнія Государя Императора на счетъ общаго преобразованія администраціи, правленіе сіе сочло нужнымъ, чтобы каждая изъ правительственныхъ коммисій въ особенности взяла подъ ближайшее разсмотрѣніе сей предметъ и въ кратчайшемъ, сколько то возможно времени, представила бы правленію, какимъ образомъ по подвѣдомственнымъ имъ частямъ можно бы безъ вреда для общественной службы ввести систему экономіи, какъ чрезъ убавленіе мѣстъ, равно и окладовъ отдѣльныхъ чиновниковъ.

3) Желая способствовать трудамъ референтовъ цензурнаго комитета къ достаточнѣйшему разбору сочиненій, поступающихъ подъ ихъ разсмотрѣніе, временное правленіе, согласно представленію члена, внесшаго сей предметъ отъ 25-го февраля (8-го марта) сего года № 1821, просило его свѣтлость г. предсѣдателя, не оставить учинить съ кѣмъ слѣдуетъ соотвѣтственное сношеніе, чтобы свѣдѣнія обо всѣхъ изданіяхъ, которыя комитетомъ с.-петербугской цензуры запрещены или дозволены, были доставляемы въ здѣшній цензурный комитетъ, подобно какъ сіе было до мятежа.

При окончаніи засѣданія члены правленія, завѣдывающіе отдѣленіями внутреннихъ дѣлъ и полиціи, также приходовъ и скарба, во исполненіи возложеннаго на нихъ порученія въ засѣданіи 5-го (17-го) прошедшаго февраля, представили свои мнѣнія, относительно того, какимъ образомъ могло бы быть

сдѣлано пособіе тѣмъ жителямъ Царства Польскаго, которые наиболѣе потерпѣли разореніе отъ бывшей войны.

По достаточномъ соображеніи какъ мнѣнія сего, равно и присоединенныхъ къ оному двухъ рапортовъ: 1) отъ членовъ, изъ среды двухъ коммисій, избранныхъ для составленія на счетъ сего предположеній, основанныхъ на собранныхъ уже въ коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи матеріалахъ; а 2) коммисіи доходовъ и скарба, заключающаго въ себѣ мнѣніе по сказанному выше рапорту, временное правленіе совершенно убѣждалось согласиться съ мнѣніемъ представляющихъ членовъ и полагало, чтобы приготовляемыя на основаніи онаго инструкціи какъ найскорѣе были составлены и приведены въ исполненіе.

Со всѣмъ тѣмъ, при строгомъ разсмотрѣніи основаній, на которыхъ разореннымъ отъ войны жителямъ имѣютъ быть даваны пособія, правленіе не менѣе того обратило внимательный взглядъ на обязательства, какія отъ принятія таковыхъ произойдутъ для казны, равно какъ и на возможность ея къ выполненію сихъ обязательствъ.

Въ разрѣшеніи столь важнаго вопроса его свѣтлость г. предсѣдатель изволилъ замѣчать, что какъ скоро на означенный предметъ высшею властью назначено 4,500,000 злотыхъ (2,500,000 р. ас.), то всѣ расчеты управленія финансовъ должны сообразоваться съ тѣмъ, чтобы предположенная выдача не превышала суммы, на удовлетвореніе сей потребности предназначенной, при чемъ его свѣтлость, примѣняя выше приведенное основаніе къ представленному мнѣнію, находилъ, что оно представляетъ то неудобство, что не объясняетъ суммы, какую казна должна будетъ дѣйствительно отпустить на совершеніе благотворнаго намѣренія Государя Императора, и что симъ самымъ открываетъ случаи къ такимъ расходамъ, которые несравненно могутъ превзойти первоначальное назначеніе, не смотря на то, будетъ ли въ

состояніи казна, толиками тягостями обремененная, удовлетворить онымъ. Для отвращенія столь важнаго неудобства, его свѣтлость полагалъ, что предъ опредѣленіемъ нуждъ каждаго въ особенности обвода, потерпѣвшаго отъ военныхъ послѣдствій, слѣдовало бы назначить сумму, какая можетъ потребоваться на вспомоществованіе онаго, имѣя въ виду степень разоренія сихъ обводовъ. Въ подтвержденіе таковаго своего мнѣнія его свѣтлость приводилъ и то обстоятельство, что назначеніе общей суммы на пособіе котораго-либо обвода немало можетъ послужить къ соблюденію осторожности въ израсходованіи оной, ибо сіе побудитъ администраціонныя управленія назначать пособія тѣмъ только, которые дѣйствительно будутъ имѣть на то право, а правительству не отыметъ возможности постепеннаго прибавленія фундуша на вспомоществованіе первоначально предназначеннаго, по мѣрѣ признанной надобности жителей и возможности казначейства.

Когда всѣ присутствующіе единогласно признали сіе справедливымъ, то произошелъ второй вопросъ: въ какомъ количествѣ слѣдовало бы воеводскимъ коммисіямъ открыть кредитъ на пособіе отдѣльныхъ обводовъ? Въ разсужденіи сего вопроса, временное правленіе находило, что, сообразуясь съ суммою нынѣ Высочайше назначенною на пособіе крестьянъ, надлежитъ прилагать стараніе о томъ, чтобы сумма сія не была вся вдругъ роздана для того, чтобы правленіе всегда имѣло возможность оказать помощь не только тѣмъ обводамъ, кои болѣе другихъ пострадали отъ войны, но сверхъ того и тѣмъ особеннымъ гминамъ, потерпѣвшимъ разореніе, состоящимъ въ обводахъ, которыхъ не коснулись вовсе военныя бѣдствія, и которые по сему самому не включены въ число нуждающихся. Держась сего основанія, а также имѣя въ соображеніи число обводовъ, отъ войны наиболѣе разоренныхъ, временное правленіе постановило: что для первоначальнаго

пособія жителямъ на каждый обводъ слѣдуетъ назначить только по 200,000 злотыхъ.

Таковое постановленіе временное правленіе приказало для исполненія препроводить въ правительственныя коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, а также приходовъ и скарба.

Симъ кончилось настоящее засѣданіе, а слѣдующему назначено быть 5-го (17-го) сего марта.

Предсѣдатель генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ Эриванскій (собственноручная подпись).

№ 6.

ПРОТОКОЛЪ

Временнаго правленія Царства Польскаго.

Засѣданіе 11-го (23-го) марта 1832 года.

Присутствовали:

Предсѣдатель временнаго правленія генералъ-губернаторъ Царства Польскаго, генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Члены правленія.

Тѣ же.

По выслушаніи и подписаніи протокола предыдущаго засѣданія, бывшаго 8-го (20-го) сего марта, прочтены были вновь полученныя изъ С.-Петербурга Высочайшія Его Императорскаго Величества повелѣнія, объявленныя въ пяти отношеніяхъ министра статсъ-секретаря Царства Польскаго отъ 1-го (13-го) сего марта.

При первомъ изъ нихъ, министръ статсъ-секретарь препроводилъ на заключеніе правленія Царства Польскаго прошеніе Августа Риттериха, владѣльца состоящей въ Маримонтѣ фабрики издѣлій, называемыхъ draps de dames, circassiennes и проч., о вознагражденіи его за убытки, понесенные имъ по случаю заключенія его во время революціи въ тюрьму и занятія фабрики его на оружейный заводъ, отдачею ему въ вѣчное арендное содержаніе казеннаго фольварка Кремпа.

Вторымъ—увѣдомилъ, что Государь Императоръ, совершенно соглашаясь съ мнѣніемъ его свѣтлости г. предсѣдателя на счетъ недѣйствительности всѣхъ актовъ, во время мятежа лицами, изъятыми изъ всепрощенія, совершенныхъ, въ цѣли перевода на имена третьихъ собственности владѣемыхъ ими имѣній, предоставляетъ его свѣтлости сдѣлать соотвѣтственное по сему распоряженіе.

Третьимъ — сообщилъ его свѣтлости г. предсѣдателю отзывъ начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, относительно инженера подполковника бывшихъ польскихъ войскъ Енгбрихта, по переходѣ котораго въ россійскую армію, Государю Императору благоугодно оставить ему прежній окладъ изъ Царства Польскаго и сдѣлать общее распоряженіе, чтобы отнынѣ всѣ польскіе офицеры, которые бы вступили въ россійскую военную службу, удовлетворяемы были изъ той же казны и пользовались подобными выгодами.

При четвертомъ, препроводилъ на заключеніе его свѣтлости всеподданнѣйшее прошеніе г. Федора Кисѣльницкаго, шурина генерала Гуртина, о назначеніи ему пожизненнаго пенсіона, изъ котораго могъ бы онъ дать воспитаніе троимъ дѣтямъ своимъ; при чемъ увѣдомилъ, что во всякомъ случаѣ можно бы предложить г. Кисѣльницкому, не желаетъ ли онъ помѣстить сына своего въ кадетскомъ корпусѣ.

Пятымъ, по поводу всеподданнѣйшаго прошенія, поданнаго суконнымъ фабрикантомъ въ Згержѣ, Вильгельмомъ Фридери-

комъ Захертомъ, отъ имени всѣхъ суконныхъ фабрикантовъ въ Здунской волѣ, сообщилъ, что Его Императорско-Царскому Величеству благоугодно, чтобы на мѣстѣ было произведено изслѣдованіе, кто изъ фабрикантовъ Здунской воли палъ или получилъ увѣчье въ битвѣ съ польскими партизантами, и чтобы послѣ того было представлено Государю Императору, должно ли и въ какомъ видѣ вознаградить ихъ вѣрность къ законной власти.

Вслѣдствіе того временное правленіе постановило препроводить означенныя отношенія для надлежащаго исполненія въ правительственныя коммисіи по принадлежности, а именно: первую, четвертую и пятую въ коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи, вторую въ коммисію юстиціи для составленія проекта, а третью въ коммисію финансовъ.

Послѣ сего его свѣтлость г. предсѣдатель сообщилъ временному правленію, что Государь Императоръ, освѣдомясь о состояніи дѣлъ въ г. Краковѣ, соизволилъ объявить волю свою, чтобы распоряженіе, на основаніи коего воспрещено было молодымъ людямъ изъ Царства Польскаго отправляться въ краковскій университетъ, было соблюдаемо въ своей силѣ впредь до дальнѣйшаго повелѣнія.

Временное правленіе полагало: что сія Высочайшая воля удобнѣе всего могла бы быть приведена въ исполненіе посредствомъ россійскаго повѣреннаго въ Краковѣ, который, истребовавъ отъ сената вольнаго г. Кракова списокъ всѣмъ молодымъ людямъ Царства Польскаго, обучающимся нынѣ въ краковскомъ университетѣ, въ правѣ будетъ объявить имъ о Высочайшей волѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ донести, не встрѣчается ли въ особенности какихъ причинъ къ неотложному оной исполненію. При чемъ правленіе сіе заключало, что по доставленіи оному списка молодымъ людямъ, обучающимся въ краковскомъ университетѣ, долгомъ будетъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи оповѣстить ихъ родителей или

родственниковъ, что они обязаны какъ наискорѣе вызвать сихъ учащихся въ край.

Его свѣтлость г. предсѣдатель предложилъ правленію проектъ о разсмотрѣніи всѣхъ квитанцій на доставленные разнаго рода продукты для россійскихъ войскъ, выданныхъ согласно распоряженію генералъ-фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго обывателямъ Царства Польскаго; проектъ сей правленіе нашло во всѣхъ отношеніяхъ удовлетворительнымъ.

По случаю предложеннаго со стороны его свѣтлости вопроса: какимъ порядкомъ впредь имѣютъ быть производимы засвидѣтельствованія всѣхъ актовъ въ Царствѣ Польскомъ формально совершенныхъ и впослѣдствіи присылаемыхъ за границу или въ Россію для офиціальнаго употребленія? Временное правленіе постановило: что какъ засвидѣтельствованіе актовъ пересылаемыхъ за границу можетъ происходить такъ же, какъ и прежде, то-есть посредствомъ находящихся въ Царствѣ консуловъ; то остается только предписать форму утвержденія тѣхъ актовъ, кои имѣютъ быть употреблены по дѣламъ въ Россіи и каковые прежде были утверждаемы сенаторомъ Новосильцовымъ. Въ разсужденіе чего правленіе, находя, что для его свѣтлости было бы дѣломъ слишкомъ затруднительнымъ, ежели бы всѣ акты, совершаемые въ Царствѣ и пересылаемые въ Россію, исключительно требовали его утвержденія, положило: что засвидѣтельствованіе послѣдней подписи, сдѣланное на русскомъ языкѣ членомъ временнаго правленія по ввѣренной ему части, съ приложеніемъ печати правленія сего, должно быть почитаемо въ Россіи достаточнымъ.

Хотя его свѣтлость таковое заключеніе нашелъ основательнымъ и разрѣшилъ членовъ правленія поступать согласно оному; но по вниманію къ дѣламъ частныхъ лицъ и изъ опасенія, чтобы россійскія начальства, не бывъ извѣстны о настоящемъ распоряженіи, не дѣлали затрудненія въ принятіи актовъ, такимъ образомъ утвержденныхъ, правленіе постано-

вило: просить Государя Императора о дачѣ именного Высочайшаго указа правительствующему сенату, дабы всѣ присутственныя мѣста Имперіи сдѣланныя на состоящихся въ Царствѣ Польскомъ актахъ членами правленія засвидѣтельствованія признавали достаточными.

При семъ правленіе не упустило изъ виду и того обстоятельства, что на основаніи порядка, какой соблюдаемъ былъ прежде, всѣ официальные акты, пересылаемые изъ Россіи въ Царство Польское, утверждались подписью сенатора Новосильцова и что посему со стороны польскихъ властей можетъ встрѣтиться требованіе о соблюденіи впредь таковой формальности. Но такъ какъ правленіе, согласно съ мнѣніемъ его свѣтлости находитъ, что, при настоящемъ соединеніи Царства Польскаго съ Россійскою Имперіею, прежній порядокъ оказывается менѣе свойственнымъ, то правленіе постановило испросить Высочайшее разрѣшеніе на учиненіе общаго распоряженія, по которому бы всякіе официальные акты, въ надлежащей формѣ въ Россіи состоявшіеся, были безъ засвидѣтельствованія въ Царствѣ принимаемы, гдѣ слѣдуетъ, для надлежащаго употребленія.

Прочтенъ былъ послѣ сего отзывъ военнаго губернатора г. Варшавы генерала-отъ-кавалеріи графа Витта, послѣдовавшій на имя бывшаго предсѣдателя правленія г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Енгеля отъ 13-го февраля сего года № 282, о Высочайшемъ разрѣшеніи свободнаго сообщенія обоюдныхъ подданныхъ и увольненія жителей Царства Польскаго за границу.

Хотя таковое Высочайшее распоряженіе, отъ его свѣтлости сообщенное въ свое время правленію, и было разослано въ надлежащія мѣста, для свѣдѣнія и исполненія; но какъ сей отзывъ заключаетъ въ себѣ правила, о коихъ не значится въ предложеніи его свѣтлости, относительно выдачи паспортовъ на въѣздъ за границу, то правленіе нашло, что и оный дол-

женъ быть препровожденъ въ тѣ же мѣста, съ предложеніемъ правительственной коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи объявить упомянутыя правила посредствомъ публичныхъ вѣдомостей.

Затѣмъ прочтена докладная записка, вступившая къ его свѣтлости отъ того же военнаго губернатора графа Витта, отъ 8-го февраля № 92, съ исчисленіемъ потерь нѣмецкихъ колонистовъ селенія Шопы, понесенныхъ ими при взятіи штурмомъ Варшавы, вообще на сумму 107,932 злотыхъ.

При всей увѣренности о горестномъ положеніи сихъ колонистовъ, временное правленіе нашлось въ невозможности удовлетворить ихъ вполнѣ, и хотя они, какъ имѣющіе неоспоримое право на пособіе, могли бы получить таковое въ свое время изъ Высочайше назначенной суммы 2,500,000 рублей ассигнаціями для жителей Царства Польскаго, наиболѣе потерпѣвшихъ въ послѣднюю войну, но правленіе постановило: оказать имъ то снисхожденіе, чтобы они таковое пособіе получили безъ отлагательства, вслѣдствіе чего и предписано правительственной коммисіи доходовъ и скарба изъ помянутаго капитала и особо назначенныхъ суммъ на вспомоществованіе отдѣльныхъ обводовъ выдать колонистамъ селенія Шопы 30,000 злотыхъ, посредствомъ воеводской коммисіи, имѣющей заняться раскладкою оныхъ, съ таковымъ предостереженіемъ коммисіи, что колонисты сіи не могутъ имѣть права на дальнѣйшее пособіе изъ суммъ, назначенныхъ на вспомоществованіе варшавскаго обвода.

Разсуждая о помощи разоренныхъ послѣднею войною жителей, его свѣтлость г. предсѣдатель изволилъ замѣчать, что, вникая въ столь важный предметъ, временное правленіе имѣло главнѣйше въ виду жителей селеній, но упустило изъ виду жителей городовъ, которыхъ не менѣе коснулись бѣдствія войны, и потому, назначая пособіе первымъ, совершенно оставило послѣднихъ. Посему его свѣтлость полагалъ, что одна

Варшава, которая чрезъ сожженіе Праги, Вольскаго и другихъ предмѣстій, близкихъ театра войны, столь значительное потерпѣвшая разореніе, заслуживаетъ наиособенное вниманіе и что не должно оставлять тщетными многихъ жалобъ и просьбъ, которыя ежедневно поступаютъ къ его свѣтлости отъ несчастныхъ жителей.

Временное правленіе совершенно согласилось съ таковымъ мнѣніемъ и, находя, что капиталъ, предназначенный на пособіе отдѣльныхъ обводовъ по мѣрѣ признанной надобности, равно долженъ быть раздѣленъ, какъ между жителей городовъ, такъ и селеній, постановило: приступая къ опредѣленію пособія г. Варшавѣ, истребовать отъ коммисіи внутреннихъ дѣлъ и полиціи донесеніе о успѣхѣ дѣйствій депутаціи, назначенной для исчисленія потерь, понесенныхъ жителями Варшавы отъ послѣднихъ военныхъ послѣдствій.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій графъ Паскевичъ-Эриванскій (собственноручная подпись).

№ 7.

a.

Rogalin, 31 décembre 1831.

Mon cher Titus,

J'ai reçu Votre lettre; elle m'a fait beaucoup de peine, surtout parceque j'ai perdu l'espoir de Vous voir peut-être demain.

Je respecte Vos opinions quoique je ne les partage pas. Excusez moi, j'y trouve un peu d'égoisme, Vous sacrifiez tout

à ce qui Vous est agréable ou pénible. Les devoirs pénibles sont encore plus sacrés que ceux qu'on remplit avec plaisir. Il serait également blamable de juger son dégré d'utilité a un poste avec trop de modestie qu'avec trop d'amour propre. — Et d'un autre côté c'est surtout à présent qu'il faut garder toutes les avenues pour que nos ennemis réels ne s'en emparent pas. — Nos vrais ennemis ne sont pas ceux qui nous ont combattu franchement, mais les âmes basses et rampantes qui ont fait et qui feront toujours tout pour renverser les institutions autour desquelles se groupent toutes nos espérances. J'ai pour mon compte la conviction intime et l'entière satisfaction de croire, que j'ai puissament contribué au maintien de la banque que l'on voulait punir des secours, qu'elle avait prêtés à la révolution, en la cassant, qu'on voulait ensuite transporter à St-Pétersbourg etc. C'est une marotte peut-être, mais je crois conserver dans cette banque l'étincelle de bonheur futur de mes concitoyens, au moins de celui d'une infinité d'individus, et bien, malgré cela je m'aprête à expier un jour par l'exil, l'échafaud ou l'infamie l'effort que je fais à présent sur moi-même de rester à une place où je crois devoir conserver le feu sacré. Mais dès longtemps j'aurai pu et dû terminer une vie qui me serait à charge, si elle ne pouvait plus être utile aux miens. — J'ai renoncé à tout ce qu'elle me pouvait apporter de riant; je tacherai de suivre le chemin du devoir ou du moins de ce que je crois l'être, arrive ce que Dieu donnera. Mes fils hériteront de mon cœur pour la patrie. Excusez de m'être un peu laissé aller pour Vous, que je compte au nombre de mes meilleurs amis, mais avouez quelle sera ma position, si des âmes élevées se retireront et s'il faut rester avec des mercenaires de peur de tout faire passer entre leurs mains. Je vieillis et qui me remplacera? Viendra peut-être un temps où la patrie aura encore besoin de la Banque et qui en aura alors les clefs? Est-ce l'or, matériel de la Banque qui a servi

la cause ou est-ce l'esprit et....*) de ceux qui y ont fait des efforts malheureusement infructueux, mais dont on n'a jamais conçu l'étendue et tous les développements? Je ne Vous engage plus, mon cher Breza, mais je Vous prédis un jour de remords, quand il ne sera plus temps de les reparer; je Vous embrasse de tout mon cœur peut-être pour la dernière fois. Conservez le souvenir du temps que nous avons passé ensemble et donnez témoignage s'il le faut jamais de la pureté des intentions, qui virent toujours guidés dans les moments difficiles que nous avons passé dans notre vie.

Votre dévoué (signé) H. Lubienski.

б.

7 марта 1840 г.

С.-Петербургъ.

Читалъ
(рукою Государя).

Государь Императоръ изволилъ сказать что согласенъ
(рукою фельдмаршала).

Обѣ отмѣтки сдѣланы карандашемъ.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно было отдать мнѣ письмо графа Гейнриха Лубинскаго, писанное имъ вскорѣ послѣ мятежа.

Долго и внимательно разсуждая объ этомъ, я думаю, что это изъ тѣхъ предметовъ по управленію Царствомъ, которые разрѣшить весьма трудно.

Поляки вообще расположены къ намъ дурно; они всѣ желаютъ и будутъ желать перемѣны, это — извѣстно; что Гейн-

*) Многоточіе стоитъ въ перлюстраціи.

рихъ и вся фамилія Лубинскихъ не лучше другихъ—это также не безызвѣстно. Остается одинъ вопросъ: въ какой мѣрѣ полезенъ банкъ Польскій и въ какой степени для банка полезенъ графъ Лубинскій.

Что банкъ есть одною изъ главнѣйшихъ причинъ благосостоянія края, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Входя въ нужды обывателей, поощряя промышленность и земледѣліе, поддерживая кредитъ, онъ есть главный двигатель всѣхъ капиталовъ. Этимъ самымъ и собственными предпріятіями онъ приноситъ и казнѣ прибыль. Вотъ отчего доходы Царства, не смотря на неблагопріятныя обстоятельства, не уменьшаются, даже увеличиваются. Прибыль же собственно отъ предпріятій банка простирается до 4 мильоновъ.

Нельзя также не признать, что самый банкъ поддерживается способностями и трудами графа Гейнриха Лубинскаго. Тайный совѣтникъ Фурманъ считаетъ его первымъ своимъ помощникомъ. Сверхъ того общее его поведеніе нынѣ весьма хорошо: не замѣчено ни одной нескромности, ничего противъ правительства, по крайней мѣрѣ ничего явнаго. Сына своего онъ посылалъ въ С.-Петербургъ учить по русски; хочетъ опредѣлить его въ русскую службу.

Словомъ, графъ Лубинскій одинъ изъ тѣхъ полезныхъ людей, которыхъ употреблять необходимо, но вмѣстѣ надобенъ строгій надзоръ.

Для сего я назначилъ нынѣ въ банкъ двухъ русскихъ директоровъ. Прежде было нельзя, ибо необходимо было приготовить людей. Впередъ я думаю мало по малу наполнять всѣ важныя мѣста русскими, но знающими и привычными, то есть прослужившими въ Польшѣ по крайней мѣрѣ 5 лѣтъ.

№ 8.

Дневникъ Законовъ. № 51, т. 13. Стр. 345—413.

Учрежденіе особаго (верховнаго) уголовнаго суда въ Варшавѣ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій и проч., и проч., и проч.

Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ Нашимъ 20-го октября (1-го ноября), даровавъ прощеніе подданнымъ Царства Польскаго, Мы изъяли изъ онаго преступниковъ, коихъ измѣна, нарушеніе присяги и упорство въ мятежѣ навлекли и, къ прискорбію, столь долго продлили бѣдствія, опустошавшія сію страну.

Симъ манифестомъ вмѣстѣ съ тѣмъ объявлено было, что сіи преступники преданы будутъ учреждаемому для сего особому суду и судимы по всей строгости законовъ.

Вслѣдствіе чего повелѣваемъ:

Статья 1.

Особый уголовный судъ, учрежденный для произведенія суда надъ лицами, означенными въ разрядахъ исключеній, постановленныхъ подъ буквами *a*, *b*, *c* и *d*, въ манифестѣ нашемъ 20-го октября (1-го ноября), имѣетъ состоять изъ осьми членовъ и одного предсѣдателя.

Статья 2.

Временнымъ правленіемъ Царства Польскаго назначены будутъ къ сему суду: прокураторъ, избранный изъ числа

отличнѣйшихъ законовѣдцевъ, и секретарь, равно какъ и нѣсколько лицъ для замѣщенія ихъ въ случаѣ надобности.

Статья 3.

Прокураторъ по предъявленіи относящихся до слѣдствія актовъ изложитъ уголовному суду происшествія, подавшія поводъ къ симъ слѣдствіямъ, обозначитъ по прозванію, имени, сословію, ремеслу и мѣсту жительства тѣхъ, кои подозрѣваются виновными въ оныхъ, и потомъ предложитъ къ преслѣдованію оныхъ надлежащія мѣры.

Сіи изложенія представленій прокуратора и перечневая опись письменныхъ документовъ внесены быть должны въ присутствіе.

Статья 4.

Каждый изъ членовъ особаго суда, состоящій въ родствѣ или свойствѣ съ обвиняемымъ въ степеняхъ, опредѣленныхъ 378 ст. уложенія гражданскаго судопроизводства, не можетъ входить въ разсмотрѣніе его дѣла и долженъ себя отъ онаго отстранить. О семъ отстраненіи обязанъ онъ представить на заключеніе уголовнаго суда, при первомъ засѣданіи по выслушаніи вышеозначенныхъ представленій прокуратора.

Статья 5.

Члены уголовнаго суда не могутъ быть по какимъ нибудь другимъ причинамъ отклоняемы отъ онаго ни прокураторомъ, ни подсудимымъ.

Статья 6.

Особый судъ сей нарядитъ трехъ изъ своихъ членовъ, для произведенія слѣдствій. Ему впрочемъ предоставляется право, если обстоятельства укажутъ въ томъ необходимость, соста-

вить кромѣ сей слѣдственной коммисіи и вторую. Слѣдователи сіи истребуютъ отъ прокуратора подъ росписку свою и по перечневой описи внесенныя имъ въ присутствіе суда бумаги, относящіяся до слѣдствія, и списокъ содержащимся подъ стражею.

Статья 7.

На прокуратора возлагается наблюденіе за порядкомъ судопроизводства и точнымъ исполненіемъ закона, о чемъ и можетъ во всякомъ случаѣ входить съ представленіями, какими признаетъ нужнымъ.

Статья 8.

Предложенія прокуратора должны быть имъ подписаны, отзывы же его, во время преній, должны быть взносимы секретаремъ въ протоколъ и скрѣпляемы его подписомъ.

Статья 9.

Прокураторъ обязанъ наблюдать за успѣшнымъ и согласнымъ съ закономъ ходомъ изслѣдованій и надлежащимъ выполненіемъ по онымъ. На него возлагаются всѣ предварительныя распоряженія, нужныя для безпрепятственнаго поступленія дѣла къ слушанію въ назначенный день. Сверхъ того прокураторъ настаиваетъ, чтобы рѣшенія и приговоры особаго суда были неотложно исполняемы.

Статья 10.

Назначенные особымъ судомъ слѣдователи, при вспомоществованіи секретаря онаго-жъ суда, обязаннаго записывать всѣ ихъ дѣлопроизводства, приступятъ къ допросу подсудимыхъ, пополнятъ (если только встрѣтится надобность) доказательства и показанія свидѣтелей, прежде уже отобранныя

и въ случаѣ же показанія отъ новыхъ свидѣтелей. Они должны привести дѣло въ ту степень ясности и полности, которая нужна для того, чтобы по оному могло послѣдовать рѣшеніе.

О движеніи дѣлопроизводства должны они увѣдомлять прокуратора во все теченіе слѣдствія. По требованію ихъ прокураторъ обязанъ сообщать свои заключенія по дѣламъ и даже указать имъ вопросы, кои въ случаѣ надобности должно дѣлать подсудимымъ, равно какъ и тѣ свѣдѣнія, кои необходимы для поясненія дѣла.

Статья 11.

Протоколъ ихъ подписывается всѣми членами и секретаремъ. Въ случаѣ разногласія между слѣдователями они дѣйствуютъ по большинству голосовъ, когда же всѣ трое будутъ разнаго мнѣнія, то обязаны представить предметъ разногласія на разрѣшеніе самого уголовнаго суда.

Статья 12.

Во время изслѣдованія прокураторъ обязанъ отыскивать всѣ слѣды, ведущіе къ доказанію преступленія, степени вины или невинность тѣхъ, на коихъ пало подозрѣніе. Онъ обязанъ наблюдать, дабы въ подлинномъ производствѣ сіи слѣды не были упущены изъ виду, и во всякомъ случаѣ можетъ требовать, чтобы ему были сообщены какъ бумаги до онаго относящіяся, такъ и выписки изъ актовъ.

Статья 13.

Слѣдователи обязаны прежде всего допросить задержанныхъ подсудимыхъ и касательно заключенія ихъ подъ стражею постановить приговоръ по указанному порядку.

Статья 14.

Слѣдователи вытребуютъ къ себѣ всѣхъ тѣхъ, на коихъ чрезъ прокуратора, или инымъ образомъ указано будетъ, что они знаютъ о преступленіи, по которому не были еще допрошены или по которому встрѣтится надобность снова отобрать отъ нихъ показаніе.

Статья 15.

Слѣдователи должны допрашивать свидѣтелей каждаго порознь, но при таковомъ допросѣ не долженъ находиться подсудимый.

При допросѣ свидѣтелей могутъ быть прокураторъ и адвокатъ или повѣренный подсудимаго, избранные симъ послѣднимъ или наряженные отъ правительства по силѣ 26-й, 27-й и 28-й статей сего положенія.

Статья 16.

Когда по свидѣтельству лекаря окажется, что свидѣтель не въ состояніи явиться, то одинъ изъ слѣдователей въ сопровожденіи секретаря отправится въ мѣсто жительства свидѣтеля, для отобранія отъ него показаній. Больной свидѣтель, живущій въ большомъ отдаленіи, можетъ быть выслушанъ должностнымъ лицомъ, котораго нарочно для сего назначатъ слѣдователи.

Статья 17.

Слѣдователи по поводу поступившаго къ нимъ требованія или даже по силѣ возложенной на нихъ обязанности могутъ поручить одному изъ среды своей отправиться на самое мѣсто происшествія и велѣть захватить вещи, которыя служили или назначены были къ совершенію преступленія, равно какъ и

все то, что почтено будетъ произведеніемъ онаго, также бумаги и вещи, могущія служить къ обнаруженію истины и доказательству виновности или правости подсудимаго. При семъ должны находиться прокураторъ и секретарь суда.

Статья 18.

Требованіе къ суду подсудимаго имѣетъ быть подписано предсѣдателемъ, слѣдователями и секретаремъ, съ приложеніемъ къ оному сверхъ того печати уголовнаго суда.

Во избѣжаніе недоразумѣній, подсудимый означается въономъ со всею точностью, по прозванію, имени, сословію, ремеслу и мѣсту жительства.

Статья 19.

Допросъ каждаго представленнаго къ суду долженъ быть дѣлаемъ безъ отлагательства; при ономъ можетъ находиться и прокураторъ.

Статья 20.

Въ приговорѣ о задержаніи подъ стражею соблюдать не токмо во всей точности порядокъ, узаконенный ст. 18, но сверхъ того излагается въ ономъ дѣло, по коему оный приговоръ послѣдовалъ, и означается законъ, на основаніи коего онъ постановленъ.

Статья 21.

Приговоръ, какъ о призывѣ къ суду, такъ и о взятіи подъ стражу, долженъ предъявленъ быть подсудимому, съ выдачею ему копіи съ онаго, выполняя сіе хотя бы подсудимый уже былъ содержимъ подъ стражею.

Статья 22.

Буде невинность представленнаго къ суду окажется при самомъ началѣ слѣдствія, то онъ немедленно долженъ быть освобожденъ отъ суда, но съ таковымъ ограниченіемъ, во-1-хъ, что въ случаѣ разногласія о семъ, между членами слѣдственной коммисіи, разрѣшеніе онаго должно зависѣть отъ самого уголовнаго суда, во-2-хъ, что и при единогласномъ мнѣніи слѣдователей они должны прежде исполненія постановленія ихъ о такомъ освобожденіи отъ суда потребовать заключенія прокуратора.

Прокураторъ, получивъ письменное увѣдомленіе слѣдователей, объ означенномъ постановленіи, буде не согласится на предполагаемое распоряженіе, обязанъ возраженія свои противу онаго представить уголовному суду, не позже какъ на другой день, увѣдомивъ о семъ, въ то же время и слѣдователей, для удержанія исполненія.

Статья 23.

Буде слѣдователи, по учиненіи допроса, признаютъ нужнымъ велѣть содержать подъ стражею представленнаго къ нимъ по ихъ признанію подсудимаго, то освобожденіе его можетъ воспослѣдовать только по приговору самого суда, на основаніи ст. 37.

Статья 24.

Когда слѣдователями признано будетъ, что дѣло ими разбираемое совершенно изслѣдовано, то они назначатъ, для совершеннаго окончанія онаго, отсрочку, въ теченіе коей, по призывѣ обвиняемаго, адвоката или повѣреннаго его или прокуратора, поступлено будетъ въ семъ согласно съ постановленіями уголовнаго дѣлопроизводства.

Буде обвиняемый, адвокатъ или повѣренный его или про-

кураторъ станутъ требовать пополненія дѣлопроизводства въ нѣкоторыхъ пунктахъ, то слѣдователи удовлетворяютъ ихъ по мѣрѣ признанной ими правильности сего требованія.

Опись слѣдственнымъ актамъ, составленная секретаремъ, должна быть подписана всѣми призванными къ суду слѣдователями и секретаремъ суда.

Статья 25.

Если въ теченіе слѣдствія содержащійся подъ стражею не окажется виновнымъ, и если дѣло его такого рода, что можетъ быть судимо отдѣльно, то слѣдствіе объ ономъ можетъ быть приведено къ окончанію, независимо отъ прочихъ соприкосновенныхъ дѣлъ.

Статья 26.

Приступая къ самому слѣдствію, которое по судебному порядку должно происходить въ присутствіи адвоката или повѣреннаго, надлежитъ спросить у подсудимаго, избралъ ли онъ себѣ таковаго или нѣтъ? Если онъ того не сдѣлалъ, то предсѣдатель обязанъ будетъ таковаго ходатая назначить ему отъ себя.

Статья 27.

Избираемъ къ сему можетъ быть только адвокатъ, имѣвшій право вести тяжбы въ верховномъ судѣ или апелляціонной палатѣ.

Статья 28.

Одинъ и тотъ же адвокатъ можетъ принять на себя защиту нѣсколькихъ обвиняемыхъ или даже за всѣхъ вмѣстѣ предстательствовать.

Статья 29.

Обвиняемый можетъ сноситься съ своимъ адвокатомъ или повѣреннымъ не иначе, какъ въ присутствіи секретаря суда. Прокураторъ не можетъ присутствовать при сихъ совѣщаніяхъ.

Статья 30.

Въ канцеляріи суда дозволяется таковому ходатаю прочитывать въ присутствіи секретаря акты процесса въ подлинникѣ или въ копіяхъ.

Статья 31.

По окончаніи слѣдствія слѣдователи доводятъ до свѣдѣнія уголовнаго суда объ окончаніи возложеннаго на нихъ порученія, не излагая о предметѣ слѣдствія никакого мнѣнія.

Акты изслѣдованій должны быть сообщены прокуратору, дабы онъ представилъ объ оныхъ заключенія, какія признаетъ нужными, сообразуясь съ существомъ дѣла и постановленіями закона.

Статья 32.

Слѣдственные документы, какъ обвиняющіе подсудимыхъ, равно какъ и опись всѣмъ бумагамъ, имѣютъ также быть представлены суду.

Статья 33.

Секретарь въ присутствіи слѣдователей и прокуратора прочтетъ тѣ акты, которые признаны будутъ нужными для поясненія дѣла суду.

Статья 34.

Потомъ прокураторъ взойдетъ предложеніемъ своимъ о тѣхъ обвиняемыхъ, коихъ дѣло должно поступить къ слушанію, онъ

прочтетъ обвинительный актъ, долженствующій заключать въ себѣ:

во-1-хъ, качество преступленія, составляющаго предметъ обвиненія;

во-2-хъ, самое дѣйствіе и сопровождавшія оное обстоятельства, служащія къ увеличенію или уменьшенію виновности.

Обвиняемый будетъ въ ономъ ясно обозначенъ по прозванію, имени, сословію, ремеслу и мѣсту жительства.

По представленіи заключеній своихъ и составленнаго имъ обвинительнаго акта прокураторъ удалится.

Статья 35.

Буде судъ признаетъ нужнымъ пополнить собранныя къ дѣлу свѣдѣнія, то онъ назначитъ, какія обстоятельства дѣла должны быть снова изслѣдованы, для открытія дѣйствительности оныхъ, или пополнены для обнаруженія виновности или невинности подсудимаго.

Статья 36.

Буде изъ слѣдствія окажется, что поступки подсудимаго подходятъ подъ разрядъ тѣхъ лицъ, кои прощены всемилостивѣйшимъ манифестомъ 20-го октября 1831 года, то онъ долженъ быть немедленно отъ суда освобожденъ.

Буде же поступки сіи относятся къ иному роду преступленій, не подлежащихъ разбирательству суда, то дѣло по предложенію прокуратора должно быть отослано въ надлежащее судебное мѣсто.

Статья 37.

Буде судъ не усмотритъ никакого слѣда преступленія или не найдетъ достаточныхъ къ обвиненію доказательствъ,

то оный по отзыву прокуратора прекратитъ производство и велитъ освободить обвиненнаго, если только не содержится онъ по какому-либо иному поводу.

Статья 38.

Что-же касается до тѣхъ, объ освобожденіи коихъ прокураторъ не настаивалъ, или отсылки дѣла коихъ къ надлежащему узаконенному судебному мѣсту онъ не требовалъ, но на которыхъ онъ только представилъ обвиненіе свое, то судъ, выдавъ ему въ томъ свидѣтельство, назначаетъ день, въ который дѣло ихъ поступитъ къ слушанію, равно какъ и отсрочку, нужную передъ тѣмъ днемъ для сношеній прокуратора съ адвокатомъ или повѣреннымъ подсудимаго. Пренія должны происходить при закрытыхъ дверяхъ.

Статья 39.

Судъ обязанъ даже до закрытія полнаго слѣдственнаго производства собраться и постановить опредѣленіе:

a) Когда прокураторъ возразитъ противу распоряженій слѣдователей и потребуетъ, чтобы по сему предмету постановлено было предварительное заключеніе.

b) Въ случаѣ окончанія слѣдственнаго производства по отдѣльному дѣлу согласно съ постановленіемъ 25 ст.

Статья 40.

Въ приговорахъ суда должны быть означены имена членовъ, участвовавшихъ въ постановленіи оныхъ, и заключенія по онымъ прокуратора.

Статья 41.

Опредѣленіе уголовнаго суда касательно назначенія дня открытія преній и отсрочки, данной для учиненія надлежащихъ

сношеній, равно обвинительный актъ и опись документамъ обвинительнымъ и оправдательнымъ, должны быть объявлены въ назначенный судомъ срокъ подсудимому и его адвокату или повѣренному, сверхъ того имъ выдадутся копіи съ опредѣленій о семъ суда, съ обвинительнаго акта и перечневой описи помянутыхъ документовъ.

Равномѣрно вмѣняется въ обязанность ходатаю за обвиняемаго предъявить прокуратору, въ опредѣленный судомъ срокъ, свѣдѣніе о приводимыхъ къ оправданію подсудимаго письменныхъ документахъ и выдать ему съ оныхъ копіи, буде, независимо отъ бумагъ, означенныхъ въ составленномъ прокураторомъ перечнѣ доказательствъ и документовъ, онъ призналъ бы нужнымъ требовать, чтобы сверхъ того при слушаніи онаго прочтены были какіе-либо изъ означенныхъ документовъ обвиняемаго.

Сверхъ того съ означеннаго указанія доказательствъ и документовъ, представленнаго какъ прокураторомъ, такъ и адвокатомъ или повѣреннымъ подсудимаго, должна быть внесена копія въ канцелярію суда.

Статья 42.

Предсѣдатель наблюдаетъ за порядкомъ и благочиніемъ въ судѣ. Во всякомъ случаѣ предсѣдатель можетъ отложить совѣщанія до слѣдующаго засѣданія.

Статья 43.

Подсудимый, хотя бы содержимъ былъ въ оковахъ, долженъ являться въ присутствіе на свободѣ, но только въ сопровожденіи стражи. Президентъ спроситъ его о его прозваніи, имени, лѣтахъ, ремеслѣ, жительствѣ и мѣстѣ рожденія.

Статья 44.

Предсѣдатель прикажетъ секретарю прочесть обвинительный актъ.

Статья 45.

Прокураторъ изложитъ предметъ обвиненія, сущность дѣла и сопровождающія оное обстоятельства, какъ обвиняющія, такъ и оправдывающія. Онъ представитъ перечневую записку документамъ, пріобщеннымъ къ дѣлу по его настоянію, по требованію обвиняемаго, и тѣмъ, кои присоединены къ оному слѣдователями, по возложенной на нихъ обязанности.

Статья 46.

Секретарь прочтетъ перечень изобличительнымъ актамъ, на которые прокураторъ сослался, равно какъ и показанія свидѣтелей, документы и прочія бумаги, находящіяся въ актахъ процесса, по порядку, соблюденному въ обвинительномъ актѣ.

Статья 47.

Если бы независимо отъ доказательствъ, приведенныхъ прокураторомъ, адвокатъ или повѣренный призналъ нужнымъ подкрѣпить дѣло еще другими актами, могущими, по мнѣнію его, служить къ поясненію онаго, то секретарь обязанъ будетъ прочесть показаніе свидѣтелей и прочія въ дѣлѣ находящіяся бумаги, соблюдая порядокъ, въ коемъ онѣ означены въ перечнѣ, составленномъ ходатаемъ подсудимаго. Перечень сей также долженъ быть прочтенъ.

Статья 48.

Когда такимъ образомъ судъ узнаетъ сущность дѣйствій подсудимаго, обстоятельства, придающія онымъ большую или

меньшую степень значительности, когда онъ будетъ въ возможности взвѣсить доводы, къ обвиненію и къ оправданію служащіе, почерпнутые изъ подлиннаго о нихъ производства, и раскроетъ дѣло во всѣхъ его подробностяхъ, тогда имѣетъ открыться преніе между прокураторомъ и защитникомъ обвиняемаго.

Статья 49.

Право начать рѣчь предоставлено будетъ предсѣдателемъ начально прокуратору, который изложитъ обвиненія, заключающіяся въ актахъ, имъ внесенныхъ, по порядку перечня, имъ представленнаго.

Ему предоставляется право требовать вторичнаго прочтенія актовъ, на которые почтетъ онъ нужнымъ обратить особое вниманіе суда, слово въ слово или только въ сокращеніи.

Потомъ представитъ онъ свое заключеніе, какъ о сущности дѣла, такъ и о примѣненіи къ оному закона, сообразуясь съ постановленіями уголовнаго уложенія.

Статья 50.

Послѣ прокуратора защитникъ обвиненнаго*) въ своей рѣчи помѣститъ все, что къ оправданію извлечь можетъ, не токмо изъ сущности дѣла и изъ различныхъ обстоятельствъ онаго, но даже и изъ самыхъ примѣненій закона.

Такъ какъ предъ окончаніемъ слѣдственнаго производства адвокатъ и повѣренный подсудимаго могъ сослаться на всѣ новыя обстоятельства и доказательства, которыя почелъ бы

---

*) Во всѣхъ юридическихъ актахъ того времени, относящихся до Царства Польскаго, „обвиненнымъ“ нерѣдко называется *обвиняемый*, подсудимый.

полезными къ оправданію своего довѣрителя, то во время самыхъ преній не дозволяется ему вводить таковыхъ обстоятельствъ и доводовъ, о которыхъ онъ не упоминалъ въ теченіе самаго слѣдствія, развѣ докажетъ, что не предстояло возможности собрать оныя до того времени.

Статья 51.

Прокуратору предоставляется право отвѣчать на рѣчь защитника, но въ такомъ случаѣ дозволяется сему послѣднему сдѣлать новое возраженіе.

Статья 52.

Предсѣдатель обязанъ спросить у обвиняемаго или обвиняемыхъ, имѣютъ ли они что-либо объявить суду.

Статья 53.

По окончаніи рѣчи обвиняемаго или обвиняемыхъ или когда они не стали бы говорить, предсѣдатель объявляетъ, что преніе окончено.

Тогда прокураторъ, адвокатъ, обвиняемый и свидѣтели должны выйти изъ присутственной камеры.

Статья 54.

Предсѣдатель, вкратцѣ изложивъ дѣло и обративъ вниманіе на главнѣйшія доказательства, приведенныя какъ противъ обвиняемаго, такъ и въ его защиту, предложитъ рѣшенію суда вопросы, явствующіе изъ обвинительнаго акта. Слѣдователи должны участвовать въ семъ сужденіи, исключая тѣ случаи, когда постановляемо будетъ заключеніе о законности и правильности учиненнаго слѣдствія.

Статья 55.

При сужденіи о достаточности доказательствъ, верховный судъ долженъ строго держаться постановленій существующаго уголовнаго дѣлопроизводства, обязанъ взвѣшивать съ величайшимъ вниманіемъ все, что ведетъ къ обвиненію или къ оправданію подсудимаго и, въ случаѣ токмо недостатка положительныхъ доказательствъ, основывать сужденіе на внутреннемъ убѣжденіи совѣсти, совершилъ ли онъ приписываемое ему преступленіе съ сопровожденіемъ всѣхъ обстоятельствъ, или нѣтъ.

Статья 56.

Когда по отобраніи голосовъ по сему случаю, обвиненный признанъ будетъ невиннымъ въ приписываемомъ ему преступленіи, судъ объявитъ его оправданнымъ.

Статья 57.

Оправданный не можетъ быть вторично преслѣдуемъ или обвиняемъ по тому же дѣлу.

Статья 58.

Буде судъ признаетъ, что преступленіе точно учинено обвиняемымъ и что сіе преступленіе не подходитъ подъ разрядъ тѣхъ, кои прощены Всемилостивѣйшимъ манифестомъ, то примѣнитъ къ оному наказаніе, опредѣленное уголовнымъ уложеніемъ.

Статья 59.

Предсѣдатель прикажетъ секретарю объявить осужденнымъ послѣдовавшій о нихъ приговоръ.

Противу таковаго приговора не можетъ быть апелляціи и дозволяется прибѣгнуть лишь къ одному монаршему помилованію.

Статья 60.

Въ случаѣ разногласія, рѣшеніе суда постановлено быть должно по большинству голосовъ.

Статья 61.

Такимъ образомъ послѣдовавшее рѣшеніе суда имѣетъ быть подписано всѣми членами, участвовавшими въ ономъ. Членъ, подавшій противный рѣшенію голосъ, можетъ вписать оный.

Статья 62.

Мнѣнія членовъ суда записываются въ журналѣ происходящихъ по дѣлу сужденій. Каждому изъ чиновъ дозволяется изложить въ семъ журналѣ и причины, на которыхъ онъ основалъ поданный имъ голосъ.

Статья 63.

Приговоры, постановленные судомъ, не прежде могутъ быть приведены въ исполненіе, какъ по объявленіи Нами воли нашей касательно исполненія или смягченія оныхъ.

Статья 64.

Приговоры, постановленные особымъ судомъ, будутъ по востребованію прокуратора приведены въ исполненіе обыкновеннымъ уголовнымъ судилищемъ того мѣста, гдѣ учрежденъ особый судъ.

Статья 65.

Когда послѣ приговора о преданіи суду не будетъ возможности представить къ оному обвиняемаго, а онъ самъ, въ теченіе пятнадцати дней по объявленіи таковаго приговора

въ мѣстѣ его жительства не явится, или же когда обвиняемый, явившись уже или бывши представленъ, впослѣдствіи скроется, то предсѣдатель суда велитъ опубликовать повелѣніе о томъ, чтобы обвиняемый явился въ новый пятнадцатидневный срокъ, если находится въ Царствѣ Польскомъ, или же въ двухмѣсячный срокъ, если обрѣтается внѣ предѣловъ онаго, что онъ въ противномъ случаѣ объявленъ будетъ неповинующимся закону, что онъ лишится всѣхъ правъ гражданства, что на имѣніе его наложится секвестръ, во все время производства дѣла, за его неявкою; что въ продолженіе сего же времени воспрещается прибѣгать къ защитѣ законовъ; что онъ будетъ преслѣдуемъ и что каждому вмѣняется въ обязанность объявлять о мѣстѣ его нахожденія. Кромѣ того, въ семъ повелѣніи упомянуто будетъ какъ о самомъ преступленіи, такъ и повелѣніе о его задержаніи.

Если обвиняемый находится въ совершенной невозможности явиться, то родственники и друзья его могутъ во извиненіе его представлять причины и предъ судомъ доказывать законность оныхъ.

Буде судъ признаетъ сіи причины законными, то опредѣлитъ, что какъ самое сужденіе обвиняемаго, такъ и положеніе секвестра на его имѣніе отсрочены на время, опредѣленное по соображенію представленныхъ причинъ и мѣстнаго разстоянія.

Во всякомъ же иномъ случаѣ немедленно приступлено будетъ къ прочтенію объявленія и повелѣнія о вызовѣ неявившагося къ суду. Потомъ произнесенъ будетъ приговоръ касательно неявки его.

Если неявившійся будетъ осужденъ, то имѣніе его съ самаго приведенія въ дѣйствіе приговора будетъ управляемо и почитаемо какъ имѣніе отсутствующаго и отчетъ по секвестру отданъ быть имѣетъ тому, кому надлежать будетъ; послѣ того уже какъ приговоръ содѣлается неизмѣннымъ, по

причинѣ истеченія срока, опредѣленнаго для очистки неявки къ суду, ни въ какомъ случаѣ подобное дѣло не можетъ остановить изслѣдованія о соучастникахъ обвиняемаго, на лицо находящихся.

Статья 66.

Всѣмъ государственнымъ властямъ и чинамъ вмѣняется въ обязанность, безъ отлагательства и въ точности, выполнять требованія сего суда и прокуратора онаго.

Статья 67.

Сообразуясь въ точности съ симъ постановленіемъ, особый судъ въ пополненіе онаго долженъ руководствоваться въ примѣненіи наказаній уголовныхъ уложеніемъ Царства Польскаго, а во всемъ, относящемся до дѣлопроизводства, слѣдовать порядку, установленному въ Мазовецкомъ воеводствѣ.

Засѣданія особаго суда имѣютъ быть въ городѣ Варшавѣ.

Данъ въ С.-Петербургѣ 13-го февраля 1832 года, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать второе, царствованія же Нашаго въ седьмое.

(подписано) НИКОЛАЙ.

№ 9.

a.

Милостивый Государь

Князь Иванъ Федоровичъ!

По Высочайшему повелѣнію, имѣю честь препроводить при семъ къ вашей свѣтлости, для надлежащихъ въ Царствѣ Польскомъ распоряженій:

1) Высочайшій Его Императорскаго Величества Манифестъ, данный въ 14-й день сего февраля, о постановленіи въ особой грамотѣ новаго порядка управленія и образованія Царства Польскаго.

2) Упоминаемую грамоту, того же 14-го февраля данную.

3) Декретъ, послѣдовавшій въ 13-й день сего февраля, о учрежденіи особаго уголовнаго суда въ Царствѣ Польскомъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію имѣю честь быть,

Милостивый Государь,

Вашей Свѣтлости покорнѣйшимъ слугою

Гр. Нессельроде.

Февраля 18-го дня 1832 года.

Его свѣтлости князю Варшавскому, графу И. Ф. Паскевичу Эриванскому.

б.

БОЖІЕЮ СПОСПѢШЕСТВУЮЩЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій и проч., и проч., и проч.

Манифестомъ Нашимъ отъ 25-го генваря минувшаго года объявляя всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ о вступленіи войскъ Нашихъ въ Царство Польское, мгновенно отторгнутое мятежниками отъ власти законной, Мы возвѣстили имъ и о намѣреніи Нашемъ устроить будущую судьбу сего края на основаніяхъ прочныхъ, сообразныхъ съ потребностями и

благомъ всей Нашей Имперіи. Нынѣ, когда силою оружія положенъ конецъ волновавшимъ Царство Польское смятеніямъ и народъ, злоумышленниками въ преступленіе вовлеченный, возвращенъ къ долгу и успокоенъ, Мы признали за благо привести сіе намѣреніе Наше въ дѣйство, дабы учрежденіемъ постояннаго и твердаго порядка оградить отъ новыхъ вредныхъ покушеній сіе спокойствіе и неразрывное соединеніе двухъ народовъ, небеснымъ провидѣніемъ попеченію Нашему ввѣренныхъ.

Царство Польское, побѣдоноснымъ оружіемъ Россіи покоренное еще въ 1815 году, получило тогда отъ высокодушія Августѣйшаго Нашего Предшественника, въ Богѣ почивающаго Императора Александра, не только возвращеніе своей народной самобытности, но и особенныя права, начертанныя въ хартіи государственныхъ установленій. Сіи права и установленія не могли удовлетворить закоренѣлыхъ враговъ всякаго порядка и власти законной. Они въ своихъ преступныхъ замыслахъ продолжали мечтать о раздѣленіи подвластныхъ скипетру нашему народовъ и дерзнули самыя благодѣянія возстановителя отчизны ихъ употребить во зло, обративъ на разрушеніе Его великаго дѣла и законы, имъ дарованные, и тѣ преимущества, коими они были обязаны одной Его державной волѣ. Кровопролитія были слѣдствіемъ сихъ замысловъ; спокойствіе и благоденствіе, коими Царство Польское наслаждалось въ высшей, дотолѣ неизвѣстной въ семъ краѣ степени, исчезло предъ ужасами междоусобной брани и въ повсемѣстномъ опустошеніи. Сіи злосчастія миновались: Царство Польское, снова Намъ подвластное, успокоится и процвѣтетъ среди возстановленной въ ономъ тишины, подъ сѣнію бдительнаго правленія. Но Мы, въ отеческой заботливости Нашей о благѣ Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, вмѣняемъ себѣ въ священный долгъ, заранѣе, всѣми зависящими отъ Насъ мѣрами, предупредить возвращеніе подобныхъ въ буду-

щемъ бѣдствій, отнявъ у зломыслящихъ тѣ средства, коими они, какъ нынѣ обнаружено, успѣли возмутить общественное спокойствіе. Желая съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы подданные Наши Царства Польскаго продолжали пользоваться всѣми выгодами, кои нужны для счастія каждаго изъ нихъ и для общаго благоденствія края; чтобы уваженіе къ личной безопасности и собственности, свобода совѣсти и всѣ мѣстныя гражданскія права и преимущества были ненарушимо охраняемы; чтобы Царство Польское, имѣя особое, соотвѣтствующее потребностямъ его управленіе, не переставало быть нераздѣльною частію Имперіи Нашей и чтобъ отнынѣ жители онаго составляли съ россіянами единый народъ согласныхъ братій, Мы на сихъ основаніяхъ начертали и постановили въ особой, въ сей же день изданной, грамотѣ новый порядокъ управленія и образованія Нашего Царства Польскаго.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ четырнадцатый день февраля, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать второе, царствованія же нашего въ седьмое.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

№ 10.

Messieurs,

Sa Majesté Nicolas Ier, Empereur de toutes les Russies, Roi de Pologne, Notre très gracieux Souverain, dans Sa constante sollicitude pour le bien-être des peuples que la Divine Providence a confiés à Ses soins, a fixé particulièrement Son attention bienveillante sur la triste situation de ce pays, qui

a souffert des maux incalculables à la suite de la funeste insurrection fomentée par des rebelles parjures à tous leurs sermens, et au mépris de la dette de reconnaissance que leur imposaient les bienfaits répandus sur le Royaume de Pologne par le restaurateur du nom Polonais, l'Empereur Alexandre, de glorieuse mémoire.

Dès la prise de Varsovie Notre Auguste Maître a établi un Gouvernement provisoire, qui a régi le Royaume jusqu'aujourd'hui; et bientôt après, par son manifeste du 20 octobre 1831, Sa Majesté a daigné accorder une amnistie pleine et entière à tous ceux qui ont été entraînés dans une criminelle entreprise par les véritables moteurs de la révolte.

Aujourd'hui que les affaires ont repris une marche régulière, Sa Majesté l'Empereur et Roi, étendant Sa bienveillante sollicitude sur Ses sujets égarés, a bien voulu accorder au Royaume de Pologne un nouveau Statut organique et une administration plus en rapport avec les véritables besoins et les intérêts bien entendus du peuple.

Sa Majesté Impériale et Royale a daigné en même temps me nommer Son Lieutenant dans le Royaume.

Vous tous, Messieurs, qui Vous trouvez assemblés ici, je Vous invite à me prêter Votre sincère coopération et avec toute la fidélité due au trône légitime, afin d'atteindre le but noble et salutaire que se propose notre Auguste Souverain, le tendre père de tous Ses sujets, celui d'élever le Royaume de Pologne à ce haut degré de prospérité intérieure, inconnue autrefois, et dont le prompt développement pendant les dernières quinze années, a fait pour Vous-mêmes un sujet d'étonnement et de surprise.

№ 11.

8-го (20-го) марта 1832 года.
Варшава.

Милостивый Государь

Князь Иванъ Федоровичъ!

Въ бытность вашей свѣтлости въ С.-Петербургѣ, имѣлъ я честь препроводить къ вамъ подлинный уставъ учрежденія Царства Польскаго и сопровождавшій оный манифестъ 14-го февраля.

Такъ какъ Его Императорскому Величеству угодно, чтобъ означенные подлинные акты сохранялись здѣсь, то я обращаюсь къ вашей свѣтлости съ покорнѣйшею просьбою, доставить ко мнѣ обратно помянутый уставъ и манифестъ, по обнародованіи оныхъ въ Царствѣ Польскомъ, и когда вамъ, милостивый государь, не будетъ болѣе предстоять въ нихъ никакой надобности.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

Вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою

Гр. Нессельроде.

С.-Петербургъ.
Марта 1-го дня, 1832 года.

Его свѣтлости князю Варшавскому, графу И. Ф. Паскевичу Эриванскому.

№ 12.

При исполненіи Высочайшей воли о приведеніи въ извѣстность и дѣйствіе новаго устава для Царства Польскаго, Всемилостивѣйше дарованнаго, будетъ учинено слѣдующее:

1) Собраны первѣйшіе чиновники и почетнѣйшія лица изъ поляковъ и его свѣтлость прочитаетъ имъ:

a) Рѣчь отъ своего имени (лит. А.).

b) Манифестъ Государя Императора.

2) Потомъ вмѣстѣ съ ними отправятся въ церковь: его свѣтлость въ греко-россійскую, а лица католическаго исповѣданія въ католическій костелъ.

За симъ гг. почетнѣйшія лица изъ поляковъ будутъ распущены.

3) Послѣ сего его свѣтлость соберетъ гг. членовъ временнаго правленія Царства Польскаго и прочтетъ имъ предложеніе (лит. В.) и прикажетъ прочесть манифестъ Государя и грамоту.

Временное Правленіе запишетъ все сіе въ журналѣ и постановитъ заключеніе о приведеніи въ исполненіе предложенія его свѣтлости.

4) За симъ его свѣтлость соберетъ членовъ совѣта управленія, новою грамотою установленнаго, и, предложивъ имъ манифестъ Государя Императора и самую грамоту, откроетъ совѣтъ управленія.

5) Точно такимъ же образомъ его свѣтлость откроетъ и государственный совѣтъ.

Дальнѣйшее же учрежденіе новыхъ судебныхъ мѣстъ будетъ предоставлено совѣту управленія.

ГЛАВНЫЙ ДИРЕКТОРЪ
ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩІЙ
ВЪ
ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ КОММИСІИ
ВНУТРЕННИХЪ
И
ДУХОВНЫХЪ ДѢЛЪ
И
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
№ 206.
5 сентября 1832 года.
ВАРШАВА.

№ 13.

Его Свѣтлости
Намѣстнику Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ господину генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому

РАПОРТЪ.

Комитетъ устройства учебныхъ заведеній представляетъ мнѣ, что ко введенію по Высочайшей волѣ новаго образованія онымъ въ Царствѣ Польскомъ нужно имѣть для преподаванія россійскаго языка и литературы учителей въ гимназіяхъ по два, а въ обводовыхъ училищахъ по одному.

Гимназій предполагается къ учрежденію 9, то есть двѣ въ Варшавѣ и по одной въ каждомъ изъ семи воеводствъ.

По уваженію, что въ здѣшнемъ краѣ находится едва нѣсколько учителей русскаго языка, да и сіи не знаютъ совершенно русскую литературу, комитетъ представляетъ о предстоящей надобности выписать для сего по крайней мѣрѣ 30 новыхъ учителей,—и изъ числа сихъ девять обязаны будутъ преподавать уроки русскаго языка и литературы въ высшихъ классахъ не менѣе 20 часовъ въ недѣлю съ жалованьемъ въ годъ по 4,200 злотыхъ; остальные же будутъ обучать въ обводовыхъ училищахъ столько же часовъ въ недѣлю, съ жалованьемъ въ годъ по 2,400 злотыхъ.

Но чтобы достигнуть цѣли въ распространеніи здѣсь русскаго языка, весьма полезной даже въ политическомъ отношеніи, по вліянію учителей на образъ мыслей учащихся, нужно бы избрать такихъ учителей, кои сверхъ знанія рус-

скаго языка и литературы были бы люди вообще хорошаго образованія и отличной нравственности. Состоя большею частію въ обводовыхъ городахъ, на виду всѣхъ жителей, которые, безъ сомнѣнія, неравнодушно увидятъ ихъ посреди себя, каждый изъ учителей долженъ собственными достоинствами дать себѣ нѣкоторый между ними вѣсъ, и тѣмъ пріобрѣсть вѣрнѣйшій способъ вливать благонамѣренный образъ мыслей въ легкіе умы воспитанниковъ.

Безъ поощренія однако правительства нельзя надѣяться на успѣхъ мѣры, столь соотвѣтствующей видамъ его и столь близкой чувствамъ русскаго, — поощренія необходимаго и безусловнаго, чтобы обезпечить безбѣдное каждаго учителя содержаніе.

Существенная польза правительства въ мѣрѣ сей увлекла меня сужденіями, которыя предавая благосклонному вниманію вашей свѣтлости, честь имѣю испрашивать ходатайства, о выписаніи на изъясненный предметъ 30 русскихъ учителей, съ опредѣленіемъ имъ въ содержаніе, сверхъ упоминаемаго комитетомъ жалованья, еще прибавочнаго, такъ называемаго здѣсь ad personam и квартирныхъ денегъ по уваженію, что учителя здѣсь не имѣютъ, какъ въ Россіи, безплатныхъ квартиръ въ училищахъ.

Сколько каждому полагаю назначить содержанія, честь имѣю о томъ приложить особую вѣдомость.

Сверхъ того нахожу нужнымъ, чтобы имъ обезпеченъ былъ путь сюда на счетъ казенный и служба ихъ считалась бы службой русской.

Я тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ необходимости для русскихъ учителей назначаемаго мною содержанія, что каждый русскій, приглашаемый сюда на службу, часто разлучается съ семействомъ, оставляетъ родственныя связи, лишается почти безвозмездно пріобрѣтенной движимости, — и еще почитаетъ себя временно въ Царствѣ, пока обязанности службы сего

требуютъ и силы физическія дозволяютъ исполнять оную въ точности.

Свиты Его Императорскаго Величества генералъ-маіоръ

(подп). Графъ Строгановъ.

№ 14.

Les travaux concernant la nouvelle organisation des Ecoles publiques, entrepris en vertu des ordres de Sa Majesté l'Empereur et Roi, consignés dans l'extrait du protocole de la séance du Conseil d'Administration du 21 juin (3 juillet) a. c. № 6,523, se trouvant être avancés au point, que l'on pourra aussitôt, après leur confirmation par Sa Majesté, procéder immédiatement à l'ouverture de ces établissements; le Directeur Général Président a cru être de son devoir d'examiner préalablement la conduite et les qualifications des personnes, auxquelles était jusqu'à présent confiée la direction de l'éducation, afin qu'une branche aussi importante que l'instruction de la jeunesse ne soit commise à l'avenir qu'à ceux, dont la conduite irréprochable et les connaissances analogues permettent de les conserver dans les fonctions d'instituteurs.

Ayant, par conséquent, revu avec la plus scrupuleuse exactitude, la liste de tous les professeurs et employés scolaires, et les ayant comparés avec les données recueillies sur leur conduite antérieure et présente, le Directeur Général a reconnu la nécessité de les classer en six catégories, auxquelles a été adoptée leur destination future, — savoir:

A la première catégorie appartiendront ceux, qui sont dignes qu'on leur confie à l'avenir des places correspondant à celles, qu'ils ont occupées jusqu'à présent.

A la seconde, ceux qui ayant perdu leurs places, par la suppression de l'Université, de la surveillance scolaire (Kura-

torja), de la Société pour les livres élémentaires et de l'Ecole polytechnique, pourront être néanmoins employés dans les nouvelles Ecoles.

A la troisième, les professeurs et les instituteurs dont les qualifications ne correspondent point avec les places prescrites par le nouveau plan, et qui, pourvus des moyens de se soutenir par eux-mêmes, n'ont besoin d'aucun secours.

A la quatrième: les professeurs et les instituteurs qui se trouvent dans la même position que les précédents (sic), quant à leurs qualifications, mais qui ne possèdent aucun fonds pour se soutenir.

A la cinquième: trois professeurs de la Section Médicale à la ci-devant Université, lesquels, outre leurs places de professeurs, siégeaient encore dans le Conseil Médical et y exercent jusqu'à présent leurs fonctions, et qui, ne pouvant par la nature de leurs connaissances être placés dans les Instituts projetés, devront percevoir un traitement proportionné pour leurs travaux dans le dit Conseil.

Enfin appartiendront à la sixième catégorie ceux des professeurs et des instituteurs qui, par leur service actif dans les rangs des révolutionnaires, ont perdu la confiance du Gouvernement; et ne peuvent plus, par conséquent, remplir les importantes fonctions d'instituteur public *). . . . .
. . . .

Подписано:
Comte Stroganof.

Za Sekretarza Generalnego
Deszers.

w Warszawie d. 13 Grudnia 1832° r. № 11,082.

---

*) Этихъ господъ предположено уволить безъ всякой аттестаціи.

№ 15.

a.

Секретная инструкція для училищнаго начальства относительно школьной дисциплины.

По опытамъ извѣстно, что допущеніе различія между учениками высшихъ и низшихъ классовъ весьма часто бываетъ причиною безпорядковъ въ училищахъ и неповиновенія, и что постановленныя правила, дабы въ случаѣ необходимости въ употребленіи мѣры строгаго взысканія испрашивать на то разрѣшенія совѣта гимназіи, уничтожаютъ тѣ послѣдствія, какія обыкновенно происходятъ отъ того, когда наказаніе слѣдуетъ неукоснительно за виною. Совѣтъ народнаго просвѣщенія, имѣя сіе въ виду, на основаніи постановленія Совѣта управленія Царства, счелъ нужнымъ пріостановить дѣйствіе 167 статьи училищнаго устава; въ отмѣну же и дополненіе 80, 164, 165 и 166 статей того же устава, въ отношеніи къ наказаніямъ, слѣдующія постановляетъ правила:

I.

Ученики всѣхъ классовъ, то-есть низшихъ и высшихъ, какъ обводовыхъ училищъ, такъ и гимназій подвергаются однимъ и тѣмъ же наказаніямъ.

II.

При назначеніи рода и мѣры наказанія, принимается въ уваженіе токмо степень вины, возрастъ и образъ воспитанія или поведенія ученика.

III.

Наказанія допускаются въ училищахъ нижеслѣдующія:

1. Замѣчанія и выговоры.

2. Назначеніе стоять на серединѣ.

3. Стоять на колѣняхъ.

4. Лишеніе высшаго въ классѣ мѣста.

5. Переводъ на скамейку, нарочно для стыда опредѣленную.

6. Внесеніе выговора въ училищный журналъ.

7. Арестъ на одинъ часъ.

8. Посаженіе на хлѣбъ и на воду между утренними и послѣобѣдними лекціями.

9. Тѣлесное наказаніе, произведенное внѣ училищной залы.

10. Арестъ на продолжительнѣйшее время, не долѣе однако же 24 часовъ.

11. Внесеніе прозванія ученика въ черную книгу.

12. Тѣлесное наказаніе въ присутствіи того класса, къ которому принадлежитъ ученикъ.

13. Вывѣска прозванія ученика на черной доскѣ въ училищныхъ сѣняхъ.

14. Тѣлесное наказаніе въ присутствіи учениковъ всѣхъ классовъ, принадлежащихъ одному и тому же отдѣленію.

15. Переводъ изъ высшаго класса въ низшій или изъ высшаго отдѣленія въ низшее, съ присовокупленіемъ тѣлеснаго наказанія или безъ онаго по усмотрѣнію.

16. Выключка изъ училища или изъ всѣхъ училищъ, но не иначе, какъ съ предварительнымъ присовокупленіемъ всякій разъ строгаго тѣлеснаго наказанія въ присутствіи всѣхъ классовъ, ибо безъ того выключка изъ училища для лѣнивцевъ и ослушниковъ не была бы наказаніемъ.

IV.

Всѣ вышеписанныя наказанія относятся къ обыкновеннымъ училищнымъ проступкамъ и винамъ, какъ то: къ лѣности, нерадѣнію, ослушанію и неблагопристойности, совер-

шившейся въ самомъ училищѣ или внѣ онаго и подлежащей взысканію учительскому.

V.

А дабы тѣлесное наказаніе чуждо было всякихъ мѣръ самопроизвольныхъ и не сопровождалось послѣдствіями вредными для здоровья, не дозволяется употреблять для сего ничего другого, кромѣ пучка розокъ изъ березовыхъ сырыхъ или размоченныхъ въ водѣ прутьевъ, съ необрѣзанными концами. Пучекъ въ связкѣ своей долженъ имѣть около дюйма толщины и длиною быть отъ 5 до 6 четвертей локтя. Біеніе должно производиться по задницѣ и не иначе, какъ по голому тѣлу.

VI.

Въ случаѣ, если бы ученикъ сдѣлалъ какое преступленіе, превосходящее власть школьнаго взысканія, то смотритель училища приказываетъ его тотчасъ арестовать, доноситъ о томъ высшему своему начальству и, до полученія по сему дальнѣйшихъ распоряженій, займется подробнымъ изслѣдованіемъ всѣхъ обстоятельствъ, имѣющихъ связь съ симъ преступленіемъ.

VII.

Наказанія, прописанныя въ 3 статьѣ отъ 1 пункта до 6 включительно, можетъ опредѣлять каждый учитель; отъ 7 до 15 включительно производитъ начальникъ училища по донесенію учителя безо всякаго гласнаго изслѣдованія; что же касается до выключки по пункту 16, то сіе опредѣляетъ въ обводовыхъ школахъ собраніе учителей, а въ гимназіяхъ совѣтъ и представляетъ на утвержденіе совѣта народнаго просвѣщенія.

VIII.

Арестъ, о каковомъ должно извѣщать всегда родителей ученика, можетъ быть по мѣрѣ преступленія болѣе или менѣе строгій. Усугубленіе строгости ареста состоитъ въ заключеніи виновнаго въ уединенномъ мѣстѣ, съ отнятіемъ необходимыхъ средствъ къ выгодному отдохновенію и съ лишеніемъ пищи.

IX.

Ученикъ, внесенный за проступокъ въ черную книгу, не будетъ исключенъ изъ оной до того времени, пока не покажетъ замѣтнаго исправленія.

X.

Вывѣска прозванія на черной доскѣ въ училищныхъ сѣняхъ, для стыда не исправляющагося ученика, не можетъ продолжаться менѣе 24 часовъ, не долѣе шести дней, ибо затѣмъ если бы ученикъ не исправился, то надобно опредѣлить ему строжайшее уже наказаніе.

XI.

Ученикъ, переведенный изъ отдѣленія высшихъ классовъ въ низшія, оставаться будетъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не исправится. Переводъ изъ высшаго класса въ низшій въ необходимомъ случаѣ можетъ продолжиться на цѣлый годъ и такимъ образомъ лишить ученика цѣлаго годового курса.

XII.

Всѣ прочія правила, относящіяся до школьнаго благочинія, предписанныя училищнымъ уставомъ, если въ чемъ не противорѣчатъ вышеозначеннымъ статьямъ, остаются въ своей силѣ.

XIII.

Хотя примѣненіе наказаній къ проступкамъ предоставляется разбирательству учителей, однако они предваряются, что проступки противу религіи и нравственности, а въ особенности всякое неуваженіе и ослушаніе противу старшихъ, должны быть наказываемы строже прочихъ.

Но какъ учительскому званію приличнѣе предупреждать зло заблаговременно, нежели укрощать оное мѣрами строгости, то подтверждается всѣмъ учителямъ, дабы они имѣли строгое наблюденіе за учениками своими въ классахъ и внѣ училищъ и дабы всегда и вездѣ подавали имъ собою примѣръ богобоязненности, благопристойности, приверженности къ Государю и уваженія ко властямъ; если же, за употребленіемъ всѣхъ кротчайшихъ средствъ, какое-либо зло нужно будетъ укротить строгими уже мѣрами, то и при семъ случаѣ руководствоваться имъ родительскимъ чувствомъ и наказаніе производить со совѣстною справедливостію. Но, съ другой стороны, пагубныя послѣдствія, отъ послабленія школьной дисциплины происходящія, должны убѣдить всякаго благомыслящаго начальника, надъ училищами поставленнаго, въ необходимости избѣгать всемѣрно излишней снисходительности, особливо къ тѣмъ проступкамъ, кои клонятся къ нарушенію подчиненности и тишины въ школахъ.

Правительство, издавая инструкцію сію съ тою цѣлію, чтобы начальство школьное облечено было всею нужною властію для удержанія учениковъ въ границахъ порядка и повиновенія, непреклонно въ требованіяхъ своихъ и безо всякой пощады будетъ поступать съ директорами, инспекторами и учителями, у коихъ засимъ еще между учениками являться будетъ духъ своеволія, безчинства и неповиновенія, на укрощеніе коего они имѣть будутъ во власти своей достаточные способы.

Инструкціею сею имѣютъ руководствоваться и всѣ содержатели частныхъ пансіоновъ; ибо отвѣтственность по послѣдней статьѣ относится къ нимъ въ такой же мѣрѣ, какъ и къ начальникамъ публичныхъ училищъ.

б.

Изложеніе причинъ, побуждающихъ къ дополненію правилъ, до школьной дисциплины относящихся.

Кто изъ разсудительныхъ и благомыслящихъ людей не согласится, что необузданность школьнаго юношества, въ нынѣшнія времена, выходя изо всякой мѣры, дѣлается предметомъ столь важнымъ, что должна обратить на себя особенное вниманіе правительства. Нельзя, впрочемъ, удивляться, что зло сіе пришло въ такую силу, если принять въ разсужденіе, что дѣти, по новѣйшимъ правиламъ въ потворствѣ и своеволіи возращенныя, выходя испорченными уже изъ рукъ родительскихъ, поступаютъ въ училища съ самыми худыми наклонностями, что тамъ среди многочисленнаго сообщества такихъ же товарищей, не будучи удерживаемы строгостію школьныхъ постановленій, они укрѣпляются въ развратѣ, пріобрѣтаютъ навыкъ къ порочному единодушію, и что наконецъ, возрастая въ непокорности, научаются не только неуважать первую власть, которую встрѣчаютъ, вышедши изъ подъ крова родительскаго, а именно власть учителей и наставниковъ своихъ, но даже открыто ей сопротивляться.

Исправлять недостатки семейственнаго воспитанія трудно, пока родители сами оставаться будутъ въ заблужденіи на счетъ первыхъ началъ, на коихъ зиждутся ихъ собственное спокойствіе и покой общественный; но при учрежденіяхъ школьныхъ правительство не должно слѣдовать другимъ пра-

виламъ, кромѣ тѣхъ, коихъ прочность долговременнымъ утвердилась опытомъ, и если бы случилось совратиться съ пути сего, силою какихъ-либо временныхъ предубѣжденій, то въ предметахъ толикой важности, каково есть воспитаніе общественное, не должно колебаться въ выборѣ, обратиться ли къ прежнимъ правиламъ, или оставаться при новыхъ, коль скоро сіи послѣднія очевидно обращаются ко вреду и къ пагубѣ юношества.

Между безчисленными заблужденіями, коими суемудріе новѣйшихъ временъ помрачило здравыя понятія и поколебало всѣ основанія общественнаго благоустройства, вкралось ложное, но для нынѣшнихъ понятій лакомое мнѣніе, что съ дѣтьми надобно обходиться какъ можно ласковѣе, и что особливо не должно употреблять противу ихъ тѣлеснаго наказанія, какъ средства уничижительнаго и постыднаго. Между тѣмъ опыты многихъ вѣковъ удостовѣряютъ, что одна только розга, разумѣется съ разсудкомъ отеческою рукою употребляемая, можетъ содержать въ спасительномъ страхѣ, оградить ихъ отъ вредныхъ впечатлѣній и подавить худыя наклонности, отъ самой колыбели уже порывающіяся въ ребенкѣ выйти на свободу.

Сіе начало зла въ младенческомъ возрастѣ является подъ различными видами упрямства и своеволія. Возлелѣянное потворствомъ, оно предупреждаетъ возрастъ и преждевременно производитъ горькіе плоды самонадѣянія, упорства и гордости. Весьма неблагоразумно пренебрегать въ дѣтяхъ и самою рѣзвостію, подъ невинностію дѣтскаго возраста нерѣдко забавно представляющеюся. Это злое сѣмя, заключающее въ себѣ часто зародышъ страстей самыхъ гибельныхъ, подобно тому, какъ при первыхъ весеннихъ отпрыскахъ крапива подъ нѣжною оболочкою скрываетъ жгущее свое свойство, на томъ же стеблѣ впослѣдствіи раскрывающееся.

Но если исправленіе семейнаго воспитанія, худыми пра-

вилами и открытою безнравственностію искаженнаго, представляетъ почти непреодолимыя затрудненія, тѣмъ паче правительство должно заботиться, дабы заведенія общественныя, въ рукахъ у него находящіяся, по возможности, не только сами по себѣ чужды были вредныхъ обычаевъ, но правилами своими могли послужить примѣромъ для родителей и указать имъ истинный путь къ предохраненію юношества отъ гибельныхъ послѣдствій новѣйшаго воспитанія. И это, при помощи Божіей, еще возможно.

Выше сего объяснено, что родители, слѣдуя новѣйшимъ о воспитаніи дѣтей понятіямъ, первые виновны въ несчастныхъ послѣдствіяхъ, отъ того происходящихъ.

Вотъ что сказано въ книгѣ премудрости, главѣ 10: «Ласкай «чадо, и устрашитъ тя, играй съ нимъ, и опечалитъ тя; «любяй сына участитъ ему раны, да возвеселится въ по«слѣдняя своя. Конь неукрощенъ свирѣпъ бываетъ, и сынъ «самовольный продерзъ будетъ. Сляцы выю его въ юности и «сокруши ребра его, дондеже младъ есть, да некогда ожестѣвъ «непокорится» и прочее.

Но тѣ, кои вѣрятъ всему кромѣ св. писанія и для коихъ вышеприведенные тексты покажутся языкомъ слишкомъ жесткимъ или и вовсе варварскимъ, тѣ пусть прочтутъ статью въ журналѣ *Le Constitutionel*, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1834 г. напечатанную, гдѣ такъ рѣзко изображены достойные плоды новѣйшихъ системъ воспитанія. «Въ Парижѣ, сказано въ статьѣ «сей, существуютъ нынѣ такія сѣмена къ неустройствамъ и «замѣшательствамъ, на которыя ни законъ, ни правительство «не обратили еще должнаго вниманія, мы хотимъ говорить «объ отродіи дѣтей отъ 12 до 15 лѣтняго возраста, извѣст«ныхъ подъ названіемъ (Gamins) мальчики. Въ 1789 г., въ «продолженіе большой нашей революціи, въ царствованіе На«полеона, отродіе это не показывалось. Съ прискорбіемъ «только видали иногда нѣкоторую часть изъ нихъ передъ уго-

«ловнымъ судомъ, съ ужасомъ взиравшихъ на развратъ, «столько отвратительный въ возрастѣ отроческой невинности. «Но съ нѣкотораго времени эти мальчишки стали участво- «вать во всѣхъ политическихъ волненіяхъ и въ продолженіе «трехъ дней 1830 г. показали необыкновенную смѣлость; они «презирали картечь и пули, стрѣляли изъ ружей сами, уби- «вали полковниковъ передъ фронтомъ конныхъ полковъ и «усугубляли число свое тамъ, гдѣ надобно было нанести «ударъ. Ихъ-то наиболѣе находила національная гвардія «передъ собою, когда ей надлежало составить изъ себя ограду «для министровъ Карла X. Эти-то дерзкіе ребятишки разгра- «били по большей части церковь св. Германа Оксерскаго и «архіепископство. У насъ еще передъ глазами, какъ они влѣ- «зали на стѣны, отбивали двери, разбивали окна и выбрасы- «вали вонъ мебель, книги, все, что имъ попадалось въ руки. «Съ тѣхъ поръ нѣтъ смятенія народнаго, нѣтъ бунта, въ ко- «торыхъ бы они не присвоили себѣ значительной доли. Во «дни 5-го и 6-го іюля они показали непонятный избытокъ «дерзости и упорства. Болѣе всего необъяснимо, какимъ «образомъ въ этомъ возрастѣ можно умерщвлять съ такимъ «холоднокровіемъ и давать умерщвлять себя съ такимъ пре- «зрѣніемъ къ жизни. Всѣ мы видѣли, на что отваживалось «это дерзкое сословіе въ продолженіе трехъ дней, которые «въ недавнемъ еще времени исполнили столицу нашу страха «и замѣшательства. Между всѣми началами къ неустрой- «ствамъ, которыя кипятъ посреди насъ, можно ли безъ ужаса «смотрѣть на эту слѣпую и необузданную рать, охваченную «духомъ мятежа, какъ бы бѣшенствомъ какимъ, всегда гото- «вую выступить по первому знаку и начать междуусобную «брань.

«Нѣтъ, это скороспѣлое отродіе нарушителей спокойствія «дошло до того, что съ нимъ надобно сражаться вооружен- «ною рукою; это конечно большое уже зло, но чего ожидать

«впослѣдствіи? что будетъ изъ этихъ воспитанниковъ бунта, «когда продлится имъ жизнь, если ихъ не возвратятъ къ «должности и не подчинятъ правиламъ нравственности и ува«женія къ закону. Они составятъ особое племя, племя не«укротимое, рать для крамолы, злое начало нравственнаго и «политическаго разврата, водворенное посреди народа, который «они покушаться будутъ волновать безпрестанно. Надобно «будетъ, или трепетать передъ нимъ, или истреблять его ме«чемъ, кто же не сгоритъ отъ стыда или не содрогнется «отъ скорби при несчастной необходимости избрать то или «другое».

Издатели приводимой здѣсь статьи говорятъ собственно о мальчишкахъ, которые въ такомъ множествѣ встрѣчаются на улицахъ парижскихъ и вообще во всѣхъ большихъ европейскихъ городахъ, кромѣ городовъ россійскихъ, они принадлежатъ большею частію къ самому низкому и бѣдному сословію жителей и, оставаясь безъ всякаго надзора, достаютъ себѣ пропитаніе средствами часто самыми гнусными. Между тѣмъ извѣстно, что къ этимъ малолѣтнимъ негодяямъ, во время бывшихъ въ Парижѣ смятеній, приставали воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній, особливо школы политехнической, предаваясь вмѣстѣ съ ними всѣмъ тѣмъ неистовствамъ, которые описываются въ журналѣ. А хотя журналисты и умалчиваютъ о причинахъ зла, ими указываемаго, но имъ объяснить не трудно. Для нечестивцевъ нынѣшняго времени, преданныхъ беззаконнымъ замысламъ своимъ, не довольно было содѣйствія развращеннаго ими юношества, они погрузились еще глубже въ беззаконіе и стали искать сообщниковъ себѣ въ возрастѣ отроческомъ, еще менѣе смысла имѣющемъ и который, слѣдственно, еще удобнѣе можетъ сдѣлаться орудіемъ слѣпымъ и безразсуднымъ. Къ несчастію, они нашли уже возрастъ сей безпечностію родителей, а еще болѣе послабленіемъ строгости школьной, готовый слѣдовать ковар-

нымъ ихъ внушеніямъ. Чему удивляться, что дѣти пускаются на опасность съ большею смѣлостію, чѣмъ совершеннолѣтніе? развѣ въ обыкновенномъ быту не видимъ мы безпрестанно, что они по большей части однимъ только страхомъ наказанія удерживаются отъ такихъ поступковъ, которые могутъ стоить имъ жизни или оставить ихъ навсегда изувѣченными. Неужели эту дѣтскую безразсудность, это неумѣніе постигнуть опасность, можно почитать названіемъ добродѣтели, какъ то позволяютъ себѣ тѣ же французскіе журналы, когда сіе согласно съ ихъ цѣлію? Но какъ назвать тѣхъ, которые для достиженія видовъ своихъ, растлѣвая порядокъ естественный, дерзаютъ пользоваться несмысліемъ отроческаго возраста, заражаютъ его ядовитымъ своимъ дыханіемъ, повергаютъ на путь злодѣяній и поощряютъ къ убійству? Какая мать, у которой порокъ не заглушилъ еще чувства естественнаго, у которой утроба не сожжена еще зноемъ политическаго изступленія, не содрогнется при видѣ такой гибели, угрожающей чадамъ ея?

Намъ не нужно, впрочемъ, искать примѣровъ отдаленныхъ: какъ вели себя школы здѣсь во время мятежа, не онѣ ли первыя явились въ скопищахъ мятежниковъ, не онѣ ли во все время неустройствъ и безначалія предавались неистовствамъ всякаго рода, не тамъ ли до сихъ поръ еще является неукрощенный духъ неповиновенія и своевольства; не между школьниками ли въ недавнемъ еще времени нашлись такіе негодяи, которые ходили на поклоненіе висѣлицѣ и праху казненныхъ на ней государственныхъ преступниковъ.

И такъ, убѣдившись въ необходимости возстановить порядокъ и подчиненность въ школахъ, надлежитъ придумать средства къ ближайшему достиженію сей толико важной цѣли.

Прежде всего слѣдуетъ принять въ разсужденіе, что порядокъ школьный долженъ имѣть основаніемъ не гражданскія о благочиніи постановленія, а тѣ же правила, коими сохра-

няется спокойствіе семейное и удерживается связь домашняго управленія. Однимъ словомъ, «школы должны управлять съ такою властію, которая бы приближалась болѣе къ власти родительской, заимствуя сколько можно менѣе наружнаго вида власти гражданской, дабы воспитанники оставались дѣтьми, подчиненными той же родительской власти, измѣнившей только въ лицѣ наставниковъ ихъ образъ свой и принадлежности».

Такимъ образомъ все, что сказано выше о пагубныхъ послѣдствіяхъ, происходящихъ отъ потворства и слабости родителей къ дѣтямъ, должно тѣмъ паче относиться къ школамъ, гдѣ первѣйшимъ условіемъ для воспитанниковъ должна быть дѣтская безмолвная покорность, дабы никто изъ нихъ не осмѣливался присвоивать себѣ какія-либо права, разбирать дѣйствіе наставниковъ своихъ и учителей, одобряя или опорачивая ихъ, а тѣмъ менѣе покушаться къ какому нибудь сопротивленію подъ предлогомъ несправедливости, будто бы имъ оказываемой. Все сіе несовмѣстно съ отношеніями, въ которыхъ пребывать должны воспитанники къ своимъ наставникамъ, также какъ бы несовмѣстно было что нибудь подобное съ обязанностями дѣтей противу родителей своихъ.

Но если признать, что безъ строгости (дисциплины) нельзя водворить порядка въ училищахъ, то надобно, чтобы дисциплина сія не была однимъ пустымъ словомъ и существовала въ учрежденіяхъ только по наименованію. Напрасно требовать будутъ отъ инспектора или учителя, чтобы онъ былъ строгъ и взыскателенъ, если мѣра власти, ему предоставленной, не будетъ къ тому достаточна. Съ другой стороны можно рѣшительно заключить, что тотъ, кто принимаетъ на себя воспитаніе юношества въ школахъ и вмѣстѣ возстаетъ противу тѣлеснаго наказанія, тотъ подаетъ сомнѣніе на счетъ благонамѣренности видовъ своихъ или же показываетъ малую въ дѣлѣ семъ опытность.

Изъ всего вышеприведеннаго слѣдуетъ, что при установленіи правилъ школьной дисциплины необходимо, во первыхъ, чтобы мѣры исправительныя были достаточны къ достиженію своей цѣли, а во вторыхъ, чтобы учителя и инспекторы, имѣя у себя въ рукахъ мѣры сіи, строгой подвергались отвѣтственности за всякій возникшій между воспитанниками безпорядокъ, который они употребленіемъ власти своей предупредить могли.

Между тѣмъ на опытѣ оказывается, что изданный для гимназій и училищъ уставъ въ отношеніи школьной дисциплины недостаточенъ, особливо для здѣшняго края, приведеннаго послѣдними безпорядками въ столь сильное волненіе, ибо мѣры исправительныя, §§ 165, 166 и 167 постановленныя, несоотвѣтствуютъ цѣли своей, во первыхъ, по слабости допускаемыхъ наказаній, во вторыхъ, по извѣстности, до чего они простираться могутъ, и наконецъ по медленности, съ которою наказаніе приводится въ исполненіе на основаніи правилъ, къ соблюденію предписываемыхъ.

Приводимыми здѣсь параграфами дозволено учителямъ и инспекторамъ только увѣщевать, пристыживать, лишать высшаго мѣста въ классѣ и проч.; вывѣска имени на черную доску и арестъ на нѣсколько часовъ зависятъ уже отъ разрѣшенія директора. Но какъ въ подобныхъ случаяхъ поступать въ обводовыхъ училищахъ, а особенно въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ гимназій? Тамъ инспекторы, дабы арестовать ученика на нѣсколько часовъ, должны заводить обширную переписку. Даже и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ директоръ имѣетъ постоянное свое пребываніе, онъ не можетъ находиться всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ, будучи обязанъ посѣщать другія учебныя заведенія. А между тѣмъ изъ опыта извѣстно, что наказаніе, исполненное тогда уже, когда вина почти забыта, никогда не произведетъ такого впечатлѣнія, какъ то наказаніе, которое слѣдуетъ неукоснительно за проступкомъ, хотя бы оно было и въ меньшей степени строгости.

Между мѣрами исправительными по 167 § устава въ 4 низшихъ классахъ гимназій допускается наказаніе розгами, но не иначе какъ по приговору гимназіоннаго совѣта. Сколько наказанія лишаются своей силы чрезъ продленіе въ исполненіи, о томъ уже упомянуто выше. А потому, полагая, что выборъ инспекторовъ послѣдовалъ съ надлежащею разборчивостію, должно и сей родъ наказанія предоставить ихъ власти, такъ, чтобы инспекторъ по донесенію учителя того класса, въ которомъ ученикъ заслужилъ тѣлесное наказаніе, имѣлъ право тотчасъ уже рѣшить дѣло и велѣть наказать виновнаго, безо всякихъ дальнѣйшихъ совѣщаній и разбирательства.

По содержанію того же 167 §, ученикъ высшаго класса, подвергающійся за проступки тѣлесному наказанію, долженъ быть вмѣсто того выключенъ изъ училища. Мѣра сія кажется вовсе неудобною; нынѣ проступки происходятъ чаще всего отъ упрямства и неповиновенія; а какъ можно сказать утвердительно, что пятая заповѣдь, т. е. о почтеніи къ родителямъ, почти уже забыта, то частое исключеніе учениковъ изъ училищъ, гдѣ съ ними сладить не умѣли, наполнила бы край людьми какъ бы обреченными уже на погибель. А потому необходимо, чтобы ученики послѣднихъ четырехъ классовъ въ гимназіи оставались также на счету малолѣтнихъ и не только не были изъяты отъ тѣлеснаго наказанія, но напротивъ того, какъ имѣющіе болѣе смысла, подвергались оному гораздо въ строжайшей мѣрѣ. Къ выпискѣ ученика изъ училища должно прибѣгать въ самой послѣдней крайности и тогда только, когда всѣ мѣры къ исправленію будутъ безполезны. Но и въ такомъ случаѣ сіе не должно послѣдоватъ иначе, какъ по наказаніи его примѣрно, при собраніи всѣхъ учениковъ, розгами, ибо безъ того выписка какого нибудь шалуна и лѣнивца вовсе не была бы для него наказаніемъ, а обратилась бы скорѣе въ бремя и наказаніе родителямъ его и воспитателямъ.

Нельзя упустить изъ виду и того, что для обводовыхъ училищъ, находящихся большею частію не въ близкомъ отъ гимназій разстояніи, въ уставѣ не имѣется особыхъ постановленій на счетъ наказаній; въ § 80 сказано только: «что «если ученикъ, послѣ неоднократнаго наказанія не исправится, инспекторъ исключаетъ его изъ училища, дабы онъ «поведеніемъ своимъ не служилъ худымъ примѣромъ для «другихъ». Но нигдѣ не упомянуто, какимъ образомъ и въ какой мѣрѣ, при таковыхъ училищахъ наказанія должны быть допускаемы; такъ что въ семъ случаѣ инспекторы обводовыхъ училищъ или имѣютъ болѣе власти, нежели гимназіонные инспекторы, а даже самые директоры, или же, для опредѣленія какого бы то ни было наказанія, должны они всякій разъ относиться въ отдаленный отъ нихъ гимназіонный совѣтъ.

Извѣстно наконецъ, что страхъ подвергнуться наказанію еще болѣе дѣйствуетъ на юношество, чѣмъ самое наказаніе, если только приведеніе онаго въ исполненіе сомнѣнію не подвергается, и если при томъ ученикъ, будучи увѣренъ, что вина неизбѣжно сопровождается худыми послѣдствіями, не можетъ въ мысляхъ своихъ опредѣлить мѣры ихъ, полагая, что сіе зависитъ совершенно отъ власти учителя, тогда онъ представляетъ себѣ участь, его ожидающую, гораздо въ ужаснѣйшемъ видѣ.

Посему полезнѣе было бы въ уставѣ сказать только, что относительно соблюденія дисциплины по училищамъ и наказанія учениковъ за проступки, каждый директоръ, инспекторъ и проч. имѣетъ для руководства своего особую инструкцію. Таковою инструкціею необходимо снабдить школьное начальство нынѣ же, безъ отлагательства, на тотъ конецъ, дабы обучающіеся знали, что прежніе §§ о наказаніяхъ дополнены особо изданнымъ секретнымъ наставленіемъ и новыми правами, начальникамъ училищъ предоставленными.

Такимъ образомъ школьное начальство, облеченное достаточною властію къ удержанію учениковъ въ границахъ должнаго повиновенія, обязано, какъ упомянуто выше, отвѣтствовать за нарушеніе въ гимназіяхъ и училищахъ школьной дисциплины; и если бы послѣ сего ученики какого училища осмѣлились покуситься на нарушеніе порядка и подчиненности, и таковое покушеніе не было бы тутъ же прекращено наказаніемъ виновнѣйшихъ, то начальство училищное должно подвергнуться строгому и неминуемому взысканію. Наконецъ всякій директоръ, инспекторъ и учитель, не соотвѣтствующій въ дѣйствіяхъ своихъ ожиданію и видамъ правительства, рѣшившагося положить конецъ духу своеволія, которымъ заражены училищныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ, долженъ быть непремѣнно удаленъ отъ должности. Проектъ секретной инструкціи, предназначаемой начальству училищныхъ заведеній въ дополненіе §§ 165, 166 и 167 устава о наказаніяхъ, при семъ представляется.

Подписалъ: Главный директоръ, предсѣдательствующій въ правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, генералъ-лейтенантъ *Головинъ 1-й.*

№ 16.

Мнѣніе генерала отъ кавалеріи Рожнецкаго.

L'éducation de la jeunesse paraît être la base la plus solide de tout l'édifice social; et si l'on voulait remonter à la cause des secousses violentes auxquelles s'est trouvé exposé ce dernier, il est à croire, qu'on la trouverait dans cette fausse direction, trop souvent imprimée à des esprits exaltés et sans expérience, par un mode d'instruction, qui tout en favorisant le développement des intelligences, négligeait beaucoup trop

la culture des principes de morale sans lesquels la science ne saurait porter que des fruits amers.

Parmi les réformes utiles à introduire à cet égard, il faut compter cette surveillance de tous les instants, qui doit non seulement présider aux études, mais qui deviendrait illusoire si elle ne suivait pas les élèves hors des cours et jusque dans leurs récréations.

Ainsi, le Département a pris cette importante matière en considération, en émettant le vœu que les Gymnases (Varsovie exceptée) puissent être placés dans des villes moins populeuses et où aucune autorité, ni administrative, ni judiciaire, ne se trouve placée, et qu'on puisse utiliser les bâtimens propres à des établissemens de cette nature; et de plus, en prescrivant que tout écolier, soit qu'il logeât dans la maison paternelle, dans un pensionnat, ou chez un Directeur autorisé par le Gouvernement, ne pût agir que sous la responsabilité de ces mêmes personnes.

Pour mieux apprécier encore la première de ces mesures, il n'est pas inutile de retracer rapidement tous les pièges dont les jeunes gens sont entourés dans des villes chefs-lieux des autorités et de grande population. Ces villes sont ordinairement occupées par une foule d'employés et d'avocats accoutumés à discuter sans scrupule toute matière pour ou contre, et à viser à l'effet bien plus qu'à la raison; une foule de jeunes docteurs en droit, travaillant à la suite de ces avocats, viennent encore obscurcir la vérité de leurs raisonnemens sophistiques; on y rencontre aussi d'autres jeunes docteurs en médecine, en chirurgie, postulant des places vacantes, et inoccupés non moins que jaloux de faire un chemin rapide; c'est là surtout qu'abondent d'autres docteurs plus dangereux encore, qui souvent oisifs et dans la croyance de posséder la science infuse en politique comme en administration, à les entendre (ce sont les docteurs en administration et économie politique),

mais qui ne savent pas même régler l'emploi de leur tems ni de leurs revenus; attirés par les tribunaux et par les affaires administratives, il y arrive des nuées de plaideurs, gens dont l'unique affaire est d'animer le zèle de leurs agens, et de faire pencher la balance par les séductions qu'accueillent l'intérêt ou la gourmandise. S'il s'y rencontre même une nombreuse garnison, il est impossible que certains exemples peu édifians ne viennent salir de jeunes imaginations, inhabiles (sic) encore à distinguer le bien d'avec le mal. Comment donc s'étonner ensuite de voir que toutes ces causes influent sur l'éducation? qu'elles lui font faire fausse route? qu'enfin, tous les autres correctifs seront insuffisans tant qu'on n'empêchera pas que tous ces élémens de corruption, d'exaltation, de paresse, d'amours-propres déçus, d'ambition sans bornes, souillent de leur contact immédiat cet âge si impressible, si imitateur, si enthousiaste, dont le jugement est encore à former.

Tous ces motifs augmentés encore des écueils de la distraction que présentent des théâtres, des bals, des fêtes publiques, etc., semblent donc militer, pour que la jeunesse soit placée loin de villes considérables et chefs-lieux des autorités. Il serait même utile de l'isoler de manière à ce qu'elle ne reçût pas des objets extérieurs, des impressions propres à détruire tous les soins que l'autorité consacre à lui donner une éducation bien dirigée. A cet égard, on pourrait utiliser dans le Royaume un grand nombre de bâtimens appartenant aux Couvens supprimés, qui sans cela menacent de tomber en ruines. En outre il est à croire que plusieurs propriétaires, dans le but d'augmenter par la population le revenu de leurs domaines, ne reculeraient pas devant les dépenses à faire, s'ils étaient sûrs de voir placer chez eux les écoles. Enfin l'on pourrait, en dernier lieu et faute de mieux, employer à cet usage les bâtimens des Commissions palatinales dans les villes dont les Commissions, ainsi qu'on l'a projeté, seraient réunies à d'autres,

ou bien lorsque cette réunion aurait eu lieu dans un point plus central que celui où elles siégaient auparavant.

De cette manière il serait peut-être facile de classer convenablement les Gymnases et les écoles d'arrondissemens. Quant à Varsovie, sa population paraît exiger une exception à cette règle; et dès lors, aussi elle demandera une surveillance telle qu'elle puisse contrebalancer les dangers que présente une Capitale.

C'est donc ici le lieu d'aborder la seconde observation du Département, concernant la surveillance. Pour qu'elle soit fructueuse, elle doit astreindre les élèves à demeurer dans leurs familles, dans des pensions publiques (konwikta) ou chez des directeurs (direktory) reconnus par l'autorité scolaire. Confiés à ces soins, c'est sous une pareille responsabilité, que les jeunes gens vaqueront à leurs devoirs, et devront prendre leurs récréations, se livrant à des plaisirs purs, à ces exercices salutaires aussi intéressans pour les facultés intellectuelles, que nécessaires à la santé et au développement physique.

Peut-être objectera-t-on que l'application de cette mesure se trouvera au-dessus de bien des fortunes, et qu'elle restreindra de beaucoup le nombre des élèves. Cette considération ne semble pas suffisante pour adopter tout mode qui ne présenterait pas les mêmes garanties; car, la question se réduirait alors à savoir si la science est préférable à la moralité; et s'il vaut mieux avoir moins de gens instruits convenablement, que plus de gens corrompus.

Le général de cavalerie Rożnecki.

№ 17.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1833 годъ.

(28 писемъ.)

Получено 20-го генваря (9-го февраля) 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) генваря 1833 г.

Я поручилъ графу Чернышеву увѣдомить тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, о причинѣ моей невольной неисправности. Схвативъ простуду на маскарадѣ 1-го числа, перемогался нѣсколько дней, какъ вдругъ сшибло меня съ ногъ, до такой степени, что два дня насилу отваляться могъ; въ одно со мной время занемогла жена, потомъ трое дѣтей, наконецъ почти всѣ въ городѣ переболѣли или нынѣ занемогаютъ, и рѣшили, что мы всѣ *грипъ*, но не грибъ *съѣли*, быть такъ, и скучно, и смѣшно; сегодня въ гвард. сапер. бат. не достало даже людей въ караулъ. Но, благодаря Бога, болѣзнь не опасна, но слабость необычайная; даже доктора валятся. Теперь началъ я выходить и опять готовъ на службу. Письмо

твое отъ 6-го числа получилъ сегодня при Горчаковѣ, съ которымъ обѣдалъ. Я имъ очень доволенъ, и, сколько видѣть могу, счастіе его не избаловало, жаль бы, ибо я его очень люблю. Я начинаю раздѣлять надежду твою миръ на сей годъ видѣть еще сохраненнымъ; но, правду сказать, не знаю, радоваться ли сему, ибо зло съ каждымъ днемъ укореняется; наша же сторона бездѣйствіемъ слабѣетъ, тогда какъ противная всѣми адскими своими способами подкапываетъ наше существованіе. Въ голову сего я ставлю французско-египетское нашествіе на султана. Знаютъ, что не могу я допустить другимъ завладѣть Царьградомъ, знаютъ, что сіе пріобрѣтеніе насильное, противное нашимъ выгодамъ, должно поднять зависть Австріи и Англіи, и потому наше долготерпѣніе вознаграждается сею новою возрождаемою задачей, которую одинъ Богъ рѣшить можетъ и которая должна отвлечь значительную часть силъ нашихъ! Изъ Царьграда, послѣ извѣстія разбитія и плѣненія визиря, новыхъ никакихъ извѣстій я не получалъ; довольно странно.

Здѣсь кромѣ кашля, чиханья и оханья все тихо и спокойно. Изъ Грузіи получилъ извѣстія, что все идетъ хорошо и по всѣмъ показаніямъ зачинщикъ всего дѣла царевичъ Окропиръ, живущій въ Москвѣ, женившійся на графинѣ Кутайсовой и которому полтора года тому назадъ позволилъ съѣздить въ Грузію; и онъ этимъ воспользовался для начатія заговора, я по твоей запискѣ справку сдѣлать велю.

Княгинѣ цѣлую ручки. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено генваря 26-го дня 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
21-го генваря (2-го февраля) 1833 г.

Вчера передъ обѣдомъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 14-го (26-го) числа. Причина неприбытія графа Витта та, что и онъ въ свою очередь растянулся, и былъ крѣпко боленъ; я его все еще не вижу. Проказы подъ Калишемъ, какъ первая попытка сего рода, дабы охоту отбить отъ оныхъ, требуютъ примѣрнаго наказанія. Хорошо бы отдать ихъ подъ военный судъ, по полевому уложенію, и виновнѣйшихъ, прогнавъ сквозь строй, сослать въ крѣпостные арестанты, а другихъ отдать въ солдаты съ зачетомъ за конскриптовъ. Раздачу помощи считаю и я весьма полезною и на дняхъ получилъ отвѣтъ; но надо быть осторожнымъ, чтобъ, помогая съ одной руки, мы не обирали другою.

Письмо эрцгерцога весьма дружеское.

Изъ Царьграда извѣстія наконецъ получили; Муравьевъ былъ отлично принятъ; далъ имъ подробное наставленіе, какія принять мѣры обороны; о чемъ дураки и не думали, до такой степени, что не назначили даже новаго начальника войску, вмѣсто плѣненнаго визиря. Онъ отправился въ Александрію, а за нимъ и Галиль-паша. Полк. Дюгамель посланъ прямо къ Ибрагиму, который не шевелится покуда изъ Иконіи. Все это похоже по моему на больного чахоткой, который не чувствуетъ близкаго своего конца и котораго поддерживаютъ со дня на день. Суди, что старикъ Арыкиръ и другой любимецъ султана заставили Муравьева учить ихъ ружьемъ и ходить учебнымъ шагомъ, и это тогда, когда онъ имъ самымъ сильнымъ образомъ упрекалъ ихъ нерѣшимость и усыпленіе, хороши дурачье! Грипъ или *грыбъ*, какъ мы его прозвали, хотя слабѣетъ, но пробралъ почти безъ исключенія всѣхъ; тоже въ Москвѣ и почти повсюду; вѣроятно погоститъ

и у васъ. Вчера представилъ я въ совѣтъ новый нашъ сводъ законовъ, который принятъ и будетъ скоро выданъ; огромный шагъ! да благословитъ его Богъ милосердый.

Жена моя тебѣ кланяется. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 1833 года, февраля 6-го (18-го) дня г. Варшава.

С.-Петербургъ.
30-го генваря (11-го февраля) 1833 г.

Письмо твое отъ 24-го генваря получилъ я вчера утромъ, любезный Иванъ Федоровичъ, и сердечно радуюсь, что ты скоро къ намъ быть хочешь. Сегодня познакомился я съ генераломъ Гилленшмитомъ, котораго я никогда не видалъ; онъ мнѣ очень понравился. Здѣсь у насъ новаго ничего нѣтъ, болѣзнь стихаетъ, но многихъ она унесла. Изъ Турціи ничего не знаемъ, кромѣ, что Ибрагимъ, узнавъ о посылкѣ Муравьева и Галиль-паши въ Александрію, остановился; но Киселевъ мнѣ пишетъ, что все турецкое населеніе Болгаріи и по берегамъ Дуная не скрываетъ явныхъ своихъ желаній успѣховъ Ибрагиму. Благодарю за присылку ругательнаго письма изъ Безансона,—не первое и не послѣднее. Пруссакамъ здорово, что и у нихъ въ Познани надурачили; пора бы имъ опомниться; но я боюсь, что и теперь они найдутъ способъ кончить дѣло ничѣмъ. У насъ погода стоитъ ужасная, и другой день мы ѣздимъ на колесахъ, но и то кое-какъ; боюсь, что тебѣ дорога будетъ весьма плохая. Графъ Виттъ уѣхалъ; надо будетъ тебѣ въ отсутствіе твое ему поручить главный надъ всѣмъ надзоръ. Планы новой крѣпости при Петровинѣ оставилъ у себя съ тѣмъ, чтобы съ тобой вмѣстѣ ихъ разсмотрѣть.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки.

Н.

Получено 18-го февраля (2-го марта) 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
10-го (22-го) февраля 1833 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 2-го (14-го) числа и весьма радуюсь, что все у васъ спокойно. Сегодня получилъ отъ Рибопьера копію съ его отношенія къ тебѣ о приглашеніи прусскимъ правительствомъ прислать кого изъ довѣренныхъ отъ насъ въ Познань, въ случаѣ открытаго тамъ заговора; довольно важно, любопытенъ знать, кого ты назначишь. Странны мнѣ свѣдѣнія о происходящемъ въ Галиціи, неужели австрійцы довольно слабы и глупы, чтобъ пуститься въ подобные разсчеты, тогда какъ они столь глубоко чувствовать должны, сколь имъ необходимо стоять съ нами за одно. Невѣроятно! Мы приступили къ великому дѣлу, къ переобразованію арміи; и повелѣніе о томъ дано гренадерскому корпусу; дѣло важное, и которое, надѣюсь, имѣть будетъ хорошія послѣдствія; ежели исполнится, какъ надѣюсь, съ должною точностію. Здѣсь покуда мы во всей чумѣ масляницы, и почти всякій день до 5 утра на ногахъ; и весело и, тяжело; но дѣла не останавливаются, только что чаще глаза протираемъ. Твой Горчаковъ покуда всѣмъ нравится и часто влюбляется, но не долго, въ то же лицо; мы часто смѣемся. Прочти со вниманіемъ рѣчь короля англійскаго, какое ужасное описаніе или признаніе въ устахъ государя первой по устройству земли! Могутъ они теперь хвастать, есть имъ въ чемъ позавидовать; страшно! Изъ Турціи новаго ничего не имѣю. Жена моя тебѣ кла-

няется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

С.-Петербургъ.
28-го февраля (12-го марта) 1833 г.

Я не рѣшался было отвѣчать тебѣ, любезный Иванъ Федоровичъ, на письмо твое отъ 12-го (24-го) числа, полагая тебя въ дорогѣ, но случайно узналъ сегодня, что будто и тебя прихватилъ *грипъ*; жалѣю очень, ежели правда, и прошу настоятельно поберечься.

О турецкихъ дѣлахъ тебѣ не пишу, ибо Чернышевъ тебѣ подробно пишетъ. Слава Богу, что Муравьеву удалось исполнить мое желаніе; посмотримъ, долго ли больной проживетъ, но боюсь, что, не смотря на всѣ наши лекарства, врядъ ли ему долгій животъ; они такъ глупы, что никакое воображеніе сего постигнуть не можетъ. Что важно, по моему мнѣнію, это то согласіе, которое между Австріею и нами въ семъ дѣлѣ; я имъ все твержу, что мы съ ними *одни* имѣемъ право дѣло сіе ладить по нашему, ибо мы одни сосѣди; бывъ согласны мы и другихъ можемъ поставить на нашъ ладъ. Убійство прусскаго чиновника доказываетъ, что за бестіи поляки! ты знаешь мое объ нихъ давнишнее и всегдашнее мнѣніе, оно не можетъ измѣниться.

Здѣсь у насъ все тихо и хорошо и отдыхаетъ послѣ масляницы. Тебя ждемъ съ нетерпѣніемъ. Горчаковъ ѣдетъ на дняхъ, кончивъ дѣла. Жена тебѣ кланяется, я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 4-го мая 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
28-го апрѣля (10-го мая) 1833 г.

Я получилъ два твоихъ письма, любезный Иванъ Федоровичъ, — первое изъ Ковны, послѣднее изъ Варшавы отъ 22-го апрѣля. Жена моя искренно тебя благодаритъ за поздравленіе со днемъ ея имянинъ. Радуюсь, что ты благополучно доѣхалъ по столь дурнымъ дорогамъ. Совершенно раздѣляю твое мнѣніе, что повсемѣстныя попытки были непремѣнно условлены и устроены тою же революціонною центральною силою, которую мы всѣ давно видимъ въ Парижѣ; надо быть слѣпу, чтобы не признавать сего весьма ясно. Но отпоръ, вездѣ симъ попыткамъ учиненный, и еще ожидающая кара тѣхъ, кои намъ въ руки попали, докажетъ сей адской партіи, что ей никогда сего рода удача быть не можетъ. Одно имъ средство остается—лично насъ всѣхъ истребить; способъ сей ими давно признанъ вѣрнѣйшимъ; и отъ того ли, что точно сіе намѣреніе хотятъ нынѣ привести въ дѣйствіе, или съ тѣмъ только, чтобъ насъ настращивать, но отовсюду слышно то же. Потому я настоятельно прошу усугубить осторожности среди сихъ мерзавцевъ, я же обѣщаюсь также быть осторожнымъ здѣсь. Покуда мы еще ничего похожаго здѣсь не открыли. Пора у тебя сдѣлать надъ ними нѣсколько примѣровъ, и хорошо что и австрійцы наконецъ проснулись, посмотримъ, что далѣе будетъ. Въ Швейцаріи ихъ худо приняли, а въ Германіи принимаются вездѣ строгія мѣры, и посылается даже войско. Жаль мнѣ очень, что ты успѣхами пѣхоты не былъ доволенъ; надо стараться нынѣ довершить образованіе войскъ по всѣмъ предметамъ; и я надѣюсь, что ты на сіе особое обратишь вниманіе.

Изъ Царьграда пишетъ Бутеневъ, что вѣроятно все кончится миролюбно уступкой Мегмету всей Сиріи, но не Аданы, какъ онъ того требовалъ и сначала и Roulier же-

лалъ. Нашихъ принимаютъ какъ нельзя лучше; на Свѣтлое Христово воскресеніе султанъ прислалъ поздравить нашихъ и подарилъ много припасовъ и 25 т. яицъ! Турецкой гвардіи часть съ нашими въ лагерѣ подъ командой Муравьева, и несутъ всю службу по нашему! невѣроятно!

Новаго ничего; погода ясная, но холодная; сегодня было 4 град. мороза. Мои планы не измѣнились, а прочее въ рукахъ Божіихъ.

Цѣлую ручки княгинѣ, прощай, любезный отецъ-командиръ, вѣрь искренней и неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Получено 13-го (24-го) мая 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
8-го (20-го) мая 1833 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 3-го (15-го) числа, за которое весьма благодарю. Ты предварилъ моимъ желаніямъ мѣрами, тобой принимаемыми противу бунтовщиковъ и пристанодержателей; мѣры сіи справедливы и совершенно необходимы, дабы доказать нашу рѣшимость не ослабѣвать, я увѣренъ, что другого нѣтъ способа съ ними сладить. Ты совершенно правъ, что не время теперь обнародовать милостивый указъ, пусть прежде его заслужатъ. Въ Вяткѣ поляки весьма хорошо приняли свое прощеніе, посмотримъ, чистосердечно ли? Орловъ прибылъ и только что успѣлъ меня о томъ увѣдомить. Между тѣмъ турки, какъ дураки, отдали Мегмету все, что онъ требовалъ, даже сыну его Адану; непостижимые скоты; посмотримъ, что изъ сего выйдетъ. Они мнѣ предложили заключить съ ними наступательный и оборонительный трактатъ; первое я отвергъ;

второе принялъ, какъ вещь намъ выгодную и весьма полезную при нынѣшнемъ союзѣ Франціи и Англіи. Султанъ смотрѣлъ наши войска въ парадѣ вмѣстѣ съ турецкими и все прошло весьма хорошо; между войскъ царствуетъ совершенное согласіе.

Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ; кажется, какъ будто бы въ Англіи начинаютъ открывать глаза на счетъ замысловъ французовъ; пора имъ, и чуть ли не поздно.

Послѣ завтра у насъ будетъ смотръ, а въ будущій вторникъ 16-го числа сбираюсь съ помощію Божіею въ дорогу и надѣюсь быть въ Динабургѣ 19-го числа и пробыть до 22-го, а возвратиться сюда къ 30-му іюня.

Здѣсь все тихо и хорошо; завтра открывается выставка; говорятъ, будетъ богата и много новаго. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней и неизмѣнной моей старой дружбѣ. Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 26-го мая (7-го іюня). Селеніе.

Динабургъ.
20-го мая (1-го іюня) 1833 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за два письма твои, первое чрезъ к. Горчакова, второе съ фельдъегеремъ. Читалъ съ большимъ любопытствомъ всѣ показанія Винницкаго, но я также полагаю, что они не полны, ибо видно, что онъ болѣе знаетъ, чѣмъ говоритъ. Покуда все продолжаются одинаковыя отовсюду извѣстія о намѣреніи меня убить въ дорогѣ; даже изъ Парижа прислали мнѣ выписку изъ письма поляка, но намъ неизвѣстнаго, изъ Петербурга, гдѣ говорятъ, что тамъ сіе трудно исполнить, а что въ дорогѣ сіе весьма легко. Какъ бы ни было, сюда я прибылъ благо-

получно и надѣюсь на милость Божію, что такъ же и возвращусь; прочее въ рукахъ Божіихъ, и воли его я спокойно покоряюсь. Мѣры беру я всѣ, которыя благоразуміе велитъ.

Горчаковъ тебѣ опишетъ подробно все здѣсь бывшее; пѣхотой я доволенъ, артиллеріей очень доволенъ, кавалеріей же напротивъ весьма недоволенъ и отрѣшилъ командира дивизіи отъ командованія; не простительно дурно; много надо будетъ работы, чтобъ привесть въ должный порядокъ, ибо офицеры никуда не годятся, кромѣ весьма немногихъ; лучшій полкъ Лубенскій, который идетъ къ тебѣ; худшій Ольвіопольскій. Завтра сбираюсь въ Ригу, послѣ освященія крѣпости. Горчакову передалъ много словеснаго, что времени нѣтъ мнѣ писать.

Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ. Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 7-го іюня 1833 г. г. Варшава.

Александрія.
2-го (14-го) іюня 1833 г.

Прибывъ третьяго дня утромъ сюда, получилъ я въ тотъ же день письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 25-го мая, за которое весьма благодарю. Слава Богу, я кончилъ весьма благополучно мою поѣздку и былъ всѣмъ, что видѣлъ, весьма доволенъ. Въ Ригѣ бывшими первою и четвертою дивизіями былъ я въ особенности доволенъ, ибо они *совершенно готовы*. Вообще много, что черезъ годъ корпусъ будетъ блестящій.

Дорогой хотя меня и поминутно стращали, но Богъ меня благословилъ и уберегъ, и даже ничего подозрительнаго не было. Меня вездѣ принимали какъ нельзя лучше; и такъ

какъ молва о злыхъ намѣреніяхъ разбрелась, то вездѣ наперерывъ оказывали всю возможную заботливость и предупрежденія возможности къ сему. Даже въ Финляндіи, куда я заѣзжалъ съ женой, мнѣ письменно представили актъ съ изъясненіями чувствъ.

Орловъ пишетъ, что все дураками кончено, но не столь худо, какъ издали кажется. Вотъ и всѣ мои новости; болѣе писать не могу, ибо заваленъ дѣломъ. Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 17-го (29-го) іюня 1833 г. г. Варшава.

Александрія.
12-го (24-го) іюня 1833 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 4-го числа, получилъ я три дня тому и душевно тебя благодарю за содержаніе онаго. Я слѣдую твоимъ совѣтамъ, мой отецъ командиръ, и беру всѣ тѣ осторожности, которыя здравый разсудокъ велитъ; твои вѣрные молодцы линейные меня окружаютъ и всюду смотрятъ, гдѣ я бываю; но повѣрь мнѣ, что вѣрнѣе всего положиться, впрочемъ, на милосердіе Божіе; его волѣ предался я не съ языка, но отъ всего сердца, и совершенно спокойно жду, что Ему угодно будетъ рѣшить.

Между тѣмъ поимка Завиши съ сообщниками у тебя и Шиманскаго у Долгорукова, о которомъ онъ тебѣ вѣрно сообщилъ, весьма важна.

Показанія послѣдняго весьма любопытны и даютъ совершенное понятіе о всемъ ходѣ сего прекраснаго предпріятія. Благодарю тебя, что такъ славно наладилъ дѣло о построеніи крѣпости на устьѣ Вепржа; одного этого не доставало, чтобъ окончательно упрочить нашу позицію, которая теперь точно

будетъ прекрѣпкая. Посылаю тебѣ изъ любопытства письмо ко мнѣ графа Ребиндера и адресъ, мнѣ врученный депутаціею въ Гельсингфорсѣ; какъ бы вездѣ такъ хорошо думали, куды какъ бы намъ легко было! Завтра идемъ въ лагерь, маневрируя на всѣхъ дорогахъ, откуда войска идутъ, и погода у насъ чудная, какой давно не припомнимъ. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ. Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Для Яновскаго завода хорошо бы выписать жеребцовъ; вели симъ заняться.

Получено 28-го іюня (10-го іюля) 1833 г. г. Варшава.

Александрія.
28-го іюня (10-го іюля) 1833 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ іюня, на которое ранѣе не успѣлъ отвѣчать за разнымъ дѣломъ. Сердечно радуюсь, что принятыми тобой мѣрами почти всѣ шайки уничтожены, надѣюсь, какъ и ты, что примѣръ сей на время остановитъ покушенія пропаганды, покуда чего новаго не изобрѣтутъ. Пріѣхали г. а. Бергъ и с. с. Туркулъ; съ первымъ много говорилъ про все, что мнѣ любопытно про армію, и съ удовольствіемъ слушалъ; второй искренно тебѣ благодаренъ за благосклонный пріемъ. Поѣздка его была ему полезна тѣмъ, что убѣдила на мѣстѣ въ истинѣ часто ему говореннаго, т. е. что поляки народъ потерянный, которому исправленія нельзя предвидѣть, и что они одни сами причиной всѣхъ своихъ всегдашнихъ бѣдствій, что правительство дѣлаетъ все, что возможно, и что ихъ дѣлать надо счастливыми вопреки ихъ самихъ и какъ бы насильно.

Здѣсь все у насъ тихо и хорошо; готовимся къ празднику; на дняхъ былъ въ лагерѣ, гдѣ собрано 46 т. войскъ; картина величественная; маневровъ еще не могъ начать, дабы новопришедшимъ дать время свыкнуться.

По политикѣ также ничего нѣтъ новаго; изъ Царьграда жду извѣстія объ отплытіи Орлова со всѣми войсками и флотомъ и признаюсь сему сердечно буду радъ; но на долго ли? сіе одинъ милосердый Богъ рѣшить можетъ. Ко мнѣ воротился на дняхъ г. а. Влодекъ; онъ весьма желаетъ спокойнаго мѣста, ибо замученъ подагрой; ему хотѣлось бы, ежели возможно, служить въ Варшавѣ, и я считаю, что онъ съ пользою можетъ быть членомъ совѣта. Напиши мнѣ, что по сему полагаешь.

Говоря о Польшѣ съ Туркулемъ, говорилъ онъ мнѣ, что большая часть большихъ помѣщиковъ проживаютъ за границей, переводя туда значительные капиталы. Нельзя ли-бъ было, заставить ихъ воротиться, назначивъ трехъ мѣсячный для сего срокъ, или явиться для освидѣтельствованія къ докторскимъ (ко)миссіямъ, которымъ велѣть строго повѣрять точно(ли) нездоровье препятствіемъ къ возвращенію.

Жена моя тебѣ кланяется; я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ. Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 13-го (25-го) іюля 1833 г. г. Варшава.

Красное Село.
6-го (18-го) іюля 1833 г.

Благодарю тебя душевно, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 26-го числа и за всѣ добрыя желанія; дай Боже, чтобъ я полезенъ могъ быть матушкѣ Россіи, которой служу отъ всей души и (по)крайнему разумѣнію. Пора было прус-

сакамъ проснуться, ибо долго ихъ и шевельнуть нельзя было; такъ что скоро поздно было-бъ. На всѣ предлагаемыя перемѣны по Модлину и цитадели я совершенно согласенъ; съ нетерпѣніемъ жду плановъ новой крѣпости на устьѣ Вепржа; и тѣмъ заключимъ работы нашего большого тетъ-де-пона въ Европу; славное будетъ дѣло! Отъ Орлова имѣю весьма удовлетворительныя извѣстія, все идетъ какъ желать только можно, и даже трактатъ нашъ почти что уже заключенъ былъ. Онъ полагалъ отплыть съ флотомъ и войсками 27-го или 28-го числа, чему я очень радъ, ибо докажетъ всѣму свѣту, что можно вѣрить нашему слову. Съ Англіею начинаемъ приходить въ лучшія сношенія.

Здѣсь все у насъ хорошо, кромѣ погоды, которая вдругъ сдѣлалась октябрская. Братъ вчера уѣхалъ въ Москву; и все теперь на меня обрушилось; ибо и за флотомъ я долженъ смотрѣть, такъ что насилу поспѣваю, вотъ тебѣ всѣ мои новости. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней старой моей дружбѣ.

Твой доброжелательн.

Н.

Получено 21-го іюля (2-го августа) г. Варшава.

Александрія.
16-го іюля 1833 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 7-го числа, получилъ я третьяго дня, за которое благодарю. Радуюсь, что у васъ все тихо и спокойно. Слава Богу я имѣю уже рапортъ Орлова о прибытіи его въ Одессу и большей части войскъ въ Кафу. Дѣло сіе конечно съ видимымъ благословеніемъ Божіимъ, ибо и вѣтеръ сдѣлался попутнымъ до такой степени, что въ 4 дня все возвратилось. Слава Богу, уви-

дятъ, умѣемъ ли держать слово! Но ненависть къ намъ толико сильна, что она ослѣпляетъ на всѣ наши дѣла, какъ бы они явны ни были.

Всѣ эти дни былъ я занятъ въ лагерѣ ученьями и маневрами и смѣло могу сказать, что дожилъ до того, что желалъ, то есть, до быстроты съ порядкомъ, до движимости и поворотливости въ высшей степени. Даже кавалерія нынѣ дѣлаетъ *все*, что я съ нея требую. Г. а. Бергъ былъ все время при мнѣ, и о всемъ въ состояніи будетъ тебѣ дать полный и подробный отчетъ. Послѣ завтра начинаются большіе маневры на довольно пространномъ протяженіи. Теперь приступаю къ самому важному въ семъ письмѣ; я получилъ рѣшительное приглашеніе отъ австрійскаго императора, для свиданія съ нимъ въ Богеміи, срокъ назначенъ къ 25-му августа (7-го сентября), свиданіе будетъ самое короткое и не рѣшено еще, хотя-бъ сіе очень было желательно, будетъ ли туда король прусскій, или увижусь съ нимъ въ другомъ мѣстѣ. Туда намѣренъ я ѣхать моремъ въ Штетинъ, но обратно будетъ поздно пускаться въ море и придется возвращаться черезъ Пруссію или, что я бы предпочиталъ, чрезъ Польшу, гдѣ я *отдамся* тебѣ на руки; и согласенъ на всѣ осторожности, которыя ты нужными сочтешь; я бы хотѣлъ въѣхать чрезъ Калишъ и, не заѣзжая въ Варшаву, направить свой путь на Модлинъ и Ковно. Дорогой хотѣлъ бы я видѣть, что можно будетъ, твоихъ войскъ. Вотъ мои желанія; но *ты рѣшишь, можно ли* или *нѣтъ*; и для сего прошу мнѣ отвѣчать какъ наискорѣе, вовсе никому сего не сообщая и даже сбирая войскъ какъ бы для своего смотра. Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 31-го іюля (11-го августа) 1833 г. г. Варшава.

Александрія.
25-го іюля (6-го августа) 1833 г.

Третьяго дня на бивакахъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое весьма благодарю. Радуюсь, что все у васъ тихо и спокойно, пора бы имъ знать, что они ничего предпринять не могутъ.

Здѣсь у насъ все было весьма хорошо; маневры кончились къ совершенному моему удовольствію. Пѣхота себя превзошла, ибо, не смотря на переходъ близъ 50 верстъ, я не видалъ ни одного усталаго. Г. а. Бергъ тебѣ все подробно разскажетъ. Я беру его съ собой въ гренадерскій корпусъ и потомъ отпущу, дабы чрезъ него ты знать могъ, въ порядкѣ ли твои резервы. А propos про резервы, любопытенъ я знать, въ хорошемъ ли порядкѣ къ тебѣ прибываютъ маршевые баталіоны? боюсь, что нѣтъ, по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя съ дороги до меня доходятъ; ибо молодыхъ и больныхъ много оставляютъ; имъ съ приходу надо будетъ поотдохнуть, потомъ окрѣпнуть.

По политикѣ новаго ничего нѣтъ. На глупый отвѣтъ Пальмерстона Фергюсону велѣлъ я написать статью въ нашемъ французскомъ журналѣ, которая имъ докажетъ, что, хотя я плачу презрѣніемъ за всѣ личности ко мнѣ партикулярныхъ лицъ, никогда не потерплю, чтобъ въ лицѣ моемъ могли обижать Россію даромъ тѣ, кои представляютъ правительство. Не знаю, полюбится ли оно имъ; мнѣ все равно, а я готовъ на дѣлѣ имъ доказать, что Россія задирать никого не будетъ, но постоитъ всегда елико возможно за свои права.

Извѣстія изъ полуденной Россіи меня приводятъ въ уныніе! повсемѣстная засуха уничтожила все и я страшусь голода; хотя я не пощажу ничего, чтобъ предупредить сіе бѣдствіе, но одинъ Богъ сему помочь можетъ, ибо не откуда взять хлѣба!

Холера начала снова свирѣпствовать на Дону, и въ сильной степени; появлялась и въ Воронежѣ, въ Курскѣ, Тамбовѣ и Рязанѣ, но слабѣе; стало, голодъ и чума! Да помилуетъ насъ Богъ!

Жду твоего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Прощай, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелатель.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

С.-Петербургъ.
1-го (13-го) августа 1833 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 24-го числа іюля, я получилъ четыре дня тому, и по содержанію онаго рѣшаюсь быть къ тебѣ, съ помощію Божіею, въ гости. Но дней прибытія не могу я рѣшительно еще опредѣлить и полагаю сіе сдѣлать тогда, когда поближе узнаю, какъ наше свиданіе будетъ, ибо о сю пору опредѣленъ лишь мой отъѣздъ, но гдѣ я увижусь съ императоромъ и королемъ, о томъ еще ничего вѣрнаго не знаю. Изъ записки твоей съ удовольствіемъ усматриваю, что увижу большую часть войскъ. Изъ Модлина мое желаніе ѣхать не на Ковну, а на Брестъ, дабы тамъ увидѣть работы и войско, а оттоль ѣхать на Житоміръ и Кіевъ, гдѣ также осмотрю работы, и поѣду на Орелъ въ Тулу, Владиміръ, Нижній, Кострому и Ярославль въ Москву. Полагаю, что около 20-го сентября (2-го октября) въѣду къ тебѣ въ край.

Опасеній не имѣю никакихъ за Польшу; въ Пруссіи буду остерегаться сколько можно, а прочее въ рукахъ Божіихъ. Черезъ нѣсколько часовъ ѣду въ лагерь гренадерскаго корпуса, гдѣ пробыть полагаю два дня, возвратясь въ ночь на

Преображеніе къ нашему полковому празднику. А тамъ съ Богомъ пущусь въ море 15-го (27-го) числа.

Прочти во французскомъ Петербургскомъ журналѣ статью въ отвѣтъ на Фергюсонову рѣчь и грубости англійскаго правительства; кажется ясно, просто и хорошо.

Красные воротники оставь въ своей силѣ, но депутатамъ, бывшимъ съ повинною въ Петербургѣ, объяви, что имъ дозволяю продолжать носить малиновые, въ память того, что именемъ всего края первые были у меня; кажется это будетъ ладно.

За симъ прощай, до свиданья; вѣрь моей неизмѣнной дружбѣ.

Твой доброжелательный.

Н.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Получено 21-го августа (2-го сентября).

Александрія.
15-го августа 1833 г.

Отправляясь черезъ нѣсколько часовъ въ путь, спѣшу отвѣчать тебѣ, любезный отецъ командиръ, на послѣднее твое письмо, которое я получилъ за нѣсколько дней. Радуюсь, что у тебя все спокойно и надѣюсь, что въ пріѣздъ свой еще болѣе въ семъ удостовѣрюсь. Свиданіе мое съ королемъ прусскимъ будетъ въ Шветѣ, а съ австрійскимъ императоромъ въ Фридландѣ, на самой прусской границѣ. Я расчитываю, что 4-го или 5-го сентября мнѣ удастся быть къ тебѣ въ Калишъ, гдѣ отдамся тебѣ на руки. Въ Модлинѣ только рѣшить мнѣ будетъ можно, поѣду ли на Брестъ въ Кіевъ, или на Ковно домой, ибо ежечасно приходятъ мнѣ съ юга извѣстія объ угрожающемъ голодѣ, такъ что мы всѣ мѣры беремъ и брать должны, чтобъ елико возможно помочь сему новому бѣдствію; но успѣхъ въ семъ въ однѣхъ Божіихъ рукахъ.

Сегодня утромъ воротился братъ изъ Москвы, и довольно поправился. Погода у насъ ноябрская, и нѣтъ дня безъ дождя. Прощай, съ помощію Божіею до близкаго свиданія.

Твой на вѣки искренно доброжелательный.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

PS. Посылаю тебѣ изъ любопытства написанное съ памяти сыномъ описаніе бывшихъ маневровъ въ Красномъ Селѣ, какъ первый опытъ его военныхъ способностей. Я не поправлялъ.

Получено 2-го (15-го [14 ?]) сентября г. Варшава.

Мюнхенгрецъ.
30-го августа (11-го сентября) 1833 г.

Вчера, проѣзжая Герлицъ, получилъ я отъ Татищева письмо твое, любезный отецъ командиръ, и спѣшу отвѣчать, что полагаю по прежнему къ тебѣ явиться 9-го (21-го) въ Калишъ, и потому полагаю, что 10-го буду въ Модлинѣ; надо будетъ, ежели можно, войско собрать, такъ чтобъ по должномъ приготовленіи 11-го (23-го) сдѣлать имъ смотръ, а на другой день маневръ. Къ тебѣ будетъ прусскій генералъ Врангель изъ Позена, котораго прошу милостиво принять, а со мною тотъ же ф. а. Раухъ, который былъ въ Петербургѣ. Въ Пруссіи и здѣсь вездѣ меня приняли какъ родного, даже простой народъ становится на колѣни и крестится. Императоръ говоритъ съ необыкновенною откровенностію и тебя назначаетъ предводителемъ арміи на случай соединенія всѣхъ силъ. Словомъ, онъ какъ только желать можно, посмотримъ каковъ будетъ мой врагъ супостатъ.

До скораго свиданія. Заливскій взятъ, его хотятъ судить,

но я упросилъ императора велѣть его запереть и онъ съ трудомъ согласился его на всю жизнь спрятать. Княгинѣ цѣлую ручки, а тебя отъ всего сердца обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 6-го (18-го) сентября 1833 г. г. Калишъ.

Мюнхенгрецъ.
1-го (13-го) сентября 1833 г.

Два слова только, любезный Иванъ Федоровичъ, въ отвѣтъ на письмо твое отъ 28-го (9-го). Ты уже знаешь теперь, что ранѣе какъ 9-го числа не могу я прибыть въ Калишъ, стало 10-го въ Модлинъ. Оттуда полагаю ѣхать на Ковно, но пусть ждутъ меня на обѣихъ дорогахъ, что не помѣшаетъ. Здѣсь все идетъ у насъ весьма ладно и хорошо. Императоръ ко мнѣ милостивъ и весьма довѣренъ. На-дняхъ мнѣ показывать хотятъ часть войскъ; любопытенъ ихъ видѣть; говорятъ они много поправились; здѣсь бат. егерей прекрасный, а порядокъ въ службѣ примѣрнѣйшій. Прощай, до свиданія.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Женѣ твоей цѣлую ручки.

Мюнхенгрецъ.
4-го (16-го) сентября 1833 г.

Любезный Иванъ Федоровичъ, спасибо за письмо твое отъ 31-го (12-го) числа. Все касательно моего отъѣзда остается какъ тебѣ назначилъ въ послѣднемъ письмѣ, т.-е. 7-го (19-го) я ѣду. Императоръ показывалъ мнѣ сегодня 2 бат. гренадеръ, 2 бат. пѣхоты, 1 бат. егерей, полкъ кирасиръ, 1 полкъ гу-

саръ и 4 роты артиллеріи. Пѣхота порядочна; артиллерія лошадьми хороша и довольно быстра въ движеніяхъ; кавалерія, въ особенности гусары, въ отличномъ положеніи. Но движенія пѣхоты сбиваются еще на 7 лѣтн. войну.

Императоръ мнѣ далъ сей полкъ гусаръ. По моему предложенію шлетъ къ намъ ген.-м. князя Рейса, хорошаго офицера, для присутствія при смотрѣ. Съ собой везу я стараго друга, славнаго герцога Нассаускаго, котораго впередъ тебѣ рекомендую. Онъ георгіевскій кавалеръ. Дѣла у насъ идутъ къ совершенному моему удовольствію, и я надѣюсь упрочить миръ въ Европѣ.

До близкаго свиданія. Вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 19-го сентября (1-го октября) 1833 г. г. Варшава.

Царское Село.
19-го сентября (1-го октября) 1833 г.

Возвратясь сюда благополучно въ субботу вечеромъ, намѣреніе мое было сейчасъ къ тебѣ писать, любезный отецъ командиръ, но пропасть дѣлъ мнѣ о сю пору мѣшали возможности сіе исполнить. Прими еще разъ мою искреннюю благодарность за все, чѣмъ я тебѣ обязанъ; войско, работы, край, все нашелъ я въ желанномъ видѣ; однимъ твоимъ неусыпнымъ трудамъ, твердости и постоянству столь удовлетворительныя послѣдствія я приписать могу. Да наградитъ тебя за сіе милосердый Богъ и подкрѣпитъ на поприщѣ твоей славной и полезной службы. Желалъ бы съ тобой быть неразлучнымъ; за невозможностью сего, прошу тебя въ замѣну оригинала принять и носить подобіе моей *хари*. Прими сіе знакомъ моей искренней сердечной благодарности и дружбы,

которая тебѣ останется во мнѣ неизмѣнною. Благодаря твоему попеченію о моей безопасной поѣздкѣ, я доѣхалъ какъ нельзя лучше, въ горе фельдъегерямъ, въ три дня и 13 часовъ! Здоровъ, веселъ, счастливъ и дома нашелъ все здоровымъ и въ порядкѣ. Новаго ничего не знаю, но жду съ нетерпѣніемъ. Княгинѣ цѣлую ручки. Всѣмъ нашимъ мой поклонъ; а тебя душевно обнимаю, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой доброжелательный.

Н.

Получено 11-го (23-го) октября 1833 г. г. Варшава.

Царское Село.
5-го (17-го) октября 1833 г

Третьяго дня утромъ получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 29-го (11-го). На послѣднее я не успѣлъ еще отвѣчать и съ радостью черезъ оное узналъ твое совершенное удовольствіе войсками, собранными подъ Брестомъ; жалѣю, что самъ не могъ ихъ видѣть. Что разно говорятъ про мой проѣздъ чрезъ Польшу, не удивительно, но ихъ сожалѣнію или раскаянію я вѣрить не стану. Когда всѣ наши крѣпости будутъ кончены, находящіеся въ рукахъ нашихъ преступники наказаны, новый сводъ законовъ составленъ и введенъ въ дѣйствіе, тогда чрезъ 50 лѣтъ спокойствія, я повѣрю, что будутъ люди благодарные между ними. Наконецъ, сегодня получилъ я отъ Нессельрода извѣщеніе, что дѣло пошло въ Берлинѣ на нашъ ладъ, и что онъ на будущей недѣлѣ надѣется выѣхать обратно; слава Богу, противное было-бъ большимъ несчастіемъ и придало новую силу революціи, убивъ совершенно духъ *честныхъ*, но трусливыхъ изъ германцевъ. Важное получено извѣстіе о кончинѣ короля испанскаго; нарушеніе древняго порядка наслѣдства и соб-

ственная наклонность къ либерализму королевы, объявленной правительницею,—все сіе подаетъ крайнее опасеніе видѣть либерализмъ и сумасбродство, а можетъ быть и междуусобіе въ несчастномъ семъ краѣ, достойномъ лучшей участи. Между тѣмъ дѣла въ Португаліи не кончаются, и вѣроятно одно явное участіе англичанъ можетъ скоро поворотить ихъ въ рѣшительную пользу *Петра Ивановича* или *Маріи Петровны*; экіе уроды! Сегодня смотрѣлъ я въ Красномъ Селѣ опыты въ большомъ видѣ надъ новымъ способомъ подрывать мины и совершенно новою системою подземной обороны; все гораздо превзошло всѣ ожиданія, опровергаетъ всѣ прежнія системы обороны и атаки крѣпостей и придаетъ неимовѣрную силу въ особенности первому предмету; надо будетъ изобрѣтать новую систему для атаки. Для насъ сей предметъ отмѣнной важности, ибо совершенно *нашъ* и не скоро достигнутъ познать его; и вмѣстѣ съ тѣмъ избавитъ насъ огромныхъ издержекъ при расположеніи обороны строимыхъ нынѣ крѣпостей. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ; вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 17-го октября 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) октября 1833 г.

Съ большимъ сожалѣніемъ узналъ я, любезный Иванъ Федоровичъ, что ты недоволенъ своимъ здоровьемъ, и узналъ также и причину; прости мнѣ, отецъ командиръ, ежели осмѣлюсь тебя немного побранить, что ты забылъ мою просьбу и свое обѣщаніе безъ нужды ничего не предпринимать вреднаго для своего здоровья; я знаю, что въ день маневра подъ

Прагой тебѣ не слѣдовало быть на конѣ и что ты симъ навлекъ на себя припадокъ, который могъ бы имѣть дурныя послѣдствія, и безъ всякой нужды. Ради Бога, прошу тебя *поберегись*!

Новаго ничего нѣтъ и не знаю, въ Парижѣ проглотили нашу декларацію весьма смиренно, какъ и ожидать было должно; кажется, дѣло въ Испаніи ихъ очень озабочиваетъ. Съ того края новаго также ничего нѣтъ и мнѣнія весьма разны. Намъ нечего торопиться признавать тотъ или другой распорядокъ, будетъ на то время.

Зимы у насъ вовсе нѣтъ, за то вода стращала два дня съ ряду, и многое было подъ водой.

Жена тебѣ кланяется; я цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброжелательный.

Н.

Получено 25-го октября (6-го ноября) 1833 г. г. Варшава.

Царское Село.
17-го (29-го) октября 1833 г.

Три дня какъ получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ; радуюсь, что все у тебя такъ тихо. Пріѣхалъ Нессельроде изъ Берлина и привезъ всѣ заключенныя конвенціи, которыя и пруссаки подписали, но не безъ труда; симъ дѣломъ по моему убѣжденію миръ упрочивается на долго. Вѣроятно испанскія дѣла весьма запутаются; но ежели Франція въ оныя вмѣшается своими войсками, то вѣроятно, что въ семъ найдетъ свою погибель; уже нынѣ ихъ крайне озабочиваетъ сіе, ибо сами чувствуютъ сколь должно ихъ обезсилить, и сколько оно придаетъ силъ тѣмъ партіямъ, которыя ищутъ свергнуть нынѣшнее правительство; кажется, что и

лежитимисты симъ воспользуются. Португальскія дѣла продолжаются безъ всякаго близкаго конца.

Вчера кончилъ я разсмотрѣніе проекта преобразованія артиллеріи, почти сходно твоимъ мыслямъ. Въ каждомъ пѣхотномъ корпусѣ будутъ 4 бат. роты, 32 бат. оруд. и 8 легкихъ, помимо 64 легкихъ орудій и 2 кон. бат. при 16 орудіяхъ; что все составитъ на корпусъ изъ 49 баталіоновъ и 32 эскадроновъ 112 орудій; кажется, довольно. Для избѣжанія расходовъ, полагаю нынѣ же имѣть и у тебя только по 1-му ящику запряженному на орудіе, ибо остальныхъ не долго будетъ купить; а расходъ весьма уменьшится. Прибавляю еще 2 кон. батарейныя батареи при 2 кирасирскихъ дивизіяхъ; что будетъ полезно.

Новаго здѣсь нѣтъ ничего; къ несчастію, на Кавказѣ голодъ во всемъ ужасѣ и не знаемъ какъ помочь! Ужасно читать рапорты.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей неизмѣнной дружбѣ.

Твой доброжелательный.

Н.

Получено 6-го (18-го) ноября 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
31-го октября (12-го ноября) 1833 г.

Отвѣчаю на письмо твое отъ 21-го октября, любезный Иванъ Федоровичъ; я съ ужасомъ узналъ о несчастномъ происшествіи, бывшемъ съ тобой на возвращеніи изъ Бреста. Богъ милосердый тебя спасъ, но страшно и подумать, какъ опасность близка была; да хранитъ тебя Богъ! Новаго ничего нѣтъ и не знаю; въ Испаніи по прежнему, въ Португаліи сторона Петра Ивановича беретъ верхъ; нельзя и предвидѣть

послѣдствій. Кажется король голландскій образумился и уступаетъ. Чернышевъ тебѣ пишетъ о Брестѣ, у меня денегъ нѣтъ на тѣ работы и я прошу заемъ изъ банка Царства на счетъ королевства. Другого способа не нахожу, а жаль работы остановить. Хорошо бы послать Лачинова по Царству для осмотра отъ меня тюремъ; что я здѣсь дѣлаю. На сей разъ и все тутъ. Жена тебѣ кланяется, я цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 5-го (17-го) декабря 1833 г. г. Варшава.

Москва.
29-го ноября (11-го декабря) 1833 г.

По прїѣздѣ моемъ на короткое время сюда, получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 17-го (29-го) числа. Вѣрю, что казнь пришельцевъ, подосланныхъ изъ Францїи, должна была сильно подѣйствовать на умы; но кто виновенъ подобнымъ несчастнымъ послѣдствїямъ, какъ не тѣ же родители, которыхъ безумїе и ненависть къ намъ приготовили дѣтей своихъ на жертву своихъ страстей!

Жаль и больно быть вынужденными къ подобнымъ мѣрамъ,— то, что намъ остается дѣлать!

Дай Богъ, чтобъ сїи примѣры избавили насъ отъ повторенїя подобныхъ покушенїй, влекущихъ за собой подобныя же послѣдствїя; но трудно сему повѣрить, и духъ, съ которымъ Завиша умеръ, доказываетъ, какъ они приготовлены на свое адское дѣло! Мой прїѣздъ сюда не имѣлъ другой причины, какъ желанїе въ свободные дни побывать здѣсь, поглядѣть на старушку бѣлокаменную, удостовѣриться въ расположенїи умовъ и только. Завтра ѣду во свояси. Не помню, писалъ ли

тебѣ, что занимаюсь преобразованіемъ горной части и намѣренъ поручить ее гр. Строганову; но вопросъ будетъ, кому поручить у тебя внутреннія дѣла? Хочешь ли Головина? онъ человѣкъ способный; другого не пріищу, а непремѣнно надо туда русскаго. Напиши мнѣ про это. Вчера получилъ я курьера отъ Розена, съ извѣстіемъ, что Аббасъ-Мирза умеръ въ *Мшидѣ*, а шахъ при смерти боленъ; хороша потѣха! что за вздоръ изъ этого выйдетъ? Пишу къ Розену, чтобъ онъ сидѣлъ покойно; отнюдь не хочу вмѣшиваться въ ихъ внутренніе раздоры, пусть ихъ дерутся между собой, мнѣ до нихъ дѣла нѣтъ, лишь бы меня не трогали.

Отъ Аббасъ-Мирзы получилъ письмо, гдѣ проситъ меня признать сына его Махметъ-Мирзу наслѣдникомъ; но ежели самъ шахъ его не признаетъ, то я въ это дѣло не вмѣшаюсь. Скажи мнѣ, правъ ли я? Здѣсь у насъ съ пріѣзда зима, но плохая, а подъ Петербургомъ и дорогой вовсе нѣтъ; не знаю, что будетъ. Здѣсь хлѣбъ дорогъ. Княгинѣ цѣлую ручки, а тебя искренно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 15-го (27-го) декабря 1833 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
8-го (20-го) декабря 1833 г.

Третьяго дня по утру получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 30-го ноября, на которое спѣшу отвѣчать; казнь Завиши и его сообщниковъ должна сильно дѣйствовать на умы, ибо доказываетъ всѣмъ, что мы словами не шутимъ и что подобная же участь ожидать будетъ всѣхъ подражателей; легко повѣрить, что ярость нашихъ враговъ достигла до высшей степени и невозможность злодѣйствовать

открыто еще болѣе возбудитъ ихъ прибѣгнуть къ скрытной войнѣ. Образчикомъ сего служить можетъ умная и благодарная затѣя Гуровскаго, но благородная душа твоя столь высоко стоитъ надъ подобнымъ мерзавцемъ, что, по моему мнѣнію, однимъ глубокимъ презрѣніемъ можно ей воздать за подобное нахальство и дерзость. Достойно ли тебѣ входить въ состязаніе съ такою тварью, которой приличнаго названія не найдешь ни на какомъ языкѣ. Ежели-бъ и дѣйствительно подобное и напечатано было, то и тогда единое *презрѣніе* должно ему служить отвѣтомъ. Вотъ мое мнѣніе, которое ты знать желалъ, впрочемъ, дѣйствуй по своему усмотрѣнію.

Изъ Англіи мнѣ пишутъ, что злость на насъ все возростаетъ; я на все готовъ, задирать вѣрно не буду, но и бояться или уступать не стану, готовъ принять незванныхъ гостей, съ твердымъ упованіемъ на всемилосердаго Бога и на вѣрность моихъ соотчичей, пусть придутъ. Ахметъ паша здѣсь и, какъ кажется, добрый человѣкъ, но не гораздъ. Французъ ѣдетъ и ждемъ на дняхъ, равно какъ и принца Оранскаго. Наконецъ у насъ зима стала, и я на саняхъ воротился до Ижоры, а сюда на колесахъ въ 37 часовъ. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ. Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю; вѣрь искренней дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
20-го декабря 1833 г. (1-го генваря 1834 г.).

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 12-го числа, я получилъ три дня тому. Искренно благодарю тебя за поздравленіе съ моими имянинами. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что 12-го числа менѣе виновныхъ велѣлъ выпустить;

жаль, что и безъ нихъ еще такъ много остается. Ты мнѣ не пишешь, какой народъ въ Люблинѣ изобличенъ въ заговорѣ? Мнѣніе твое на счетъ персидскихъ дѣлъ я раздѣляю совершенно, и до полученія твоей записки въ этомъ же смыслѣ писано нами къ Симоничу; дѣло сіе еще не объяснится, ибо хотя шахъ и призналъ *почти* наслѣдникомъ Мегмедъ-Мирзу, но сей послѣдній все еще осаждаетъ *Герадъ*; и противной партіи, въ случаѣ кончины шаха, весьма вздуматься можетъ ему отрѣзать обратный путь. Послѣднія извѣстія изъ Лондона и Парижа гораздо лучше прежнихъ и злость немного притихла, однако я сему мало вѣрю и принимаю всѣ должныя предосторожности.

Изъ предлагаемыхъ кандидатовъ на мѣсто Строганова полагаю лучшимъ Головина; другіе намъ оба пригодятся весьма въ полѣ; напиши мнѣ рѣшительно, согласенъ ли на сіе?

Два дня, какъ я нездоровъ лихорадкой; сегодня мнѣ лучше, но ослабъ очень; и жена моя тоже очень страдаетъ простудой, что-то похожее на *грипъ*, много и въ городѣ больныхъ. Жду ежеминутно п. Оранскаго съ старшимъ его сыномъ, очень радуюсь его обнять. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

90

№ 18.

Мысли генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго.

1) Весьма полезно было бы заключить договоръ съ австрійскимъ и прусскимъ правительствами, чтобы, въ случаѣ возмущенія въ одномъ изъ трехъ государствъ, другія подавали

руку помощи, обязываясь выставить, напримѣръ, до 20 т. войска.

Договоръ сей можетъ быть полезенъ не потому, чтобы государства имѣли дѣйствительную нужду въ сей помощи, но онъ покажетъ, что договаривающіяся стороны дѣйствуютъ единодушно и съ одною цѣлію.

2) Въ договорѣ семъ помѣстить также, чтобы въ случаѣ возмущенія или измѣны противъ одного государства, другія непремѣнно выдавали преступниковъ, которые войдутъ въ ихъ земли; не поступая же такимъ образомъ, какъ въ послѣднее возмущеніе въ Польшѣ.

3) Какъ многіе изъ поляковъ владѣютъ имѣніями въ разныхъ государствахъ, то гдѣ бы ни проживалъ человѣкъ, требующій надзора, вездѣ за нимъ долженъ быть равный присмотръ и свѣдѣнія о поведеніи сего лица сообщаемы отъ одного государства другому.

4) Краковъ необходимо тотчасъ занять войсками трехъ державъ. Если сего невозможно сдѣлать просто, изъ опасности французскаго и другихъ кабинетовъ и дабы не нарушить постановленій вѣнскаго конгреса, то можно будетъ произвести у нихъ возмущеніе и, воспользовавшись симъ, тотчасъ ввести войска.

5) Консулу нашему и другихъ державъ въ Краковѣ необходимо дать самыя обстоятельныя инструкціи, чтобы они наблюдали особенно за тамошними секретными обществами и доносили о нихъ кому должно.

6) При первомъ удобномъ случаѣ, надобно бы уничтожить краковскую республику и передать ее Австріи.

7) Необходимо, чтобы князю Адаму Чарторижскому ни въ какомъ случаѣ не былъ дозволенъ въѣздъ въ Галицію, ибо онъ тамъ можетъ быть весьма опасенъ своимъ вліяніемъ. Въ самой Австріи аристократическая партія весьма сильна, а Чарторижскій принадлежитъ къ ней по родству и давнимъ

связямъ. И такъ, будучи хорошъ съ высшею аристократіею въ Австріи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ дѣйствовать на народъ посредствомъ секретныхъ обществъ.

Въ Англіи и во Франціи онъ не столь опасенъ. Тамъ онъ просто интригантъ, каковыхъ много и гораздо еще умнѣе. Не пройдетъ году и онъ наскучитъ тамошнимъ правительствамъ, которыхъ виды и мнѣнія могутъ перемѣниться.

8) Секретныя общества во Франціи и другихъ мѣстахъ не новость: они всѣмъ извѣстны. Не думаю, чтобы Бемъ набралъ даже и 1,200 рядовыхъ. Впрочемъ, если бы это ему и удалось, то тѣмъ и кончится сіе важное вооруженіе, столь громко во всей Европѣ превозносимое.

9) Деньги, собранныя французскими комитетами въ пользу поляковъ, не такъ велики. Сіи господа, привыкшіе жить безъ умѣренности, проживутъ ихъ, потомъ надоѣдятъ требованіями новыхъ вспомоществованій, потеряютъ довѣренность, наконецъ впадутъ въ нищету.

Вообще теперь въ Европѣ словъ сколько угодно, но когда дойдетъ дѣло до денегъ, то не видно большихъ пожертвованій. Доказательствомъ служатъ испанскіе патріоты, греки, о которыхъ вся Европа болѣе 6 лѣтъ горевала, много ли они получили? И такъ, пока не вмѣшаются правительства и большіе банкиры, опасаться нечего.

10) Кушель представляетъ не новое. Только раздачею земель помѣщиковъ мы разоримъ ихъ, а раздачею земель казенныхъ уменьшимъ доходы.

Но не имѣетъ ли Кушель скрытной мысли? Она можетъ состоять въ томъ, что крестьяне, будучи вольными и съ имѣніями, во время возмущенія, скорѣе и съ усердіемъ примутъ въ немъ участіе, чего они въ послѣднюю революцію не сдѣлали.

Надобно принять *медцо термине*: уменьшить вліяніе помѣщиковъ, не давая слишкомъ много средствъ крестьянамъ защищать свои права и не уменьшая налоговъ.

Сіе медцо термине я имѣлъ счастіе представлять Вашему Императорскому Величеству.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы для уменьшенія вліянія помѣщиковъ не назначать ихъ войтами гминъ (мерами), которые непремѣнно должны быть опредѣляемы отъ правительства. Я предлагалъ о томъ и въ комитетахъ по дѣламъ Польши. Въ ономъ положено: предоставить мнѣ симъ заняться.

11) Замѣчательно, что варшавскій военный губернаторъ называетъ Гардена и Ледерена, какъ людей, которые даютъ знать о броженіи умовъ « *) » и ничего не упоминаетъ о князѣ Лобковичѣ. Видно, что слухи, носившіеся въ Варшавѣ, что князь Лобковичъ покровительствуетъ полякамъ, справедливы. Извѣстно, что онъ дѣйствовалъ въ семъ духѣ и во время мятежа.

№ 19.

Весьма сомнительно, чтобы революціонныя идеи и духъ мятежа, объявшіе жителей бывшаго Царства Польскаго въ той степени энергіи, которую показали намъ предпріятія и надежды ихъ, развитыя въ прокламаціяхъ и другихъ публичныхъ актахъ 1831 года и употребленныя ими усилія для исполненій и поддержаній своихъ замысловъ въ теченіе военныхъ дѣйствій и впослѣдствіи, могли быть радикально уничтожены ударами, нанесенными оружіемъ, великодушнымъ прощеніемъ и милостями Государя Императора и кроткимъ довѣрчивымъ правленіемъ съ возстановленія законной власти. Но весьма естественно, что многіе приверженцы революціонныхъ идей и запальчивые или обольщенные мечтами патріоты, уступая необходимости, отложили и отсрочили только исполненіе

*) Въ подлинникѣ пропускъ.

своихъ замысловъ до благопріятнѣйшихъ обстоятельствъ, употребляя нынѣ всѣ старанія ихъ къ тому, чтобы ослабить исподоволь наложенныя имъ узы и приготовить новыя средства къ безопасному раскрытію своихъ дѣйствій. Ибо опыты всѣхъ вѣковъ показываютъ, что никогда не должно довѣрять видимому спокойствію народа, приведеннаго единожды въ волненіе политическими и религіозными мнѣніями, а не какими-либо частными обстоятельствами раздраженнаго, кои можно устранить, потому что нѣтъ ничего труднѣе, какъ истребить не только въ массахъ, но въ каждомъ человѣкѣ отдѣльно принятыя однажды политическія и религіозныя идеи, и одно только время, при постоянномъ попеченіи и наблюденіи правительства о направленіи общественнаго духа и мнѣнія, можетъ преобразовать націю сообразно его цѣли, безъ возобновленія потрясеній.

Съ другой стороны, многія событія послѣднихъ временъ, не исключая и 19-го ноября 1830 года, свидѣтельствуютъ, что одно изъ употребительнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ средствъ всѣхъ революціонеровъ и заговорщиковъ къ достиженію ихъ преступныхъ цѣлей состоитъ въ томъ, чтобы первоначально овладѣть управленіями полицейской и исполнительной части и общественной корреспонденціи, дабы тѣмъ обезпечить себя отъ наблюденій правительства, парализовать всѣ распоряженія онаго, къ охраненію общественнаго спокойствія принимаемыя, сокрыть ходъ своихъ преступныхъ дѣйствій и изворотовъ, выставивъ съ самой неблаговидной стороны всѣ дѣйствія правительства, и наконецъ управлять сообразно своимъ видамъ общественнымъ духомъ и мнѣніемъ. Для достиженія сего заговорщики, прикрываясь маскою всѣхъ гражданскихъ добродѣтелей, употребляютъ сначала всѣ усилія выиграть довѣренности у высшихъ чиновниковъ управляющихъ дѣлами, потомъ, держась, такъ сказать, рука за руку, постепенно вводятъ своихъ агентовъ и единомышленниковъ или мало способныхъ и

слабыхъ людей, кои не могутъ быть для нихъ опасны, во всѣ должности по упомянутымъ выше управленіямъ полицейской, исполнительной и общественной корреспонденціи частей и когда уже увѣрены, что сіи управленія въ ихъ распоряженіи, тогда открыто быстрыми и твердыми шагами стремятся къ своей цѣли.

Не смѣю сказать съ утвердительностію, чтобы въ Царствѣ Польскомъ происки приверженцевъ революціи были уже доведены до той степени, чтобы они могли имѣть вліяніе на выборъ чиновниковъ къ публичнымъ должностямъ, я однако, соображая ходъ дѣлъ, остаюсь въ убѣжденіи, что если бы они дѣйствительно возымѣли сію пагубную мысль, то сами обстоятельства весьма имъ благопріятствуютъ исполнить оную и что покушеній сего рода должно всегда ожидать, пока скопища бывшихъ членовъ революціоннаго правительства и упорныхъ приверженцевъ ихъ, пользующихся убѣжищемъ въ иностранныхъ державахъ, продолжающія дѣйствовать съ нѣкоторою обдуманною и соображенною системою къ поддержанію волненія умовъ, будутъ имѣть возможность удерживать и заводить вновь тайныя сношенія съ здѣшними жителями. Ибо съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій въ Царствѣ Польскомъ, бывшее временное правительство онаго, поспѣшая возстановить вездѣ порядокъ и теченіе дѣлъ, не имѣя въ распоряженіи своемъ чиновниковъ довольно знакомыхъ съ постановленіями, обычаями и языкомъ края для занятія большого числа вакантныхъ мѣстъ, не имѣя способовъ повѣрить предварительно рекомендуемыхъ оному кандидатовъ, и можетъ быть распространивъ внѣ должныхъ предѣловъ Высочайше дарованныя жителямъ амнистію и подтвержденіе ихъ правъ, было въ необходимости большую часть должностей, безъ соображенія отношенія ихъ и вліянія на общественное спокойствіе, оставить тѣмъ самымъ чиновникамъ, кои занимали оныя во время революціоннаго управленія, а вакантныя поручать тѣмъ, кои

съ уничтоженіемъ арміи входящихъ въ составъ оной управленій остались безъ мѣстъ и искали пристанища и способовъ къ содержанію. При чемъ даже небольшое число тѣхъ чиновниковъ, кои по вступленіи россійскихъ войскъ въ Царство Польское приняли на себя исправленіе нѣкоторыхъ должностей по препорученію отрядныхъ военныхъ начальниковъ, впослѣдствіи, какъ незаконно пріобрѣвшіе оныя, удалены и замѣщены другими, коихъ права гораздо сумнительнѣе. Отъ сихъ распоряженій, вынужденныхъ обстоятельствами и необходимостію, въ нынѣшнемъ составѣ чиновниковъ Царства Польскаго, особливо по полицейской и исполнительной части, одни, получивши должности отъ революціоннаго правительства по уваженію оказанныхъ ими услугъ оному, не считаютъ себя ни мало обязанными благосостояніемъ своимъ нынѣшнему правительству и, полагая, что таланты ихъ необходимы для онаго, продолжаютъ безбоязненно дѣйствовать въ прежнемъ своемъ духѣ; другіе хотя получили должности отъ бывшаго законнаго правительства до 1830 года, но принимали дѣятельное участіе въ революціи, или кои хотя назначены послѣ революціи, но также участвовали въ оной и умѣли или вовсе сіе скрыть отъ правительства, или объяснить свои поступки благовиднымъ образомъ, кои, дабы не выставить себя въ общемъ мнѣніи неосновательными и безъ правилъ (и особенно предателями отечественныхъ интересовъ), должны показывать видъ, что они повинуются только необходимости быть снисходительными и даже прикрывать тѣхъ, кои бы нынѣ обнаружили приверженность къ революціоннымъ идеямъ и дѣйствовали къ распространенію и поддержанію оныхъ; поведеніе сего рода чиновниковъ тѣмъ болѣе должно быть обоюдное, чѣмъ болѣе они сами подвержены укоризнѣ и чѣмъ болѣе имѣютъ связи въ обществѣ; и наконецъ третьи, въ самомъ меньшемъ числѣ, коихъ хотя поведеніе было неукоризненно и кои желали бы удовлетворить своему долгу, но

не имѣютъ твердости противоборствовать общественному духу и мнѣнію. Находящіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коменданты и этапные начальники изъ армейскихъ офицеровъ, по неспособности своей, ограниченности круга ихъ дѣйствій и недостатка средствъ, вовсе не могутъ имѣть вліянія къ соблюденію общественнаго порядка и вмѣсто того, чтобы доставить правительству пользу, неосновательными своими донесеніями затрудняли бы оное и вводили въ ошибки.

При таковомъ составѣ чиновниковъ весьма естественно, что всѣ мѣры и распоряженія правительства къ обезпеченію общественнаго спокойствія и наклоненію общественнаго духа къ порядку, повиновенію и благой цѣли, въ исполненіи оныхъ будутъ ослаблены или вовсе парализированы, что малое число высшихъ чиновниковъ онаго, изъ военнаго сословія предназначенныхъ для наблюденій въ воеводствахъ и управленія оными по полицейской и исполнительной части, останутся или въ совершенномъ невѣдѣніи о происходящемъ въ краѣ, или будутъ имѣть одни поверхностныя и даже фальшивыя свѣдѣнія, кои либо однимъ случаемъ дойдутъ до нихъ или съ умысломъ будутъ доведены, и дѣйствія ихъ ограничатся одними обязанностями низшей полиціи. Между тѣмъ вредные для общественнаго спокойствія люди и посягающіе противъ законной власти, прикрывая свои преступныя дѣйствія отъ взоровъ правительства благовиднымъ нахожденіемъ своимъ въ государственной службѣ, въ то же время какъ публичные чиновники, пользуясь довѣріемъ въ обществѣ къ законности и правотѣ ихъ поступковъ и основательности ихъ сужденій и мнѣній, передаютъ свои заблужденія и преступныя намѣренія и замыслы своему кругу, кои потомъ какъ быстрые потоки разливаются въ массѣ народной, и съ тѣмъ вмѣстѣ они же споспѣшествуютъ и покровительствуютъ своимъ единомышленникамъ и агентамъ въ ихъ операціяхъ и проискахъ.

Доказательствомъ сему служатъ ежедневно появляющіяся

и обращающіяся въ среднемъ классѣ и въ народной массѣ разныя фальшивыя политическія извѣстія о вооруженіяхъ другихъ державъ, о собранныхъ большихъ силахъ патріотами за границею, о затруднительномъ внутреннемъ положеніи Россіи, о покушеніяхъ правительства оной къ уничтоженію католической религіи, училищныхъ заведеній и народнаго языка, объ декретахъ онаго къ отнятію народныхъ правъ и стѣсненію промышленности, къ разоренію и обнищенію края и жестокихъ поступкахъ съ защитниками вольности; равномѣрно, что въ скоромъ времени должны послѣдовать важныя событія и перемѣны въ краѣ, что патріоты приготовили уже способы къ новому возстанію и проч., и проч., коимъ многіе жители, вообще укоряемые въ легкомысліи и запальчивомъ энтузіазмѣ, даютъ слѣпую вѣру, вопреки здраваго разсудка и оффиціальныхъ извѣстій всѣхъ странъ Европы, и коихъ извѣстій порожденіе и распространеніе весьма трудно обслѣдовать, хотя хитрой вымыселъ, приспособленіе къ каждому новѣйшему политическому событію въ Европѣ, и отпечатокъ свѣдѣній круга людей, занимающихся государственными дѣлами, ясно показываютъ, что источниковъ таковыхъ извѣстій должно искать въ высшемъ сословіи, а быстраго распространенія оныхъ въ содѣйствіи публичныхъ чиновниковъ.

Впослѣдствіи правительство Царства Польскаго, уповательно съ цѣлью исправить по возможности распоряженія бывшаго временнаго правленія въ отношеніи чиновниковъ, вынужденное, какъ я выше упомянулъ, необходимостію и обстоятельствами, поручало военнымъ начальникамъ воеводствъ составить подробные кондуиты о чиновникахъ, находящихся въ должностяхъ, и тѣхъ, кои могутъ быть кандидатами для оныхъ; но порученіе сіе не могло быть исполнено ими удовлетворительно и доставить ожидаемой пользы, потому, что они, вступивъ въ управленіе воеводствъ за нѣсколько только мѣсяцевъ до полученія предписаній и бывъ сначала озабочены

познаніемъ новаго для нихъ хода дѣлъ, не имѣли ни времени, ни способовъ ознакомиться по крайней мѣрѣ съ почетными чиновниками и жителями, дабы лично собрать свѣдѣнія и повѣрить оныя для положенія требуемыхъ отъ нихъ аттестацій, а передали только требованія въ отдѣленія воеводскихъ коммисій и обводовымъ коммисарамъ, то есть въ руки тѣхъ же чиновниковъ, коихъ должны были въ особенности сами со всею осмотрительностію аттестовать, и о прямотѣ дѣйствій коихъ въ исполненіи порученности не имѣли никакихъ завѣреній, чѣмъ самымъ еще болѣе затруднили правительство въ его назначеніяхъ и связали бдительность онаго. Совѣты призванныхъ ими въ пособіе нѣкоторыхъ частныхъ людей и чиновниковъ по вышеизложеннымъ мною причинамъ едва ли могутъ быть принимаемы за отголосокъ истины, но болѣе вѣроятно, что личность и своекорыстные виды диктовали оные.

Общественное мнѣніе еще менѣе можно было имъ принять за руководителя въ положеніи подобныхъ аттестацій, ибо при первомъ обзорѣ каждый убѣдится, что до сего времени всѣ тѣ лица, кои извѣстны какъ ревностные поборники революціи, и коихъ настоящее поведеніе ясно показываетъ нерасположеніе оныхъ къ законному правительству, пользуются преимущественно уваженіемъ въ своихъ обществахъ, и при собраніи объ нихъ отзывовъ соединяютъ въ себѣ всѣ гражданскія добродѣтели, напротивъ того тѣ, кои извѣстны своимъ умѣреннымъ образомъ мыслей и поведеніемъ, едва терпимы изъ благопристойности и боязни въ частныхъ кругахъ, и служатъ постоянною цѣлью языку лжи и клеветы и укоризнамъ въ безнравственномъ поведеніи!

Послѣ сихъ соображеній, замѣчая въ послѣднихъ двухъ мѣсяцахъ видимое распространеніе извѣстій, могущихъ питать революціонныя идеи въ среднемъ классѣ и народѣ и поддерживать духъ мятежа, что такъ называемые патріоты весьма возвысили тонъ самонадѣятельности и увѣрительности, что

число явно недоброжелательствующихъ россійскому правительству чиновниковъ и частныхъ людей примѣтно возрастаетъ и обнаруживается общею холодностію къ войскамъ и чиновникамъ, кои явно отстраняются или отъ всѣхъ частныхъ обществъ и знакомствъ, при всѣхъ стараніяхъ выиграть благорасположеніе публики и довѣренность, я признаю полезнымъ, дабы положить вырастающему злу преграду въ самомъ его источникѣ и дать опять благопріятное направленіе общественному духу и мнѣнію, составить въ каждомъ воеводствѣ коммисію изъ военнаго начальника воеводства, старшаго генерала расположенныхъ въ ономъ войскъ, президента воеводской коммисіи и двухъ депутатовъ дворянства, для повѣрки кондуитовъ состоящихъ на службѣ нынѣ чиновниковъ какъ до революціи, такъ во время оной и съ возстановленія законной власти. Въ обязанность сей коммисіи вмѣнить—раскрыть и опредѣлить въ точности степень принятаго участія каждымъ въ революціи пассивнымъ или активнымъ образомъ, означить способности каждаго для занимаемыхъ ими должностей, и потомъ нравственныя качества, обращая въ особенности вниманіе въ разборѣ послѣднихъ, какого кто образа мыслей, то есть умѣреннаго или наклоннаго къ вольнодумству, какого характера, то-есть: твердаго, прямодушнаго и откровеннаго, или слабаго, скрытаго и гибкаго, добросовѣстенъ ли въ своихъ обязательствахъ, или подчиняетъ свою честь и слово личнымъ выгодамъ, тщеславію и мнѣнію своего круга и проч. Не излишне было бы также различать, кого революція застала въ военной службѣ и гражданскихъ должностяхъ, кто вступилъ въ военную и гражданскую службу по воззваніямъ или назначенію революціоннаго правительства и кто былъ онымъ изъ гражданскихъ чиновниковъ помѣщенъ въ высшія должности безъ вакансій, по особой благосклонности или въ уваженіе услугъ оному. Потомъ коммисія озаботится составить таковые же подробные кондуиты о чиновникахъ, не со-

стоящихъ въ должностяхъ и могущихъ быть кандидатами для помѣщенія. Таковыя свѣдѣнія полагаю дали бы правительству возможность, по соображеніи оныхъ, удалить тѣхъ чиновниковъ, кои неблагонадежны и кои болѣе другихъ опасны по своимъ нравственнымъ качествамъ и образу мыслей, или по крайней мѣрѣ тѣхъ, кои явно вредны обнаруживаемымъ ими недоброжелательствомъ къ законной власти и негодованіемъ на теперешнее положеніе дѣлъ.

Впрочемъ, если бы въ исполненіи сего предположенія представились бы важныя затрудненія при литеральномъ истолкованіи Всемилостивѣйше дарованной амнистіи и подтвержденія особыхъ правъ края, и другія, коихъ я не могу предвидѣть, хотя беру смѣлость объясниться, что, по чистому разумѣнію моему, амнистія избавляетъ отъ преслѣдованій всѣ дѣянія и поведеніе лицъ во время революціи, но не даетъ имъ никакого права на допущеніе къ должностямъ безъ залога въ ихъ вѣрности и доброй нравственности, и права края не могутъ быть ни мало нарушены избраніемъ чиновниковъ по желанію правительства на тѣ мѣста, назначеніе коихъ независимо отъ выборовъ общественныхъ, а для сихъ послѣднихъ съ одобренія онаго, то признаю необходимымъ распоряженіе сіе отнести по крайней мѣрѣ къ президентамъ воеводскихъ коммисій, коммисарамъ распорядительнаго и исполнительнаго отдѣленій оныхъ, президентамъ муниципальныхъ управленій и особенно обводовымъ коммисарамъ, почтъ-экспедиторамъ въ городахъ и управляющимъ пограничными таможнями и кордонами, кои всѣ мѣста по тѣсной связи оныхъ съ соблюденіемъ общественнаго спокойствія и вліянія лицъ, занимающихъ оныя, на общественный духъ, требуютъ совершенно благонадежныхъ и истинно преданныхъ правительству, способныхъ и дѣятельныхъ чиновниковъ.

Назначеніе форстмейстеровъ въ Царствѣ требуетъ также особенной разборчивости, по вліянію, которое имѣютъ сіи чи-

новники на простой народъ, съ коимъ они въ частыхъ сношеніяхъ, и потому что они во время революціи наиболѣе споспѣшествовали къ формированію ополченій и бывшихъ баталіоновъ вольныхъ стрѣльцовъ и направляли дѣйствія партизанскихъ отрядовъ.

Весьма полезнымъ полагаю также для спокойствія здѣшняго края, чтобы всѣмъ бывшимъ офицерамъ польской арміи, кои не имѣютъ достаточныхъ способовъ къ содержанію себя и кои не пріискали должностей, предложить вновь поименно чрезъ воеводскихъ начальниковъ, вступить въ россійскія войска тѣми чинами, въ которыхъ служили до революціи, обнадежа ихъ, что прежнее поведеніе не будетъ преслѣдуемо, они воспользуются всѣми преимуществами наравнѣ съ россійскими офицерами и не будутъ назначаемы въ полки отдѣльныхъ кавказскаго и сибирскаго корпусовъ, а только расположенные въ южной Россіи, климатъ коей болѣе имъ свойственъ, и во всякое время могутъ получать опять отставку по желанію, что вѣрно будетъ имѣть на нихъ хорошее вліяніе и избавитъ страну отъ многихъ людей праздныхъ и угнетаемыхъ скудностію, и потому наклонныхъ къ безпокойству и рѣшительныхъ, и можетъ въ то же время сдѣлать изъ нихъ полезныхъ обществу членовъ.

А дабы вообще поступки чиновниковъ изъ здѣшнихъ уроженцевъ подвергнуть ближайшему надзору и доставить военнымъ начальникамъ воеводствъ средства быть въ извѣстности о происходящемъ въ обводахъ, по мнѣнію моему, было бы полезно, вмѣсто полагаемыхъ штатами при обводовыхъ коммисарахъ переводчиковъ съ жалованьемъ по 2 т. злотыхъ въ годъ, коихъ почти нигдѣ не держатъ и въ коихъ нѣтъ даже надобности по близкому сродству языковъ, между тѣмъ какъ ассигнованныя суммы выдаются, назначить при каждомъ коммисарѣ помощника или адъюнкта изъ россійскихъ офицеровъ, предоставивъ имъ сверхъ своего оклада получать жалованье,

опредѣленное переводчикамъ. Но для должностей сихъ употребить собственно тѣхъ, кои имѣютъ нужныя способности для служенія съ пользою по предварительномъ испытаніи ихъ въ главномъ штабѣ арміи или правительственной коммисіи и съ одобренія воеводскихъ начальниковъ, и кои суть или уроженцы россійскіе, пріобрѣвшіе нѣкоторое познаніе въ польскомъ языкѣ пребываніемъ въ Царствѣ Польскомъ и пограничныхъ губерніяхъ, или уроженцы бѣлорусскихъ губерній, имѣющіе тамъ родственниковъ и недвижимую собственность. При чемъ съ назначеніемъ адъюнктовъ изъ офицеровъ россійской службы можетъ быть упразднена большая часть нынѣшнихъ этапныхъ начальниковъ.

Генералъ-адъютантъ Ридигеръ.

„ „ февраля 1833 года.
г. Люблинъ.

№ 20.

Вашему Императорскому Величеству благоугодно знать мнѣніе мое: можетъ ли генералъ-лейтенантъ Головинъ замѣстить генерала графа Витта въ должности варшавскаго военнаго губернатора?

Имѣю счастіе донести, что генерала графа Витта до окончанія уголовнаго суда, въ которомъ онъ предсѣдателемъ, необходимо бы оставить здѣсь.

Когда же онъ весьма нуженъ для устройства кавалерійскихъ колоній (о чемъ онъ получилъ увѣдомленіе), то, въ случаѣ назначенія генералъ-адъютанта Головина варшавскимъ военнымъ губернаторомъ, неудобно будетъ ему быть предсѣдателемъ уголовнаго суда, въ которомъ члены будутъ его старѣе чиномъ.

Притомъ же въ совѣтахъ управленія и государственномъ, по болѣзни моей или другимъ причинамъ, мѣсто предсѣдателя занимаетъ другое лицо, по назначенію Вашего Величества. Для сего необходимы два условія: чтобы предсѣдательствующій былъ не ниже 2-го класса (ибо въ противномъ случаѣ онъ будетъ моложе членовъ по службѣ), и другое, что еще нужнѣе, чтобы онъ былъ русскій.

И такъ, если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ назначить генералъ-адъютанта Головина варшавскимъ военнымъ губернаторомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ нужно будетъ назначить другого чиновника высшаго чина предсѣдателемъ уголовнаго суда, и также члена совѣтовъ управленія и государственнаго, не ниже второго класса, и непремѣнно русскаго *), который бы въ извѣстныхъ случахъ занималъ мое мѣсто.

Что касается до личныхъ качествъ ген.-ад. Головина, то Вашему Императорскому Величеству извѣстенъ онъ совершенно. Смѣю думать, однако же, что пока я здѣсь, дѣло пойдетъ хорошо, хотя въ немъ и есть недостатокъ, весьма важный въ гражданскомъ чиновникѣ: неоткровенность. Онъ, кажется, всегда имѣетъ скрытную мысль. А было бы полезнѣе, хотя бы и безъ отличныхъ способностей, но дѣйствуй открыто съ начальствомъ, тогда можно дать ему направленіе.

Впрочемъ, людей и способныхъ, и прямыхъ не много. Въ маломъ числѣ ихъ осмѣливаюсь обратить вниманіе Вашего Императорскаго Величества на ген.-лейт. Сулиму.

Я разумѣю его какъ человѣка съ благороднымъ характеромъ, хорошимъ здравымъ умомъ, и онъ могъ бы съ большою пользою занять въ Россіи мѣсто военнаго губернатора.

---

*) Отъ слова „который до слова мѣсто" перечеркнуто.

№ 21.

Выписка изъ журнала комитета, Высочайше учрежденнаго для разсмотрѣнія жалобъ римско-католическихъ епископовъ. Варш. арх. стар. д., Sek. III в. № 156 в.

Что же касается предписанія бывшей правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, 1832 года, коимъ воспрещено епископамъ, безъ предварительнаго разрѣшенія ея, издавать циркулярныя по епархіямъ ихъ распоряженія, то оно основано на журнальномъ постановленіи совѣта управленія 18-го (30-го) октября того же года, состоявшемся по поводу вновь представившихся тогда доказательствъ въ томъ, что римско-католическіе епископы употребляли во зло власть свою, а именно: по приказанію бывшаго подляскаго епископа Гутковскаго, тамошняя генеральная консисторія дала два циркулярныхъ по епархіи предписанія: однимъ, не дозволяя благословлять браки между римско-католическими и иновѣрными, вмѣстѣ съ тѣмъ объявила приказаніе епископа, чтобы ни одинъ священникъ подляской епархіи не осмѣливался о подобныхъ разновѣрныхъ бракахъ дѣлать предбрачныхъ оглашеній, пока не получитъ такъ называемаго разрѣшенія ab heresi, въ другомъ, объявляя упомянутое предписаніе, присовокупила: что подляская консисторія всѣмъ не католикамъ не признаетъ названія христіанъ, а именуетъ ихъ раскольниками и еретиками.

Представивъ оба эти предписанія и объяснивъ до какой степени онѣ предосудительны, правительственная коммисія юстиціи испрашивала разрѣшенія отмѣнить эти предписанія, и какъ епископу, такъ равно епархіальной консисторіи воспретить издавать какія-либо общія распоряженія безъ сношенія съ правительственною коммисіею духовныхъ дѣлъ и ея

разрѣшенія; ибо, въ противномъ случаѣ, можетъ образоваться въ сословіи сословіе и въ правительствѣ правительство; слѣдствіемъ чего произойдутъ противныя одни другимъ распоряженія и безпорядки и замѣшательства.

Совѣтъ управленія, согласно съ таковымъ мнѣніемъ, далъ соотвѣтственное сему предписаніе коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ, чтобы она имѣла неослабное наблюденіе за недопущеніемъ со стороны духовенства отступленія отъ сего правила.

№ 22.

a.

Monseigneur,

J'ose invoquer le pardon indulgent de Votre Altesse, pour la hardiesse, qui me fait supplier de prêter avec condescendence quelques moments Sa précieuse attention sur le travail ci-joint, soumis à la haute décision de Votre Altesse.

Si Monseigneur daignera lui accorder un peu d'assentiment, puis-je espérer que par la gracieuse entremise de Votre Altesse il sera déposé aux pieds de Sa Majesté.

Les considérations résumées dans ces quelques pages sont le fruit de l'étude et de l'observation des événements qui se sont passés sous mes yeux.

Si j'ose espérer qu'elles attireront un moment l'attention suprême, c'est que je les dépose comme le seul moyen que je possède d'essayer de prouver que tous mes loisirs, et toute la tendance de cette existance que m'accorde la grâce de Sa Majesté, est consacrée à ce, que d'après mes faibles connais-

sances et les sentiments profonds et intimes de mon cœur, je crois être d'un dévouement absolu au service de Sa Majesté.

Car la seule valeur que j'attache à l'étude et à ce peu d'expérience que j'étais à même d'acquerir, c'est qu'à leur aide uniquement je saurais être en état de remplir au moins une faible partie de mes devoirs les plus sacrés, et mériter continuellement, autant que toutes mes forces le permettront, ce titre honorable de Sujet, que la magnanime clémence de Sa Majesté me permet de porter.

Monseigneur, daignez permettre de supplier Votre Altesse, d'agréer l'hommage du profond dévouement avec lequel je m'honore d'être à

Votre Altesse
le plus humble et le plus obéissant Serviteur.

Adam Comte Gurowski.

Novgorod
le 13 août 1835.

6.

Observations sur quelques clauses du Traité de Vienne de l'année 1815.

Toute convention politique ou traité quelconque embrasse généralement deux parties ou éléments distincts.

L'un en est l'idée, l'inspiration, la pensée qu'on pourrait dire en être l'âme — l'autre partie renferme les signes ou formes, par lesquelles l'idée qui présidait à la conclusion, après avoir embrassé les faits dont le traité doit disposer, les classe, coordonne et combine.

Plus les matériaux réunis sont variés, plus l'idée qui les

fond dans un corps, doit être puissante, large, profonde et absolue.

Nul événement dans l'histoire, depuis ses premières pages, ne se présente si imposant et si majestueux que l'alliance succédante à l'ouragan qui pendant 20 années remuait l'Europe.

Cette alliance évoquée par les grandes souffrances des peuples fut un souffle divin qui devait les réunir et calmer leurs maux. Elle fut comme sous l'inspiration providentielle par les deux Chefs suprêmes de l'Europe, qui sentaient toute la haute portée de leur œuvre.

Aujourd'hui, où des événements récents ont évoqué des exigeances nouvelles, où des faits passés sous nos yeus requièrent d'autres formes, pour conserver son omnipotence, ce saint pacte doit être soumis à un nouveau développement, qui lui garantirait sur les nations une influence continuelle.

Par le traité de Vienne de 1815, les Chefs et fondateurs suprêmes de la S. Alliance ont décidé et trouvé les formes, et prescrit des institutions aux Etats de l'Europe.

Cette première émanation de la S. Alliance révéla au monde un nouveau droit politique, droit ayant sa source complètement dans d'autres principes, que ceux, qui dès le 15 jusqu'aux derniers moments du XVIIIe siècle dirigeaient les idées et les tendences sur les relations extérieures des Etats.

Ce n'est plus, comme anciennement la balance d'un Etat puissant par un autre, ou par plusieurs réunis qui devra régulariser le mouvement de l'Europe.

Mais dès la fondation de la S. Alliance cette politique tremblotante de bascule fut complètement remplacée par celle, que je crois définir le plus clairement, en la nommant politique d'impulsion.

C'est, comme on le sait, le morcellement de l'Italie au moyen

âge, et le manque dans le reste de l'Europe d'un point central, qui créa et maintenait si longtemps la politique de la balance.

C'est la formation définitive de ce point central sur le continent, qui fonde la nouvelle politique: *d'impulsion* et de *direction suprême.*

Posséder un foyer dont l'action dirigeante se déverse, s'étend, et s'imprime dans toutes les directions, est une condition essentielle de vie, d'existence, de croissance organique, autant pour tous les corps dans la nature, que pour les agglomérations des hommes dans des Etats politiques.

Car c'est par cette voie qu'ils pourront uniquement trouver les garanties de l'ordre, de l'harmonie et de la paix.

La S. Alliance répondait complètement en politique à ce besoin d'un pouvoir d'impulsion.

Mais, ce qui peut être capable de l'imprimer doit être soi-même nécessairement: vie et puissance supérieure.

L'impulsion qui doit régir l'Europe ne peut donc émaner que de ceux des Souverains auxquels Dieu a confié des Etats, qu'ils conduisent dans la voie d'ascendence permanente, dans tous les rapports, et sous toutes les faces.

L'Empire de Russie et le Royaume de Prusse sont les seuls Etats de l'Europe qui accomplissent leurs destinées dans ce sens d'élévation.

Car les deux plus grandes races, Slave et Allemande, sont résumées, concentrées, représentées par les deux Souverains. La direction des affaires de l'Europe leur appartient de plein droit, et leur volonté devient loi.

La divine Providence qui arrange invisiblement la marche des événements, pour mener la création aux fins qu'Elle lui destine, prépara à dessein cette liaison intime entre ses deux

lieutenants sur la terre. Le lien de famille, qui entrelace les deux augustes maisons, est le type de cette union des intérêts qui sont communs aux deux Etats.

L'Empire de Russie et le Royaume de Prusse sont les seules deux puissances en Europe qui peuvent marcher côte à côte, sans qu'il en résulte pour eux un froissement quelconque; sans que la plus grande extension possible de leur développement mutuel puisse porter ombrage à la sûreté de l'un d'eux.

En un mot, l'alliance de la Prusse et de la Russie est une des plus naturelles que l'histoire aye jamais produite. Cette alliance réunit en elle toutes les conditions d'un accord harmonieux.

L'intérêt qui les cerne entre eux et vis-à-vis des autres puissances est pur de tout élément qui pourrait jamais dégénerer en désacord ou inimitié.

Ce n'est donc pas le hasard qui aurait pu amener un phênomene si rare et si neuf; c'est Dieu, qui par lui veut réaliser ses volontés et faire sortir les nations du cercle vicieux, dans lequel elles tournoyent jusqu'à présent.

Cette union permet à ces deux Etats de ne jamais recourir obligement à d'autres alliances, car ils ne trouveraient jamais une si naturelle pas même avec quelques Gouvernements qu'ils entraînent forcément dans la marche de leurs orbites. Elle les met aussi en position de pouvoir déclarer ouvertement leurs souhaits à l'Europe et en exiger l'exécution.

Telle n'est plus sous tous les rapports la situation de l'Empire de l'Autriche. Isolé au milieu du continent autant par sa position, que par les traditions auxquelles il s'attache trictement, l'Empire de l'Autriche est obligé à beaucoup de cirsconspection et de ménagement. Il se jettera toujours tantôt

d'un côté, tantôt de l'autre. Pour lui la balance est un article de loi.

Les preuves seraient innombrables à l'appui de cette assertion.

Ainsi donc, la direction suprême, l'explication, le développement ultérieur de la haute pensée de la S. Alliance appartient uniquement à Leurs Majestés l'Empereur et le Roi de Prusse.

Ainsi Leurs Majestés seules peuvent sauver l'Europe de l'abîme vers lequel les idées subversives l'ont attirée. Seules, Elles sont à même d'arrêter les ravages, qui exercent depuis cinq années sur tous les points du continent quelques fausses notions politiques, qui se sont glissées dans les clauses du traité de Vienne, et principalement les idées constitutionnelles, répandues presque officiellement en Europe, dès l'année 1815.

Ces idées ôtèrent à l'organisation du pouvoir Souverain son ordre divin, absolu, monarchique, immuable.

A cette source, seule vraie, car elle reste la même pour tous les temps et toutes les formes, on substitua une œuvre de fantaisie, je dirais presque une boutade de l'esprit du mal.

Car on peut apercevoir, dès le principe, la différence qui existe entre une loi donnée par Dieu, seule légitime, et l'ouvrage des passions des hommes. La première est simple, compréhensible à chaque intelligence, droite, la même à travers l'éternité — comme toute vérité divine.

L'autre pour être comprise tant soit peu a toujours besoin des explications, et des commentaires plus ou moins téméraires. Sujette à être tordue, retournée, interprétée en tant de façons, comme sont diverses les consciences, les esprits et les passions des hommes qui l'ont fait, et qui la manient. Tout ce qui la compose, tout sur quoi elle s'appuye, démontre son néant. Balance, désunion, frottement des pouvoirs compliqués et

contraires, voilà ce qui préside à l'organisation des constitutions, comme union, simplicité, harmonie, accord marquent la loi monarchique absolue, du sceau divin. Celle-ci exige de l'obéissance, de la foi, de la soumission qu'elle trouve aussi au fond des cœurs.

L'autre, recourant à un subterfuge, qu'elle nomme: consentement général, ou celui de la majorité, provoque par là même au désordre, et porte en elle le levain des organisateurs de toute hiérarchie.

Tout pouvoir suprême sur la terre découle du pouvoir céleste, et ne saurait avoir besoin du consentement facultatif des hommes. Il ne peut donc, par conséquence, être sujet au contrôle de ceux qui lui sont soumis, car alors il cesserait d'être le pouvoir suprême.

Ainsi vivant toujours, planant sur les hommes, il ne peut dériver des constitutions écrites, mais il les domine de toute la hauteur qui démontre la différence entre sa source éternelle et l'œuvre passagère des mortels.

Les constitutions, comme toutes les lois écrites, dépendent des événements, du moment qui les appelle. Ces événements se succèdent et changent à l'infini. Leur ouvrage est par là même privé de toute fixité. Leur marche continuelle et successive exige qu'une volonté plus puissante, et plus élevée que les paroles écrîtes, soit toujours présente, pour expliquer les nouveaux phénomènes, les modifier et appliquer.

Cette volonté veillant perpétuellement, immuable dans sa source, doit être hors de la portée du temps et de ses variétés; elle doit embrasser le passé, le présent, l'avenir, ce que ne pourra jamais une parole écrite — fruit d'un temps et de besoins éteints et finis.

Elle est vivante éternellement comme Dieu, représenté sur

la terre par les souverains — appelés par le Créateur pour juger et conduire les nations, et ne pouvant pas être entraînés par le courant de ce qu'on appelle opinion publique, il leur appartient de la former et décider.

Car les Souverains, de l'élévation où ils se trouvent, parcourent à vue d'aigle le cours du torrent, reconnaissent sa vitesse, sa direction, ses détours, tantôt pour resserrer son lit par des moyens ingénieux, tantôt pour lui creuser un plus large et plus profond, et lui ouvrir de nouveaux écoulements, d'après ce que leur démontre leur haute raison d'Etat, épurée de tout alliage des passions.

C'est donc la volonté des souverains qui seule est à même de juger et apprécier les besoins de leurs sujets. Cette volonté est nécessairement illimitée vis-à-vis des hommes, car elle rattache le Souverain à Dieu. Comme elle domine le temps et les événements, elle ne peut être arrêtée par une constitution ou loi écrite — car celle-ci est inerte et ne peut recevoir de signification que de la première, qui représente la vie.

Mais l'esprit du constitutionalisme, par son ordre subversif, a relâché tous les liens en substituant son tiraillement et son frottement continuel.

C'est cet esprit qui présida à l'éducation des dernières générations, et certes les années écoulées ont démontré clairement son incompatibilité avec la paix intérieure et extérieure, et le bonheur des Etats.

Aujourd'hui c'est principalement l'Allemagne qui requiert une prompte extirpation, avant que le mal devient plus général.

Le Royaume de Prusse est la tête et le cœur de l'Allemagne, c'est donc de lui qu'elle peut uniquement attendre une impulsion bienfaisante, mais ferme.

La position actuelle exige que le traité de Vienne soit soumis à une épuration de tout ce qui y fut introduit par la raison vacillante des hommes.

Il faut restaurer les croyances sur l'origine du pouvoir qui est absolu comme toute vérité, et ne dérive pas des contrats, consentements et combinaisons humaines quelconques, comme il semblerait que le concédait le traité de 1815.

Il existe partout une déviation des idées sur le vrai et le juste. La volonté des souverains est seule capable de les ramener dans la voie dont elles se sont écartées.

L'Allemagne, par l'insinuation des idées étrangères à son esprit, ses habitudes, ses besoins, ses occupations journalières intellectuelles et materielles, est travaillée intérieurement comme un corps animal dans l'organisme duquel s'est introduite une substance vénéneuse et morbifique; et comme dans un corps animal la nature essaye par des efforts violents de se défaire du poison, de même tous les efforts des classes sensées dans ce pays tendent aussi à se dégager. On vient toujours au secours de la nature, de même les deux trônes qui ont sauvé l'Allemagne politique en 1813-14-15 peuvent seuls le faire encore aujourd'hui, et sauver la moralité de la nation. Dieu les désigne derechef pour cette œuvre et pour relever l'espérance et la confiance affaiblies des peuples.

L'esprit et la tendance constitutionnelle s'éteindra et s'étouffera en Allemagne par l'influence absorbante, que l'intelligeance et la politique du Royaume de Prusse est destinée à y exercer vigoureusement.

Les petits Etats de l'Allemagne, aujourd'hui les plus bruyants, se trouvant fondus dans les puissantes institutions de la Prusse, seront par là même arrachés à l'influence pernicieuse des idées et des actes étrangers.

Car le continent ne saurait être pacifié sans recevoir une *nouvelle délimitation* qui le rapprocherait de plus en plus de l'idée et de la forme unitaire, et le rendra capable de recevoir une impulsion uniforme et salutaire.

Cette délimitation devrait être dirigée d'après le courant et surtout les embouchures des fleuves principaux, comme la Vistule, le Rhin, l'Elbe, l'Escaut.

Elle servirait surtout alors à arrondir la position géographique de quelques grands Etats, et leur donnant plus de nerf, elle soumettrait le reste du continent à une action prompte, énergique et par là imposante.

Une fois effectuée, il serait bien facile d'étouffer les discordes que pourraient essayer de semer au milieu de l'Europe les vieilles idées diplomatiques, renforcées par les idées révolutionnaires.

Cette délimitation consoliderait je crois pour toujours une prépondérance de l'Empire, et des Royaumes de Prusse et de la Hollande, sur le reste de l'Europe, prépondérance d'ailleurs si nécessaire pour son vrai bien.

Au reste elle ne serait qu'une suite inévitable des derniers événements, et une nouvelle teneur que recevrait le Traité de Vienne.

Ce cas était prévu, quoique dans un sens tout contraire, par les chefs diplomates de 1814-15, qui conclurent la convention secrète de Paris: entre la France, l'Autriche et l'Angleterre.

Les deux augustes Souverains contre lesquels elle était réellement dirigée, sont à même de répondre à cette prévoyance d'alors par une convention publique, à laquelle nul obstacle réel ne saurait être opposé aujourd'hui de la part des signataires de la convention secrète de Paris.

Le Royaume de Hollande rentrerait pleinement dans ses possessions, et un des ouvrages les plus pernicieux, qui se glissa dans le traité de Vienne, la formation des Royaumes de la Belgique et de la Pologne, verrait sa fin.

L'un et l'autre furent l'œuvre de l'esprit du constitutionalisme, que ses prôneurs présentaient alors comme la dernière solution que l'intelligence humaine pouvait donner à l'organisation des Etats.

Si ces deux pays eussent été incorporés purement et simplement dans les États auxquels ils ne furent qu'agrégés, bien des tristes et malheureux événements n'auraient pas eu lieu en 1830.

Le Royaume de Pologne surtout fut l'œuvre des intentions magnanimes et pures de Sa Majesté l'Empereur Alexandre, intentions que sut mettre à profit l'astuce de quelques vieux diplomates, pour essayer par ce moyen de jeter à l'avenir une entrave au développement de l'Empire. Fidèles aux traditions de la vieille école sur la balance européenne, ils tâchèrent de conserver une semence de discorde future dans le sein de la Russie, par la conservation d'une semi-nationalité polonaise qui, dans leurs espérances, devait à jamais empêcher la puissante extension de l'Empire, que cette vieille école envisage comme menaçante pour l'Europe.

Car c'est uniquement sous ce point de vue que les cabinets de Vienne, de Paris et de Saint-James acquiescèrent alors aux volontés généreuses de la Russie; et c'est aussi comme tel, que les recevait la masse des habitants nobles du nouveau Royaume.

Les Polonais, qui étaient alors le plus près du mouvement des affaires, faisaient comprendre au reste de leurs compatriotes, que la formation de ce royaume constitutionnel était

l'œuvre des exigences des Cabinets qui, ne pouvant restaurer en 1815 l'ancien royaume, voulaient du moins ménager aux Polonais un moyen que le temps devait développer.

C'est ainsi que la génération qui se forma depuis 1815 s'expliquait et acceptait les dons des Empereurs.

On n'y voyait pas une grâce, mais une exigence forcée par les conventions que des événements devaient faire éclore.

Toutes les institutions différentes de ceux du reste de l'Empire, que la grâce des Empereurs octroya à la Pologne, et qui distinguent si fortement les deux Etats, servent à maintenir dans l'esprit des sujets de coupables espérances. Se croyant être un Etat distinct, les Polonais se rattachent par leurs vœux, leurs souhaits, non à l'Empire, mais aux autres puissances européennes.

Le caractère d'ailleurs des Polonais s'étant formé d'après la fausse position dans laquelle ils se trouvent pendant plus d'un siècle, leur fait attacher plus de valeur aux apparences, qu'au fond des choses. Cette attraction, qu'ils éprouvent presque exclusivement vers les premières, les rend incapables d'apprécier leur vraie position. Plus donc les dehors auront une apparence quelconque de coïncider avec leurs calculs, plus ils auront les yeux tournés vers l'occident de l'Europe; car, comme en 1815, de même aujourd'hui ils préfèrent attribuer la conservation des signes extérieurs et de l'organisation séparée à de prétendues garanties extorquées par les cabinets étrangers, qu'à la clémence magnanime de leur Souverain.

Comme je l'ai dit plus haut: c'est ainsi qu'on s'expliqua généralement en Pologne en 1815 les clauses qui la concernent dans le traité de Vienne, et c'est aux mêmes influences qu'on attribue aujourd'hui encore ce qui apparaît comme conservation du dit traité.

Jusqu'à donc qu'il existera en Pologne un vestige quelconque des paragraphes de Vienne, on s'y croira toujours être sous la sauvegarde de l'Etranger, et non sous celle qu'assure la volonté suprême et sage de Son auguste Souverain. On y croira toujours à ces prétendues garanties qui doivent amener des changements; croyance qui empêchera les Polonais, encore longtemps, d'entrer franchement dans leur position actuelle.

Les événements ont donc fait du caractère des Polonais ce qu'il est présentement; pour les ramener à des sentiments vrais, à des notions saines et justes, il faut les traiter comme des malades, et écarter soigneusement tout ce qui agit comme un excitant continuel sur leurs imaginations.

Sans contredit, rien ne l'est plus que ce qui peut les porter à espérer que les cabinets étrangers attachent un prix quelconque au maintien des marques d'une nationalité séparée.

Le Polonais doit désormais comprendre forcément que c'est le nom général de sujet de Sa Majesté, et non celui spécifique de peuplade qu'il doit porter et vénérer.

Ce sera je crois le plus sûr moyen de déraciner définitivement le mal. C'est par là qu'on mettra un terme à ces notions tordues de dignité nationale, qui les fait vivre attachées à un passé irrévocable, et les entraîne dans une voie tortueuse et malfaisante.

Si cette position des esprits dans le Royaume de Pologne ne menace plus d'un danger réel, toujours est-il, qu'elle occasionne des frottements désagréables dans le mouvement de l'ensemble de la machine gouvernementale.

En Hollande et pour l'Empire l'expérience des dernières 20 années a prouvé l'impossibilité absolue d'une coexistence, sous le même sceptre, de deux nationalités avec des institutions plus ou moins distinctes.

L'histoire du monde ne présente pas un seul exemple de ce genre, sans qu'il n'en surgisse toujours un tiraillement désastreux. Car l'une ne peut se maintenir qu'aux dépens et par l'absorption de l'autre.

C'est donc pour le vrai bien-être, et la tranquillité définitive des sujets de Sa Majesté dans le royaume de Pologne, qu'on croit pouvoir souhaiter leur absorption complète dans le grand corps de l'Empire. Elle effacerait les distinctions extérieures pour eux si nuisibles et si malheureuses, accélérerait leur guérison radicale, et rapprocherait très promptement le moment qui les rendra des sujets aussi fidèles et aussi reconnaissants, comme le sont ceux de tout l'Empire à leurs augustes Souverains.

Adam Comte Gurowski.

Novgorod,
le 13 août 1835.

6

Le Comte Adam Gurowski transmet de Novgorod un opuscule qu'il a intitulé:

Observations sur quelques clauses du Traité de Vienne de 1815.

Il y établit que cette grande transaction a introduit en Europe un nouveau droit politique. A l'ancien système de balance d'un Etat par l'autre elle a substitué ce que M. Gurowski appelle une politique *d'impulsion* et de *direction suprême.* Aux Souverains de Russie et de Prusse appartient exclusivement, dit-il, cette direction suprême, car eux seuls font marcher leurs Etats dans une voie d'ascendance perma-

nente. Il exclut positivement l'Autriche de cette influence salutaire sur les destinées du monde.

L'erreur qu'il signale dans la reconstruction politique de l'Europe en 1815 est l'extension donnée au principe constitutionnel. Il définit ce principe comme l'œuvre des passions humaines, et établit la prééminence du principe monarchique, qui a sa source dans le pouvoir divin.

L'Allemagne est pour lui un corps travaillé par une substance vénéneuse, et la Prusse doit être le médecin qui extirpera ce principe délétère, venu de l'extérieur.

M. Gurowski voudrait l'absorption des petits Etats allemands à charte constitutive et une nouvelle délimitation de l'Europe d'après le cours et l'embouchure des fleuves. Cette reconstruction établirait à jamais la prépondérance de la Russie, de la Prusse et de la Hollande. Les Royaumes de Belgique et de Pologne seraient aussi effacés de la carte. Les agréger et non les incorporer aux Etats du Maître qui leur était donné, avait eu pour but de la part de la France, de l'Angleterre et de l'Autriche de paralyser plutôt que d'augmenter sa puissance.

M. Gurowski développe les funestes résultats qu'a eus principalement sur les Polonais la persuasion que l'Europe, en conservant leur nationalité, avait posé le principe de leur émancipation future. Il affirme, que tant qu'il existera un vestige des paragraphes de Vienne qui les concernent, les Polonais se croiront toujours, malgré les événements accomplis, sous la sauvegarde de l'étranger, et que ces prétendues garanties resteront un obstacle à leur amélioration morale, à ce qu'ils deviennent des sujets fidèles et dévoués.

2.

La cause principale des malheureux événements qui, dans l'année 1830 et suivantes, affligèrent la Pologne et les autres provinces occidentales de l'Empire de Russie, doit être recherchée dans l'esprit turbulent, inconstant et inconsidéré des habitants, tant de la classe des nobles que même de celle des paysans.

Une génération transmettait à celle qui lui succédait les mêmes traditions de cette éternelle brouille avec les règles de la saine raison, dont l'histoire de ce pays resplendit sur chacune de ses pages.

Ce mal séculaire, enraciné dans les esprits, provient de ce qu'on n'a jamais essayé de donner à la population un fond grave et réfléchi; et comme aucune idée juste ne présidait à l'éducation des enfants, aucune idée précise, humaine, ne dirigeait ni n'inspirait l'action des hommes. *Car l'éducation n'est ni instruction ni enseignement.*

L'éducation, c'est l'esprit qui vivifie les deux autres; car c'est elle qui forme le moral de l'individu. Elle lui fait connaître ses devoirs envers Dieu et envers son Souverain. Les deux autres servent à lui faciliter l'accomplissement de ses devoirs, une fois reconnus, avec la plus grande utilité possible.

L'éducation produit les qualités de l'âme; l'enseignement et l'instruction forment la raison. Ceux-ci font des hommes capables; l'autre, seule, est en état de former des hommes bons.

Ni l'une, ni l'autre ne recevaient en Pologne, depuis des temps immémorables, aucun développement. Quelquefois on y instruisait; mais jamais *on ne s'y occupait d'une instruction morale.*

Les enfants, comme la jeunesse, y reçoivent, dès leurs premières années, les plus fausses notions sur tout ce qui a un rapport quelconque avec le devoir.

Sans égard aux décrets providentiels qui disposèrent, dans leur sagesse, de l'existence du pays, on y entretient, dans les jeunes esprits, comme seul et unique culte, celui de quelques traditions d'un passé qui ne fut rien moins que digne; et le cercle étroit de quelques souvenirs formait, à lui seul, tout le catéchisme des devoirs d'un Polonais. De là, il résulte naturellement que, recevant, avec les premières sensations, une haine contre l'ordre établi, qu'on lui apprend d'envisager comme un malheur, il est toujours prêt à bouleverser le présent; et, se sentant trop faible, il tourne ses espérances vers des nations étrangères et éloignées plutôt que de chercher à s'unir à ses frères historiques.

Une passion violente et aveugle y forme donc la base de l'éducation morale; trouvant toutes les règles de la saine raison, d'une vraie appréciation, contraires à ses fins, le Polonais apprend à les dédaigner et finit par concevoir une sainte horreur pour tout ce qui ne le flatte pas.

Tel est le fond de cette éducation patriotique en Pologne, qui s'empare de l'enfant au berceau, qui le conduit, à travers l'adolescence, vers l'âge mûr et en fait un homme sans consistance, sans suite dans les idées, sans clarté dans le jugement, ayant l'esprit et l'âme empoisonnés; remplissant celle-ci de sentiments faux sur toutes les conditions de la vie.

Ce manque d'une vraie éducation, assez général dans beaucoup de pays de l'Europe, se fait surtout apercevoir en Pologne, devenue, pour ainsi dire, le réceptacle de tout ce qui moralement pestifère le monde.

Dans les derniers temps et surtout vers la fin du 18e siècle,

les philosophes et leurs adeptes se sont adonnés si exclusivement à la discussion sur l'éducation de l'homme, qu'ils sont parvenus, comme d'habitude, non seulement à déplacer la question, mais à la rétorquer entièrement. On a tellement envisagé l'homme comme un être abstrait, devant vivre au milieu d'un sentimentalisme ridicule, qu'on a oublié et mis entièrement de côté les devoirs vis-à-vis les supérieurs Souverains; vis-à-vis de l'État. En concentrant tout dans le développement de l'individualité, on a perdu de vue entièrement que l'homme ne vit pas isolé, que chaque individu n'est pas chef de la création, ni maître absolu de ses volontés, de ses actions, de ses mouvements.

En s'engouffrant dans les sophismes et les abstractions de ce qu'on s'est plu d'appeler absurdement loi de la nature, on a tout à fait oublié la loi divine, hiérarchique, qui régit la société et les Etats comme le monde matériel.

D'après ces théories, qui lutinent encore en Europe et qui y forment presque le seul système d'éducation, ni l'enfant, ni l'adolescent, ni l'homme adulte ne recevaient pas de notions et n'avaient pas gravé dans l'âme comme dans l'esprit, qu'il faut reconnaître et vénerer un principe général, qui prescrit, conduit et règle les actions de chacun; qui les coordonne et les classe; qui imprime un vaste ensemble au mouvement et à la vie de l'Etat, à cette agglomération des individus, que l'enfant, comme l'adolescent, aperçoivent se mouvoir autour d'eux, et à laquelle, comme hommes, ils devront appartenir.

On ne leur représente pas assez que, de même qu'il y a pour le tout de la création un Dieu qui la régit, par sa volonté seule unitaire, de même dans la société il faut un représentant de cet ordre divin sur la terre, qui ne peut être autre que le chef suprême de l'Etat.

Si l'on enseigne encore quelquefois, quoiqu'on dût le faire toujours, comme un article de foi que la volonté divine est présente partout, accompagne l'homme dans tous ses mouvements, l'entoure de son omnipotence; qu'invisible, elle peut se faire sentir à chaque moment et dans chaque position, on devrait presque en même temps inoculer aux jeunes esprits la croyance que sur la terre il y a une image vivante de Dieu, avec la même volonté, qui joint sa surveillance à la surveillance divine, qui suit le sujet partout, auquel rien ne peut, ni ne saurait rester caché: pouvoir juste quoique sévère; qui, sans relâche, veille sur lui et le contrôle. En un mot, l'existence providentielle d'un Souverain et la vénération qu'on lui doit devraient être présentes continuellement à l'esprit, comme on devrait les implanter dans le cœur des enfants, afin que dans l'âge avancé cet enseignement devienne un article de foi, une règle générale de conduite.

L'éducation, établie sur cette large et profonde base, procurera aux Souverains des sujets dévoués et obéissants, pour lesquels l'attachement et la vénération ne seront plus des mots vides de sens ou de vaines démonstrations, mais un élément de vie, un besoin de l'existence; car l'homme en général sent l'absolue nécessité de s'attacher à Dieu, pour ce qui concerne sa vie spirituelle, et de reconnaître un pouvoir suprême, d'émanation divine, dans ses rapports de vie méterielle.

Le philosophisme essaya en vain d'étouffer ce sentiment inné, que je nommerai conscience. Son cri retentit plus fort que jamais; il réveille, il inspire les générations nouvelles, qui demandent avec ferveur que le bras puissant de leurs chefs, guidé par Dieu, c'est-à-dire de leurs Souverains, les conduise dans la voie suivie par leurs pères et qui est la seule, celle de la vérité.

Les Polonais, plus peut-être que toute autre nation, se trouvent, par suite des événemens historiques de leur pays, privés de ce sentiment qui entrelacerait leur existence à l'attachement dû au Souverain.

Chez eux un simulacre d'éducation, corrompant dans leur source tous les sentiments moraux, aggravait encore le mal qui résultait de leur position. En s'infiltrant dès l'enfance, elle absorbait avec le temps toutes les facultés de l'homme et en faisait un être insubordonné, prompt à la résistance, à la révolte.

Le mal y est donc chronique, séculaire; il ronge déjà plusieurs générations et, mêlé dans le sang, il se transmet de père en fils.

Dans les maladies physiques de l'espèce la médecine, éclairée par la voie de l'expérience, n'use désormais que de palliatifs chez l'homme dans la force de son développement physique et moral; car, arrivé à ce point, le mal ne peut être que combattu, affaibli, mais rarement dissipé, déraciné. Car on ne peut pas par un renouvellement complet des principes vitaux refaire un corps épuisé, débile... gâté; mais c'est chez l'enfant que la médecine cherche à neutraliser, à anéantir le venin. Elle s'applique à dégager son sang de tout mélange impur et nuisible. C'est là seulement qu'elle peut se promettre de le maîtriser, de l'extirper avec un succès définitif et de recréer presque une race nouvelle, fraîche et robuste et préserver les générations à venir du fléau qui martyrisait leurs ancêtres.

Ce que le médecin est pour la guérison physique du corps humain, le Souverain, par sa volonté législative, peut le devenir pour celle de l'âme, de l'esprit et des sentiments de ses sujets. C'est un travail long, peut-être, que de commencer cette purification aux premiers jours de l'enfant et d'attendre toute une génération améliorée. Mais l'existence d'un Etat, et sur-

tout de l'immense Russie, n'est pas momentanée. *Pour elle, l'avenir est plus, mille fois plus que le présent. Les successeurs recueilleront, en bénissant, les fruits dont la semence sera jetée aujourd'hui, comme aujourd'hui on commence à jouir des travaux de l'Empereur Pierre 1*[er]*, le grand créateur, régénérateur, et les tempêtes qui, de nos jours, firent tant de ravages, peuvent, par la volonté du Souverain, devenir productives en bien pour ses descendants.*

Dans l'antiquité la plus reculée, partout où l'on rencontre des Etats organisés, on trouve aussi que les législateurs de ces Etats ne se bornaient pas à régler par des lois les actions des hommes, mais qu'ils s'emparaient des enfants et que, déjà dans le maillot, ils commençaient à les façonner vers un but précis. L'enfant et l'adolescent furent principalement imbus de respect pour les lois, au milieu desquelles ils agissaient comme hommes. Le jeune esprit se trouvait saisi, du moment qu'il commençait à poindre, et recevait, dès lors, la pente qu'il devait suivre toute sa vie. C'est ainsi qu'apparaissent dans l'histoire Moïse et tous les législateurs de l'Orient, de l'Egypte, de la Grèce et de Rome. C'est ainsi que le premier a su donner aux Juifs une éternité d'existence par une législation qui élève l'enfant dans ses lois. C'est ainsi que Zoroastre forma l'Orient, Lycurgue des Spartiates, Romulus et Numa des Romains. Je cite ces exemples du passé, *car ils prouvent que partout on trouvera la masse des hommes telle que la conception des législateurs veut qu'elle soit.* Ceux mentionnés plus haut réussirent à former dans leur but des générations entières, à travers des siècles, en commençant à façonner les esprits, les sentiments des enfants. Que la tendance tracée par ces législateurs soit mauvaise ou différente de celle qu'exige un Etat de nos jours, toujours faut-il convenir que c'est uniquement en liant les

lois à l'éducation entière, qu'ils surent presque éterniser leurs œuvres. Enfin notre divin Sauveur, en s'adressant lui-même de préférence et avec amour aux enfants, a désigné à ses successeurs que c'est par eux qu'il faut entreprendre la régénération des hommes.

L'organisation si puissante, si belle du moyen âge n'était due qu'à cette idée complète d'unité, qui liait le pouvoir temporel au pouvoir spirituel; qui représenta les Rois de la Terre comme les Saints du Seigneur et dont la vénération était inculquée dès l'âge le plus tendre, avec l'enseignement de la foi. Le pouvoir et la hiérarchie embrassaient les actions comme les idées et, de là, cette harmonie et ce respect des peuples pour leurs Souverains.

Le protestantisme, introduisant partout son esprit de critique, de doute, en ébranlant le respect dû aux actions des devanciers, relâcha les liens qui, du berceau, attachaient l'homme à Dieu et à son Souverain et rompit, le premier, ce nœud législatif du pouvoir et de la foi qui jusqu'alors était le moule, duquel sortaient les idées, les croyances et les actions des individus.

La Russie est le seul pays qui possède aujourd'hui encore cette unité de pouvoirs qui, seule, peut former, faciliter une législation complète. *Tout y découle d'une seule et même source, et c'est pourquoi le Souverain législateur peut y créer et diriger les actions des hommes d'après sa suprême volonté. C'est donc par l'éducation morale, dirigée sous l'inspiration de la volonté Souveraine, qu'on changera le fond des idées et qu'on ramènera* les esprits aux notions du vrai; et c'est cette branche de la législation qui, surtout en Pologne, mérite toute l'attention du pouvoir gouvernemental: car c'est par l'éducation, entreprise, surveillée dès le bas âge, qu'on parviendra à chan-

ger le cours des idées fausses, pernicieuses, qui dominent dans a génération actuelle du pays.

Jusqu'à présent, jamais enfant ou adolescent n'y fut élevé pour être à l'âge de l'homme un sujet paisible et tranquille; mais au contraire son entrée dans la vie des devoirs devenait pour le jeune Polonais le signal des efforts continuels pour renverser un ordre de choses que, dès ses premières années, il apprit à détester.

Avant tout, il faut donc former un fond de moralité aux jeunes cœurs; il faut, comme je l'ai dit plus haut, mettre en première ligne l'amour, la foi dans la hiérarchie divine, représentée sur la terre par le Souverain. *Alors après l'éducation vient l'enseignement*, l'instruction; ceux-ci doivent fortifier, par la force de la raison, ce que, comme sentiment, celle-là versa dans l'âme. Il faut donc, dans cette branche, éviter avec soin de ne pas exciter, par une fausse interprétation, des passions contraires aux croyances qu'on essaya de former par l'éducation.

Les sciences, dans toute leur vaste étendue, doivent venir à l'aide de l'éducation morale; les sciences doivent fortifier, élargir dans les esprits ce qu'y fondent la religion et l'amour du Souverain. Mais elles ne doivent tenir dans l'éducation de l'homme que le second rang, et non pas, comme cela était jusqu'à présent, le premier; que le cœur soit formé, qu'il soit rempli, de même que l'âme, de vénération pour Dieu et pour le chef de l'Etat, et qu'ensuite l'on orne la tête. C'est ainsi que, dans le moyen âge, on élevait les enfants et *c'est ainsi que l'on pourra reconquérir pour les générations futures cet ascendant de la morale religieuse et politique, seule garantie de la vertu et de l'ordre.*

Il y a donc dans l'enseignement, dans l'instruction propre-

ment dite, une grande réforme à faire et principalement en Pologne. Et ici, je crois pouvoir classer en première ligne l'excessive étendue que l'on y donne à l'étude du latin. C'est par là que, ramenant les jeunes imaginations vers les temps passés et si différents des nôtres, on leur montre comme modèle des Brutus, des Horaces, des Mutius, etc. A chaque pas dans l'étude des Romains, on rencontre de ces images qui, comme de puissants corrosifs, agissent sur l'impressionnable jeunesse.

Et pourtant, au point où en sont arrivées les sciences, la langue latine n'en est plus la clef ni le pivot. On peut devenir très bon ingénieur, artiste ou fabricant, en un mot, homme d'une utile et paisible activité, sans savoir le latin, sans être familier avec la vie d'un Caton, d'un Brutus. Ce ne sont pas les discours d'un Cicéron ni les paraphrases d'un Tite-Live, d'un Salluste qui formeront de bons sujets.

Je le sais par ma propre expérience et par l'observation que j'ai eu l'occasion de faire sur tous les jeunes gens avec lesquels j'ai fréquenté les écoles publiques, à quel point nos jeunes têtes étaient tournées, faussées par ces mêmes exemples. Il serait très facile de démontrer que le latin n'est d'aucune utilité pour la plupart des occupations de la vie domestique ou publique. Excepté la médecine, je ne connais aucune autre des sciences pratiques qui ne puisse se passer de cette étude. Le juge, l'avocat n'en ont que très peu besoin ; il n'y a guère que les savants de cabinet pour lesquels elle est indispensable ; mais leur nombre, comme leur utilité, sont bien restreints.

A côté du latin, l'enseignement de l'histoire générale et spéciale doit être fait avec beaucoup d'adresse et un grand discernement. Elle est un des plus dangereux instruments de tous ceux que l'on donne à l'esprit ; car, avec elle, on peut

conserver, consolider ou détruire les semences que la morale y a jetées. L'histoire, bien comprise, fortifie l'amour de Dieu, de la hiérarchie et de l'ordre divin : faussée, elle détruit tout sentiment et produit des révolutionnaires. Chaque fait, chaque mot dans l'histoire est une vérité utile ou un poison, selon la main qui le désigne.

En restreignant le temps que l'on consacrait et bien à tort au latin, on pourrait donner une plus grande étendue à l'enseignement des sciences pratiques qui excitent l'amour du travail productif, mènent à l'aisance et font aimer la paix, l'ordre, la tranquillité. Elles accoutument les esprits à une justesse dans le jugement, qui les garantit des émotions passionnées.

Plus on pénètre dans les études utiles comme les mathématiques, la chimie, la physique et autres connaissances des forces de la création, par lesquelles on peut coopérer à faire fleurir, prospérer un pays, à le fructifier et l'enrichir, plus aussi on découvre partout dans la nature à l'aide de ces sciences l'ordre hiérarchique qui découle de Dieu même. Toujours l'ordre et la tranquillité favorisent les découvertes, les expériences et leur application.

Les sciences exactes démontrent partout dans la création la présence de Dieu, qui conduit, coordonne les éléments, retient les corps dans leurs orbites. On y voit, on trouve partout un ordre, une combinaison, une harmonie, qui assure le développement et la durée ; qui préside aux combinaisons, même contraires, comprime les fermentations dans leurs barrières. Cet ordre, présent partout, nécessaire et général, pénètre l'esprit de l'homme et y fortifie la croyance à un Etre, à une intelligence suprême, qui préside à toutes combinaisons des forces de l'Univers.

Et si, de cette observation de la nature, l'homme trans-

porte son intelligence sur la vie pratique ou sociale, il sentira le besoin de reconnaître, pour ses actions, une volonté conductrice qui émanerait de la volonté divine. Il sentira que cette volonté plane sur les passions et combinaisons humaines et qu'elle seule doit et peut les diriger. Il voit que, pour ses actions, il lui faut sur cette terre un centre, un foyer autour duquel il fonctionnera. Et, alors, nécessairement, dans un saint recueillement il tourne les yeux et l'âme vers son Souverain, comme vers l'image et le lieutenant de Dieu.

Tels sont les résultats de l'étude des sciences exactes. Le latin, le plus souvent, fait germer de mauvaises passions; elles, au contraire, nous font connaître que le pouvoir d'un Souverain découle de Dieu, que sans hiérarchie, il n'y a pas d'existence possible dans la nature.

En résumant l'objet de ce mémoire, je crois avoir suffisammant esquissé que pour mettre un terme à cet esprit turbulent, qui cause les malheurs de la Pologne, il faut, par une sage combinaison, effacer les vestiges du passé, engager les facultés morales et intellectuelles des habitants dans une nouvelle route et provoquer cette paisible activité qui, seule, sera en état de ramener les Polonais à l'appréciation de leur position actuelle et du bien qui pour eux en découlera.

L'éducation morale, dominant l'enseignement, le dirigeant depuis l'enfance jusqu'à l'entrée dans la vie civile, est seule capable d'opérer cette grande conversion d'un peuple dans l'avenir.

Il est presque inutile de faire ici l'observation que la langue du pouvoir doit être la dominante et la seule des études et des affaires. D'ailleurs la langue polonaise appartiendra bientôt dans la littérature, comme dans tout le domaine des sciences, aux langues effacées; bientôt elle deviendra un mince et pauvre dialecte, un idiome du bas peuple. La langue russe,

en suivant l'immense développement auquel la nation qui la parle est destinée, envahira les autres idiomes et, par le seul droit d'ascension, absorbera la langue polonaise. La langue russe deviendra dans un temps très rapproché seul et unique instrument de la raison dans l'immense étendue de l'Empire Russo-Slave.

(signé) Adam Comte Gurowski.

A La Haye le 12 mai 1839.

№ 23.

Разговоръ съ гр. Ив. Езерскимъ.

Вскорѣ послѣ краковскаго бунта и происшествія въ Седлцѣ явился ко мнѣ гр. Ив. Езерскій.

Я говорилъ ему о необходимости строгихъ мѣръ въ отношеніи помѣщиковъ и шляхты.

Гр. Езерскій отозвался, что, вѣроятно, это относится не къ нему лично.

Нѣтъ, отвѣчалъ я. Я васъ знаю за честнаго человѣка. Вы сами ко мнѣ явились. Но если бы вы оставались въ деревнѣ и въ домѣ у васъ замѣчено было что нибудь подозрительное, то ближайшая военная власть, отъ генерала до ротнаго командира, могла бы васъ взять и привести ко мнѣ. Я бы васъ можетъ быть тотчасъ же отпустилъ, сказалъ бы, что вѣрно это ошибка, но прибавилъ бы: tenez vous pour averti. Пора болѣе уважать, не говорю законную власть, но русскій мундиръ и зеленый цвѣтъ его. Въ нихъ вы должны видѣть представителей законнаго порядка, власти васъ покровительствующей спокойныхъ и покорныхъ, но карающей злоумышленниковъ и мятяжниковъ.

№ 24.

ПИСЬМА

КЪ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1834 годъ.

(16 писемъ.)

Получено 12-го (24-го) генваря 1834 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
4-го (16-го) генваря 1834 г.

Поздравляю тебя, любезный отецъ командиръ, съ новымъ годомъ, желаю всякаго благополучія и долгихъ лѣтъ на славу Россіи. Благодарю за письмо отъ 25-го декабря; радуюсь, что все спокойно и жду, что оное не нарушится, не смотря на происки пропаганды, ибо мало будетъ охотниковъ наслѣдовать участи Завиши и товарищей, но осторожность всегда будетъ нужна. Жаль мнѣ слышать, что ты пишешь про ходъ верховнаго суда, а еще болѣе, что нашъ Даненбергъ далъ себя завлечь туда же! Надо будетъ его перевесть. Послѣднія наши лондонскія вѣсти гораздо ближе къ мировой, и даже кажется боятся, чтобъ я не разсердился за прежнія ихъ дерзости. Отвѣчаемъ всегда имъ тѣмъ же тономъ, т. е. на грубости презрѣніемъ, а на учтивости учтивостью, и какъ кажется все

этимъ и кончится. Флоты воротились въ Мальту и Тулонъ, но вооруженія не прекращены; за то и мы будемъ готовы ихъ принять; но что могутъ они намъ сдѣлать? Много — сжечь Кронштадтъ, но не даромъ; Виндау? развѣ забыли, съ чѣмъ пришелъ и съ чѣмъ ушелъ Наполеонъ? разореніемъ торговли? но за то и они потеряютъ; чѣмъ же открыто могутъ намъ вредить? Въ Черномъ морѣ и того смѣшнѣе; положимъ, что турки, отъ страху, глупости или измѣны, ихъ впустятъ, они явятся предъ Одессу, сожгутъ ее,—предъ Севастополь, положимъ, что истребятъ его, но куда они дѣнутся, ежели въ 29 дней марша наши войска займутъ Босфоръ и Дарданеллы! Покуда турка мой здѣсь очень скромный и пишетъ, что хочу. Прибылъ маршалъ Мезонъ; первые пріемы его хороши, и кажется онъ человѣкъ умный и изъ кожи лѣзетъ, дабы угодить. Лубинскаго ожегъ славно, такъ что тотъ не зналъ куда дѣться. Когда-то ты къ намъ будешь? предоставляю тебѣ выборъ удобнаго времени; намъ видѣться нужно будетъ, ибо съ деньгами не сладимъ, и должно всячески стараться уменьшить расходовъ къ будущей смѣтѣ, и что можно, даже я велю.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Прощай и вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
15-го (27-го) генваря 1834 г.

Прости, любезный Иванъ Федоровичъ, что я промѣшкалъ тебѣ отвѣчать на письмо твое отъ 4-го числа; навалило вдругъ столько дѣла, что мнѣ точно не было возможности писать. Радуюсь, что все у васъ тихо; по списку открытыхъ виновныхъ въ Лиднинѣ кажется, что дѣло не можетъ быть большой

важности. Ежели справедливо, что точно прорвались двое новыхъ гостей изъ Франціи, то тѣмъ лучше, ибо не уйдутъ, и двумя злодѣями на свѣтѣ будетъ меньше. Изъ Англіи сегодня получилъ я весьма удовлетворительныя извѣстія; кажется, пошло на мировую и ребята трусятъ! Каковъ народъ! У насъ здѣсь все тихо и хорошо, новаго ничего нѣтъ, но холодъ жестокій, не выходимъ почти изъ 18, а два дня стоитъ до 22-хъ градусовъ, c'est du luxe. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта твоего, когда полагаешь къ намъ быть? съ радостью тебя прижму къ сердцу. Приготовленія наши въ Кронштадтѣ идутъ живо, и къ веснѣ будемъ готовы принять незваныхъ гостей. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
23-го генваря (4-го февраля) 1834 г.

Вчера по утру получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 16-го (28-го), за которое благодарю. Радуюсь душевно надеждѣ тебя скоро обнять и жду съ нетерпѣніемъ. Вчера получилъ извѣстія изъ Лондона, и на-дняхъ изъ Парижа; все пошло кажется на мировую, и смѣло сказать можно, что мы этимъ обязаны рѣшеніямъ, принятымъ въ Минхенгрецѣ, которыя доказали врагамъ, что мы стоимъ всѣ за одно и рѣшительно болѣе уступать не станемъ; теперь этому и слѣпые вѣрятъ. Продолжаю однако вооружать Кронштадтъ и къ веснѣ будемъ готовы принять незваныхъ гостей, ежели явятся. Здѣсь у насъ все тихо и спокойно, веселятся много, но изъ Кавказа все тѣ же вѣсти. Что-то Богъ дастъ лѣтомъ? Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ, прощай,

любезный Иванъ Федоровичъ, до скораго свиданья, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
23-го апрѣля (5-го мая) 1834 г.

Поздравляю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, со днемъ Пасхи, который мы отпраздновали какъ предполагали. Да поможетъ всемилосердый Богъ сыну сдѣлаться достойнымъ своего высокаго и тяжелаго назначенія; церемонія была прекрасная и растрогала всѣхъ. Ожидаю теперь, что у васъ происходило въ тотъ же день. За два дня до того получилъ я прискорбное для насъ извѣстіе о кончинѣ почтеннаго генерала Мердера, я скрывалъ ее отъ сына, ибо не знаю, какъ бы онъ вынесъ; эта потеря для него невозвратная, ибо онъ былъ ему всѣмъ обязанъ и 11 лѣтъ былъ у него на рукахъ. Упоминаемыя тобой извѣстія изъ Галиціи въ послѣднихъ двухъ письмахъ что-то черезчуръ кудрявы, и потому я не очень имъ вѣрю. Притомъ жестокій урокъ, нанесенный сей партіи въ Ліонѣ и Парижѣ, кажется на время ихъ устрашитъ. Но все сіе не мѣшаетъ быть осторожну и зорку на все происходящее. Я радъ былъ читать, что ты доволенъ видѣнными войсками. Надо будетъ довершить ихъ образованіе; но прошу притомъ тебя настоятельно обратить особое вниманіе на огромную убыль людей во 2 корпусѣ; умершихъ непомѣрно много, и нѣтъ болѣе причинъ сей убыли быть въ семъ корпусѣ болѣе, чѣмъ въ 3-мъ.

Новаго по политикѣ ничего нѣтъ; въ Англіи очень недовольны фарсами въ Брюсселѣ и происходящимъ во Франціи, словомъ, имъ жутко, а намъ тѣмъ лучше.

Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется. Свадебные проекты Панкратьева мнѣ крайне не нравятся и вовсе не приличны, и я на нихъ не намѣренъ отвѣчать.

Царское Село.
4-го (16-го) мая 1834 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо отъ 24-го апрѣля; съ большимъ удовольствіемъ читалъ я всѣ свѣдѣнія о происходившемъ праздникѣ, радуюсь, что все прошло съ должною тишиною; чувствамъ же поляковъ я повѣрю тогда, когда иныя доказательства искренности мнѣ дадутъ, чѣмъ праздники и прочее.

Мнѣ весьма пріятно слышать, что войсками ты былъ совершенно доволенъ; нѣтъ сомнѣнія, что скоро будутъ всѣ въ требуемомъ совершенствѣ. Жаль только, что вездѣ много больныхъ. Здѣсь все тихо, готовимся къ обыкновенному смотру, но погода стоитъ непостоянная и холодная. По политикѣ новаго ничего нѣтъ, кромѣ союза англичанъ съ французами, Испаніею и Португаліею, который до насъ не касается, и врядъ ли что-либо хорошее произведетъ, кромѣ новой путаницы и вѣроятно большихъ хлопотъ и тѣмъ, и другимъ. На меня всѣ сильно дуются, а на нихъ глядя сижу смирно и смѣюсь.

Бѣдный сынъ мой въ большомъ горѣ, вчера мы объявили ему о потерѣ ген. Мердера, потеря невозвратная и самая для насъ чувствительная.

Кажется въ Галиціи, хотя и поздно, не на шутку принялись разбирать мерзавцевъ; всякій день доходятъ о томъ свѣдѣнія. Завтра ѣду въ Кронштадтъ смотрѣть дѣйствіе цѣлой батареи.... *) бомбическихъ пушекъ противъ стараго корабля, будетъ весьма любопытно.

---

*) Не удалось разобрать одно слово.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Царское Село.
13-го (25-го) мая 1834 года.

Благодарю, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое отъ 5-го числа; не могъ раньше отвѣчать на него, мнѣ не очень здоровилось всѣ эти дни, такъ что чрезъ силу могъ быть на смотру; я былъ имъ весьма доволенъ, нашедъ войска, въ особенности пѣхоту и артиллерію, въ самомъ блестящемъ видѣ. Точно нѣтъ кажется мнѣ возможности желать чего лучшаго, всего было подъ ружьемъ 41 т., чего никогда еще не бывало. Теперь готовятся уже къ лагерю, который 15-го іюня начнется. Новаго здѣсь ничего нѣтъ, погода большею частью стоитъ весьма хорошая. Въ политикѣ ничего тоже важнаго кромѣ начинающагося сумасшествія короля англинскаго, который какъ кажется будетъ въ скорости въ томъ же состояніи, какъ покойный его отецъ. Тогда возникнетъ весьма важный вопросъ—кому принадлежать должно регентство? Королевѣ, герцогу Кумберландскому или герцогинѣ Кентской, которая уже рѣшительно домогается (регентства) на случай смерти короля во время малолѣтства ея дочери, будущей королевы. Посмотримъ, что изъ сего выйдетъ.

Ежели ты не видишь препятствія женитьбѣ Панкратьева, то пусть онъ женится.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ; прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной дружбѣ моей.

Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
26-го мая (8-го іюня) 1834 г.

Я получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, три дня тому назадъ, за которое душевно благодарю. Съ удовольствіемъ читалъ описаніе заложенія крѣпости С. Георгія. Дай Богъ столь же успѣшно ее достроить, какъ скоро и отлично хорошо начата; подъ твоимъ надзоромъ и сомнѣнія въ томъ не имѣю. Стрѣльба въ цѣль у насъ вездѣ плоха; съ старыми ружьями можно сіе нѣсколько извинить; но съ новыми, отличными въ отдѣлкѣ и удобными для прикладки, нѣтъ уже никакой причины, могущей препятствовать довести сію часть до должной степени совершенства. На-дняхъ буду я здѣсь пробовать. Не помню, писалъ ли уже тебѣ, что наконецъ опыты наши надъ бомбическими пушками торжественно удались и побѣдили всѣ прекословія въ пользу каленыхъ ядеръ; въ часъ стрѣльбы на 610 саженъ изъ 6 таковыхъ пушекъ и 630 ф. стрѣлявшихъ калеными ядрами, сіи послѣднія ни разу не зажигали, тогда какъ отъ бомбъ 6 разъ корабль загорался и потопленъ; для узнанія кромѣ того разрушительнаго дѣйствія на экипажъ, была представлена досками прислуга при орудіяхъ; и на томъ декѣ, который остался выше воды, перебито 54 человѣка! Теперь пусть кто хочетъ пробуетъ подойти къ Кронштадту; будетъ чѣмъ принять.

Въ политикѣ новаго ничего. Смерть Лафаэта ничего не произвела и сомнѣваюсь, чтобъ перемѣнила что-либо, ибо онъ дѣйствовалъ давно уже однимъ своимъ именемъ; другіе же найдутся не хуже его для управленія пропагандой.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 10-го (22-го) іюня 1834 года г. Варшава.

Александрія.
3-го (15-го) іюня 1834 г.

Прошу тебя простить мнѣ, любезный Иванъ Федоровичъ, что ранѣе не отвѣчалъ на два письма твои отъ 4-го и 19-го іюня. Но пріѣздъ нашихъ гостей уменьшилъ еще у меня свободное время, такъ что до сего вечера ни минуты не могъ найти, чтобъ съ тобой побесѣдовать. Дѣло подляскаго епископа, дабы дать ему должный конецъ, требуетъ нѣкоторой осторожности, потому и постараюсь съ графомъ Нессельродомъ придумать, какъ сіе сдѣлать. Здѣсь у насъ все въ порядкѣ и въ политикѣ кромѣ глупыхъ фанфаронствъ англичанъ ничего новаго не сбылось; на эти же глупости не намѣренъ я ничуть отвѣчать, ибо они, я полагаю, съ тѣмъ только сіе и затѣяли, чтобъ вновь начать съ нами споры, которые было кончились. Сего удовольствія я имъ не дамъ, а буду отвѣчать однимъ спокойнымъ презрѣніемъ, достойнымъ величія Россіи.

Наслѣдный принцъ ведетъ себя здѣсь умно, и въ самыхъ коренныхъ чистыхъ правилахъ, какъ нельзя его лучше желать; его присутствіе между нами и для него, и для насъ весьма полезно, ибо онъ насъ видитъ послѣ 17 лѣтъ, а мы его узнаемъ, какимъ онъ есть, а не такъ, какъ злоба и зависть его описываютъ; на него смѣло понадѣяться можно. На-дняхъ начнутся наши занятія въ лагерѣ; завтра ѣду на флотъ, гдѣ собрано 18 кораблей, а всѣхъ 50 вымпеловъ.

На рейдѣ у насъ голландскій корабль и бригъ; наши, кажется, не хуже. Кончаю, любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всего сердца.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

Когда кончится дѣло подсудимыхъ за революцію?

С.-Петербургъ.
2-го (14-го) іюля 1834 года.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо отъ 27-го мая. Желаю сердечно, чтобъ поѣздка княгини и дѣтей твоихъ къ водамъ принесла имъ ожидаемую пользу. Радуюсь, что ты болѣе доволенъ духомъ (поляковъ); пора имъ образумиться; но все я что-то сомнѣваюсь въ искренности.

Ты уже знаешь перемѣну въ министерствѣ въ Лондонѣ; симъ послѣдніе здраваго разсудка люди бранили правительство и перешли въ оппозицію. Притомъ отъѣздъ к. Ливена ихъ неожиданно и сильно поразилъ, а они толкуютъ его доказательствомъ моихъ дурныхъ замысловъ, но примѣтно, сколько они боятся нынѣ съ нами совершеннаго разрыва и всячески стараются насъ увѣрить въ ихъ желаніи быть съ нами въ добрыхъ сношеніяхъ. Ожидаю, что ты мнѣ донесешь про епископа, его унять не будетъ мудрено, хотя бы и къ папѣ адресоваться нужно было.

Мнѣ весьма пріятно слышать, что ты войсками былъ доволенъ и въ кавалеріи нашелъ успѣхъ. Вчера смотрѣлъ я по одной ротѣ въ стрѣльбѣ въ цѣль съ каждаго полка. На 150 шаговъ бат. огнемъ, въ Финляндск. полку изъ 540 пуль нашлось въ мишени 383; въ Павловскомъ 320, а въ Семеновск. до 300, въ прочихъ отъ 180 до 250; что меня весьма порадовало и чего я не ожидалъ.

Ждемъ ежеминутно нашихъ гостей, но ихъ покуда еще нѣтъ. Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Александрія близъ Петергофа.
25-го іюля (6-го августа) 1834 г.

Не смотря на все желаніе мое ранѣе тебѣ отвѣчать, любезный отецъ командиръ, безпрестанные переѣзды, маневры и проч. отнимали всю возможность, вчера только прибылъ обратно изъ Гатчины и *погрязъ* въ бумагахъ. Рожнетскій возвратился, но въ сильной подагрѣ, такъ что я его не могъ видѣть, что мнѣ весьма любопытно будетъ. Сегодня сообщило намъ оффиціально прусское правительство, что по *его* свѣдѣніямъ готовится вскорѣ новый всеобщій бунтъ во всей Польшѣ и Литвѣ; вѣрить мудрено, не вѣрить же было бы также неосторожно; потому считаю полезнымъ, ничего не обнаруживая, усугубить присмотръ. Довольно странно, что прибыла Замойская, извѣстная злая полька. Это не безъ умысла и, согласивъ сей пріѣздъ съ прусскими слухами, невольно задумаешь, что и въ прямь новое сумасбродство затѣивается. Дѣло судной коммисіи я получилъ среди маневровъ и примусь сегодня же читать. Войсками на маневрахъ былъ я весьма доволенъ, начальниками большею частію тоже, но не могу добиться, чтобъ форпостная служба исполнялась какъ слѣдуетъ и вездѣ безъ личнаго присмотра. Нынѣшній годъ кавалерія много пріобрѣла живости и должной точности въ движеніяхъ. Пѣхота ходитъ богатырски, а артиллерія отлична по прежнему. На-дняхъ отъѣзжаетъ наслѣдный принцъ, коего присутствіе здѣсь было во всѣхъ отношеніяхъ весьма полезно. Принцъ Адальбертъ ѣдетъ на Москву и оттоль на Варшаву, гдѣ проѣдетъ уже послѣ твоего отъѣзда; его надо будетъ велѣть принять съ должными почестями.

Въ политикѣ новаго знаемъ появленіе Донъ Карлоса въ Испаніи и выходъ Грейа изъ министерства. Первое обстоятельство важно и можетъ повлечь за собою войну; второе, къ удивленію и къ стыду Англіи, было какъ перемѣна рубахи и врядъ ли нынѣшніе министры удержатся безъ безпрестанныхъ

уступокъ либерализму, которыя свергнутъ ихъ короля и довершатъ революцію въ прекрасной сей странѣ! Жаль!

Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброжелательный.

Н.

Александрія.
2-го (14-го) августа 1834 г.

Благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо твое, которое получилъ третьяго дня утромъ. Видѣлъ я Рожнетскаго и съ любопытствомъ распрашивалъ; все, что онъ мнѣ сказывалъ, весьма утѣшительно; онъ не нахвалится твоимъ пріемомъ; по его словамъ полагать бы должно, что охота къ революціямъ у поляковъ совершенно прошла! правда ли? Извѣстіе изъ Парижа о новыхъ убійцахъ довольно замѣчательно; постараемся ихъ отыскать; а пруссаки меня просятъ имъ сообщить имена. Въ запискѣ изъ Позена много справедливаго, но я думаю, что описаніе духа войскъ преувеличено въ дурномъ видѣ. Вчера уѣхалъ наслѣдный принцъ съ женой; кажется онъ всѣмъ здѣсь понравился; и самъ онъ весьма былъ доволенъ своимъ пребываніемъ, и все, что я отъ него часто слышалъ, самое утѣшительное для будущаго. Лагерь у насъ кончился весьма благополучно, парадъ былъ прекрасный; теперь отдыхаемъ; потомъ готовиться станемъ къ открытію монумента. Скоро долженъ быть король въ Кенигсбергѣ; когда о томъ рѣшительно узнаю, дамъ тебѣ знать, дабы ты сейчасъ могъ къ нему ѣхать, а оттуда уже прямо ко мнѣ къ празднику. Пошли Берга или Горчакова въ Брюнъ къ пріѣзду императора, дабы ему отъ меня поклониться и присутствовать при смотрахъ и маневрахъ. Вчера прибылъ к. Ливенъ; я весьма любопытенъ.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Орелъ.
26-го сентября (8-го октября) 1834 г.

Два дня какъ получилъ я, любезный Иванъ Федоровичъ, письмо твое изъ Вильны, и очень былъ обрадованъ твоимъ мѣстнымъ аттестатомъ 1-му корпусу; весело слышать и видѣть вездѣ успѣхи, оказываемые почти всѣми нашими войсками; видно, что на образованіе оныхъ по всѣмъ частямъ обращается должное вниманіе, и почти надѣяться можно, что скоро все придетъ на желаемую степень совершенства. Въ Москвѣ 4-й корпусъ, хотя не совершенно зрѣлый, нашелъ я въ несравненно лучшемъ состояніи, чѣмъ ожидалъ, и, что всего лучше, не смотря на молодость людей, отличное оныхъ сбереженіе, такъ что на 44 тыс. было только до 2 тыс. больныхъ, изъ сихъ же 1200 наружными ранами на ногахъ отъ тягости московскихъ карауловъ. Но здѣсь, въ Орлѣ, всѣ мои ожиданія желанія и идеи нашелъ я далеко превзойденными состояніемъ, въ которомъ я нашелъ сей примѣрный, отличный корпусъ. Духъ, смѣлость, ловкость, живость, плавность въ конномъ строю, въ пѣшемъ же совершенное достиженіе щегольства даже хорошей пѣхоты—таковы, что не знаю, что и желать еще лучшаго. Одни офицеры требуютъ по манежной части большаго занятія. Смотръ сей убѣдилъ меня и, я полагаю, всѣхъ, на ономъ бывшихъ, въ неимовѣрной пользѣ, въ ужасномъ перевѣсѣ, который арміи нашей данъ, составомъ подобнаго оружія, корпусомъ, которому, во всей силѣ слова, нѣтъ непреодолимыхъ препятствій. Что всего лучше, есть то, что *всѣ* члены убѣждены, что они все преодолѣть могутъ и должны; а, не смотря на трудность службы, ни одинъ солдатъ не перемѣнитъ своей службы на другую; и на весь корпусъ 16 т. человѣкъ 130 больныхъ! Словомъ, я такъ доволенъ, такъ счастливъ, что мнѣ пребываніе въ Орлѣ изъ самыхъ пріятныхъ дней въ жизни. Вотъ тѣ, отецъ командиръ, мой рапортъ; теперь ѣду обратно въ Москву, ибо о дальнѣйшей поѣздкѣ, по предпо-

ложенію, за ранней осенью думать нельзя, потому что неохотникъ я гулять на *волахъ*, какъ мнѣ предлагаютъ. Дальнѣйшее напишу тебѣ позже. Прощай, обнимаю тебя отъ всего сердца, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Москва.
16-го (28-го) октября 1834 г.

Съ особымъ удовольствіемъ читалъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, которое получилъ, бывъ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Столь удовлетворительное состояніе войскъ подъ твоей командой приписываю одному твоему бдительному и постоянному надзору. Прими за сіе, какъ и за всѣ ежечасныя твои важныя заслуги, мою душевную и искреннюю благодарность и признательность. Сердце радуется, читая подобный отчетъ. Только въ одной нашей арміи видны подобные успѣхи и труды, послѣ толикихъ потерь вездѣ видно стремленіе къ усовершенствованію, и нѣтъ сомнѣнія, что ежели Богу угодно будетъ продлить миръ и спокойствіе года на два, наша армія явится на полѣ въ самомъ надежномъ и блестящемъ видѣ. Хорошо, что крѣпостныя работы съ успѣхомъ подвигаются; любопытенъ знать, что скажутъ про все это гг. пруссаки? Отрицаніе подляскаго епископа, подобно Гуровскаго, довольно замѣчательное явленіе, которымъ воспользоваться должно, но признать не полно заслуживающимъ довѣрія. Что оно подало новый случай дурному образу мыслей, вновь окажется весьма полезно, дабы убѣдить всякаго, сколь мало имѣть можно вѣры къ увѣреніямъ и даже наружному спокойствію края. Но ни тебѣ, ни мнѣ сего не нужно, чтобъ убѣжденнымъ *навсегда* оставаться, что не дожить ни намъ, ни дѣтямъ нашимъ до преобразованія сихъ коварныхъ и неблагодарныхъ душъ. Нашъ

ничего не знаемъ. Такъ, напримѣръ, увѣдомляютъ о всѣхъ съ королемъ быть имѣющихъ, о числѣ свиты, о присылкѣ королевскихъ лошадей и экипажей, этому прилагаю особую записку.

Король согласенъ, чтобъ его войска стали съ нами въ лагерь, и изъясняется объ этомъ самымъ милымъ и любезнымъ образомъ.

Весьма мнѣ пріятенъ отчетъ Головина; ежели онъ точно нашелъ успѣхъ по учебной части, то сему надо точно радоваться, ибо нѣтъ части важнѣе этой. Духовную часть устроить тоже пора, взявъ воспитаніе въ свои руки, какъ мы сдѣлали въ Вильнѣ съ успѣхомъ. Первый шагъ сближенія съ унитскимъ епископомъ мнѣ также весьма пріятенъ, желалъ бы я только познакомить и сблизить его съ нашимъ почтеннымъ епископомъ. Унитская часть идетъ быстро и твердо впередъ, надѣюсь, что примѣръ сей подѣйствуетъ и на польскихъ уніятовъ. Гуровскаго письмо къ брату любопытно, но еще важнѣе вчера полученное отъ него письмо къ Бенкендорфу съ запиской насчетъ мнѣнія его о Польшѣ, точно, ежели-бъ я ему диктовалъ свою исповѣдь, нельзя-бъ было справедливѣе и сильнѣе говорить въ пользу праваго дѣла. Странно, чего онъ хочетъ? Вели ему написать, чтобъ доказалъ свою искренность, явясь на границу и предавшись милосердію, посмотримъ, сдѣлаетъ ли? Попробуемъ.

Здѣсь кромѣ погоды все хорошо-бъ было, ежели-бъ состояніемъ войскъ могъ я быть доволенъ, но къ прискорбію долженъ сознать противное.

20-го мая (1-го іюня). Не могъ до сегодня продолжать письма. Новаго ничего нѣтъ, кромѣ извѣстія о назначеніи къ намъ Дургама въ послы; хорошъ выборъ, есть чему порадоваться, но я его приму и съ помощію Божіею постараюсь съ нимъ поладить по прежнему, что однако при постоянномъ его пребываніи будетъ гораздо труднѣе. Былъ

вчера здѣсь на выставкѣ и любовался, успѣхи удивительны и совершенствомъ, и быстротой. Надѣюсь завтра отправиться обратно. Ждутъ меня непріятныя пренія по финансовой части и мнѣ одному весьма будетъ непріятно спорить и отстаивать.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 15-го (27-го) іюня 1835 г.

Александрія, близъ Петергофа.
10-го (22-го) іюня 1835 г.

Повѣришь ли, любезный Иванъ Федоровичъ, что до сего дня не нашелъ время тебѣ отвѣчать, меня такъ завалили бумагами, столько было разной возни; пріѣздъ сестры жены моей, наконецъ маневры, все это меня совершенно замучило. Радуюсь весьма, что ты войсками доволенъ былъ, надѣюсь, что я также буду доволенъ въ Калишѣ, въ томъ мнѣ ручательствомъ твое объ нихъ неусыпное попеченіе. Здѣсь войсками на маневрахъ былъ я весьма доволенъ, и, не смотря на то, что только что выступили, видны примѣтные успѣхи въ особенности въ стрѣлкахъ. Ты доволенъ былъ Бобруйскомъ, давно въ немъ не былъ, а чисто работали. Любопытенъ я знать, что откроется по поимкѣ эмисара, любопытно бы узнать, есть ли другіе такіе въ самой Польшѣ или у насъ. Интервенція, которой столько опасались, кончилась. О, что предвидѣть можно было по разсчетливому уму короля французовъ; плутъ, онъ разсчелъ, что пропадать ему, ежели вступитъ въ Гишпанію, но странно, что даже англичане ему отсовѣтовали вмѣшиваться въ сіе дѣло. Посмотримъ, что изъ сего выйдетъ. Между тѣмъ дозволили всѣмъ чинамъ арміи опредѣляться въ службу гишпанской королевы. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ.

Прощай, любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всего сердца.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Александрія, близъ Петергофа.
11-го (23-го) іюня 1835 г.

Вчера вечеромъ отправилъ я письмо, мой отецъ командиръ, а сегодня утромъ получилъ твое письмо, но не знаю котораго числа, ибо дошло до меня одно начало письма, конца же въ пакетѣ не нашелъ. Вижу однако, что ты ѣздилъ въ Калишъ и былъ доволенъ приготовленіями. Прусской кавалеріи точно много идетъ, но дѣлать нечего и надо будетъ ихъ хорошо принять, ибо король не вѣдь что дѣлаетъ для нашихъ. Сегодня смотрѣлъ я полкъ короля въ одиночку, а вчера сводный батальонъ наслѣднаго принца, всѣ отличные батальоны и можно будетъ ихъ смѣло показывать, а ко времени лагеря будутъ и еще лучше. Записку Головина читалъ съ любопытствомъ, и даже частью съ удовольствіемъ, ибо не ожидалъ таковаго успѣха въ учебной части и столько благоразумія у духовныхъ; это большой шагъ; буду ожидать твоихъ соображеній по открытію духовной академіи, симъ положимъ мы красугольный камень будущаго благоустройства сей важной части. Не забудь также мое порученіе объ отдачѣ казенныхъ имѣній нашимъ русскимъ, какъ мы условились. Ожидаю подробныхъ показаній твоего пойманнаго, они могутъ быть любопытны. Ты хорошо сдѣлалъ что взялъ съ собой Виллезина, онъ великій *плутъ,* и тотъ, который пренеприличныя писалъ статьи противъ насъ во время польской войны; посмотримъ, ласковое твое съ нимъ обращеніе не измѣнитъ ли его образа

мыслей. Пропускъ чрезъ границу въ прусскихъ мундирахъ разрѣшаю, но во *фракахъ* ни для кого не дозволяю.

На-дняхъ пошлю къ тебѣ Михаила Павловича адъютантовъ Анненкова и Понятовскаго для повѣрки лагернаго порядка, также ѣдетъ нашъ директоръ гвардейской музыки Гаазе и при немъ по одному бат. барабанщику и горнисту и одинъ флейщикъ. За симъ еще разъ прощай.

Н.

Александрія, близъ Петергофа.
30-го іюня 1835 г.

Вчера получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, и жалѣю очень, что все страдаешь глазами, ради Бога, поберегись. Надѣюсь, что ко времени смотра войска придутъ въ должный порядокъ; жаль будетъ, ежели 7-я дивизія столь отъ другихъ отстанетъ, надо ей заняться какъ слѣдуетъ. Краковскія извѣстія весьма важны, но такъ какъ тогда, такъ и теперь повторяю, что никогда не соглашусь ихъ принять къ намъ, имъ натуральнѣе принадлежать Австріи, и менѣе будетъ отъ того шуму. Ежели-бъ дѣло сіе касалось однихъ насъ, то скоро-бъ его кончили, но, къ несчастію, Англія и Франція участники созданія сего, и потому безъ ихъ согласія сіе сбыться не можетъ; одно общее и рѣшительное желаніе сей республики можетъ дать намъ право основываться на ономъ при преніяхъ съ сими державами, иначе я добраго успѣха не жду, напротивъ боюсь новаго повода къ распрямъ. Вели Гуровскаго къ себѣ представить и возьми на себя трудъ *его обнюхать*, что изъ него выйдетъ? Ежели онъ будетъ откровененъ и любопытенъ, то можно будетъ по возвращеніи моемъ доставить его ко мнѣ, а потомъ рѣшимъ, куда его дѣвать, дотоль оставь его у себя въ цитадели подъ присмотромъ. Я знаю, что меня хотятъ зарѣзать, но вѣрю, что безъ воли Божіей ничего не

будетъ, и совершенно спокоенъ. Мѣры предосторожности беру, и для того оффиціально объявилъ, и поручаю и тебѣ разгласить, что ѣду изъ Данцига на Познать смотрѣть укрѣпленія; но *одному* тебѣ даю знать, что въѣду въ Царство чрезъ Торунь на Нешаву. Конвои вели приготовить на Познань, другихъ не надо. Войсками здѣсь весьма доволенъ. Вотъ и все.

Княгинѣ цѣлую ручки, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

Александрія, близъ Петергофа.
16-го (28-го) іюля 1835 г.

Вчера утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 30-го іюня (12-го іюля). Раздѣляю совершенно твое мнѣніе, что нѣтъ причины торопиться краковскимъ дѣломъ, ибо надо, чтобъ было общее согласіе, а доколь его не будетъ, нельзя ихъ довести до сей мѣры. Полагаю также, что строгость таможенъ ихъ къ тому приведетъ. Показанія Магурскаго столь важны, что сейчасъ же велѣлъ ихъ сообщить Меттерниху и прусскому правительству; при этой ясности показаній странно-бъ было, ежели они ничего не найдутъ. Съ сей стороны сіи показанія гораздо любопытнѣе Гуровскаго. Что сей послѣдній говоритъ о духѣ въ Польшѣ, одно интересно, ибо служитъ доказательствомъ, что мы *вѣрно видимъ*. Сто лѣтъ пройдетъ ранѣе, чѣмъ духъ сей измѣнится, потому одна непоколебимая твердость, постоянство мѣръ и равнодушіе къ молвѣ могутъ насъ избавить новыхъ смутовъ. Я не измѣнюсь. Работа твоя съ Фурманомъ весьма важна и по удачѣ будетъ полякамъ ужаснымъ ударомъ. Жалѣю весьма, что ты столь мало

доволенъ войсками, и начинаю самъ бояться, какъ-то мы ихъ покажемъ нашему батюшкѣ-королю, знатоку и судьѣ строгому. Надо усугубить старанія, пользоваться послѣднимъ временемъ, чтобъ все привесть въ порядокъ. Хорошо, что успѣю побывать съ вами денъ *десять* до смотра, въ которые многое можно будетъ уладить.

Третьяго дня, утромъ въ 9 часовъ, началъ садиться нашъ отрядъ, въ 7 часовъ вечера всѣ были подъ парусами, картина была величественная и что-то особенно торжественна, я ихъ проводилъ до Красной Горки, и хотя вѣтеръ былъ тихъ и противенъ, однако все вышло въ море въ порядкѣ и благополучно.

Адъютанты брата уже отправились; сегодня поѣхалъ къ тебѣ мой Гресеръ, онъ твердо знаетъ фронтъ и можетъ быть въ помощь. Ты спрашиваешь Чернышева, какъ быть со смотромъ 4-го корпуса; я намѣренъ тебя взять съ собой, дабы, такъ сказать, передать тебѣ корпусъ сей *при себѣ*, дотоль надо ихъ оставить при себѣ съ тѣмъ, чтобъ показать какъ есть. Новаго ничего не знаю. Злость на насъ у враговъ та же, а мое терпѣніе, благодаря Бога, то же.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Твой на вѣки искренно доброжелательный

Н.

Петергофъ.
31-го іюля (12-го августа) 1835 г.

Любезный отецъ командиръ, я получилъ письмо твое три дня тому назадъ и спѣшу тебя увѣдомить, что предполагаемъ съ помощію Божіею отправиться завтра въ путь, стало, вѣроятно, когда получишь письмо сіе я буду уже въ дорогѣ и близъ тебя. Чрезъ Торунь ѣду я одинъ съ Бенкендорфомъ,

Раухомъ и Арендтомъ въ двухъ колясках и съ фельдъегеремъ, прочіе *всѣ* ѣдутъ на Познань. Происшествіе въ Парижѣ ужасное, но послужитъ Филиппу въ усиленіе, ибо явственно оказало необходимость строгихъ мѣръ. Важно будетъ знать, *которой партіи* принадлежитъ позоръ сего гнуснаго предпріятія; срамъ ежели лежитимистамъ. Что наши канальи-поляки вздернули носъ, весьма ихъ достойно; но я полагаюсь на Бога и ѣду съ спокойнымъ духомъ; прочее въ волѣ Его. Шельмамъ зададимъ феферу тѣмъ, что ты съ Фурманомъ приготовилъ. Что-то у насъ дѣлается въ Калишѣ? не дозволяй *мучить*, а вели учить умѣренно, но съ толкомъ, и я увѣренъ, что Богъ поможетъ представить войско какъ должно. Радуюсь, что кавалеріей гвардіи ты былъ доволенъ. Надѣюсь быть къ тебѣ 7-го (19-го) или 8-го (20-го) и радъ былъ бы тебя встрѣтить за станцію отъ Калиша, чтобъ на свободѣ поболтать; но съ условіемъ, чтобъ ты тогда только выѣхалъ, ежели глаза твои здоровы. Радуюсь, отецъ командиръ, тебя скоро обнять. До свиданья.

Искренно тебѣ доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

С.-Петербургъ.
6-го (18-го) ноября 1835 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, и радуюсь знать, что ты прибылъ на мѣсто благополучно. Я также, благодаря Бога, довершилъ хорошо свою поѣздку и вообще былъ очень доволенъ всѣми войсками, которыя осматривалъ. Здѣсь нашелъ все въ должномъ порядкѣ и тишинѣ. Дѣйствіе моихъ *комплиментовъ* полякамъ произ-

вело кажется на нихъ желаемое, здѣсь же совершенный восторгъ; ожидаю новыхъ ругательствъ въ иностранныхъ журналахъ; хуже еще достанется мнѣ за раздачу земель; ce sont des coups qui portent; и это имъ-то и несносно, ибо помочь тому нечѣмъ.

Жаль Свѣчина; о женѣ его буду ждать твои представленія. Также буду ожидать твоихъ соображеній о способѣ исполненія перемѣны квартиръ, о которой мы съ тобой условились, и которую считаю необходимою, дабы 4-й корпусъ мой достигъ требуемаго состоянія. Но, чтобъ и зима даромъ не пропала, будетъ весьма полезно послать, какъ ты располагалъ, Прянишникова, для осмотра и указанія, а потомъ и Горчакова, безъ сего не полагаюсь я на Кайсарова, который сіе уже доказалъ. Въ политикѣ новаго ничего не знаю; Дургамъ покуда ведетъ себя смирно, но я еще его не видалъ. Паленъ пишетъ изъ Парижа, что все покуда смирно, но что нельзя ручаться за будущее. Про Англію ничего не знаю; но врядъ ли хорошо у нихъ.

Жена тебѣ кланяется и благодаритъ за попеченіе при проѣздѣ. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
28-го ноября (10-го декабря) 1835 г.

Письмо твое получилъ я третьяго дня вечеромъ, любезный Иванъ Федоровичъ. Тебѣ нынѣ должно уже быть извѣстно, какъ я велѣлъ отвѣчать на иностранныя ругательства; мнѣ казалось, что, перепечатавъ слово до слова все въ нашихъ газе-

тахъ, я имъ показываю, какъ мы на это взираемъ, а теперь буду молчать. Вѣрю, что полякамъ надпись на монументѣ не понравилась, но пусть она свидѣтельствуетъ потомству истину и неблагодарность ихъ къ памяти благодѣтеля. Здѣсь все у насъ тихо и спокойно. Дургамъ ведетъ себя прекрасно и говоритъ, что ему, читая свои журналы, стыдно быть англичаниномъ; всѣ имъ довольны, и онъ взаимно всѣми хвалится.

Изъ обѣщаннаго тобой мы многаго еще не получили и между прочимъ проектъ перемѣщенія войскъ до насъ еще не дошелъ, и я жду его съ нетерпѣніемъ. Вмѣсто Прянишникова предлагаю послать отсюда Анненкова, который потомъ будетъ съ донесеніемъ къ тебѣ, что считаю лучшимъ, дабы Прянишниковъ быть могъ въ 4-мъ корпусѣ, гдѣ его присутствіе считаю нужнѣе, чѣмъ въ 1-мъ корпусѣ. Былъ у насъ смотръ всѣмъ безсрочнымъ отпускнымъ, здѣсь пребывающимъ, въ составѣ 1 бат. въ 18 рядовъ, при 2-хъ пѣшихъ орудіяхъ и въ трехъ взводахъ кавалеріи. Всѣ явились *въ 4 дня*; и на шестой день я ихъ осмотрѣлъ и нашелъ въ самомъ отличнѣйшемъ видѣ и въ таковомъ духѣ, что лучшаго ничего желать нельзя; это былъ для меня совершенный праздникъ. Къ 15-му декабря буду смотрѣть новыхъ отпускныхъ, которыхъ наберется до 7 тыс.; бремя чувствительное, въ особенности для кавалеріи, въ которой въ иномъ полку убываетъ до 400 человѣкъ.

Жена моя съ недѣлю какъ нездорова, и всякій день имѣла лихорадку; вчера и сегодня ей лучше. Былъ сегодня въ Кронштадтѣ и очень доволенъ всѣмъ, что безъ меня было сдѣлано; отмѣнно много и хорошо. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
15-го (27-го) декабря 1835 г.

Искренно благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за письмо и поздравленіе со днемъ моихъ имянинъ; чувствамъ твоимъ мнѣ душевно пріятно вѣрить. Памяти Славицкаго отданъ приличный долгъ, и имя его останется въ памяти потомства; въ запискѣ, приложенной къ письму твоему, подчеркнулъ я мысль, которую тебѣ предлагаю; не будетъ ли точно прилично воздвигнуть памятникъ погибшимъ полякамъ, пребывшимъ вѣрными и падшимъ таковыми? Можно-бъ было воздвигнуть памятникъ сей на Саксонской площади, а надпись на ономъ сдѣлать: «Полякамъ, падшимъ за вѣрность своему государю 17-го (29-го) ноября 1830 г.»; на другой же сторонѣ помѣтить имена ихъ. Это докажетъ полякамъ, что мы чтимъ память вѣрности, какого бы происхожденія ни была, и будетъ съ тѣмъ порицаніемъ измѣнѣ прочихъ. Что ты по сему думаешь, мнѣ напиши. Видѣлъ и говорилъ съ Головинымъ, онъ кажется вникъ хорошо въ свое дѣло. Новаго здѣсь ничего нѣтъ, кромѣ ежедневнаго мороза до 25 градусовъ, даже въ полдень не менѣе 22, и вотъ уже 5 дней; давно этого не бывало и мы всѣ кряхтимъ. Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней дружбѣ моей.

Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
31-го декабря (12-го генваря) 1835 г.

Письмо твое получилъ я, любезный Иванъ Федоровичъ, вчера вечеромъ. Дурачества въ Краковѣ были мнѣ уже извѣстны; не нужно намъ ихъ было, чтобъ удостовѣриться въ злобѣ поляковъ и въ степени ихъ наглости. Но признаюсь за это одно не считалъ бы еще полезнымъ занять городъ, въ особенности какъ происшествіе сіе лично было противъ меня, считалъ бы неблаговиднымъ воспользоваться симъ предлогомъ. Мѣра сія должна послѣдовать за важнѣйшимъ происшествіемъ, котораго ждать должно, по нынѣшнему направленію умовъ, предваряющему много неистовствъ. Въ этомъ дѣлѣ надо стараться намъ быть всегда послѣдними и заставлять Австрію и Пруссію за дѣло горячѣе приниматься. Симъ найдемъ однимъ только способъ дѣло привести къ желаемому концу. Проектъ монумента вели сдѣлать и пришли. За виды благодарю; мнѣ кажется, что первые два были вѣрнѣе сняты. Видѣлъ новаго посла французскаго, человѣкъ пріятный и, какъ кажется, скромный; посмотримъ, что будетъ далѣе; говорятъ, что жена у него премилая женщина. Бѣдный Дургамъ потерялъ дочь, которая недавно вышла замужъ, и въ отчаяніи. Впрочемъ, новаго у насъ ничего нѣтъ и все тихо и спокойно. Морозы немного уменьшились, что далѣе будетъ? Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Поздравляю съ наступающимъ новымъ годомъ; дай Богъ чтобъ былъ столь же благополученъ какъ 1835-й.

90

№ 26.

a.

В. арх. стар. дѣлъ. Sek. III. 4 a. № 4105 в.

Его Свѣтлости

Намѣстнику Его Императорско-Царскаго Величества въ Царствѣ Польскомъ господину генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому.

Главнаго директора предсѣдательствующаго въ правительственной коммисіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

РАПОРТЪ.

Однимъ изъ главныхъ предметовъ заботливости правительственной коммисіи по части народнаго просвѣщенія было подать юношеству здѣшняго края способы къ основательному изученію россійскаго языка.

Для достиженія цѣли сей первое средство само собою представлялось именно опредѣленіе учителей для преподаванія сего языка при гимназіяхъ. Съ того времени начальство внимательно наблюдало за успѣхами воспитанниковъ и нынѣ имѣетъ уже возможность оцѣнить ихъ съ точностію. Къ сожалѣнію, признать должно, что при всемъ усердіи учителей, успѣхи сіи, какъ я въ послѣднее время лично удостовѣрился, не дошли до той степени, чтобы могли служить вѣрною порукою дальнѣйшаго основательнаго образованія юношества по сей части и быстраго распространенія свѣдѣній въ русскомъ языкѣ.

Нынѣшнія средства къ изученію россійскаго языка въ училищахъ особенно оказываются недостаточными, если принять въ соображеніе, что по постановленію совѣта управленія 7-го (19-го) декабря 1837 года послѣдовавшему, отъ молодыхъ людей, поступающихъ въ гражданскую службу, требуется нынѣ весьма основательное знаніе русскаго языка.

При изысканіи способовъ къ вящшему изученію онаго въ гимназіальныхъ классахъ, и дабы подать къ тому болѣе способовъ нынѣ, когда требованія правительства по сему предмету усилены, приняты были во вниманіе слѣдующія соображенія:

1) Опытомъ дознано, что теоретическія упражненія по грамматикѣ и учебнымъ литературнымъ книгамъ, составляя единственное средство для основательнаго изученія языковъ мертвыхъ, всегда оказывались недостаточными для усовершенствованія въ новѣйшихъ, общеупотребительныхъ языкахъ, которые требуютъ болѣе преимущественно практическаго употребленія и упражненія. Однѣ правила грамматики и примѣры изящной прозы и стихотвореній не могутъ поставить ученика въ возможность объясняться свободно по всѣмъ предметамъ, въ гражданскомъ быту встрѣчающимся.

2) Что касается въ особенности до юношества здѣшняго края, то для него, кромѣ необходимаго обилія выраженій, предстоитъ еще другая, не менѣе важная къ преодолѣнію преграда, именно русская просодія, столь затруднительная для польскаго уха.

Извѣстно, что при экзаменахъ болѣе всего поражаетъ неправильный, искаженный въ отношеніи къ ударенію выговоръ воспитанниковъ. Но просодію, еще менѣе нежели обиліе выраженій, можно пріобрѣсть по грамматикѣ. Одна практика, изустное, частное упражненіе, можетъ поставить здѣшняго уроженца въ возможность проникнуться духомъ русской просодіи.

Потому предлежало изыскать для воспитанниковъ средства пріобрѣсть практически обиліе словъ и утвердиться въ русской просодіи.

Мнѣ казалось бы, что всѣ для сего условія соединяло бы преподаваніе въ гимназіяхъ исторіи Россійскаго государства на русскомъ же языкѣ. Ни одинъ курсъ не касается столько разнообразныхъ практическихъ предметовъ, какъ исторія. Воспитанники, слушая сей курсъ, повторяя уроки и держа экзаменъ исторіи на русскомъ языкѣ, постепенно пріобрѣли бы богатство словъ и утвердились бы въ правильномъ выговорѣ. Такимъ образомъ курсъ исторіи россійскаго государства составлялъ бы существенное дополненіе къ курсамъ русскаго языка, доставилъ бы средства къ практическому изученію онаго и замѣнилъ бы недостатокъ изустнаго въ немъ упражненія.

По симъ уваженіямъ, осмѣливаюсь испрашивать вашей свѣтлости соизволенія на учрежденіе при гимназіяхъ курсовъ исторіи Россійскаго государства, для которыхъ, какъ равно для усиленія въ нѣкоторыхъ классахъ уроковъ русскаго языка, предполагаю увеличить число часовъ отъ 45 до 60, съ отнесеніемъ ихъ на счетъ другихъ предметовъ, какъ то польскаго и французскаго языковъ и частію математики, физики, химіи, технологіи и рисованія, кои, вслѣдствіе таковаго измѣненія, уменьшатся въ обоихъ отдѣленіяхъ только отъ 307 до 292 часовъ въ недѣлю.

Для преподаванія же курса исторіи Россійскаго государства необходимо опредѣлить въ каждой гимназіи третьяго русскаго учителя. Но на содержаніе его нѣтъ надобности прибавлять суммъ къ гимназіальному штату, ибо отъ уменьшенія часовъ по другимъ предметамъ очистится по штату въ каждой гимназіи одна статья учительскаго жалованья свободною, на которую отнесенъ будетъ окладъ учителя исторіи Россійскаго государства.

Для приведенія предположенія сего въ исполненіе буду имѣть честь ожидать разрѣшенія вашей свѣтлости.

Подписалъ: За отсутствіемъ главнаго директора генералъ-маіоръ Окуневъ.

№ 46.
12-го (24-го) января 1838 г.
Варшава.

Варш. арх. ст. д.
SEKCYA III.

4. a.

URZĄDZENIE SZKÓL.

№ Vol. 4105 a.

—

12071.

б.

Motion du Prince Maréchal.

Разсматривая дѣло о образованіи учебныхъ заведеній въ Царствѣ Польскомъ, я считаю нужнымъ съ своей стороны обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства:

1) Относительно замѣчаній, сдѣланныхъ комитетомъ на проектѣ устава, составленномъ въ С.-Петербургѣ:

a) Въ проектѣ семъ (§ 63) назначена ежегодная плата за учениковъ въ училищахъ обводовыхъ по 24 злота, но за гимназистовъ (§ 124) платы никакой не положено. Комитетъ, принявъ въ основаніе, что въ первыхъ четырехъ классахъ гимназій будутъ преподаваемы тѣ же самые предметы, какъ и въ обводовыхъ училищахъ, назначилъ за воспитаніе въ сихъ четырехъ классахъ ту же самую плату, то-есть по 24 злотыхъ въ годъ; за обученіе же въ остальныхъ четырехъ классахъ гимназій предположилъ плату за ученика по 50 злот. въ годъ.

Думаю, что слишкомъ дешевое воспитаніе, такъ же какъ и безденежное, не только не всегда полезно, но даже можетъ быть и вредно: ибо, дѣлая слишкомъ доступнымъ высшее образованіе людямъ всѣхъ сословій, ставитъ ихъ выше ихъ состоянія. Почему полагалъ бы я назначить плату за ученика, во всѣхъ обводовыхъ училищахъ и въ первыхъ четырехъ классахъ гимназіи, кои по преподаваемымъ въ нихъ наукамъ не что иное есть, какъ то, что и обводовыя, по 50 зл., въ гимназіяхъ въ первыхъ четырехъ классахъ по сту злотыхъ, а въ остальныхъ четырехъ классахъ по двѣсти злотыхъ въ годъ.

b) Въ § 182 устава предполагалось учениковъ, оказывающихъ малые успѣхи по лѣности или неспособности, исключать изъ училища безъ аттестатовъ.

Комитетъ справедливо замѣтилъ въ рапортѣ своемъ отъ 19-го ноября, что полезнѣе было бы не выдавать аттестатовъ только ученикамъ, исключаемымъ за дурное поведеніе, а другимъ выдавать оные, означая въ нихъ именно малые успѣхи ихъ въ наукахъ.

Но въ перемѣнѣ редакціи самаго ихъ устава сказано о томъ не довольно ясно, а упомянуто только о классѣ, въ которомъ ученикъ находился.

c) Точно то же должно сказать и о замѣчаніи, сдѣланномъ комитетомъ на § 192 устава, о томъ, чтобы выдавать аттестаты ученикамъ гимназіи и не кончившимъ курсъ въ 4-хъ высшихъ классахъ.

Слѣдовало бы перемѣнить редакцію обоихъ сихъ параграфовъ устава, сообразно тому, какъ выразился комитетъ въ рапортѣ своемъ 19-го ноября.

2) Относительно перемѣнъ, предполагаемыхъ комитетомъ по предметамъ, о коихъ въ уставѣ ничего не сказано:

A) § 2-й устава подчиняетъ приходскія училища надзору инспекторовъ обводовыхъ училищъ; а по § 90, онъ долженъ обозрѣвать ихъ по крайней мѣрѣ два раза въ годъ.

Комитетъ, находя, что объѣздъ два раза въ годъ всѣхъ приходскихъ училищъ займетъ слишкомъ много времени у инспектора обводоваго училища и отниметъ у него возможность наблюдать за училищемъ, собственно на его отвѣтственности состоящемъ, полагаетъ поручить сей объѣздъ духовнымъ лицамъ.

Признавая, со своей стороны, сіе неудобнымъ, я бы полагалъ, что наблюденіе сіе и объѣзды могутъ быть поручаемы старшему учителю, съ прибавкою ему, за необходимое для того опредѣленное время, приличнаго жалованья.

B) По § 141, на директора гимназіи возложенъ надзоръ за всѣми училищами, ему подвѣдомственными.

Комитетъ признаетъ, что директоры гимназій не будутъ имѣть для сего достаточно времени и потому предполагаетъ назначить двухъ главныхъ визитаторовъ для наблюденія, какъ за гимназіями, такъ и за всѣми вообще училищами въ Царствѣ.

Соглашаясь съ симъ предположеніемъ комитета, я полагаю назначить симъ визитаторамъ жалованья по 6000 злот. въ годъ.

3) Въ отношеніи инструкцій для учителей, комитетомъ составленныхъ, въ особенности замѣчательно слѣдующее:

Инструкція для преподаванія польскаго языка составлена, по словамъ комитета, совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ преподается россійскій языкъ въ русскихъ училищахъ. Но инструкція для преподаванія россійскаго языка не только составлена комитетомъ неполно, неудовлетворительно, ибо въ ней совершенно ничего не сказано, но даже предоставлено на долгое время распредѣленіе россійскаго языка по классамъ и курсамъ разсмотрѣнію учителя и мѣстной учебной власти.

Считаю сіе упущеніемъ весьма важнымъ, ибо россійскій языкъ составляетъ первую необходимость образованія польскаго юношества.

Правительство, учреждая учебныя заведенія въ Польшѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на коихъ существуютъ онѣ въ Россіи, имѣетъ въ виду совершенное сближеніе духа воспитанія въ Царствѣ и Имперіи и слѣдовательно сближеніе поляковъ съ русскими.

Для сего россійскій языкъ необходимъ. Удивительно, какъ могъ комитетъ упустить сіе изъ виду, и вовсе не составилъ инструкціи для преподаванія здѣсь русскаго языка, ибо то, что имъ составлено, я не могу признать за инструкцію.

Полагая принять для сего инструкцію, какая имъ для преподаванія польскаго языка приготовлена, то-есть ту, какая въ Россіи для россійскаго языка существуетъ, съ тѣми только перемѣнами, чтобы, во 1-хъ: въ VIII классѣ гимназій, вмѣсто логики, которую естественно требуется преподавать на отечественномъ языкѣ, ученики занимаемы были сочиненіями на русскомъ языкѣ и

во 2-хъ: чтобы назначеніе учебныхъ пособій и книгъ предоставлено было министерству просвѣщенія Имперіи. Если же оныхъ будетъ недостаточно, то коммисія народнаго просвѣщенія въ Царствѣ обязана немедленно заняться составленіемъ оныхъ и представить чрезъ меня на разсмотрѣніе въ С.-Петербургъ.

4) Наконецъ, на обязанности коммисіи народнаго просвѣщенія въ Царствѣ будетъ лежать неотложное разсмотрѣніе учебныхъ пособій и книгъ по всѣмъ вообще предметамъ, какъ на иностранныхъ языкахъ, такъ и въ особенности на польскомъ языкѣ изданныхъ и въ руководство комитетомъ предполагаемыхъ. На ея собственной отвѣтственности остается тщательное наблюденіе, чтобы въ сихъ учебныхъ пособіяхъ не было ничего противнаго закону Божію, нравственности, правительству и чего-либо оскорбительнаго для общаго отечества, какъ поляковъ, такъ и русскихъ, т.-е. Россіи.

Въ случаѣ если бы въ оныхъ что-либо таковое оказалось,

то ихъ или вовсе запретить, или перепечатать твореніе, исключивъ изъ онаго все, что слѣдуетъ.

№ 27.

В. арх. стар. дѣлъ. Sek. III, 4 а. № 4105 в.

Въ Совѣтъ Управленія Царства. Правительственная коммисія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія.

Выписью изъ протокола засѣданій отъ 18-го (30-го) января сего года, № 14250, совѣтъ управленія Царства положилъ въ трехъ высшихъ классахъ гимназіи преподавать русскую исторію на русскомъ языкѣ съ тѣмъ, дабы жалованье профессорамъ сего предмета производилось изъ сбереженій отъ уменьшенія нѣкоторыхъ курсовъ преподаваемыхъ теперь наукъ.

Во исполненіе такового распоряженія составлено совѣтомъ народнаго просвѣщенія новое распредѣленіе наукъ, по коему назначены часы для преподаванія русской исторіи и опредѣлено жалованье для профессоровъ до наступленія новаго учебнаго года, между тѣмъ, пользуясь возможностію употребить теперь же способныхъ и свѣдущихъ по сей части людей, правительственная коммисія распорядилась о немедленномъ преподаваніи русской исторіи на русскомъ языкѣ въ трехъ гимназіяхъ, и распоряженіе сіе въ гимназіяхъ, въ Варшавѣ существующихъ, приведено уже въ исполненіе.

Но какъ суммы, остающіяся нынѣ отъ вакантныхъ мѣстъ въ сихъ гимназіяхъ, недостаточны на уплату жалованья для трехъ профессоровъ русской исторіи, каждому по 3,400 злотыхъ, а затѣмъ тремъ 10,200 злот., то правительственная

коммисія имѣетъ честь просить совѣтъ управленія о разрѣшеніи, дабы жалованье, опредѣленное для профессоровъ русской исторіи, производилось изъ общихъ остатковъ отъ вакантныхъ мѣстъ въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и обводовыхъ училищахъ.

Варшава.
9-го (21-го) марта 1838 года.

№ 28.

В. арх. стар. дѣлъ. Sек. III. 3, № 127 д.

NOTICE.

Varsovie le 26 février (10 mars) 1837.

№ 731.

РЕЗОЛЮЦІЯ:

RÉPONDRE EN CONSÉQUENCE

Pr. de Vars.

le 9 (21) mars 1837.

Le Sr Skwarcow, libraire russe à Varsovie, a prié Son Altesse Monsieur le Prince Namiestnik du Royaume de lui accorder à titre de prêt une avance de 12,000 roubles en assignats pour payer les dettes qu'il a contractés à l'effet d'augmenter sa librairie, promettant de restituer ce prêt, avec les intérêts, dans l'espace de six années et voulant assurer cette créance sur sa librairie.

Malgré que le Conseil d'Administration du Royaume, mu par la considération qu'une librairie russe à Varsovie serait très utile, ait déjà ordonné de payer tous les ans à cet établissement une somme de 4,000 fl. à titre de subvention, ce-

pendant je dois observer de mon côté que la présente demande du sieur Skwarcow pourrait être accueillie, si la sûreté qu'il propose de donner, pour cette créance, sur la librairie présentait une garantie suffisante. Mais, comme l'état de cet établissement peut changer chaque jour, et que le pétitionnaire avoue lui-même dans sa supplique qu'il a contracté des dettes pour sa librairie, il s'en suit que la sûreté offerte par lui ne peut pas être envisagée comme satisfaisante, et le contrôle même que l'on pourrait établir à cette fin, dans sa librairie, serait de nul effet à cause de la faculté qu'a ce libraire de faire des opérations commerciales en dehors de son magasin.

Dans cet état de choses, il serait plus convenable, à mon avis, que le sieur Skwarcow s'adresse directement à la Banque de Pologne, qui, devant, d'après ses attributions, encourager le commerce et l'industrie, et ayant les moyens de se convaincre de l'état du crédit personnel du pétitionnaire, pourra apporter à ce libraire un secours plus efficace, d'autant plus que le père du Sr Skwarcow étant connu, sous le rapport de sa fortune, aurait la facilité de donner, dans la voie commerciale, la garantie que la Banque pourrait exiger de son fils.

Conseiller Privé R. Fuhrmann.

№ 29.

Сем. арх. кн. Паскевича.

Записка кн. Варшавскаго Государю.

Имѣя счастіе представить вмѣстѣ съ симъ записку по четыремъ журналамъ департамента государственнаго совѣта по дѣламъ Царства Польскаго, утвержденіемъ коихъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было остановиться до

прибытія моего въ С.-Петербургъ, я считаю также долгомъ всеподданнѣйше представить на собственное благоусмотрѣніе Вашего Величества нѣкоторыя замѣчанія мои по сему предмету.

Сущность дѣла, въ сихъ журналахъ изложеннаго, заключается въ слѣдующемъ:

При составленіи бюджета Царства на 1834 годъ, исчислена была сумма, потребная, во 1-хъ, на внутреннее управленіе Царства; во 2-хъ, на внутренніе чрезвычайные расходы, и затѣмъ остальная часть доходовъ обращалась на часть военную.

По значительности войскъ, въ Царствѣ расположенныхъ, и вообще расходовъ по военной части, на доходы Польши обращаемыхъ, остатка сего было недостаточно.

Часть сего недостатка я предполагалъ покрыть остатками суммъ интендантства дѣйствующей арміи, на что и послѣдовало Высочайшее утвержденіе Вашего Императорскаго Величества въ Модлинѣ.

Затѣмъ недостатокъ былъ въ 3 милліона. Какимъ образомъ покрыть его, я могъ судить не иначе, какъ съ окончаніемъ 1833 года, чтобы видѣть, не откроется ли какихъ новыхъ рессурсовъ въ Царствѣ, если уже нельзя будетъ ничего удѣлить на сей предметъ изъ запаснаго военнаго капитала Имперіи.

Поэтому я присовокупилъ, что въ первые мѣсяцы 1834 года представлю мое дополнительное предположеніе.

И такъ здѣсь осталось: 1) разсмотрѣть бюджетъ, утвердить его или предположить какія-либо измѣненія; 2) если дефицита нельзя пополнить изъ запаснаго капитала Имперіи, то или согласиться на замѣщеніе, или дать другія для того средства, или ожидать моего предположенія.

Но изъ трехъ журналовъ государственнаго совѣта по департаменту Царства Польскаго и изъ разсужденій, бывшихъ въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, видно, что вмѣсто

того г. министръ финансовъ и членъ совѣта князь Друцкой-Любецкій вовсе вышли изъ предмета и только продлили время.

Графъ Канкринъ началъ выводомъ сравнительныхъ соображеній доходовъ и расходовъ, предназначенныхъ въ 1834 г., съ годами 1830 и 1832 и заключилъ тѣмъ, что *доходы* 1834 г. могутъ быть признаны *удовлетворительными*; но что *расходы* внутренніе, оставляя изъ 80 мил. доходовъ только 22 мил. на часть военную, составляютъ столь значительную сумму, что несоразмѣрны съ населеніемъ Царства.

Въ другомъ журналѣ г. министръ финансовъ говоритъ, что онъ уже объяснилъ *весьма разстроенное* положеніе финансовъ Царства и несоразмѣрность издержекъ на внутреннее управленіе.

Но противъ сего надобно замѣтить:

1) Соображенія графа Канкрина расходовъ и доховъ 1830 и 1832 годовъ уже выполненныхъ, съ одними смѣтными предположеніями 1834 г., не могутъ признаны быть основательными, какъ заключилъ и департаментъ государственнаго совѣта.

2) Что же касается до финансовъ Царства, то они вовсе не такъ дурно управляются, какъ старается выказать графъ Канкринъ, ибо: *a*) доходы г. министръ самъ призналъ въ первомъ журналѣ удовлетворительными, а, говоря впослѣдствіи о весьма разстроенномъ положеніи финансовъ Царства, онъ только себѣ противорѣчитъ, не представляя никакихъ доказательствъ. Между тѣмъ, напротивъ доходы послѣднихъ годовъ послѣ мятежа увеличились противъ прежнихъ лѣтъ отъ 2 до 6 милліоновъ.

b) Выводы же о расходахъ вовсе не правильны.

Съ перваго взгляда дѣйствительно можетъ показаться ужаснымъ, что въ 1834 году изъ числа 80 мил. всѣхъ доходовъ остается на военную часть только 22,700,000; какъ

будто всѣ прочія затѣмъ 57,300,000 идутъ на внутреннее управленіе.

Но на самомъ дѣлѣ оказывается вовсе не то.

Министръ финансовъ не выключилъ изъ сихъ расходовъ, во 1-хъ, построеніе крѣпостей до 10 мил., во 2-хъ, уплаты государственнаго долга до 12 мил., въ 3-хъ, расходовъ чрезвычайныхъ (не на гражданское управленіе) до 20 мил., такъ что затѣмъ собственно внутреннее управленіе въ Царствѣ стоитъ казнѣ не болѣе 15 мил., которые уменьшить теперь невозможно, ибо въ послѣдніе два года по возстановленіи порядка, до 14 мил. уже сокращено издержекъ по управленію въ сравненіи съ расходами до того года; всѣ старанія были употреблены, чтобы исполнить Высочайшую волю о сокращеніи расходовъ, до того, что Ваше Императорское Величество изволили отмѣнить еще вычетъ отъ 4% до 12% изъ жалованья чиновниковъ, какъ мѣру отяготительную.

Еще одно замѣчаніе, и самое главное, есть то, что министръ финансовъ не съ той точки смотритъ на дефицитъ, который можетъ оказаться въ бюджетѣ Царства.

Дефицитъ происходитъ не отъ недостатковъ финансоваго управленія, но отъ обращенія на счетъ Царства Польскаго расходовъ по военной части, которыхъ Царство никакъ не въ состояніи вынести. Еслибы на Польшу было обращено еще болѣе расходовъ, то естественно, что и недостатокъ на покрытіе всѣхъ расходовъ дѣйствующей арміи оказался бы еще большій.

Наконецъ, хотя въ Модлинѣ и послѣдовало Высочайшее Вашего Императорскаго Величества повелѣніе, чтобы остатокъ въ интендантствѣ дѣйствующей арміи отъ 1832 года, составляющій 2,183,757 руб., былъ обращенъ на пополненіе части оказывающагося въ 1834 году дефицита; но графъ Канкринъ въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго отозвался, что не можетъ согласиться на зачетъ сей суммы въ число расходовъ

на Царство Польское упадающихъ, и внесетъ сумму сію въ военную смѣту Имперіи условно.

Но изъ доходовъ Царства, невозможно, конечно, покрыть всѣхъ нуждъ дѣйствующей арміи; и такъ министру финансовъ надлежало бы, съ своей стороны, стараться содѣйствовать къ покрытію тѣхъ чрезмѣрныхъ расходовъ, которые возлагаются на Царство.

Обращаюсь къ мнѣнію князя Друцкого-Любецкаго. Онъ, можетъ быть, изъ противорѣчія графу Канкрину, называетъ даже и предположенныя въ 1834 году расходы Царства неудовлетворительными, стараясь только выставить въ хорошемъ видѣ свое собственное управленіе и ссылаясь на годы до мятежа отъ 1822 до 1829 включительно, въ теченіе коихъ никогда, по словамъ его, не было дефицита, по превосходству будто бы его финансовой системы.

Но противъ сего многое сказать можно, ибо:

1) Князь Любецкій не хотѣлъ видѣть, что собственно дефицита нѣтъ: сколь бы ни были велики доходы Царства, но по значительному числу войскъ, въ Польшѣ находящихся, и требованіями на постройку крѣпостей и другія надобности,— ихъ всегда будетъ недостаточно.

2) Годы до мятежа нельзя сравнивать съ нынѣшнимъ временемъ: тогда не было въ Царствѣ русскихъ войскъ, армія польская стоила только до 30 мил.; нынѣ же, сверхъ расходовъ на русскія войска, прибавились еще чрезвычайныя издержки, которыя суть слѣдствіе мятежа.

3) Не смотря однако-жъ на сіи неблагопріятныя обстоятельства, обыкновенные доходы Царства составляли:

въ 1822 году	. .	63,636,000	зл. польск.
» 1823 »	. .	64,813,000	» »
» 1824 »	. .	66,845,000	» »
» 1825 »	. .	66,271,000	» »

въ 1826 году	. .	65,995,000	зл.	польск.
» 1827 »	. .	69,132,000	»	»
» 1828 »	. .	69,186,000	»	»
» 1829 »	. .	74,318,000	»	»
» 1830 »	. .	72,307,000	»	»
» 1831 »	. .	50,424,000	»	»
» 1832 »	. .	72,693,000	»	»
» 1833 »	. .	78,430,000	»	»
а предположено на 1834 годъ	. .	80,796,000	»	»

Слѣдовательно, обыкновенные доходы не только не уменьшились, но еще значительно увеличились противъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

4) Измѣненія въ финансовой системѣ послѣдовали по измѣненію отношеній Россіи и Польши. Прежде финансы Царства, его фабрики, промышленность и торговля существовали на счетъ Имперіи; нынѣ сего уже нѣтъ. Впрочемъ, главнѣйшее измѣненіе въ системѣ князя Любецкаго состоитъ въ томъ, что нынѣ уничтожена продажа казенныхъ имуществъ въ Царствѣ.

Удивляюсь, какъ рѣшился князь Любецкій позволить себѣ говорить о превосходствѣ своей системы, тогда какъ продажа казеннаго имущества есть величайшее зло, во 1-хъ, въ отношеніи финансовомъ, ибо уничтожаетъ самый главный и единственный основной капиталъ казны, во 2-хъ, въ отношеніи политическомъ, ибо передача въ Царствѣ капиталовъ русскаго правительства въ руки поляковъ,—значитъ потеря основанія, на которомъ наиболѣе упирается власть и вліяніе правительства на народъ.

Доказательствомъ сего служатъ происшествія мятежа: всѣ капиталы, вырученные за проданныя имущества, были истрачены и служили только къ поддержанію мятежной войны;

нынѣ же имущества находятся въ частныхъ рукахъ и капиталовъ нѣтъ.

Ограничиваю симъ мои возраженія. Ваше Императорское Величество усмотрѣть изъ сего изволите, что всѣ замѣчанія, какъ графа Канкрина, такъ и князя Любецкаго едва ли могутъ содѣйствовать къ пользѣ службы.

8-го марта 1834 г.
С.-Петербургъ.

№ 30.

Сем. арх. кн. Паскевича.

Après avoir fait entrer la députation de la ville dans une salle particulière, Sa Majesté l'Empereur, en présence du Prince Maréchal, parla en ces termes: „Je sais, Messieurs, que „vous avez voulu Me parler; Je connais même le contenu de „votre discours et c'est pour vous épargner un mensonge que „Je ne désire pas qu'il Me soit prononcé. Oui, Messieurs, c'est „pour vous épargner un mensonge. Car Je sais que vos senti„ments ne sont pas tels que vous voulez Me le faire accroire „et comment pourrais-je y ajouter foi, quand vous M'avez „tenu ce même langage la veille de la révolution?

„N'est-ce pas vous-mêmes qui Me parliez, il y a 5 ans, „il y a 8 ans, de fidélité, de dévouement, et qui Me faisiez les „plus belles protestations d'attachement? — Quelques jours après, „vous aviez brisé vos serments, vous aviez commis des actions „horribles.

„L'Empereur Alexandre, qui avait fait pour vous plus qu'un „Empereur de Russie n'aurait dû faire, Je le dis, parce que Je „le pense, qui vous a comblés de bienfaits, qui vous a favorisés „plus que ses propres sujets et vous a rendus la nation la plus „florissante et la plus heureuse, l'Empereur Alexandre a été

„payé par vous de la plus noire ingratitude. Vous n'avez ja-„mais pu vous contenter de la position la plus avantageuse „et vous avez fini par briser vous-mêmes votre bonheur. Je „vous dis ici la vérité pour éclairer notre position mutuelle „et pour que vous sachiez bien à quoi vous en tenir; car Je „vous vois et Je vous parle pour la première fois depuis les „troubles.

„Messieurs, il faut des actions et non pas des paroles; il „faut que le repentir vienne de là (en montrant le cœur). Je „vous parle sans M'échauffer — vous voyez que Je suis calme; „Je n'ai pas de rancune et Je vous ferai du bien malgré vous. „Le Maréchal, que voici, remplit Mes intentions, Me seconde „dans Mes vues et pense aussi à votre bien-être.“ (A ces mots, „toute la députation a salué le Maréchal). L'Empereur a repris:— „Eh bien, Messieurs, que prouvent ces saluts? Rien du tout. „Avant tout, il faut remplir ses devoirs, il faut se conduire „en honnêtes gens. Vous avez, Messieurs, deux partis à pren-„dre: ou persister dans vos illusions d'une Pologne indépen-„dante, ou vivre tranquillement et en sujets fidèles sous Mon „Gouvernement. Si vous vous obstinez à conserver vos rêves „d'utopie, de nationalité distincte, de Pologne indépendante et „de toutes ces chimères, vous ne pouvez qu'attirer sur vous de „grands malheurs. J'ai élevé ici la citadelle d'Alexandre et Je „vous déclare qu'à la moindre émeute Je ferai foudroyer la „ville, Je détruirai Varsovie, et certes, ce ne sera pas Moi qui „la rebâtirai.

„Il M'est bien pénible de vous parler ainsi; il est bien „pénible à un Souverain de traiter ainsi ses propres sujets; „mais, Je vous le dis, c'est pour votre bien. C'est à vous, „Messieurs, de songer à mériter l'oubli du passé. Ce n'est que „par votre conduite, par votre dévouement au Gouvernement „que vous pourrez y parvenir. Je sais qu'il y a des correspon-„dances avec l'étranger; qu'on envoie ici de mauvais écrits et

„que l'on tâche de pervertir les esprits; mais la meilleure police du monde, avec une frontière comme vous en avez une, „ne peut empêcher les relations clandestines. C'est à vous „mêmes à faire la police, à éviter le mal. C'est en élevant vos „enfants, en leur inculquant des principes de religion et de „fidélité à leur Souverain que vous pouvez rester dans le droit „chemin. Et au milieu de tous les troubles qui agitent l'Europe, de toutes les doctrines qui ébranlent partout l'édifice „social, il n'y a que la Russie qui reste forte et intacte. „Croyez Moi, Messieurs, c'est un vrai bonheur que d'appartenir „à ce pays et de jouir de sa protection. Croyez Moi, je vous „ferai du bien malgré vous. Si vous vous conduisez bien, si „vous remplissez tous vos devoirs, Ma sollicitude paternelle s'étendra sur vous tous et malgré tout ce qui s'est passé, Mon „Gouvernement pensera toujours à votre bien être et à votre „bonheur.

„Rappelez-vous bien tout ce que Je vous ai dit."

Ce discours a été prononcé par Sa Majesté l'Empereur au Palais de Lazienky le 4 (16) octobre 1835.

№ 31.

Варш. арх. стар. д. Sek. VIII, 12. № 5488 e.

Когда по минованіи горестныхъ происшествій, смутившихъ покой Царства Польскаго, истощены были всѣ мѣры кротости, сколько для правосудія и государственной безопасности дозволяя къ возвращенію заблудшихъ умовъ на путь правый, нашли Мы себя въ необходимости повелѣть конфискацію имуществъ закоснѣлыхъ враговъ законнаго порядка, дабы лишить ихъ способовъ и впредь употреблять достояніе свое на совершеніе преступныхъ замысловъ.

Но дабы и сія мѣра, изводя добро изъ самаго зла, обратилась ко благу сельскихъ обывателей, пріуготовивъ имъ лучшую будущность; дабы совершились великодушныя намѣренія любезнѣйшаго брата нашего, блаженныя памяти Императора Александра I, въ декретѣ 8-го февраля 1820 года предначертанныя, и дабы вмѣстѣ съ тѣмъ преподать примѣръ и основанія, на которыхъ должны бы быть совершаемы договоры между владѣльцами частныхъ имѣній и крестьянами, указанные декретомъ 21 декабря 1807 г., постановили мы и постановляемъ слѣдующее:

Статья 1.

Во всѣхъ имѣніяхъ конфискованныхъ, вошедшихъ уже въ составъ общихъ государственныхъ имуществъ, гдѣ не произведено еще межеванія, приступить къ оному безъ отлагательства, отдѣлить деревни отъ фольварковъ и отвести каждому крестьянскому двору не менѣе одной уволоки новопольской мѣры, оставляя, впрочемъ, за хозяевами неотъемлемо то количество земли, которымъ они понынѣ пользовались, хотя бы и болѣе показанной пропорціи; въ противномъ же случаѣ дополнять недостающее количество, буде мѣстность позволитъ и такою прибавкою хозяйство фольварковъ не понесетъ чувствительнаго разстройства.

Статья 2.

Наблюдать, чтобы крестьянскія земли, поколику сіе возможно, не были пресѣкаемы между собою чрезполосными владѣніями.

Статья 3.

Устроеннымъ такимъ образомъ деревнямъ отвести особое пастбище, не допуская при семъ отводѣ ничего общаго въ пользованіе владѣльца фольварковъ и крестьянъ.

Статья 4.

При производствѣ оцѣнки дохода съ земель, крестьянамъ предоставляемыхъ, руководствоваться правилами, существующими въ Царствѣ для устройства казенныхъ имѣній, съ тѣмъ однако же, чтобы, для вящшаго облегченія крестьянъ, въ каждой деревнѣ привести предварительно въ извѣстность и тѣ повинности, коими они понынѣ обложены были съ морга новопольской мѣры, и если окажется, что нынѣшняя плата повинностями ниже опредѣляемой казенною оцѣнкою, въ такомъ случаѣ принимать первую въ основаніе; но если бы первая превышала казенную оцѣнку: исчислять вознагражденіе по оцѣнкѣ казенной.

Правительство наше въ Царствѣ не оставитъ издать по сему предмету подробную инструкцію, въ которой опредѣлятся условія, необходимыя къ очиншеванію крестьянъ.

Статья 5.

Такимъ образомъ казенной оцѣнки держаться непремѣнно только при отводѣ новаго участка, сверхъ той земли, которою крестьяне уже пользовались прежде и которая должна быть оцѣнена на основаніи предыдущей статьи.

Статья 6

Тѣхъ изъ поселянъ, которымъ предоставлены какія-либо права или привилегіи, по актамъ внесеннымъ въ ипотечныя книги, или же которые пользовались таковыми правами и привилегіями въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, хотя бы безъ внесенія оныхъ въ ипотеку, оставлять при прежнихъ преимуществахъ.

Статья 7.

По отдѣленіи и оцѣнкѣ крестьянскихъ земель, предоставить на волю крестьянамъ: платить ли чиншъ или веществен-

ныя повинности (osep), съ предоставленной имъ земли, или исправлять работы, или же наконецъ выполнять и то, и другое въ соразмѣрности.

Статья 8.

Для поощренія сельскихъ обывателей къ вящшимъ трудамъ и хозяйственности, предоставляется имъ право окупаться отъ всѣхъ повинностей, взносомъ трехъ частей капитала, равняющагося доходу 20 лѣтъ, полагая по 5% на сто, сполна ли въ одинъ разъ или по частямъ, но въ послѣднемъ случаѣ отнюдь не менѣе, какъ по сто польскихъ злотыхъ.

Статья 9.

Мѣру сію приводить однако же въ дѣйствіе безъ всякаго крестьянъ къ тому принужденія, предоставляя напротивъ того уклоняющимся время къ уразумленію собственной пользы, дабы пріуготовить ихъ постепенно къ оцѣненію даруемаго имъ права.

Статья 10.

По мѣрѣ уплаты крестьянами въ счетъ сего капитала по частямъ, слагаются съ нихъ въ соразмѣрности и повинности, въ чиншѣ ли, въ работахъ ли, или въ дачѣ натурою сельскихъ произведеній (danina), и когда внесены будутъ три части капитала сполна, четвертая часть остается безсрочнымъ долгомъ и обезпечивается участкомъ каждаго крестьянина; проценты же съ оной, войдя въ разрядъ прочихъ государственныхъ податей, поступаютъ наравнѣ съ другими сборами въ казну.

Окупившійся такимъ образомъ крестьянинъ входитъ въ права настоящаго вотчинника.

Статья 11.

Окупныя деньги поступаютъ въ пользу владѣльца, проценты же съ остающейся безсрочнымъ долгомъ четвертой

части, какъ составляющіе государственную подать, передаются въ казну.

Статья 12.

Крестьянамъ не предоставляется права пропинаціи (propinacja) исключая тѣхъ, которые до изданія сего постановленія онымъ пользовались по особымъ правамъ и привилегіямъ.

Статья 13.

Для охраненія фольварковъ отъ упадка при исполненіи статей 1, 2, 3 и 8 сего декрета, чрезъ внезапное прекращеніе личныхъ крестьянскихъ повинностей, замѣну оныхъ на чиншъ, вещественныя повинности (osep) и окупъ, хотя бы крестьяне нынѣ же того пожелали, — допускать не прежде, какъ по истеченіи шести лѣтъ со времени устройства имѣнія, съ наблюденіемъ однако же, чтобы тамъ, гдѣ по прежнему обычаю исправлялась крестьянами работа болѣе трехъ дней въ недѣлю, уменьшена она была до трехъ дней со двора, а не съ души; на остальное же количество вносимы были бы повинности деньгами.

Статья 14.

Договоры съ крестьянами по содержанію предыдущихъ статей совершать формальнымъ порядкомъ, со внесеніемъ въ ипотечныя книги (Hypoteka dóbr), сдѣлки же, заключенныя съ прежними владѣльцами, хотя бы на основаніи оныхъ и вся деревня была устроена, оставлять въ своей силѣ въ такомъ только случаѣ, когда онѣ для крестьянъ не обременительны.

Статья 15.

Рабочій и другой скотъ (Inwentarz), постройки, заведенія, пособія и все прочее, что предоставлено было крестьянамъ въ

пользованіе прежними ихъ владѣльцами, считать уже собственностію тѣхъ крестьянъ, которые, не отлучаясь изъ мѣста водворенія, примутъ новое хозяйство.

Статья 16.

По устроеніи на семъ основаніи крестьянъ, отъ усмотрѣнія Нашего зависѣть будетъ указать дальнѣйшее назначеніе конфискованныхъ имѣній, какое признаемъ за благо. Но если бы имѣнія сіи, вслѣдствіе особенной Нашей милости, прежде еще устройства, пожалованы были во владѣніе лицамъ, снискавшимъ отличными заслугами особенное Наше благоволеніе, въ такомъ случаѣ жалованный владѣлецъ обязанъ относительно устройства крестьянъ исполнить все, что настоящимъ постановленіемъ повелѣвается, подъ надзоромъ и опекою правительства и въ срокъ, который установленъ будетъ, разумѣя сіе самое и о прежнихъ владѣльцахъ конфискованныхъ имѣній и ихъ наслѣдникахъ, если бы на возвращеніе имъ таковыхъ послѣдовало Наше соизволеніе.

Статья 17.

Платежъ съ крестьянъ за полученныя ими въ собственность земли, если оный поступилъ до Всемилостивѣйшаго ихъ пожалованія; доходъ съ аренды, если бы имѣнія отданы были во временное содержаніе; суммы, вырученныя продажею конфискованныхъ имѣній, если на то послѣдуетъ Наше соизволеніе; конфискованные денежные капиталы и вообще доходы съ имѣній и проценты съ капиталовъ назначаются:

1) На покрытіе расходовъ по управленію, размежеванію и устройству конфискованныхъ имѣній.

2) На уплату процентовъ и самихъ долговъ, обременяющихъ тѣ имѣнія, на покрытіе расходовъ, предстоящихъ казнѣ на основаніи постановленія о конфискаціи 2-го (14-го) апрѣля

1835 года, и на пополненіе выдачъ, произведенныхъ изъ казны, и кои суть послѣдствіемъ революціи, съ тѣмъ однако же, чтобы каждое имѣніе очищало долги, собственно на немъ лежащіе по ипотечнымъ книгамъ, равно какъ и повинности.

3) На пополненіе выдачъ, уже произведенныхъ и впредь произвестись могущихъ изъ казны Царства, на удовлетвореніе россійскихъ генераловъ, офицеровъ и чиновниковъ, за потери, нанесенныя имъ революціею.

Статья 18.

Изъ остатковъ за всѣми вышеуказанными расходами составляется капиталъ сельскихъ обывателей, для раздачи взаймы подъ залогъ частныхъ имѣній на правилахъ, изъясненныхъ въ декретѣ Нашемъ 19-го (31-го) августа 1828 года. Проценты съ сего капитала, обращаясь въ польскомъ банкѣ, выдаваемы будутъ крестьянамъ въ ссуду по 4%, о чемъ правительство Наше въ Царствѣ не оставитъ преподать особое наставленіе.

Статья 19.

Для устраненія всякихъ затрудненій, какія могли бы встрѣтиться при исполненіи настоящаго декрета со стороны кредитнаго земскаго общества, равно какъ и для обезпеченія долговъ сему установленію, всѣ конфискованныя имѣнія, на коихъ таковые долги числятся, подвергнуть полной отвѣтственности, на основаніи 34-й статьи постановленія 1-го (13-го) іюня 1825 года; а если бы и за симъ оказалось, что даруемое крестьянамъ право окупа въ чемъ бы то ни было ослабило предоставленное обществу обезпеченіе: въ такомъ случаѣ, согласно съ 129 статьею помянутаго закона, возлагается на казну заплатить кредитному обществу за эту часть имѣнія, которая крестьянами окуплена.

Статья 20.

Исполненіе сей Нашей воли и ближайшее оной развитіе сообразно съ постановленіемъ о конфискаціи отъ 2-го (14-го) апрѣля 1835 года возлагаются на правительство Царства Польскаго, а въ особенности на правительственную коммисію финансовъ.

Данъ въ Варшавѣ, октября 4-го (16-го) дня, лѣта отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ тридцать пятаго, царствованія же Нашего десятаго.

(подписано) НИКОЛАЙ.

przez Cesarza i Króla
Minister Sekretarz Stanu
w zastępstwie
Pomocnik Ministra *Jg. Turkułł.*

Zgodno z Oryginałem
Minister Sekretarz Stanu
w zastępstwie
Pomocnik Ministra (podpisano) *Jgn. Turkułł.*

Zgodno z Originałem
Sekretarz *Garszyński.*

№ 32.

Сем. арх. кн. Паскевича.

a.

Переводъ письма графа Александра Валевскаго отъ 21-го іюня (3-го іюля) 1835 г.

Вслѣдствіе вопроса вашей свѣтлости о духѣ, господствующемъ въ Краковѣ — честь имѣю представить замѣчанія, сдѣ-

ланныя мною во время пребыванія моего въ семъ городѣ въ минувшемъ мѣсяцѣ.

Многіе знатнѣйшіе обыватели и купцы, желающіе единственно спокойно пользоваться своими доходами и безпрепятственно производить торговлю, одушевлены самымъ лучшимъ духомъ и, не видя въ настоящемъ правительствѣ никакой поруки, желаютъ возвратиться подъ монархическое правленіе, которое токмо можетъ обезпечить ихъ собственность и благосостояніе. Большинство однако же народонаселенія, состоящее изъ трехъ тысячъ польскихъ выходцевъ, развращенныхъ изступленнымъ своеволіемъ послѣдняго мятежа, изъ класса бѣднѣйшихъ жителей сего города и бродягъ, изгнанныхъ изъ Царства Польскаго, Пруссіи и Австріи—исповѣдуетъ самыя вредныя правила, клонящіяся къ ниспроверженію общественнаго порядка, и выжидаетъ токмо перваго случая для приведенія въ дѣйствіе преступныхъ своихъ замысловъ, исполненіе коихъ могло бы нарушить, хотя на нѣкоторое время, спокойствіе сосѣднихъ вѣрныхъ подданныхъ Его Императорскаго Величества, Всемилостивѣйшаго Нашего Государя.

Слишкомъ либеральныя права, дарованныя сему краю, оставляютъ слабому правительству краковскому весьма недостаточныя средства къ сохраненію мгновеннаго и очень сомнительнаго спокойствія, удерживаемаго доселѣ болѣе изъ боязни расположенныхъ по границѣ баталіоновъ.

Воспитаніе юношества, которое въ нашемъ краѣ, посредствомъ благоразумныхъ постановленій и нововведенной школьной дисциплины, обѣщаетъ уже въ будущемъ самыя спасительныя послѣдствія,—представляетъ въ этой несчастной землѣ совершенно противное: часть сія остается тамъ на прежней ногѣ, и нельзя ожидать ничего хорошаго отъ тамошней молодежи, воспитывающейся въ числѣ около тысячи человѣкъ.

Два мѣсяца тому назадъ, болѣе десяти знатнѣйшихъ обывателей и извѣстнѣйшихъ купцовъ подали краковскому сенату

ноту, въ коей просили обдумать средства къ исходатайствованію у Государя Императора присоединенія сего края къ Царству Польскому. Нота сія оставлена безъ вниманія, и только сохраненіе въ тайнѣ прозваній лицъ, подписавшихъ оную, избавило ихъ отъ преслѣдованія. Мѣру сію приписываютъ преимущественно Презесу.

Вѣрно: генералъ-фельдмаршалъ, князь Варшавскій,
графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Сем. арх. кн. Паскевича.

б.

О краковской республикѣ.

23-го іюня (5-го іюля) 1835 г.
г. Варшава.

Имѣя повелѣніе Вашего Императорскаго Величества озаботиться наклоненіемъ знатнѣйшихъ краковскихъ гражданъ къ подачѣ прошенія о присоединеніи ихъ округа къ которой-либо изъ трехъ покровительствующихъ державъ, я занялся симъ предметомъ и распустилъ чрезъ агентовъ сообразные сему слухи, кои, кажется, не безуспѣшны были: ибо, какъ Вы, Всемилостивѣйшій Государь, усмотрѣть изволите изъ подносимаго при семъ въ переводѣ письма ко мнѣ графа Александра Валевскаго, болѣе десяти самыхъ зажиточныхъ краковскихъ жителей подали своему правительству ноту, коею просили исходатайствовать у Вашего Величества присоединеніе ихъ къ Царству Польскому.

Тамошнее правительство приняло сіе весьма дурно и не сдѣлало никакого отвѣта, только имена подписавшихъ ноту сохранены въ тайнѣ.

Получивъ донесеніе о семъ графа Валевскаго, я поручилъ ему ѣхать въ его деревню, отстоящую отъ Кракова въ 9-ти

верстахъ, и стараться склонить большее число депутатовъ, дабы они просили о присоединеніи ихъ края, хотя не къ одной Россіи, но и къ Австріи, ибо отъ сей державы ожидать должно сопротивленія присоединенію онаго къ одной Россіи.

Графъ Валевскій надѣется, что большая часть богатыхъ краковскихъ жителей подпишетъ таковой актъ, и хотя между ними будутъ и сенаторы, но общаго ходатайства о семъ сената или сейма быть не можетъ.

Если таковой актъ будетъ подписанъ съ тѣмъ, чтобъ оный былъ представленъ Вашему Императорскому Величеству, то имѣю счастіе испрашивать повелѣнія: имѣетъ ли депутація, подписавшая оный, предстать лично предъ Вами, Всемилостивѣйшій Государь, въ Калишѣ, либо другомъ мѣстѣ, или она должна представить означенный актъ мнѣ, для поднесенія онаго Вашему Императорскому Величеству.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій,
графъ Паскевичъ-Эриванскій.

26-го іюня (8-го іюля) 1835 г.
Варшава.

№ 33.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1836 годъ.

(19 писемъ.)

С.-Петербургъ.
20-го генваря (1-го февраля) 1836 г.

Два дня какъ получилъ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое сердечно благодарю. Кажется, и въ Вѣнѣ, и въ Берлинѣ испугались происходящаго въ Краковѣ, но рѣшатся ли на занятіе, въ томъ еще сомнѣваюсь, и буду ждать что они предложатъ; надо признаться, что дерзость и злодѣйство превзошли всякую мѣру. Читалъ ли во французскихъ журналахъ письмо благодарное Платера въ камеры французскія, за тѣ слова, которыя до Польши касаются въ отвѣтъ ихъ королю? Хорошо правительство, которое подобнымъ мошенникамъ дозволяетъ писаться избранными и говорить какъ бы отъ имени народа. Третьяго дня встрѣтился я съ посломъ, не видавъ его съ тѣхъ поръ, какъ сюда дошли сіи новыя глупости; онъ дрожалъ какъ листъ, такъ что мнѣ стало смѣшно. Паленъ велъ себя весьма хорошо при семъ случаѣ и гово-

рилъ королю сильно. Изъ Англіи новаго ничего нѣтъ, кромѣ того, что вооруженія ихъ происходятъ отъ принужденной починки флота, столь запущеннаго въ послѣднее время, что годныхъ въ море оставалось только 8 кораблей, а съ чинящимися нынѣ и съ плавающими всѣхъ будетъ 27. Вотъ сила Англіи. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ.

Жена моя тебѣ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
21-го генваря (2-го февраля) 1836 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 18-го (30-го) числа и, признаюсь, весьма обрадовался, узнавъ рѣшимость австрійцевъ, которой не ожидалъ. Видно, что и имъ краковскія глупости надоѣли. Ты весьма хорошо сдѣлалъ, что разрѣшилъ прямо ввести въ случаѣ нужды и нашъ баталіонъ. Но ожидать согласія Пруссіи уже не нужно, ежели одни австрійцы рѣшились. Впрочемъ, я почти увѣренъ, что теперь и пруссаки не отстанутъ. Вели только выбрать хорошаго и *образованнаго* командира въ сей батал. съ строгимъ приказаніемъ быть въ *наружной* совершенной командѣ австрійскаго генерала, котораго считать какъ бы нашего бригаднаго генерала. Придать можно къ батал. человѣкъ 20 казаковъ, а къ австрійскому генералу, въ видѣ ординарца, надежнаго квартирмейстерскаго оберъ-офицера. Курьеръ Татищева еще не прибылъ, такъ что мнѣ неизвѣстно, чѣмъ онъ столь удачно расшевелилъ Меттерниха.

За симъ обнимаю тебя отъ души. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
10-го (22-го) февраля 1836 г.

Въ субботу получилъ я, любезный Иванъ Федоровичъ, письмо твое отъ 3-го (15-го) числа. Хорошо, что краковское дѣло приведено къ *первому* концу; но жаль, что и въ семъ случаѣ прусское правительство оказало ту же систему малодушія, которая всегда прорывается и которая приведетъ ихъ къ чему худому. Паленъ пишетъ про разговоръ съ королемъ французскимъ, въ которомъ онъ, говоря про сумасбродныя ругательства и угрозы Англіи, поручилъ мнѣ сказать, что хотя не вѣритъ, чтобъ они могли дѣйствительно на что подобное рѣшиться, но что во всякомъ случаѣ, онъ никогда къ Англіи противъ насъ не пристанетъ. Тѣмъ лучше для него, но и намъ хорошо это знать. Замѣчательно, что въ Англіи *точно* боялись, чтобъ я не сдѣлалъ неожиданно десантъ на ихъ берегъ, и начинаютъ о семъ явно говорить, признаваясь, что за годъ сіе возможно было исполнить безъ всякаго препятствія. Стало, вотъ до чего довело ихъ сумасбродное то правленіе! Вотъ опять новое министерство во Франціи! что за народъ, что за порядокъ вещей, и есть ли тутъ возможность что нибудь путнаго ожидать! Какъ имъ все это не надоѣстъ! Я рѣшился про это вовсе не говорить съ Поццомъ, что его крайне озадачиваетъ. Онъ, какъ кажется, человѣкъ порядочный, а жена его довольно любезная женщина.

Беременность жены моей кончилась весьма благополучно *ничѣмъ*; она поправляется, но должна быть весьма осторож-

ной. Впрочемъ, новаго ничего нѣтъ. Велю баталіонъ, пошедшій въ окрестности Кракова, не раздроблять и вмѣсто 3-хъ ротъ послать всѣ 4. Жена тебѣ кланяется. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. Вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Получено 20-го февраля (3-го марта) 1836 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
15-го (27-го) февраля 1836 г.

Слава Богу! что дѣло краковское пошло въ ходъ, какъ мы того желали; я совершенно одобряю, любезный Иванъ Федоровичъ, всѣ твои распоряженія по сему случаю. Желаніе наше—видѣть австрійцевъ впереди, удачно исполнилось; примѣтно, какъ они лакомы на Краковъ; чего намъ и надо. Нѣтъ сомнѣнія, что во Франціи и въ Англіи будутъ на это кричать. Дургамъ сего не скрываетъ, признавая однако, что другого ничего не оставалось намъ дѣлать, и что мы въ своемъ правѣ.

Раздѣляю мнѣніе твое, что хорошо бы австрійцамъ не торопиться выводить гарнизонъ, но не увѣренъ, чтобъ стало ихъ духу, и по крайней мѣрѣ нужно-бъ было пріискать хорошій предлогъ. Новаго ничего не знаю; посмотримъ, чѣмъ кончится у французовъ ссора съ Америкой, ежели будетъ война, чего признаюсь я понять не могу, то на долго отвлечетъ вниманіе Англіи. Кажется мнѣ, что среди всѣхъ обстоятельстъ, колеблющихъ положеніе Европы, нельзя безъ благодарности Богу и народной гордости взирать на положеніе нашей Матушки Россіи, стоящей какъ столбъ и презирающей лай зависти и злости; платящей добромъ за зло и идущей смѣло, тихо по христіанскимъ правиламъ къ постепеннымъ усовершенствованіямъ, которыя должны изъ нея на долгое время сдѣлать силь-

нѣйшую и счастливѣйшую страну въ мірѣ! Да благословитъ насъ Богъ и устранитъ отъ насъ всякую гордость или кичливость, но укрѣпитъ насъ въ чувствахъ искренней довѣренности и надежды на милосердый промыселъ Божій. А ты, мой отецъ командиръ, продолжай мнѣ всегда быть тѣмъ же вѣрнымъ другомъ и помощникомъ къ достиженію нашихъ благихъ намѣреній. Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

Получено 9-го (21-го) марта 1836 года г. Варшава.

С.-Петербургъ.
2-го (14-го) марта 1836 г.

Долго ждалъ я твоего письма, любезный Иванъ Федоровичъ, которое получилъ только третьяго дня. Продолженіе добрыхъ извѣстій изъ Кракова весьма пріятно. Появленіе наконецъ тамъ и прусскаго войска сдѣлаетъ на Европу самое полезное вліяніе; увидятъ, что союзъ нашъ не разрушенъ, и что наконецъ нѣкоторая рѣшимость появилась вновь въ нашихъ союзникахъ и даже у пруссаковъ. Самое число изгнанныхъ доказываетъ справедлива ли принятая нами мѣра. Ежели дѣйствительно докажется, что Віелочковскій потакалъ и даже самъ участвовалъ въ открытыхъ замыслахъ, слѣдуетъ его судить со всею строгостію и сдѣлать надъ нимъ примѣръ. Все, что В. пишетъ изъ Гамбурга, важно и любопытно; весьма хорошо будетъ, ежели удастся перехватить сихъ мерзавцевъ, но я все сомнѣваюсь, чтобъ тамошнее правительство могло сіе исправно выполнить.

За нѣсколько дней до твоего письма былъ я испуганъ извѣстіемъ объ отчаянной болѣзни Дена; слава Богу, что онъ

спасенъ; такая потеря была-бъ совершенно невозвратима, и все бы дѣло у насъ стало.

Получилъ я предположеніе къ сбору войскъ подъ Вильну; ежели необходимо тамъ, быть такъ; но мнѣ бы весьма желательно было собрать корпусъ подъ Ковной, гдѣ и мѣсто, какъ слышу, удобнѣе, а мнѣ будетъ возможно избавиться отъ Вильны и притворствъ тамъ.

Вотъ я и все высказалъ; здѣсь новаго ничего нѣтъ, стоитъ болѣе недѣли слякоть и зима пропала. Жена тебѣ кланяется; она поправляется. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

До скораго свиданья. Твой на вѣки доброж.

Н.

Петергофъ.
19-го (31-го) марта 1836 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, получилъ я вчера утромъ. Хотя бы желательно было занятіе Кракова долѣе продлить, неловко-бъ было однако противорѣчить нашимъ союзникамъ, когда они рѣшительно настаиваютъ о выводѣ войскъ. Впрочемъ, повидимому чуть ли не лучше сіе будетъ, чѣмъ давать случай новымъ непріятностямъ съ пруссаками, весьма желаю знать, чѣмъ кончится сія ссора; нашъ офицеръ, какъ кажется, ничуть не виновенъ; но понапрасну г. Кауфманъ далъ порученіе нашему офицеру, которое имъ обиднымъ казаться могло. Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Брантъ получилъ приказаніе словесно объясниться по краковскому дѣлу и весьма скромнымъ образомъ; я увѣренъ, что въ Вѣнѣ и Берлинѣ не иначе было, ибо Паленъ пишетъ, что всюду послана та же инструкція; стало, чего имъ было пугаться? Ежели откроются новые заговоры, то необходимо-бъ было, до вывода войскъ, дѣло сіе разобрать и кончить; и иначе

сему конца не будетъ. Жаль мнѣ очень, что Денъ такъ хвораетъ; необходимо послать его на воды и сохранить сего достойнаго человѣка.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ. Твой на вѣки доброж.

Н.

Царское Село.
30-го мая (12-го іюня) 1836 г.

Отвѣчаю на письмо твое, любезный отецъ командиръ, полученное мною денъ пять тому назадъ. Крайне жалѣю болѣзненному состоянію Панкратьева, котораго лично уважаю. Смотрѣть 4-й и 6-й дивизіи мнѣ не достанетъ времени, ибо и безъ того съ трудомъ успѣю довершить свою поѣздку до времени смотра въ Ковнѣ. Но проѣздомъ буду смотрѣть караулы или что успѣю. Данное новое названіе заставамъ въ Прагѣ полякамъ не нравится, тѣмъ лучше; поневолѣ уши ихъ привыкнутъ; хорошо бы велѣть сдѣлать проекты воротамъ симъ въ простомъ, но красивомъ видѣ. Погода стоитъ наконецъ у насъ прекрасная и сегодня же намѣрены мы перебраться въ Петергофъ. Смотры началъ и большею частію былъ доволенъ. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Дургама отвѣтъ здѣшнему англійскому купечеству былъ одобренъ въ Лондонѣ и кажется, что наконецъ или струсили, или начинаютъ образумливаться; пора. Дѣлалъ я пробу наступленія батарей съ огнемъ и удалось очень хорошо; правила, какъ дѣло понимаю, написалъ и пришлю тебѣ на судъ. Полагаю, что съ хорошо образованнымъ войскомъ дѣло будетъ возможное и тогда весьма убійственный огонь долженъ, кажется, произвесть сильное дѣйствіе на непріятеля, сего не ожидающаго и стоящаго на позиціи въ колоннахъ; но, повторяю,

тебѣ отдаю сіе на судъ. За симъ прощай, любезный отецъ командиръ; цѣлую ручки княгинѣ; жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Петергофъ.
19-го іюня (1-го іюля) 1836 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, получилъ я за нѣсколько дней, въ то самое время, какъ принималъ Горчакова; не могъ ранѣе отвѣчать за маневрами, которыми былъ я очень доволенъ. Горчаковъ говоритъ, что удивляется перемѣнѣ, и точно успѣхъ очевиденъ съ году на годъ; надѣюсь и еще до лучшаго довести; ошибки бываютъ еще въ держаніи форпостовъ и въ правильности донесеній, которыя дѣлаются и неясно, и неправильно, такъ что трудно на нихъ основываться. Третьяго дня возилъ я Дургама въ Кронштадтъ съ 10 утра до 6 вечера, все ему показалъ: и флотъ, и крѣпости, и работы; онъ былъ въ восхищеніи, а я заставилъ его положить кирпичъ въ стѣну! вотъ диковина, Дургамъ строилъ батарею противъ самого своего правительства—Дѣло о трактатѣ съ пруссаками у меня теперь на рукахъ; не знаю еще, чѣмъ рѣшится. Новаго ничего нѣтъ, все спокойно и хорошо кромѣ погоды, которая намъ крайне надоѣдаетъ. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Жена моя тебѣ кланяется. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ; вѣрь искренней и неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Петергофъ.
4-го (16-го) іюля 1836 г.

Съ истиннымъ прискорбіемъ узналъ я, любезный Иванъ Федоровичъ, о смерти бѣднаго Панкратьева и считаю ее истинною потерею для службы. Просимое тобою для семейства его я съ удовольствіемъ исполнилъ. Новое злодѣйство въ Парижѣ въ порядкѣ вещей и должно ожидать, что не будетъ послѣднимъ; чѣмъ все это кончится, одному Богу извѣстно!

Не знаю можно ли вѣрить показаніямъ Вернера, ибо сборъ заговорщиковъ въ Баденѣ что-то слишкомъ мнѣ кажется отважнымъ, по извѣстной осторожности австрійской полиціи; развѣ уже и тамъ зло достигло до такой наглости, въ чемъ однако я сомнѣваюсь. Вчера былъ у насъ смотръ флота и честь ботику Петра I-го; на рейдѣ было 26 лин. кораб., 14 фрегатовъ, а всѣхъ 80 воен. судовъ; видъ величественный и все было въ примѣрномъ порядкѣ. Возилъ съ собой иностранныхъ пословъ, и кажется имъ понравилось. Сегодня отправляю сына Константина съ флотомъ въ море на 15 дней; и хотя ему только еще 9 лѣтъ, но оно нужно для подобнаго ремесла начинать съ самыхъ юныхъ лѣтъ; хотя и тяжело намъ, но должно другимъ дать примѣръ. Сегодня также училъ кадетъ, которые съ году на годъ лучше; а вечеромъ буду смотрѣть маневръ артиллеріи въ Красномъ Селѣ. Радуюсь, что ты доволенъ 9-й дивизіей. Въ какомъ-то порядкѣ войска 4-го корпуса? въ особенности кавалерія? Отсутствіе Дена меня безпокоитъ для успѣха работъ по Новогеоргіевску; надѣюсь на тебя, что дѣло не остановится.

Жена тебѣ кланяется и оба благодаримъ тебя за добрую память. Цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Александрія.
2-го (14-го) августа 1836 г.

Долго, любезный отецъ командиръ, не отвѣчалъ я на послѣднее твое письмо; но, за безпрерывными ученьями, маневрами и смотрами, мнѣ едва оставалось время для текущихъ дѣлъ. Начну съ того, что я всѣми и всѣмъ былъ чрезвычайно доволенъ; войска, какъ гвардіи, такъ и гренадерскіе корпуса, представились въ самомъ блестящемъ видѣ; успѣхи столь очевидны, въ особенности въ кавалеріи, что совершенно превзошли всѣ мои ожиданія; 7-я легкая дивизія почти поравнялась съ гвардіей; въ легкой и форпостной службѣ она достигла такого совершенства, что я рѣшительно нигдѣ и ни у кого лучшаго не видалъ; это первая дивизія въ нашей арміи по сей части. Маневры нынѣшняго года были въ особенности тѣмъ замѣчательны, что отъ соединенія болѣе 70 т. войска пространства было болѣе и все интереснѣе; съ другой стороны погода была столь ужасная, что дѣйствительно служить могла повѣркой того, что наши молодцы выносить могутъ; и со всѣмъ этимъ у насъ на 78 т. войска было сегодня только 610 человѣкъ въ госпиталѣ, въ томъ числѣ человѣкъ 20 съ ушибами. Примѣтенъ большой успѣхъ и въ маневрахъ; все дѣлается съ толкомъ, съ умомъ, съ ловкостью, словомъ, почти всегда прекрасно. Вчера при славной погодѣ былъ смотръ всей резервной арміи; въ строю было 80 бат., 85 эскадр. и 240 орудій, всего подъ ружьемъ 70,023 человѣка; и смѣло сказать могу, что лучшаго никогда не видалъ; пѣхота проходила развернутымъ фронтомъ по батальонно на ½ бат. дистанціяхъ, кавалерія по дивизіонно въ галопъ; а артиллерія по 2 батареи рядомъ. Во второй разъ полковыми колоннами; видъ чудесный. Сегодня все расходится, а я пріѣхалъ сюда на выступленіе кадетъ и на отдыхъ. Скоро предстоитъ мнѣ отъѣздъ въ маленькую 4 т. верстную поѣздку.

Чернышевъ воротился, восхищенный всѣмъ, что у тебя

видѣлъ; а я это впередъ зналъ. Горчакова отпускаю къ тебѣ сегодня же. Хороши новыя проказы въ Парижѣ. Не точно ли видна въ этомъ рука Божія? какъ люди довольно слѣпы, чтобъ не вѣрить, что рано или поздно богоотступники низвергнутся! Какой урокъ! неужели никого не излечитъ. Съ Англіей кажется пошло у насъ на ладъ благодаря Дургаму, которымъ я очень доволенъ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ; вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Москва.
12-го августа 1836 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое отъ 5-го (17-го) августа, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое душевно благодарю. Обстоятельство объ оставшемся юнкерѣ принца Оранскаго полка требуетъ строгаго изслѣдованія и примѣрнаго взысканія въ случаѣ справедливости подозрѣнія. Подброшенное воззваніе не заслуживаетъ, кажется, особаго вниманія. Замѣчанія твои на состояніе Замосця справедливы, но не знаю, будетъ ли возможность осушить окружность, кажется труда будетъ много, а успѣхъ сомнителенъ. Я ожидалъ, что ты полкомъ эрцгерцога Фердинанда не будешь доволенъ, вспомни что было въ прошломъ году; надѣюсь, что Павлоградскій будетъ лучше. Но вся эта дивизія изъ худшихъ въ арміи. Дай Богъ, чтобъ хоть пѣхота 4-го корпуса пришла въ порядокъ; каковъ Кайсаровъ, началъ ли заниматься службой? Пора бы, а то не сдобровать ему, не поберегу, ежели не захочетъ знать свое дѣло. Я во всемъ чаду своихъ обычныхъ поѣздокъ; видѣлъ резервъ 3 дивизіи въ Новѣгородѣ въ по-

рядкѣ; въ Подсолнечной всю 16 дивизію, и нашелъ въ ней большой успѣхъ, а сегодня видѣлъ бригаду 17 дивизіи, Тарутинскій полкъ много успѣлъ; всю 6 легкую дивизію съ ея кон. арт. и 16 и 17 арт. бригады, пѣшая артиллерія прекрасна; конная слаба, кавалерія, въ особенности уланы, сдѣлали большіе успѣхи; гусары слабѣе; но все пошло въ ходъ, и я надѣюсь теперь, что черезъ годъ корпусъ будетъ въ отличномъ порядкѣ. Нейдгардтъ много старается и все дѣлаетъ съ толкомъ и умомъ.

Завтра пущаюсь далѣе; что-то Богъ дастъ; погода стоитъ второй день прекрасная. Вѣсти отъ Вернера заслуживаютъ вниманія, и ежели все это оправдается, то онъ заслуживаетъ награжденія.

Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю; твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Чембаръ.
30-го августа 1836 г.

Ты уже узналъ, любезный мой отецъ командиръ, о причинѣ, лишающей меня, къ крайнему моему сожалѣнію, возможности исполнить мою поѣздку къ тебѣ. Полагая, что ты вѣрно будешь безпокоиться о моемъ положеніи, спѣшу тебя увѣрить, что переломъ ключицы мнѣ никакой боли не производитъ; мучаетъ же лишь одна тугая перевязка, но и къ ней начинаю привыкать; впрочемъ, ни лихорадки, ни другихъ какихъ-либо послѣдствій отъ нашей кувырккоелгіи во мнѣ не осталось и я такъ себя чувствую здоровымъ, что могъ бы сейчасъ ѣхать далѣе, еслибъ на бѣду мою не поступилъ въ команду къ Арендту, который толкуетъ, что необходимо остаться на покоѣ для совершеннаго срощенія кости, которое дорогою могло бы разстроиться. Сверхъ того, лишенный спо-

соба сѣсть на лошадь, не было бы мнѣ возможности явиться предъ войсками какъ слѣдуетъ и присутствовать при маневрахъ. При томъ и срокъ сбору войскъ истекъ бы ранѣе, чѣмъ я бы могъ поспѣть; и такъ ничего мнѣ не оставалось, какъ, скрѣпясь сердцемъ, отказаться отъ смотровъ. Въ особенности больно мнѣ лишиться удовольствія видѣть успѣхи нашихъ крѣпостныхъ работъ и не видѣть и сей разъ войскъ 1-го корпуса, равно и собранныхъ при ономъ безсрочно-отпускныхъ. Поручивъ тебѣ замѣнить мой смотръ твоимъ, прошу тебя объявить войскамъ, сколь мнѣ прискорбно лишиться удовольствія ихъ видѣть. Адлербергъ тебя увѣдомилъ, что я разрѣшилъ тебѣ, по окончаніи смотра, представить заслуживающихъ къ награжденіямъ. Съ любопытствомъ буду ждать донесенія твоего о состояніи сихъ войскъ.

Сегодня поутру получилъ я письмо твое отъ 23-го числа. Полагаю, что ты успѣешь еще увѣдомить эрцгерцога Фердинанда объ отмѣнѣ моего прибытія. Въ случаѣ же однако, если онъ будетъ въ Варшавѣ, ты можешь помѣстить его въ Бельведерѣ и окажешь ему всѣ подобающія почести. Разумѣется, что въ квартирѣ его въ день пріѣзда слѣдуетъ нарядить въ почетный караулъ пѣшій эскадронъ со штандартомъ, отъ его полка. Потомъ показывай ему все, что пожелаетъ видѣть.

Извѣстія гишпанскія удивлять могутъ только тѣхъ, которые въ ходѣ сихъ дѣлъ искали иного исхода, чѣмъ тотъ, который въ исторіи всегда заключаетъ подобныя дѣйствія. Конечно, происшествія сіи весьма важны неминуемымъ вліяніемъ на дѣла во Франціи. Уже первое доказательство сей истины явствуетъ изъ перемѣны министровъ. Меня вовсе не удивитъ, если въ скоромъ времени и въ Парижѣ послѣдуетъ потрясеніе, исходъ котораго будетъ зависѣть отъ большей или меньшей вѣрности войскъ, или отъ удачи какого-нибудь новаго Фіеско или Алибо. Положеніе Англіи и Франціи въ отноше-

ніи ихъ безумныхъ трактатовъ въ пользу бывшаго гишпанскаго правительства, получая свое возмездіе, становится столь затруднительнымъ, что я не знаю какъ они изъ онаго выпутаются. Ничто имъ!

Новыя свѣдѣнія, доставленныя Масономъ, весьма любопытны. Надобно ожидать только, въ какой степени все оное оправдается.

Я не могу тебѣ писать своею собственною рукою, ибо за тугостью перевязки не свободно владѣю правою рукою; и требуютъ, чтобы я много не писалъ. За симъ прощай, мой любезный отецъ и командиръ; вѣрь искренней и неизмѣнной моей дружбѣ.

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ.
31-го августа 1836 г.

Ея Императорское Величество Государыня Императрица изволила получить въ продолженіе сего утра двухъ курьеровъ отъ Государя Императора, одного въ 7, а другого въ 10 часовъ.

Они привезли Ея Величеству извѣстіе, что Государь Императоръ, при переѣздѣ изъ города Пензы въ Тамбовъ, не доѣзжая пяти верстъ до города Чембаръ, въ часъ пополуночи 26-го сего августа былъ опрокинутъ въ закрытой коляскѣ и при паденіи на лѣвое плечо переломилъ лѣвую ключицу. Случай сей, благодареніе Всевышнему, не имѣлъ опаснѣйшихъ послѣдствій. Государь Императоръ пѣшкомъ дошелъ до города и тотчасъ послѣ перевязки изволилъ отправить къ Государынѣ Императрицѣ одного, а послѣ кратковременнаго отдыха и другого изъ полученныхъ сего дня курьеровъ, описавъ Ея Величеству въ двухъ весьма подробныхъ собственноручныхъ письмахъ случившееся приключеніе.

Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть соизволила сдѣлать объ ономъ извѣстнымъ вмѣстѣ съ нижеслѣдующимъ врачебнымъ бюллетенемъ лейбъ-медика Арендта и уѣзднаго врача Цвернера:

«При перевязкѣ Государя Императора оказалось, что ключевая кость переломлена косвенно вблизи грудной кости «безъ всякихъ другихъ поврежденій. Переломъ сей есть простой и несложный, и къ скорому и совершенному выздоровленію Его Императорскаго Величества предвидится полная надежда».

«Государь Императоръ, по сдѣланной перевязкѣ, нѣсколько «часовъ покойно почивалъ и, исключая легкой мѣстной боли «въ переломѣ, хорошо себя чувствуетъ».

26-го августа 1836 г.
въ 8 часовъ пополудни.

Подписано: Лейбъ-медикъ Арендтъ.
Уѣздный врачъ Цвернеръ.

Царское Село.
21-го сентября 1836 г.

Князь Лобановъ вручилъ мнѣ письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, и отъ него лично узналъ я, что смотры 1-го корпуса имѣли послѣдствіемъ для тебя простуду, и крайне безпокоюсь, чтобъ усталость и дорога не усугубили бы еще нездоровье твое. Прошу тебя настоятельно поберечься. Сколь ни больно мнѣ, что лишенъ былъ удовольствія видѣть 1-й корпусъ, столь же однако радъ, что ты имѣлъ причину имъ быть довольнымъ. Ежели Богъ поможетъ, то желаю потерянное замѣнить въ будущемъ году. Съ пріѣзда моего сюда, рукѣ моей постепенно становится лучше, но отъ усталости ли, или отъ бывшей боли приходила ко мнѣ всѣ эти дни лихорадка, но

вчера уже слабѣе; силы мои начинаютъ возвращаться и обѣщаютъ, что недѣли черезъ двѣ буду снова годенъ на службу.

Новаго ничего не знаю. Про Гишпанію также; но тутъ скоро многое важное быть должно; и я все полагаю, что отзовется и въ Парижѣ. Болѣе писать не буду, ибо, владѣя одной рукой, крайне неловокъ и скоро устаю. Прощай и вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

Царское Село.
6-го (18-го) октября 1836 г.

Письмо твое отъ 11-го октября получилъ я третьяго дня, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое душевно благодарю, и весьма былъ неожиданно радъ, что ты остался доволенъ войсками 2-го корпуса. Подобные сюрпризы гораздо пріятнѣе, чѣмъ противные, которые однако чаще случаются. По всему видно, что всѣ много стараются, но что кавалерія требуетъ особенныхъ мѣръ! буду ждать твоего по оному представленія. Ты знаешь, что я всегда былъ мысли, что корпусные сборы необходимы, и все для того было готово, даже мѣста избраны; одни обстоятельства сему препятствовали; я и теперь тѣхъ же мыслей и считаю сіи сборы единственнымъ способомъ у насъ держать войска въ должномъ устройствѣ. И на этотъ предметъ ждать буду твоего представленія, какъ полагаешь дѣло настроить. Полезно-бъ было также велѣть осенью заниматься въ гарнизонахъ форпостной службой, о которой понятія у насъ весьма плохія, а съ трудомъ поправляются даже въ гвардіи, гдѣ большое на сіе обращаю вниманіе. Желалъ бы вѣрить тебѣ, что духъ въ Польшѣ поправляется; но, признаюсь, я все еще Фома невѣрющій. Въ поли-

тикѣ новаго ничего не знаю; мы въ ожиданіи происходящаго въ Гишпаніи, теперь случай Донъ-Карлосу исправить свои дѣла солиднымъ образомъ. Жду, что ты мнѣ скажешь про работы по крѣпостямъ? Мнѣ, слава Богу, лучше; прихожу помаленьку въ силы; рука еще слаба и съ трудомъ сижу на лошади, ибо лѣвой рукой не могу править, и на рысяхъ плечу чувствительно. Здѣсь все тихо и смирно; сына занимаю командою малыхъ отрядовъ на маневрахъ, и идетъ порядочно. Жена моя тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Царское Село.
24-го октября (5-го ноября) 1836 г.

Письмо твое отъ 15-го (27-го) числа получилъ я тому пять дней, любезный Иванъ Федоровичъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ читалъ я отчетъ твой объ осмотрѣ крѣпостей и тѣхъ невѣроятныхъ успѣховъ, кои вновь въ сіе лѣто оказаны по всѣмъ работамъ. Но признаюсь, что чувство сожалѣнія, что сей годъ лишенъ былъ удовольствія самъ всему любоваться, примѣшалось къ радости. Прими вновь искреннюю мою благодарность за постоянное неусыпное твое попеченіе о семъ предметѣ, который оба мы считаемъ столь важнымъ. Теперь съ радостію предвидѣть можно близкое окончаніе сихъ огромныхъ работъ.

Ранѣе бы отвѣчалъ на письмо твое, ежели-бъ не былъ занятъ подробнымъ разсмотромъ присланныхъ плановъ, что кончилъ только сегодня утромъ. Разрѣшилъ почти всѣ твои вопросы, остались только такіе, для рѣшенія которыхъ нужны мнѣ дополнительныя свѣдѣнія и чертежи. Надо будетъ при-

нять правиломъ оригинальные конфирмованные планы хранить здѣсь въ общемъ инженеръ-архивѣ, по положенію, оставляя на мѣстахъ вѣрныя копіи. Симъ и облегчится мнѣ работа. О сборѣ по корпусамъ я далъ разрѣшеніе. Для второго предлагаю Орелъ; гдѣ мѣсто весьма удобное и дешево обойдется. Кавалерія будетъ на мѣстѣ, и ежели нужно квартиры, пѣхоту можно будетъ передвинуть болѣе въ глубь. Атестатъ твой духу поляковъ столь одинаковъ съ моимъ мнѣніемъ на ихъ счетъ, что не нужно о семъ болѣе распространяться, но необходимо за ними бдительно слѣдить. Смотромъ гвард. кавалеріи и всей артиллеріи былъ я весьма доволенъ; обѣ части въ блестящемъ порядкѣ; но пѣхотой, къ удивленію и сожалѣнію, кромѣ егерей, финляндскихъ саперъ и образцовыхъ, былъ крайне недоволенъ; назначилъ вторичные строгіе смотры, и начинаютъ приходить въ порядокъ, но крѣпко опустились, за что и была по заслугамъ громкая смывка. Политическаго новаго ничего нѣтъ. Все ждемъ, что будетъ въ Гишпаніи; между тѣмъ написалъ въ Вѣну и Берлинъ мою исповѣдь, какъ *нынѣ* намъ дѣйствовать слѣдуетъ; посмотримъ, что отвѣчать будутъ. Дургамъ смиренъ, а я принудилъ его признаться, что нельзя было хуже и несправедливѣе дѣйствовать, чѣмъ дѣйствовало его правительство. Каково?

Жена моя тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Царское Село.
3-го (15-го) ноября 1836 г.

Вчера утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, и извѣстіе о появленіи у насъ холеры; хотя

должно было сего ожидать, но, признаюсь, появленіе ея вновь невольно печалитъ. Да будетъ воля Божія; мѣры тобой принятыя, примѣрны и я ихъ же далъ въ руководство здѣсь; прочее въ рукахъ Божіихъ. Новаго отсюда ничего не имѣю сказать. На-дняхъ смотрѣлъ образцовый кавалерійскій полкъ и смѣло сказать могу, что онъ вполнѣ достоинъ своего званія и назначенія; остается желать только, чтобъ правила, въ немъ введенныя, исправно передавали въ арміи, что не всегда строго соблюдается.

Скорый пріѣздъ Михайлы Павловича вмѣсто радости намъ скорѣе въ горе, ибо возвращается, не кончивъ леченія своего, которое вновь начинать придется, ежели, какъ полагать должно, не перемѣнитъ здѣсь своего образа жизни и дурныхъ привычекъ. Мы все истощили, чтобъ его удержать отъ сего намѣренія, но его нравъ такой, что трудно его переспорить. Изъ Гишпаніи ничего новаго не знаемъ; ждемъ, чѣмъ кончится прогулка Гомеса и осада Бильбао! Доколь Донъ Карлосъ не въ Мадритѣ, дѣло нельзя считать конченнымъ; но кажется болѣе чѣмъ когда надежды на успѣхъ правой стороны.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Мнѣ лучше, но рука еще слаба, и я ею мало владѣю. Прощай, любезный отецъ командиръ; вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) ноября 1836 г.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо твое 8-го (20-го) ноября, любезный Иванъ Федоровичъ. Слава Богу, что успѣхъ болѣзни холеры не такъ скоръ, какъ сего опасаться долженствовали и дай Боже, чтобъ далѣе не распространялась. Ежели

уже чувствуютъ многіе разстройство желудка и въ Варшавѣ, то все опасаться должно, что она позднѣе, но придетъ. Прошу тебя настоятельно беречься и помнить, что ты часто желудкомъ жалуешься.

Венгерскія новости крайне непріятны; признаюсь, при нынѣшнемъ положеніи управленія Австріею, ни что меня столько не безпокоитъ, какъ расположеніе Венгріи; уже покойный Императоръ мнѣ говорилъ, что не знаетъ, чѣмъ все это въ семъ краѣ кончится и что во всякомъ случаѣ онъ правъ своихъ не дастъ нарушить, и хотя и силою оружія, но не уступитъ. Но для сего нужна была его твердость, его умъ и всеобщая къ нему любовь, а нынѣ, ежели личная привязанность къ лицу Императора и существуетъ, но за то всякій знаетъ, кто его именемъ правитъ, и къ этимъ лицамъ можетъ ли быть довѣріе и любовь, какъ подобаетъ отъ подданныхъ къ Государю! Страшно.

Ты хорошо сдѣлалъ, что купилъ помѣстье близъ Новогеоргіевска; теперь подумать надо, кѣмъ и какъ заселять. Про Гишпанію мы новаго ничего не знаемъ; дай Боже твердости Донъ Карлосу. Въ числѣ лицъ, коимъ я роздалъ маіораты въ Польшѣ, забылъ я графа Толя, у котораго ничего нѣтъ; вели приготовить декретъ о назначеніи ему на общемъ основаніи таковаго цѣною выше Ридигера. Здѣсь новаго ничего нѣтъ; зима не установляется, хотя ледъ идетъ по рѣкѣ уже третій день. Силы мои возвращаются, но рука чувствуетъ погоду. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ. Цѣлую ручки княгинѣ; жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) декабря 1836 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 2-го (14-го) числа и благодарю искренно за поздравленіе со днемъ моего ангела. Слава Богу, что холера не усиливается и что въ войскѣ не дѣлаетъ потерь. На-дняхъ рѣшилъ я укомплектовать 1-й и 4-й корпуса не одними рекрутами, но ротами, взятыми изъ войскъ 6-го корпуса; симъ способомъ войска на границѣ пополнятся людьми уже ко фронту готовыми; и рекруты сберегутся отъ дальняго похода, и время не потеряется къ ихъ обученію; 6-й же корпусъ въ свою очередь получитъ здоровыхъ, сбереженныхъ и красивыхъ людей. Завтра смотрю здѣсь находящихся безсрочныхъ. На-дняхъ назначенныя во флотъ партіи польскихъ рекрутъ здѣсь проходили, я ихъ смотрѣлъ и нашелъ весьма порядочными, хотя довольно мелкими. Присылаю тебѣ письмо Гуровскаго съ запиской Бенкендорфу, содержаніе коихъ весьма любопытно; есть много мыслей отмѣнно хорошихъ и справедливыхъ, отчасти уже исполненныхъ, исполняющихся или имѣющихся у насъ въ виду. Давалъ читать Сперанскому и прилагаю и его замѣчанія съ моими отмѣтками; прошу сообщить мнѣ свое мнѣніе; но странно и смѣшно читать все это, ежели вспомнить, что былъ Гуровскій. Теперь онъ тихъ, скроменъ и ведетъ себя очень хорошо.

Дай Богъ, чтобъ Гишпанская вѣсть подтвердилась, но сего еще недостаточно, чтобъ считать дѣло конченнымъ, и крайне опасаться надо, чтобъ слабость Карла V къ попамъ и іезуитамъ не повредила болѣе ему, чѣмъ оружіе христіаносовъ.

Здѣсь все тихо и хорошо; новаго ничего нѣтъ; зима у насъ самая непостоянная и разъ только доходило до 10 градусовъ. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ. Твой на вѣки доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
26-го декабря 1836 г. (7-го генваря 1837 г.).

Вчера вечеромъ получилъ я письмо твое отъ 20-го числа, любезный отецъ командиръ, за которое сердечно благодарю; радъ, ежели дома въ Гомелѣ тебѣ приходятся. Весьма благодарю за присылку новаго вида Новогеоргіевска; весело видѣть, какъ работы растутъ; но пріятнѣе будетъ мнѣ еще болѣе, когда на мѣстѣ ими любоваться буду. Возвращаю тебѣ записку твою съ замѣчаніями на Гуровскаго сочиненіе; я отмѣтилъ свое мнѣніе противъ каждой изъ твоихъ статей; предоставляю тебѣ, можно ли по оному исполнить. Въ газетѣ Петербургской ты прочтешь извѣстіе о новой мерзости англичанъ, но которая обратилась къ ихъ стыду и докажетъ Европѣ, что мы не боимся поддерживать наши права; но нѣтъ сомнѣнія, что много будетъ шуму, на который я не намѣренъ иначе отвѣчать, какъ совершеннымъ молчаніемъ и презрѣніемъ. Надо признаться, что гаже ничего и вообразить нельзя, какъ поведеніе нынѣшняго англинскаго министерства. Даже французамъ, ихъ мнимымъ друзьямъ, несносны стали, и Louis Philippe явно жалуется на пронырство ихъ въ революціонномъ смыслѣ противъ него и очень опасается ихъ дурного вліянія на камеры. Ничто имъ, рука Божія тутъ видна. Мы же будемъ продолжать устроиваться и будемъ готовы, ежели опредѣлено Свыше намъ войти въ борьбу съ гидрой революціонной. Здѣсь новаго ничего нѣтъ, все тихо, спокойно и весело; зима установилась и русская; одного только снѣгу весьма мало. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

№ 34.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1837 годъ.

(16 писемъ.)

С.-Петербургъ.
14-го (26-го) генваря 1837 г.

Письмо твое отъ 5-го (17-го) генваря получилъ я сегодня, любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю. Слава Богу, кажется, что вы отъ холеры почти отдѣлались, и на сей разъ потери незначительны. Мысль твоя объ устройствѣ экстра-почты въ Одессу я нахожу весьма полезною и разрѣшу къ сему приступить. Съ удовольствіемъ узналъ я, что посвященіе варшавскаго епископа произвело хорошее впечатлѣніе; сколь ни нелѣпы были слухи, распускаемые на счетъ мнимыхъ намѣреній нашихъ обратить ихъ къ нашему исповѣданію, хорошо однако симъ дать имъ формальный démenti, полагаю однако, что со временемъ хорошо будетъ подчинить всю католическую церковь въ Россіи и Польшѣ одному митрополиту, дабы въ семъ отношеніи сдѣлать сліяніе

сильнѣе и легче находить достойныя лица на замѣщеніе сей важной должности. Здѣсь епископъ Павловскій—человѣкъ почти русскій и предостойный; я его прочу въ митрополиты. Буду ждать представленій отъ тебя къ исполненію условленныхъ статей на возвращенной къ тебѣ запискѣ; можно бы начать съ переименованія палатинатовъ губерніями, а президентовъ губернаторами. Другая важная мѣра, которую считаю нужною, есть та, чтобъ и въ Польшѣ устроить военный резервъ изъ людей, выслужившихъ 15 лѣтъ и возвращающихся домой съ правомъ отставки; не трогая онаго права, нужно-бъ было только постановить, что всѣ *конскрипты* по прослуженіи въ войскахъ 15 лѣтъ и по возвращеніи изъ службы домой обязаны на случай войны въ теченіе десяти послѣдующихъ лѣтъ явиться по востребованію на службу, не лишаясь никакъ права считать себя, какъ и прежде, свободными избирать всякій родъ жизни. Симъ способомъ будемъ имѣть близко по границѣ резервъ, который на случай войны въ самое короткое время можетъ быть собранъ и поступить на пополненіе рядовъ въ корпусѣ, въ Польшѣ расположенномъ, и сверхъ того выведетъ изъ края всѣхъ людей, привыкшихъ къ оружію, что будетъ вящшимъ залогомъ тишины. Обдумай сію мысль и сообщи мнѣ свое заключеніе.

Ежели вѣсть о смерти Донъ Карлоса справедлива, то вѣроятно конецъ всѣмъ надеждамъ на возстановленіе законнаго порядка въ Гишпаніи. Наглость англичанъ превосходитъ вѣроятіе, и не понимаю, какъ далѣе сіе терпѣть можно, себя не унижая. Новаго у насъ ничего нѣтъ; пріѣздъ брата жены не принесъ перемѣнъ въ спокойномъ образѣ нашей жизни, ибо вотъ уже пять недѣль, что жена моя болѣе или менѣе все нездорова; грипъ здѣсь всѣхъ перебираетъ. У меня нѣтъ здѣсь плановъ нашихъ строющихся крѣпостей, хорошо бы велѣть ихъ оригиналы прислать сюда на храненіе. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно тебя обнимаю; прощай, лю-

безный отецъ командиръ, вѣрь искренней моей неизмѣнной дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

С.-Петербургъ.
4-го (16-го) февраля 1837 г.

Любезный отецъ командиръ, письмо твое, отъ 27-го генваря, получилъ я уже нѣсколько дней тому назадъ, за которое благодарю. Я согласенъ съ тобой, что мѣру о безсрочно отпускныхъ можно будетъ нынѣ не публиковать, но считать между нами предварительно условленною, впредь до нужды къ исполненію. Когда же число оныхъ прибавится, надо будетъ однако за ними устроить такой же контроль, какъ въ Россіи, дабы всегда знать, гдѣ они, и въ особенности не перепускать за границу. О митрополитѣ попытаюсь расшевелить папу, но не знаю, какъ удастся исполнить, ибо даже на переносъ названія съ Могилева въ Вильну трудно. Третьяго дня неожиданно и ночью далъ я приказаніе всему гарнизону быть на другое утро готовымъ къ смотру въ полной походной формѣ и съ обозами; къ удовольствію, всѣ явились въ отличной исправности; обозы, хотя не щеголеваты и даже посредственны, однако явились въ полномъ числѣ. Сюрпризъ былъ для *всѣхъ* совершенный и всѣхъ до крайности изумилъ; но мнѣ этого и надобно было, чтобы удостовѣриться, что все въ должномъ порядкѣ. На-дняхъ то же намѣреваюсь повторить съ загородною кавалеріею. Впрочемъ, здѣсь все тихо, и одна трагическая смерть Пушкина занимаетъ публику и служитъ пищей разнымъ глупымъ толкамъ. Онъ умеръ отъ раны за дерзкую и глупую картель, имъ же писанную, но, слава Бога, умеръ христіаниномъ. Много хлопотъ намъ надѣлала пре-

глупѣйшая статья въ варшавской польской газетѣ, что прошу унять впередъ; подозрѣваю, не Козловскій ли это затѣялъ? Ты мнѣ не отвѣчалъ еще на счетъ того, что считаю временемъ нынѣ переименовать палатинаты въ губерніи; вели приготовить о томъ декреты и мнѣ прислать; нечего далѣе откладывать, хотя и поморщатся. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ; сынъ Людовика Филиппа, говорятъ, будто ссорится съ отцомъ, что измѣняетъ революціонной системѣ; хорошъ Митрофанушка, надѣлаетъ проказъ! Женѣ моей отъ проклятаго грипа немного лучше, она тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброжелательн.

Н.

С.-Петербургъ.
22-го февраля (6-го марта) 1837 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 17-го февраля (1-го марта). Проектъ декрета о переименованіи воеводствъ въ губерніи я утвердилъ, равно какъ и мнѣніе твое на счетъ присылки сюда учениковъ въ учителя. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что угостилъ Лондондери и жену его; полезно, чтобъ впечатлѣнія, которыя у нихъ останутся о всемъ у насъ видѣнномъ, были имъ пріятны; и радъ, что поляки отъ него тѣ же слышали истины, которыя отъ насъ имъ твердятъ. Ты хорошо сдѣлалъ, что глупую газету уничтожилъ; этимъ всѣ толки кончатся. Приведеніе къ окончанію полковыхъ обозовъ дѣло прекрасное, за которое весьма благодарю. Здѣсь продолжаются наши полковые смотры, и всѣми видѣнными я былъ очень доволенъ; равномѣрно и практическіе походы приносятъ видимую пользу, ибо Павловскій полкъ имѣлъ 2, а Финляндскій полкъ пять

больныхъ въ теченіе *11 сутокъ!* тогда какъ здѣсь стоя менѣе пяти въ сутки почти никогда не заболѣваетъ. Мнѣніе твое о Пушкинѣ я совершенно раздѣляю и про него можно справедливо сказать, что въ немъ оплакивается *будущее*, а не *прошедшее*. Впрочемъ, всѣ толки про это дѣло, какъ и все на свѣтѣ, проходятъ; а судъ идетъ своимъ порядкомъ. Новаго въ политикѣ ничего нѣтъ; кажется, что наше дѣло идетъ на мировую; отчего? оттого ли, что дѣло наше слишкомъ чисто, чтобъ придраться было можно, или же, что вѣроятнѣе, они не могутъ начать спору—право не знаю. Дургамомъ продолжаю я быть очень довольнымъ. Кажется ихъ министерство стоитъ плохо и они съ Франціею въ разладѣ; это и изъ словъ Дургама можно ясно понимать, онъ на нихъ крѣпко золъ.

Слава Богу, женѣ моей лучше, она тебѣ кланяется; мы среди баловъ и маскарадовъ, и въ городѣ только и слышно. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю; прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки искренно доброжелательн.

Н.

С.-Петербургъ.
10-го (22-го) марта 1837 г.

Любезный отецъ командиръ, спѣшу тебя предварить, что братъ жены моей принцъ Карлъ, отъѣзжая отсюда обратно въ Берлинъ, въ будущій четвергъ, т. е. 19-го марта (1-го апрѣля), намѣренъ направить путь свой чрезъ Динабургъ, Ковно въ Новогеоргіевскъ. Онъ просилъ меня, чтобъ никого не высылали къ нему для сопровожденія по Царству, довольствуясь даннымъ ему фельдъегеремъ. Желаю, чтобъ ты, ежели возможно, показалъ ему крѣпость и производимыя работы. Онъ желаетъ вовсе въ Варшавѣ не останавливаться,

спѣша возвращеніемъ, и потому проситъ переправиться чрезъ Вислу у Кутно и по новому шоссе подъѣхать прямо къ Александровской цитадели, которую видѣть желаетъ, гдѣ перемѣнивъ лошадей, поѣдетъ сейчасъ далѣе на Познань. Такъ какъ ты его увидишь въ Новогеоргіевскѣ, то условишься съ нимъ, будетъ ли ему время смотрѣть гарнизонъ Варшавы. Онъ настоятельно проситъ, чтобъ нигдѣ его съ почестями не принимали, что и вели исполнить, кромѣ Новогеоргіевска, гдѣ приготовить у квартиры караулъ по уставу. Всѣ эти дни былъ я въ большомъ горѣ, бѣдный Бенкендорфъ былъ совершенно при смерти боленъ воспаленіемъ кишокъ; но, Бога благодарю, со вчерашняго вечера ему легче и начинаемъ надѣяться его спасти; признаюсь это меня крайне сокрушало. Про дѣло *Викина* ни духу, ни слуху и кажется поставимъ на своемъ безъ драки; но покуда у меня все готово. Надняхъ былъ въ Кронштадтѣ, гдѣ изъ всѣхъ батарей производилась практическая стрѣльба; всего въ огнѣ было 304 орудія; и прелестнѣе картины и утѣшительнѣе по достиженной цѣли видѣть нельзя; точный адъ, и я оглохъ; менѣе чѣмъ въ 20 минутъ всѣ щиты, въ половину меньше длины корабля, были совершенно сбиты. Впрочемъ, все у насъ тихо и хорошо, а новаго ничего нѣтъ. Жена моя, слава Богу, поправляется; она тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ и тебя сердечно обнимаю. Прощай, любезный отецъ командиръ; вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ. До скораго свиданья.

Твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
19-го (31-го) марта 1837 г.

Письмо твое отъ 10-го (22-го) получилъ я за три дня, любезный Иванъ Федоровичъ, за которое весьма благодарю. Не

удивляюсь, что полякамъ не полюбилось переименованіе губерній по новому, а еще менѣе меня удивляетъ новое открытіе заговора между студентовъ; не вѣривъ никогда мнимой тишинѣ края, раздѣляю мысль твою, что вѣроятно одно открытіе приведетъ къ другому. Слава Богу, что въ Пруссіи наконецъ очнулись, давно было пора тебя поблагодарить за истины, которыя для насъ были очевидны. Весьма любопытно знать, что они сдѣлаютъ теперь съ изобличенными по Бреславлю. Бѣдный принцъ Карлъ столь сильно зашибъ ногу, что не въ состояніи отправиться въ путь ранѣе осьми дней; вѣроятно онъ тебя уже не застанетъ въ Варшавѣ; вели к. Горчакову его встрѣтить и сопровождать. Новаго здѣсь ничего нѣтъ; Бенкендорфу гораздо лучше; онъ насъ крѣпко перепугалъ. Изъ Англіи все ничего и по слухамъ все пойдетъ на мировую; впрочемъ, на все мы готовы безъ опасенія. Кажется во Франціи дѣла становятся все хуже и хуже, такъ что близко къ новому перевороту; въ этомъ даже сознается и самъ Меттернихъ; теперь спрашиваю, стоило ли жертвовать нашими правилами, признавая безбожный порядокъ вещей, который никогда устоять не могъ, и не долженъ былъ, и какъ бы признаніемъ нашимъ сопричисляться къ числу ежели не участниковъ зла, то по крайней мѣрѣ къ оному равнодушныхъ; никогда этого не понималъ и не пойму. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю; прощай, любезный мой отецъ командиръ; до скораго свиданья.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
30-го мая (11-го іюня) 1837 года.

Третьяго дня вечеромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, изъ Бобруйска. Очень радъ, что войсками

ты былъ доволенъ; надѣюсь, что то же будетъ и съ прочими. Съ отъѣзда твоего новаго ничего у насъ не было. Дургамъ отправился на Ижорѣ въ Стокгольмъ. Послѣднимъ моимъ съ нимъ разговоромъ я былъ очень доволенъ; ежели онъ выполнитъ, что мнѣ говорилъ, то честь ему, и можно надѣяться покоя для Англіи и для Европы; но весь вопросъ въ томъ, не ошибается ли въ надеждахъ своихъ быть первымъ министромъ; и ежели это и сбудется, то можетъ ли однимъ своимъ вліяніемъ остановить революцію! Но намъ все равно; и хорошо, гдѣ-бъ онъ ни былъ, знать, что онъ о насъ право судитъ. Погода намъ нѣсколько измѣнила и два дня шли проливные дожди, которые испортили намъ очень здѣсь учебныя поля! вчера въ глубокой грязи училъ моихъ кирасиръ и гусаръ, и послѣдними былъ отмѣнно доволенъ. Послѣ завтра сбираемся въ Петергофъ; и тутъ-то начнется моя *передряга*; покоя будетъ не много. Ты же, мой отецъ командиръ, покупайся и попей; и будь совершенно здоровъ и бодръ, сего искренно желаетъ тебѣ душевно любящій.

Н.

Александрія.
11-го (23-го) іюня 1837 г.

Письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 3-го (15-го) я получилъ три дня тому назадъ, за которое искренно благодарю. Мнѣ весьма пріятно было узнать, что ты имѣлъ причину быть довольнымъ видѣнными войсками; надѣюсь, что то же услышу про смотръ остальныхъ. Показанія выходца любопытны, ежели это не выдумка; на всякій случай я сообщилъ все это въ Вѣну, Берлинъ и даже въ Лондонъ, гдѣ велѣлъ сдать на руки Дургаму. Говорятъ, король при смерти боленъ; ежели толь важная будетъ минута, и (то?) любопытно знать, какой системы будетъ молодая королева. Вотъ и Ган-

новеръ отдѣлится отъ Англіи, это не мѣшаетъ, ежели только герцогъ Кумберландскій не слишкомъ круто за нихъ примется, духъ въ томъ краѣ весьма дурной. Странны извѣстія о финансовомъ или, правильнѣе сказать, о коммерческомъ положеніи Американскихъ Штатовъ. Въ письмѣ Штиглицу пишутъ, что до 700 домовъ обанкрутились, и что правительство разрѣшило признать на годъ банкрутъ общій дѣйствительнымъ. Это не можетъ не отдаться и въ Англіи. Намъ дѣла до этого нѣтъ, развѣ только торговля будетъ потише. Новаго, впрочемъ, у насъ ничего нѣтъ, и будемъ съ 14-го числа въ шумѣ маневровъ. Погода наконецъ лѣтняя и можно сказать чудесная. Отъ сына имѣю хорошія извѣстія изъ Екатеринбурга. Княгиню видѣлъ я въ городѣ, равно и княжну; обѣ здоровы и княгиня говорила мнѣ, что чувствуетъ себя гораздо лучше. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Записка о состояніи банка весьма удовлетворительна.

Александрія близъ Петергофа.
19-го іюня (1-го іюля) 1837 г.

Въ самую минуту окончанія 11-часнаго маневра получилъ я письмо твое, любезный Иванъ Федоровичъ, отъ 11-го 23-го числа. Радуюсь, что ты большей частію войскъ могъ быть доволенъ. Но прискорбно весьма, что вновь холера посѣтила край; ежели она усилится, то благоразумнѣе будетъ не сбирать корпусъ подъ Варшаву и отложить смотръ мой; хотя мнѣ сіе будетъ весьма непріятно, но нечего дѣлать. Ты самъ рѣши, когда время настанетъ и меня увѣдоми. Маневрами я былъ очень доволенъ; въ первый разъ отдѣльнымъ корпусомъ командовалъ генералъ-лейтенантъ Ланской, и столь

отлично, что можно въ немъ ожидать прекраснаго офицера; напротивъ, г.-л. Берниковъ какъ бы съ ума сошелъ отъ одной мысли, что ему поручено командовать, и рѣшительно отъ сего отказался. Погода намъ очень не благопріятствовала, ибо было весьма холодно, но солдатамъ хорошо было и вновь славно ходили. Король англійскій умеръ, и королева Викторія въ Англіи и король Ганноверскій воцарились. Что изъ этого будетъ? не знаю. Шлю Орлова въ Лондонъ, подъ предлогомъ поздравленія, все это разчухать. Впрочемъ, новаго ничего не знаю. Михаила Павловича ждемъ недѣли чрезъ двѣ изъ Голландіи. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой искренно доброж.

Н.

Получено 20-го іюля (2-го (sic) августа) 1837 года.

Александрія.
16-го (28-го) іюля 1837 года.

Благодарю тебя, любезный отецъ командиръ, за два твои письма; послѣднее изъ Теплица и вчера полученное изъ Варшавы. Мнѣ крайне больно, что холера принудила меня еще разъ лишиться удовольствія видѣть 4-й корпусъ; но нечего дѣлать, и рисковать заразить весь корпусъ изъ одной сей причины было-бъ безразсудно. Полагаю рѣшить съ тобой въ Ковнѣ, ѣхать ли мнѣ въ Ново-Георгіевскъ и Варшаву, или нѣтъ, ибо признаюсь, со всѣмъ моимъ желаніемъ полюбоваться успѣхами работъ, мысль, что не увижу корпуса, меня огорчаетъ, и можетъ и войску показаться страннымъ. Выигранное чрезъ сіе время полагаю я употребить съ пользою, прибавя день на пребываніе съ 1-мъ корпусомъ, и потомъ посѣтивъ Вильну и Бобруйскъ, гдѣ я 8 лѣтъ какъ не былъ; мнѣ и тамъ

побывать будетъ хорошо. Здѣсь у насъ все хорошо. Войсками я отмѣнно доволенъ и усердіемъ не нахвалюсь. Слава Богу Михайло Павловичъ къ намъ воротился и совершенно здоровый, бодрый и веселый. Дай-то Богъ, чтобъ не повредилъ себѣ лишнимъ усердіемъ. Прошу и тебя настоятельно поберечь свое здоровье и помнить, что послѣ водъ особенно нужна осторожность. Съ понедѣльника начнутся у насъ большіе маневры на новомъ мѣстѣ и большомъ протяженіи и продлятся пять дней; будетъ весьма любопытно: 3 полка 1-й и вся 3-я гренадерская дивизіи будутъ въ маневрѣ участвовать; о послѣдующемъ тебѣ напишу. Изъ Пруссіи ѣдутъ къ тебѣ принцы Августъ и Адальбертъ для отправленія въ Вознесенскъ; вели имъ все показать и перваго принять со всѣми почестями, какъ королевскому двоюродному брату. Къ нему назначилъ я г.-м. Киля отъ себя, а ты ему придай полковника Безака, который пусть ему сопутствуетъ и въ Вознесенскъ. Новаго ничего не знаю въ политикѣ и жду Орлова, черезъ него многое узнаемъ. Бенкендорфъ ко мнѣ прибылъ, но, къ крайнему моему прискорбію, слишкомъ слабъ, чтобъ мнѣ сопутствовать, тогда какъ никогда бы мнѣ столь нуженъ не былъ, какъ нынѣ. Нечего дѣлать, терпѣть надо. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Динабургъ.
2-го августа 1837 г.

По пріѣздѣ моемъ сюда, нашелъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю. Радуюсь, что ты доволенъ былъ 1-мъ корпусомъ и самъ очень любопытенъ ихъ видѣть; здѣсь видѣлъ я только одни караулы

полка п. Вильгельма, въ отличномъ порядкѣ. Жаль мнѣ очень, что въ Варшаву мнѣ не попасть; нечего дѣлать; боюсь, чтобъ и въ Ковнѣ не расплодилась, ежели жары продлятся; партія рекрутъ остановлена въ 10 верстахъ, и покуда еще здѣсь холеры нѣтъ; но жара несносная. Завтра располагаю сдѣлать смотръ дивизіи, а послѣ завтра ей же ученье. По крѣпости ходилъ и былъ весьма доволенъ; завтра вечеромъ полагаю смотрѣть тетъ де понъ и прочее и въ ночь съ 4-го на 5-е быть въ Ковнѣ. Такъ какъ я буду ночью, то не вели ставить караула; смотръ же сдѣлаемъ 5-го утромъ.

До скораго свиданья, твой на вѣки доброж.

Н.

Ахалцыхъ!!!
1-го (13-го) октября 1837 г.

Богъ сподобилъ меня быть здѣсь и удивляться на мѣстѣ тому, чему по описанію досель дивился. Съ какимъ чувствомъ я сюда прибылъ и все видѣлъ, ты вѣрно самъ догадываешься, любезный мой отецъ командиръ, и повѣришь, что первая моя мысль былъ *ты*. Генералъ Эспехо мнѣ на мѣстѣ все объяснилъ, завтра же осмотрю подробно крѣпость, ибо сегодня сумерки помѣшали. Прими еще разъ отъ меня, изъ самаго мѣста пріобрѣтенной тобой славы, мое искреннее душевное *спасибо*. Часть героевъ твоихъ подчиненныхъ я успѣлъ видѣть; въ Геленджикѣ Тунгинскій, Новочинскій и 2 бат. Кабардинскаго полка, а здѣсь дорогой отличную 4 грен. роту Грузинскаго полка и 5 ротъ Эриванскаго. По возможности войска весьма чисто одѣты и порядочно выставлены; но иное должно и могло быть лучше. Меня вездѣ принимаютъ весьма радушно. Вездѣ дворянство молодцы, у меня въ караулѣ и въ конвоѣ, а сегодня были турки и армяне. Народъ здѣсь меня принялъ очень радушно. Новый городъ очень хорошо строится.

Дорога сдѣлана сюда чрезъ Боржомское ущелье отличная, такъ что почти вездѣ двѣ четверки рядомъ могутъ ѣхать, и какъ по шоссе. Завтра намѣренъ я ѣхать ночевать въ Ахалкалаки. Найденный мной здѣсь гостинецъ прошу отъ меня вручить второй твоей дочери. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Тифлисъ.
11-го октября 1837 г.

Пріѣхавъ сюда, нашелъ здѣсь письмо твое, любезный отецъ командиръ, отъ 15-го сентября, здѣсь меня ожидавшее; и черезъ нѣсколько часовъ получилъ и другое отъ 24-го числа; за оба душевно тебя благодарю. Успѣхи по работамъ крѣпостей меня истинно радуютъ, а тебѣ должны служить утѣшеніемъ, ибо служатъ доказательствомъ, что совершенный успѣхъ увѣнчаетъ твои непрестанныя заботы. Желалъ бы то же сказать о здѣшнемъ. Но, къ несчастію, *совсѣмъ противное.* Отдаю полную справедливость б. Розену за его усердіе и добрыя намѣренія и мысли, должно сознаться, что его непомѣрная слабость и недостатокъ способностей сему краю *въ прямой вредъ.* Неудовольствія, и справедливыя, на кучу притѣсненій, злоупотребленій и почти грабежей, сыплются; вопль на неправосудіе присутственныхъ мѣстъ, на самопроизвольность властей почти вездѣ общій. Въ войскахъ они также дошли до крайности. Словомъ, нѣтъ части, гдѣ-бъ не было крайности! Бѣдный Розенъ всѣми поставленъ въ дураки. Такъ оно остаться не можетъ. Сегодня для примѣра, при разводѣ, за открытыя мной неслыханныя мерзости въ Эриванскомъ полку, я снялъ публично эполеты и аксельбантъ съ ф.-а. и полкового командира князя Дадіяна и, арестовавъ, отправилъ въ

Бобруйскъ подъ военный судъ. Примѣръ сей строгой справедливости тѣмъ болѣе всѣхъ поразилъ, что тутъ же сей аксельбантъ я передалъ на сына Розена, а вчера на смотру артиллеріи, которую нашелъ въ превосходномъ состояніи, далъ Анненскую ленту г.-м. Козляинову. Но по гражданской части разводовъ нѣтъ, да я и не знаю съ кого начать. Полагаю, что Розенъ самъ попросится прочь, а я его не удержу. Надо знать впередъ, кѣмъ его прилично и надежно замѣнить можно, и потому обращаюсь къ тебѣ съ вопросомъ, кого совѣтуешь мнѣ назначить? У меня въ виду теперь только одинъ Головинъ; думаешь ли, чтобъ былъ онъ на сіе совершенно способенъ; и ежели такъ, то кѣмъ мнѣ его замѣнить у тебя? вопросъ важный и который не умѣю разрѣшить. Поспѣши мнѣ отвѣтомъ. Что твоя память здѣсь у всѣхъ, нечего и говорить. Мухамедъ тоже просится прочь въ Россію; но я его постараюсь удержать. Впрочемъ, меня здѣсь всѣ сословія и всѣ народы принимаютъ по московски, и я не могу ими нахвалиться. Городъ удивительно строится и растетъ. Розену удалось одно и въ совершенствѣ; это устройство дорогъ теперь отъ Редутъ-Кале и отъ Ахалцыха чрезъ Боржомское ущелье, отъ Ахалцыха на Ахалкалаки до Гумри, которая успѣшно и прекрасно строится, потомъ оттуда до Сардаръ Абада, въ Эривань, и черезъ Дилажанское ущелье въ Тифлисъ, нынѣ вездѣ удобная, а мѣстами отличнѣйшая, можно сказать гигантская дорога; т. е. дѣйствительно чудо, и оба брата Эспехо отличились. Что видѣлъ войскъ, можно подѣлить на порядочныя, хорошія и отличныя; въ этомъ разрядѣ 4 бат. грен. арт. и 19 бригады рота Тифлисскаго полка и 4 грен. Грузинскаго; во второмъ разрядѣ 1 бат. Грузинскій, 1 Эриванскій и многія роты Черноморскихъ и Грузин. линейныхъ бат., 2 роты твоего полка, рота Мингрельскаго и учебн. бат., равно Нижегородскій драгунск.; остальные всѣ въ третьемъ разрядѣ; совершенно дурныхъ роты Эриванскаго полка и нѣсколько

линейныхъ. Больныхъ мѣстами весьма мало, но здѣсь и больныхъ, и умершихъ много. Со стороны Абхазіи мысъ Адлеръ занятъ и на дняхъ отрядъ долженъ возвратиться. Отъ сѣвера ниже Геленджика занятъ Пшодъ и Вуланъ; на будущій годъ съ этой стороны полагается занять два мѣста; за тѣмъ тоже одно или два; такъ что, при сихъ же мѣрахъ, въ 1839 году весь берегъ будетъ нашъ. Покуда мириться съ нами не хотятъ; но на линіи вездѣ меня ждутъ тамошнихъ народовъ депутаты; постараюсь ихъ приласкать, не подѣйствуетъ ли на другихъ. Сегодня Сванетскій к. Дадишкиліани пришелъ меня просить его воспріять отъ купели. Грузины стоятъ у меня во внутреннемъ караулѣ и очень исправно; на конѣ молодцы; а мингрели въ Эривани, всѣ въ мундирѣ бѣломъ, были въ конвоѣ; стоитъ только за нихъ приняться; тоже я пѣшей милиціи видѣлъ роту и заставилъ дѣлать ружьемъ и ходить по нашему—и точно молодцы. Съ помощію Божіею надѣюсь завтра пуститься въ обратный путь. Погода дурна, грязь необыкновенная и тяжело будетъ, лишь бы добраться до дому. Прощай, любезный отецъ командиръ; цѣлую тебя душевно.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

Ново-Черкаскъ.
21-го октября (3-го ноября) 1837 г.

По пріѣздѣ моемъ въ Пятигорскъ, получилъ я, любезный отецъ командиръ, письмо твое отъ 6-го (18-го) числа, за которое душевно благодарю. Съ радостію и удивленіемъ узналъ я про неожиданные успѣхи работъ Ивангородской крѣпости, которыхъ я даже и не подозрѣвалъ; надо твою распорядительность и твою настойчивость, чтобъ подобныя

предпріятія дѣлать возможными. Окончивъ благополучно мою поѣздку за Кавказъ, полагаю, что тебѣ любопытно будетъ имѣть понятіе объ общемъ впечатлѣніи, на меня произведенномъ тѣмъ, что я въ короткое время успѣлъ видѣть или слышать. За Кавказомъ вообще христіане народъ предобрый, благодарный за всякое добро и способный ко всѣмъ будущимъ видамъ правительства. Армяне полезные, но великіе проныры и почти подобные польскимъ жидамъ, они намъ вѣрны по разсчету, ихъ надо вести твердо, справедливо, но безъ всякаго баловства. Татары храбрые, усердные, жадные наградъ, но *«не введи насъ во искушеніе»*. Ихъ должно тоже вести справедливо и твердо. Новопріобрѣтенные персіяне, курды и турки смирны, благодарны за добро, но требуютъ еще большей осторожности въ обхожденіи съ ними. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ семъ краѣ столько различныхъ составныхъ частей, что ежели вездѣ нужны умные и честные исполнители, то тѣмъ паче здѣсь. Но къ несчастію убѣжденія, что сіе непремѣнное условіе къ общему благоустройству здѣсь исполнено, у меня нѣтъ, и по всѣмъ вѣроятіямъ не многіе изъ управляющихъ поняли свою обязанность или даже *чистыми* названы быть могутъ. Общая зараза своекорыстія, что всего страшнѣе, достигла и военную часть до невѣроятной степени, даже дотого, что я вынужденнымъ былъ сдѣлать неслыханный примѣръ на собственномъ моемъ ф.-адъютантѣ. Мерзавецъ сей, командиръ Эриванскаго полка к. Дадіанъ, обратилъ полкъ себѣ въ аренду и столь нагло, что публично держалъ стадо верблюдовъ, свиней, пчельни, винокуренный заводъ; на 60 т. пудъ сѣна, захваченный у жителей сѣнокосъ, употребляя на все солдатъ; въ полку при внезапномъ осмотрѣ найдено 534 рекрута, съ прибытія въ полкъ не одѣтыхъ, не обутыхъ, частію босыхъ, которые всѣ были у него въ работѣ! то есть, ужасъ! За то я показалъ какъ за неслыханныя мерзости неслыханно и взыскиваю. При

полномъ разводѣ, объявя его вину, велѣлъ военному губернатору снять съ него ф.-а. аксельбантъ, арестовать и съ фельдъегеремъ отправить въ Бобруйскъ для преданія суду, даромъ что женатъ на дочери бѣднаго Розена; сына же его, храбраго и добраго малаго, взялъ къ себѣ въ адъютанты. Другой мерзавецъ полицмейстеръ въ Тифлисѣ полковникъ Мищенко, пьяница, воръ, имѣлъ дерзость взять на себя содержаніе почты въ городѣ, держа полицію въ совершенномъ безпорядкѣ, я его отставилъ за нетрезвое поведеніе. Бѣдный Розенъ исполненъ благихъ намѣреній, но его непомѣрная слабость причиной большей части золъ, ибо хорошо дѣлаютъ тѣ только, кои изъ собственнаго подвига то дѣлаютъ, взыскивать же онъ не умѣетъ. Однако надо отдать ему справедливость, что на него лично никто не жалуется, но всѣ говорятъ про его слабость. Онъ произвелъ прекрасныя вещи, дороги, имъ проложенныя или пролагаемыя, точно римскія работы; крѣпость Гумри меня изумила и годилась бы составлять часть Новогеоргіевска какъ выборомъ мѣста, расположеніемъ, такъ и изящностію работъ, при столь малыхъ способахъ. Край вездѣ покоенъ, такъ что всѣ ѣздятъ безъ конвоя, даже по самой границѣ и до Владикавказа. Доходы много поднялись, хотя при лучшемъ порядкѣ еще болѣе возвыситься должны; словомъ, повторяю, онъ дѣлалъ по крайнему разумѣнію, но его не переродишь и порокъ его все портилъ. Стало, себя виню, что не умѣлъ лучше выбрать. Теперь жду твоего отвѣта, ибо онъ рѣшительно просится прочь. До отвѣта твоего пріостановлю разрѣшеніе объ отпускѣ Головина. На линіи нашелъ я много порядка. Тишина съ году на годъ дѣлается прочнѣе; казачье линейное войско въ отличномъ видѣ, но обременено сверхъ силъ службой и терпитъ отъ сего много, нужно будетъ его усилить. Здѣсь видѣлъ я съ радостію плоды нашего Кавказско-Горскаго гвардейскаго ½ эскадрона и кадетъ изъ горцевъ; ибо всѣ служатъ весьма

усердно при линейныхъ полкахъ. Многіе даже, переведя свои аулы на военную дорогу, совершенно ее обезпечили отъ набѣговъ. Стремленіе горцевъ по ихъ примѣру отдавать дѣтей къ намъ въ корпуса весьма замѣтно, и сомнѣнія нѣтъ, что лѣтъ чрезъ 20 весь ближній раздоръ сихъ горскихъ народовъ нечувствительно сольется въ одно цѣлое съ линейными казаками. Считаю сіе дѣло первой важности и всячески оному помогать буду. Вельяминову долженъ я отдать справедливость въ томъ, что мысль мою совершенно постигъ и усердно принялся за исполненіе. Вотъ записка, которую ему далъ я въ руководство. Одного боюсь, чтобъ природная лѣнь его не повредила успѣху дѣла, но съ нимъ пріятно заниматься, и я вспомнилъ при томъ, что ты мнѣ про него говорилъ. Депутаты были почти отъ всѣхъ сосѣдей, кромѣ шапсуковъ и натухайцевъ; рожи однихъ аварцевъ мнѣ не понравились, прочіе видно, что рады были меня видѣть. Предъ самымъ моимъ отъѣздомъ прибыли двое извѣстныхъ знатныхъ абадзеховъ, не депутатами, но однако съ согласія народа, съ тѣмъ, чтобъ меня видѣть и узнать, чего я хочу; одинъ изъ нихъ преумный старикъ. Мы говорили долго и они были очень довольны слышаннымъ и увѣряли меня, что они и многіе давно готовы намъ покориться на сихъ условіяхъ, что у нихъ никакого порядка нѣтъ и что съ трудомъ разумное превозмогаетъ сумасбродное невѣжество. Что они однако нынѣ надѣются болѣе успѣть, говоря, что отъ меня лично слышали и уполномочены мной вызвать охотниковъ ко мнѣ въ Петербургъ лично для объясненія. Посмотримъ, что будетъ. Между тѣмъ приняты всѣ мѣры, чтобъ съ будущей весны занять вновь три пункта; останутся еще три остальныхъ для 1839 года. Тогда окончательно весь берегъ будетъ нашъ. Про войска я уже тебѣ писалъ. Остается мнѣ прибавить, что вообще нашелъ я ихъ гораздо въ лучшемъ видѣ, чѣмъ полагалъ. Твоего полку видѣлъ я пять ротъ, изъ коихъ три отличныя, а двѣ

весьма порядочныя. Грузинскій гренадерск., рота Мингрельскаго, рота Тифлисскаго, весь 15-й линейный бат. прекрасный; то же долженъ сказать про учеб. бат., про 3 батареи гренадерскія и бат. бат. 19-й бригады. Нижегородскій полкъ очень порядоченъ; прочія войска порядочны, дурны Эриванскаго полка 2 бат., 2 бат. Грузинскихъ линейныхъ, 1 бат. Мингрельскій и рота Навагинскаго полка, и бат. бат. 20-й бригады. Госпитали въ порядкѣ; казармы по возможности, хотя есть и очень дурныя. Все это доказываетъ, что нуженъ хозяинъ, а гдѣ мнѣ его найти. Сегодня прибылъ я сюда съ сыномъ и ввелъ его въ атаманство. Завтра небывалый смотръ 21-му Донскому полку. Затѣмъ у насъ обѣдъ, а вечеромъ балъ. Послѣ завтра, съ помощію Божіею, пускаюсь далѣе въ обратный путь на Воронежъ къ Москвѣ, гдѣ надѣюсь найти жену и дѣтей. Погода у насъ холодная и сухая, дороги очень хороши до Воронежа; но что далѣе не знаю; боюсь ужасной грязи. Жаль Донъ Карлоса; все надѣюсь, что дѣла его не совсѣмъ потеряны, ибо столько уже разъ былъ онъ въ худшемъ положеніи, но все Богъ его спасалъ. Любопытенъ знать, какъ ты доволенъ будешь маневрами, и надѣюсь, что ты пришлешь мнѣ ихъ описаніе. За симъ, мой отецъ командиръ, все тебѣ высказалъ. Да забылъ было сказать, что, выѣзжая изъ самаго Тифлиса, на первомъ спускѣ, Богъ насъ спасъ отъ явной смерти. Лошади понесли на крутомъ поворотѣ вправо и мы бы непремѣнно полетѣли въ пропасть, куда уносныя лошади и правыя коренная и пристяжная упали чрезъ парапетъ, ежели-бъ Божія рука не остановила заднихъ колесъ у самаго парапета. Переднія колеса на него уже съѣхали, но лошади, упавъ, повисли совершенно на воздухѣ за одну шею хомутами на дышлѣ, сломали его и тѣмъ мы легко опрокинулись налѣво съ малымъ ушибомъ. Признаюсь, думалъ я, что конецъ мнѣ, ибо мы имѣли все время обозрѣть опасность и разглядѣть, что намъ не было иного спасенія какъ въ про-

мыслѣ милосердаго Бога; такъ и сбылось. Ибо «живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго водворится». Такъ я думалъ, думаю и буду думать. Прости мнѣ длинное письмо; съ тобой невольно разговоришься. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя искренно обнимаю.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Москва.
31-го октября (12-го ноября) 1837 г.

Подъѣзжая къ Москвѣ третьяго дня вечеромъ, получилъ я два твои письма, любезный Иванъ Федоровичъ, за которыя душевно благодарю. Спѣшу отвѣчать на важный вопросъ, *кѣмъ* замѣнить Розена; рѣшаюсь послать Головина, ибо считаю его совершенно способнымъ войско держать въ порядкѣ и краемъ *умѣть править*. Остается рѣшить, кого тебѣ дать на его мѣсто? Отдать Горчакова мнѣ нельзя по той причинѣ, что занимаемое имъ мѣсто важнѣе другого, и что давно Сибири нуженъ былъ начальникъ, который, подобно ему, умѣлъ бы видѣть вещи съ настоящей точки. Его пріемами я очень доволенъ и надѣюсь, что наконецъ и Сибирь увидитъ Свѣтъ Божій. Предлагаю тебѣ другое лицо, которое способно и усердно, опытность же придетъ подъ твоимъ руководствомъ. Г. Шиповъ тебѣ извѣстенъ, хочешь ли его? На первый случай другого никого не имѣю въ виду. Напиши мнѣ скорый отвѣтъ. Съ пріѣзда моего я погрязъ въ бумаги и только что начинаю выглядывать изъ-за пакетовъ, журналовъ и меморій. Новаго ничего не знаю. Жаль Донъ Карлоса, кажется не сдобровать ему. На-дняхъ смотрѣть буду здѣшнихъ безсрочно-отпускныхъ. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки кня-

гинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ; цѣлую тебя отъ всего сердца.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Вольховскимъ я недоволенъ и на-дняхъ переведу въ бригадные командиры. На мѣсто его ищу еще кого послать.

Москва.
14-го ноября 1837 г.

Я получилъ два твоихъ письма, любезный отецъ командиръ, отъ 4-го и 6-го чиселъ, за которыя благодарю. Послѣ твоего добраго отзыва о Шиповѣ я рѣшился тебѣ его дать тотчасъ при назначеніи г.-л. Головина на Кавказъ; перемѣны сіи выйдутъ на-дняхъ. При семъ нужно мнѣ съ тобой посовѣтоваться, кого назначить въ начальники штаба къ Головину, ибо Вольховскаго, котораго никакъ тамъ нельзя было оставить, я перевелъ въ бригадные командиры въ 1-й корпусъ. Признаюсь, никого не вижу изъ всѣхъ знакомыхъ, которыхъ бы можно было туда назначить. Мѣсто сіе довольно важно, хотя и не столько, какъ при Розенѣ; не присовѣтуешь ли кого? Окуневъ былъ ли-бъ на это способенъ? не знаю. Тоже въ крайнемъ я затрудненіи, кѣмъ замѣнить г.-л. Фролова, начальникомъ 20-й дивизіи, ибо г.-м. Фези я перевожу въ 19-ю дивизію? Изъ бригадныхъ командировъ одинъ г.-м. Крюковъ таковъ, чтобъ смѣло ему вручить дивизію; но онъ нуженъ въ 6-й дивизіи, чтобъ при первой возможности замѣнить г.-л. Зона. Вообще мы крѣпко бѣдны. Я предлагалъ г.-а. Берникову ѣхать туда, отказывается, говоря, что боленъ и боится климата и своихъ приливовъ къ головѣ, словомъ, никуда не годится. Спрашиваю тебя, кого мнѣ совѣтуешь назначить?

На-дняхъ принялъ я мѣру снова рѣшительную для уничтоженія прежнихъ обычаевъ по канцеляріи министра секретаря Царства Польскаго; я велѣлъ рѣшительно замѣнить французскій языкъ, во всѣхъ случаяхъ употребляя русскій; и спасибо Туркулю, онъ сіе исполнилъ усердно и весьма исправно. Не худо-бъ то же сдѣлать и у тебя, дабы французскій языкъ пересталъ быть офиціальнымъ, и замѣнился бы совершенно русскимъ. Ожидаю, что поляки будутъ крѣпко морщиться, да то-то бѣда, что меня оно ни чуть не пугаетъ, а я таки все ихъ на свое поставлю. Новаго ничего нѣтъ; или не знаю. Кажется, съ помощію Божіею можно надѣяться, что чума въ Одессѣ далѣе не пойдетъ. Срамъ да и только, что она выпущена изъ хваленаго карантина! славны бубны за горами; надо Одессѣ военное, строгое начальство, а не бабы, и г. Воронцовъ, при всѣхъ его отличныхъ достоинствахъ, крайне слабъ въ начальствѣ; и всѣ власти безъ силы оттого.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Москва
1-го (13-го) декабря 1837 г.

Вчера утромъ я получилъ письмо твое, любезный отецъ командиръ, отъ 25-го ноября (7-го декабря), за которое весьма благодарю. Сегодня въ приказѣ назначеніе Головина вмѣсто Розена; равномѣрно по твоему предложенію полковника Коцебу я назначилъ въ должность начальника штаба; а 6-го числа выйдетъ назначеніе г.-м. Крюкова командующимъ 20-й дивизіи. Шиповъ сегодня же назначенъ вмѣсто Головина; такъ что все дѣло нынѣ приведено къ концу; нужно только, чтобъ

г.-л. Головинъ ускорилъ своимъ пріѣздомъ, дабы междуначаліе короче было. Надѣюсь, что Головинъ оправдаетъ оказываемое ему довѣріе. Съ его головой и съ доброй волей онъ много добра принести можетъ и даже значительно подвинуть край къ желаемому устройству. Предметъ посылки сего фельдъегера—увѣдомить тебя о принятыхъ мною мѣрахъ на случай, чего Боже упаси, появленія заразы въ Кременчугѣ, о чемъ вчера здѣсь пронесся слухъ. Дай Богъ, чтобъ слухъ сей оказался ложенъ, но необходимо заранѣе думать о мѣрахъ предосторожности, ибо поздно будетъ распоряжаться отсюда, когда бѣда будетъ на мѣстѣ. Покуда однако другихъ мѣръ не придумаю. Послѣднія извѣстія изъ Одессы были не весьма утѣшительны, ибо вдругъ оказались чумные случаи въ самомъ городѣ. Слѣдствіе шло успѣшно, и по оному дошли до явныхъ доказательствъ, ежели не злоупотребленій, то по крайней мѣрѣ совершенныхъ отступленій отъ карантинныхъ правилъ, которыя подвергаютъ все начальство строгой отвѣтственности; нуженъ примѣръ, но не на несчастныхъ нижнихъ чинахъ, а на начальникахъ. Вчера познакомился я съ княгиней Голицыной, урожденной Езерской; она недурна и кажется довольно умна; я ее обласкалъ, какъ первую польку, за русскаго вышедшую; не думаю, чтобъ многія послѣдовали ея примѣру. Я любовался успѣхами работъ по крѣпостямъ, точно весело читать; а еще веселѣе будетъ ими любоваться на мѣстѣ. Мѣры, тобой принимаемыя, къ постепенной отмѣнѣ французскаго языка въ дѣлахъ совершенно согласны съ моими желаніями; другое дѣло говорить, ибо, съ людьми, которые другого языка не знаютъ, какъ французскій, иначе объясняться нельзя; и то уже большой шагъ къ будущему.

На-дняхъ надѣюсь пуститься въ обратный путь, ежели, чего Боже оборони, не откроется гдѣ чумы; тогда я останусь здѣсь.

Цѣлую ручки княгинѣ; жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

В. арх. стар. дѣлъ. Sek. III. 7. № 5,648.

№ 35.

a.

23-го января (4-го февраля) 1836.

à S. Exc. Comte Grabowski.

Monsieur le Comte.

La nécessité de destiner un couvent qui puisse servir de maison de réclusion aux ecclésiastiques du rite Catholique-Romain, qui par leur conduite répréhensible et contraire à leur sainte vocation se seraient rendus passibles d'une peine correctionnelle, s'étant fait impérieusement sentir dans le Royaume, la Commission de l'intérieur, des affaires ecclésiastiques et de l'instruction publique fut chargée de choisir parmi les couvents des ordres religieux supprimés celui qui conviendrait le mieux à cette destination.

Or, la dite Commission, s'étant convaincue que le couvent des ci-devant Dominicains à Liszkow, Diocèse d'Augustow, situé dans un endroit isolé et dont la restauration exigera, en raison de son étendue, des frais peu considérables, pourra répondre à ce but, a rédigé un projet de règlement portant institution d'une maison de réclusion, sous le nom de „*maison de démérites.*"

En présentant les deux projets ci-joints au Conseil d'Administration pour être soumis à la Sanction Suprême, la Com-

mission de l'intérieur a sollicité d'obtenir de S. M. l'Empereur et Roi l'allocation sur le Trésor public d'une somme de 59,000 fl. pour l'entretien annuel de la maison dont il s'agit et d'une somme de 25,000 fl. pour les frais de restauration du couvent de Liszkow, en ajoutant que cette dépense ne saurait être imputée sur le fonds du Clergé Supprimé, tant par la raison que ce fonds a déjà reçu une destination particulière par la Bulle du Pape de l'année 1818 et par le Concordat, que parce-qu'il sera entièrement absorbé par la dotation supplémentaire de l'Académie ecclésiastique du rite Catholique-Romain de Varsovie approuvée par S. M. I^le^ et Royale.

Lors de la discussion du projet en question, M. le Directeur en chef présidant la Commission des finances et du Trésor a cru devoir observer, que puisqu'une somme de 28,200 fl. se trouve portée chaque année sur les Etats de la Commission de l'intérieur pour subvenir à l'entretien des ecclésiastiques émerites et démérites, on pourrait employer une partie de cette somme à l'entretien de la maison dite des démérites et imputer le reste de la dépense sur le fonds du Clergé Supprimé; — que le Trésor public supportant en remplacement du fonds du Clergé Supprimé des dépenses assez considérables, puisqu'elles se sont élevées en 1835 à 61,962 fl., la Bulle du Pape susmentionnée ne saurait s'opposer à ce que le fonds du Clergé Supprimé alimentât à son tour les fonds du Trésor, qui par ce moyen ne serait, pour ainsi dire, que remboursé des dépenses qu'il a supportées pour le fonds du Clergé Supprimé; et enfin, que le fonds du Clergé précité ne se trouve pas entièrement absorbé par la dotation de l'Académie du Clergé Catholique-Romain, car cette dotation ne s'élève qu'à 60,000 fl., tandis que les restants en caisse provenant des années 18 $^{32}/_{35}$ se montent à 432,480 fl. —

M. de Fuhrman a dirigé encore l'attention du Conseil sur l'art. 26 du règlement projeté qui impose à l'Evêque du Dio-

cèse d'Augustow l'obligation de présenter chaque année à la Commission de l'intérieur le compte de rentes (revenus?) et des dépenses de l'Institut des démérites, et a demandé que, puisque tous les comptes des deniers publics sont soumis à l'examen définitif de la haute Cour des Comptes, il fût ajouté que la dite Commission, après avoir vérifié ces comptes, sera tenue de les transmettre à la Cour des Comptes.

Le Conseil, après avoir mûrement approfondi le projet présenté par la Commission de l'intérieur et les observations faites à son égard par M. de Fuhrman, a résolu, vu les motifs consignés dans le procès-verbal de la séance du $^{7}/_{19}$ de ce mois, de supplier S. M. l'Empereur et Roi:

1° de daigner approuver le projet de Décret portant institution d'une maison de réclusion pour les prêtres démérites, ainsi que le projet d'organisation de cet Institut tel qu'il a été présenté par la Commission de l'intérieur, sauf à introduire à l'art. 26 l'amendement proposé par M. le Directeur en chef présidant la Commission des finances;

2° d'ordonner que la somme de 59,000 fl., exigée pour l'entretien de cette maison, soit portée à partir de l'exercice 1837 sur le budget général du Royaume et que les frais de restauration du couvent de Liszkow évalués à 25,000 fl., de même que ceux qui doivent servir à l'entretien de l'Institut dans l'exercice courant, fussent supportés par le fonds du Clergé Supprimé et imputés sur les restants en caisse provenant des années 183 $^{2}/_{5}$.

J'ai l'honneur de prier V. Exc. de vouloir bien soumettre cette résolution du Conseil à la décision gracieuse de l'Empereur et Roi, notre Auguste Maître, et d'agréer l'assurance de ma considération la plus distinguée.

Signé: Prince Jean de Varsovie.

Varsovie
le 23 janvier (4 février) 1836.

6.

В. арх. стар. дѣлъ. Sek. III. 7. № 5,648.

Mon Prince.

L'Empereur et Roi, après avoir pris connaissance de l'office que Votre Altesse m'a fait l'honneur de m'adresser le 23 janvier (4 février) a. c^te, № 32,328, ainsi que du journal № 5 de la séance tenue par le Conseil d'Administration le 7 (19) janvier dernier, a daigné apposer Son Auguste signature au projet de décret portant institution de la *maison de démérites*, devant servir de réclusion aux ecclésiastiques du rite Catholique-Romain qui, par leur conduite répréhensible, se seraient rendus passibles de quelque peine correctionnelle. Sa Majesté a confirmé, aussi, le projet de l'organisation intérieure de ladite maison, ainsi que l'état de ses dépenses annuelles, qui avaient été annexés à l'office précité.

J'ai l'honneur de Vous transmettre ci-près, Mon Prince, ces trois pièces en expéditions officielles. Votre Altesse voudra bien se convaincre que le § 26 de l'organisation susmentionnée a été rédigé d'après l'amendement proposé par M. de Fuhrmann, quant à la présentation des comptes de la maison de démérites à la haute Cour des Comptes.

Sa Majesté Impériale et Royale, en approuvant, en outre, le choix du couvent ci-devant des Dominicains à Liszkow, Diocèse d'Augustow, pour y placer l'Institut en question, a décidé, de plus, que la somme de 25,000 florins à laquelle ont été évalués les frais de la restauration de ce couvent, ainsi que celle nécessaire à l'entretien de la maison de démérites pendant l'année courante, seraient assignées sur le restant en caisse provenant du fonds du Clergé Supprimé des années 18 $^{32}/_{35}$ et qu'à partir de 1837 la somme de 59,000 florins, à laquelle

se monte l'état de l'Institut dont il s'agit, serait portée, chaque année, sur le budget général du Royaume.

Veuillez agréer, etc.

Comte Etienne Grabowski.

Pétersbourg
le 3 (15) Février 1836. № 148.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 36.

Письма Головина къ фельдмаршалу.

(6 писемъ).

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивѣйшій государь.

Съ глубочайшею признательностію имѣлъ я честь получить письмо, которымъ ваша свѣтлость почтить меня благоволили. Письмо это, какъ и письмо ген. Ридигеру вручены были обоимъ намъ во время маневра, представлявшаго покореніе Варшавы, среди пушечнаго грома, въ ту самую минуту, когда мы находились съ его корол. выс. принцемъ Адальбертомъ на передней батареѣ, взятіе которой обнажило приступъ къ Волѣ. Мы читали съ особеннымъ чувствомъ о милостяхъ, изъявленныхъ вамъ отъ его вел. короля прусскаго, и перечитывали рескриптъ, свидѣтельствующій о высокомъ назначеніи вашемъ противуборствовать чудовищу безначалія, съ сугубою злобою зіяющему на Богомъ покровительствуемую Россію.

О пребываніи здѣсь его корол. выс., какъ и о распоряженіяхъ для пріема высокаго сего гостя, ваша свѣтлость

изволите получить подробное донесеніе отъ ген.-ад. Берха. Мнѣ останется присовокупить только, что каждый изъ четырехъ дней прошелъ въ порядкѣ предназначенномъ и погода благопріятствовала во все время, кромѣ утра 26-го числа на маневрѣ, который сопровождался довольно сильнымъ дождемъ.

Въ числѣ бумагъ, которыя почелъ я обязанностію представить при семъ вашей свѣтлости, находятся четыре свѣдѣнія отъ тайной полиціи и докладная записка объ назначеніи Августова главнымъ городомъ воеводства этого имени. Послѣдняя представляется на тотъ конецъ, если бы благоугодно было вамъ рѣшить недоумѣніе по предмету сему, во время теперешняго пребыванія вашего въ С.-Петербургѣ.

Не считаю излишнимъ довести также до свѣдѣнія вашей свѣтлости, что изъ суммы 300 т. злотыхъ, входившей въ послѣднюю смѣту для гидравлическихъ работъ при Ново-Георгіевской крѣпости, на произведенныхъ торгахъ, при самыхъ строгихъ условіяхъ и со взносомъ 50 т. злот. чистаго залогу, сбавлено 64 т. злот. Этотъ случай знакомитъ меня съ другими, въ которые входятъ денежные расчеты.

Между лицами, кои для сегодняшняго торжества прощены вашею свѣтлостію и коихъ имена должны быть публикованы въ газетахъ, находится нѣкто *Леонъ Гольдштандъ*, товарищъ банкира Френкеля. Послѣдній, то есть самъ Френкель, узнавъ о семъ, прибѣжалъ встревоженный къ гр. Нессельроде, прося его убѣдительнѣйше, чтобъ имя Гольдштанда не помѣщать въ газетахъ, приводя въ причину просьбы своей то, что публикація эта можетъ подорвать его кредитъ въ чужихъ краяхъ и навлечь упадокъ его дому. Гр. Нессельроде пріѣхалъ ко мнѣ нарочно, чтобъ представить это дѣло и испросить моего разрѣшенія. Принимая въ разсужденіе съ одной стороны, что сдѣлать подрывъ такому дому банкирскому, какъ здѣсь домъ Френкеля, было бы повредить многимъ коммерческимъ связямъ, съ другой, что исключеніемъ

изъ публикаціи имени Гольдштанда повелѣніе вашей свѣтлости не въ точности будетъ выполнено, я долго колебался, рѣшился однако-жъ на первое въ томъ убѣжденіи, что объявленіе о прощеніи Гольдштанда можетъ быть напечатано въ газетахъ послѣ, если уваженіе мое къ убѣдительнѣйшей просьбѣ Френкеля не получитъ одобренія вашей свѣтлости. Сіе послѣднее предположеніе меня тревожитъ и для меня крайне будетъ болѣзненно подвергнуться вашему неблаговоленію, но въ оправданіе свое ничего другого сказать не могу, какъ только, что я думалъ сдѣлать хорошо и что ошибку мою еще поправить можно.

Костелъ Піарской совсѣмъ уже очищенъ, такъ что можно бы приступить и къ передѣлкѣ, если бы мы имѣли планы и рисунки. Теперь, какъ внутренность костела очистилась отъ лавокъ и убранства по учрежденіямъ римско-католическаго исповѣданія, церковь стала гораздо просторнѣе. Къ передѣлкѣ жилья приступать еще нельзя, потому что оно еще не свободно. Впрочемъ, самое главное для насъ пріобрѣтеніе есть церковь, а это уже кончено. Такъ какъ изъ суммъ, назначенныхъ на сооруженіе предполагаемаго собора, ассигнованъ только капиталъ для уплаты піаристамъ, а между тѣмъ деньги потребны будутъ и на издержки для перестройки, то не благоугодно ли будетъ разрѣшить выдачу мнѣ суммъ по мѣрѣ надобности ихъ.

По части ввѣреннаго мнѣ управленія все идетъ хорошо, только нужно бы мнѣ имѣть помощника, который бы могъ предсѣдательствовать за меня въ коммисіи, дабы мнѣ можно было заниматься иногда у себя; теперь же я никакъ не успѣваю обдѣлывать дѣла, требующія собственнаго моего особаго вниманія. Совѣтомъ народнаго просвѣщенія я весьма доволенъ: онъ очень хорошо составленъ, какъ по образу мыслей, такъ и по способностямъ большей части его членовъ.

Въ заключеніе письма сего пріемлю смѣлость поручить

себя милостивому вашему расположенію и принести чувства глубочайшаго уваженія и всесовершеннѣйшей преданности, съ которыми имѣю честь пребыть

Вашей свѣтлости всепокорнѣйшій слуга.

Евгеній Головинъ.

30-го августа 1834 г.
Варшава.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь.

Переступивъ Нѣманъ, составляющій предѣлъ края, благодѣтельному попеченію вашему ввѣреннаго, гдѣ я подъ мудрымъ руководствомъ вашимъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ пріобрѣталъ опытность и, смѣю думать, нѣкоторый даже успѣхъ по части управленія, бывшаго моимъ удѣломъ, я послѣдовалъ влеченію сердца моего, дабы излить чувства глубочайшей признательности, которой я преисполненъ. При вашемъ же содѣйствіи отправляясь въ мѣста богатыя воспоминаніями великихъ дѣяній вашихъ, я почту себя счастливымъ, если буду умѣть воспользоваться указаніями, которыя вы тамъ оставили, и вполнѣ постигну высокія мысли, въ нихъ заключающіяся. Это будетъ одно изъ главнѣйшихъ стараній моихъ на поприщѣ, меня ожидающемъ, и я увѣренъ, что вездѣ, гдѣ открою слѣды вашего шествія, тамъ не подвергнусь опасности сбиться съ пути праваго и къ благой цѣли ведущаго.

Благоволите принять это краткое, но искреннее изображеніе тѣхъ ощущеній, кои сопутствуютъ мнѣ нынѣ и кои, надѣюсь, никогда меня не оставятъ, ибо они будутъ залогомъ будущаго моего счастія, такъ какъ до сихъ поръ благодѣтельное ваше въ судьбѣ моей участіе было залогомъ моего съ нею примиренія.

Смѣю повергнуть здѣсь чувства моего глубочайшаго почтенія ея св. княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ, вмѣстѣ съ чувствами долга моего и безпредѣльной благодарности, съ которыми пребыть имѣю честь

Вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою.

Евгеній Головинъ.

15-го декабря 1837 г.
Ковно.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь.

Вчера была недѣля, какъ я сюда пріѣхалъ, пробывъ въ дорогѣ семь съ половиною сутокъ, что, судя по времени года, не такъ еще и долго, и кажется здѣсь поспѣшностію моею явиться сюда остались довольны.

Въ прошлый четвергъ, въ 6 ч. вечера, я удостоился имѣть аудіенцію у Государя Императора, продолжавшуюся около полутора часа. Государь съ возможною подробностію изволилъ сообщить мнѣ замѣчанія свои обо всѣхъ мѣстахъ, которыя лежали на пути его по Кавказскому краю, и обо всѣхъ предметахъ имъ видѣнныхъ, въ смыслѣ извѣстномъ уже вашей свѣтлости. На счетъ прежняго моего мѣста и вообще о Царствѣ Польскомъ рѣчи почти не было, но изъ малаго, что было сказано, можно было заключить, что Государь на счетъ края, вашей св. ввѣреннаго, совершенно покоенъ. Я доложилъ о прибытіи со мною, по приказанію вашему, г. Козловскаго, для осмотра здѣшнихъ учебныхъ заведеній и Государь приказалъ, чтобы онъ ему представился, одобривъ повидимому совершенно мѣру эту, дабы ознакомить поляковъ съ истиннымъ состояніемъ Россіи и вывесть ихъ изъ жалкаго заблужденія, въ которомъ они до сихъ поръ на счетъ ея коснѣли. Невѣ-

дѣніе поляковъ объ Россіи подлинно такъ велико, что сопутникъ мой, конечно одинъ изъ самыхъ благомыслящихъ между ими, почти не вѣрилъ глазамъ своимъ при видѣ того, что ему представилось при переѣздкѣ чрезъ настоящую русскую землю; а особливо всего, что онъ здѣсь нашелъ. Онъ надивиться не можетъ, какъ еще до сихъ поръ поляки, а особливо побывавшіе въ Россіи, не убѣждаются въ такой рѣзкой очевидности. Государю Императору также пріятно было слышать, что римское духовенство въ Царствѣ довольно своимъ положеніемъ и постигаетъ цѣну попеченія объ немъ правительства. Онъ съ благосклонностію изволилъ разсматривать крестъ, которымъ благословилъ меня при прощаніи арцибискупъ, и позволилъ мнѣ оставить его у себя на память.

Объ времени отправленія моего отсюда къ мѣсту новаго назначенія еще и рѣчи не было. Барону Розену предписано ожидать моего прибытія, не оставляя до тѣхъ поръ своего поста. Мнѣ между тѣмъ сообщаются постепенно всѣ бумаги, относящіяся до Закавказскаго края. По всему кажется, что мнѣ достанется еще пробыть здѣсь нѣсколько времени, дабы перечитать всѣ акты и переговорить со всѣми, съ кѣмъ надобно. Я самъ еще теперь не могу сказать съ точностію, до какой степени пребываніе мое здѣсь можетъ быть полезно; но во всякомъ случаѣ стараться буду сократить его по возможности.

У меня являлся здѣсь ст. сов. Завилейской и говорилъ мнѣ о запискѣ объ немъ, которой я однако же въ Варшавѣ не получалъ. Впрочемъ, Государь изволилъ отозваться между прочимъ мнѣ на аудіенціи съ самой невыгодной объ немъ стороны, а потому одно только время можетъ помочь ему и оправдать противу навѣтовъ, на него, какъ онъ говоритъ, безвинно взведенныхъ. Мнѣ нужно узнать объ этомъ на мѣстѣ.

Съ г.-ад. Шиповымъ видаюсь я почти ежедневно. Я успѣлъ передать ему многое и письменно, и словесно. Онъ

распрашиваетъ обо всемъ съ большимъ вниманіемъ, имѣетъ чистый взглядъ на вещи въ цѣломъ и въ подробностяхъ и, кажется, вполнѣ оправдаетъ сдѣланный выборъ. Къ вашей свѣтлости онъ исполненъ чувствъ одинакихъ съ моими. Онъ очень торопится ѣхать, но я уговариваю его остаться еще нѣсколько дней, дабы воспользоваться тѣмъ, что я сообщить ему могу.

Ни что такъ не являетъ великости Россіи, какъ несчастіе, постигшее Зимній дворецъ: здѣсь объ этомъ и говорить уже перестали. Не менѣе того однако-жъ случай этотъ болѣзненно отзовется въ цѣлой Россіи и какое бы истолкованіе ему ни дали, все есть въ этой потерѣ что-то болѣе чѣмъ матеріальное, могущее быть возстановлено. Нельзя безъ изумленія видѣть теперь этотъ огромный остовъ и кажется непонятнымъ, какимъ образомъ такое колоссальное зданіе могло въ нѣсколько часовъ сдѣлаться жертвою пламени, что называется до тла.

Пріемлю смѣлость изъяснить здѣсь чувства моего глубочайшаго почтенія ея свѣт. княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и вмѣстѣ повторить всю мою преданность, съ которою пребыть имѣю честь

Вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою.

Евгеній Головинъ.

28-го декабря 1837 г.
С.-Петербургъ.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь.

Пользуясь отъѣздомъ моего преемника, чтобы писать къ вашей свѣтлости, начинаю письмо мое изъявленіемъ глубочайшей признательности за новую Высокомонаршую милость,

изъявленную мнѣ по вашему представленію, пожалованіемъ знаками ордена св. Александра Невскаго. Такимъ образомъ вознаграждаются всѣ потери мои по службѣ, стеченіемъ обстоятельствъ неблагопріятныхъ мною понесенныя. Всѣмъ этимъ обязанъ я единственно вашей свѣтлости. Рука Всевышняго да благословитъ для васъ наступающій новый годъ и послѣдующіе за нимъ на благо и славу Россіи, въ утѣшеніе Монарха, на коемъ почіютъ высокія судьбы ея.

Генералъ-адъютантъ Шиповъ будетъ имѣть честь лично доложить вашей свѣтлости, до какой степени полезно было для него свиданіе со мною здѣсь; раздѣляя время мое между настоящимъ и будущимъ, при ежедневныхъ почти бесѣдахъ съ нимъ, я старался всемѣрно ознакомить его съ новымъ его положеніемъ и, смѣю надѣяться, небезуспѣшно. Онъ пріѣдетъ въ Варшаву приготовленный уже къ принятію дальнѣйшихъ наставленій отъ вашей свѣтлости.

Надѣюсь равномѣрно, что поѣздка сюда статсъ-совѣтника Козловскаго будетъ не безплодна: онъ осмотрѣлъ уже здѣсь многія изъ публичныхъ заведеній всякаго рода и не выходитъ изъ изумленія ото всего того, что видитъ. Съ разрѣшенія вашей свѣтлости я возьму его съ собою въ Москву; тамъ онъ увидитъ могущество Россіи съ ея національнымъ характеромъ.

Срокъ моего здѣсь пребыванія до сихъ поръ еще не опредѣлился, но кажется продолжится за половину текущаго мѣсяца, хотя я, припоминая совѣтъ вашъ, не одинъ уже разъ изъявлялъ желаніе отправиться какъ можно скорѣе къ новому моему мѣсту, въ чемъ и дѣйствительно настоитъ крайняя надобность, по положенію, въ какомъ находятся дѣла закавказскія. Собственныя мои дѣла ни мало меня здѣсь не задерживаютъ.

Изо всего видно, что на Закавказскій край обращается теперь особое вниманіе. Дай Богъ только поднять мнѣ, хотя и лестное, но не менѣе того тяжкое бремя довѣрія, на меня

возлагаемаго. До сихъ поръ ограничиваясь однимъ собираніемъ свѣдѣній, я не могу еще входить ни въ какія сужденія, а тѣмъ менѣе произносить мнѣніе мое по предметамъ, кои должны служить основаніемъ будущаго благосостоянія Закавказскаго края. Одно только могу сказать, что всѣ здѣсь отъ высшаго до низшаго признаютъ ваши предначертанія къ образованію этого важнаго угла россійскихъ владѣній въ Азіи самыми сообразнѣйшими съ положеніемъ его во всѣхъ отношеніяхъ.

Я долженъ сказать также, что всѣ лица, съ коими я здѣсь поставляюсь теперь въ сношеніе, изъявляютъ полную готовность содѣйствовать мнѣ всѣми способами, въ распоряженіи ихъ состоящими. Вообще едва ли когда такъ много занимались судьбою Закавказья и такъ много объ немъ говорили, какъ нынѣ, едва ли также число желающихъ отправиться туда было когда нибудь такъ велико. Появленіе Государя у подошвы Арарата кажется подвинуло Кавказскій хребетъ на цѣлыя тысячи верстъ ближе къ Петербургу.

Интересуясь знать какое вообще имѣютъ мнѣніе здѣсь на счетъ управленія въ Царствѣ Польскомъ, я имѣю достаточныя причины заключить, что общій голосъ совершенно въ пользу настоящаго тамъ порядка вещей, бдительности вашей приписываемаго, и этому много обязанъ я по пріему, мнѣ здѣсь оказанному.

Пріемля смѣлость пожелать ея свѣтлости княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ счастливаго вновь наступающаго новаго года и поручая себя всеискренно вашему благорасположенію, съ наиглубочайшимъ почтеніемъ и душевнымъ чувствомъ уваженія, имѣю честь быть

Вашей свѣтлости всепреданнѣйшимъ слугою.

Евгеній Головинъ.

3-го генваря 1838 г.
С.-Петербургъ.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь.

Оставляя здѣшнюю столицу и окончательно уже предпринимая путь въ дальнія страны, коими по волѣ Монаршей я призываюсь управлять, еще разъ считаю долгомъ изъявить чувства признательности моей за всѣ знаки постояннаго и продолжительнаго вашего ко мнѣ благоволенія. Чувства эти вездѣ и навсегда останутся неизмѣнными.

При вчерашней прощальной аудіенціи я имѣлъ счастіе доложить Государю Императору о предположеніи, дабы, не перестраивая Вольскій костелъ, по Высочайше утвержденному уже проекту, оставить его въ томъ видѣ по наружности, въ какомъ онъ былъ при взятіи укрѣпленія штурмомъ, какъ памятникъ этого важнаго событія, сообразно съ цѣлію, съ которою все Вольское укрѣпленіе возобновлено, съ обращеніемъ въ красиво устроенное православное кладбище; а за тѣмъ передѣлать только одну внутренность костела этого въ русскую церковь, гдѣ имѣютъ быть устроены бронзовыя доски съ надписями. Его Императорское Величество безъ малѣйшаго возраженія изволилъ согласиться на это предположеніе, какъ вполнѣ соотвѣтствующее общему плану.

Такимъ образомъ предназначенныя на перестройку костела важныя издержки могутъ быть даже не вполнѣ обращены на внутреннее украшеніе, на что потребовались бы новыя смѣты. Бывъ уполномоченъ отъ вашей свѣтлости сдѣлать докладъ этотъ, поспѣшаю донести о послѣдствіи. Не полагаю, чтобы до сихъ поръ было что предпринято къ приведенію въ исполненіе предыдущаго проекта.

Въ бытность мою здѣсь, мнѣ передано было много бумагъ для прочтенія относительно Закавказскаго края и линіи. Мнѣ, какъ это разумѣется, ни по какому еще предмету нельзя было сказать моего мнѣнія, да отъ меня его и не требовали,

но я не остановляю просить теперь же учрежденія при мнѣ совѣта и это предложеніе удостоено Высочайшаго утвержденія. Комитетъ здѣшній объ устройствѣ Закавказскаго края нынѣ же займется начертаніемъ состава совѣта и его обязанностей. Такимъ образомъ полагается первое начало образованія Закавказомъ правительства, на тѣхъ основаніяхъ, которыя предначертаны были вами.

Благоволите принять увѣреніе въ чувствахъ всесовершеннѣйшей преданности и высокопочитанія, съ коими не престану быть

Вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою.

Евгеній Головинъ.

23-го генваря 1838 г.
С.-Петербургъ.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь.

Отправляя отсюда статсъ-совѣтника Козловскаго въ Варшаву, обязываюсь дать отчетъ въ исполненіи порученности моей касательно поѣздки его въ обѣ столицы. Во всякомъ случаѣ путешествіе это должно принести пользу, не взирая на упрямое желаніе соотечественниковъ его оставаться на счетъ Россіи въ плачевномъ для самихъ себя заблужденіи. Г. Козловскій вполнѣ воспользовался выгодами своего положенія, дабы видѣть все собственными глазами и судить, не по разсказамъ и описаніямъ, а по собственному убѣжденію, чуждому пристрастія которой нибудь сторонѣ. Конечно не все представилось ему въ томъ видѣ, въ какомъ желательно было бы; но того, что онъ видѣлъ, болѣе чѣмъ достаточно къ утвержденію его въ здравыхъ о Россіи понятіяхъ, которыми, впрочемъ, всегда онъ отличался между поляками, и къ вразумленію тѣхъ, кто не хочетъ добровольно оставаться въ невѣдѣніи. Ему по Высочайшему соизволенію открыты были всѣ заведенія въ Петербургѣ, а здѣсь по приказанію князя

Голицына; а какъ онъ все разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ и записывалъ дѣлаемыя имъ замѣчанія, то и будетъ въ состояніи дать отчетъ въ своемъ порученіи, и я смѣю думать, что цѣль, съ которою онъ сопутствовалъ мнѣ, достигнута вполнѣ. Остается только желать, чтобъ другіе воспользовались свѣдѣніями и опытомъ, имъ пріобрѣтенными.

Что касается лично до г. Козловскаго, то вашей свѣтлости извѣстно всегдашнее мое объ немъ мнѣніе, нынѣ могу и долженъ присовокупить, что двое или трое такихъ, какъ онъ, по высшему управленію въ Царствѣ Польскомъ—и сближеніе поляковъ съ русскими не было бы дѣломъ невозможнымъ, какъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, представляется даже самымъ благомыслящимъ людямъ. Этотъ отзывъ мой объ немъ да послужитъ новою съ моей стороны рекомендаціею и да обратитъ на него новый благосклонный взглядъ вашей свѣтлости.

При этомъ случаѣ не могу умолчать о сдѣланномъ мною замѣчаніи, что въ Петербургѣ между высшими сословіями господствуетъ ощутительная симпатія къ полякамъ и особливо между женскимъ поломъ. Козловскій самъ съ удивленіемъ это замѣтилъ и послѣ того удивительно ли, что они часто по видамъ своимъ дѣйствуютъ такъ успѣшно. Ядъ французскаго воспитанія не остается безсильнымъ и празднымъ: онъ производитъ свое.

За нѣсколько дней предъ симъ имѣлъ я честь получить письмо вашей свѣтлости, съ приложеніемъ записки о бывшемъ грузинскомъ губернаторѣ Завилейскомъ. Но какъ я прежде уже самимъ имъ предваренъ былъ въ Петербургѣ объ этой запискѣ, то и имѣлъ честь въ то же время писать къ вамъ, что Государь въ бытность свою Закавказомъ получилъ объ немъ самое невыгодное мнѣніе и что на возстановленіе его потребуется времени. Нынѣ обязываюсь повторить то же, предоставляя себѣ изысканіе случая, дабы, осмотрѣвшись на новомъ моемъ мѣстѣ, сдѣлать въ его пользу, что будетъ возможно.

Въ бытность мою здѣсь въ Москвѣ я видѣлся нѣсколько разъ съ Алексѣемъ Петровичемъ Ермоловымъ и старался въ бесѣдахъ съ нимъ воспользоваться тѣми свѣдѣніями, которыя пріобрѣлъ онъ долговременнымъ управленіемъ въ Закавказскомъ краю, и удержать то, что можетъ быть для меня полезно, у себя въ памяти, не порабощая, впрочемъ, собственныхъ понятій чуждому вліянію.

Разлучаясь здѣсь съ г. Козловскимъ, я оканчиваю послѣднее дѣло, остававшееся за мною, послѣ отбытія моего изъ Царства Польскаго. Мнѣ остается пожелать, чтобы это остальное покушеніе мое на пользу части, которою я подъ глазами вашей свѣтлости управлялъ въ продолженіе четырехъ лѣтъ, приняло добрый плодъ во всеобщую въ польскомъ краю потребность. Но этимъ не заключаются отношенія мои къ этой важной эпохѣ моей службы: онѣ оживятся новымъ чувствомъ за Кавказомъ, среди великихъ воспоминаній, тамъ обрѣтающихся, и я радуюсь, что собственными глазами увижу мѣста, прославившіяся великими дѣяніями послѣднихъ временъ. Завтра отправляюсь въ дальнѣйшій мой путь.

Позвольте мнѣ при этомъ случаѣ, вмѣстѣ съ женою, засвидѣтельствовать наше всеусерднѣйшее почтеніе ея свѣтлости княгинѣ Елизаветѣ Алексѣевнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ благоволите принять удостовѣреніе въ неизмѣнныхъ чувствахъ наиглубочайшаго уваженія, какъ равно искреннѣйшей преданности, съ которыми пребыть имѣю честь

Вашей свѣтлости всепокорнѣйшимъ слугою.

Евгеній Головинъ.

9-го февраля 1838 г.
Москва.

По окончаніи уже письма припомнилъ я объ одномъ обстоятельствѣ, которое обязанъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости. При послѣдней аудіенціи Государь Императоръ изволилъ говорить мнѣ о знакомствѣ моемъ съ г-жею Тата-

риновой и хотя весьма милостиво, но съ весьма невыгоднымъ на счетъ ея заключеніемъ. Его В. изволилъ, впрочемъ, ограничиться только тѣмъ, что взялъ съ меня обѣщаніе прервать съ нею сношенія. Между тѣмъ на другой день гр. Чернышевъ объявилъ мнѣ, что Государь желалъ бы, чтобы я отпустилъ и не бралъ съ собою на Кавказъ находящагося при мнѣ и вамъ извѣстнаго чиновника Косовича*). Хотя на другой день послѣ разговора моего на этотъ счетъ съ гр. Бенкендорфомъ графъ и объявилъ мнѣ, что Государь, узнавъ отъ него болѣе подробностей объ отношеніяхъ моихъ къ Косовичу и особливо, что онъ съ давняго времени состоитъ домашнимъ моимъ и всего моего семейства врачемъ, приказалъ только, чтобъ я не бралъ его съ собою теперь, а что дальнѣйшее объ немъ рѣшеніе изволитъ предоставлять времени, что подтвердилъ еще и гр. Чернышевъ въ письмѣ, вчера мною полученномъ, не менѣе того я остаюсь въ недоумѣніи по этому обстоятельству, не взирая на то, что гр. Бенкендорфъ подалъ мнѣ большую надежду, что позволеніе Косовичу ѣхать за Кавказъ послѣдуетъ къ тому времени, какъ жена туда отправится отсюда.

Смѣю ли просить вашу свѣтлость также замолвить при случаѣ за него слово, какъ за человѣка весьма надежнаго и полнаго довѣрія заслуживающаго. Что же касается до знакомства моего съ г-жею Татариновою, то вы имѣете письменно мою полную исповѣдь; и если полагаете, что для успокоенія Государя Императора на счетъ этотъ въ отношеніи ко мнѣ полезно будетъ сдѣлать ее извѣстною Его Величеству, то я предоставляю сдѣлать изъ собственноручной меморіи моей такое употребленіе, какое ваша свѣтлость, по благоусмотрѣнію своему, изволите признать за приличнѣйшее.

---

*) Военный врачъ Косовичъ принадлежалъ къ числу ревностнѣйшихъ членовъ секты Татариновой. Онъ и ввелъ Головина въ секту.

№ 37.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1838 годъ.

(15 писемъ.)

С.-Петербургъ.
3-го генваря 1838 г.

Кругомъ я виноватъ передъ тобой, мой любезный отецъ командиръ, что столь долго не отвѣчалъ на послѣднее твое письмо, но ты уже знаешь подробно несчастіе, насъ постигшее; съ той поры мнѣ точно не было времени приняться за перо. Надо благодарить Бога, что пожаръ случился не ночью и что, благодаря общему усердію гвардіи, Эрмитажъ мы отстояли и спасли почти все изъ горѣвшаго дворца. Жаль старика, хорошъ былъ; но подобныя потери можно исправить, и съ помощію Божіею надѣюсь къ будущему году его возобновить не хуже прошедшаго, и надѣюсь безъ большихъ издержекъ. Усердіе общее и трогательное. Одно здѣшнее дворянство на другой же день хотѣло мнѣ представить 12 милліоновъ, тоже купечество и даже бѣдные люди. Эти чувства для меня дороже Зимняго дворца, разумѣется однако, что я

ничего не принялъ и не приму: у Русскаго Царя довольно и своего; но память этого подвига для меня новое драгоцѣнное добро.

На-дняхъ смотрѣлъ весь гарнизонъ въ походной формѣ съ обозами и былъ очень доволенъ. Новаго ничего не знаю. Головина видѣлъ и много съ нимъ толковалъ; кажется онъ хорошо понялъ свою обязанность. Шиповъ ѣдетъ на-дняхъ, полный усердія, я его уговаривалъ не заноситься въ проекты. Въ политикѣ тоже новаго не знаю. Надо ждать, что будетъ съ бунтомъ Канады. Жаль всѣхъ пустяковъ съ кельнскимъ епископомъ; неловко повели все дѣло; кажется мы осторожнѣе.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ.

На вѣки тебѣ искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
18-го (30-го) генваря 1838 г.

Искренно благодарю тебя, любезный Иванъ Федоровичъ, за два письма твои: первое отъ 1-го (13-го) и второе сегодня полученное. Извѣстія о присылкѣ къ намъ новыхъ эмисаровъ отовсюду подтверждаются, мѣры противъ сихъ гостей должны быть прежнія, строгія и положительныя. Не вѣрю однако, чтобъ имъ было у насъ болѣе удачи, чѣмъ и прежде, развѣ займутся убійствами, противъ которыхъ иначе упастись нельзя, какъ отдавшись спокойно волѣ Божіей, какъ и всегда. Постоянство холодовъ въ Польшѣ меня крайне безпокоитъ для послѣдствій. Надо, полагаю я, теперь же сильно заняться добываніемъ хлѣба изъ Подоліи и Волыни, гдѣ его избыточно, хотя и съ пожертвованіемъ, но дабы избѣжать всѣхъ ужасовъ голода. Обстоятельства Канады еще не объясняются,

но посылка войскъ доказываетъ, что дѣло важно, ибо и 7 т. человѣкъ для Англіи то, что у насъ 70 т.; и столькимъ же меньше противъ насъ. Безсильныя пренія во Франціи для Польши—смѣшны! и доказываютъ только ихъ слабость и недоброжелательство. У насъ все тихо и хорошо; морозы доходили до 25 градусовъ, но мнѣ въ нихъ хорошо. Перестройка Зимняго дворца началась и идетъ весьма успѣшно. Въ политикѣ новаго ничего не знаю. Ссоры съ пруссаками за контрабанду на литовской границѣ продолжаются, и надо велѣть Нарвскому полку строже исполнять свою обязанность, дѣйствуя оружіемъ.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней неизмѣнной моей дружбѣ. Твой на вѣки доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) февраля 1838 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 1-го (13-го) числа, которое получилъ третьяго дня вечеромъ. Очень радуюсь, что ты принялъ нужныя мѣры противъ возможности голода; не дай Богъ подобнаго бѣдствія. Открытые безпорядки по герольдіи доказываютъ, что надо строже за ними смотрѣть; не шутить же намъ съ ними; надо, чтобъ виноватые за то получили воздаяніе. Хорошъ же Косецкій! Въ письмѣ твоемъ къ Чернышеву ты пишешь про слухи объ революціонныхъ агентахъ, но мнѣ ты записки о томъ не прислалъ, что же новаго? говорятъ въ Галиціи не на шутку пошло и они будто перепугались, правда ли? Замѣчательно, что отовсюду тѣ же слухи; надѣюсь, что ты и тотъ же будетъ имъ пріемъ. Надѣюсь при скоромъ съ тобой свиданіи о многомъ условиться; что-то сердце мнѣ говоритъ,

что скоро будетъ бурда въ Европѣ! не знаю ошибаюсь ли? Не дай-то Богъ, ибо конца нельзя предвидѣть. Между тѣмъ англичане закутили съ американцами; что за мерзость ихъ дѣло съ пароходомъ! и они смѣютъ намъ упрекать дѣло Викина! Боюсь я крѣпко ссоры Австріи съ Пруссіею за кельнское дѣло; самое непріятное и напрасное, а между тѣмъ служитъ предлогомъ къ распрѣ и холодности, тогда какъ должно-бъ было не разлаживать, а крѣпко свинчивать согласіе, и безъ того что-то плохое! стыдно и грустно! У насъ здѣсь все хорошо, кромѣ мороза, все 17 да 18 градусовъ, и къ тому пошли дуть вѣтры; слава Богу, что опять снѣгъ выпалъ, а то было голо такъ, что чуть въ саняхъ ѣздили. Цѣлую ручки княгинѣ. Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
2-го (14-го) мая 1838 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, любезный отецъ командиръ, что я отправляюсь съ помощію Божіею черезъ нѣсколько часовъ по рижскому тракту прямо въ Берлинъ; куда надѣюсь прибыть 7-го (19-го) числа вечеромъ. Послѣднее твое письмо я получилъ дней пять тому. Не сомнѣваюсь, что агенты пропаганды будутъ искать намъ нанесть возможный вредъ, но съ помощію и съ надеждой на всевышнюю благость полагаю, что опасность минуется. Здѣсь принялъ я всѣ возможныя мѣры на всѣ случаи, которые только могъ предвидѣть, и спокойно отдаюсь въ руки Провидѣнія! Пиши мнѣ въ Берлинъ, гдѣ пробуду, какъ полагаю, до 25-го числа (6-го іюня); ежели узнаю, что поважнѣе, тотчасъ тебѣ напишу. Описываемое состояніе войскъ меня очень радуетъ. Обычный весенній смотръ былъ изъ числа самыхъ удачныхъ и всѣ войска точно пре-

красны. Погода намъ въ тотъ день отмѣнно благопріятствовала; но за то послѣ іюля насталъ ноябрь; метель была еще вчера въ самый нашъ пріѣздъ сюда. Я на-дняхъ такъ былъ замученъ бумагами, что сегодня пролежалъ съ сильнѣйшей головной болью, рвотой, но послѣ выспался и какъ встрепанный, попавъ опять на службу. Прощай, любезный отецъ командиръ, цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Берлинъ.
15-го (27-го) мая 1838 г.

Отпуская сегодня к. Горчакова въ Варшаву, пользуюсь симъ случаемъ благодарить тебя, любезный отецъ командиръ, за письмо отъ 12-го (24-го) числа, которое вчера я получилъ. Перемѣны въ моихъ планахъ не послѣдовало, и я все полагаю, что 25-го числа (6-го іюня) я могу отсюда отправиться какъ и *куда* предполагалъ, что продолжаю держать въ совершенной тайнѣ. Здѣсь были мы всѣ приняты королемъ съ обыкновенною его отеческою милостію. Войска я нашемъ въ весьма хорошемъ состояніи, не смотря на молодость состава; въ особенности много успѣла кавалерія, а еще болѣе артиллерія, которую точно узнать нельзя. Смотръ и тоже въ особенности корпусныя ученія были весьма хороши. Существуютъ однако весьма фальшивыя правила, о которыхъ не стану здѣсь распространяться, но о которыхъ тебѣ к. Горчаковъ подробное дастъ описаніе. Послѣдствіе сихъ фальшивыхъ правилъ сейчасъ оправдалось на маневрахъ, гдѣ послѣдовалъ полный курсъ въ *двое сутокъ* всѣхъ глупостей, неправдоподобностей и пагубныхъ ошибокъ, которыя неминуемо съ собой влекутъ привычки и фальшивыя понятія, отъ фальшивыхъ правилъ проистекающія. Жаль и страшно, ибо на ма-

неврахъ начальники, бывъ совершенно развязаны, могутъ дѣйствовать по ихъ собственнымъ видамъ и понятіямъ; но фальшивыя впечатлѣнія и оттого и привычки дотого укоренились, что все дѣлается безъ всякаго правила или малѣйшаго соображенія. Сіе въ особенности отношу къ употребленію кавалеріи. Но и тутъ, собственно въ войскѣ, примѣрный порядокъ, тишина, усердіе и смѣтливость, въ этомъ отличается пѣхота. Къ намъ будутъ извѣстный г. Астеръ, первый инженеръ въ Европѣ, котораго я выпросилъ у короля для показанія нашихъ работъ, и знакомый г. Грольманъ; они всѣ будутъ къ 14-му (28-му) іюня. Ежели эрцгерцогъ Фердинандъ будетъ, то принять съ подобающими почестями.

17-го (29-го). Только сегодня нашелъ я удобную минуту, чтобъ кончить сіе письмо, которое даю к. Горчакову. Новаго ничего нѣтъ, равно и въ моихъ намѣреніяхъ; посылку курьера ко мнѣ распоряди такъ, чтобъ не прибылъ въ Петербургъ ранѣе 5-го (17-го) іюня, около котораго времени полагаю туда прибыть. Здѣсь никто не знаетъ моихъ намѣреній, такъ что я въ полной надеждѣ прибыть неожиданно, что меня крайне забавляетъ. Прощай, любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всей души. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Берлинъ.
25-го мая (6-го іюня) 1838 г.

Предваряю тебя, отецъ командиръ, что сегодня вечеромъ я ѣду съ сыномъ въ Штокгольмъ, надѣюсь быть въ Петергофъ 5-го (17-го) іюня; гдѣ пробыть до 12-го (24-го), а въ Варшаву быть 16-го (28-го) іюня. Ко мнѣ пиши въ Петербургъ такъ, чтобъ твой курьеръ ко мнѣ былъ только 5-го

(17-го) іюня, а покуда жди будто меня къ себѣ чрезъ Данцигъ. Твое письмо получилъ вчера вечеромъ, но ни минуты не имѣю тебѣ долго писать.

Обнимаю отъ души.

Н.

Финсбахъ.
3-го (15-го) іюля 1838 г.

Искренно благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 29-го (11-го), которое получилъ третьяго дня. Но въ особенности благодарю за пріятное время моего пребыванія у тебя. Состояніе всего мною видѣннаго столь утѣшительно, что я одному тебѣ все это приписать могу. Войскомъ, кромѣ малыхъ замѣчаній, я былъ точно отмѣнно доволенъ, и такъ, какъ ты говоришь, теперь оно считаться можетъ готовымъ на все. Крѣпостныя работы превосходятъ не только все мною видѣнное, но даже и слыханное, это одно уже принадлежитъ къ историческимъ событіямъ. Что же касается до края, то хотя ты увѣряешь, что черезъ 10 лѣтъ, а я остаюсь при 97, онъ и придетъ въ желаемое положеніе, но я скорѣе надѣюсь по этой части на русскіе штыки и картечь, чѣмъ на всѣ другія мѣры; страхъ одинъ, по моему, дѣйствителенъ на поляковъ. Новыя открытія по заговору доказываютъ, мнѣ кажется, сколь справедливо сказанное мной выше; надо неусыпно и бдительно слѣдить за этимъ дѣломъ и непремѣнно до корня выдрать изъ края всю *гниль*; съ ними нельзя шутить; надо подлѣ милостиваго обхожденія, чтобъ всегда было доказательство, что правительство не спуститъ ничего похожаго на новые превратные замыслы; здѣсь же они явны; и потому, ежели наказаніе и отлагается, то единственно для того, чтобъ не прервать способовъ къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Новаго ничего не знаю; дипломаты заняты

весьма окончаніемъ голландскаго дѣла и послѣдними замыслами египетскаго паши, который консуламъ нашимъ объявилъ свое намѣреніе скоро объявить свою независимость; это важное дѣло, и по характеру его, нельзя отвѣтить, чтобъ не сдѣлалъ. Англія и Франція хотятъ соединить свои флоты, чтобъ этому воспротивиться, но врядъ ли достигнутъ цѣли; другое же послѣдуетъ, которое намъ не можетъ быть равнодушно, это предлогъ соединенія для исполненія другой скрытной цѣли. Кто отвѣчать можетъ, чтобъ они не кинулись на Дарданеллы? Такая возможность принуждаетъ меня взять *свои* мѣры, и я уже далъ нужное наставленіе г. Чернышеву, чтобъ по первому приказанію 5-й корпусъ былъ готовъ дѣйствовать; 2-й дивизіи моремъ на флотѣ; третья съ кавалеріей подъ командою Герстенцвейга сухимъ путемъ. Но можетъ быть и сего будетъ мало, въ такомъ случаѣ я полагаю двинуть 3-й корпусъ въ Молдавію и Валахію для занятія края, и въ видѣ большого резерва. Тогда пусть Англія и Франція суются, мы готовы. По донесеніямъ Поццо, въ Англіи всего на лицо 40 т. войска, прочее или въ Америкѣ, или не существуетъ; во Франціи войска въ слабомъ положеніи, такъ что *въ этомъ* вижу я нашу безопасность, но вѣрно не въ намѣреніяхъ ихъ. Все это держи про себя. У насъ было большое несчастіе на Объозскихъ (Абосскихъ?) берегахъ, бурей выкинуло на берегъ фрегатъ, корветъ, бригъ, 2 тендера и до 15 купеческихъ судовъ; одни экипажи спасены, прочее *все* пропало. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ это еще чувствительнѣе. Мы здѣсь остались сутками долѣе для отдыха жены, которая тебѣ и княгинѣ кланяется. Обнимаю тебя отъ души; твой на вѣки доброж.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

Что оказалось по трещинамъ въ амбразурахъ цитадели? много ли поврежденнаго и важно ли?

Теплицъ.
18-го (30-го) іюля 1838 г.

Долго я не отвѣчалъ на письмо твое отъ 7-го (19-го) числа, любезный отецъ командиръ; я ожидалъ чего-либо любопытнаго тебѣ сообщить, но покуда ничего новаго нѣтъ. Дѣло египетскаго паши осталось при прежнемъ, т. е. что всѣ стращаютъ его не согласиться его признать независимымъ. Про соединеніе флотовъ англійскаго съ французскимъ ничего не рѣшено, но нѣкоторыя вооруженія производятся. Говорили будто и насъ къ тому пригласить хотятъ; но покуда еще ничего не получали. Однако мѣры мои всѣ берутся. Назначить Герштенцвейга никакъ я не предполагалъ главнымъ начальникомъ, но вести только сухопутную колонну. Ежели дѣло обойдется съ однимъ 5-мъ корпусомъ, то я согласенъ назначить Горчакова; ежели же нуженъ будетъ и 3-й корпусъ, то Ридигеръ какъ старшій приметъ команду, но нужно ему будетъ тогда составить штабъ. Мысли твои я вполнѣ раздѣляю и записку твою посылаю г. Чернышеву. Новаго ничего нѣтъ; здѣсь видѣлъ мало войска, кромѣ своего полка, который хорошъ; кажется, что въ пѣхотѣ есть успѣхъ, но вздору еще очень много. На-дняхъ увижу 6-й бат. близъ Терезіенштадта. Мое леченіе идетъ строго и кажется съ успѣхомъ въ ногѣ. Жена въ Крейтѣ, въ Мюнхенѣ и по всей Баваріи была вездѣ отмѣнно хорошо принята и не нахвалится. Ей слава Богу лучше; равно и сыну, который меня было перепугалъ, ему нуженъ продолжительный отдыхъ, дабы воротить силы, чѣмъ планъ его путешествія совершенно измѣнился. Про поляковъ здѣсь не слышно; одни Жаболитскій и сегодня Езерскій мнѣ знакомы; но русскихъ очень много. Прощай, любезный отецъ командиръ; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Твою красавицу въ модномъ магазинѣ вижу часто; все хорошо и исправно носитъ твой браслетъ. *О проказникъ!!!*

Теплицъ.
21-го іюля (2-го августа) 1838 г.

Благодарю, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 16-го (28-го) числа. Записку объ ускореніи работъ по Царству нужно мнѣ прежде послать на соображеніе военному министру съ министромъ финансовъ, чтобъ рѣшить, можно ли будетъ исполнить сей переворотъ, а хорошо бы дѣло кончить такъ. По справкѣ оказалось, что вытребованнаго еврея здѣсь совершенно не на что, да кромѣ того все дѣло пахнетъ вздоромъ. Послѣднія открытія у Долгорукова начали весьма развивать дѣло и многіе уже взяты, да и еще возьмутся; и все въ томъ же родѣ, но важнѣе всего укрыватели и вспомогатели войти къ намъ, которые всѣ открыты и получатъ должное себѣ возмездіе; пора это кончить. Новаго ничего нѣтъ; египетское дѣло in statu quo; бельгійское въ ходу, но кончится ли, право не знаю. Сыну лучше и онъ поѣхалъ во Франкфуртъ на Майнѣ. Жена въ Крейтѣ и весьма ласково и хорошо принята была всѣми сословіями въ Баваріи. Мое леченіе идетъ своимъ чередомъ; ногѣ лучше; спинѣ очень больно отъ душей, но я послушенъ и исполняю все, что хотятъ. Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Крейтъ.
10-го (22-го) августа 1838 г.

Третьяго дня получилъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, за которое душевно тебя благодарю. Открытія по заговору болѣе и болѣе важны становятся, и должно намъ розыскать до корня, и по закону наказать. Чтобъ впредь

отнять охоту къ подобному, я издаю указъ о конфискаціи имѣній, въ пользу инвалидовъ, всѣхъ виновныхъ лицъ. Здѣсь я нашелъ все въ должномъ порядкѣ и во всѣхъ сословіяхъ самый ласковый пріемъ. Король показалъ мнѣ мюнхенскій гарнизонъ: 6 бат., 6 эскадр. и 16 орудій. Большая часть людей были только четыре недѣли подъ ружьемъ, и, взявъ сіе въ соображеніе, надо отдать полную справедливость почтеннымъ старикамъ офицерамъ, что они дѣлаютъ болѣе возможнаго; пѣхота весьма порядочна, хотя шагъ весьма коротокъ; кавалерія посредственна, артиллерія же по новой системѣ лафетовъ г. Цоллера отлично хороша и быстра, а поворотливость орудій единственная. Съ согласія короля увижу я въ Аугсбургѣ вступленіе въ лагерь 2 дивизій, или 18 бат., 64 эскад. и 32 орудій; любопытенъ я видѣть, что это будетъ. Ревность старыхъ офицеровъ тѣмъ похвальнѣе, что поощренія имъ или нѣтъ, или очень мало. Король ихъ не только почти никогда не смотритъ, но даже не дѣлаетъ производствъ, или ежели и бываютъ, то мнимо, ибо содержаніе или окладъ оставляетъ прежній. Можно рѣшительно сказать, что эта система долго не устоитъ, ибо съ выбытіемъ старыхъ офицеровъ останутся одни неопытные, которые не въ состояніи будутъ поддержать ни службу, ни состояніе войска. Я располагаю выѣхать отсюда 15-го (27-го) и быть въ Аугсбургѣ 20-го (1-го) и 21-го (2-го), оттуда слѣдовать прямо на Веймаръ, гдѣ и съѣхаться съ сыномъ, которому гораздо лучше; но доктора требуютъ, чтобъ для укрѣпленія груди онъ пробылъ зиму въ Италіи. 1-го (13-го) сентября я долженъ быть въ Магдебургѣ, тамъ надѣюсь увидѣть условленныхъ къ присылкѣ туда офицеровъ. Женѣ моей лучше, хотя погода очень перемѣнна. Прощай, любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всей души.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Потцдамъ.
12-го (24-го) сентября 1838 г.

Повинную голову и мечъ не сѣчетъ, любезный отецъ командиръ, стало, не стану болѣе говорить про неприбытіе ожидавшихся генераловъ; но мнѣ мудрено было объяснить здѣсь, зачѣмъ ихъ не было. Мнѣ пріятно было весьма читать описаніе твоихъ смотровъ 2-го и 3-го корпусовъ; по всему должно мнѣ полагать, что войска въ отличномъ видѣ. Здѣсь и въ Магдебургѣ нашелъ я всѣ войска въ прекрасномъ видѣ, какъ на смотру, такъ и на ученіи. На маневрахъ повторялись всѣ прежніе грѣхи, кромѣ послѣдняго частнаго здѣсь, гдѣ все дѣлалось хорошо, правильно и въ большомъ порядкѣ. Чрезъ два дня будетъ послѣдній большой маневръ. Въ будущій вторникъ, т. е. 20-го сентября (2-го октября), полагаемъ мы пуститься въ обратный путь моремъ. Къ намъ въ Петербургъ ѣдетъ чрезъ Варшаву извѣстный тебѣ изъ Вознесенска молодой герцогъ Лейхтенбергскій; вели его принять по званію; ф.-а. к. Вреде посылается отъ меня для встрѣчи и сопровожденія въ Петербургъ. Можно ему показать цитадель и Новогеоргіевскъ и направить потомъ чрезъ Ковно на Дюнабургъ. Онъ прекрасный малый и мы его очень любимъ.

На записки твои пришлю отвѣтъ изъ Петербурга. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя душевно, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Сыну гораздо лучше, онъ 15-го (27-го) ѣдетъ въ Комо и пробудетъ зиму въ Италіи.

Царское Село.
4-го (16-го) октября 1838 г.

Я не могъ ранѣе отвѣчать на письмо твое, любезный отецъ командиръ, ибо съ пріѣзда моего былъ обремененъ дѣлами до

нельзя. Происшествіе въ Краковѣ мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ не за долго до отъѣзда моего изъ Берлина; злодѣйство новое, достойное польскихъ злодѣевъ; но я сомнѣваюсь, чтобъ австрійское правительство согласилось усилитъ гарнизонъ, а еще менѣе, чтобъ приняло рѣшимость объявить присоединеніе. Теперь въ особенности, послѣ амнистіи въ Италіи, оно-бъ было какъ бы противорѣчіе тамошнему; чего они вѣрно избѣгнуть постараются. Видѣвъ Метерниха лѣтомъ, убѣдительно ему доказывалъ, что дѣломъ симъ нечего откладывать, но онъ плохо на это подавался. Съ моего пріѣзда сюда я всѣмъ очень доволенъ; часть войскъ видѣлъ и былъ ими очень доволенъ, равно и работами въ Кронштадтѣ, я по Зимнему дворцу, и вездѣ; невѣроятно почти, что уже сдѣлано. Про политику ты теперь уже гораздо скорѣе знаешь, что дѣлается, чѣмъ мы; послѣднія наши извѣстія говорятъ про вооруженія въ Швейцаріи и про сборъ французовъ на ихъ границѣ; дурачье! Въ Персіи дѣла идутъ плохо; просидѣвъ 8 мѣсяцевъ подъ Гератомъ, шахъ испугался угрозъ англичанъ и снялъ осаду. Кажется мнѣ, что Симоничъ тутъ не кстати впутался. Въ Дагестанѣ у насъ все шалятъ и говорятъ, будто разносится прокламація Мегеметъ-Али, которою возбуждаетъ къ возстанію противъ насъ; но этотъ слухъ еще не достовѣренъ. По берегу Чернаго моря построены вновь симъ лѣтомъ три форта, а четвертый въ Суджукской бухтѣ на Целисѣ заложенъ въ концѣ августа, съ тѣмъ, что при немъ будетъ будущее наше адмиралтейство. Ожидаю свѣдѣній, что предпримутъ черкесы противъ сего и противъ отряда, когда сухимъ путемъ пойдетъ въ Анапу. Другое полезное дѣло кончено, это—переносъ линіи, охраняющей отъ Владикавказа до Екатеринограда военно-грузинскую дорогу, за Терекъ. Построено два редута, и при нихъ основаны двѣ станицы; и это уже принесло тотъ плодъ, что уже нынѣ ни проѣзжающіе, ни почты не берутъ болѣе конвоевъ; это дѣло важное. Кажется Головинъ хорошо

принялся за дѣло, тоже Граббе и Раевскій. Ганъ воротился и привезъ много старыхъ грѣховъ и будущихъ предположеній. У насъ погода довольно хороша, но ежедневные морозы доходили уже до 5 градусовъ. Ежели это продлится, то зима скоро станетъ; напиши мнѣ, по которой дорогѣ пріѣзжій гость будетъ ѣхать, т. е. на Дюнабургъ ли, или Ригу, чтобъ знать куда выслать ему сани. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный отецъ командиръ; обнимаю тебя отъ души. Твой на вѣки доброж.

Н.

Царское Село.
21-го октября (2-го ноября) 1838 г.

Благодарю, любезный мой отецъ командиръ, за твое письмо отъ 11-го (23-го) числа и за пріемъ нашему гостю, который благополучно къ намъ прибылъ. Что далѣе будетъ, тебѣ напишу; покуда знакомство идетъ очень хорошо; и, ежели Богъ благословитъ, надѣюсь устроить счастіе дочери, прилично ея сану и достоинству нашего семейства, и пріобрѣсть *пятаго* вѣрнаго сына и слугу отечества. Новаго только то, что англичане снова устраиваютъ намъ козни за персидскія дѣла и кажется мутятъ и въ Царьградѣ. Палмерстонъ на словахъ объявилъ Поццо, что никогда Англія не потерпитъ нашего вмѣшательства въ дѣла Турціи, хотя-бъ изъ этого произошла война. Каковъ голубчикъ! Но такъ какъ это пустословіе, а не на письмѣ, такъ я какъ будто бы не знаю того, а самъ ихъ спрашиваю, что значатъ ихъ пакости въ Персіи, и хотя тономъ весьма положительнымъ, но довольно дружески, чтобъ не могли придраться къ намъ. При ихъ расположеніи никакъ нельзя ручаться, чтобъ со дня на день бомба не лопнула, и не сдѣлали бы какой нестерпимой наглости. Одно препятствіе имъ, это неимѣніе войскъ; но для того они,

вѣрно, выставятъ другихъ, и можетъ быть французовъ; хотя не вѣрю, чтобъ разсчетливый Луи Филиппъ въ сіе вдался, ибо гдѣ ему удалять свои силы, когда самъ чуть держится. Впрочемъ, что ни случись, мы готовы; вѣрно не заберу никого, но и вѣрно никому не дозволю и себя забирать; пусть пробуютъ. Ай да австрійцы, не ожидалъ я, чтобъ всадили другой б. въ Краковъ. Здѣсь у насъ все тихо и хорошо. Открыли новыя ворота, и тебѣ прокричали ура! Въ строю было 14 т. молодцовъ, любо было смотрѣть на это драгоцѣнное богатство. На-дняхъ занимался приготовленіями къ бородинскому сбору, будетъ дорого, но хорошо. Сіи зимы нужно будетъ приказать по арміи по возможности теоретически заниматься линейнымъ ученіемъ офицерамъ, въ особенности ш.-о., полковымъ командирамъ и бригадн. и дивизіон. генераламъ, чтобъ быть въ этомъ твердy; и въ особенности подтвердить это во 2 корпусѣ, пославъ для повѣрки Прянишникова. Цѣлую ручки княгинѣ. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
5-го (17-го) ноября 1838 г.

Благодарю тебя искренно, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 30-го (11-го) числа. Мнѣ весьма пріятно знать, что мой молодой пятый сынъ заслужилъ отъ тебя столь добрый атестатъ; точно, кажется, онъ все соединяетъ, что можетъ по человѣчеству обѣщать счастіе нашей милой Мери; прочее въ рукахъ неисповѣдимыхъ, и должно съ покорностію предоставить его милосердію Божію. И здѣсь онъ всѣмъ нравится своей вѣжливостію, скромностію, пріятной наружностію и совершеннымъ приличіемъ во всемъ. Съ большимъ любопытствомъ читалъ я твое описаніе смотра 2-го корпуса, который, надѣюсь, къ будущему году исправится по всѣмъ тво-

имъ замѣчаніямъ. 3-й долженъ быть отлично хорошъ. Столь же любопытно было мнѣ читать описаніе работъ крѣпостей, которыя точно какъ грибы растутъ подъ твоимъ руководствомъ. Очень любопытны тоже результаты опытовъ минной обороны по Шильдеровой методѣ, и вновь меня убѣдили, что способъ сей дастъ намъ рѣшительный перевѣсъ надъ всѣми прочими. Теперь обратимся къ другому. Болѣзнь Сперанскаго и отсутствіе Красинскаго и Рожнетцкаго совершенно остановили ходъ дѣлъ по департаменту польскихъ дѣлъ; мнѣ необходимы два новые члена; кого хочешь мнѣ прислать? Я думаю, графъ Валевскій и Раутенштраухъ будутъ самые полезные; но напиши мнѣ, кого ты полагаешь лучшими, ихъ ли, или другихъ прислать? Сперанскій насъ было перепугалъ, однако ему, слава Богу, теперь гораздо лучше; его бы потеря меня поставила въ величайшее затрудненіе. Въ политикѣ особаго ничего нѣтъ; ждемъ, что произведетъ нашъ отвѣтъ английскому правительству, на счетъ его нареканій по нашимъ дѣламъ въ Персіи. Впрочемъ, кажется тутъ Симоничъ напуталъ, вопреки данныхъ ему инструкцій. Замысламъ англичанъ противъ насъ нѣтъ мѣръ; и ежели исполненіе въ этомъ останавливается, то это не отъ чего другого, какъ отъ безсилія намъ явно вредить. Впрочемъ, мы готовы на все. Читалъ я сегодня донесеніе Горчакова о видѣнномъ имъ во время его поѣздки, оно занимательно, въ особенности огромными запасами во Франціи. Завтра переѣзжать мы намѣрены въ городъ, а черезъ нѣсколько дней сбираюсь на самое короткое время въ Москву. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, любезный Иванъ Федоровичъ, обнимаю тебя отъ души.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
29-го ноября (16-го декабря) 1838 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 22-го (4-го) числа. Жаль мнѣ очень, что ни Раутенштрауха, ни Валевскаго нельзя будетъ назначить сюда въ совѣтъ. Курнитовскаго же мнѣ никакъ нельзя сюда назначить, ибо кромѣ того, что онъ въ революціи довольно глупо себя велъ, онъ столь молодъ по службѣ въ сравненіи товарищей его, еще службу во фронтѣ несущихъ, что мнѣ бы совершенно безъ несправедливости нельзя было бы о томъ и помышлять. Будемъ покуда кое-какъ перебиваться, но не съ тѣмъ успѣхомъ, какъ донынѣ. Новаго у насъ ничего нѣтъ; прибылъ Фикельмонъ; онъ былъ у тебя, стало, новаго отъ него я не знаю. Въ политикѣ занимаютъ теперь одни вздоры въ Бельгіи, которые чуть не получатъ скорое подражаніе въ Рейнскихъ прусскихъ провинціяхъ; и распря Пруссіи съ папой, который много надурачилъ. Въ Англіи, говорятъ, укрѣпляютъ берега *противъ насъ!* каковы дураки? Что-то у нихъ въ Америкѣ гнило стало, и кажется мудрено имъ будетъ дѣло исправить, и не на врядъ ли на всегда они потеряютъ Канаду. Ничто имъ; лишь бы насъ не задирали.

Жена тебѣ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя отъ всей души.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 38.

а.

Списокъ съ докладной записки его свѣтлости князю намѣстнику главнаго директора финансовъ, отъ 10-го (22-го) іюня 1838 года.

Ваша свѣтлость давно уже изволили обратить вниманіе свое на устроеніе удобнѣйшихъ сообщеній между Варшавою и горными заводами, отдаленными отъ шоссе и столь важными въ промышленномъ и правительственномъ отношеніи; но со времени какъ австрійское правительство приступило къ проведенію чугунныхъ дорогъ отъ Вѣны до Тріеста и Бохніи, мысль эта сдѣлалась еще важнѣе по видамъ торговымъ и политическимъ; ибо, проведя подобную же дорогу изъ Варшавы до главнаго горнаго завода въ Нивкахъ, осталось бы не болѣе трехъ миль до австрійской; и такъ открылось бы прямое сообщеніе между Варшавою и Адріатическимъ моремъ; транспорты туда обходились бы не дороже, какъ обходятся нынѣ въ Данцигъ. Царство Польское вышло бы совершенно изъ той зависимости, въ которой находится оно нынѣ отъ Пруссіи по торговлѣ, и для самой Имперіи возникли бы отъ того величайшія выгоды, послѣ соединенія водъ Вислянскихъ съ Нѣманомъ, когда установится прямое сообщеніе Царства Польскаго съ Виндавскимъ портомъ.

Компанія на акціяхъ намѣревается нынѣ устроить эту дорогу и банкиръ Штейнкеллеръ подалъ мнѣ проектъ, въ которомъ изъясняетъ:

1) что чугунная дорога отъ Варшавы до Бохніи будетъ стоить примѣрно до 20 милл. злот.;

2) что онъ берется собрать эту сумму;

3) что все желѣзо на дорогу потребное исключительно возьмется съ заводовъ Царства Польскаго;

4) что правительству предоставляется столько акцій, сколько оно пожелаетъ;

5) что дорога окончена будетъ въ 3 года и не долѣе 4-хъ лѣтъ.

Отъ правительства испрашиваетъ онъ только поручительства въ ежегодной уплатѣ изъ казны недостающаго отъ дохода съ дороги къ 4% дивиденда отъ капитала, на постройку употребленнаго.

Предоставляя дальнѣйшимъ соображеніямъ разборъ сихъ кондицій, а въ особенности участія правительства въ семъ дѣлѣ, ограничиваюсь нынѣ общимъ обзоромъ результатовъ отъ приведенія въ дѣйствіе проекта г. Штейнкеллера.

Раздѣливъ работу на 4 года, составилось бы полныхъ

4% въ 1-й годъ.	200,000
2-й »	400,000
3-й »	600,000
4-й »	800,000
Всего въ 4 года	2,000,000 злот.

По окончаніи работы не предстоитъ никакого сомнѣнія, чтобы компанія не получила съ своего капитала полныхъ 4%, такъ что она въ три года возвратила бы правительству съ процентами деньги, доплаченныя въ первые годы изъ казначейства.

Но главный чистый выигрышъ казны состоялъ бы въ уменьшеніи цѣнъ за перевозку соли, на которую, противъ нынѣшнихъ, пріобрѣтается ежегодно 380,000 злот. *), и замѣною дровъ каменнымъ угольемъ, на чемъ выиграется

ежегодно	400,000
Всего . .	780,000 злот.

*) Въ декабрѣ 1839 г. предлагаемо было уступки на перевозкѣ соли по желѣзной дорогѣ противъ нынѣшнихъ цѣнъ 600,000 злотыхъ.

Подносимые расчеты объясняютъ подробнѣе эти результаты.

Будучи основаны на торговыхъ оборотахъ настоящаго только времени, они тѣмъ положительнѣе, хотя, впрочемъ, съ такою же увѣренностію можно ручаться за результаты гораздо еще выгоднѣйшіе по несомнѣнности, что устройство чугунной дороги усугубитъ дѣятельность торговую и промышленную.

Предавая все выше изложенное на благоусмотрѣніе вашей свѣтлости, осмѣливаюсь присоединить мнѣніе мое, что весьма бы полезно было воспользоваться проектомъ Штейнкеллера и войти въ дальнѣйшее съ нимъ соглашеніе съ возможнымъ соблюденіемъ выгодъ казны и съ условіемъ, чтобы, по погашеніи долга компаніи употребленной на постройку суммы, дорога обратилась бы въ собственность правительства.

б.

Примѣрная смѣта расходовъ компаніи чугунной дороги.

Содержаніе 540 лошадей, по 30 лошадей на каждой станціи, полагая каждую лошадь по 550 злотыхъ	300,000 злот.
Перемѣна ежегодно третьей части лошадей, т. е. 180 лошадей въ годъ по 400 злот.	72,000 »
Проводниковъ на три лошади по одному или 180 человѣкъ по 300 злот. каждому. .	54,000 »
Надзирателей для присмотра за исправностію дороги 4 на каждую милю по 300 злот.	43,200 »
18 экспедиторовъ (см. станціи), по одному на каждую станцію, полагая на каждаго по 2000 злотыхъ	36,000 »
На прочихъ служителей и канцелярскіе расходы	24,800 »

Директоръ	20,000 злот.
Починка вагоновъ	50,000 »
Всего . . .	600,000 »
На содержаніе дороги	1,000,000 »
5% ежегодно акціонерамъ	1,000,000 »
3% на погашеніе капитала	600,000 »
4% запаснаго капитала въ теченіе четырехъ лѣтъ, назначенныхъ послѣ въ раздѣлъ .	800,000 »
Итого	4,000,000 злот.

в.

Примѣрное исчисленіе дохода съ чугунной дороги по ходу торговли въ настоящее время.

Предметы перевозимые.	Количество.	Вѣсъ на центнеры.	Фрахты.			Всего.	
			зл.	гр.	съ	зл.	гр.
Желѣзо	300,000 цевт.	300,000	1	6	центнера.	360,000	—
Цинкъ.	120,000 »	120,000	1	6	—	144,000	—
Соль.	400,000 »	400,000	—	27	—	360,000	—
Каменный уголь	600,000 кор.	1,380,000	1	16	кор.	970,000	—
Известь	150,000 »	300,000	2	15	—	375,000	—
Тесанный камень	60,000 кубич. футовъ.	150,000	2	—	куб. фут.	120,000	—
Песочный камень	10,000 »	25,000	1	—	—	10,000	—
Мраморъ . . .	25,000 »	50,000	3	—	—	75,000	—
Алебастръ . . .	50,000 цент.	50,000	1	—	цент.	50,000	—
Строевой лѣсъ .	15,000 штукъ.	150,000	10	—	штуки.	150,000	—
Хлѣбное вино .	200,000 гарн.	20,000	—	15	гарнца.	100,000	—
Хлѣбъ.	300,000 корца.	600,000	2	—	корца.	600,000	—
Всего . . .	—	3,545,000	—	—	—	3,314,000	—
Обратнаго груза въ пятую часть привоза . . .	—	—	—	—	—	386,000	—
Итого . . .	—	—	—	—	—	4,000,000	—

Примѣчаніе. Въ другихъ государствахъ расчеты о выгодахъ чугунныхъ дорогъ основаны на умноженіи числа пассажировъ, а здѣсь основаніемъ принято облегченіе товарныхъ транспортовъ. По этому одному уже нашъ расчетъ гораздо менѣе сомнителенъ.

г.

Примѣрное исчисленіе о сбереженіяхъ казны на перевозѣ соли и на замѣнѣ дровъ каменнымъ углемъ.

Соль.

Сложное количество доставляемой въ Царство Польское соли простирается до 600 т. центнеровъ берлинскихъ, изъ которыхъ болѣе половины перевозится сухопутно.

За провозъ платится нынѣ водою по 14/15 грош. съ мили
» » » » сухопутно » 51/10 » съ центнера
По чугунной дорогѣ платилось бы » 3/4 » » »

Сею разницею фрахта сбережено бы было за перевозку соли по направленію чугун. дороги 380,000 злот. *) сверхъ процентовъ за утечку.

Каменный уголь.

Поставка дровъ для войскъ до 60 т. саженъ, полагая примѣрно по 20 зл., составитъ 1,200,000 зл.

---

*) Вмѣсто положительнаго назначенія въ контрактѣ о постройкѣ желѣзной дороги цѣнъ за провозъ соли и каменнаго угля самъ Штейнкеллеръ предлагалъ уступить гуртомъ 400 т. злот. на нынѣшнихъ цѣнахъ.

Другое лицо предложило уступить на перевозкѣ одной соли по желѣзной дорогѣ противъ нынѣшнихъ цѣнъ 600 т. злотыхъ.

Это количество топлива замѣнилось бы угольемъ 300 т. корцевъ, который обойдется съ доставкою до казармъ не дороже 2 зл. 20 гр., что соотвѣтствуетъ цѣнѣ на дрова 13 зл. 10 гр., всего . . . . 800,000 зл.

Денежнаго сбереженія сверхъ сохраненія самыхъ лѣсовъ . . . . 400,000 »

Всего *) . . . . 780,000 зл.

д.

Свѣтлѣйшій князь,

Милостивый государь!

Послѣдняя почта привезла намъ извѣстіе о благополучномъ прибытіи вашей свѣтлости въ столицу, не смотря на дурную дорогу и неблагопріятную погоду. Это извѣстіе совершенно насъ успокоило.

На сей разъ я не имѣю ничего особенно важнаго донести вашей свѣтлости.

Вчера вечеромъ возвратился сюда изъ Лондона Штейнкеллеръ, сейчасъ у меня былъ и, какъ удостовѣряетъ, привезъ весьма хорошіе результаты относительно дѣла по устроенію желѣзной дороги отъ Варшавы до Нивки.

Значительная часть капитала имѣется уже у него въ наличныхъ деньгахъ. Успѣхъ въ собраніи остальной суммы, потребной на предпріятіе, почитаетъ онъ несомнѣннымъ. Штейнкеллеръ привезъ также новыя идеи и предположенія, по разсказамъ его весьма плѣнительныя.

Въ одной колоннѣ костела св. Іоанна, которую почитали твердою, оказалась трещина. Я лично осмотрѣлъ оную съ архитекторомъ Ицковскимъ и поручилъ людямъ свѣдущимъ обще съ нимъ изыскать причины поврежденія и спо-

*) Т. е. сбереженія на перевозкѣ соли и топлива.

собы къ отвращенію дальнѣйшихъ послѣдствій, о чемъ вслѣдъ за симъ буду имѣть честь подробно донести вашей свѣтлости.

Сегодня, въ 8 часовъ утра, произошелъ пожаръ на Желѣзной улицѣ. Жертвою огня сдѣлался только пивоваренный заводъ. Пожарная команда прибыла весьма скоро и, дѣйствуя успѣшно, отстояла примкнутые къ сему зданію деревянные дома.

Съ чувствомъ глубочайшаго уваженія и совершенной преданности имѣю честь быть

Вашей свѣтлости покорнѣйшимъ слугою

Сергѣй Шиповъ.

Варшава.
6-го (18-го) апрѣля 1839 г.

№ 39.

ПИСЬМА

КЪ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1839 годъ.

(12 писемъ.)

С.-Петербургъ.
4-го (16-го) генваря 1839 г.

Благодарю тебя искренно, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 29-го декабря и за добрыя желанія на наступившій годъ. Вѣрю твоей дружбѣ и прошу себѣ ея продолженія. Прошлымъ годомъ намъ пожаловаться нельзя; будемъ молить Бога намъ даровать подобный же. Наше положеніе не дурно; финансы никогда не были въ лучшемъ положеніи; армія твоими трудами въ хорошемъ состояніи; запасы полны; духъ вообще хорошъ; торговля процвѣтаетъ— есть за что благодарить Бога и молить только о продолженіи сего благополучія. Свѣдѣнія Вернера очень важны, лишь бы только австрійцы дѣло не испортили. Подобныя же свѣдѣнія дошли до меня и съ другой стороны. На-дняхъ англинскій посолъ вручилъ намъ ноту, съ изъясненіемъ своего правительства, что они скоро принуждены будутъ требовать

въ парламентѣ способовъ усиленія своего флота. Что они къ сему вынуждены постояннымъ сильнымъ флотомъ, который мы вооруженнымъ содержимъ какъ въ Балтикѣ, такъ и въ Черномъ морѣ. Что всѣ правительства послѣ войны уменьшили свои арміи и флоты, кромѣ насъ; что они не оспариваютъ у насъ права дѣлать, что мы хотимъ; что они, т. е. само правительство, никакъ не опасается и не вѣритъ, чтобъ мы что-либо затѣивали, но что общее мнѣніе публики такъ сильно противъ насъ, относя нашу постоянную военную ногу будто противъ нихъ замышленною, что правительству необходимо и съ своей стороны успокоить умы соотвѣтствующимъ вооруженіемъ; и что потому *просятъ насъ*, не можемъ ли мы увѣдомить ихъ *дружески*, сколько намѣрены мы держать вооруженныхъ кораблей, и не можемъ ли уменьшить сообразно съ другими наше вооруженіе? каково и до чего мы дожили! отвѣтъ будетъ не мудренъ. Между тѣмъ ихъ мерзости въ Пруссіи продолжаются, и это одна статья, развязка которой мнѣ еще не ясна. Про Бельгію не знаю ничего новаго. Здѣсь все тихо и веселится.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя душевно; на вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
28-го генваря (9-го февраля) 1839 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 20-го (1-го), которое я три дня, какъ получилъ. Дѣло о желѣзной дорогѣ считаю весьма полезнымъ, *ежели* австрійское правительство не запретъ намъ свои границы на подобіе Пруссіи, чѣмъ всѣ наши расчеты бы рушились. Какъ сіе предупредить? не придумаю. Что по сему полагаешь, напиши мнѣ. Побѣгъ Скржынецкаго, по вызову Леопольда,

есть важное событіе и по моему выгодное, по двумъ причинамъ: 1-я оттого, что служитъ новымъ примѣромъ, что оказывается честнымъ словомъ у каналій поляковъ; и невѣрующимъ *можетъ быть* откроетъ глаза; 2-я тѣмъ особенно важна, что въ ту минуту, когда окончательно хотятъ признать Бельгію и м . . . . . .а Леопольда, онъ самъ даетъ намъ образецъ, чего отъ него ждать можно, и что это за правительство готовятся признать! Наконецъ дай Богъ побольше такихъ намъ противниковъ генераловъ; легче будетъ намъ сладить съ ними. Что будетъ, мудрено отгадать. Признаніе въ Лондонѣ *всѣми* подписано; но достаточно ли того, чтобъ Леопольда или Бельгію заставить выполнить отъ нея требуемое, крайне сомнительно. Кто же и какъ принудятъ ихъ къ сему? Уже вѣрно не Англія, ибо у нея нѣтъ арміи; не Франція, ибо у нея собрана армія *для*, а не *противъ* Бельгіи. Не Пруссія, ибо намъ извѣстно, что ихъ *несетъ* отъ одной мысли войны; не Австрія, ибо ей и далеко, да и не до того; а намъ еще меньше, хотя-бъ не за чѣмъ бы дѣло стало. Не Голландія, ибо сего не допустятъ. Повторяю, кто же? и потому не считаю ничуть, чтобъ симъ признаніемъ дѣло было кончено; оно только укрощено; дальнѣйшее увидимъ. Говорятъ, будто есть слухи, что Леопольдъ en désespoir de cause замышляетъ кинуться въ прусскія рейнскія провинціи, съ которыми будто есть у него революціонныя связи. Хотя это что-то мудрено; но нынѣ одно мудреное или неожиданное сбывается, потому можетъ быть и это придется намъ видѣть. Сомнѣваюсь ему въ неудачѣ; ибо пруссаки изъ сбереженія своихъ талеровъ войска не собрали, а стоятъ на мирномъ положеніи по квартирамъ; разсѣять ихъ врасплохъ, въ особенности при дурномъ расположеніи лѣсовъ въ краѣ, не мудрено, и меня ничуть не удивитъ. Сбудется — пойдутъ охи, да ахи, и ну къ намъ на помощь. Мы будемъ готовы, но или дома останемся ждать погоды, или явимся съ 300 т. войска

русскаго, вѣрнаго, христолюбиваго, храбраго и побѣдоноснаго, съ нашимъ варшавскимъ богатыремъ въ головѣ, и тогда—съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ; а вы, дураки нѣмцы, зажми ротъ, и пляши подъ нашу дудку. Такъ ли, мой отецъ командиръ? Теперь рано однако что-либо готовить. У меня однако 1000 артил. лошадей готовы на корму въ Екатеринославскомъ поселеніи. Нужно будетъ какъ разъ тутъ для 3-го корпуса; останется закупить для 1-го, 2-го и 4-го по твоему распоряженію, для гренадеръ и для гвардіи, на это мѣсяцъ и все готово. Такъ будемъ мы черезъ три мѣсяца съ 6 пѣхот. и 3 кавал. корпусами на Одерѣ. И это хорошо. Англійская миссія выѣхала изъ Тегерана, а Макъ Ниль будетъ здѣсь на-дняхъ; Симоничъ намъ много напуталъ, но, надѣюсь, дѣло обойдется. Жаль Моле, былъ честный человѣкъ; но все равно, рано или поздно противная партія должна была торжествовать, и потому, чѣмъ ранѣе къ развязкѣ, тѣмъ лучше, пока мы еще въ силахъ. Здѣсь все тихо и хорошо, веселятся много, но прилично. Морозы начались и сегодня было 21½ градусъ, но погода славная. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всей души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Александрія близъ Петергофа.
7-го (19-го) февраля 1839 г.

Хотя графъ Чернышевъ тебѣ подробно пишетъ, я считаю не излишнимъ тебѣ написать еще нѣсколько словъ, мой отецъ командиръ, чтобъ тебѣ изъяснить, какимъ образомъ я взираю на нынѣшнія, по моему, весьма важныя обстоятельства. Вызовъ Скржинецкаго, пріемъ его въ службу вопреки Австріи

и Пруссіи, по моему, не есть простое дѣйствіе Бельгіи, но явный признакъ, что подъ симъ именемъ нынѣ таится или является *общая* пропаганда съ характеромъ революціонно-католико-фанатическимъ. Самый выборъ Скржинецкаго *не что иное.* Отважность же отказать Австріи и Пруссіи и то тогда, когда по *видимому* никогда союзъ пяти державъ не былъ единодушнѣе въ цѣли своей, есть *дерзость*, не въ характерѣ проныры и к. . . . .и Леопольда, у котораго все расчетъ. Я полагаю, что этотъ ш. . . .а, чувствуя, что ему не удержаться, рѣшился испытать послѣдній ему предлагавшійся способъ, т. е. стать головой вмѣсто Луи Филиппа, всѣхъ революціонистовъ, и этимъ оружіемъ намъ противуборствовать. Не знаю какъ и въ какой мѣрѣ Англія и Франція захотятъ и возмогутъ принудить Бельгію покориться изреченному конференціей; но ежели сіе сбудется, то, полагаю, не на долго, и предвижу все неизбѣжную войну. Эта война будетъ не обыкновенная, но ужасная свалка двухъ началъ: *зла* противъ *добра.* Сомнѣваюсь, чтобъ при слабомъ устройствѣ Германіи, успѣхъ былъ на сторонѣ добра, и, признаюсь, опасаюсь большихъ несчастій и распространенія зла быстро и далеко. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда закричатъ къ намъ, требуя помощи. Въ ней отказу не будетъ, ибо, защищая *добрую* сторону, мы себя будемъ защищать. Но не иначе пойду на помощь, какъ съ тѣмъ, чтобъ другихъ заставить дѣлать по нашему; и потому не 50 т. поведу, но по крайней мѣрѣ 300 т.; иначе не пойду ни на шагъ, а буду ждать, чтобъ о насъ сломились. Обдумать и приготовить *все* для этого, есть предметъ нынѣшнихъ моихъ попеченій.

Я намѣренъ двинуть за границу 1-й, 2-й, 3-й, 4-й гренадерскій и гвардейскій пѣшіе корпуса и гвардейскій 2-й и 3-й резерв. кав. корпуса. Гдѣ, сколько и какихъ лошадей, и во сколько времени закупить можно, и сколько мѣстными способами можно заготовить продовольствія, для пути сихъ

войскъ, ихъ сосредоточенія и составленія по крайней мѣрѣ двухъ мѣсячнаго на польской границѣ запаса—вотъ вопросы къ твоему разсмотрѣнію и возможному рѣшенію.

Движеніе войскъ желательно произвести до Шлезіи нашимъ краемъ; чтобъ было дешевле и независимѣе; нужно сдѣлать потому предположеніе для трехъ маршрутовъ по корпусамъ; первому, направляя на Плоцкъ, 2-му на Варшаву или Ново-Георгіевскъ; 3-му на Люблинъ. 4-й выдвинуть какъ авангардъ къ Калишу. Гренадерамъ на Вильну, Гродно и Варшаву. Резервная кавалерія чрезъ Люблинъ и Брестъ. Гвардія за гренадерами или параллельно имъ чрезъ Ригу на Августовъ. Вмѣстѣ съ этимъ 6-й корпусъ пойдетъ въ Польшу, 5-й останется въ своихъ квартирахъ, а 1-й резервный кав. станетъ въ поселеніяхъ Кіевской и Подольской губерній; резервы кавалерійскіе въ Новороссійскихъ поселеніяхъ. Всѣ 5 резерв. бат. кромѣ 6-го корпуса двинутся впередъ. 1-го корпуса въ Ригу и Дюнабургъ. 2-го въ Вильну и Гродно. 3-го въ Брестъ, 4-го въ Кіевъ; гренадеръ въ Псковъ. Всѣ безсрочные или 6-го бат. сберутся и станутъ на нынѣшнихъ квартирахъ 5 бат. Нужно подумать о паркахъ и усилить способами польскихъ заводовъ мѣстные склады снарядовъ. Для безопасности края, всѣхъ извѣстныхъ говоруновъ и въ особенности бывшихъ участниковъ революціи нужно будетъ заблаговременно вызвать и выслать во внутрь Россіи подъ строгій присмотръ, и ничѣмъ не пренебречь, это можетъ упрочить спокойствіе края. Теперь скажу тебѣ, что по ходу дѣла я полагаю, что гроза надъ Германіею не разразится ранѣе, какъ мѣсяца чрезъ два; такъ что мы призваны быть можемъ не ранѣе, полагаю, какъ въ началѣ іюня, и потому поспѣть можемъ рано, что къ началу августа на Эльбу, можетъ быть уже на Одеръ!

Дай Богъ, чтобъ я ошибался, но полагаю лучше предвидѣть худшее, чѣмъ льстить себя обманчивыми надеждами.

За симъ *аминь*! Обнимаю тебя душевно, на вѣки твой искренно доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) марта 1839 г.

Я медлилъ отвѣчать на письмо твое отъ 17-го февраля (1-го марта), мой любезный отецъ командиръ, оттого, что г. Чернышевъ дѣлалъ разныя соображенія и подробную смѣту всѣхъ расходовъ по приведеніи арміи въ военное положеніе. Все это вчера только кончено и тебѣ сообщится. И такъ у насъ будетъ все готово; но, приступя къ оному, другое я отложилъ, ибо обстоятельства приняли другой оборотъ, и, ежели я не ошибаюсь, близкой войны намъ не угрожаетъ. Ежели же было-бъ какое опасеніе, то наша роль начнется не ранѣе 4 или 5-ти мѣсяцевъ позже, ибо повторяю, что я не клочками введу наши войска, но гряну сразу со всею силою; иное намъ неприлично. Вчерашнія извѣстія изъ Парижа и Брюсселя, ничего еще рѣшительно не объясняя, дозволяютъ однако предполагать тихой развязки; вопросъ только на долго ли? Что за мерзости въ Гишпаніи! Чортъ ихъ не разберетъ. Сына моего приняли въ Вѣнѣ весьма ласково во всѣхъ сословіяхъ; и онъ не нахвалится всѣми. Здѣсь у насъ все тихо и хорошо, кромѣ мороза, сегодня 17 градусовъ; больныхъ въ городѣ много. Практическіе походы войскъ съ этой стороны имъ очень полезны и замѣтно уменьшаютъ число больныхъ; я ими очень доволенъ. Ждемъ тебя, но когда? не знаемъ. Въ Зимнемъ дворцѣ все идетъ къ концу и съ помощію Божіею будетъ готово къ Пасхѣ, которую тамъ надѣемся праздновать. Цѣлую ручки княгинѣ. Жена моя тебѣ кланяется, она начинаетъ поправляться, бывъ нездорова съ начала поста. Прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всей души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Царское Село.
20-го мая (1-го іюня) 1839 года.

Любезный мой отецъ командиръ, письмо твое отъ 16-го (28-го) получилъ я вчера поутру. Мнѣ столько же больно было, какъ и тебѣ несчастное открытіе въ Вильнѣ. Что французъ попался, было-бъ не мудрено, но что пристали къ нему *русскіе!!!* и чтобъ безпечность всѣхъ властей, какъ корпусныхъ, такъ и городскихъ достичь могла подобной степени, это неслыханно, непростительно и требуетъ примѣрное взысканіе. Ты по данному повелѣнію чрезъ фельдъегеря и повторенное телеграфомъ, увидѣлъ, сколь важнымъ считаю сіе происшествіе. Посылка Горчакова необходима, дабы до корня вырвать зло, узнать *какъ* до подобнаго порядокъ въ войскахъ, въ самой корпусной квартирѣ до того уроненъ, словомъ, *все* узнать и главное *все* свинтить. Дуренъ Гейсмаръ? вонъ его, вонъ *всѣхъ*, кто безпорядокъ допускали или даже не знали, ибо это столь же доказываетъ ихъ неблагодарность; словомъ, нуженъ наистрожайшій примѣръ. Уже комендантъ и плацъ-маіоръ отставлены и не уйдутъ даже отъ суда, по всѣмъ вѣроятіямъ. Гадко, срамно! Начавшійся заговоръ въ Ломзѣ хорошо что открытъ, надо и тутъ не шутить. Здѣсь все хорошо; войсками я отмѣнно доволенъ, какъ на смотру, такъ и на ученьи. Погода стояла чудесная, и всякій день грозы, послѣ послѣдней, второй день свѣжо, но ясно. Лагерь начнется 12-го (24-го) іюня маневрами, какъ и всегда. Новаго ничего не знаю; жду извѣстій отъ сына; у него все шло очень хорошо въ Лондонѣ, надѣюсь, что такъ и кончилось, и кажется его тамъ полюбили. Вчера вечеромъ прибылъ Максъ, и дочь счастлива. Вѣроятно ты уже въ дорогѣ; дай Боже, чтобъ воды тебѣ были въ пользу; не торопись и пей и купайся какъ слѣдуетъ; и *въ модный магазинъ не слишкомъ заглядывай.* Прощай, обнимаю тебя отъ всей души. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

Не хорошъ ли будетъ Липранди начальн. штаба вмѣсто Гембица? напиши мнѣ, какъ думаешь; а то не знаю, кого прибрать туда.

Александрія, близъ Петергофа.
15-го (27-го) іюня 1839 г.

Благодарю тебя искренно, мой любезный отецъ командиръ, за твои два письма отъ 21-го мая и 6-го іюня. Я ждалъ пріѣзда к. Горчакова, дабы отвѣчать тебѣ на первое. Онъ вовремя сюда прибылъ, т. е. въ самое утро перваго маневра. Извѣстія, имъ привезенныя, и слѣдствіе новаго ничего не оказали, кромѣ только убѣжденія въ неимовѣрномъ безпорядкѣ службы въ этихъ полкахъ и въ городовомъ начальствѣ. Мѣры противъ сихъ безпорядковъ надо принять самыя строгія, и ни одного виновнаго не оставить въ этомъ корпусѣ, но разбить ихъ врознь къ строгимъ начальникамъ. Здѣсь все у насъ очень хорошо. Маневры предъ вступленіемъ въ лагерь прошли удачно; войсками былъ я отмѣнно доволенъ. Но многое должно было замѣтить начальникамъ, у которыхъ прорываются прегрубыя ошибки, и я полагаю, что одна практика отъ сего отучить можетъ и подать привычку настоящихъ правилъ. Усердія тьма и всякій изъ кожи лѣзетъ, чего мнѣ лучшаго желать. Твои замѣчанія на счетъ духа въ Германіи почти тѣ же, что я имѣлъ случай сдѣлать въ прошлое лѣто. Та же апатія, та же трусость и притомъ общее безпокойство о будущемъ. Полагаю, что кромѣ громоваго удара ничто не разбудитъ; но ударъ сей будетъ жестокъ и поразитъ и разрушитъ это старое гнилое зданіе. Турецкія дѣла въ томъ же положеніи; съ Австріей и даже Франціей мы почти за одно; что будетъ въ Англіи — жду. Изъ Персіи новаго ничего нѣтъ; и про успѣхи англичанъ ничего неизвѣстно.

Жду на-дняхъ сына, котораго пребываніе въ Англіи имѣло самыя счастливыя послѣдствія. Въ Дармштадтѣ кажется нашелъ онъ залогъ будущаго своего счастія и получилъ семейно отцовское тамъ согласіе; Богъ все устроилъ и, надѣюсь, устроитъ все къ лучшему, на Него моя надежда!

Въ Симбирскѣ у насъ большіе безпорядки, поджоги и убійства, и я долженъ былъ послать ф.-а. к. Васильчикова, а теперь г.-л. Перфильева, корп. жандармовъ, съ полномочіемъ, чтобъ зародышъ ужаснаго зла утушить въ началѣ. Притомъ надежды тамъ на урожай самыя плохія, все это меня сокрушаетъ. Готовимся къ свадьбѣ дочери. Моимъ женихомъ я отмѣнно доволенъ и кажется могу надѣяться счастію дочери. Жена моя тебѣ кланяется, а я тебя душевно обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Петергофъ.
11-го (23-го) іюля 1839 г.

На-дняхъ получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, по возвращеніи въ Варшаву; но жаль мнѣ очень, что ты не довершилъ своего леченія, и что кашель твой не проходитъ; надо тебѣ не пренебрегать своимъ здоровьемъ и беречь себя, помни, какъ ты дорогъ всѣмъ тебя любящимъ и, можно сказать, всей Россіи, молю тебя, помни это и не шути своимъ здоровьемъ. Понимаю очень, сколь сильно должно было тебя огорчить извѣстіе объ открытыхъ между офицеровъ перваго корпуса связяхъ съ преступными поляками, но что тутъ дѣлать! раздѣляю твое мнѣніе, что надо до корня вырвать зародышъ зла, и въ этомъ смыслѣ приказывалъ я при прощаніи к. Горчакову; другого способа и быть не можетъ, какъ наказавъ виновнѣйшихъ, прочихъ разослать врознь въ дальніе гарнизоны; ты это въ приговорѣ вспомнишь.

По телеграфу я тебя увѣдомилъ о благополучно совершившемся бракосочетаніи дочери; надѣюсь на милость Божію, что это намъ въ утѣшеніе на старые годы. Третьяго дня прибылъ эрцгерцогъ; вчера вечеромъ мы сюда переселились, а завтра послѣдній праздникъ. Послѣ того примусь за флотъ и за войска, которыми покуда мало могъ заняться по причинѣ праздниковъ. Жара у насъ удивительная и погода такая прелестная, какой никто не запомнитъ; однако больныхъ и умершихъ много отъ необыкновенной температуры. Прощай, милый мой Иванъ Федоровичъ, обнимаю тебя отъ души.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Царское Село.
30-го сентября (12-го октября) 1839 г.

Сейчасъ получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, отъ 26-го (8-го) числа, за которое душевно благодарю. Съ самой нашей разлуки съ тобой я кромѣ непріятнаго ничего не имѣлъ. Здоровье жены моей, которую предъ отъѣздомъ оставилъ поправляющеюся, видимо, къ несчастію, вновь столь разстроилось, что я долженъ былъ, внезапно оставя Москву, спѣшить къ ней сюда, въ жестокомъ безпокойствѣ найти ее опасно больною. Но милосердіемъ Божіимъ опасенія мои были напрасны и я нашелъ ее, хотя еще въ постели, но почти безъ лихорадки, но сильно страдающею еще отъ нервически простудной головной боли. Теперь ей лучше, и она третій день, какъ перешла въ кабинетъ, но крайне слаба, и вся польза леченія нынѣшняго лѣта исчезла. Вслѣдъ за тѣмъ заболѣла дочь моя Ольга сильной простудой и сегодня только, послѣ 14 дневной сильной лихорадки при жестокомъ кашлѣ, ей кажется получше. Въ это же время лишились мы нашей почтенной генеральши Адлербергъ, бывшей

моей первой наставницы, и которую я привыкъ любить, какъ родную мать, что меня крайне огорчило. Наконецъ сынъ заболѣлъ дорогой и, судя по первымъ признакамъ болѣзни, надо было опасаться повторенія прошлогодней. Я долженъ былъ согласиться дозволить ему сюда воротиться и отказаться на сей разъ ѣхать въ Варшаву. Изъ всего этого заключить ты можешь, въ какомъ я расположеніи духа, но что дѣлать, это воля Божія; надо терпѣть и покоряться — но очень, очень тяжело.

Новаго ничего нѣтъ. Первые шаги Брунова въ Лондонѣ были очень удачны; и кажется поѣздка его будетъ въ большую пользу. Повидимому Англія съ Франціей болѣе и болѣе разлаживаются. Жаль мнѣ очень, что магазинъ въ Новодворѣ нельзя казематировать; этимъ половина его цѣны исчезаетъ, ибо опытъ намъ показалъ, что онъ горѣть можетъ; и этимъ лишитъ насъ въ военное время огромныхъ способовъ, ничѣмъ не возвратимыхъ. Какъ-то ты доволенъ войсками 1-го корпуса? За поведеніемъ офицеровъ нужно будетъ строго присматривать.

Обнимаю тебя отъ всей души. На вѣки твой искренно доброжелательный.

Н.

Царское Село.
17-го (29-го) октября 1839 г.

Вчера получилъ я письмо твое, любезный мой отецъ командиръ, и благодарю душевно за твое участіе. Слава Богу, я теперь спокойнѣе на счетъ здоровія моихъ больныхъ. Жена моя начинаетъ поправляться; дочери моей тоже легче и кажется она вышла изъ опасности, хотя все еще крайне слаба и лежитъ въ постели; наконецъ и сыну кажется лучше по письму, сегодня полученному. Все это время было для меня

крайне тяжелое; и одна покорность волѣ Божіей проводитъ чрезъ подобныя испытанія. Поѣздка Брунова въ Лондонъ не имѣла успѣха, ожиданнаго для дѣлъ турецкихъ, но совершенно достигла своей цѣли, открывъ глаза Англіи на нашъ счетъ и возбудивъ неудовольствіе между ею и Франціею. Въ Парижѣ на насъ очень сердятся, но тщетно. Истощивъ такимъ образомъ всѣ способы помочь дѣлу и не успѣвъ ни въ чемъ томъ, что здравый разсудокъ велѣлъ бы, я рѣшился оставить ихъ однихъ дѣлать, что хотятъ, и увѣренъ, что кончится тѣмъ, что изъ зависти однихъ къ другимъ они ничего не сдѣлаютъ, и что придется намъ однимъ все поставить на ладъ, но тогда уже *по нашему*. Примѣръ надъ Дунинымъ весьма полезный, посмотримъ, что папа затѣитъ; нашимъ же ни къ чему придраться нельзя. Въ послѣднемъ письмѣ я кажется забылъ тебѣ написать, что по условію нашему я съ Уваровымъ объяснялся на счетъ намѣренія моего переобразовать всю учебную часть въ Польшѣ; онъ вникъ въ мои мысли и отправился къ тебѣ, чтобъ тебя слышать и, подъ твоимъ руководствомъ ознакомясь съ настоящимъ положеніемъ, заняться составленіемъ проекта новаго устройства сей части. Не сомнѣваюсь, что дѣло сіе, которое считаю наивеличайшей важности, пойдетъ весьма хорошо. При семъ случаѣ, по желанію жены, рекомендую твоему покровительству новую начальницу женскаго института, которую отмѣнно хвалятъ. Зима у насъ становится довольно рано; снѣгъ и до 5 градусовъ мороза. На-дняхъ дѣлаю смотръ войскамъ, вѣроятно въ походной формѣ. Полагаю, что здѣсь проживемъ еще недѣли три, ибо ранѣе того нельзя будетъ перевезти дочь. Прощай, мой любезный отецъ командиръ; жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
12-го ноября 1839 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ *) ноября. Проектъ будущаго устройства учебной части въ Польшѣ и соединенія съ министерствомъ въ Имперіи я нахожу весьма хорошо обдуманнымъ, и надѣюсь, что эта мѣра принесетъ несомнѣнный плодъ. Но не сомнѣваюсь, что злоба поляковъ при этомъ вновь окажется, да ни что. Весьма замѣчательно, что папа покуда молчитъ по унитскому дѣлу; и еще страннѣе, что онъ опорочилъ Дунина за побѣгъ и возвращеніе тайкомъ въ эпархію; что значитъ это, еще не пойму, ибо это въ противорѣчіи съ прошедшими его дѣйствіями. Съ англичанами мы очень сладимся и кажется оттого, что они съ французами ссорятся. Но намъ не за чѣмъ входить въ разборъ тайныхъ причинъ, а пользоваться должно ихъ теперешнимъ расположеніемъ, чтобъ дѣло подвинуть къ развязкѣ. Странный нашъ вѣкъ! Слава Богу, мои больные поправляются; мы теперь въ Зимнемъ, который блеститъ красой и новизной. Здѣсь все тихо; войсками я очень доволенъ. Жаль только, что приходящія команды приводятъ много глазныхъ болѣзней; а рекруты полки оставили близъ 400 человѣкъ больныхъ глазами во Псковѣ и въ жестокой степени; не понимаю, какъ эта болѣзнь въ нихъ такъ сильно гнѣздится.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю; твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
14-го (26-го) декабря 1839 г.

Третьяго дня получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, отъ 8-го (20-го) числа. Я было начиналъ недоумѣвать, отчего столь долго не получалъ писемъ отъ тебя.

*) Число пропущено.

Проектъ шоссейныхъ работъ мнѣ кажется весьма выгоднымъ, не знаю, что найдетъ замѣтить комитетъ, которому разборъ дѣла поручается. Съ Уваровымъ увижусь на-дняхъ и кончимъ дѣло. Хотя жаль, что мысль пенсіоновъ не возможна въ исполненіи, по совершенно согласенъ съ тобой въ причинахъ, которыя должны удержать насъ въ исполненіи сего преждевременнаго дѣла. Объявленіе папы нахожу я еще гораздо скромнѣе, чѣмъ, признаюсь, ожидалъ. На здѣшнихъ бывшихъ уніятъ оно ни мало не дѣйствуетъ, ибо они впередъ сего ожидали и не боятся, но боюсь, что удержитъ еще на долго присоединеніе польскихъ уніятъ; хотя оно ни мало не должно препятствовать намъ дѣйствовать на нихъ съ тою же постоянною осторожною настойчивостію, которая привела сіе дѣло въ Россіи столь къ счастливому заключенію. Напиши мнѣ, что холмскій епископъ дѣлаетъ и какое на него и на духовенство его произвело дѣйствіе папское объявленіе? Благодарю весьма за присылку прекрасныхъ картинъ; какъ я радъ буду увидѣть собственными глазами прекрасныя и величественныя сіи работы. Новаго ничего не знаю. Въ Царьградѣ все спокойно, Бруновъ въ Лондонѣ и я скоро надѣюсь получить извѣстіе о благополучномъ заключеніи договора, который столько труда и времени стоилъ заключить, потому именно, что ничего не было легче. Но мы видимъ, что простое и прямое не всегда легко именно оттого, что просто и легко. Наша экспедиція въ Хиву отправилась, не знаю, какой будетъ успѣхъ, ибо вещь мудреная, и въ особенности зимой; кромѣ стужи и булановъ все надо вести съ собой; и, чтобъ вывесть въ поле до 5 т. войска, нужно было двинуть 10,400 верблюдовъ и 28 т. лошадей для предварительныхъ завозовъ продовольствія; изъ сихъ лошадей уже 8 т. пало! Ужасъ подумать! Ежели удастся, то вліяніе будетъ сильно и полезно; но жаль противнаго, а увѣрену быть нѣтъ никакой возможности.

У насъ были морозы до 26° почти двѣ недѣли сряду; теперь легче, но вьюги.

Прощай, мой отецъ командиръ; жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
22-го декабря 1839 г. (3-го генваря 1840 г.).

Благодарю тебя, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 15-го (27-го), которое я три дня какъ получилъ. Радуюсь очень, что ты доволенъ былъ чувствами нашего молодого жениха; надѣюсь, что мы не ошиблись въ немъ и что надежды утвердить счастіе дочери оправдаются. Покуда въ Германіи на насъ очень досадуютъ за это, но за ними!—у нихъ я не знаю ему подобнаго; и зависть многому причина.

Новаго ничего не знаю; вздору въ газетахъ печатаютъ много; но вѣрить всему нельзя. Не догадываюсь тоже, какъ кончится дѣло съ Бельгіею? какъ сперва французовъ, а потомъ ихъ принудятъ согласиться, послѣ всего что было? Третьяго дня дѣлалъ внезапный смотръ гарнизону и былъ имъ очень доволенъ. Все здѣсь тихо, пляшетъ и веселится и ничего не слыхать. Дай Богъ, чтобъ всегда такъ было. Надѣюсь, что въ арміи прибавка жалованья иныхъ порадовала; что могъ, то и сдѣлалъ. Хорошо, что бюджетъ допустилъ сіе исполнить. Онъ точно хорошъ, ибо за всѣми расходами въ остаткѣ болѣе 10 м.!

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ; обнимаю тебя отъ всей души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Сем. Арх. кн. Паскевича.

№ 40.

Мятежный генералъ Скржынецкій убѣжалъ изъ Праги, гдѣ ему назначено было жительство, дабы вступить въ военную службу бельгійскаго короля.

Австрійское правительство, извѣстясь о томъ, приказало своимъ посольствамъ объявить, что если Скржынецкій будетъ принятъ или останется въ службѣ короля, то оно отзоветъ своего повѣреннаго въ дѣлахъ изъ Брюсселя и прерветъ всякія дипломатическія сношенія съ бельгійскимъ правительствомъ, и предложило Пруссіи сдѣлать то же.

Рѣшимость вѣнскаго двора достойна всякой хвалы.

Побѣгъ Скржынецкаго, если только справедливо, что послѣдовалъ по убѣжденію самого короля, служилъ бы доказательствомъ, что бельгійское правительство рѣшилось прибѣгнуть къ войнѣ, чтобы удержать за собою Люксембургъ и Люнебургъ.

Впрочемъ, весьма правдоподобно, что князь Черторижскій и мятежническіе клубы сами вызвали Скржынецкаго. Въ такомъ случаѣ, король, чтобы избѣгнуть разрыва съ Австріею, объявитъ, что онъ не намѣренъ опредѣлить его въ службу, а онъ останется въ Бельгіи и готовъ будетъ въ случаѣ нужды принять начальство надъ частію бельгійскихъ войскъ или надъ мятежными шайками.

Въ польской войнѣ Скржынецкій не выказалъ себя великимъ полководцемъ; но нельзя оспаривать у него нѣкотораго военнаго таланта. Онъ способнѣе командовать, нежели всѣ до сихъ поръ извѣстные бельгійскіе генералы.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 41.

Projet concernant la construction des chaussées dans l'Empire.

1° La Compagnie constituée à Varsovie pour la construction des chausées dans l'Empire, ayant obtenu la suprême sanction, procédera incessamment à l'exécution du projet, qu'elle a pris la liberté de soumettre à Son Altesse le Prince Namiestnik, pour le déposer aux pieds du Trône de Sa Majesté.

2° Ce projet consiste à offrir ses services pour la construction de toutes les chaussées qu'il plairait à Sa Majesté de lui confier.

Le plan général présenté par la Compagnie embrasse un ensemble de 7,000 verstes.

Elle propose de partager cette étendue en trois sections, et s'engage à exécuter chacune d'elles séparément dans l'espace de cinq ans, à dater du jour du commencement des travaux, ou dans dix ans, si toutes les sections lui seront remises à la fois. Les travaux seront exécutés par des ingénieurs polonais ou autres employés au service de la Compagnie, qui laisse d'ailleurs au gouvernement toute liberté d'élargir ou de rétrécir l'étendue des travaux d'après son bon vouloir, et de prescrire l'ordre dans lequel ils devront être exécutés.

3° La Compagnie demande à être payée en annuités calculées sur le pied de 5 % par an, et proportionnées à l'espace de tems dans lequel le gouvernement voudrait voir cette dette amortie.

4° Aussitôt que la volonté suprême sur les chaussées, dont la construction devra être confiée à la Compagnie, sera connue, une ordonnance indiquera les points principaux par lesquels les chaussées projetées devront passer; les points intermédiaires seront désignés par MM. les Gouverneurs Géné-

raux-qui s'entendront là-dessus avec les délégués de la Compagnie, et les détails des directions de ces chaussées seront déterminés par ses ingénieurs, sans recourir aux autorités locales. On sera tenu surtout de viser à l'économie dans les frais de construction et de conservation, et à ce que la direction des chaussées suive le plus que possible la ligne droite.

La Compagnie se charge également de la construction des casernes destinées aux surveillans des chaussées. Leur emplacement sera déterminé par les ingénieurs d'après les localités et les besoins du service. S'il plaît au gouvernement de charger la Compagnie de la construction des maisons de postes les Gouverneurs Généraux en désigneront l'emplacement où ces bâtisses devront être construites.

5° Dès que le contrat sera ratifié, le gouvernement daignera ordonner aux Gouverneurs Généraux de porter à la connaissance du public les règlemens nécessaires de la même manière que cela s'est pratiqué lors de la construction de la chaussée de Dünabourg et de celle de Taurogen, afin que les ingénieurs de la Compagnie puissent faire en tout tems les arpentages et les nivellemens, tracer à la charrue les lignes à travers les champs, les ouvrir à travers les forêts, rechercher les matériaux et sonder la nature du terrain par les fouilles, ouvrir les carrières de pierre et de gravier, sans qu'il leur soit fait aucun obstacle, ni demandé aucune bonification de la part des propriétaires du terrain.

6° Les ingénieurs de la Compagnie seront en droit de demander aux autorités locales et aux propriétaires fonciers des hommes pour les arpentages et les moyens de transport pour eux et pour les instrumens, contre payement de la valeur des jours de corvée usitée dans chaque contrée. Ces ingénieurs pourront également se fournir dans les forêts qu'ils traverseront des jalons et des pieux pour l'arpentage et le nivellement, sans aucune bonification dans les forêts du gouverne-

ment, et dans celles des particuliers contre le payement d'après le prix usité dans la contrée.

7⁰ Les autorités locales respectives auront l'ordre de fournir aux ingénieurs de la Compagnie, quand ils le demanderont, des données officielles sur le prix de la main d'œuvre et des moyens de transport, et sur le prix et la distance de toute espèce de matériaux à employer à la construction des chaussées, ayant égard à la quantité de matériaux à fournir, et à la rapidité avec laquelle le travail doit s'exécuter, et l'augmentation du prix de la main d'œuvre qui en sera la suite naturelle; tout cela devra se faire, comme on l'a pratiqué lors de la construction des chaussées de Dünabourg et de Taurogen.

8⁰ Tous les plans et les devis seront exécutés par les ingénieurs de la Compagnie d'après les mêmes bases et règlemens que ceux confectionnés par les ingénieurs du Royaume, pour les chaussées de Dünabourg, de Taurogen, de Bobrouysk, ainsi que celle de Vilna à Githomierz.

9⁰ S'il se trouve que sur les directions confiées à la Compagnie il y a des lignes, dont on aura fait antérieurement l'arpentage, le gouvernement en fera remetre les plans et même les devis à la Compagnie afin d'accélérer les travaux.

10⁰ Si parmi les lignes de construction confiées à la Compagnie il se trouvait des chaussées déjà commencées, que le gouvernement voudra faire continuer par d'autres que par la Compagnie, ces points seront exclus de la totalité des routes qui lui sont abandonnées. Elle s'engage cependant à recevoir du gouvernement au prix de revient tous les matériaux de construction qui pourraient se trouver préparés sur la ligne des chaussées qui entrent dans son système.

11⁰ Afin de pouvoir commencer le plus tôt possible ses travaux, la Compagnie se chargerait volontiers, si cela plaisait au gouvernement, de l'exécution de la chaussée projetée entre Briest-Litowski et Bobrouysk, d'après les devis dressés par

M. le Général Christiani et sous sa direction sous le rapport technique.

12° Il sera permis aux ingénieurs de rédiger leurs travaux et le devis en polonais d'après la forme usitée dans le Royaume et déjà adoptée précédemment pour lès chaussées qui ont été construites en Russie par les ingénieurs polonais, toutefois en se conformant entièrement aux principes établis dans l'Empire. Cependant ces devis, avant d'être présentés à l'approbation du gouvernement, devront être traduits en extraits en langue russe. Cette disposition s'étend également aux procès-verbaux de la réception, dont il sera question plus tard.

13° Les devis présentés par la Compagnie contiendront, outre des frais de construction, les fonds nécessaires pour l'arpentage, le nivellement et les autres travaux préparatoires d'après les bases adoptées à ce sujet; on y placera également 5 % pour les états du service pendant la construction, et 10 % pour les dépenses extraordinaires, comme cela a eu lieu dans les devis des chaussées de Taurogen et de Bobrouysk.

14° Au fur et à mesure que les plans seront achevés, le délégué de la Compagnie dirigeant les travaux remettra personnellement au Gouverneur Général les plans et devis confectionnés d'après les bases posées ci-dessus avec tous les éclaircissemens nécessaires, — M. le Gouverneur Général pourra, s'il le juge convenable, les faire examiner par ses ingénieurs dans le courant de 15 jours, après leur présentation. Le terme écoulé il sera tenu de les faire passer au Comité établi à cet effet à St-Pétersbourg.

15° Ce Comité sera composé d'un Président et de deux ou trois Officiers supérieurs du Corps des voies et communications. Ce Comité examinera les plans et devis en question et devra les présenter ainsi que l'opinion du Gouverneur Général à la confirmation suprême dans le courant d'un mois.

16° Le délégué de la Compagnie dirigeant les travaux

aura le droit de présenter lui-même ses plans et devis au Comité afin qu'il puisse être à portée de donner sur-le-champ tous les éclaircissemens requis.

17° Le Comité ayant examiné les plans et devis, pourra les modifier, comme bon lui semblera, se basant sur les sources officielles, qui lui seront produites, sur les prix du travail, le genre du terrain et l'éloignement des matériaux d'après les règlemens existants à cet égard dans l'Empire. Avant de présenter les devis ainsi modifiés à la confirmation suprême, le Comité devra requérir du fondé de pouvoirs de la Compagnie (qui sera tenu de se trouver à cette époque à Pétersbourg) une déclaration constatant que la Compagnie se charge d'exécuter les travaux ordonnés d'après ces devis.

18° Si le fondé de pouvoirs de la Compagnie refusait d'accepter quelque devis, et si d'un autre côté le Comité ne voulait point accéder aux propositions du fondé de pouvoirs, le Comité devra déléguer un de ses membres sur les lieux, pour examiner de nouveau les points douteux de concert avec un délégué de la Compagnie.

Si les deux délégués ne sont pas d'accord sur les points en litige, la Compagnie pourra refuser de se charger de la partie de travaux où elle se croira lésée et le gouvernement pourra faire exécuter ces morceaux de chaussées par les officiers du Corps des voies et communications.

Tout examen et cette décision ne pourra durer au delà de six à huit semaines.

19° Si le devis obtient l'approbation suprême, il a force de loi; la Compagnie devra s'y conformer sans rien changer, et le droit de la payer pour son travail, d'après le devis confirmé, aussitôt les travaux finis et remis, ne pourra lui être contesté.

20° La Compagnie sollicite un oukase déclarant que la surface du terrain nécessaire pour la chaussée une fois appou-

vée, pourra être occupée par la Compagnie, sans aucune bonification.

Il lui sera permis, d'après les règlemens établis dans l'Empire, de prendre sans bonification, partout où on les trouvera, la terre pour les digues et les terrassemens, l'argile pour faire les briques, les pierres à chaux, le sable et tous les autres matériaux pierreux ainsi que le gravier.

La Compagnie devra bonifier la valeur du gazon des prairies situées en dehors du terrain destiné pour la chaussée, d'après les prix de la contrée et tout au plus à raison de 80 roubles argent par *desiatine*. Elle devra aussi bonifier au propriétaire la valeur du terrain destiné à l'emplacement des maisons de postes et de leurs jardins, ainsi que des casernes, d'après le prix des terres dans les contrées respectives, cependant pas plus de dix roubles argent par *desiatine*.

Il ne sera dû aucune bonification pour les forêts que traversera la chaussée, vu que le propriétaire conserve à son usage le bois coupé aux frais de la Compagnie et qu'il aura l'occasion de le vendre avantageusement pour les besoins de la chaussée.

21° Le bois des forêts du gouvernement traversées par la chaussée, ou à sa proximité, devra être délivré gratis pour tous les besoins de la chaussée sur la demande du délégué de la Compagnie chargé de la direction des travaux, sans référer aux autorités supérieures, de même que cela a été accordé pour la construction de la chaussée de Taurogen.

22° Tous les bâtimens appartenant aux propriétaires, aux paysans de la couronne, aux villes et à toute autre personne qui se trouveront sur la ligne de la chaussée, devront être estimés et payés avant qu'on procède à leur démolition.

L'estimation sera faite par un employé ou un délégué par l'autorité locale respective conjointement avec l'ingénieur de la Compagnie. Cette estimation approuvée par le Gouverneur

Civil aura force de loi. Si cependant le propriétaire y faisait quelque objection, le délégué de la Compagnie aura le droit de procéder à la démolition aussitôt qu'il aura déposé le montant de la somme fixée par la taxe à la Caisse du gouvernement la plus rapprochée (ainsi que cela se pratique habituellement). Toutefois il sera laissé au propriétaire un mois de tems pour évacuer les bâtimens en question.

L'autorité locale devra donner aux ingénieurs de la Compagnie toute l'assistance nécessaire à cet effet.

23⁰ En général la Compagnie supplie que les ordres les plus positifs soient donnés afin que ses ingénieurs ne rencontrent aucun obstacle dans l'exécution de leurs travaux et qu'au contraire toutes les Autorités concourent à l'assister dans toutes les demandes qui tendraient à accélérer les travaux et à aplanir les difficultés qui se présenteraient.

La Compagnie aura le droit de porter plainte au Gouverneur Civil ou Militaire contre les Autorités dont elle ne serait point suffisamment assistée.

24⁰ Quoique la Compagnie soit responsable de l'exactitude dans l'exécution des travaux d'après les plans et devis, cependant, pour offrir au gouvernement plus de garantie, particulièrement quant aux travaux dont la vérification subséquente présenterait des difficultés, elle lui propose de déléguer sur chaque chaussée confiée à la Compagnie un Officier supérieur du Corps des voies et communications, qui serait chargé d'être présent sans interruption à l'exécution des travaux de la Compagnie, afin de convaincre le gouvernement de leur bonne exécution.

25⁰ Toutes les fois que ce délégué s'apercevrait de quelque chose qui serait au préjudice du gouvernement dans les travaux de la Compagnie, comme, par exemple, l'emploi de mauvais matériaux, l'inexactitude ou le peu de solidité de l'exécution, il devra faire aussitôt ses observations au directeur des

travaux délégué de la Compagnie, et si on ne se conforme pas à ses conseils, le délégué du gouvernement sera tenu d'en faire son rapport au Gouverneur Général; il n'a cependant pas le droit d'entraver le cours des travaux en aucune manière.

Le Gouverneur Général peut ordonner les mesures qu'il jugera à propos pour garantir les intérêts du gouvernement.

26° Si pendant la construction de la chaussée il se trouve des travaux à faire qui n'avaient point été compris dans le devis primitif, le directeur des travaux procédera à la formation d'un devis supplémentaire, après avoir dressé, conjointement avec l'officier délégué de la part du gouvernement pour la chaussée en question, un procès verbal, constatant la nécessité des travaux proposés. Ce devis sera soumis à l'opinion du Gouverneur Général, à l'examen du Comité de Pétersbourg, et à la confirmation suprême, dans l'ordre prescrit plus haut, et ainsi que cela se pratique pour tous les ouvrages d'ingénieur dans l'Empire de Russie.

27° Si dans le courant des travaux il se trouve nécessaire d'apporter quelque changement dans les travaux ordonnés par les plans et devis, le directeur des travaux de la Compagnie peut prendre sur sa responsabilité de les ordonner, si le tems ne lui permet pas d'attendre la confirmation de ce changement, pourvu qu'il n'en résulte point de frais qui dépassent le devis approuvé. Ces changemens ne peuvent porter ni sur la largeur de la chaussée, ni sur le changement de direction, qui ne peuvent être modifiés en aucune manière sans l'autorisation suprême.

28° Comme toute chaussée, fût-elle construite de la manière la plus solide, peut facilement se détériorer, si l'on ne procède d'abord avec soin à sa conservation, et que la Compagnie se trouve plus à même de préparer les matériaux de construction nécessaires, elle contribuera pendant la première année à cette conservation moyennant ses ingénieurs et le ser-

vice subalterne; il sera donc fait un devis particulier de conservation comprenant les frais de tous les matériaux nécessaires à ce service pour l'espace d'un an. Ces devis seront soumis à l'approbation par la voie prescrite pour les devis de construction.

29° Après avoir achevé une section de chaque chaussée de 15 à 25 verstes, la Compagnie en opérera la remise. Cette remise sera faite à un Général ou Officier supérieur des ponts et chaussées délégué à cet effet, lequel, en présence de l'officier délégué antérieurement pour assister à la construction de la chaussée (§ 24), et d'un employé de la Compagnie, procédera à la revision exacte de tous les travaux d'après les règlemens existans à cet égard dans l'Empire, en dressant un procès-verbal de reprise.

Si les délégués trouvent qu'il y a des travaux à exécuter pour compléter ce qui avait été prescrit par les plans et devis, ils ordonneront que ce soit achevé sur-le-champ; si ce sont des objets de moindre valeur, on procédera outre en faisant seulement mention dans le procès-verbal de reprise, et cela n'empêchera pas les délégués de délivrer à la Compagnie une quittance entière.

Cette quittance, donnée en bonne et due forme, sera soumise à l'approbation du Gouverneur Général. Ce qui étant fait, la Compagnie est libre de toute responsabilité à l'avenir.

30° Les chaussées quoique achevées ne pourront en aucune manière être ouvertes pour le public avant que la remise n'ait été effectuée, le procès-verbal dressé et la susdite quittance délivrée.

31° Après l'achèvement des chaussées, il est accordé encore un an à la Compagnie pour la construction des maisons de poste et des casernes. Les projets, les devis, ainsi que la remise par procès-verbal de ces bâtimens, se feront dans le même ordre établi pour la construction des chaussées.

32° S'il se trouve sur quelque chaussée de grands ponts ou

autres travaux d'art qui demandent plus de tems pour être projetés, les devis en seront dressés séparément, et ces travaux pourront se prolonger plus longtems que la construction des chaussées où ils se trouvent placés; leur procès-verbal de reprise sera donc fait séparément.

33° Les procès-verbaux de remise ou quittances délivrées d'après l'article 29 et signées par le Général Gouverneur serviront de titre au fondé de pouvoirs de la Compagnie pour réclamer et obtenir du Ministre des finances le payement du montant du devis entre les mains du banquier de la Compagnie.

34° Afin de couvrir les dépenses extraordinaires et qui ne sauraient être prévues ni trouver place dans les devis, et qui dans une entreprise d'une si grande étendue sont indispensables pour bonifier les intérêts des capitaux depuis leur mise en circulation jusqu'au moment où les travaux achevés seront payés par le gouvernement, pour dédommager la Compagnie de ses peines, de ses soins, et la couvrir des risques qu'entraîne une entreprise de cette nature, et couper le chemin à toute réclamation de ce chef, le gouvernement lui accorde comme prime une fois payée 5 % de tout le capital employé par elle à la construction des chaussées d'après les devis confirmés. Cette prime sera payée à la Compagnie immédiatement après l'achèvement et la remise de chaque station, et pourra être comprise dans le plan de l'amortissement, par la prolongation des annuités.

35° Comme il avait été proposé (§ 3) que la Compagnie accepterait, en payement des sommes qui lui reviendront, des annuités calculées sur le pied de 5 % avec le fonds d'amortissement qu'il plaira au gouvernement d'y attacher, afin de réaliser ces annuités et les mettre à couvert des fluctuations du cours des effets publics, qui pourraient entraîner la Compagnie à des pertes incalculables, tandis que ce n'est pas son affaire de spéculer sur des cours.

Considérant qu'il était de toute impossibilité de placer les dites annuités partiellement dans un tems aussi prolongé que celui que dureront les travaux des chaussées, la Compagnie a passé un arrangement en bloc avec une Compagnie de banquiers, qui se charge de lui acheter par avance toutes les annuités en masse et d'en verser les produits dans la Banque de Commerce, ou dans toute autre Caisse indiquée par le Ministre des finances, sur laquelle Son Excellence M. le Ministre assignera à la Compagnie, au fur et à mesure de la présentation des Certificats, les sommes qui lui reviendront.

36° Il est réservé à MM. les Banquiers de passer avec Son Excellence M. le Ministre des finances un contrat supplémentaire séparé, pour tout ce qui concerne leur partie.

37° Si la Compagnie dépose de bonnes garanties dans l'un des instituts de crédit de l'Empire ou du Royaume de Pologne, ou bien des cautions sur bonne hypothèque dans l'un des deux pays, il lui sera fait des avances par le Ministre des finances sur les sommes versées par les banquiers, comme il est dit dans l'article 35.

38° La Compagnie est autorisée à réunir les fonds pour la construction des chaussées au moyen des actions qui seront émises d'après son organisation soumise à l'approbation suprême.

39° La Compagnie sera représentée dans les relations avec les Autorités de l'Empire par son Directeur en chef demeurant à Varsovie. Il y aura en outre un Directeur de l'administration de la Compagnie et un Directeur des travaux, qui établiront successivement leur quartier général dans les points les plus rapprochés du centre des travaux principaux.

40° Il est permis à la Compagnie de se servir du cachet aux armes de l'Empire avec l'intitulation: „La Compagnie Impériale pour la construction des chaussées".

41° La correspondance de la Compagnie sera affranchie dans l'Empire ainsi que dans le Royaume du payement des

ports de lettres avec les restrictions prescrites. Elle pourra également envoyer ses fonds par la poste de la même manière que s'opèrent les envois des fonds du Trésor.

42⁰ Les transactions de la Compagnie, ses actions et en général toute sa correspondance sont délivrées des droits du timbre.

43⁰ Les ingénieurs de la Compagnie et autres employés qui auraient servi dans le Royaume de Pologne par nomination du gouvernement continueront à payer l'émériture, et le tems qu'ils passeront au service de la Compagnie leur sera compté comme passé au service du gouvernement.

44⁰ Tous les employés de la Compagnie voyageant pour affaires de service obtiendront sans délai des *podorozne po kaziennoy ńadobnosti.*

45⁰ Ils auront droit, dans les villes et villages où ils travailleront, à recevoir des quartiers assignés sur les mêmes principes que les Officiers du Corps des voies et communications.

46⁰ S'il y avait des contrées où il y aurait impossibilité de trouver des travailleurs et qu'il s'y trouvât des troupes disponibles, le gouvernement, autant qu'il serait possible, fournira des soldats pour les travaux des chaussées, à la condition que les rations supplémentaires et la paye additionnelle qui revient en pareil cas, seront à la charge de la Compagnie.

47⁰ Les effets représentant les annuités abandonnées à la Compagnie pour le payement des chaussées seront reçus comme cautionnemens dans toutes les entreprises et fournitures quelconques.

48⁰ L'acquittement des sommes annuelles destinées aux annuités assignées à la Compagnie s'opérera à l'instar des autres dettes publiques avant toutes les dépenses courantes de l'Empire, et elles seront garanties par Sa Majesté Impériale et appuyées spécialement sur les impôts dits *Ziemskie powinnosti.*

La Compagnie se flatte qu'elle aura le bonheur de jouir

de la protection spéciale de Sa Majesté Impériale à l'instar de toutes les autres compagnies confirmées par Sa Majesté.

Signé: Comte Henri Lubenski.

Varsovie le 7 (19) novembre 1839.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 42.

a.

Кн. Паскевичу.

Лондонъ,
11-го марта 1839.
№ 151.

Я давно-давно хотѣлъ писать къ вамъ, почтен. кн. Ив. Фед., а именно еще изъ Берлина послѣ проѣзда моего чрезъ Варшаву. Я хотѣлъ вамъ сказать, сколько я сожалѣлъ, что проѣздъ сей былъ во время вашего отсутствія, и я хотѣлъ также благодарить васъ отъ всего сердца за дружескій пріемъ, сдѣланный вами женѣ моей. Не успѣвъ исполнить тогда моего желанія, я собирался писать къ вамъ уже изъ Англіи, но и тутъ была мнѣ неудача; вскорѣ послѣ нашего пріѣзда сюда я сдѣлалъ вояжъ въ Шотландію и тамъ получилъ такой ревматизмъ или прибои, что съ недѣлю лежалъ въ постели безъ движенія и долго послѣ того не могъ оправиться. Какъ скоро же былъ въ состояніи, то долженъ былъ сдѣлать другія необходимыя поѣздки, словомъ сказать, пріѣхавъ сюда на покой, я имѣлъ довольно хлопотъ и весьма мало свободнаго времени, но за то большое утѣшеніе видѣться опять послѣ 7 лѣтъ съ сестрою, окруженною прекраснымъ и пресчастливымъ семействомъ. Она очень гордится тѣмъ, что имѣла честь при-

нимать васъ здѣсь въ Вильтонѣ, когда вы были въ Англіи съ вел. кн. Мих. Пав. Изъ дочерей ея, которыхъ вы видѣли маленькими, три ужъ замужемъ и самымъ счастливымъ образомъ. Мы на-дняхъ всѣ соберемся опять въ Лондонѣ и пробудемъ тамъ до половины апрѣля, а тогда поѣдемъ чрезъ Вѣну въ Карлсбадъ, а изъ Карлсбада въ Петербургъ.

Въ Варшавѣ и во всемъ Царствѣ Польскомъ я съ душевнымъ удовольствіемъ видѣлъ большія улучшенія всякаго рода, коими край сей одолженъ вамъ, и съ радостью слышалъ отъ всѣхъ справедливую похвалу знаменитаго мужа, который умѣлъ покорить враговъ, кончить несчастную войну и потомъ мѣрнымъ и справедливымъ управленіемъ возстановить благоденствіе. Прекрасныя ваши шоссе особливо возбудили мое вниманіе, удивленіе, не скажу зависть, потому что это далеко отъ моихъ мыслей, но сожалѣніе, что у насъ кромѣ москов. шоссе ничего нѣтъ подобнаго. Дружескія сообщенія, сдѣланныя вашими властями и дѣловыми людьми въ Варшавѣ на счетъ устроенія сихъ шоссе и расходовъ, съ ними сопряженныхъ, были для меня чрезвычайно интересны и особливо тѣмъ, что построеніе сихъ шоссе далеко не стоило того, что у насъ полагается необходимымъ для таковаго дѣла, хотя по многимъ причинамъ у насъ нигдѣ не должно сіе стоить болѣе, нежели въ Царствѣ, а въ мѣстностяхъ изобильныхъ камнемъ оно должно стоить дешевле. Не хочу никого хулить и особливо приписывать кому бы то ни было дурныхъ или нечистыхъ намѣреній, но письмо сіе не есть оффиціальное и я могу вамъ сказать откровенно, что по моему мнѣнію, хотя я не знаю по какой причинѣ, во всѣхъ смѣтахъ и работахъ вѣдомства нашего департ. пут. сооб. есть какой-то безпрестанный порокъ, отъ котораго расходы всегда дѣлаются неимовѣрны; 15 лѣтъ безпрестанныхъ сношеній по сей части, къ несчастію, не позволяютъ мнѣ въ семъ сомнѣваться, и я уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ предлагалъ правительству на

счетъ нѣкоторыхъ важныхъ предположеній вмѣсто обыкновеннаго рода предложить таковыя работы капиталистамъ какъ своимъ русскимъ, такъ и въ чужихъ краяхъ, съ тѣмъ только, чтобы правительство обезпечило для предпріятія во всякомъ случаѣ умѣренный дивидендъ. Предложенія мои не были приняты; теперь я вижу въ газетахъ, что важное дѣло желѣзной дороги отъ Варшавы до Кракова исполняется, именно по сей системѣ вѣрнѣйшая и я думаю дешевлѣйшая изъ всѣхъ; но обратясь опять къ дѣлу нашихъ шоссе, въ нѣкоторомъ размѣрѣ столь для насъ необходимыхъ, я слышалъ въ Варшавѣ отъ господъ Шипова, Поля и Любинскаго, что Варшавскій банкъ, столь много сдѣлавшій по сей части въ Царствѣ, предлагалъ нашему министру финансовъ сдѣлать у насъ отъ 3 до 5 т. верстъ не помню сколько шоссе подобныхъ вашимъ, употребивъ на это отъ 100 до 200 милліоновъ злотыхъ, съ однимъ только условіемъ получать 20 лѣтъ отъ нашего правительства по 8 процентовъ. Если это такъ, то я никакъ не могу понять, почему сіе предположеніе не было принято: опытъ доказалъ, что система шоссе въ Царствѣ и хороша, и дешева; въ вашихъ дорогахъ нѣтъ ничего лишняго, но находится все, что нужно для хорошаго и вѣрнаго сообщенія—ширина оныхъ не роскошная, но совершенно достаточная для всякихъ проѣздовъ; нѣтъ чугунныхъ вызолоченныхъ мостовъ, но вездѣ гдѣ нужно есть простые, но солидные и красивые мосты, хорошія правильныя гати, сильныя перилы, словомъ сказать, все что для безпрестаннаго сообщенія и слѣдовательно для благоденствія по сей части края нужно; съ другой стороны опытъ, къ несчастію, доказалъ, что таковыя работы у насъ стоятъ такъ несоразмѣрно дорого, что дорогъ или не дѣлаютъ, или дѣлается оныхъ несравненно менѣе, нежели бы можно сдѣлать по вашей системѣ. Конечо въ Имперіи столь пространной нельзя ожидать, чтобы, по крайней мѣрѣ на долгое еще время, были вездѣ хорошія дороги; со всѣмъ тѣмъ въ теперешнемъ

положеніи нашего народонаселенія, внутренней торговли и мануфактурной дѣятельности, нѣкоторыя легкія постоянныя сообщенія необходимы, и нѣкоторыя линіи шоссе должны быть изъ важнѣйшихъ предметовъ правительства. По моему мнѣнію важнѣйшіе линіи и пункты суть слѣдующіе: одно сообщеніе чрезъ Вильно отъ Царства Польскаго до петерб. шоссе отъ Петерб. до Москвы окончено; около Москвы, какъ центра нашихъ фабрикъ и мануфактурныхъ издѣлій, нужны шоссе верстъ на 400 болѣе или менѣе по всѣмъ направленіямъ. Шоссе отъ Москвы до Кіева; отъ Кіева чрезъ Бердичевъ до Одессы, и отъ Бердичева чрезъ Житоміръ до Устилуга съ маленькимъ прибавленіемъ отъ Дубно до Радзивилова. Такимъ образомъ, не входя ни въ какіе слишкомъ великіе расходы, мы свяжемъ хорошими дорогами наши сообщенія какъ по главнымъ надобностямъ внутри Имперіи, такъ и тремя направленіями съ Царствомъ Польскимъ и Австріею, т. е. Пруссіею и со всею сѣверною и полуденною Германіею. Я знаю, что въ Петербургѣ чувствуютъ нужду таковой мѣры, споръ идетъ только на счетъ нужныхъ на то расходовъ и какимъ образомъ приступить къ работѣ. Повторяю, что если поручить сіе важное дѣло нашему департаменту путей сообщ., то расходы и въ смѣтахъ, и на дѣлѣ будутъ столь огромны, что или къ дѣлу не приступятъ, или сдѣлаютъ гораздо менѣе, или надобно будетъ времени вдвое или втрое болѣе, нежели нужно, и мы останемся на долгое и совершенно неизвѣстное время безъ необходимыхъ сообщеній; обратясь же къ системѣ вашей, я увѣренъ, что все это сдѣлается легко, хорошо, скоро и съ расходами умѣренными и, слѣдовательно, возможными. По всему, что я слышалъ, я долженъ заключить, что вы сами, почт. кн. И. Ф., не далеки отъ того же мнѣнія. Если это такъ, то я имѣю большую надежду, что съ важнымъ подкрѣпленіемъ вашего покровительства благодѣтельная для Россіи сія мѣра правительствомъ нашимъ примется. Сдѣлайте

милость, осчастливьте меня двумя строками на сей счетъ, и если вы полагаете сіе возможнымъ, то скажите, какъ вы полагаете, можно бы приступить къ такому проекту, я готовъ о семъ писать и представлять все, что вы почтете возможнымъ и приличнымъ, чтобы я сдѣлалъ, но отъ меня ничто не примется съ надеждою успѣха, если вашъ голосъ меня не поддержитъ, при томъ же я по настоящему имѣю право говорить только о томъ, что я почитаю нужнымъ и полезнымъ для той части южнаго края, которая находится въ моемъ управленіи; но шоссе, такъ же, какъ и каналы, не могутъ имѣть совершенной пользы, останавливаясь у границъ такого и такого управленія: польза сія выигрывается только соединеніемъ съ другими частями, а для общей системы вашъ голосъ натурально будетъ сильнѣе моего. Если вы считаете предположеніе сіе возможно и думаете, что полезнѣе будетъ говорить о семъ въ Петербургѣ тогда, когда мы всѣ тамъ будемъ вмѣстѣ, около времени свадьбы вел. кн. М. Ник., то можетъ быть разсудите, что до того времени Варшавскій банкъ можетъ составить подробный обстоятельный проектъ съ показаніемъ системы расходовъ и особливо времени нужнаго для окончанія сего дѣла, если оное, какъ я не могу не надѣяться, будетъ принято, ибо не надобно забыть, что статья сія, т. е. срокъ для окончанія работъ, есть изъ важнѣйшихъ условій сего предположенія. Вы во всемъ этомъ лучшій судья, и я полагаю, что я не могъ лучше исполнить долгъ мой въ проектѣ, котораго я считаю важнѣйшимъ для отечества нашего, какъ поручить оный вмѣстѣ съ собою сильному и просвѣщенному вашему предстательству.

Мы отселѣ отправляемся около половины апрѣля. Мнѣ предписано пить карлсбадскія воды и оттуда мы поѣдемъ въ Петербургъ, я полагаю, чрезъ Варшаву, хотя, къ несчастію, васъ уже вѣрно тамъ не будетъ, ибо даже съ уменьшеніемъ обыкновеннаго 6 недѣльнаго срока водъ мы все не можемъ

оттуда выѣхать иначе какъ ровно во-время, чтобы прибыть въ Петербургъ къ свадьбѣ. Прощайте, любезный князь, вѣрьте всѣмъ чувствамъ.

6.

Вы истинно обрадовали меня, любезный другъ Михаилъ Семеновичъ, письмомъ вашимъ отъ 18-го прошлаго генваря. Если я былъ довольно счастливъ, что могъ быть полезнымъ, то, послѣ милостей Государя, лучшею моею наградою было мнѣніе людей, которыхъ я уважать привыкъ. Мнѣніе ваше, почтеннѣйшій другъ, было для меня всегда дорого.

Совершенно увѣренъ, что вамъ теперь, по возвращеніи, много заботъ и дѣла. Но знаю также, что вы любите край, который вамъ столькимъ обязанъ, гдѣ на каждомъ шагу видны ваши труды и попечительность, меня все это вдвойнѣ интересуетъ: какъ русскаго, сначала, потомъ какъ крымскаго помѣщика.

Дѣло о постройкѣ въ Россіи насыпныхъ дорогъ, въ которомъ вы приняли такое дѣятельное участіе, обратило на себя особенное вниманіе Государя Императора. Для разсмотрѣнія проекта, въ С.-Петербургѣ учрежденъ комитетъ изъ князя Васильчикова, гр. Толя, гр. Чернышева, гр. Канкрина и гр. Строгонова; комитету переданы были ваши, любезный другъ, бумаги. Графъ Чернышевъ, который ведетъ переписку по комитету, спрашивалъ меня между прочимъ: тотъ ли это проектъ, о которомъ я докладывалъ Государю; на какихъ основаніяхъ производилась постройка шоссе въ Царствѣ Польскомъ и какія я полагаю сдѣлать измѣненія въ проектѣ компаніи? Я призвалъ главныхъ учредителей компаніи, потребовалъ отъ нихъ подробнѣйшаго проекта и тогда же отвѣчалъ гр. Чернышеву на всѣ его вопросы. Изъ копій новаго проекта компаніи и моего отвѣта вы увидите, любезнѣйшій

графъ Михаилъ Семеновичъ, положеніе всего дѣла. Дальнѣйшихъ свѣдѣній я объ немъ не имѣю, но кажется, что должно ожидать успѣха.

Простите, почтеннѣйшій другъ; примите увѣреніе въ чувствахъ истиннаго моего уваженія.

Вашъ преданный князь Варшавскій.

9-го (21-го) февраля 1840 г.
Варшава.

6.

Одесса 1-го марта 1840 г.
№ 126.

Я получилъ, почтеннѣйшій князь Иванъ Федоровичъ, письмо ваше отъ 9-го (21-го) февраля и не могу васъ довольно благодарить за дружескія чувства, въ ономъ изложенныя; чувства, коими я истинно долженъ гордиться и горжусь. Я читалъ со вниманіемъ и благодарностію бумаги, приложенныя къ письму вашему. Вы подвинули сильною рукою полезное дѣло о дорогахъ, о коемъ мы съ вами въ Москвѣ говорили, и все по сему сдѣлали, что отъ васъ зависѣло; къ несчастію, по извѣстіямъ, полученнымъ изъ Петербурга, кажется, что министръ финансовъ заупрямился противъ благодѣтельнаго сего проекта и каково бы ни было мнѣніе другихъ членовъ назначеннаго для сего Государемъ комитета, я очень боюсь о результатѣ, ибо въ дѣлахъ денежныхъ трудно идти противъ мнѣнія министра финансовъ, какъ бы оно ни было ошибочно. Нельзя безъ крайняго сожалѣнія думать, что все это кончится можетъ быть ничѣмъ, и что случай столь хорошій и можно сказать столь неожиданный будетъ потерянъ безъ возврата; я говорю безъ возврата потому, что не вижу, когда опять могутъ въ одно время представиться и нужные капиталы, и

люди опытные въ работахъ, оставшіеся теперь безъ дѣла по окончаніи полезныхъ вашихъ работъ въ Царствѣ, но которые скоро разойдутся и найдутъ другія употребленія. На обыкновенные же наши способы департамента путей сообщенія для таковой работы никакой нѣтъ надежды: или они сего не сдѣлаютъ, или надобно прибавить 10-ки лѣтъ и 100-ни милліоновъ; это доказано наияснѣйшимъ образомъ всѣмъ тѣмъ, что они доселѣ дѣлали. Вы одни еще можете пособить сему дѣлу, если, пріѣхавъ въ Петербургъ, вы уговорите комитетъ и самого министра финансовъ еще разъ подумать, какой счастливый случай можно теперь потерять для дѣла государственнаго, и посовѣтуете, чтобы по крайней мѣрѣ прежде отказа варшавскимъ и прусскимъ прожекторамъ поторговались бы съ ними на счетъ кондицій по заплатѣ. Министръ финансовъ увѣряетъ, что кондиціи сіи тяжелы для нашей казны; до нѣкоторой степени это можетъ быть справедливо, я самъ отчасти былъ того же мнѣнія, но увѣренъ былъ, что объ этомъ можно съ ними поспорить и поторговаться. Варшавскіе банкиры пріѣхали или послали кого-то изъ своихъ въ Петербургъ по сему дѣлу и, какъ они сами пишутъ, для сношенія съ комитетомъ и для соглашенія по тѣмъ пунктамъ, по коимъ можетъ быть затрудненіе; депутаты сіи, какъ слышно, до сихъ поръ не были спрошены, ни министромъ, ни комитетомъ, можно ли послѣ сего сказать, что дѣло было сдѣлано безпристрастно и съ желаніемъ истиннаго и справедливаго успѣха. Вотъ, почт. к. И. Ф., въ чемъ я полагаю, что ваше содѣйствіе еще можетъ быть спасительно; я увѣренъ, что банкиры еще сдѣлаютъ нѣкоторую уступку, и въ душѣ увѣренъ, что съ небольшою уступкою и съ лучшимъ объясненіемъ платежныхъ кондицій дѣло останется для насъ выгодное и принесетъ всей Имперіи пользу величайшую и которую никакими средствами замѣнить невозможно. Пламенно желая все, что идетъ къ прямой пользѣ нашего отечества и къ славѣ

великаго нашего Государя, я не могу равнодушно думать, какую огромную пользу для богатства всѣхъ сословій большей части Имперіи мы можемъ теперь потерять, не столько можетъ быть отъ какого-либо личнаго упрямства, какъ отъ недоразумѣнія, которое чрезъ объясненіе можетъ исчезнуть. Пишу нѣсколько словъ сегодня старому нашему товарищу-предсѣдателю коммисіи кн. И. К. Вас., но одно слово отъ васъ будетъ гораздо дѣйствительнѣе всѣхъ моихъ писемъ.

Прошу, почт. князь, вѣрьте истинному всегдашнему почтенію и преданности, съ коими на всегда остаюсь.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 43.

Милостивый государь,

графъ Александръ Ивановичъ.

Я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору о желаніи нѣкоторыхъ капиталистовъ учредить компанію для устройства шоссейныхъ дорогъ въ Россіи, на 200 и болѣе милліоновъ, по направленіямъ, назначеннымъ правительствомъ.

Его Императорское Величество въ послѣднее пребываніе въ Москвѣ Высочайше повелѣлъ мнѣ представить подробный по сему предмету проектъ и вмѣстѣ съ тѣмъ указать соизволилъ тѣ пути, по коимъ шоссе преимущественно должно быть устроено.

Между тѣмъ, какъ шоссейныя дороги предполагалось строить отчасти въ губерніяхъ, подъ управленіемъ Новороссійскаго генералъ-губернатора состоящихъ, то генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ и съ своей стороны входилъ со

всеподданнѣйшимъ докладомъ къ Государю Императору по сему же предмету.

Нынѣ ваше сіятельство, увѣдомляя меня, что Его Императорское Величество соизволилъ назначить особый комитетъ для разсмотрѣнія помянутаго проекта капиталистовъ, сообщили мнѣ по Высочайшей волѣ, копіи со всеподданнѣйшаго доклада генерала графа Воронцова и съ записки, полученной имъ отъ главныхъ учредителей компаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ ваше сіятельство требуете отъ меня, для внесенія въ учрежденный по Высочайшему повелѣнію комитетъ, нѣкоторыхъ свѣдѣній, независимо отъ тѣхъ, какія Его Величество ожидать отъ меня изволитъ по изъявленной мнѣ лично Высочайшей волѣ.

Свѣдѣнія, вашимъ сіятельствомъ требуемыя, заключаются въ трехъ главныхъ вопросахъ:

1) Одного ли содержанія проектъ, представленный графомъ Воронцовымъ съ тѣмъ, о которомъ я докладывалъ Государю Императору?

2) На какомъ основаніи польскій банкъ строилъ шоссе въ Царствѣ Польскомъ?

и 3) Какія по соображеніямъ моимъ вообще нужно сдѣлать измѣненія въ проектѣ капиталистовъ, для успѣха сего важнаго дѣла въ Имперіи?

Какъ *второй* вопросъ подраздѣленъ въ бумагѣ вашего сіятельства на нѣсколько другихъ, то я имѣю честь отвѣтствовать по пунктамъ, согласно отношенію вашего сіятельства.

1. Одного ли содержанія проектъ, представленный графомъ Воронцовымъ, съ тѣмъ, о которомъ я докладывалъ Государю Императору?

Содержаніе обоихъ проектовъ въ основаніи одно и то же, но есть нѣкоторая разность въ подробностяхъ.

Для лучшаго сравненія, имѣю честь приложить списокъ съ первоначальнаго проекта съ отмѣткою красными чернилами перемѣнъ, сдѣланныхъ въ проектѣ, представленномъ генераломъ графомъ Воронцовымъ.

Изъ сего приложенія видно, что главнѣйшая разность двухъ проектовъ заключается въ слѣдующемъ:

a) Исключенъ вовсе второй пунктъ мною докладываннаго первоначальнаго проекта, въ которомъ сказано:

«Правительству предоставляется пространство» (въ первомъ пунктѣ означенное) «раздѣлить на два и на три участка «по усмотрѣнію, съ тѣмъ, что компанія обязана будетъ на «начатомъ участкѣ производить работы сколь можно въ большемъ числѣ пунктовъ. По окончаніи одного участка, начнется другой; впрочемъ, буде позволяютъ средства, можно «и въ одно время производить работы на двухъ участкахъ».

b) Въ пятомъ пунктѣ проекта первоначальнаго сказано:

«Какъ назначеніе направленій шоссе зависитъ отъ правительства, то оно обязано сдѣлать предварительную съемку «и начертать и означить въ натурѣ своими средствами линію «для проведенія шоссе. Равнымъ образомъ правительство обязано составить на свой счетъ смѣты и если бы таковыя «противу мѣстныхъ цѣнъ оказались низкими, то компанія «можетъ не принять ихъ . . . и прочее».

Въ проектѣ же, представленномъ генераломъ графомъ Воронцовымъ, въ соотвѣтствующемъ сему пункту, *четвертомъ*, постановляется, что:

«По указаннымъ отъ правительства направленіямъ, компанія обязуется сдѣлать предварительную съемку, прорѣзать «въ натурѣ линіи для шоссе и составить смѣты, основанныя «на мѣстныхъ соображеніяхъ и цѣнахъ. Въ случаѣ, если правительство не удостоитъ утвержденія таковыхъ смѣтъ . . . «и прочее».

c) Въ *шестомъ* пунктѣ первоначальнаго проекта сказано:

«По окончаніи смѣтъ производство работъ предоставлено «будетъ компаніи и на ея отвѣтственность, подъ управленіемъ «лицъ, ею на сей конецъ избранныхъ. Впрочемъ, правитель- «ству предоставляется во всякое время назначить своихъ офи- «церовъ для надзора за работами въ техническомъ отноше- «ніи, что компаніею принято будетъ съ особенною призна- «тельностію».

Въ проектѣ же, представленномъ отъ графа Воронцова, сказано только (въ пунктѣ пятомъ):

«По утвержденіи смѣтъ, производство работъ предостав- «лено будетъ компаніи, подъ управленіемъ приглашенныхъ «ею инженеровъ Царства Польскаго и другихъ по ея усмо- «трѣнію».

Послѣдующее же за тѣмъ условіе о назначеніи отъ правительства офицеровъ для надзора за работами исключено.

Въ семъ заключается главнѣйшая разность двухъ проектовъ. Считая долгомъ сказать мое по сему предмету мнѣніе, я буду имѣть честь изложить оное въ отвѣтѣ на послѣдній пунктъ вопросовъ вашего сіятельства.

2. На какомъ основаніи польскій банкъ строилъ шоссе въ Царствѣ Польскомъ: непосредственнымъ ли распоряженіемъ банка, или также чрезъ особую компанію?

Особой компаніи, для выполненія возложенной на банкъ польскій постройки шоссе, никакой не было.

Банкъ, по сей операціи, дѣйствовалъ слѣдующимъ образомъ:

а) Сначала вызываемы были желающіе принять на себя постройку шоссе, съ тѣмъ, чтобы они подавали объявленія въ запечатанныхъ пакетахъ. Но впослѣдствіи оказалось, что такимъ образомъ постройка шоссе оставалась за людьми, которые по незнанію дѣла и неопытности не могли выполнить

принятой на себя обязанности. Происходящая отъ сего потеря времени и требованія подрядчиковъ о вознагражденіи понесенныхъ ими потерь такъ затрудняли производство работъ, что наконецъ банкъ принужденъ былъ искать другого способа постройки шоссе.

b) За симъ банкъ дѣлалъ опытъ вызова желающихъ къ публичнымъ торгамъ, допуская къ онымъ только тѣ лица, кои въ состояніи были представить достаточное обезпеченіе въ томъ, что могутъ выполнить свою обязанность. Но и при семъ способѣ встрѣтилось то неудобство, что подрядчики, не окончивъ ни одной работы въ назначенный контрактомъ срокъ, всегда находили благовидные къ тому предлоги и безпречывными претензіями и требованіями вознагражденій увеличивали только издержки правительства по сему предмету.

c) По симъ причинамъ, банкъ, при послѣдне-возложенныхъ на него постройкахъ шоссе, обратился къ способу комерческому, возлагая оныя прямо на лица, извѣстныя ему своими способностями и дѣятельностію, которыя получали опредѣленное вознагражденіе изъ сбереженій противъ утвержденныхъ правительствомъ смѣтъ. Способъ сей банкъ признаетъ самымъ удобнѣйшимъ.

3. Какія условія были постановлены между правительствомъ и банкомъ и симъ послѣднимъ съ компаніею, если таковая существовала, и что стоила въ сложности каждая верста или миля совсѣмъ отдѣланнаго шоссе?

Особенныхъ условій между правительствомъ и банкомъ заключаемо не было, ибо при сохраненіи порядка, опредѣленнаго для составленія смѣтъ и надзора за работами, въ нихъ и надобности не предстояло. Порядокъ сей изложенъ будетъ въ отвѣтѣ на 4-й и 5-й вопросы.

Что же стоила въ сложности каждая верста и миля со-

всѣмъ отдѣланнаго шоссе, ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ прилагаемаго при семъ исчисленія.

4. Какой порядокъ былъ принятъ для составленія смѣтъ, разсмотрѣнія и утвержденія ихъ?

Прежде составленія смѣтъ, отправляемъ былъ дирекціею путей сообщенія въ Царствѣ инспекторъ на мѣсто предположенныхъ работъ, гдѣ, совокупно съ чиновникомъ банка, обводовымъ коммисаромъ и войтомъ гмины, составляемы были на извѣстныхъ пунктахъ, чрезъ которые долженствовало проходить шоссе, протоколы съ подробнымъ объясненіемъ: задѣльной платы простого работника или съ подводою, почвы земли, съ показаніемъ песчаный грунтъ или глинистый; мѣстоположенія, съ означеніемъ ровное ли мѣсто или гористое, лѣсное или болотистое; обилія или недостатка камня и другихъ матеріаловъ, для работъ необходимыхъ; разстоянія, въ которомъ матеріалы сіи находимы быть могутъ; цѣнъ строевого лѣсу для мостовъ и прочее, и прочее. Свѣдѣнія сіи сообщались на мнѣніе губернскаго правленія (Régence) и засимъ уже составлялись смѣты, представляемыя въ дирекцію путей сообщенія. Дирекція же вносила ихъ на утвержденіе въ коммисію внутреннихъ дѣлъ, которая въ случаяхъ, когда признавала то нужнымъ, отправляла еще отъ себя особыхъ чиновниковъ для повѣрки на мѣстѣ тѣхъ предметовъ, кои обращали на себя особенное вниманіе.

5. На какомъ основаніи былъ устроенъ пріемъ оконченныхъ шоссе; въ какой мѣрѣ обезпечивалась со стороны банка или компаніи прочность построенныхъ шоссе и на какое время?

Постройка шоссе производилась подъ надзоромъ офицеровъ корпуса путей сообщенія, которые доносили объ успѣхѣ

работъ. Сверхъ того посылаемы были иногда высшіе офицеры того корпуса, для освидѣтельствованія работъ на мѣстѣ. По окончаніи извѣстнаго участка, станціи, банкъ имѣлъ право требовать пріема онаго. Пріемъ производился офицерами дирекціи путей сообщенія, въ присутствіи депутатовъ отъ коммисіи внутреннихъ дѣлъ и отъ губернскаго правленія, обводоваго коммисара и чиновника банка. Обязанностію ихъ было изслѣдовать, дѣйствительно ли шоссе построено совершенно согласно съ планами и смѣтою; по удостовѣреніи въ чемъ, дорога была принимаема и въ пріемѣ выдавалась квитанція банку, который затѣмъ избавлялся уже отъ всякой отвѣтственности.

6. Какія, по соображеніямъ моимъ, вообще нужно сдѣлать измѣненія въ проектѣ варшавскихъ капиталистовъ для вящшаго успѣха дѣла?

Въ отвѣтѣ моемъ на сей вопросъ, я считаю долгомъ прежде всего обратиться къ тѣмъ измѣненіямъ, которыя сдѣланы въ запискѣ учредителей компаніи, представленной генераломъ графомъ Воронцовымъ противъ проекта, о коемъ я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору.

Сихъ измѣненій собственно три. Изъ нихъ по *первому* имѣю честь объяснить, что по моему мнѣнію исключеніе втораго пункта въ первоначальномъ проектѣ, о раздѣленіи извѣстнаго пространства устроиваемаго шоссе на нѣсколько участковъ и о начатіи работъ на нѣсколькихъ пунктахъ вдругъ, не составляетъ существенной перемѣны, ибо выгода компаніи состоитъ въ томъ, чтобы работы оканчивались сколь возможно скорѣе, и потому нѣтъ сомнѣнія, что они, безъ особыхъ развѣ какихъ-либо препятствій, будутъ производить работы или въ нѣсколькихъ пунктахъ вдругъ, или усиленными средствами.

По *второму*, о томъ, кому производить съемку, прорѣзъ линіи и смѣты — правительству или компаніи. Съ одной стороны, конечно, польза правительства требуетъ, чтобы прорѣзъ линіи въ натурѣ былъ сдѣланъ по его назначенію, съ другой же учредители компаніи могутъ окончить съемку, прорѣзъ и смѣты скорѣе, ибо въ томъ состоитъ ихъ выгода, такъ какъ малѣйшая утрата времени сопряжена для нихъ съ денежными потерями. Я съ своей стороны полагалъ бы, для соглашенія обоюдныхъ пользъ, произвести всѣ сіи предварительныя работы совокупно и для того примѣниться по возможности къ тому порядку, который принятъ былъ при устройствѣ шоссе въ Царствѣ Польскомъ и который объясненъ въ отвѣтѣ моемъ на пункты 4-й и 5-й.

По *третьему*, о томъ—назначать или нѣтъ отъ правительства офицеровъ для надзора за работами въ техническомъ отношеніи, я думаю, что назначеніе для сего офицеровъ не можетъ встрѣтить никакихъ препятствій и напротивъ будетъ служить обезпеченіемъ хорошаго производства работъ, согласно условіямъ, планамъ и смѣтамъ и такимъ образомъ облегчится пріемъ оконченныхъ участковъ шоссе.

Во избѣжаніе же остановки работъ (которая всегда обратится къ невыгодѣ компаніи) или промедленія, могущаго произойти въ случаѣ несогласія между офицерами путей сообщенія и строителями шоссе, полезнѣе было бы принять за правило, чтобы разрѣшеніе сихъ затрудненій предоставлено было мѣстной власти: генералъ-губернатору или гражданскому губернатору, которыхъ снабдить для сего надлежащими инструкціями.

За симъ я почелъ нужнымъ потребовать отъ учредителей компаніи подробнѣйшаго изложенія ихъ проекта, для того, чтобы съ большею основательностію судить о ихъ предположеніи.

Вслѣдствіе сего, графъ Лубинскій представилъ мнѣ при-

лагаемый при семъ новый, подробный проектъ, сущность коего не разнится отъ прежде представленныхъ компаніею проектовъ.

По ближайшемъ разсмотрѣніи сего предположенія, я обратилъ особенное вниманіе на тѣ пункты онаго, которые требовали нѣкоторыхъ поясненій; именно:

A. Пунктъ *пятый* заключаетъ въ себѣ правило о безплатномъ производствѣ, на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, съемокъ, нивелировокъ, прорѣза линіи, пріискиванія матеріаловъ, изслѣдованія свойства грунта, наконецъ добыванія камня и хряща.

B. Пунктъ *двадцатый* равномѣрно опредѣляетъ право компаніи брать безъ всякаго вознагражденія вездѣ землю для сооруженія плотинъ и насыпей, глину для дѣланія кирпича, известковый камень, песокъ, хрящъ и всѣ другіе каменные матеріалы.

Въ семъ же пунктѣ опредѣлена цѣна за снятіе дерна съ луговъ (не выше 80 руб. серебр. за десятину) и за землю подъ почтовые и дистанціонные дома (не выше 10 руб. сер. за десятину).

По соображеніи сихъ пунктовъ съ тѣмъ порядкомъ, который принятъ былъ при постройкѣ Таурогенскаго и Динабургскаго шоссе, и по собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось:

a) что владѣльцы земель сосѣдственныхъ съ сими шоссе никогда не отказывали въ дозволеніи назначать линіи и производить прорѣзы черезъ ихъ земли и лѣса, равно какъ и отыскивать потребные матеріалы. Равнымъ образомъ и за занятыя земли и за насыпи они никакой платы не получали, кромѣ владѣльцевъ въ Курляндской губерніи, которымъ дано вознагражденіе.

b) Пріобрѣтеніе земли и вообще недвижимой собственности, необходимой для проведенія шоссе при постройкѣ дороги Таурогенской и Динабургской, производилось на основаніи указа 26-го іюня 1833 года. Цѣна за срѣзку дерна и

за матеріалы, для шоссе потребные, опредѣлена была собраніемъ сосѣднихъ дворянъ и составляла: для Таурогенскаго шоссе за кубическую сажень камня 4 руб. ассигнаціями, за десятину луговъ, съ коихъ снимался дернъ, 60 руб. ассигнаціями.

Съ своей стороны я полагаю, что какъ порядокъ пріобрѣтенія или покупки у владѣльцевъ недвижимой собственности опредѣленъ уже указомъ 26-го іюня 1833 года, то и отступать отъ онаго не слѣдуетъ. Нельзя при томъ не замѣтить, что компанія, опредѣляя по 10 руб. сер. за десятину земли, потребной подъ дома, назначила цѣну слишкомъ низкую, особенно въ соразмѣрности съ цѣною, опредѣленною для срѣзки дерна. Но съ другой стороны нельзя отвергать, что потери владѣльцевъ земель, безъ сомнѣнія, вознаградятся тѣми неисчислимыми выгодами, которыя они получатъ отъ самого шоссе, пролегающаго чрезъ ихъ имѣнія.

C. Въ пунктѣ *тринадцатомъ* подробнаго проекта опредѣляется 5% со всей смѣтной суммы на содержаніе штатной службы при постройкѣ шоссе и 10% на непредвидимыя издержки. Сверхъ того пунктомъ *тридцать четвертымъ* назначается компаніи 5% преміи со всего капитала.

Изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что первые пять процентовъ назначались также при постройкѣ шоссе Таурогенскаго и Бобруйскаго. Но мнѣ кажется, что сумма, изъ сихъ 5% могущая составиться, была бы слишкомъ велика и даже превышала бы дѣйствительную надобность.

Вторые 10% хотя обыкновенно назначаются при составленіи вообще казенныхъ смѣтъ, но въ такомъ случаѣ и сбереженіе противъ смѣты обращается въ пользу казны. Изъ объясненій, которыя по сему предмету доставлены были, открывается, что сіи 10% предназначались:

a) На временный надзоръ за шоссе.

b) Прогоны чиновниковъ и другихъ лицъ, компаніею употребляемыхъ.

c) Канцелярскіе расходы, матеріалы и припасы.

d) Плату временно употребляемымъ компаніею лицамъ.

e) Посылку эстафетъ и нарочныхъ.

f) Раздѣленіе шоссе на версты и добавочные промѣры.

g) Посыпку шоссе мелкимъ щебнемъ.

h) Непредвидимыя работы.

Я полагаю, что большая часть сихъ издержекъ должна входить въ смѣту; другія должны быть обращены на 5%, на содержаніе всей службы по дѣламъ компаніи назначаемыя. Въ такомъ случаѣ, едва ли будетъ уже надобность въ назначеніи сихъ 10%, тѣмъ болѣе, что всѣ сбереженія противъ смѣты составляютъ уже чистый выигрышъ компаніи; а 5% испрашиваемой ею преміи будетъ уже достаточнымъ для нея вознагражденіемъ.

Впрочемъ и о сихъ послѣднихъ 5% преміи, генералъ графъ Воронцовъ полагалъ, что премія сія слишкомъ высока и хотя она равняется обыкновеннымъ процентамъ, но я думаю, что вообще сіи расчеты подлежатъ еще многимъ переговорамъ и соглашеніямъ съ компаніею, которая, вѣроятно, должна будетъ уменьшить свои требованія.

D. Въ пунктѣ *двадцать девятомъ* на счетъ пріема оконченныхъ участковъ шоссе сказано, что если пріемщики найдутъ, что нужно дополнить еще нѣкоторыя работы по смѣтамъ и работы сіи будутъ *малой важности*, то пріемъ не прерывается и квитанція будетъ выдана и прочее.

Я полагаю, что выраженіе «малой важности» столь неопредѣлительно и объяснить его столь трудно, что лучше бы постановить правиломъ, дабы пріемъ производился и квитанція выдавалась тогда уже, когда всѣ работы совершенно окончены.

E. Пунктъ *тридцать первый* даетъ компаніи годъ сроку, послѣ окончанія шоссе, на постройку почтовыхъ и дистанціонныхъ домовъ.

Такъ какъ шоссе безъ домовъ безполезно, то лучше начи-

нать постройку оныхъ въ одно время съ постройкою шоссе и сдачу производить вмѣстѣ, что, кажется, никакихъ особенныхъ препятствій не представляетъ.

Е. Равнымъ образомъ и пунктъ *тридцать второй* долженъ быть изложенъ съ большею опредѣлительностію. Нѣтъ сомнѣнія, что постройка большихъ мостовъ или другія важныя работы, въ особенности гидравлическія, потребуютъ значительнаго времени; но во всякомъ случаѣ срокъ долженъ быть назначаемъ при составленіи смѣтъ на сіи работы и, по моему мнѣнію, не долженъ быть продолжительнѣе окончанія извѣстнаго, опредѣленнаго пространства самого шоссе.

Въ семъ заключаются главнѣйшія мои замѣчанія. Дальнѣйшее разсмотрѣніе проекта компаніи и ближайшее соглашеніе съ учредителями оной будутъ уже зависѣть отъ Высочайше учрежденнаго особаго комитета въ С.-Петербургѣ, куда вмѣстѣ съ симъ отправятся и уполномоченные отъ компаніи.

Въ заключеніе имѣю честь присовокупить, что какъ Государю Императору благоугодно было указать мнѣ тѣ пути, по коимъ шоссе преимущественно проходить должно, то согласно съ сею Высочайшею волею и примѣняясь къ мѣстному положенію, составленъ общій рисунокъ, съ показаніемъ сихъ путей. Рисунокъ сей я также имѣю честь передать при семъ вашему сіятельству.

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть

вашего сіятельства и прочее, и прочее.

№ 368.
8-го (20-го) декабря 1839 г.
Варшава.

№ 44.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1840 годъ.

(13 писемъ.)

С.-Петербургъ.
3-го (15-го) генваря 1840 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 28-го (9-го) числа. Дай-то Богъ, чтобъ наступившій 1840 годъ благополучно протекъ въ тишинѣ и довольствіи. Признаюсь, я не столько опасаюсь внѣшнихъ обстоятельствъ, сколько видовъ урожая, который послѣ суровой безснѣжной зимы не можетъ обѣщать быть хорошимъ тамъ, гдѣ это всего нужнѣе; дороговизна большая и нужда велика и теперь; что же будетъ далѣе, ежели Богъ не умилосердится. Экспедиція наша въ Хиву дѣлаетъ много шуму, но она была необходима, и шумъ этотъ насъ пугать не долженъ. Покуда имѣю извѣстія отъ Перовскаго только за съ небольшимъ 300 верстъ отъ границы. Морозъ былъ до 32°; но все шло хорошо и обмороженныхъ вовсе не было; но не одинъ холодъ, много еще препятствій слѣдуетъ преодолѣть до рѣшительнаго успѣха.

Бруновъ покуда ладитъ очень хорошо съ Пальмерстономъ, который теперь нашъ; что далѣе будетъ! Папская аллокуція не произвела ни малѣйшаго впечатлѣнія на нашихъ новоприсоединенныхъ, ни даже на католиковъ, которые ожидали гораздо сильнѣйшаго гнѣва; съ твоимъ молодцомъ покуда нечего и говорить, но позднѣе хорошо бы его сюда привезть, здѣсь пусть поглядитъ, да послушаетъ, да потолкуетъ съ прежними товарищами; а потомъ можно будетъ и за нихъ приняться. Правда ли, что Бергъ боленъ, и чѣмъ это? Убійство Гугка совершенно въ родѣ прежнихъ, и я очень готовъ думать, что пропаганда не одну жертву готовитъ; но это насъ не остановитъ ни въ чемъ; надо только не шутить съ убійцами. Мы все съ телеграфомъ еще не сладимъ; туманы ли, или неловкость сигналистовъ тому причиной — не доберемся; обѣщаютъ однако, что скоро все придетъ въ порядокъ, пора! тогда будетъ очень удобно намъ разговаривать и сообщать другъ другу взаимныя новости.

Жена тебѣ кланяется и благодаритъ за память, а я душевно обнимаю. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь искренней дружбѣ тебѣ доброжелательнаго.

Н.

С.-Петербургъ.
23-го генваря (4-го февраля) 1840 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 16-го (28-го) числа. Съ послѣдняго моего письма новаго ничего любопытнаго не случилось. Экспедиція въ Хиву продолжала подвигаться, не смотря на холодъ, доходившій до 32°. Больныхъ немного въ отрядѣ, но много въ гарнизонахъ укрѣпленій, умершихъ же въ сіе время на 6 т. 34, что очень немного. Была уже встрѣча неожиданная съ хивинцами; одна наша рота безъ артиллеріи имѣла дѣло цѣлыя сутки съ

2 т. ихъ отрядомъ и счастливо отбила всѣ ихъ нападенія; предстояло труднѣйшее, т. е. переходъ черезъ хребетъ Устъ-Юртъ. Отъ Брунова ничего не получилъ новаго, но все шло покуда хорошо. Злость Франціи на насъ все усиливается и слова Сульта въ камерахъ сіе доказываютъ, но я имъ сильно отвѣчалъ. Надѣюсь, что уговоришь уніятскаго епископа сюда быть; оно будетъ очень полезно для желаемаго дѣла, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Видѣлъ на-дняхъ Дена, который очень жалуется на ревматизмы. Сегодня смотрю собранныхъ здѣсь проживающихъ безсрочныхъ, которые, говорятъ, хороши. Дѣлалъ тоже смотръ внезапный гвардіи и былъ очень доволенъ, въ особенности кавалеріей; пѣхотѣ, за большимъ снѣгомъ, было мудрено хорошо показаться. Надѣюсь, что болѣзнь Берга не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій, и мнѣ было-бъ очень жаль его потерять, какъ достойнаго офицера. Извѣстія изъ Галиціи подтверждаютъ открытіе важнаго заговора и что наконецъ правительство принялось за строгія мѣры. Но съ Краковомъ я увѣренъ такъ не кончится, и придется приступить къ рѣшительной мѣрѣ, какъ Меттернихъ сего ни боится. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
11-го (23-го) февраля 1840 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 5-го (17-го) числа. Съ прошедшаго письма новыхъ извѣстій отъ Перовскаго не было; я ихъ жду съ нетерпѣніемъ, ибо онъ вступалъ въ самую трудную часть похода;— переходъ чрезъ Устъ-Юртъ. Встрѣтятъ ли его хивинцы въ полѣ, еще неизвѣстно, но я раздѣляю мнѣніе твое на счетъ желательнаго, чтобъ это сбылось; иначе много трудности

предстоять будетъ къ преодолѣнію. Сегодня получилъ я курьера отъ Брунова; дѣло не кончается и, я полагаю, рушится, хотя къ намъ очень расположены, но отъ слабости министерства и внутреннихъ опасеній. Впрочемъ, намъ это все равно, ибо это не наши предложенія, но сама Англія отступается отъ своихъ; и мы останемся въ прежнемъ нашемъ положеніи, готовые на все. Угомони ты мнѣ, ежели можно, холмскаго епископа; уже и то будетъ хорошо, ежели удастся его удалить отъ вліянія подляsскаго и поляковъ; здѣсь мы его скорѣе уломаемъ. Новаго ничего нѣтъ, и ждемъ тебя. Жена моя тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю. Прощай, любезный отецъ командиръ, вѣрь неизмѣнной моей дружбѣ. Твой на вѣки искренно доброжелательный.

Н.

С.-Петербургъ.
1-го (13-го) мая 1840 г.

Благодарю тебя, мой милый отецъ командиръ, за письмо твое отъ 21-го апрѣля (3-го мая), на которое ранѣе отвѣчать не могъ, ибо обстоятельства вынудили готовить разныя новыя мѣры, о которыхъ подробности сообщаетъ тебѣ вмѣстѣ съ симъ Чернышевъ. Осторожность необходима, и не мудрено, что Мегеметъ-Али, видя твердость въ однихъ насъ, на насъ же оборвется, чтобъ парализировать наши способы хотя временно. Съ сей мыслію я нашелъ нужнымъ приблизить весь 5-й корпусъ къ Кавказу, часть котораго уже въ дѣйствіи; дабы, въ случаѣ нужды, имѣть его *тамъ* подъ рукой. Смѣнить его долженъ въ Бессарабіи, и позднѣе въ Крыму, 4-й корпусъ, который вмѣстѣ съ симъ долженъ двинуться туда. Покуда новыхъ успѣховъ черкесъ не было и кажется можно надѣяться, что при принятыхъ мѣрахъ можно ихъ будетъ и становить, и жестоко наказать. Войска за Кавказомъ привожу

я въ полный комплектъ. Сформированіе 4-хъ гренад. ротъ въ 3-мъ корпусѣ полагаю я начать послѣ смотра, дабы не разстроить полки. Дѣло Гутковскаго ведено было весьма хорошо и осторожно, но нѣтъ сомнѣнія, что папа ругать насъ будетъ; необходимо намъ нынѣ думать о соединеніи всего католическаго управленія въ одно цѣлое здѣсь въ коллегіи ихъ, учрежденной самимъ папой при батюшкѣ, и гдѣ старикъ предсѣдатель, почтенный митрополитъ Павловскій, голова самая надежная и благонамѣренная; въ Варшавѣ о семъ съ тобой переговоримъ; я беру съ собой Туркуля съ тѣмъ, чтобъ дѣло сіе тамъ намъ оболванить, и оставлю у тебя для дальнѣйшаго развитія. Завтра у насъ смотръ, ежели погода дозволитъ, ибо сегодня была буря холодная, ужасная. Отъѣздъ нашъ по прежнему. До свиданія, мой отецъ командиръ, обнимаю тебя душевно.

Твой искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ.

Остроленка.
15-го (27-го) мая 1840 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, любезный мой отецъ командиръ, что мы благополучно прибыли сюда въ 6 часовъ вечера и сбираемся отсюда завтра, въ 8 часовъ утра, къ обѣду въ Новогеоргіевскъ. Дорогой все было очень хорошо, въ особенности меня Сувалки обрадовали; о подробностяхъ переговоримъ при свиданіи. Вели въ крѣпости у квартиры, гдѣ остановимся, поставить почетный караулъ; крѣпости салютовать, когда жена выйдетъ изъ кареты, но не ранѣе, дабы не пугать лошадей. Въ Варшавѣ мы пріѣдемъ прямо къ собору, во время многолѣтія вели цитадели салютовать. Мы очень желаемъ остановиться не въ Бельведерѣ, но въ Лазенкахъ, буде

сіе рѣшительно не невозможно; топить тамъ можно вверху вездѣ. Раухъ привезъ намъ весьма плохія извѣстія про почтеннаго короля; ждемъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда Тюлина съ позднѣйшими. Положеніе мое очень тяжело, удерживать жены не смѣю, но боюсь несчастія въ ея присутствіи, и тогда послѣдствія для ея слабаго здоровья меня пугаютъ. Но Богъ милосердъ и услышитъ молитвы наши и сохранитъ еще почтеннаго короля! не хочу терять надежды.

И такъ до завтра; обнимаю тебя отъ души, на вѣки.

Твой искренно доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

Берлинъ.
26-го мая (7-го іюня) 1840 г.

Богъ сподобилъ меня застать еще въ живыхъ почтеннаго короля и быть имъ еще узнаннымъ; и казалось, что это была послѣдняя ему пріятная минута, и черезъ 4 часа послѣ онъ скончался какъ праведникъ, безъ боли, безъ вздоха, безъ судорогъ, заснулъ! Мы всѣ, русскіе, должны въ немъ оплакивать друга нашего Александра Павловича и искренняго друга Россіи, что онъ въ завѣщаніи подтвердилъ своимъ дѣтямъ. Вели сейчасъ надѣть трауръ въ арміи сходно посылаемаго приказа. Жена моя перенесла ужасный сей ударъ съ удивительною твердостію духа, и, съ помощію Божіею, надѣюсь, что оно худыхъ для нея послѣдствій имѣть не будетъ.

Письмо къ эрцгерцогу пошли съ Бергомъ. Дай знать о моемъ пріѣздѣ и о кончинѣ короля телеграфомъ. Обнимаю тебя отъ всей души.

Н.

Здѣсь покуда все тихо, и войска присягали при мнѣ въ примѣрномъ порядкѣ.

Потцдамъ.
29-го мая (10-го іюня) 1840 г.

Вчера вечеромъ я получилъ твое письмо, мой любезный отецъ командиръ, за которое благодарю. Здѣсь все продолжаетъ быть въ порядкѣ, и кажется, при благоразуміи короля и преданности къ нему, можно того же надѣяться впредь; такъ и чувства его, которыя мнѣ давно были извѣстны, выразились ясно вчера, когда онъ принималъ нашъ отрядъ кавалергардовъ; обласкавъ каждаго и увѣривъ всѣхъ въ наслѣдственныхъ чувствахъ къ Россіи и къ нашей арміи, онъ обнялъ старшаго у.-о. и рядового въ знакъ искренности своихъ словъ. Вчера по соизволенію его дежурили при тѣлѣ наши генералъ- и флигель-адъютанты, сегодня стоятъ на часахъ наши кавалергарды, словомъ, все дѣлается, чтобъ доказать, что потеря наша общая, и что память къ нему, общая въ насъ, залогомъ и будущей нашей дружбы и союза. Я держусь въ сторонѣ и *никого* не вижу, дабы доказать тѣмъ, что я прибылъ для семьи, для покойнаго, а не для какого-либо вліянія. Завтра похороны; жена моя здорова и выѣзжаетъ поутру, я же за ней послѣдую вечеромъ, послѣ похоронъ; такъ что прошу тебя присылать мнѣ своихъ фельдъегерей на Веймаръ и Франкфуртъ по 6-е (18-е) іюня. Потомъ же, ежели-бъ случилось, что нужно до 8-го (20-го) числа, прямо въ *Киль*, гдѣ я сажусь на пароходъ. Дай знать Чернышеву, чтобъ о нужномъ давалъ тебѣ знать телеграфомъ для сообщенія мнѣ черезъ тебя.

Берлинъ.

Сейчасъ я отъ тѣла покойника! больше писать нечего. Обнимаю тебя отъ души, на вѣки тебѣ доброжелательный.

Н.

Сергіевское, близъ Петергофа.
29-го іюня (11-го іюля) 1840 г.

Съ возвращенія моего сюда мнѣ не было свободнаго времени отвѣчать тебѣ, мой любезный отецъ командиръ, на два письма: одно полученное мною на пароходѣ, при самомъ отплытіи изъ Киля; другое здѣсь, вскорѣ по пріѣздѣ. Я нашелъ здѣсь столько тяжелаго, грустнаго дѣла, что при безъ того довольно мрачномъ расположеніи моего духа, съ трудомъ могъ заниматься и кончить все, что на меня навалили. Теперь, слава Богу, дѣла пришли въ обыкновенное правильное теченіе, и мнѣ нѣсколько полегче. Къ несчастію, я нашелъ здѣсь мало утѣшительнаго, хотя много и было преувеличено. Четыре губерніи точно въ крайней нуждѣ; это Тульская, Калужская, Рязанская и Тамбовская; озимый хлѣбъ хотя и 4-й доли не воротитъ сѣмянъ; къ счастію, что яровые хороши. Требованія помощи непомѣрныя; въ двѣ губерніи требуютъ 28 милліоновъ; гдѣ ихъ взять? всего страшнѣе, что ежели озимыя поля не будутъ засѣяны, то въ будущемъ году будетъ уже рѣшительный голодъ; на врядъ ли успѣемъ закупить и доставить во-время. Вотъ моя теперешняя главная забота. Дѣлаемъ, что можемъ; на мѣсто послалъ г. Строгонова распоряжаться съ полною властію. Петербургъ тоже можетъ быть въ нуждѣ, ежели изъ-за границы хлѣба не подвезутъ. Чтобъ облегчить потребность казеннаго хлѣба сюда и не требовать всего количества съ низовыхъ губерній, я приказалъ было Чернышеву тебя спросить, можно ли считать на Польшу; но дѣло это не сбыточно на сообщенныхъ условіяхъ; развѣ на пробу заподрядимъ 20 т. кулей для доставки чрезъ Либаву. Годъ тяжелый; денегъ требуютъ всюду, и недоимки за полгода уже до 20 милліоновъ противу прошлаго года, не знаю, право, какъ выворотимся. Погода стоитъ у насъ несносная, безпрестанные дожди и сегодня сильная буря всю ночь и раза три днемъ. Изъ-за границы новаго ничего нѣтъ.

Поѣздка моя въ Германію, какъ пишетъ Паленъ, привела Луи Филиппа и Тіера въ тревогу; они вообразили, что я только за тѣмъ ѣздилъ, чтобъ соединить всѣхъ германскихъ владѣтелей противъ Франціи, и крѣпко негодуютъ! Скоты! Жду отъ тебя отвѣтъ на записку по устройству католической церкви въ Польшѣ; оно тѣмъ нужнѣе мнѣ, что я пишу папѣ весьма сильно и рѣшительно, чтобъ вразумить всю опасность *для его власти* принятой имъ системы; пора этому положить конецъ. Войскъ я не видалъ. Михайло Павловичъ продолжаетъ еще свои смотры, я только два раза былъ на церковныхъ парадахъ и у развода въ лагерѣ; дожди и тамъ много вредятъ. На Кавказѣ идетъ у насъ все хорошо. Оба пункта на черноморскомъ берегу заняты обратно безъ выстрѣла и всѣ укрѣпленія приводятся въ лучшее положеніе. Себинской выдержалъ три славныхъ штурма и черкесы были отбиты съ огромной потерей, оставя во рву до 400 тѣлъ; славно! Извѣстія мои отъ жены покуда даютъ надежду, что воды будутъ ей въ пользу. Возвращеніе ея остается по прежнему въ Варшаву къ 23-му августа (4-му сентября). О пріемѣ невѣсты условимся. Жить будемъ въ Лазенкахъ; Марія будетъ жить вмѣстѣ съ Олинькой; но вели эти комнаты получше отдѣлать и меблировать; у меня же въ желтой комнатѣ вели сдѣлать передѣлки, какъ я примѣрно назначилъ на прилагаемомъ рисункѣ; это будетъ гораздо для меня удобнѣе.

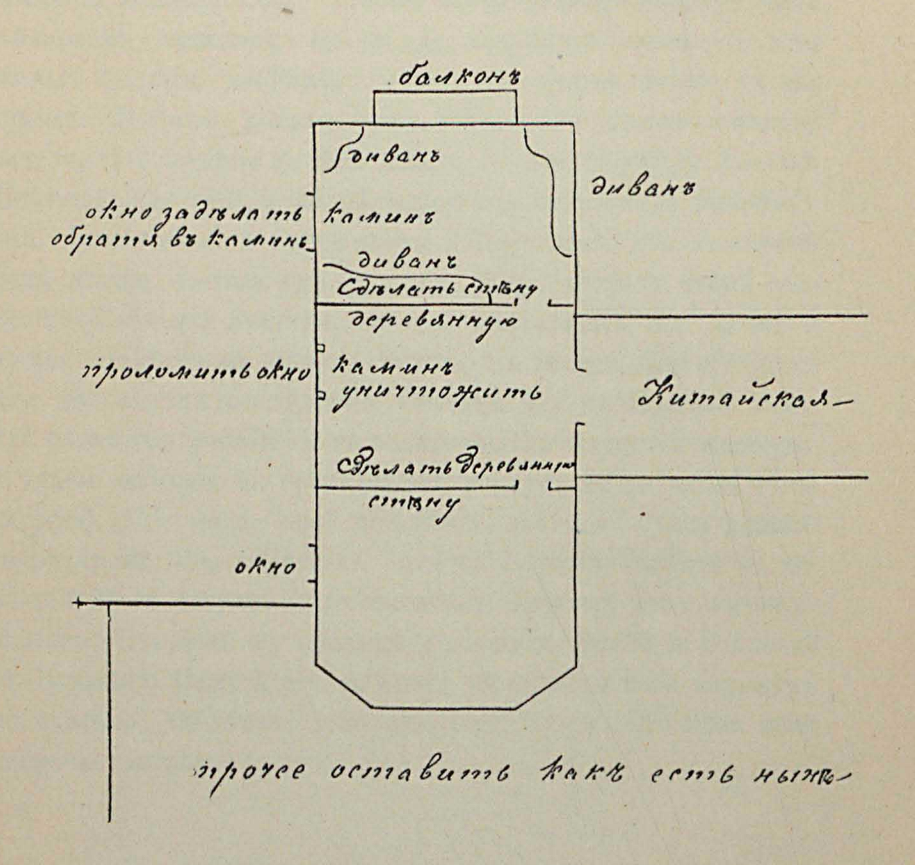
Цѣлую ручки княгинѣ, а тебя сердечно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Петергофъ.
13-го (25-го) іюля 1840 года.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 7-го (19-го) числа. Вчера по телеграфу узналъ я,

балконъ
диванъ
диванъ
окно задѣлать
обратя въ каминъ
каминъ
диванъ
Сдѣлать стѣну
деревянную
проломить окно
каминъ
уничтожить
Китайская-
Сдѣлать деревянн
стѣну
окно
прочее оставить какъ есть нынѣ

что ты доволенъ былъ смотромъ перваго корпуса; надѣюсь, что и прочими войсками будешь въ равной степени доволенъ. Записки твои о католическомъ духовенствѣ еще соображаю; но между тѣмъ новое весьма странное явленіе, вовсе неожиданное, можетъ все измѣнить; при свиданіи словесно тебѣ объясню. Шамбургскаго*) ежели необходимо съ жандармскимъ офицеромъ прислать, то на сіе соглашусь поневолѣ, хотя желалъ бы сего избѣжать; здѣсь все будетъ готово къ его пріему. Молчаніе папы о дѣлѣ уніятскомъ сильно поразило католиковъ, которые не того ждали. Конвенція между Англіей, Пруссіей, Австріей, мной и Турціею подписана, безъ Франціи!!! Это важное дѣло, и новая эпоха въ политикѣ, ибо въ первый разъ Англія отстала отъ Франціи. Жду на-дняхъ самой конвенціи. Свѣдѣнія изнутри, сегодня полученныя, все лучше и лучше. Надѣюсь на милость Божію, что теперь дѣло обойдется безъ гибельныхъ послѣдствій. Сегодня ѣду въ Красное Село, для обычныхъ ученій; а въ концѣ недѣли начнутся маневры; я думаю выѣхать въ гренадерскій корпусъ 27-го числа (8-го августа). Отъ жены моей послѣднія извѣстія очень удовлетворительны. Она полагаетъ быть въ Варшаву вмѣстѣ съ невѣстой 26-го августа (8-го сентября)! Важный день воспоминаніями. О пріемѣ на границѣ условимся, равно и о въѣздѣ въ Варшаву. Сынъ ѣдетъ со мной; въ поѣздкѣ моей перемѣнъ не сдѣлалъ. Обнимаю тебя отъ всей души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Ловичъ, 8 часовъ вечера.
23-го августа (4-го сентября) 1840 г.

Весь мой транспортъ прибылъ благополучно въ Ловичъ въ 7 часовъ. Условлено женѣ моей ѣхать *въ 9 часовъ*, такъ что

*) Шумборскаго.

въ Осторжевъ будетъ по моему расчету *въ часъ пополудни.* Я выѣзжаю отсюда *въ 8 часовъ.* Войскамъ велѣть быть выравненными на мѣстахъ ровно въ часъ и *отнюдь не раньше.* Буде погода будетъ очень ненастна, то пѣхотѣ можно будетъ снять ранцы и накинуть шинели, до повѣщенія, что въѣздъ начался. Молю Бога, чтобъ погода была хороша, какъ прошедшіе дни, и чтобъ все было хорошо и прилично. Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Н.

Ломза.
27-го августа (8-го сентября) 1840 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, мой любезный отецъ командиръ, что Мейндорфъ мнѣ ничего особеннаго не сообщилъ; одно важное извѣстіе есть то, что въ Мониторѣ напечатано, будто правительство получило извѣстіе, что Мегеметъ-Али на присылку Рифотъ-бея, отъ султана, отвѣчалъ отказомъ, и что онъ ждать будетъ, чтобъ его атаковали, и въ такомъ случаѣ обороняться будетъ до крайности, но что атаковать *самъ* не будетъ. Это бы *намъ* было хорошо, ибо тогда не придется двигать войскъ и тратить людей и деньги, останется довершать дѣло англичанамъ.

Мы прибыли сюда очень скоро и благополучно, погода была славная; жаль, (что) не было такой въ два прошедшіе дня.

Обнимаю тебя отъ души.

Н.

Царское Село.
2-го (14-го) октября 1840 г.

Отвѣчаю сегодня, мой любезный отецъ командиръ, на два твои письма, послѣднее одно требуетъ подробнаго отвѣта, къ чему и приступаю. Съ большимъ любопытствомъ читалъ я описаніе твоего пребыванія въ Берлинѣ; пріемъ короля таковъ,

какого я ожидалъ; что прочіе о томъ думали, намъ дѣла нѣтъ; воля короля и твердая его рѣшимость дѣйствовать за одно съ нами для меня достаточны. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что коснулся всѣхъ предметовъ и все привелъ въ ясность къ взаимному удовольствію. Касательно же могущей потребоваться отъ насъ помощи или нашего участія въ борьбѣ съ Франціею, я другого мнѣнія. Не говоря уже о томъ, можетъ ли быть, или нѣтъ вѣроятія, чтобъ при нынѣшнемъ положеніи вещей была возможность ожидать нападенія Франціи на Германію, должно однако полагать, что силы западной Германіи и 4 прусскихъ корпуса достаточны будутъ, дабы встрѣтить французовъ и бороться съ ними мѣсяцъ или болѣе, до прихода остальныхъ германскихъ силъ, т. е. прусскихъ пяти корпусовъ и австрійской арміи, которая при всей ихъ безпечности не можетъ же исчезнуть съ лица земли. *Наше* появленіе должно быть только въ *одномъ* случаѣ: недостатка сихъ первыхъ силъ или ихъ неудачу; но тогда наше появленіе должно быть достойно Россіи, оно должно быть огромно, грозно, непреодолимо, и съ помощію Божіею рѣшить дѣло однимъ ударомъ. Я рѣшительно и никогда не соглашусь на раздробленіе нашихъ силъ въ видѣ частной помощи. Время намъ собственно вооружаться или стать на военную ногу еще не настало; въ декабрѣ мѣсяцѣ вѣроятно вопросъ войны иль мира рѣшится; тогда въ 6 недѣль мы будемъ готовы и, съ половины февраля двинувшись, будемъ перваго мая на театрѣ войны. Для сего мы явимся съ 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ пѣхотными, 1-мъ и 3-мъ кавалерійскими корпусами, при нужномъ числѣ казаковъ; а гренадеры, гвардія и гвард. кавал. корп. въ резервѣ вслѣдъ за арміей. Однако я нынѣ же разрѣшаю тебѣ приступить къ закупкѣ провіанта, и даже въ большей пропорціи, чѣмъ ты предлагаешь. Движеніе 2-го корпуса значительно ускорится, ежели король дозволитъ сему корпусу прослѣдовать на Торунь и Красинъ, въ чемъ я не сомнѣваюсь. Графъ Паленъ

мнѣ пишетъ, что взятіе Бейрута произвело ужасное впечатлѣніе въ Парижѣ, всѣ ожидали войны, но газеты другого дня всѣхъ изумили ихъ нерѣшимостью. L. Phylipре радовался этому десанту, говоря, что этимъ послѣднія турецкія войска уничтожатся или перейдутъ къ Мегеметъ-Али! Изъ сего я заключаю, что злобѣ на насъ нѣтъ мѣры, но что они ничего не могутъ предпринять или еще не готовы. Король запретилъ выводъ лошадей, что ихъ взбѣситъ, но придраться не могутъ, ибо мѣра общая. Вчера я сильно писалъ въ Вѣну на счетъ ихъ безпечности, или по крайней мѣрѣ неумѣстной противъ насъ утайкѣ своихъ мѣръ. Намъ теперь важна удача новаго займа въ Голландіи; отреченіе короля имѣло столь невыгодное вліяніе на биржу, что очень затруднитъ удачу займа. Открытія содержащихся въ Вильнѣ сильное наводятъ подозрѣніе на скрытые еще замыслы между офицерами 1-го корпуса; эти темныя обстоятельства надо строго и настоятельно раскрыть, больно крайне мнѣ, что дѣло это не кончено. Шамбургскій *) просится домой, подъ разными предлогами, между прочими, что сопроводившему его декану нужно воротиться въ духовную академію, по открытіи курсовъ. На это я ему велѣлъ отвѣчать, что декану можно отъѣхать сейчасъ; самому же еще погодить до пріѣзда бывшихъ уніятскихъ епископовъ. Самъ старикъ очень хорошъ; но деканъ сей — не духовный каналья, а каналья полякъ; онъ старика водитъ; старикъ его боится какъ огня и потому полезно, чтобъ онъ отъ него удаленъ былъ, на что предлогъ очень хорошъ. Нужно на мѣсто умершаго викарія избрать вѣрнаго и готоваго на присоединеніе человѣка; это важное дѣло для будущаго. На Кавказѣ нынѣшній походъ не былъ ничѣмъ ознаменованъ, что можно-бъ было назвать новымъ успѣхомъ. Одно однако принесетъ несомнѣнную пользу, это устройство, успѣшно до-

*) Шумборскій.

вершенное, новой линіи на Лабѣ, чѣмъ граница военно-занятая значительно сократилась и пріобрѣтена отличная удобная къ заселенію земля, въ которой мы нуждались. На черноморскомъ берегу два изъ потерянныхъ пунктовъ вновь заняты и всѣ укрѣпленія значительно улучшены; но за то болѣзненность и смертность въ войскахъ были непомѣрны, въ особенности въ 15-й дивизіи, которая воротилась въ четвертую часть того числа, которое отправилось! это ужасно! На лѣвомъ флангѣ дѣла шли безъ должнаго успѣха, какъ кажется отъ нераспорядительности генерала Голофѣева; и весь этотъ край въ рукахъ Шамиля; на будущій годъ придется съ нимъ раздѣлаться и стать твердой ногой у подошвы горъ. Я дѣлалъ четырехдневный маневръ гвардіи, которымъ былъ очень доволенъ, хотя послѣдніе два дня погода была несносная. Жду извѣстій изъ Царьграда, что произведетъ взятіе Бейрута; опасаюсь только, что турецкія войска врядъ ли тамъ удержатся, ежели Ибрагимъ ихъ атакуетъ всѣми своими силами, чего ожидали. Прошу меня увѣдомить, отецъ командиръ, по нынѣшнему положенію банка польскаго, до какой суммы можно-бъ было казнѣ сдѣлать въ немъ заемъ? Вытребованіе суммъ изъ здѣшнихъ банковъ по причинѣ неурожая не прекращается и можетъ насъ весьма затруднить. Вообще заключеніе смѣты нынѣшняго года представитъ большія затрудненія.

Жена моя тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ; прощай, любезный мой отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всей души.

На вѣки тебѣ доброж.

Н.

Царское Село.
6-го (18-го) ноября 1840 г.

Только сегодня могу отвѣчать на письмо твое, любезный отецъ командиръ, отъ 19-го октября (1-го ноября). Твое пред-

сказаніе сбылось; рѣчь Л. Ф. при открытіи палатъ самая успокоительная и показываетъ, равно какъ и самый составъ новаго министерства, что намѣреніе рѣшительное сохранить миръ; но весь вопросъ теперь въ томъ, удержится ли министерство, и сбудется ли, какъ говорятъ, что Тіеръ обѣщалъ, будто, не противодѣйствовать новому министерству. Во всякомъ случаѣ, чтобъ ни случилось, наше дѣйствіе надолго еще отложено. Изъ Царьграда почта не пришла и мы давно никакихъ извѣстій не имѣемъ, но кажется, что дѣло въ Сиріи идетъ успѣшно къ развязкѣ и будто хотятъ осаждать Акру; хорошо бы такъ. На счетъ займа чрезъ польскій банкъ я тебѣ рѣшительнаго отвѣта дать еще не могу, по той причинѣ, что это рѣшиться можетъ только при соображеніи смѣты. Но предвижу, на семъ основаніи, много возраженій. Нужда въ деньгахъ большая, и право не знаю, какъ мы заключимъ смѣту. Въ Лондонѣ у насъ все ладно; въ Вѣнѣ Меттернихъ вретъ много, но дѣло идетъ. Была рѣчь о какомъ-то конгрессѣ въ Висбаденѣ, но съ нѣкоторыхъ поръ и это притихло. Со вчера рѣка стала, снѣгу очень много, а морозу 12°; завтра пущаемся въ городъ на зимнія квартиры. Напоминаю тебѣ о начальникѣ штаба въ 1-й корпусъ, безъ этого дѣло не пойдетъ на ладъ у Тимофеева; кого имѣешь въ виду, напиши мнѣ. Новаго ничего нѣтъ. Жена тебѣ кланяется, а я обнимаю тебя отъ души.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

На прошлой недѣлѣ, крестилъ твоего внука; славный крикунъ!

№ 45.

а.

Варш. арх. стар. дѣлъ. Sek. III, 10 в.
№ 156.

9-го (21-го) іюня 1840 г.

О предметахъ, о коихъ епископы Царства Польскаго намѣрены подать прошеніе.

Римско-католическіе епископы и управляющіе епархіями въ Царствѣ Польскомъ подали мнѣ записку въ тѣхъ предметахъ, о коихъ они желали бы просить правительство.

Предметы эти суть слѣдующіе:

1) Объ отмѣнѣ Высочайшаго декрета 6-го (18-го) марта 1817 г. относительно подчиненности духовныхъ лицъ, какъ то обѣщано было въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ въ 1821 году вслѣдствіе жалобъ епископовъ.

2) Объ учрежденіи въ каждой епархіи, подъ завѣдываніемъ мѣстнаго епископа, духовной школы для юношества, подобно тому, какъ таковая учреждена при варшавскомъ православномъ соборѣ.

3) Объ усиленіи наказанія за оскорбленіе духовенства.

4) Объ улучшеніи содержанія каѳедръ, коллегіатовъ и семинарій, изъ супрессіонныхъ фундушей.

5) О пособіи приходскимъ священникамъ, неимѣющимъ тысячи злот. годового дохода, на что ассигновано 300 т. злот.

6) О назначеніи для ярмарокъ и торговъ будничныхъ дней, вмѣсто воскресныхъ и праздничныхъ.

Какъ предметы, въ первыхъ двухъ статьяхъ значущіеся, требуютъ, по важности своей, самаго зрѣлаго и подробнаго разсмотрѣнія, то я не могу представить теперь Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, моего по онымъ заключенія, тѣмъ

болѣе, что многое можно сказать и въ пользу, и противу таковаго домогательства епископовъ.

Что же касается прочихъ статей, то, по ближайшемъ соображеніи оныхъ, имѣю счастіе всеподданнѣйше донести.

По третьей: постановленіями Царства Польскаго, всѣ жители онаго, безъ различія состоянія, вѣры и званія, равны предъ закономъ, и для всѣхъ ихъ учреждены одни и тѣ же судилища, какъ гражданскія, такъ и уголовныя. По сему и оскорбленіе на словахъ и дѣлѣ подвергаетъ каждаго сдѣлавшаго оное, духовное ли это лицо или свѣтское, одинакому наказанію, т. е. публичному аресту, отъ 8 дней до 3 мѣсяцевъ или денежной пени отъ 40 до 500 злот. Не взирая на сіе, въ каждомъ случаѣ, когда подобное наказаніе бываетъ опредѣлено духовной особѣ, коммисія внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ, для поддержанія достоинства духовенства, принимаетъ мѣры, чтобы это наказаніе замѣнено было на заключеніе въ монастырь.

Во всякомъ однако случаѣ, я признавалъ бы полезнымъ, поручить комитету учрежденному въ С.-Петербургѣ для составленія законовъ для здѣшняго края, дабы онъ, какъ при опредѣленіи порядка слѣдствія противу духовныхъ, такъ и при назначеніи имъ наказанія, имѣлъ въ виду достоинство носимаго ими сана, и чтобы усилилъ наказаніе свѣтскимъ лицамъ, оскорбляющимъ духовныхъ.

По четвертой: улучшеніе содержанія августовской и подлясской каѳедръ, а также семинарій, гдѣ окажется нужнымъ, имѣло уже въ виду само правительство и для изысканія къ тому способовъ предположило отдать въ постоянное содержаніе супрессійныя имѣнія. Проектъ по сему предмету составленъ и сообщенъ былъ епископамъ, во время послѣдняго съѣзда ихъ въ Варшаву. Они нашли его соотвѣтствующимъ пользѣ ихъ и выгодамъ и сдѣлали въ ономъ нѣкоторыя весьма маловажныя измѣненія. Проектъ этотъ въ непродолжительномъ

времени внесенъ будетъ въ совѣтъ управленія, и коль скоро послѣдуетъ утвержденіе онаго, то тѣмъ самымъ удовлетворено будетъ по возможности и домогательство епископовъ по настоящему предмету.

По пятой: въ 1826 г. въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ I Высочайше повелѣть соизволилъ, дабы правительственная коммисія финансовъ и казначейства открыла кредитъ на 368,427 злот. 21 грошъ для пособія приходскимъ священникамъ, не имѣющимъ 1000 злот. годового дохода, съ тѣмъ однако же, чтобы прежде сдѣлана была повѣрка фундушей подобныхъ приходовъ, но пока таковая повѣрка приводилась въ исполненіе Ваше Величество изволили назначить на этотъ предметъ 13-го (25-го) іюня 1829 г. 50 т. злот. изъ поступившихъ въ польскій банкъ процентовъ отъ фундуша, такъ называемаго *Stiftungs fonds*. Окончательно составленныя правила оцѣнки приходскихъ доходовъ, долженствующей служить основаніемъ распредѣленію означенной суммы, утверждены Вами, Всемилостивѣйшій Государь, 19-го ноября (1-го декабря) 1837 г. и вслѣдъ затѣмъ сдѣланы всѣ нужныя распоряженія къ распредѣленію вышеупомянутыхъ 50 т. священникамъ бѣднѣйшихъ приходовъ, что и послѣдуетъ, коль скоро сіи священники доставятъ регистры своимъ приходскимъ доходамъ по изданной формѣ, и таковыя будутъ повѣрены мѣстною властію. Хотя заботливость за исполненіемъ сего исключительно относится къ епископамъ, за всѣмъ тѣмъ сдѣлано будетъ новое подтвержденіе объ ускореніи представленія и повѣрки означенныхъ регистровъ.

По шестой: какъ съ одной стороны епископы, основываясь на правилахъ церковныхъ, не престаютъ требовать, чтобы ярмарки и торги не имѣли мѣста въ воскресные и праздничные дни, а съ другой—виды промышленности и земледѣлія представляютъ важныя къ тому препятствія, то въ такомъ положеніи дѣла ближе всего было бы, по мнѣнію моему, суще-

ствующіе уже ярмарки и торги въ праздничные и воскресные дни оставить безъ отмѣны, а токмо подтвердить, чтобы, согласно постановленію Царскаго намѣстника 4-го ноября 1823 г., ярмарки въ таковые дни начинались непремѣнно послѣ полудня, а торги оканчивались въ 10 часу по полуночи, т. е. предъ начатіемъ богослуженія, на будущее же время постановить правиломъ, чтобы при выдачѣ позволеній на новые ярмарки и торги или на перемѣну ярмарокъ и торговъ, понынѣ существующихъ, не назначать таковыхъ въ праздничные и воскресные дни, а токмо въ будничные.

Обстоятельства сіи пріемлю смѣлость повергнуть на Высочайшее благоусмотрѣніе Вашего Императорскаго Величества.

Подл. подписалъ: намѣстникъ генералъ-фельдмаршалъ князь Варшавскій, графъ
Паскевичъ-Эриванскій.

Съ подлин. вѣрно: директоръ канцеляріи
Еліашевичъ.

б.

Варш. арх. стар. дѣлъ.
Sek. III. 10. в. № 156.

№ 1234.
26-го апрѣля (8-го мая) 1841 г.
Варшава.

Милостивый государь,
Игнатій Лаврентьевичъ.

Вслѣдъ за полученіемъ записки вашего превосходительства съ изъясненіемъ Высочайшей Его Императорскаго Величества воли о сообщеніи вамъ мнѣнія моего о томъ, слѣдуетъ ли приступить къ новому разсмотрѣнію указа 6-го

(18-го) марта 1817 г. объ устройствѣ римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ, епископы и управляющіе епархіями здѣшняго края подали мнѣ записку по шести предметамъ, о которыхъ они желали просить правительство. Всѣ эти предметы изложены въ прилагаемой у сего копіи всеподданнѣйшей записки 9-го (21-го) іюня 1840 г., въ которой имѣлъ я счастіе повергнуть на благоусмотрѣніе Государя Императора заключеніе мое только по послѣднимъ четыремъ статьямъ оной.

На записку эту не послѣдовало еще Высочайшаго повелѣнія. Между тѣмъ по остальнымъ двумъ предметамъ, и именно объ отмѣнѣ указа 1817 г. и объ учрежденіи въ каждой епархіи подъ завѣдываніемъ мѣстнаго епископа духовной школы, собраны нужныя свѣдѣнія, по которымъ оказалось:

1) Относительно домогательства епископовъ объ отмѣнѣ указа 1817 г.

Высочайшимъ именнымъ указомъ блаженныя памяти Государя Императора Александра I отъ 16-го (28-го) марта 1817 г. постановлены соотношенія, въ какихъ должно состоять римско - католическое духовенство къ правительственнымъ и судебнымъ властямъ Царства и къ духовенству прочихъ исповѣданій, опредѣлена степень надзора и опеки правительства, а также средства исправлять духовенство и наказывать оное въ случаѣ преступленій.

Указъ этотъ, вѣроятно съ Высочайшаго соизволенія, не внесенъ тогда въ дневникъ законовъ, т. е. не обнародованъ, а для исполненія только напечатанъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ и разосланъ къ епархіальнымъ начальствамъ и въ правительственныя и судебныя мѣста. Отъ епископовъ стали поступать представленія о затрудненіяхъ въ исполненіи сего указа, особливо въ отношеніи духовной дисциплины, а потому Высочайшимъ указомъ 2-го (14-го) августа 1821 г. повелѣно, чтобы духовная секція бывшей правительственной коммисіи

исповѣданій и народнаго просвѣщенія, состоявшая изъ архіепископа и двухъ епископовъ, сдѣлала вновь соображеніе, что окажется нужнымъ перемѣнить или исправить.

Вслѣдствіе сего помянутою правительственною коммисіею составлены проекты объ измѣненіи Высочайшаго указа 6-го (18-го) марта 1817 г. по слѣдующимъ тремъ предметамъ:

1) По опредѣленію (отношеній) духовной власти къ гражданской.

2) Относительно нѣкоторыхъ изъятій въ пользу духовныхъ лицъ, кои по сей 5 статьѣ означеннаго указа подлежатъ судебнымъ, администраціоннымъ и полицейскимъ властямъ наравнѣ съ прочими жителями и

3) По опредѣленіи обязанности и власти духовныхъ судовъ и касательно мѣръ исполнительныхъ.

Проекты эти были въ апрѣлѣ 1826 г. представлены намѣстнику въ Царствѣ, но разрѣшенія по нимъ не послѣдовало, и Высочайшій указъ 16-го (28-го) марта 1817 г. остался доселѣ въ своей силѣ, кромѣ измѣненій, произведенныхъ изданными впослѣдствіи Высочайшими указами 7-го (19-го) августа 1817 г. и 25-го августа (6-го сентября) 1818 г. Первымъ: монашескіе ордена піяровъ и венедиктиновъ изъяты отъ исполненія 17 статьи указа 6-го (18-го) марта 1817 г., послѣ которыхъ лица, принимаемыя въ монастырь, должны быть не моложе 24 лѣтъ; къ совершенію же обѣта священства допускаются не прежде, какъ по истеченіи 30 лѣтъ отъ роду. Вторымъ: въ отмѣну 22-й статьи того же указа 6-го (18-го) марта 1817 г. предоставлена епископамъ власть, безъ сношенія съ правительственною коммисіею, наказывать духовныя лица за ихъ преступленія временнымъ удаленіемъ отъ должностей.

Между тѣмъ указъ 6-го (18-го) марта 1817 г. оставался невнесеннымъ въ дневникѣ законовъ, и потому коммисія внутреннихъ дѣлъ, имѣя въ виду предписаніе совѣта управленія, чтобы собрать свѣдѣнія о всѣхъ постановленіяхъ правитель-

ства, къ общему управленію относящихся, которыя остаются необнародованными, испрашивала разрѣшенія совѣта относительно помянутаго указа, полагая обнародованіе его излишнимъ, такъ какъ за разсылкою печатныхъ экземпляровъ онаго ко всѣмъ духовнымъ и свѣтскимъ властямъ не встрѣчается въ исполненіи никакого препятствія.

Совѣтъ управленія, постановленіемъ 23-го ноября (5-го декабря) 1837 г. утвердивъ представленіе правительственной коммисіи, предписалъ только, дабы сдѣлать его извѣстнымъ всему духовенству, напечатать помянутый указъ, съ перемѣнами, которыя впослѣдствіи допущены, въ такомъ числѣ экземпляровъ, какое потребуется по числу приходовъ, и разослать приходскимъ священникамъ.

Исполненіе по сему дало поводъ епископамъ къ новой просьбѣ объ отмѣнѣ указа 1817 года.

Изъ вышеизложеннаго оказывается, что указъ сей изданъ съ тою именно цѣлью, чтобы имѣть необходимое вліяніе на духовенство и, держа его въ приличной зависимости, ограждать низшее духовенство отъ притѣсненій со стороны епархіальныхъ начальствъ; чтобы удостовѣряться, точно ли назначаемые къ приходамъ священники имѣютъ нужныя для сего качества какъ по наукамъ, такъ и по образу мыслей; чтобы оградить церковные фундуши отъ произвольнаго епархіальнымъ начальствомъ употребленія; чтобы доставить низшему духовенству возможность, въ случаѣ неправильныхъ распоряженій со стороны епископовъ, прибѣгать подъ защиту правительства.

Напротивъ, сколько извѣстно, всѣ предлагаемыя епископами какъ прежде, такъ и теперь измѣненія клонятся очевидно къ избѣжанію зависимости отъ правительства и къ тому, чтобы подвергнуть низшее духовенство неограниченной ихъ власти.

Наконецъ, какъ видно изъ дѣлъ коммисіи внутреннихъ дѣлъ, исполненіе указа 1817 г. продолжается доселѣ безъ

затрудненія, и не было никакихъ въ этомъ отношеніи важныхъ жалобъ, исключая извѣстнаго епископа Гутковскаго, который, возставая противъ всякаго участія правительства въ дѣлахъ церковныхъ и употребляя противъ низшаго духовенства строгость, доходившую до жестокости, такъ что подвергъ тѣлесному наказанію родного старшаго брата своего, приходскаго священника, показалъ симъ на опытѣ, сколь вредна можетъ быть неограниченная власть епископовъ и сколь необходимо вліяніе на оную правительства.

По этимъ уваженіямъ и принимая въ соображеніе, что указъ 6-го (18-го) марта 1817 г., оставаясь доселѣ въ своей силѣ, подтвержденъ вновь въ весьма недавнемъ времени, что въ исполненіи его не встрѣтилось доселѣ важныхъ неудобствъ, и что допущенный въ 1821 г. пересмотръ сего закона никакъ нельзя принимать, какъ то говорятъ епископы, за обѣщаніе сдѣлать въ немъ перемѣны, я нахожу, что въ этомъ отношеніи домогательство епископовъ не можетъ подлежать удовлетворенію, тѣмъ болѣе, что дѣйствія епископа Гутковскаго показали на опытѣ, сколь вредныхъ послѣдствій можно ожидать отъ прекращенія ближайшаго надзора правительства за духовенствомъ.

Второй неразрѣшенный предметъ желаній епископовъ заключается въ томъ, чтобы въ подвѣдомственныхъ имъ епархіяхъ учредить училища подъ ихъ непосредственнымъ завѣдываніемъ, подобно тому, какъ такое же учреждено при варшавскомъ православномъ соборѣ.

Приводимый епископомъ примѣръ православнаго духовнаго училища никакъ не можетъ быть примѣненъ къ римско-католическимъ епархіямъ. Православное духовное училище предназначено для образованія священно и церковно-служительскихъ дѣтей, которыя, по рожденію своему отъ лицъ духовнаго званія, предназначаются исключительно для званія родителей своихъ и должны затѣмъ получать воспитаніе сообразное сему непремѣнному предназначенію.

Напротивъ, въ римско - католическое духовенство поступаютъ дѣти свѣтскихъ родителей по собственной добровольной склонности, которая проявляется преимущественно въ лѣтахъ юношескихъ; слѣдовательно весьма легко можетъ случиться, что изъ дѣтей, которыя будутъ приниматься въ помянутыя училища, никто или весьма немногіе изберутъ духовное званіе. Такимъ образомъ воспитаніе юношества, наипаче при общемъ стремленіи къ избѣжанію вліянія правительства, могло бы перейти въ непосредственное вѣдѣніе духовенства. По этимъ соображеніямъ и по уваженію, что для приготовленія юношества, предназначающаго себя духовному званію, существуетъ уже въ Варшавѣ многочисленная семинарія при монастырѣ миссіонеровъ и духовная академія, и что по числу клириковъ, находящихся въ сихъ двухъ духовныхъ заведеніяхъ, весьма ихъ достаточно для замѣщенія открывающихся по всему краю духовныхъ вакансій желаніе епископовъ объ учрежденіи при нихъ особыхъ училищъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ подлежать удовлетворенію.

Увѣдомляя о томъ васъ, милостивый государь, нужнымъ считаю присовокупить, что всѣ вышеписанныя обстоятельства сообщены мною вице-канцлеру Имперіи отъ 19-го минувшаго генваря, вслѣдствіе личнаго съ нимъ по сему предмету объясненія.

Съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою.

Подлин. подп. князь Варшавскій.

Его Превосходительству
И. Л. Туркулу.

Варш. арх. стар. д. Sek. III, 10. в·
№ 156.

в.

Намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ совѣту управленія.

Епископы и управляющіе епархіями римско-католическаго исповѣданія въ Царствѣ Польскомъ испрашивали соизволенія моего на поднесеніе всеподданнѣйшаго прошенія по слѣдующимъ предметамъ:

1) Объ отмѣнѣ Высочайшаго декрета 6-го (18-го) марта 1817 г., относительно подчиненности духовныхъ лицъ, какъ то обѣщано было въ Бозѣ почивающимъ Государемъ Императоромъ Александромъ I въ 1821 г., вслѣдствіе жалобъ епископовъ.

2) Объ учрежденіи въ каждой епархіи, подъ завѣдываніемъ мѣстнаго епископа, духовной школы для юношества, подобно тому, какъ таковая учреждена при варшавскомъ православномъ соборѣ.

3) Объ усиленіи наказанія за оскорбленіе духовенства.

4) Объ улучшеніи содержанія каѳедръ, коллегій и семинарій изъ супрессіонныхъ фундушей.

5) О пособіи приходскихъ священниковъ, неимѣющимъ тысячи злотыхъ годового дохода, на что ассигновано 300 т. злот., наконецъ:

6) О назначеніи для ярмарокъ и торговъ будничныхъ дней вмѣсто воскресныхъ и праздничныхъ.

Я имѣлъ счастіе представить о томъ на Высочайшее благоусмотрѣніе Государя Императора, во всеподданнѣйшей запискѣ отъ 9-го (21-го) іюня 1840 г. и въ отношеніи къ министру статсъ-секретарю Царства отъ 26-го апрѣля (8-го мая) текущаго года за № 1234, вмѣстѣ съ изложеніемъ моего мнѣнія.

Нынѣ тайный совѣтникъ Туркулъ отношеніемъ отъ 15-го (27-го) минувшаго іюля № 976, у сего въ подлинникѣ прилагаемомъ, доводитъ до моего свѣдѣнія, что Его Императорское Величество, соглашаясь вполнѣ съ мнѣніемъ моимъ по всѣмъ пунктамъ домогательствъ епископовъ, въ особенности Высочайше повелѣть соизволилъ:

Предметъ, изложенный въ 3 пунктѣ, относительно усиленія наказанія за оскорбленіе духовенства, имѣть въ виду при составленіи новаго проекта уголовныхъ законовъ.

По обстоятельству же, заключающемуся въ 6 пунктѣ, касательно назначенія для ярмарокъ и торговъ будничныхъ дней Его Величество изволитъ находить достаточными предполагаемыя мною мѣры, сообразно коимъ, оставивъ существующіе уже ярмарки и торги въ воскресные и праздничные дни безъ отмѣны, слѣдуетъ только подтвердить о неукоснительномъ исполненіи постановленія Царскаго намѣстника 4-го ноября 1823 г., и постановить на будущее время правиломъ, чтобы въ праздничные и воскресные дни торги не назначались.

О таковомъ Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи честь имѣю предложить совѣту управленія, для надлежащаго по всѣмъ статьямъ онаго исполненія, прилагая у сего въ копіяхъ вышеупомянутую всеподданнѣйшую записку отъ 9-го (21-го) іюня 1840 г. и отношеніе къ тайному совѣтнику Туркулу, за № 1234.

Подписалъ: намѣстникъ генералъ-фельдмаршалъ,

князь Варшавскій.

№ 2720.
31-го іюля (12-го августа) 1841 г.
Варшава.

№ 46.

а.

Арх. гос. сов. дѣло № 24—1840 г

Его свѣтлости князю Варшавскому.

Въ Варшавѣ.
28-го іюня (10-го іюля) 1840 г.
№ 1067.

М. г.,

князь Иванъ Федоровичъ.

Препровожденный ко мнѣ при почтительнѣйшемъ отношеніи вашей свѣтлости отъ 29-го мая (10-го іюня) за № 5760 проектъ постановленія о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи вамъ въ полную, неограниченную и ненарушимую частную собственность имѣнія въ Царствѣ, называвшагося донынѣ Демблинскимъ, а отъ сего времени переименовываемаго селомъ Ивановскимъ, я имѣлъ счастіе представлять Государю Императору и Его Величество соизволилъ подписать оный въ Петергофѣ въ 20-й день іюня (2-го іюля).

Поспѣшая представить при семъ вашей свѣтлости засвидѣтельствованный списокъ съ упомянутаго постановленія, имѣю честь быть съ совершеннымъ высокопочитаніемъ и преданностію

вашей свѣтлости п. сл. Туркулъ.

б.

Милостивый государь,

Игнатій Лаврентьевичъ!

Во исполненіе Высочайшей воли, имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству проектъ указа о Все-

милостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ въ полную, неограниченную и ненарушимую частную собственность имѣнія, называвшагося донынѣ Демблиномъ, а отъ сего времени переименовываемаго селомъ Ивановскимъ, и покорно прошу васъ, милостивый государь, представить указъ этотъ къ Высочайшему Его Императорскаго Величества подписанію.

Съ совершеннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Варшавскій.

№ 5760.
29-го мая (10-го іюня) 1840 г.
Варшава.

в.

Съ поднесеніемъ проекта постановленія о пожалованіи кн. Варшавскому села Ивановскаго.

Имѣю счастіе всеподданнѣйше поднести къ Высочайшему Императорскаго Величества подписанію доставленный княземъ Варшавскимъ проектъ постановленія о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи ему села Ивановскаго, называвшагося донынѣ Демблиномъ.

Министръ, статсъ-секретарь Царства Польскаго,
тайный совѣтникъ Туркулъ.

г.

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

и проч., и проч., и проч.

Въ изъявленіе признательности Нашей къ намѣстнику Нашему въ Царствѣ Польскомъ генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу - Эриванскому, за заслуги,

которыя онъ оказываетъ Намъ выполненіемъ важныхъ обязанностей, на него возложенныхъ, постановили Мы и постановляемъ:

Статья 1.

Состоящее Подляской губерніи, Луковскаго обвода, въ Зелеховскомъ повѣтѣ, имѣніе Демблинъ, заключающее въ себѣ: мѣстечко Бобровники, фольварки Демблинъ и Бобровники, селенія: Модржице, Мержонцка, Здмары, Клещовка, Массова, Подвержбы, Небржеговъ, Сендовице, Гронды, Мощанки и Ляссоня, Всемилостивѣйше жалуемъ намѣстнику Нашему генералъ-фельдмаршалу князю Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому, въ полную, неограниченную и ненарушимую частную собственность въ вѣчное и потомственное владѣніе, со всѣми правами, угодіями и принадлежностями и съ неограниченнымъ правомъ распоряжать симъ имѣніемъ по произволу, при чемъ имѣніе Демблинъ наречь по имени Нашего генералъ-фельдмаршала селомъ Ивановскимъ.

Статья 2.

Срокъ пожалованія считается съ 21-го мая (2-го іюня) сего 1840 года, а передача имѣнія во владѣніе жалуемаго лица имѣетъ послѣдовать по его востребованію въ такомъ состояніи, въ какомъ оно нынѣ находится и съ такими правами и обязанностями, какія имѣла понынѣ казна, во владѣніи которой оно состояло съ сохраненіемъ при томъ правъ третьихъ лицъ.

Статья 3.

Для обезпеченія владѣльцу полнаго въ цѣлости дохода съ помянутаго имѣнія передать ему оное отъ долговъ совершенно свободнымъ, для чего коммисія финансовъ обязана очистить

всѣ значущіеся на немъ по IV-й части гипотечныхъ книгъ долги и запрещенія.

Статья 4.

Пространство, занимаемое нынѣ Ивангородскою крѣпостію, остается собственностію казны, но шести сотъ саженная черта отъ ея гласиса не исключается изъ пожалованія, съ тѣмъ однако же ограниченіемъ, чтобы владѣлецъ не возводилъ на ней никакихъ строеній. Ему же предоставляется исключительное право пропинаціи какъ въ самой крѣпости, такъ и въ означенной чертѣ, право рыболовства въ рѣкахъ Вислѣ и Вепржѣ и всѣ другія права при крѣпости, какими пользовалась казна, владѣя жалуемымъ имѣніемъ.

Статья 5.

Начатая казною выдѣлка въ Демблинскомъ имѣніи кирпича, на потребности Ивангородской крѣпости, имѣетъ быть довершена въ предположенномъ на нынѣшній годъ количествѣ; взамѣнъ чего вознаградить новаго владѣльца изъ суммъ, на возведеніе крѣпостей опредѣленныхъ и назначиться имѣющихъ за употребленные для выдѣлки кирпича матеріалы, барщину и проч., сколько причитаться будетъ по 1-е генваря 1841 года, на будущее же время, по уваженію, что для казны и выгоднѣе, и удобнѣе пріобрѣтать для постройки крѣпости кирпичъ съ Демблинскихъ заводовъ, возлагается на правительство Царства входить съ владѣльцемъ ихъ въ ежегодныя условія о выдѣлкѣ и доставкѣ такого количества кирпича, какое для возведенія крѣпости будетъ оказываться нужнымъ.

Статья 6.

Правительственная коммисія финансовъ и казначейства уполномочивается распорядить заявленіе настоящаго пожа-

лованья въ гипотечныя книги и переписаніе права собственности на вышепомянутое имѣніе подъ новымъ его названіемъ на имя жалуемаго лица.

Статья 7.

Исполненіе настоящаго постановленія, которое должно быть внесено въ дневникъ законовъ, возлагается на правительственную коммисію финансовъ и казначейства Царства Польскаго.

Данъ въ Петергофѣ, іюня 20-го (іюля 2-го) дня 1840 г.

№ 47.

а.

Положеніе о юридическихъ курсахъ.

(23-го апрѣля (5-го мая) 1840 г.).

Выписка изъ журнала статсъ-секретаріата Царства Польскаго.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, и проч., и проч., и проч.

Желая юношеству Нашего Царства Польскаго облегчить средства къ образованію себя въ юридическихъ наукахъ, Мы утвердили составленный правительственною коммисіею юстиціи, а министромъ народнаго просвѣщенія, совмѣстно съ министромъ статсъ-секретаремъ Царства, пересмотрѣнный проектъ положенія по этому предмету и штатъ потребныхъ для сей цѣли расходовъ, вслѣдствіе чего постановили Мы и постановляемъ:

Статья 1.

Вышеозначенное положеніе имѣетъ быть въ Царствѣ Польскомъ обнародовано и введено въ дѣйствіе.

Статья 2.

Правила объ экзаменахъ, которымъ подвергаются чиновники судебной части, донынѣ обязательную силу имѣвшія, несогласныя съ вновь утвержденнымъ положеніемъ, отмѣняются.

Статья 3.

Исполненіе настоящаго постановленія, которое имѣетъ быть внесено въ дневникъ законовъ, совѣту управленія поручаемъ.

Данъ въ С.-Петербургѣ 23-го апрѣля (5-го мая) 1840 года.

(Подписано) НИКОЛАЙ.

Контрасигнировалъ министръ статсъ-секретарь,

(подписано) И. Туркулъ.

Положеніе о юридическихъ курсахъ для юношества Царства Польскаго.

Вступленіе.

§ 1.

Юридическія науки для юношества Царства Польскаго будутъ преподаваемы:

1. Въ особо учреждаемыхъ при варшавской губернской гимназіи юридическихъ классахъ.
2. Въ университетахъ, с.-петербургскомъ и московскомъ.

ГЛАВА I.

О юридическихъ курсахъ въ Варшавѣ.

§ 2.

Для образованія кандидатовъ въ среднія судебныя должности, учреждаются при варшавской гимназіи юридическіе классы.

§ 3.

Въ сихъ классахъ преподаваемы будутъ:

1) изложеніе свода законовъ Имперіи;
2) краткое обозрѣніе исторіи римскаго права;
3) краткое обозрѣніе исторіи польскаго законодательства;
4) гражданское уложеніе Царства, съ уставомъ гражданскаго судопроизводста;
5) уголовное уложеніе Царства съ уставомъ уголовнаго судопроизводства;
6) постановленія объ ипотекахъ, нотаріатѣ, уложеніе коммерческое и всѣ прочія мѣстныя установленія Царства.

Примѣчаніе. Преподаваніе изложенія свода законовъ Россійской Имперіи производится на русскомъ языкѣ, исторія римскаго права—на латинскомъ или на русскомъ. Удовлетворительные успѣхи въ первомъ изъ этихъ двухъ учебныхъ предметовъ составляютъ необходимое условіе, какъ для перехода изъ низшаго класса въ высшій и отправленія въ университеты, такъ и для полученія, по окончаніи курса, предоставляемыхъ слушавшимъ оные преимуществъ.

§ 4.

Для обученія симъ предметамъ, назначены будутъ при гимназіи варшавской особые преподаватели, утверждаемые въ

ихъ званіяхъ попечителемъ варшавскаго учебнаго округа, по предварительномъ соглашеніи съ главнымъ директоромъ, предсѣдательствующимъ въ правительственной коммисіи юстиціи.

§ 5.

Сверхъ вышеисчисленныхъ предметовъ, въ юридическихъ классахъ будутъ преподаваемы:

1) исторія и статистика Россійскаго государства на русскомъ языкѣ;
2) латинская словесность, съ помощію польскаго языка;
3) русская словесность на русскомъ языкѣ.

§ 6.

Обученіе симъ вспомогательнымъ предметамъ будетъ поручено гимназическимъ преподавателямъ, коимъ назначается соотвѣтственная прибавка къ жалованію изъ суммъ, на юридическіе классы положенныхъ.

§ 7.

Въ юридическіе классы принимаются ученики, окончившіе съ успѣхомъ полный курсъ ученія въ гимназіяхъ, имѣющіе достаточныя познанія въ русскомъ и латинскомъ языкахъ. Наравнѣ съ прочими они носятъ форменную одежду гимназіи.

§ 8.

Полный курсъ юридическаго ученія при варшавской губернской гимназіи продолжается два года. Распредѣленіе предметовъ и часовъ ученія сдѣлается по усмотрѣнію совѣта народнаго просвѣщенія.

§ 9.

Для особеннаго надзора за поведеніемъ учащихся въ юридическихъ классахъ опредѣляется инспекторъ, утверждаемый

въ этомъ званiи тѣмъ же порядкомъ, какъ инспекторы гимназій, и пользующійся равными съ ними правами службы.

§ 10.

При надзорѣ за учениками, инспекторъ юридическихъ классовъ руководствуется правилами, предписанными для инспекторовъ гимназій.

§ 11.

Ученики юридическихъ классовъ, во время состоянія при гимназіи, увольняются отъ военной конскрипціи, а окончившіе ученіе съ успѣхомъ освобождаются отъ оной и во время прохожденія ими пріуготовительной службы.

§ 12.

Ученикъ, поступающій въ юридическіе классы, вноситъ въ казну по 200 злотыхъ ежегодно. Отъ такой платы освобождаются попечителемъ сыновья недостаточныхъ чиновниковъ и бѣдные ученики, оказавшіе отличные успѣхи въ гимназіяхъ.

§ 13.

Капиталъ, составляющійся изъ платы учениковъ, съ разрѣшенія министра народнаго просвѣщенія, обращается на пріобрѣтеніе нужныхъ для юридическихъ классовъ учебныхъ пособій и на вознагражденія отличающихся профессоровъ.

§ 14.

Черезъ три года по открытіи юридическихъ классовъ не можетъ быть никто опредѣляемъ къ судебнымъ должностямъ IX и VIII разрядовъ, равномѣрно къ мѣстамъ губернскихъ и уѣздныхъ регентовъ (нотаріусовъ), а также къ мѣстамъ адво-

катовъ или стряпчихъ при первой и второй судебныхъ инстанціяхъ, если онъ не окончилъ съ успѣхомъ полнаго юридическаго курса при варшавской гимназіи.

§ 15.

До того времени могутъ быть опредѣляемы къ симъ мѣстамъ только тѣ изъ непосѣщавшихъ юридическихъ классовъ, кои докажутъ совершенное знаніе преподаваемыхъ въ нихъ предметовъ на испытаніи, выдержанномъ предъ преподавателями юридическихъ классовъ, на основаніяхъ, которыя будутъ опредѣляемы по соглашенію попечителя варшавскаго округа и главнаго директора, предсѣдательствующаго въ правительственной коммисіи юстиціи.

ГЛАВА II.

О преподаваніи юридическихъ наукъ для юношества Царства Польскаго въ русскихъ университетахъ.

§ 16.

Преподаваніе юридическихъ наукъ для польскаго юношества, приготовляющаго себя къ высшимъ судебнымъ должностямъ, сосредоточивается преимущественно въ Императорскихъ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ.

§ 17.

Для сего, сверхъ наукъ, преподаваемыхъ нынѣ на юридическихъ факультетахъ сихъ университетовъ, открыты будутъ въ каждомъ по *двѣ каѳедры* законовъ Царства Польскаго, а именно:

а) каѳедра гражданскихъ законовъ съ судопроизводствомъ и постановленіи о гипотекахъ и нотаріатѣ;

б) каѳедра уголовныхъ и административныхъ узаконеній.

§ 18.

Для преподаванія сихъ наукъ въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ опредѣлены будутъ министромъ народнаго просвѣщенія назначенные по штату профессоры, по собственному усмотрѣнію и безъ примѣненія къ симъ выборамъ правилъ объ избраніи прочихъ университетскихъ профессоровъ въ Имперіи.

§ 19.

Для облегченія польскому юношеству способовъ обучаться въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ, назначается изъ казны Царства Польскаго сумма на содержаніе въ тѣхъ университетахъ *60 учениковъ* на *казенномъ иждивеніи.*

§ 20.

Въ пополненіе сего числа ежегодно отправляемо будетъ по *15 воспитанниковъ,* окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ Царства.

§ 21.

Избраніе и отправленіе въ университеты казенныхъ воспитанниковъ зависитъ отъ попечителя варшавскаго учебнаго округа.

§ 22.

Для обученія на казенномъ иждивеніи, опредѣляются въ университеты предпочтительно ученики гимназій, отличающіеся способностями, прилежаніемъ, успѣхами и поведеніемъ.

§ 23.

Окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ университетахъ на казенномъ содержаніи обязаны прослужить по гражданской службѣ *не менѣе 10 лѣтъ.*

§ 24.

Окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ университетахъ и получившіе въ оныхъ ученую степень опредѣляются къ штатнымъ должностямъ не иначе, какъ послѣ пріуготовительной службы (апликаціи), въ продолженіе одного года, по судебной части Царства.

§ 25.

Окончившіе полный курсъ въ университетахъ с.-петербургскомъ и московскомъ по юридическому факультету, со включеніемъ курса польскаго законовѣдѣнія, и удостоенные степени дѣйствительнаго студента могутъ быть опредѣляемы въ Царствѣ послѣ пріуготовительной службы прямо къ должностямъ X разряда; удостоенные степени кандидата — къ должностямъ IX разряда, магистры—къ должностямъ VIII разряда, а доктора — прямо къ должностямъ VII разряда. Въ отношеніи къ службѣ въ Имперіи, они пользуются тѣми правами и преимуществами, которыя опредѣлены общимъ уставомъ университетовъ русскихъ. Само собою разумѣется, что высшее учебное образованіе не освобождаетъ чиновника отъ той подчиненности и усердія (od uległości i gorliwej pracy), которыя требуются отъ всѣхъ вообще состоящихъ въ службѣ и безъ которыхъ никто не можетъ быть терпимъ въ оной, а тѣмъ менѣе повышаемъ въ высшія должности.

§ 26.

Впредь не могутъ быть опредѣляемы къ высшимъ судебнымъ должностямъ Царства, начиная съ должности судьи трибунала 1-й инстанціи и соотвѣтственныхъ ей званій, ниже къ должностямъ адвокатовъ и стряпчихъ *) въ высшей судеб-

*) Вмѣсто обоихъ этихъ словъ въ польскомъ текстѣ стоитъ: „Mecenasów“.

ной инстанціи, не окончивши съ успѣхомъ полнаго курса юридическихъ наукъ въ с.-петербургскомъ или московскомъ университетахъ. Сіе правило не относится къ тѣмъ изъ состоящихъ нынѣ на службѣ чиновниковъ, кои будутъ аттестованы отлично отъ начальства и сверхъ того удовлетворятъ вполнѣ постановленнымъ на сей случай испытаніямъ.

§ 27.

Изъятіе изъ сего правила можетъ быть допущено, въ продолженіе *первыхъ 6-ти лѣтъ*, только при совершенномъ недостаткѣ кандидатовъ съ высшимъ образованіемъ, или по удостоенію совѣта управленія, въ уваженіе къ особенному отличію чиновника, окончившаго съ успѣхомъ курсъ ученія въ юридическихъ классахъ при варшавской гимназіи.

§ 28.

Окончившіе курсъ юридическихъ наукъ въ другихъ русскихъ университетахъ, при поступленіи на службу по судебной части Царства Польскаго, могутъ пользоваться всѣми преимуществами, предоставленными воспитанникамъ въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ, но не иначе, какъ по предварительномъ ихъ испытаніи, въ одномъ изъ сихъ послѣднихъ университетовъ, въ знаніи законовъ, имѣющихъ двойственную силу въ Царствѣ Польскомъ.

Подлинное подписали:

Министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ.

Министръ статсъ-секретарь Царства Польскаго

Туркулъ.

Штатъ юридическихъ курсовъ для юношества Царства Польскаго.

	Число лицъ.	Одному		Всѣмъ	
		Серебромъ.			
		Рубли	К.	Рубли.	К.
На содержаніе учениковъ на казенномъ иждивеніи въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.					
Жалованія профессорамъ, которые будутъ преподавать въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ законы Царства Польскаго	4	1,500	—	6,000	—
На содержаніе учениковъ . . .	60	171	42	10,285	20
На необходимые ихъ расходы, какъ-то: письменные матеріалы и проч..	60	28	57	1,174	20
На первоначальное обзаведеніе учениковъ.	15	42	85	642	75
На отправленіе учениковъ въ С.-Петербургъ и Москву и обратно въ Царство	15	285	70	4,285	50
На преподаваніе юридическихъ наукъ въ Варшавѣ.					
Жалованія преподавателямъ въ юридическихъ классахъ . . .	6	750	—	4,500	—
На усиленіе жалованья гимназ. преподават., которые будутъ обучать въ юридическомъ курсѣ вспомогательнымъ наукамъ . .	3	150	—	450	—
Инспектору	1	525	—	525	—
На канцеляр. расходы и письменные матеріалы	—	375	—	375	—
Итого	—	—	—	28,777	65

б.

Сборн. администр. постановл. Царства Польскаго, ч. I, т. I, стр. 66—72.

Юридическое образованіе и замѣщеніе судебныхъ должностей.

До Паскевича.

Во время бывшей польской республики (Rzeczypospolitej Polskiej) законовѣдѣніе было преподаваемо въ краковской и виленской академіяхъ, почему и конституціею 1764 года именно опредѣлено, что въ судебныя должности, въ трибуналахъ, градскихъ и земскихъ судахъ, должны быть избираемы лица, доказавшія на дѣлѣ свою способность и опытность въ законовѣдѣніи и при томъ владѣющія поземельными имѣніями, по вотчинному или закладному праву.

Практическія познанія и изученіе мѣстныхъ законоположеній пріобрѣтались въ тогдашнихъ палестрахъ.

Во все время, когда нынѣшнее Царство Польское состояло подъ властью Пруссіи и Австріи, многіе молодые люди обучались юридическимъ наукамъ въ иностранныхъ, преимущественно же въ нѣмецкихъ, университетахъ. Эти молодые люди послужили потомъ, съ образованіемъ Варшавскаго герцогства, опорою правительству при введеніи и развитіи въ краѣ судебныхъ учрежденій, основанныхъ на новыхъ началахъ, принятыхъ въ наполеоновскомъ кодексѣ.

Король саксонскій, герцогъ варшавскій, желая, чтобы вновь учрежденные суды находили для себя въ будущемъ надлежаще приспособленныхъ туземцевъ, постановленіемъ отъ 18-го марта 1808 года, учредилъ въ Варшавѣ школу правовѣдѣнія, съ тѣмъ именно въ 6-й ст. условіемъ, что впредь никто не будетъ опредѣляемъ въ должности по судебному вѣдомству, кто не представитъ надлежащихъ свидѣтельствъ о слушаніи курса наукъ въ этой школѣ.

Это свидѣтельство, впрочемъ, давало только право на судебную практику, по окончаніи которой необходимо еще было подвергнуться узаконенному постановленіемъ 4-го іюля 1809 года, такъ называемому ассесорскому и судейскому испытанію, безъ котораго ни одинъ изъ судебныхъ апликантовъ не могъ быть назначенъ въ должность второго и третьяго разряда.

Съ основаніемъ, вслѣдствіе Царскаго постановленія 7-го (19-го) ноября 1816 года, варшавскаго университета, переименованнаго, по Высочайшему указу 18-го (30-го) марта 1830 г., въ *Королевско-Александровскій*, этотъ университетъ сдѣлался достаточнымъ разсадникомъ кандидатовъ на судебныя должности, которыя, впрочемъ, были имъ предоставляемы не прежде, какъ послѣ выдержанія испытанія, опредѣленнаго постановленіемъ намѣстника въ Царствѣ отъ 12-го ноября 1816 года.

При Паскевичѣ.

Соотвѣственно программѣ, начертанной Высочайше утвержденнымъ въ 1833 году училищнымъ уставомъ, въ 9-ти восьмиклассныхъ гимназіяхъ, начиная съ 6-го класса, введено преподаваніе законовѣдѣнія по три часа въ недѣлю, въ каждомъ классѣ. Правительственная коммисія юстиціи, за неимѣніемъ другихъ кандидатовъ (такъ какъ университетъ былъ упраздненъ) принимала окончившихъ курсъ въ этихъ гимназіяхъ на апликацію, а потомъ, подвергнувъ ихъ испытанію, опредѣляла въ судебныя должности.

Такое положеніе дѣлъ однако продолжалось не долго, ибо, по Высочайшему повелѣнію 23-го апрѣля (5-го мая) 1840 года *), для образованія кандидатовъ на судебныя должности, открыты были въ Варшавѣ юридическіе курсы, а въ с.-петербургскомъ и московскомъ университетахъ учреждены каѳедры юридическихъ наукъ для молодыхъ людей Царства Польскаго. По силѣ 2 ст. сего повелѣнія, существовавшія до сихъ поръ пра-

---

*) См. предыдущее приложеніе.

вила объ испытаніяхъ кандидатовъ на судебныя должности отмѣнены.

Послѣ нѣсколько-лѣтняго существованія, юридическіе курсы въ Варшавѣ были закрыты, петербургскій же и московскій университеты не могли доставлять нужнаго числа кандидатовъ на открывающіяся вакансіи по судебному вѣдомству. Правда, въ трехъ послѣднихъ классахъ въ гимназіяхъ и въ дворянскомъ институтѣ введено было преподаваніе законовъ, но предметъ этотъ преподавался въ столь тѣсныхъ размѣрахъ, что выслушавшіе полный курсъ его ученики не имѣли даже права поступать на судебную апликацію.

Такимъ образомъ недостатокъ въ людяхъ, способныхъ къ отправленію судебныхъ должностей, дѣлался все болѣе и болѣе ощутительнымъ.

Послѣ Паскевича.

Чтобы удовлетворить хотя отчасти этой настоятельной потребности, 7-го (19-го) сентября 1857 года Высочайше утвержденъ новый штатъ и программа преподаванія въ гимназіяхъ варшавскаго учебнаго округа. Соотвѣтственно этому штату и программѣ, V, VI и VII классы раздѣлены на два отдѣленія: историко-филологическое и физико-математическое.

Въ первомъ отдѣленіи введено преподаваніе законовъ въ VI и VII классахъ, а сверхъ того, для учениковъ, чувствующихъ призваніе къ службѣ на судебномъ поприщѣ и не имѣющихъ возможности продолжать науки въ университетахъ Имперіи, прибавленъ былъ VIII-й спеціальный классъ, для преподаванія однихъ только законовъ...

Такъ было до учрежденія главной школы въ 1862 году.

Варш. арх. стар. дѣлъ. Sek. III. 4. a.
№ 4105 в.

№ 48.

Милостивый государь,
князь Иванъ Ѳедоровичъ!

Г. попечитель варшавскаго учебнаго округа, препровождая ко мнѣ проектъ положенія о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, домашнихъ наставникахъ и учителяхъ въ Царствѣ Польскомъ, изъяснилъ, что онъ имѣлъ честь представлять этотъ проектъ на предварительное усмотрѣніе вашей свѣтлости, и что вы, милостивый государь, изволили одобрить оный, за исключеніемъ § 95, которымъ предположено, чтобы домашніе наставники и учители обязаны были каждый годъ являться съ воспитанниками своими для испытанія оныхъ въ гимназіи или обводовыхъ училищахъ, единственно потому, что это правило еще не введено въ Имперіи.

Принимая въ уваженіе, съ одной стороны, что такая мѣра болѣе всего способна обезпечить успѣшный надзоръ училищнаго начальства за лицами, занимающимися домашнимъ воспитаніемъ, и доставить средства судить непогрѣшительно о направленіи ученія, и слѣдовательно о благонамѣренности тѣхъ лицъ, а съ другой, имѣя въ виду, что правила, существующія о домашнихъ наставникахъ и учителяхъ въ Имперіи, приняты только за главное основаніе при составленіи означеннаго проекта, съ примѣненіемъ, впрочемъ, онаго къ ближайшей потребности Царства Польскаго и къ мѣстнымъ обстоятельствамъ сего края, считаю долгомъ обратиться къ вашей свѣтлости съ покорнѣйшею просьбою, не изволите ли признать возможнымъ оставить упомянутую выше статью въ проектѣ положенія безъ исключенія, съ такимъ, впрочемъ, измѣненіемъ, чтобъ до-

машніе наставники и учители являлись съ своими воспитанниками, для испытанія ихъ, въ общественныя казенныя учебныя заведенія не всякій годъ, а черезъ два года.

Въ ожиданіи благосклоннаго вашего, милостивый государь, отзыва, для представленія проекта положенія на Высочайшее утвержденіе, имѣю честь быть съ отличнымъ почтеніемъ и совершенною преданностію

Уваровъ.

№ 11997
20-го ноября 1840 г.
С.-Петербургъ.

Его свѣтлости, князю И. Ѳ. Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому.

№ 49.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1841 годъ.

(14 писемъ.)

С.-Петербургъ.
13-го (25-го) февраля 1841 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо отъ 9-го (21-го), которое сегодня утромъ получилъ. Жалѣю очень, что глаза твои все еще тебя мучатъ, и настоятельно прошу себя поберегать. Происшествіе въ Ревельскомъ полку заслуживаетъ особаго вниманія, и я совершенно раздѣляю твое мнѣніе на счетъ мѣръ противъ этой чумы; лучше вовремя наказать двухъ или трехъ, чѣмъ ими заражать многихъ, коими потомъ придется жертвовать. Жду дальнѣйшихъ по сему донесеній. Странная мѣра, принятая королемъ прусскимъ на счетъ разрѣшенія католическому духовенству прямыхъ сношеній съ папой, должна возродить разныя новыя затрудненія, но не заставитъ меня отказаться отъ моей рѣшимости никогда сего у насъ не допускать. Свѣдѣнія изъ старой Пруссіи самыя неудовлетворительныя, не только здѣсь,

но и въ Берлинѣ, и не понимаю, какъ король, знающій всю фальшивость г. Шена, все терпитъ его тамъ именно, гдѣ существующій вредъ ему приписывать должно. О распространеніи славянской и польской каѳедръ въ прусскихъ университетахъ мнѣ не было еще извѣстно; это работа пропаганды. Тѣмъ необходимѣе введеніе славянскаго языка въ Польшѣ, и вообще твердый надзоръ за направленіемъ ученія. Литва худа была и будетъ; это натуральное послѣдствіе дурного управленія; съ терпѣніемъ, твердостію и постоянствомъ мѣръ надѣюсь, что съ помощію Божіею одолѣемъ это зло. Жаль, что и въ Галиціи плохо, пора бы имъ открыть глаза на бездну, въ которую неминуемо ввергнутся, ежели во-время не очнутся. Въ политикѣ новаго ничего не знаю. У насъ все здѣсь тихо. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Каковы Горчаковъ и Денъ?

С.-Петербургъ.
18-го (30-го) марта 1841 г.

Вчера получилъ я письмо твое, мой отецъ командиръ, и хотя ты мнѣ ничего про здоровіе свое не говоришь, однако изъ письма къ Чернышеву съ прискорбіемъ вижу, что ты продолжаешь страдать глазами, что меня весьма огорчаетъ. Надо тебѣ поберегаться и полагаю, что воды тебѣ необходимы, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Извѣстія происходящаго въ восточной Пруссіи и въ Познани крайне огорчительны и естественно должны имѣть отголосокъ въ Царствѣ. Не могу постигнуть цѣли короля—къ чему это поведетъ? Слава Богу, въ Англіи дѣло наше кончено какъ я хотѣлъ, т. е. принудили и французовъ подписать актъ о закрытіи Дарданеллъ,

кромѣ свободнаго по прежнему прохода нашихъ черноморскихъ судовъ въ архипелагъ. Полагаю, что въ Краковѣ кончится новыми глупостями. Велѣлъ тебѣ написать о перемѣнѣ названія Краковской губерніи, которое считаю неприличнымъ. Наконецъ получено папское утвержденіе митрополиту Павловскому. Напиши мнѣ, кого изъ епископовъ польскихъ можно-бъ было первыхъ сюда призвать для назначенія членами католической коллегіи? Что дѣлаетъ нашъ уніятской епископъ? Вчера получилъ я твое донесеніе по телеграфу въ часъ и 25 минутъ; очень скоро! Новаго ничего здѣсь нѣтъ; грязь ужасная и зима исчезаетъ. Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) апрѣля 1841 г.

Съ душевнымъ сокрушеніемъ узналъ я, мой любезный отецъ командиръ, что твои глаза все не перестаютъ болѣть. Прошу тебя настоятельно не пренебрегать леченіемъ и помнить всегда, сколько сохраненіе твое необходимо на пользу государства. Молю тебя, дѣлай что доктора велятъ; не нужно ли тебѣ ѣхать къ водамъ; поѣзжай и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Присылку одного или двухъ епископовъ считаю дѣломъ величайшей пользы; выборъ же лицъ предоставляю тебѣ, но желательно, чтобъ хотя одинъ былъ настоящій епископъ; согласія ихъ не нужно; надо имъ объявить мое приказаніе, ежели моего приглашенія имъ мало. Когда же сюда будутъ, тогда просто назначу ихъ членами духовной коллегіи. Этимъ положу начало; позднѣе рѣшимъ, какъ дѣла духовныя Польши относить сюда; но это независимо отъ одной мѣры присутствія въ коллегіи, что только ознакомитъ ихъ съ порядкомъ

дѣлъ у насъ. Пусть унитскій епископъ корчится, мы все-таки на своемъ поставимъ, хотя и позже. Записки о происходящемъ въ Галиціи очень любопытны; оно намъ къ добру. Къ несчастію, что дѣлается въ Познани и вообще въ Пруссіи крайне жаль и будетъ имѣть жестокія послѣдствія. Я рѣшился оффиціально протестовать противъ дѣлаемаго въ Познани; жду отвѣта. По дѣлу Ревельскаго полка надо имѣть глаза, а виновныхъ не щадить, по закону; и съ тѣмъ изъ корня вонъ. Здѣсь все хорошо; съ Пасхи начались ученья на площади и покуда я отмѣнно доволенъ, одно меня сокрушаетъ, это огромная болѣзненность и повсемѣстная смертность; въ Москвѣ не знаемъ, что дѣлать! Здѣсь все тихо, вчера рѣка вскрылась. Готовимся 16-го (28-го) къ свадьбѣ; на этотъ случай сдѣлай какія нибудь милости въ краѣ. Жена тебѣ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ. Прощай, мой любезный отецъ командиръ; будь здоровъ; обнимаю тебя отъ души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
24-го апрѣля (6-го мая) 1841 г.

Сколько мнѣ ни прискорбно было тебя здѣсь не видѣть, мой любезный отецъ командиръ, въ столь важную для насъ всѣхъ минуту, столько же побуждаюсь благодарить тебя, что уступилъ моей просьбѣ и воротился. Не могу довольно тебѣ выразить, сколько нездоровье твое меня сокрушаетъ; ты, мой отецъ командиръ, мало бережешься и забываешь какой, важности твое сохраненіе для государства! надѣюсь на милость Божію, что здоровье твое не замедлитъ возстановиться столько, чтобъ предпринять было можно поѣздку къ водамъ, куда тебѣ необходимо ѣхать. Прошу и требую, чтобъ ты исполнилъ, что доктора велятъ. Митрополитъ Павловскій пригла-

шаетъ сюда для посвященія новаго епископа, двухъ изъ Царства; это славно! Когда они сюда прибудутъ, я ихъ назначу членами коллегіи, и такимъ образомъ, ничего не говоря, положится первое начало единства управленія. Дѣла политическія въ прежнемъ видѣ; сношенія съ Англіей самыя дружескія; кажется дѣло египетское идетъ къ концу и было-бъ кончено, ежели-бъ турецкій султанъ самъ не надурачилъ, сдѣлавъ требованія невозможныя въ исполненіи. Здѣсь все тихо; праздники слѣдуютъ одни за другими и весьма блестящи, но я отъ нихъ усталъ. Во вторникъ назначенъ обычный смотръ гвардіи. П. Вильгельмъ прусскій нѣсколько успокоилъ насъ на счетъ дѣлъ у нихъ, но ни самъ не убѣжденъ, ни меня не убѣдилъ, чтобъ вздору не вышло. Скоро должна выйти заключительная грамота короля, отъ нея много зависѣть будетъ. Будь она твердая и рѣшительная, на долго все затихнетъ, въ противномъ случаѣ, по моему, быть бѣдѣ!

Жена моя тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. Дай Богъ тебѣ здоровья!

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
6-го (18-го) мая 1841 г.

На-дняхъ я получилъ твое письмо, любезный мой отецъ командиръ, и начну съ того, что побраню тебя, и есть за что, — какъ? ты знаешь, сколько я безпокоюсь о твоемъ здоровьи, а ты мнѣ ни слова не говоришь; и только отъ Чернышева узналъ, что тебѣ получше. Дай-то Боже, и повторяю мою просьбу быть осторожнымъ. Происшествіе въ Донской батареѣ во многихъ отношеніяхъ очень дурно, ибо оно доказываетъ совершенный безпорядокъ. Жду, что мнѣ напишешь про епископовъ; мы съ папой въ большихъ ладахъ, и вчера

онъ написалъ мнѣ премилое письмо. Я надѣюсь, что и впредь дѣло пойдетъ ладно; то, что онъ написалъ Гутковскому, очень хорошо; посмотримъ—послушается ли? Отказъ вѣнчать браки ничего другого не произведетъ, какъ то, что бракъ, совершенный нашими священниками, долженъ быть почитаемъ законнымъ и достаточнымъ въ судахъ. Въ Пруссіи жду, что будетъ; желаю добра, но не надѣюсь. Сегодня ночью пускаюсь съ Богомъ въ путь. Надѣюсь быть назадъ къ 26-му мая (7-го іюня). Новаго ничего не знаю, жду извѣстій съ Кавказа; боюсь близкой чумы къ Тифлису.

Прощай, мой милый Иванъ Федоровичъ, обнимаю тебя душевно. Жена моя тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Александрія, близъ Петергофа.
8-го іюня 1841 г.

Дома не могъ найти время тебя благодарить, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 24-го мая. Все было-бъ хорошо, ежели бы ты былъ здоровъ, но какъ то, что ты самъ мнѣ пишешь, такъ и то, что узналъ отъ воротившагося ф.-а. Пашкова, меня крайне безпокоитъ, тѣмъ болѣе, что не добьюсь знать, что ты дѣлать намѣренъ, чтобъ поправиться. Умоляю тебя именемъ дружбы нашей, не пренебрегай здоровьемъ. Тебѣ надо ѣхать на воды, не откладывай сего, я прошу и требую, чтобъ ты, по совѣту докторовъ, ѣхалъ, куда велятъ. Ты слишкомъ легко забываешь—что *ты* для отечества! и, воля твоя, готовъ тебя за это побранить, ибо ты грѣшишь передъ Богомъ, передъ отечествомъ и передъ мною; тебѣ должно о себѣ думать. Лѣто стоитъ прекрасное, самое удобное для леченій, надо тебѣ имъ воспользоваться; не теряй время. Ожидаю съ будущимъ фельдъегеремъ извѣщенія, когда

и куда ѣдешь. Больно мнѣ было слышать, что и Горчаковъ слабо поправляется; его тоже надо купать или поить; я это требую. Благодарю за присылку епископовъ, мы ихъ угостимъ и приласкаемъ, а прочее послѣ. Въ политикѣ, кромѣ близкаго паденія англинскаго министерства, возобновленія военныхъ ихъ дѣйствій съ китайцами и продолжающихся ссоръ съ Персіею, другого ничего не знаю. Здѣсь все тихо и хорошо. Погода самая благодатная; извѣстія изъ нутри очень хорошія. Дѣла на Кавказѣ получили хорошее начало; на правомъ флангѣ черноморской линіи джигеты и часть убыховъ до 3 т. дворовъ сами вдругъ поддались и выдали аманатовъ, что тамъ дѣла наши подало на годъ впередъ. На лѣвомъ флангѣ было удачное дѣло съ Шамилемъ на Хубаринской позиціи, послѣ чего Чиркей занятъ безъ боя, что очень важно. Головинъ остался тамъ, чтобъ устроить крѣпость, а Граббе пошелъ въ Чечню. Завтра жду сестру Марію Павловну, а черезъ недѣлю намѣрены начать маневры для вступленія въ лагерь. Вотъ и все. Но ты, отецъ командиръ, утѣшь меня добрыми о себѣ вѣстями; право, грустно тебя знать нездоровымъ. Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя душевно; на вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
22-го іюня (4-го іюля) 1841 г.

Маневры отняли у меня возможность тебѣ отвѣчать, любезный мой отецъ командиръ; равно и присутствіе сестры отнимаетъ много времени. Увѣряютъ меня, будто тебѣ лучше, но ты все мнѣ не отвѣчаешь на мои вопросы, сколько я тебя о томъ ни прошу. Желаю, чтобъ поѣздка твоя въ Калишъ тебѣ не повредила. Епископы прибыли; сегодня должно было быть посвященіе новыхъ; я ихъ еще не видалъ, но слышу,

что они очень довольны; на-дняхъ ихъ увижу. Войсками на маневрахъ я былъ очень доволенъ, хотя начальники надѣлали много ошибокъ. Новаго ничего нѣтъ, кромѣ извѣстія, что Мегеметъ-Али наконецъ принялъ всѣ предложенія Порты, но на долго ли? Кажется, дѣло въ Критѣ тоже гораздо важнѣе, чѣмъ полагали съ начала. Это новая затѣя пропаганды, для поддержанія зародыша безпорядковъ въ Архипелагѣ; и дуракъ греческій король кажется здѣсь впутался. Тутъ хорошаго я не предвижу. Дѣла наши на Кавказѣ идутъ покуда хорошо. Джигеты поддались; Чиркей въ нашихъ рукахъ и распоряженія Головина хороши, что Богъ дастъ далѣе! Тебѣ извѣстно, что дѣлается въ Англіи; не знаю, которая партія восторжествуетъ, но надѣюсь по крайней мѣрѣ, что во всякомъ случаѣ наши взаимныя сношенія не измѣнятся; дѣла ихъ въ Китаѣ и въ Гератѣ снова заварились, и не знаю, какъ кончатъ. Прощай, любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя душевно; твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

Петергофъ.
4-го (16-го) іюля 1841 г.

Третьяго дня получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, и сердечно обрадовался узнавъ, что ты точно себя лучше чувствуешь. Рѣшимость твоя ѣхать на нѣкоторый отдыхъ въ Скерневицы тоже мнѣ весьма пріятна, ибо при усиленныхъ и постоянныхъ твоихъ занятіяхъ необходимъ на время покой для возстановленія силъ. Вчера только могъ я рѣшить возможность ѣхать въ Ковно и Варшаву. Я полагаю выѣхать отсюда 15-го августа вечеромъ; быть 17-го въ Дюнабургѣ; 19-го въ Ковнѣ, тамъ пробыть 20-е, 21-е и 22-е; 23-го на ночь пріѣхать въ Ново-Георгіевскъ,

пробыть тамъ 24-е число, а ночь быть въ Лазенки и оставаться въ Варшавѣ до 4-го или 5-го сентября. Обратный путь рѣшу позже. Надо будетъ, ежели возможно, удержать войска въ Ковнѣ до вышеозначенныхъ чиселъ. Желалъ бы въ Варшавѣ видѣть въ сборѣ и безсрочноотпускныхъ, буде возможно. Изъ Англіи ничего новаго еще не знаю, кромѣ, что сомнѣнія болѣе нѣтъ, что министерство падетъ съ открытіемъ новаго парламента. Французы очень было радовались сей близкой перемѣнѣ, но съ тѣхъ поръ, какъ Пиль говорилъ разъ при его выборѣ, радость ихъ обратилась въ досаду. Можно надѣяться, что наши взаимныя сношенія не измѣнятся. Здѣсь все хорошо; погода начала однако измѣнять. Завтра смотръ флота 18 кораб. и всего до 40 судовъ. Съ будущей недѣли начнутся большія ученья въ Красномъ. Пріѣздъ сестры у меня много отнимаетъ времени, и меня только что достаетъ. Жена тебя благодаритъ за память; здоровье ея все медленно поправляется. Обнимаю тебя душевно. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Петергофъ.
8-го (20-го) августа 1841 г.

Вчера только кончились наши лагерныя занятія, любезный мой отецъ командиръ, и теперь только имѣю возможность отвѣчать на письмо твое отъ 22-го іюля (3-го августа). Маневры сего года были весьма любопытны и исполнены довольно хорошо. Смотромъ войскъ вчера былъ я чрезвычайно доволенъ; всѣ въ наиблестящемъ состояніи. Больныхъ почти 1000 человѣкъ менѣе прошлаго года; погода къ сему весьма много способствовала. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ; съ тѣхъ поръ, что дѣло восточное покончено въ Лондонѣ, а развѣ кто-либо изгадитъ дѣло тамъ, все можетъ еще на долго протянутся тихо. Наши военныя дѣла на Кавказѣ покуда огра-

ничиваются укрѣпленіемъ Чиркея, Козакъ-Кагу и еще одного мѣста, что закроетъ Терекъ совершенно отъ набѣговъ и упрочитъ насъ на Сунжѣ; но дѣла съ горцами симъ не кончатся, а Шамиль попрежнему сильно владычествуетъ въ горахъ. На Лабѣ линія приводится къ окончанію. Наконецъ покореніе добровольное джигетовъ много облегчило положеніе дѣлъ нашихъ на береговой линіи, и дастъ возможность двинуться осенью къ Убытни. Генералъ Анрепъ принялся очень хорошо за дѣло. Отъѣздъ мой замедлился за сестрой, отложившей свой до 12-го (24-го) августа, но я надѣюсь 20-го августа (1-го сентября) непремѣнно выѣхать, какъ далъ знать тебѣ телеграфомъ. Сейчасъ получилъ я твою телеграфическую депешу о побѣгѣ съ оружіемъ 80 человѣкъ въ Пруссіи! Неслыханное и срамовское дѣло; ежели оно справедливо, то надо ихъ судить по полевому уголовному положенію и приговоръ исполнить по твоемъ утвержденіи. Но я все надѣюсь, что слухъ этотъ ложный и не спутали ли съ другимъ столь же непріятнымъ, хотя не постыднымъ, о которомъ сегодня утромъ получилъ донесеніе; а именно, что было у поста, расположеннаго по прусской границѣ, дѣло съ контрабандирами, при чемъ нашъ офицеръ взятъ и уведенъ въ плѣнъ, о чемъ уже и сдѣлано формальное сношеніе съ нашими коммисарами. Все это требуетъ подробнаго и скораго изслѣдованія и донесенія.

Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю моего отца командира и радуюсь скоро его обнять на яву; ты знаешь, надѣюсь, люблю ли его душевно! твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
13-го (25-го) сентября 1841 г.

Прибывъ сюда третьяго дня вечеромъ, въ 11 часовъ, и совершивъ путь въ два дня и 20 часовъ, по телеграфу узналъ

я, что, благодаря Бога, тебѣ нѣсколько лучше, мой любезный отецъ командиръ, и что лихорадка не возобновлялась, молю душевно Бога, чтобъ приключеніе съ тобой не имѣло дурныхъ послѣдствій; это одно испортило мнѣ пріятность моего пребыванія сего года въ Варшавѣ. Здѣсь все нашелъ я въ порядкѣ. Дорогой получилъ прилагаемыя бумаги отъ Вронченки, въ отвѣтъ на записку о займѣ. Что я предвидѣлъ, то и сбылось; и мудрено будетъ дѣло сладить. Первую оффиціальную записку показать можешь Фурману; вторую же, писанную рукой Вронченки, прошу держать *про себя* и прислать мнѣ обратно; я ее присылаю *тебѣ*, чтобы сдѣлать яснымъ положеніе вещей. Ежели и за симъ дѣло нужно объяснить, то надо будетъ прислать сюда Фурмана для личныхъ съ нимъ соглашеній. По несчастію, свѣдѣнія объ урожаѣ плохи; въ Саратовской губерніи голо; и скотскій падежъ; цѣны вновь сильно возвышаются. Все это тяжело; не знаю какъ вывернемся. Обнимаю тебя душевно; жена тебѣ кланяется. На вѣки тебѣ искренно доброж.

Н.

Что поговариваютъ про сенатъ?

Царское Село.
22-го сентября (2-го октября) 1841 г.

Письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, получилъ я три дня назадъ; всему былъ бы радъ, ежели-бъ главное въ немъ нашелъ, т. е. твое совершенное выздоровленіе; съ нетерпѣніемъ жду сего добраго извѣстія; теперь только судить можно, сколь важенъ былъ твой ушибъ; и не могу сказать, какъ мнѣ прискорбно, что конецъ моего пребыванія долженъ былъ ознаменоваться столь непріятнымъ событіемъ. Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Мы съ тобой совершенно одинако судимъ о дѣлахъ во Франціи; революціонный характеръ послѣднихъ

происшествій весьма различенъ отъ прежнихъ и болѣе похожъ на сцены 1792 года; но я нахожу, что это большое счастіе для всѣхъ, ибо не можетъ не открыть глазъ объ ожидаемой будущности, ежели не всѣми силами и *вездѣ* противустать противъ этого діавольскаго духа, который иначе все ниспровергнетъ. И у насъ происшествіе въ Лифляндіи и начинающееся въ твоихъ гомельскихъ имѣніяхъ и ихъ окрестностяхъ— есть важныя событія, указывающія на какое-то глухое броженіе умовъ и на тайную работу, на глупый народъ, но весьма хитро и адски соображенную, противъ которой вовремя направить должно всѣ усилія. Послѣдній ковенскаго госпиталя рапортъ меня ужаснулъ; изъ 500 больныхъ, тамъ оставленныхъ, умерло въ недѣлю болѣе 70 человѣкъ! это ужасно, и я посылаю нарочнаго доктора и моего ф.-адъютанта произвесть слѣдствіе; страшно и подумать! а для меня тѣмъ болѣе горестно, что я не могу не приписать сего нѣкоторымъ образомъ самому себѣ, позднимъ моимъ прибытіемъ въ Ковно, долго задержавшимъ войско въ лагерѣ. Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на всегда искренно доброж.

Н.

Царское Село.
1-го (13-го) октября 1841 г.

Третьяго дня вечеромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, и очень радъ былъ узнать, что, благодаря Бога, теперь тебѣ легче отъ ушиба; желаю, чтобъ скорѣе и всѣ его слѣды исчезли. Спѣшу возвратить тебѣ записку о займѣ, съ отвѣтомъ Врончeнка; изъ отвѣта сего увидишь, что покуда я ничего рѣшить не могу и жалѣю очень, что ты не прислалъ Фурмана, чѣмъ можетъ быть дѣло пришло (бы) въ боль-

шую ясность, а можетъ быть и могло бы состояться. Всѣ замѣчанія твои на счетъ происходящаго во Франціи и на счетъ пропаганды вообще совершенно согласны съ моимъ мнѣніемъ. Невольно ищу я въ сей же работѣ причину происходящаго въ Лифляндіи, хотя можетъ быть и другія причины сему содѣйствовали, ибо гдѣ слабая сторона, туда искусно направляются тайныя усилія сей адской силы. Намъ присужденье всюду и вездѣ съ ней бороться, хотя, признаться должно, не съ равными всегда силами; это долгъ священный и я не перестану употреблять всѣ усилія, чтобъ мѣшать успѣхамъ его.

Здѣсь новаго ничего нѣтъ; жду всякій день родовъ дочери и, признаюсь, не могу быть до того совершенно спокоенъ духомъ. Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
26-го ноября (8-го декабря) 1841 г.

Какъ подумаю, какъ давно я тебѣ не писалъ, мой любезный отецъ командиръ, такъ мнѣ стыдно дѣлается; но вотъ какъ дѣло было: получивъ отъ тебя бумаги по займу, я въ тотъ же день ихъ послалъ къ Вронченкѣ, который, ожидая скораго прибытія Фурмана, хотѣлъ прежде съ нимъ увидѣться и объясниться, чѣмъ дать мнѣ рѣшительный отвѣтъ. Въ это время воротился министръ финансовъ, который и вошелъ опять въ управленіе министерствомъ, съ чѣмъ вмѣстѣ все дѣло перешло къ нему. Прежде чѣмъ онъ вникъ въ дѣло, бывъ всегда противъ сихъ займовъ, снова прошло время, и наконецъ на сихъ дняхъ должно было разсматриваться въ комитетѣ финансовъ. Къ этому присоединилось и другое дѣло, снятіе таможенъ по внутреннимъ границамъ и переводъ

стражи на внѣшнюю границу Царства. Предмстъ сей считая всегда первѣйшей важности, даже въ политическомъ отношеніи, я старался не безъ труда уломать министра финансовъ въ пользу его; теперь онъ симъ занимается. Все это требовало гораздо болѣе времени, чѣмъ я полагалъ, и, желавъ тебѣ дать рѣшительный отвѣтъ, откладывалъ со дня на день, ожидая рѣшенія, но покуда тщетно, хотя надѣюсь, что на-дняхъ кончится. Между тѣмъ я сдѣлался виноватымъ передъ тобой, въ чемъ прошу искренно извиненія. Вчера видалъ я прибывшихъ епископовъ, которые оба, кажется, весьма въ хорошемъ расположеніи и довольны тѣмъ, что видѣли. И такъ, монументъ нашъ открытъ и симъ положено окончаніе сраму 1830 и 1831 годовъ и воздана честь тѣмъ однимъ, которые успѣли остаться вѣрными, заплативъ за сіе жизнію! Нашъ предметъ исполненъ, а что оно произвело въ краѣ—другое дѣло; не вѣрю на ихъ исправленіе. Ежели справедливъ слухъ о происходившемъ въ тотъ же день въ Познани, то это неслыханное сумасшествіе; я велѣлъ Мейндорфу узнать, такъ ли это было. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Сношенія наши съ Англіей очень дружны; кажется, что послѣднія происшествія въ Гишпаніи еще болѣе охладили дружбу Англіи съ Франціей, ибо участіе L. Phylippe въ этихъ гнусныхъ сплетняхъ сдѣлалось въ Англіи извѣстнымъ; пора было! Наши дѣла на Кавказѣ не всѣ еще кончены; на Лабѣ линія значительно подвинута къ концу; на Сунжѣ устроено прочное начало къ новой линіи, и обѣ начали заселяться станицами. Но въ Аваріи и въ большой Чечнѣ дѣла по прежнему и вліяніе Шамиля ничуть не убавилось. Анрепъ началъ хорошо, но не имѣю давно отъ него извѣстій. Будущій годъ, а можетъ быть еще нѣсколько пройдетъ въ усиліяхъ къ упроченію нашего владычества. Все это поглощаетъ людей и деньги! и послѣдній предметъ очень меня заботитъ, ибо лишнихъ денегъ *далеко* нѣтъ, и нынѣшняя смѣта также затрудняетъ, какъ и прошлая.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю; на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Каковъ Горчаковъ? поклонись ему.

С.-Петербургъ.
16-го (28-го) декабря 1841 г.

Предметъ моего сегодняшняго письма, мой любезный отецъ командиръ, *экономическій* и потому очень для меня тяжелый и непріятный; но нечего дѣлать! сводъ смѣты вновь крайне затруднителенъ и требуетъ непремѣнно значительныхъ уменьшеній по арміи, дабы хотя нѣсколько уменьшить дефицитъ, намъ угрожающій. Вся моя забота клонится къ тому, чтобъ необходимость сію сдѣлать наименѣе чувствительною для состава и образованія арміи. К. Чернышевъ сообщитъ тебѣ о семъ подробно, я же въ короткихъ словахъ объясню. Самую значительную убавку дѣлаю въ кавалеріи резервной, которой у насъ кромѣ гвардіи 6 дивизій на 7 легкихъ, а счетомъ эскадроновъ 176 резервныхъ на 224 легкихъ; и потому удобнѣе счелъ я убавку сію сдѣлать, присоединивъ 4-ю и 6-ю легкія дивизіи къ 1-й и 2-й уланскимъ, которыхъ составъ упраздняю. Равномѣрно упраздняю на мирное время два эскадрона жандармскаго полка, присоединяя запасный эскадронъ его къ дивизіону у тебя. Въ пѣхотѣ привожу 4 бат. всѣхъ 6-ти корпусовъ въ кадры; отчисляя къ сему бат. всѣхъ безсрочныхъ, къ арміи приписанныхъ, и замѣняя ихъ въ дѣйствующихъ бат. излишними людьми 4-го бат., приводимыхъ въ кадры; эта убавка дѣлаетъ 17 т. человѣкъ пѣхоты; кавалеріи убавляется до 9 т. человѣкъ и столько же лошадей. Тоже упраздняю всѣ резервные артил. бат., обращая безсрочно отпускныхъ артиллеріи въ ихъ составъ; а некомплектъ людей въ бат. армію, замѣщая людьми резервныхъ батарей. Упраздняю

тоже 9 резервныхъ кон. батарей, замѣняя ихъ 4 бат., остающимися отъ 1-й и 2-й финскихъ дивизій; наконецъ упраздняю вовсе 31-й резервный саперный бат. Всѣ эти сокращенія составятъ сбереженія до 2 т. (м?) серебромъ, но болѣе сего ничего убавить не придумаю. Остается мнѣ просить тебя настоятельно обратить вниманіе, не найдешь ли возможность сдѣлать съ твоей стороны какихъ-либо убавокъ по штабу арміи, ибо онъ съ интендантствомъ и съ прочими дробными частями по Царству составляетъ издержки на 1,500,000 серебромъ! убавь чиновниковъ, адъютантовъ или другихъ лицъ, которыхъ, полагаю, есть много лишнихъ или не необходимыхъ; но все это стоитъ дорого, а теперь каждая копѣйка дорога. Жду нетерпѣливо твоего отвѣта.

Что дѣлается съ Туркулемъ, пропалъ безъ вѣсти, ничего про него не знаю. Канкринъ очень боленъ, и потому все стоитъ. Въ политикѣ новаго не знаю. Поѣздка короля прусскаго въ Лондонъ всѣхъ занимаетъ; предмета тайнаго не постигну, не смотря на всѣ слухи; а то знаю, что мудрено ему будетъ, проѣзжая чрезъ Францію и Бельгію, не видѣть или L. Phylippe, или Леопольда, а за чѣмъ? и не жаль ли? Ничего не понимаю. Наконецъ у насъ зима, но безъ снѣгу, что очень тяжело. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

17-го (29-го) письмо мое было уже написано, какъ по ближайшему соображенію найдено нами возможнымъ не упразднять двухъ уланскихъ дивизій, но взамѣнъ того упраздняются всѣ резервные эскадроны всей кавалеріи кромѣ гвардіи, съ тѣмъ, чтобъ въ военное время полки выступали въ 6 эскадроновъ по 18 рядовъ. Я согласился на сіе, о чемъ тебя увѣдомляю въ дополненіе начала моего письма.

№ 50.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1842 годъ.

(7 писемъ.)

Получено 10-го (22-го) генваря 1842 года.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) генваря 1842 г.

Искренно благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 27-го декабря (8-го генваря) и за предложенія о нѣкоторыхъ сбереженіяхъ по арміи. На многія я охотно согласился, но на уничтоженіе въ мирное время бригадныхъ командировъ не могу дать согласія, ибо всякая перемѣна въ начальствѣ предъ открытіемъ кампаніи, не говоря уже о другихъ невыгодахъ предлагаемой мѣры, влечетъ за собой важныя неудобства. Но я полагаю, что можно сдѣлать и другія еще сбереженія по арміи, именно по штабу и по интендантству, о чемъ прошу настоятельно. Притомъ не вижу достаточно уважительной причины, чтобъ войска въ Царствѣ получали увеличенный окладъ жалованья, ибо разницы въ Цар-

ствѣ на цѣны съ существующими въ Имперіи не таковы, чтобъ вынуждали къ сему, но издержка отъ сего огромна. Мнѣ кажется, что удобнымъ временемъ для отмѣны сего правила было время смѣны 1-го корпуса 2-мъ, имѣющимъ сею осенью вступить въ Царство. Такимъ образомъ со вступленіемъ его въ Царство онъ бы остался на обыкновенномъ содержаніи, а 1-й корпусъ сохранилъ бы нынѣ получаемое до вступленія. За симъ осталось бы только отмѣнить оное тогда же мѣстнымъ войскамъ, т. е. штабамъ, интендантству, комендантамъ и проч. сапернымъ и гарниз. бат. и артил. ротамъ и инвалидамъ. Мнѣ кажется, что въ этомъ нѣтъ затрудненія, но мѣра сія справедлива. Не считаешь ли тоже полезнымъ мусульманскій полкъ впредь не вводить въ Царство, а оставить или въ Москвѣ, или здѣсь у меня, дабы они болѣе обучались и знакомились съ нашими, а не съ польскими обычаями, и кромѣ того содержаніе ихъ здѣсь будетъ дешевле. Донскія 4 бат. поставимъ или подъ Кіевомъ, или въ Меджебожѣ, вмѣстѣ съ конной артил. легкой кавал. дивизіей, въ кіевскомъ поселеніи стоящей, подчинивъ ее начальнику артиллеріи сводн. кавал. корпуса, но подъ повѣркой Гилленшмита. По полученнымъ достовѣрнымъ свѣдѣніямъ извѣстіе, будто въ Познани воздвигаютъ памятникъ Нѣмцевичу, оказалось ложнымъ; равно какъ и прибытіе туда Р. Солтыка. Прусское правительство сообщило намъ данную графу Арниму инструкцію, которая очень здраво обдумана. Мысль твоя о заселеніи Лабинской линіи уже исполняется, и симъ лѣтомъ поселены 4 станицы; по Сунжѣ начнется въ наступающемъ лѣтѣ, но все дорого стоитъ, а необходимо, что я вполнѣ думаю. Жду Туркуля съ плодами вашихъ трудовъ; Старынкевичъ человѣкъ очень полезный. Радъ очень, что Горчакову получше и что, кончивъ работу, поѣхалъ; ему серіозное леченіе необходимо. Конченное дѣло объ устройствѣ положенія большой дѣйствующей арміи ждалъ я съ нетерпѣніемъ. У насъ зима безъ снѣга, и очень чувстви-

тельна; но больныхъ по городу мало. Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
19-го апрѣля (1-го мая) 1842 г.

Поздравляя тебя со днемъ Пасхи, любезный отецъ командиръ, благодарю за письмо отъ 5-го (17-го). Свѣдѣнія, которыя сообщаешь о слухахъ въ Пруссіи, могутъ дѣйствительно происходить отъ безсмысленныхъ и дерзкихъ статей въ кенигсбергской газетѣ; ежели это продлится, то необходимо будетъ принять строгія мѣры. Что касается до побѣговъ, то я всегда полагалъ, что они происходятъ или отъ дурного призора, или обхожденія съ людьми, или отъ недостаточнаго внушенія долга присяги священниками и ближайшимъ начальствомъ. Побѣги же за границу необходимо гораздо строже наказывать, и именно подводя подъ наказаніе какъ за третій побѣгъ дома, но ежели уйдетъ съ оружіемъ, то какъ за пятый побѣгъ; приведи сіе въ исполненіе, ежели согласенъ со мной. Отставка министра Рохау должна опечалить всѣхъ благомыслящихъ и желающихъ добра Пруссіи, ибо человѣкъ сей, при отличныхъ правилахъ, былъ лично привязанъ къ королю и образомъ мыслей былъ главою партіи, не желающей перемѣнъ; что теперь будетъ, право не знаю, не смотря на всѣ мои убѣжденія въ чистотѣ и правотѣ намѣреній короля. Жаль! Здѣсь новаго ничего. Анрепъ продолжаетъ дѣйствовать отлично; покорность убыховъ со дня на день утверждается, и ежели Богъ благословитъ, то дѣло пойдетъ хорошо. Но въ Дагестанѣ не то: туда проникъ Шамиль въ Казы-Кумыки, что удалось измѣной; теперь все зависѣть будетъ отъ дѣйствій Граббе. Отъ Чернышева ничего не имѣю. Сокрушаетъ меня смертность въ варшавскомъ воен. госпиталѣ,

которая все непомѣрна съ прочими госпиталями и самая значительная послѣ феодоссійскаго; какъ бы этому помочь.

Жена тебѣ кланяется, а я цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя душевно; на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Царское Село.
26-го мая (7-го іюня) 1842 года.

Благодарю, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 20-го (1-го) числа. Пора было уніятскому епископу прійти въ разумъ и быть тихимъ; одного этого и просимъ, а прочее само придетъ, когда время настанетъ. Раздѣляю мнѣніе твое, что Гутковскому можно дозволить жить въ Лембергѣ, лучше чѣмъ въ Римѣ, гдѣ онъ интриговать можетъ; однако и въ Лембергѣ не полагаю, чтобъ онъ остался спокоенъ и не искалъ бы вліянія на старую свою епархію; надзоръ все нуженъ. Касательно побѣговъ въ Пруссію я чрезъ Рауха жаловался на дѣйствія ихъ полиціи. Онъ спрашивалъ меня, наблюдается ли всегда у насъ давать знать на границу о случившихся побѣгахъ, на что я ему отвѣта дать не могъ, не зная, какъ въ сихъ случаяхъ поступается. Нѣтъ сомнѣнія, что во время рекрутскаго набора много вновь бѣжитъ; но какъ за бѣглыхъ должно брать другихъ въ рекруты, то полагаю, что симъ сами поляки строго наблюдать будутъ, чтобъ ихъ рекруты не могли укрыться. Во всякомъ случаѣ, ежели деревни или мѣста въ Пруссіи, гдѣ дается бѣглымъ укрывательство, намъ извѣстны, то слѣдуетъ о семъ извѣщать пограничныя власти. Ежели насъ меньше ругаютъ въ прусскихъ газетахъ, то это я полагаю развѣ на время, а потомъ по прежнему. Чернышевъ пишетъ мнѣ, что весьма доволенъ осмотромъ войскъ, но что по гражданскимъ учрежденіямъ и въ особенности въ исполненіи его многое предстоитъ къ совершенному измѣненію, и

что онъ теперь только убѣдился, что я правъ былъ, когда ему твердилъ, что, не видавъ сего края, нѣтъ никакой возможности судить о немъ и еще менѣе хотѣть примѣнять къ нему теоретическія правила, на практикѣ невозможныя. Граббе теперь долженъ быть въ дѣйствіи, но не имѣю еще объ томъ донесеній; у Анрепа же отрядъ пошелъ въ походъ, и покуда безъ важнаго сопротивленія. Ждемъ на-дняхъ сестру жены съ мужемъ; потомъ принца прусскаго, за нимъ короля, потомъ герцога нассаускаго съ братомъ и моего племянника, младшаго сына Анны Павловны; такъ что скоро придется мнѣ пѣть: *Княже людскія собрашася*... охъ тихъ-тихъ-тихъ-ти!

Что видѣлъ войскъ, все къ полному моему удовольствію; но засуха страшная меня пугаетъ, впрочемъ, съ юга извѣстія лучше.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

На вѣки тебѣ доброжелательный.

Н.

Княгинѣ цѣлую ручки.

Царское Село.
25-го августа 1842 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 21-го (2-го) числа, которое получилъ сегодня утромъ, равно какъ и за поздравленіе съ новорожденною; благодаря Бога все прошло и идетъ хорошо, и наша молодая родильница оказала неимовѣрную смѣлость, твердость и терпѣніе: не-только ни разу не крикнула, но даже не жаловалась и не стонала, словомъ, всѣхъ изумила!

Что мнѣ пишешь про состояніе 6-й дивизіи, мнѣ очень пріятно; каково-то съ больными и съ бѣглыми? Пруссія дала мнѣ знать, что опять продолжаетъ картель, я благодарю и *не*

32

принимаю, доколь не заставлю ихъ признаться, что они лгали, настаивая объ мнимой тягости сего положенія для восточной Пруссіи, и напротивъ умолять меня не будутъ согласиться вновь его принять. Иначе съ ними не сладишь, какъ такъ. Но напиши мнѣ, что дѣлается съ побѣгами въ войскахъ, и подѣйствовалъ ли послѣдній указъ на конскриптовъ? Рѣчь папы исполнена лжи и несправедливостей, я не намѣренъ на нее отвѣчать, ибо не хочу начинать съ нимъ явной ссоры; но велѣлъ сказать, что подобное дѣйствіе не только не облегчаетъ успѣха дѣлъ, но ставитъ меня въ невозможность слѣдовать влеченію моему ко благу католической церкви. Были у меня пріѣхавшіе епископы, кажется *дрянь*; былъ и *Лидике*; онъ точно похожъ на іезуита, но умная штука; онъ при епископахъ тоже говорилъ, что рѣчь папы исполнена несправедливостей. Здѣсь, не знаю съ чего, думаютъ, что онъ *тайный агентъ* папы; пусть такъ, и пусть передастъ мои слова! Странно, что послѣ сей рѣчи папа такъ легко согласился на посвященіе Тераскевича, я этого не ожидалъ. Вліяніе на католиковъ рѣчь не могла не произвесть; но все это рушится объ твердость нашихъ правилъ и мѣръ, которыхъ вѣрно я не измѣню. Отъѣздъ мой положенъ съ Божіею помощію въ ночь на 1-е (13-е) сентября; въ Ивангородъ полагаю быть 25-го числа утромъ, а на ночь въ Варшаву. Пріятно мнѣ будетъ найти тамъ 2-ю легкую дивизію, ежели не будетъ сопряжено съ особыми затрудненіями. Жалѣю объ Раутенштраухѣ, онъ былъ человѣкъ полезный. Раздѣленіе порученныхъ ему дѣлъ я утверждаю. Прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя душевно, и съ помощію Божіею до свиданія въ Ивангородѣ.

Твой на вѣки доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

Гатчина.
21-го октября (2-го ноября) 1842 г.

Письмо твое отъ 14-го (26-го) числа получилъ я третьяго дня вечеромъ, любезный мой отецъ командиръ. Михайло Павловичъ прибылъ до того за два дня и подробно разсказывалъ про свое пребываніе у тебя и привезъ пріятное впечатлѣніе, вопреки своему ожиданію. Радуюсь весьма, что его видѣли и что пребываніе его нѣсколько изгладило впечатлѣніе, которое произвести должно было мое короткое и затворническое пребываніе. Надѣюсь въ другой разъ быть посчастливѣе. Весьма пріятно, что перемѣна въ управленіи банкомъ не произвела дурного впечатлѣнія; этого одного только и можно было опасаться. Напиши мнѣ, что откроется впослѣдствіи. Раздѣляю твое мнѣніе, что ежели-бъ могла секта аббата Шателя распространиться на всѣхъ католиковъ, то сіе было-бъ счастливымъ событіемъ. Но, къ несчастію, многіе, ежели не большая часть католиковъ, вѣруютъ въ папу какъ въ самого Бога, и это все такъ смѣшно у нихъ, что мудрено намъ и понимать ихъ! Интендантскій отчетъ очень удовлетворителенъ; надѣюсь, что и по смѣтѣ, благодаря тебѣ, почувствуемъ разность. Цѣны въ Кіевѣ и на Подолѣ таковы, что Бибиковъ успѣлъ противъ справочныхъ цѣнъ заготовить для поселенія 2-мя и 3-мя рублями ниже запрошенныхъ цѣнъ. Здѣсь новаго ничего. Поджоги продолжаются, и теперь все въ Нижнемъ. Тамъ сгорѣла часть ярмарочныхъ лавокъ. Въ Уфѣ пойманъ одинъ зажигатель; надо, чтобъ и вездѣ были найдены, для примѣрнаго наказанія въ страхъ другимъ. Теперь сербскія дѣла меня озабочиваютъ. Султанъ, вопреки трактатовъ и здраваго разсудка, призналъ новаго правителя и этимъ утвердилъ или оправдалъ бунтъ противъ установленной имъ власти! Я формально противъ протестую и написалъ дружеское, но сильное письмо къ султану, требуя сохраненія трактата и потому отмѣны преждевременныхъ мѣръ. Посмотримъ, что будетъ.

Обнимаю тебя душевно и княгинѣ цѣлую ручки. Жена моя тебѣ кланяется. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) декабря 1842 г.

Не получая такъ долго твоихъ писемъ и узнавъ про твое нездоровіе, мой любезный отецъ командиръ, я начиналъ уже безпокоиться и тѣмъ болѣе радъ былъ получить письмо твое отъ 29-го ноября (10-го декабря). Слава Богу, что ты себя лучше чувствуешь, но прошу тебя настоятельно болѣе поберегаться. И здѣсь господствуетъ родъ простуднаго гриппа, которымъ мы почти всѣ были одержимы, но легко. Свѣдѣнія о происходящемъ на прусской границѣ доказываютъ, какъ у нихъ умѣютъ лгать на нашъ счетъ и сколько высшее ихъ правительство или обмануто, или легковѣрно. Вообще порядокъ вещей у нихъ до того нынѣ запутанъ, что не знаю и не понимаю, чѣмъ это кончится; мнѣ кажется, что короля болѣе и болѣе путаютъ, съ тѣмъ, чтобъ, запутавши, сказать ему, Богъ съ тобой! иначе понять мудрено, какъ человѣкъ съ его умомъ можетъ *самъ* на подобное рѣшаться. Банковское дѣло мнѣ очень непріятно, ты правъ, что мудрено будетъ рѣшить, какой ходъ ему дать; и жду твоего увѣдомленія. Туркулъ не пріѣхалъ и полагаю, что не онъ ли привезетъ мнѣ отъ тебя дальнѣйшія подробности. Все это не дѣлаетъ чести ни бывшимъ директорамъ, ни Фурману, ни Грабовскому; гдѣ-жъ былъ ихъ присмотръ! Жаль мнѣ Муравьева, онъ былъ добрый, усердный и хорошій офицеръ; на мѣсто его назначилъ я адъютанта моего г.-м. Заса, онъ храбрый и хорошій офицеръ, и подъ руководствомъ г. Герстенцвейга успѣетъ пріобрѣсть должный навыкъ въ командованіи. Радуюсь, что Горчакову легче; онъ хорошо дѣлаетъ, что продолжаетъ водяное лечсніе; оно дѣй-

ствительно приноситъ многимъ удивительную пользу. Новаго ничего нѣтъ. Въ политикѣ тоже съ тѣхъ поръ, какъ китайское и авганское дѣла кончены, послѣдствія увидимъ. Жду донесеній Ливена по сербскому дѣлу; оно щекотливо, ибо поддержать права наши я долженъ, но рѣшить въ чужомъ дѣлѣ тоже трудно и неловко.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
26-го декабря 1842 г. (8-го генваря 1843 г.).

Ждалъ пріѣзда Туркуля, любезный мой отецъ командиръ, чтобъ отвѣчать на письмо твое отъ декабря. Происшествіе въ банкѣ крайне непріятно; дать ему гласность, было-бъ навѣрное уронить кредитъ банка; потому хотя бы слѣдовало всѣхъ виновныхъ предать суду, но, въ избѣжаніе худого вліянія на дѣла банка, согласенъ подъ политическимъ предлогомъ принять ихъ въ Шлюсельбургъ и Кексгольмъ подъ секретъ; ибо ссылать въ Сибирь было-бъ не вѣрно и могло бы разгласиться. Дѣло Косецкаго тоже очень непріятно, но пора съ нимъ развязаться и потому я его уволю отъ службы; избери другого надежнаго на его мѣсто. На счетъ картельной конвенціи мое мнѣніе тебѣ извѣстно, я его не измѣняю; и доколь *сами* пруссаки не будутъ меня объ томъ *умолять*, до того не соглашусь. Въ Пруссіи дѣла идутъ нынѣ такъ, что нельзя ни понять ничего, ни отгадать, что будетъ; безпорядокъ, путаница, противорѣчія достигли крайности. Ненависть или зависть къ намъ ежедневно возрастаетъ. Словомъ, горько слышать и читать! Нужнѣе, чѣмъ когда-либо, елико можно имѣть менѣе съ ними дѣло, но быть готовыми на все, избѣгая всего, что ихъ раздражать можетъ. Теперь они ни въ чемъ

насъ упрекнуть не могутъ, ибо мы болѣе для нихъ сдѣлали, чѣмъ они ожидали. Но больно видѣть, сколько плоды трудовъ покойнаго *нашего* короля болѣе и болѣе исчезаютъ! Вчера получилъ я изъ Лондона новый нашъ навигаціонный договоръ съ Англіею, намъ очень выгодный. Вообще тамъ намъ хорошо. За то въ Германіи ненависть все болѣе возрастаетъ, а зачѣмъ? оттого что мы *за 30 лѣтъ* ихъ спасли. Богъ съ ними!

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

№ 51.

Намѣстнику Нашему въ Царствѣ Польскомъ.

Разсмотрѣвъ съ особеннымъ вниманіемъ представленныя вами, въ исполненіе указа Нашего отъ 6-го (18-го) сентября 1841 года, соображенія и заключенія касательно образованія учрежденныхъ тѣмъ указомъ въ Варшавѣ департаментовъ правительствующаго сената и общаго ихъ собранія, и вполнѣ одобряя предначертанные вами и разсмотрѣнные государственнымъ совѣтомъ, въ департаментѣ дѣлъ Царства Польскаго, проекты: 1) учрежденія варшавскихъ правительствующаго сената департаментовъ, девятаго и десятаго и общаго ихъ собранія; 2) положенія о порядкѣ принесенія и разсмотрѣнія жалобъ на рѣшенія и приговоры судовъ низшей степени, которыя (sic) донынѣ поставляемы были въ послѣдней инстанціи, и 3) штата канцеляріи варшавскихъ сената департаментовъ.

Указомъ отъ сего числа, правит. сенату даннымъ, Мы повелѣли сіи утвержденные Нами учрежденіе, положеніе и штатъ препроводить къ вамъ, для обнародованія и приведенія въ дѣйствіе.

Съ приведеніемъ сихъ учрежденія и положенія въ должное исполненіе, вы имѣете упразднить окончательно, какъ высшую палату гражданскаго суда, которая донынѣ, по особому о томъ распоряженію, продолжала свои дѣйствія, такъ и кассаціонныя отдѣленія аппеляціоннаго суда, замѣнявшія въ Царствѣ высшій уголовный судъ, учинивъ въ то же время надлежащія распоряженія, чтобы дѣла, какъ въ тѣхъ отдѣленіяхъ, такъ и въ палатѣ производившіяся, были немедленно переданы куда слѣдуетъ, на основаніи помянутаго, утвержденнаго Нами положенія.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

НИКОЛАЙ.

С.-Петербургъ.
26-го марта 1842 г.

№ 52.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1843 годъ.

(10 писемъ.)

С.-Петербургъ.
14-го (26-го) генваря 1843 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 3-го (15-го) числа. Мнѣ уже часто предлагали отвѣчать на статьи и брошюры, издаваемыя за границей съ ругательствами на насъ. Не соглашался я на это по той причинѣ, что кромѣ того, что считаю сіе ниже нашего достоинства, и пользы не предвижу; мы будемъ говорить одну истину, на насъ же лгутъ завѣдомо, потому не равенъ бой. Сильнѣе гораздо опроверженіе въ самихъ дѣлахъ, когда они доказываютъ ложь торжественно. Нынѣшнее усугубленіе злости возбуждается непонятными дѣйствіями Пруссіи. Ихъ неосновательность, опрометчивость и непонятныя противорѣчія самимъ себѣ поставили всѣхъ въ недоумѣніе, къ чему это вести должно; и приступаютъ къ нимъ съ требованіемъ объясненія, въ томъ числѣ и по торговымъ дѣламъ; чѣмъ же признаться,

что они въ требованіяхъ къ намъ ошиблись, имъ легче было вывернуться, давъ видъ, что будто они просили за всѣхъ, а *мы* сего не хотѣли, согласясь *для нихъ однихъ*. Какъ же намъ тягаться съ подобнымъ образомъ дѣйствій? Мы идемъ часто прямой дорогой, а вотъ чѣмъ намъ платятъ. Потому и теперь не могу согласиться заводить полемику; пусть лаютъ на насъ, имъ же хуже. Придетъ время и они же будутъ предъ нами на колѣняхъ, съ повинной, прося помощи. Папа съ дочерью обошелся какъ нельзя лучше, а Максу говорилъ, что въ Баваріи вредятъ католической вѣрѣ *фанатизмомъ* и нетерпимостью, каково? и онъ на попятный дворъ. Что за зима у насъ, все дождь, оттепель и снѣгу на дорогѣ нѣтъ; небывалое дѣло, каково-то у васъ? Что по войскамъ дѣлается? Здѣсь все хорошо. Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
8-го (20-го) февраля 1843 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 31-го генваря (12-го февраля). Присланные тобой банковскіе преступники прибыли вчера и ѣдутъ сегодня въ свое мѣсто. Хорошо, что дѣло сіе кончилось безъ ущерба кредиту банка; можно надѣяться, что и наряженіе коммисіи не произведетъ дурного впечатлѣнія. Смерть митрополита Серафима принудила меня пріискать достойнаго ему преемника, котораго, какъ полагаю, нашелъ въ Антоніи, сколь ни жалѣю, что долженъ его взять изъ Польши. Мы старались дать туда лучшаго изъ епископовъ; я его здѣсь удержалъ до прибытія Антонія, съ которымъ желаю его свести прежде, дабы его приготовить и настроить какъ должно; лучшаго желать нельзя, какъ быть ему во всемъ подобнымъ въ дѣйствіяхъ почтенному

Антонію. Объ войскахъ читалъ записку съ удовольствіемъ; увѣренъ, что лѣтомъ корпусъ придетъ въ порядокъ. Доволенъ ли Шабельскій своей дивизіей? Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Жду нетерпѣливо конца сербскаго дѣла и согласится ли султанъ на мое требованіе. Новаго изъ Берлина ничего не знаю. Въ послѣднее время на границѣ Литвы бѣжало у насъ съ оружіемъ въ Пруссію 9 рядовыхъ и 7 стражниковъ таможенныхъ. Это срамъ, и слѣдуетъ изслѣдовать и строго взыскать. Здѣсь пляшутъ до убою; зимы почти нѣтъ и подобной никто не запомнитъ. Вездѣ жалуются, что то же; обозы стали, цѣны вздорожали и опасаются дурныхъ послѣдствій урожая! не дай Боже того. Надѣюсь, что ты совершенно оправился, но прошу поберегаться, и особенно простуды. Обнимаю тебя душевно; твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) марта 1843 года.

Не могъ я до сего дня отвѣчать тебѣ, мой любезный отецъ командиръ, за накопившимися занятіями. Митрополитъ Антоній былъ здѣсь принятъ какъ нельзя лучше и какъ я того ожидалъ; преемника его мнѣ очень рекомендуютъ; теперь онъ въ совѣщаніяхъ съ Антоніемъ и, надѣюсь, воспользуется его совѣтами, чтобъ быть ему достойнымъ преемникомъ; я его передъ отъѣздомъ увижу. Записку объ банкѣ читалъ съ любопытствомъ. Неоспоримо, что онъ принесъ краю и казнѣ большую пользу, но нужна осторожность, чтобъ опытъ прошедшій не возобновлялся. Взысканіе съ виновныхъ сдѣлать должно. Пріятно было читать отзывъ твой на счетъ прибывшихъ рекрутъ и воротившихся въ отпускъ поляковъ. Ежели точно они въ такомъ хорошемъ духѣ, то, полагаю, настало

время, гдѣ можно будетъ начать водить ихъ не какъ плѣнныхъ или арестантовъ, но поручить проводъ ихъ до нашей границы *польскимъ безсрочнымъ*, какъ живымъ образцамъ, что не *всѣ* пропадаютъ у насъ на службѣ. Съ турками все не кончается; я вынужденъ былъ стращать, что отзову посольство и прекращу дипломатическія сношенія. Впрочемъ, въ политикѣ новаго ничего; съ Англіею мы все въ ладахъ. Вчера только узналъ я про опасную болѣзнь эрцгерцога Франца-Карла; онъ добрый человѣкъ и благонамѣренный, хотя не отличнаго ума; и ежели онъ умретъ, то вновь предстоитъ Австріи регентство, ибо старшему сыну 11 лѣтъ. Здѣсь все тихо и хорошо; опять зима и другой день 11 градусовъ. Радуюсь твоему близкому пріѣзду, но берегись дорогой; не простудись. Каковъ Горчаковъ? Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Александрія, близъ Петергофа.
8-го (20-го) іюля 1843 г.

Наконецъ, только сегодня могъ я добиться свободной минуты тебѣ писать, мой отецъ командиръ; давно я не былъ такъ мучимъ въ разномъ родѣ, какъ сіе послѣднее время. Благодарю за отчетъ по смотрамъ; надѣюсь, что замѣченные недостатки вскорѣ будутъ исправлены усердіемъ начальниковъ и бдительнымъ твоимъ надзоромъ. Побѣги должны скоро уменьшиться и потомъ и прекратиться. Но цѣль наша скоро достигнется, ибо пруссакамъ не въ терпежъ и, видя свою ошибку, ищутъ, какъ бы воротиться къ прежнему; я же жду, чтобъ выговорили *виноваты*; тогда все придетъ въ прежній порядокъ, чего одного мы желали. Дѣла сербскія все еще не кончены, отказомъ двухъ главныхъ бестій выѣхать; теперь не

знаю, удастся ли новому князю ихъ выслать, чего я требую; не то надо будетъ употребить силу. Для сего назначу извѣстныя тебѣ войска. Здѣсь все идетъ очень хорошо. Войсками я отмѣнно доволенъ, изъ приказовъ увидишь, что смотрѣлъ стрѣльбу въ цѣль и что результатъ весьма удачный; въ особенности во всѣхъ образцовыхъ войскахъ и въ 3 стрѣлк. бат., который замѣчательно хорошо былъ. Притомъ у него въ лагерѣ *ни одного* больного, а всего съ дальними госпиталями 4 челов., вообще больныхъ на 54 т. не болѣе 300 человѣкъ и умершихъ въ мѣсяцѣ 7 человѣкъ! У меня госпиталь въ семьѣ, Саша и жена его въ кори, дочь близка къ родамъ и старшая внучка опасно больна коклюшемъ и гастрической горячкой. Это, при всѣхъ другихъ заботахъ меня доконаетъ. Но при этомъ Богъ порадовалъ насъ сговорить дочь Александру за п. гессенскаго, которымъ я очень доволенъ. Вотъ всѣ мои новости. Желаю, чтобъ Карлсбадъ тебя совершенно возстановилъ. Не могу похвалиться моимъ курсомъ водъ; много было заботъ, а нуженъ покой. Къ концу маневровъ привожу гренадеръ, всего будетъ близъ 80 т. войска. Потомъ 20-го августа (1-го сентября) пущусь въ путь.

Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Петергофъ.
15-го (27-го) августа 1843 г.

На дняхъ получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, и радуюсь твоему возвращенію. Жаль только, что ты встрѣченъ былъ новымъ опытомъ дурныхъ склонностей *безмозглыхъ*, хотя, впрочемъ, кажется, что дѣло не великой важности, ибо во-время открыто и ограничивается низкимъ планомъ. Не полагаю, чтобъ попытка соблазнить офицеровъ

могла бы имѣть большой успѣхъ, какъ и оказалось. Дурной духъ въ Пруссіи долженъ отражаться и на поляковъ, и одна твердость и постоянство нашихъ мѣръ можетъ, ежели не одолѣть, то по крайней мѣрѣ преграждать развитіе худшаго. Мы неизмѣнны и въ чувствахъ, и въ правилахъ; будемъ продолжать дѣйствовать по прежнему, прочее въ рукахъ Божіихъ! Ты знаешь все, что у насъ происходило; была и радость, было и душевное горе; но мы покоряемся волѣ Божіей съ совершеннымъ смиреніемъ. Все это насъ поразило среди маневровъ. Войсками былъ я весьма доволенъ, вездѣ успѣхъ, и во всемъ, такъ что въ этомъ находилъ точное утѣшеніе. 20-го августа (1-го сентября) пускаюсь въ путь въ Берлинъ моремъ и надѣюсь прибыть къ 25-му (6-му); везу съ собой нѣкоторыхъ гвардейскихъ генераловъ, чтобъ показать имъ прусскія войска и высмотрѣть, что у нихъ новаго и полезнаго. Желаю, чтобъ ты мнѣ прислалъ къ тому же числу г.-а. Берга и г.-м. Безака, ежели можешь на короткое время безъ нихъ обойтись. Въ Варшаву надѣюсь прибыть 8-го (20-го) сентября, и полагаю пробыть до 14-го (26-го), а 15-го (27-го) ѣхать въ Кіевъ, прибыть 19-го (31-го). Сербское дѣло кажется кончено; другого новаго ничего нѣтъ. Про поѣздку мою не разглашай. Жена моя кланяется тебѣ, а я душевно обнимаю, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Царское Село.
14-го октября 1843 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 5-го (17-го) числа. Можно было, кажется, предвидѣть, что поздно наряженное слѣдствіе въ Позенѣ ни къ какимъ открытіямъ не могло привести; оно только въ томъ смыслѣ было полезно, что открыло глаза королю, до какой

степени ничтожества дошло тамъ правленіе, и до какой дерзости достигли избалованные имъ поляки; иного я не ожидаю. Выдумки въ газетахъ точно забавны злостію и глупостію; Мейндорфъ пишетъ, что чуть было не затѣяли въ Познани послать адресъ къ королю съ жалобой на *оклеветаніе*; этого только не доставало. Меня ни что подобное не удивляетъ, всего отъ нихъ ожидать можно, кромѣ хорошаго. Поѣздку мою довершилъ благополучно, не смотря на ужаснѣйшую дорогу. Войсками вездѣ былъ доволенъ, кромѣ первой дивизіи въ Кіевѣ, которую нашелъ слабѣе, чѣмъ была въ Варшавѣ, и слабѣе прочихъ мной смотрѣнныхъ войскъ. Безсрочными я *удивленъ*, они вездѣ въ прекрасномъ видѣ и составляютъ отборное войско и славный надежный резервъ. Тоже нашелъ большіе успѣхи въ частяхъ 6-го корпуса, которыя видѣлъ. Старикъ Тимофеевъ славно понялъ свою обязанность и имъ очень довольны; но въ особенности онъ умѣлъ уменьшить число больныхъ болѣе чѣмъ въ половину, противъ прежняго. Происшествія въ Сѣверномъ Дагестанѣ меня крайне огорчаютъ и безпокоятъ; мы потеряли болѣе двухъ бат. и почти всѣ укрѣпленія въ Аваріи; дѣло еще не кончено, и я съ нетерпѣніемъ жду развязки. Потери произошли отъ преступной отваги частныхъ начальниковъ, не отмѣнившихъ предписаній главнаго. Здѣсь все хорошо. Третьяго дня крестили внука. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
21-го октября (2-го ноября) 1843 г.

День крестинъ моего внука ознаменовалъ я вновь большимъ производствомъ; въ оное включилъ я почти весь твой главный штабъ, мой любезный отецъ командиръ. Но, такъ

какъ и всегда случается, на всѣхъ не угодишь; желая, чтобъ повышеніе коснулось или заслуженныхъ, или отличныхъ генераловъ такъ, которыхъ таковыми не считаю, оставилъ я въ прежнихъ чинахъ, не глядя на старшинство. Въ числѣ таковыхъ остался и исправляющій должность генералъ-квартирмейстера моего штаба г.-л. Шубертъ, который при всей своей учености преплохой г. квартирмейстеръ, и потому никогда не могъ и не можетъ быть утвержденъ въ сей должности. Онъ симъ обидѣлся и написалъ Чернышеву довольно дерзкое письмо; я его перевожу въ члены совѣта воен. министерства, болѣе въ уваженіе его познаній, чѣмъ за службу. Но необходимъ *мнѣ* г. квартирмейстеръ. Въ виду при себѣ никого не имѣю, и прошу тебя уступить мнѣ г.-а. Берга. Ты знаешь, какъ неохотно я разстраиваю то, что хорошо *склеено*, и какъ часто мы съ тобой радовались хорошему составу твоего штаба; да дѣлать нечего, ибо у меня другого никого нѣтъ. Отдашь ли мнѣ его? На мѣсто его не могу тебѣ предлагать никого другого, кромѣ двухъ *мнѣ извѣстныхъ* кандидатовъ: г.-л. Коцебу или г.-л. Гастфера, перваго знаю лично, какъ славнаго офицера и прекрасныхъ свойствъ человѣка; другого знаю мало, но его мнѣ всегда очень хвалили; онъ былъ уже въ должности начальника корпуснаго штаба, и потому уже знакомъ съ симъ родомъ службы. Буде знаешь кого другого, найди и предложи мнѣ; отвѣчай мнѣ скорѣе, ибо дѣло торопитъ. Новаго ничего не имѣю тебѣ сказать. Здѣсь все тихо и хорошо. Дѣла на Кавказѣ нѣсколько поправились, но еще не кончены. Изъ Берлина ничего не знаю, кромѣ что король и *всѣ* внѣ себя отъ злобы и стыда, что ничего не могутъ открыть. Изъ Греціи тоже ничего не знаю.

Жена тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
16-го (28-го) ноября 1843 г.

Долго не отвѣчалъ я на письмо твое, любезный мой отецъ командиръ, ибо ждалъ пріѣзда Рауха, который былъ уже въ дорогѣ и везъ, какъ было мнѣ извѣстно, слѣдствіе имъ съ Мофкингомъ произведенное, и которое кончилось O. Такъ и ожидали мы, зная ихъ формы, и сколько времени протекло и тѣмъ дано было способовъ виновнымъ скрыться, а полиціи всячески затмить дѣло, дабы уменьшить явность своей безпечности или соучастія. Теперь носится слухъ, будто-бъ нашли наконецъ виновнаго, какого-то сына чиновника, который хвастался меня убить; но мнѣ ничего не сообщено. Про оборотъ, данный дѣлу въ Познани, и говорить не стоитъ. Дѣла на Кавказѣ притихли. Радуюсь, что рѣшили Аварію не покидать, что было-бъ невозвратимымъ зломъ. Чтобъ положить конецъ этимъ смутамъ въ горахъ однимъ сильнымъ ударомъ, рѣшилъ я послать на одинъ 1844 годъ весь 5-й корпусъ на линіи; съ такими силами кажется можно будетъ съ Божіею помощію достичь цѣли и твердо основать наше владычество въ горахъ; хотя очень нехотя на это рѣшаюсь съ твердымъ намѣреніемъ отнюдь войскъ сихъ тамъ не оставлять позже будущей осени. По греческимъ дѣламъ поставилъ я себя на независимую ногу, и не ссорясь ни съ французами, ни съ англичанами, но высказавъ, что допущу или нѣтъ, въ прочее не вмѣшиваюсь. Здѣсь все тихо и хорошо. Операція выпуска новыхъ кредитныхъ билетовъ идетъ славно и обѣщаетъ скоро самаго счастливаго плода. Вотъ тебѣ и всѣ мои новости. Скажи-ка мнѣ что-либо про свое здоровье; какъ себя чувствуешь? Жена моя тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
20-го ноября (1-го декабря) 1843 г.

Только что отправилъ къ тебѣ послѣднее мое письмо, какъ получилъ твое, любезный отецъ командиръ, отъ 13-го (25-го) числа. Признаюсь, проказы гишпанки, красавицы, меня очень позабавили; вотъ такъ дѣвка, жаль только, что полиціантъ поколотилъ, ибо изъ сего выдумаютъ новыя басни. Признайся однако, что она хороша и что съ нею можно-бъ было пріятно поговорить. Теперь сюда ее не пущу. Забавно, что и при этомъ друзья наши *безмозглые* не могли не напроказить; вездѣ и всегда духъ ихъ выказывается. Королю прусскому я строго писалъ про происходящее въ Познани, и въ особенности про Платера, прося, буде справедливо, что онъ тамъ, чтобъ велѣлъ его выслать. Но хуже этого мнѣ кажется происходящее нынѣ въ Венгріи; тамъ не на шутку дурно, и легко быть можетъ, что дойдетъ и до драки. Я рѣшился приступить къ постройкѣ крѣпости въ Жванцахъ, какъ въ наилучшемъ пунктѣ близъ австрійской и турецкой границъ. Проектъ дѣлаютъ предварительный, я видѣлъ и апробовалъ; построеніе поручу Дену; будетъ хорошая крѣпость и на выгодномъ мѣстѣ, для обезпеченія нашего лѣваго фланга. Новаго ничего нѣтъ. На Кавказѣ притихло. Изъ-за границы тоже новаго нѣтъ. Жена тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ,—не она ли подучила гишпанку разругать Абрамовича? Обнимаю тебя душевно.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
13-го (25-го) декабря 1843 г.

Благодарю тебя искренно, любезный мой отецъ командиръ, за письмо и за поздравленіе со днемъ моего ангела. Сердечно радуюсь, что ты себя лучше чувствуешь, но желалъ бы, чтобъ

припадки твоего недуга не такъ часто повторялись. Проектъ раздѣленія Царства на 5 губерній я вполнѣ принимаю и предоставляю приступить къ исполненію. Современемъ предполагаю Августовскую губернію раздѣлить пополамъ, и часть присоединить къ Ковенской, а другую часть къ бывшей Бѣлостоцкой области, но современемъ. Въ губерніяхъ, кои составятся нынѣ изъ еле двухъ, надо будетъ гербы соединить пополамъ. Хотя сначала издержки немногимъ уменьшатся, но впредь составитъ разность и уменьшитъ число чиновниковъ. Новыя губерніи надо будетъ переименовать въ Варшавскую и въ Люблинскую. Свѣдѣнія Гольтмана не безъ любопытства; видимо есть какая-то работа противъ насъ, источникъ искать надо въ вѣчной революціонной пропагандѣ, вездѣ существующей, и которая въ насъ однихъ видитъ порогъ, объ который оступается, потому и ищетъ сломить его. Бороться съ ней наша участь навсегда. Съ Кавказа новаго ничего хорошаго тебѣ повѣстить не могу. Г. Гурко все въ Темирханшуры, и по слабости своихъ силъ долженъ ограничиваться одной обороной. Отрядъ, бывшій въ Аваріи, изъ нея вышелъ благополучно, но не можетъ выйти изъ З . . .*), ибо всѣ дефиле вокругъ сильно заняты. Между тѣмъ отдѣльные посты наши, кромѣ Чиркея, всѣ пали, и даже Низовое укрѣпленіе, послѣ славной защиты нами брошены и запасы тамъ сложенные сожжены. Теперь сбирается отрядъ въ 5 тыс. человѣкъ, который подъ командой г. Фрейтага, офицера способнаго, долженъ былъ выступить 10-го (22-го) декабря, на выручку Темирханшуры и Аварскаго отряда. Большая Кабарда спокойна и проситъ прислать сюда депутатовъ благодарить за пожалованное знамя. На Черноморскомъ берегу тоже спокойно, и убыхи просятъ послать *на нашемъ* суднѣ съ нашимъ офицеромъ *при немъ* депутатовъ къ султану спросить его, точно ли онъ отъ нихъ

---

*) Неразобранное слово.

отказался? Я на сіе согласился и жду только отвѣта султана. Усилить число штуцеровъ въ войскахъ на Кавказѣ я совершенно согласенъ. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Проектъ церкви въ Лазенкахъ я одобряю, кромѣ нѣкоторыхъ перемѣнъ; Волконскій тебѣ пришлетъ, когда будетъ готово. Жена тебѣ кланяется, а я душевно тебя обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

№ 53.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1844 годъ.

(10 писемъ.)

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) генваря 1844 г.

Поздравляю тебя, мой любезный отецъ командиръ, съ новымъ годомъ и благодарю за письмо отъ 3-го (15-го) числа. Дай Богъ, чтобъ сей годъ прошелъ тихо и безъ всякихъ потрясеній. Ежели-бъ не было постоянно противорѣчій въ дѣйствіяхъ короля прусскаго, такъ можно-бъ было радоваться послѣднимъ его мѣрамъ, вновь доказавшимъ, что онъ не хочетъ потакать либерализму; но это уже не впервое, а надо опасаться, что неожиданно опять будетъ что-либо, которое уничтожитъ всю пользу сего урока. Главная бѣда та, что исчезло *довѣріе*, какъ въ подданныхъ къ нему, такъ и во всѣхъ въ насъ, ибо никто не можетъ положиться на его постоянство. На Кавказѣ покуда притихло; послѣ удачнаго дѣла надъ Казачищами, Шамиль ушелъ въ горы. Войска дрались славно; а линейные казаки вновь показались молодцами, равно

и прочіе казаки. Я всегда намѣренъ былъ и есть усилить число ихъ, но на то не доставало земли на лѣвомъ флангѣ, которую теперь мы пріобрѣли. Впрочемъ, новаго ничего. Готовимся съ помощію Божіею къ свадьбамъ. На-дняхъ дѣлалъ смотръ гарнизону и былъ очень доволенъ. Когда воротится Туркуль, и какъ идетъ дѣло о законахъ?

Обнимаю тебя душевно, на вѣки тебѣ искренно доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) февраля 1844 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо отъ 30-го генваря. Вчера узналъ я отъ княгини, что ты опять страдаешь кашлемъ, и будто бы это коклюшъ; ради Бога берегись! Ты знаешь, дорогъ ли ты мнѣ и всей Россіи, грѣшно-бъ было тебѣ шутить своимъ здоровьемъ, а въ твои лѣта коклюшъ не легкая болѣзнь; настоятельно прошу тебя лечиться не какъ нибудь, но такъ, чтобъ дурныхъ послѣдствій не могло остаться. У насъ съ недѣлю холодъ нестерпимый и мятели; сегодня было 26°. По сегодняшнимъ донесеніямъ король шведскій все въ опасномъ положеніи; потеря его для насъ не равнодушна и по дурному духу въ Швеціи, и по слабости наслѣдника. Меттернихъ сообщилъ намъ весьма неблагопріятныя свѣдѣнія про готовящійся бунтъ въ Италіи; ожидаютъ высадки изъ Мальты и Корсики, съ намѣреніемъ атаковать Римъ и основать общую итальянскую республику. Эта каша, ежели заварится, не легко будетъ Австріи вновь разжевать. Тутъ вѣрно вмѣшается каналья L. Phylippe, да и Англія не останется зрительницей. Да при этомъ чуть не готовится ли что-то и въ Галиціи; тамъ открытъ заговоръ между офицерами

полка Бертольди, и разбирается; въ это дѣло замѣшались помѣщики и ксендзы; тѣмъ лучше, лишь бы разобрали строго. Въ Позенѣ ничего не найдутъ, ибо не умѣютъ; одно то хорошо, что по крайней мѣрѣ явно не будутъ полякамъ потакать какъ доселѣ. Съ Кавказа новаго ничего нѣтъ. Дерзость L. Phylippe начинаетъ выходить изъ мѣры, и кажется всѣмъ надоѣло, но никто не смѣетъ это выговорить; я его щелкнулъ по носу за дерзкія угрозы на случай пріѣзда къ намъ Бордо, и онъ тотчасъ на попятный дворъ, такъ надо. Здѣсь все тихо и хорошо; и слава Богу, дожили до покоя; я уморился отъ этой суетной жизни. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
6-го (18-го) марта 1844 г.

Противъ воли моей опоздалъ я отвѣтомъ на письмо твое, милый мой отецъ командиръ; непредвидимо столько накопилось вдругъ дѣла, что не было минуты приняться писать. Вполнѣ раздѣляю мнѣніе твое насчетъ происковъ L. Phylippe, хотя мало со мною соглашаются, ослѣпляясь его умомъ и безстыдной ловкостью; теперь Орловъ привезъ мнѣ новыя сему доказательства, ибо австрійское правительство достовѣрно знаетъ, что онъ ежегодно посылаетъ въ Римъ отъ 10 до 12 м. франковъ для подкупа въ пользу революціонныхъ правилъ, а я ничуть не сомнѣваюсь, что быть можетъ онъ-то и причиной недоброжелательства папы къ намъ и всѣхъ затрудненій, симъ порожденныхъ. Орловъ привезъ тоже доказательства, что фанатизмъ въ Вѣнѣ превосходитъ воображеніе; легко вообразить, къ чему это ведетъ. Потеря короля шведскаго для насъ чувствительна; очень желаю, чтобъ сынъ наслѣдовалъ отцовскія чувства къ Россіи и всегдашнее благорасположеніе. Посылаю

къ нему Макса, дабы убѣдить его не измѣнять добрыхъ нашихъ сношеній для обоюдной пользы и его спокойствія. Съ Кавказа покуда новаго ничего нѣтъ. Войскъ идетъ много, идутъ славно и бодро, и такъ способы даны; затѣмъ надо молить Бога, чтобъ г. Нейтгартъ и сподвижники его умѣли огромные сіи способы употребить съ пользою. Туркуля видѣлъ два раза; дѣло редукціи уже возвращено тебѣ утвержденнымъ; желалъ бы, чтобъ сводъ законовъ шелъ успѣшнѣе, крайне необходимо ускорить дѣломъ, польза котораго очевидна. Сынъ уѣхалъ. Новаго ничего нѣтъ; зима стоитъ туго, и снѣгу бездна. Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
28-го марта (9-го апрѣля) 1844 г.

Благодарю искренно, любезный мой отецъ командиръ, за два письма, отъ 5-го (17-го) и 22-го (3-го) чиселъ; я не успѣлъ никакъ отвѣчать тебѣ ранѣе, за множествомъ дѣлъ, нынѣ накопившихся. Свѣдѣнія изъ Галиціи любопытны, и дѣйствительно странно, что они тебѣ ранѣе о томъ не сообщали; полагаю не отъ стыда ли, что и войско замѣшано. Посвященіе архіерея я предпочитаю дѣлать *здѣсь*, ибо въ такихъ вещахъ я папѣ не уступлю, и, удовлетворивъ тому, что было справедливо въ его требованіяхъ, на прочее я не поддамся. Изъ Вѣны пишутъ, что въ Италіи духъ скверный; даже 2 сына австрійскаго адмирала Бандира, оба морскіе офицеры, бѣжали изъ двухъ разныхъ мѣстъ! Въ Венгріи продолжаетъ идти очень дурно, а ни въ чемъ правительство не успѣваетъ изъ всего, что предлагало сейму; къ этому еще примѣшались разныя затрудненія съ папой, такъ что, просто сказать, они не знаютъ, что и дѣлать! Хорошо! Въ Пруссіи какъ-то

притихло, по крайней мѣрѣ, до меня новаго ничего не доходило. Меня зовутъ въ Англію, и я-бъ охотно поѣхалъ, ежели-бъ нашелъ способъ, какъ это исполнить, но право покуда не придумаю. На Кавказѣ покуда еще особеннаго ничего нѣтъ. Войска подходятъ и частію уже дошли. Получено извѣстіе о хорошемъ дѣлѣ к. Аргутинскаго, разбившаго большое скопище между Казыкумыкомъ и Дербентомъ. Шуандъ мулла, начальникъ Чечни, убитъ своими, онъ былъ человѣкъ умный и ловкій, онъ разбилъ Граббе и отважностью своею былъ правая рука Шамиля. Здѣсь все тихо. Работы много, а времени мало, такъ что не знаю какъ справиться. Что ты мнѣ ничего не пишешь про здоровье свое, ты знаешь, сколько я о тебѣ безпокоюсь, пожалуй напиши. Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. На вѣки тебѣ искренно доброж.

Н.

Царское Село.
1-го (13-го) августа 1844 г.

Пораженный тѣмъ же тяжелымъ ударомъ, какъ и ты, любезный мой отецъ командиръ, солью мою невыразимую скорбь съ твоею, ибо чувствовалъ заранѣе и теперь вполнѣ ощущаю то, что и твое отцовское сердце терпитъ; на это словъ нѣтъ и кто прошелъ чрезъ подобное, можетъ только смиряться предъ Богомъ и говорить отъ глубины растерзаннаго сердца: да будетъ воля Твоя! Медлилъ я отвѣчать на первое твое письмо, потому что не могъ духомъ собраться все это время, чтобъ взяться за перо; почти 9 недѣль ожиданія того, что третьяго дня совершилось, такъ сокрушило мою душу, что я съ трудомъ исполнялъ часть только своихъ обязанностей, ибо все это время былъ занятъ другой—святою. Наконецъ, Богу угодно было прекратить страданія нашего ангела и призвать его къ себѣ! и мы, хотя съ сокрушеннымъ сердцемъ, благодаримъ Господа, ибо онъ ангелу далъ вѣрно ангельское мѣ-

сто. Теперь въ грусти одно утѣшеніе—молитва и служба; я займусь по прежнему всѣми обязанностями, и авось Богъ подкрѣпитъ насъ. Какія плачевныя вѣсти сообщилъ ты мнѣ! что за всеобщія пагубы! Несчастнымъ помочь должно немедля и во чтобъ ни стало. Я желаю, чтобъ имя покойной моей дочери было связано съ благодѣяніемъ для варшавскихъ бѣдныхъ, и велѣлъ Туркулю тебѣ о томъ донести. Необходимо употребить всѣ усилія, чтобъ исправить какъ наискорѣе поврежденія въ крѣпостяхъ, и придумать какъ впредь предотвратить, ибо нельзя ручаться, чтобъ не повторилось. Боюсь въ особенности за цитадельскую оборонительную казарму, ибо всегда находилъ расположеніе ея опаснымъ отъ обваловъ крутости. Нельзя быть довольно осторожну. Полагаю, что посадка сплошь до верху вѣрнѣе всего. Глупый выборъ варшавскихъ канониковъ вѣрно плодъ происковъ или страха; должно ли намъ согласиться, этотъ вопросъ не умѣю я рѣшить. Скверный духъ въ краѣ *долженъ* быть, но уступать ему *не должно*, и *не уступимъ*. Покуда покушеніе на короля прусскаго кажется не плодъ какого нибудь заговора или общества, но легко быть можетъ, что есть послѣдствіе разврата мыслей, болѣе и болѣе обладающаго умами, вслѣдствіе неслыханныхъ мерзостей, ежедневно появляющихся вездѣ. Въ этомъ родѣ гаже *les Mystères de Russie* ничего еще не читывалъ. Прочти. Войскъ здѣсь я почти не видалъ, ибо не могъ отлучиться; надѣюсь 7-го (19-го) и 8-го (20-го) чиселъ собраться съ силами и увидѣть хоть одно ученье и одинъ маневръ. Радуюсь, что 2-мъ корп. ты доволенъ, желаю, чтобы прочими было тоже. Теперь прощай, да подкрѣпитъ насъ Богъ на наши обязанности и да сохранитъ намъ милыхъ.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Про Кавказъ не пишу, начало было хорошо, но идетъ въ даль, что не хорошо.

Гатчина.
18-го (30-го) сентября 1844 г.

Вотъ уже три недѣли прошло, какъ получилъ я твое письмо отъ 26-го августа, любезный отецъ командиръ, а не могъ собраться тебѣ отвѣчать. Начну съ искренней благодарности за участіе въ нашемъ горѣ. Мы оба чувствуемъ одно. Покоримся смиренно волѣ Божіей. Съ удовольствіемъ узналъ я, что ты войсками былъ доволенъ, жалѣю, что въ нынѣшнемъ году не могъ ничего видѣть, авось въ будущемъ можно будетъ. Сегодня кончились два дня малыхъ маневровъ, которыми я былъ очень доволенъ; все шло въ большомъ порядкѣ, и съ знаніемъ дѣла. Но погода стоитъ скверная, то и дѣло что дожди. Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ; миръ французовъ съ Марокомъ на время исправилъ отношенія Франціи съ Англіею, удаливъ на время предлогъ къ разрыву; но довѣріе другъ къ другу исчезло совершенно, и миръ на волоскѣ; первый предлогъ достаточенъ будетъ къ войнѣ. Вотъ плоды мнимой дружбы. Германія крѣпко больна; дѣйствія короля прусскаго ее не излѣчатъ, и изъ всего этого, выведемъ одно заключеніе, *что намъ должно быть готовыми*. Дабы же быть готовыми, надо довершить внутреннее устройство и бдительно подавлять всякія попытки, даже отдаленныя, къ ниспроверженію законнаго порядка; съ этими людьми милосердію нѣтъ мѣста.

Тяжелый сей годъ лишилъ меня на-дняхъ моего вѣрнаго Бенкендорфа, котораго службу и дружбу 19 лѣтъ безотлучно при мнѣ не забуду и не замѣню, всѣ объ немъ жалѣютъ.

За симъ прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя душевно. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

Гатчина.
5-го (17-го) октября 1844 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 23-го сентября (7-го октября). Съ большимъ удовольствіемъ прочелъ я описаніе твоихъ смотровъ и маневровъ и весьма радъ, что ты всѣми тобой осмотрѣнными войсками остался доволенъ. Должно всѣми силами стараться поддерживать это состояніе и въ особенности утверждать нравственность войскъ, безъ которой, какъ оно красиво ни будетъ, не будетъ оно надежно; нельзя довольно за симъ смотрѣть. Дурной духъ въ Польшѣ меня не пугаетъ болѣе прошедшаго, ибо я столько же твердо устою въ рѣшимости *ни на волосъ* не отступать отъ принятыхъ правилъ, и чѣмъ они будутъ хуже, тѣмъ я буду строже и тѣмъ хуже для нихъ. Но ежели мы подадимъ малѣйшій видъ послабленія, отъ боязни *du qu'en dira-t-on?* то все рѣшительно пропадетъ. Потому ни въ твоемъ, ни въ моемъ характерѣ бояться ихъ; напротивъ, *мы* будемъ вмѣстѣ служить опорой правому дѣлу и надеждой для благомыслящихъ, сколько ихъ ни мало. Впрочемъ, во всемъ буде воля Божія! Надѣюсь, что наше дѣло законовъ пойдетъ нынѣ успѣшно, и нетерпѣливо жду, когда можно намъ будетъ привесть ихъ въ дѣйствіе, это необходимо. Жаль мнѣ очень, что столько повреждено въ Ново-Георгіевскѣ, и боюсь, чтобъ и впредь не повторялось отъ тѣхъ же причинъ, которыхъ устранить нельзя. На направленіе желѣзной дороги я совершенно согласенъ. Дурачество духовенства католическаго тоже *à l'ordre du jour*, но и мы въ этомъ имъ воли не дадимъ, хотя бы весь Римъ возсталъ; я его не боюсь и пойду своей стезей; они сами себя рушатъ. На-дняхъ дѣлалъ я маневры и былъ весьма доволенъ, хотя грязь насъ обижала; вообще (осень?) очень ранняя и дурная. Въ политикѣ новаго ничего не знаю, теперь L. Phylippe старался ладить по своему въ Лондонѣ, увидимъ въ чемъ онъ успѣетъ.

Жена моя тебѣ кланяется. Цѣлую ручки княгинѣ. Обнимаю тебя душевно. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Гатчина.
29-го октября (11-го ноября) 1844 г.

Донесеніе по телеграфу предшествовало твоему письму тремя днями, мой любезный отецъ командиръ. По скорости отвѣта моего и по смыслу его ты уже знаешь, *какъ* принялъ я вѣсть и *чѣмъ* полагаю платить за новыя козни. Всегда ожидавъ и ожидая отъ поляковъ подобныхъ затѣй, давно уже тебѣ говорилъ, что никогда не остановлюсь укрощать ихъ замыслы самою строгою и неумолимою справедливостью; дѣло идетъ о безопасности Имперіи, объ ихъ собственной тишинѣ; они хотятъ примѣръ, примѣры будутъ, сколь ни кричать будутъ иностранные журналы! Мудренаго въ сей новой попыткѣ не вижу, ибо, ожидавъ подобнаго отъ безмозглыхъ *всегда*, теперь, когда съ одной стороны слабость и безразсудность въ Пруссіи и фанатизмъ въ Австріи должны возжигать умы, весьма естественно, что и наши не устоятъ между сихъ двухъ побудителей! *Намъ* остается быть бдительными, справедливыми и неумолимо строгими, надо, чтобъ зло, ими готовимое, на нихъ же и разражалось. *Законы есть*; *есть сила*, а еще болѣе *есть постоянная твердая воля*. Вотъ тебѣ мое наставленіе. Въ описываемомъ событіи двѣ вещи мнѣ хороши, то, что помѣщикамъ угрожаетъ опасность, и что потому ихъ выгода быть съ нами заодно, а другая уже плодъ того, что *помѣщикъ* даетъ, и на *ксендза*; это славно! Какъ-то папа защититъ бунтовщика и убійцу? Перейдемъ къ другому. Нынѣшній годъ смѣна корпусамъ; 3-й долженъ смѣнить въ Польшѣ 2-й; при этомъ случаѣ, дабы возстановить боевой порядокъ, я намѣренъ 2-й корпусъ поставить на Литвѣ, какъ нынѣ стоитъ 3-й,

а 4-му корпусу велѣть смѣнить 1-й, съ тѣмъ, чтобъ сей последній помѣнялся съ нимъ квартирами. Такимъ образомъ, будутъ 2-й въ Литвѣ или на правомъ флангѣ, 3-й въ центрѣ или въ Польшѣ, а 4-й на лѣвомъ флангѣ; 1-й же въ резервѣ позади. Желая при томъ сообразить смѣну съ возможностью мнѣ осмотрѣть елико можно болѣе войскъ, предполагалъ бы я слѣдующаго 1-го мая ѣхать на Бобруйскъ въ Кіевъ; въ Бобруйскѣ осмотрѣть одну дивизію 4-го корпуса, потомъ въ Кіевѣ двѣ дивизіи 4-го корпуса; послѣ чего симъ дивизіямъ слѣдовать на смѣну 1-го корпуса, которому собраться къ 1-му августа въ Кіевѣ же и быть готову къ моему смотру къ 1-му сентября. Потомъ въ Брестѣ мнѣ осмотрѣть 10-го мая одну дивизію 3-го корпуса и 3-ю легкую дивизію; затѣмъ въ Варшавѣ весь 2-й корпусъ; потомъ въ Ковнѣ около 20-го мая что можно будетъ другой дивизіи 3-го корпуса, и наконецъ въ Дюнабургѣ ту дивизію 3-го корпуса, которая тамъ будетъ на работѣ. Смѣну 2-го корпуса 3-мъ дѣлать постепенно, такъ, чтобъ не останавливать работъ; и потому не разомъ всѣхъ дивизій вдругъ, но, напр., дивизію собранную въ Брестѣ и 3-ю легкую по смотрѣ вести въ Польшу, а изъ Варшавы, послѣ смотра моего, 2-ю легкую и одну пѣхотную дивизіи отправить на Литву; послѣ же смотра дивизіи въ Ковнѣ отправить ее въ Польшу; а дивизіи 2-го корпуса изъ-подъ Варшавы послать на Литву; наконецъ остальную дивизію 2-го корпуса послать назадъ уже тогда, когда дивизія 3-го корпуса изъ-подъ Дюнабурга освободится отъ работъ и пойдетъ въ Польшу. Осенью полагаю я ѣхать прямо въ Кіевъ смотрѣть 1-й корпусъ; но ежели-бъ легче было собрать его въ Елизаветградъ или Вознесенскъ по смѣнѣ 4-мъ корпусомъ, то было-бъ еще лучше, ибо я смотрѣть намѣренъ тамъ 2-й резерв. и свод. кавал. корпуса, что составило-бъ прекрасный сборъ войскъ при сильной кавалеріи, и на весьма удобномъ мѣстѣ, тогда бы 1-й корпусъ, послѣ смотра около 15-го сен-

тября могъ бы прямо слѣдовать на свои новыя квартиры. Послѣ этого смотра, намѣренъ я еще видѣть флотъ Черноморскій, а на обратномъ пути 1-й и 3-й резерв. кав. корпуса. Voilà ce que l'homme propose, Dieu disposera, но я старѣю, и мнѣ спѣшить надо смотрѣть все, что можно, доколь силы еще дозволяютъ. Здѣсь все тихо и хорошо. Живемъ въ уединеніи, что согласно съ нашимъ душевнымъ расположеніемъ! Смотрѣлъ вчера въ Царскомъ Селѣ образцовыя войска и былъ ими весьма доволенъ. На-дняхъ видѣлъ здѣсь партію польскихъ рекрутъ; кромѣ непомѣрнаго числа брошенныхъ дорогой больныхъ, въ одномъ здѣшнемъ лазаретѣ изъ 360 человѣкъ оставлено 32 челов. больныхъ гнилыми горячками, изъ коихъ 9 трудныхъ, а 2 бѣжали съ одной дневки въ Гатчинѣ. На выворотъ, потомъ смотрѣлъ партію польскихъ евреевъ; 150 челов. какъ пошли изъ Варшавы, такъ и пришли, ни одного ни больного, ни бѣглаго не имѣли съ самаго выступленія, глядятъ весело, живо, здорово, словомъ, молодцами, тогда какъ тѣ чуть живыми! Обрати на это вниманіе; по слухамъ, конвойные *маіоры* крѣпко шалятъ, ежели изоблачу, въ три дуги согну мошенниковъ, марающихъ мундиръ. Послалъ ф.-а. строго изслѣдовать.

Въ политикѣ новаго ничего нѣтъ. Жена моя тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Каковы Горчаковъ и Денъ? Доволенъ ли ты Коцебу?

С.-Петербургъ.
25-го ноября (7-го декабря) 1844 г.

Переѣздъ нашъ изъ Гатчины сюда и разныя необходимыя соображенія препятствовали мнѣ до сего дня тебѣ отвѣчать,

любезный мой отецъ командиръ, на письмо твое отъ 13-го (25-го) ноября. Буду отвѣчать по порядку. Сегодня только могъ я рѣшить объ порядкѣ смотровъ сего лѣта. Полагаю весной видѣть одну бригаду 4-го корпуса въ Бобруйскѣ, а весь корпусъ, кромѣ сей бригады, въ Кіевѣ. Потомъ, на дорогѣ въ Брестъ, смотрѣть 3-ю легкую кавал. дивизію. Въ Варшавѣ то, что къ тому времени показать мнѣ можешь, а на обратномъ пути въ Дюнабургѣ три полка 7-й дивизіи съ ея артиллеріею. Осенью же, примѣрно 5-го (17-го) сентября, весь 1-й корпусъ, 2-й резерв. кавал. и сводный кавал. въ Елизаветградѣ. Потомъ быть въ Николаевѣ и Севастополѣ; а на обратномъ пути, въ Чугуевѣ, смотрѣть 1-й резерв., а въ Воронежѣ драгунскій корпуса. Voilà ce que l'homme propose; Dieu décidera! Такимъ образомъ увижу все, что только могу успѣть осмотрѣть, и надѣюсь безъ лишняго отягощенія для войскъ. Весьма естественно, что весной войска не могутъ быть такъ наметаны какъ осенью, послѣ лагеря; но на то нуженъ только привычный глазъ; и я настоятельно прошу, чтобъ мой смотръ не былъ предлогомъ лишнихъ отягощеній непомѣрнымъ ученьемъ. Все касающееся расположенія умовъ въ Царствѣ меня не удивляетъ, я это всегда предвидѣлъ и объявилъ впередъ депутаціи, ежели припомнишь; не вѣривъ имъ никогда, не могу признавать себя обманутымъ. Но взираю на сіе какъ новое не только *право, но необходимость* усугубить осторожности, строгой справедливости и пріисканія всѣхъ возможныхъ мѣръ, чтобъ отнять всѣ способы намъ вредить. Весьма важно то, что болѣе и болѣе *революціонный* духъ фанатизма мнимо католическаго ослѣпляетъ этихъ дураковъ до того, что они *мнѣ* помогаютъ наложить на нихъ намордникъ; этотъ намордникъ, который *непремѣнно* на нихъ наложу, есть присоединеніе духовной дирекціи къ римско-католической коллегіи здѣсь; я на это имѣю и власть, и силою заставлю себя слушать; въ другой разъ тебѣ это объясню подробно, покуда *о семъ ни-*

кому ни слова. Что же касается до теперешнихъ открытій, желательно скорѣе кончить и сдѣлать примѣръ строгости. Банковыхъ плутовъ суди, какъ ты хотѣлъ. Здѣсь новаго ничего, тоже и въ политикѣ. Занимался все это время военной игрой; дрались съ Бергомъ, *и очень горячо*, это меня очень занимаетъ.

Жена моя тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
20-го декабря 1844 г. (1-го генваря 1845 г.).

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 13-го (25-го) декабря. Мнѣніе твое насчетъ неисправимаго сумасбродства поляковъ я раздѣляю въ полной мѣрѣ. Тогда, когда единство мѣръ противъ ихъ замысловъ могло-бъ быть соблюдаемо, не только у насъ, но въ Австріи и Пруссіи, тогда можно было надѣяться, что время излечило бы ихъ отъ тщетныхъ покушеній, и чрезъ сто лѣтъ могли-бъ они начинать перерождаться; но когда вмѣсто того видимъ мы совершенно противоположную систему съ ними въ Пруссіи, а въ Австріи все покоряется прегосподствованію католическаго фанатизма, предъ которымъ все молчитъ, все уступаетъ; тогда остается намъ одна горькая юдоль—*бороться* и силой удерживать покой и покорность; тогда должно намъ истреблять постоянно все, что намъ вредно и опасно быть можетъ,—самая тяжелая и непріятная обязанность, но обязанность святая предъ нашимъ отечествомъ, драгоцѣнной кровью два раза покорившимъ Польшу. Не могу довольно повторить тебѣ, что при *строжайшемъ правосудіи* надо непоколебимо идти *впередъ* къ цѣли, истреблять всѣ способы намъ вредить. Во главѣ всего враждебнаго намъ ставлю духовенство и воспитаніе;

первое должно сдѣлать послушнымъ вопреки всѣхъ препятствій, и я требую сего непремѣнно и постоянно; второе начато, должно продолжать и все болѣе утверждать на избранной стезѣ, и время увѣнчаетъ наши труды. Ни *мнѣніе*, *ни угрозы*, *ни ругательства* иностранныя не могутъ и не должны насъ пугать, съ нами Богъ и никто же на Ны, и съ твердымъ духомъ будемъ стоять за наше правое дѣло съ полной надеждой на Божію помощь. Слѣдствіе предоставь законному теченію и бери къ отвѣту *всѣхъ* виновныхъ, пощады быть не можетъ въ подобныхъ замыслахъ. Я былъ третьяго дня въ прекрасно устроенной римско-католической духовной академіи, ректоръ очень хорошъ, и говорилъ мнѣ съ ужасомъ про духъ духовенства въ Царствѣ, про дурное вліяніе, которое старались здѣсь пріобрѣсть пріѣзжавшіе епископы, и просилъ меня настоятельно не присылать въ академію учениковъ изъ Царства, не ручаясь за послѣдствія, ежели придутъ въ сообщеніе съ его учениками, которыми покуда доволенъ. Однако надо будетъ подумать, какъ сему помочь, ибо пора подумать о будущемъ духовенствѣ Царства и приготовить его такимъ, какимъ намъ надо. Жаль очень Войеховскаго, но еще гораздо болѣе мнѣ жаль Горчакова! Неужели онъ такъ худъ, что нѣтъ надежды его сохранить. Эта потеря была-бъ самая чувствительная! Ей-ей не понимаю, что дѣлается въ Пруссіи, тутъ таится что-то весьма неясное и врядъ ли хорошее.

Жена моя тебѣ кланяется, равно какъ и княгинѣ, я ей ручки цѣлую, а тебя душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Арх. канц. варш. генер.-губ.

№ 54.

Представленіе по дѣлу открытаго въ 1844 году между нѣкоторыми молодыми людьми въ Варшавѣ заговора, насчетъ взятія Александровской цитадели, нападенія на замокъ для умерщвленія Его Свѣтлости и вырѣзанія всѣхъ войскъ въ Варшавѣ.

№ 146.
14-го (26-го) іюня 1844 г.
Варшава.

Князю намѣстнику

слѣдственной коммисіи

РАПОРТЪ.

Занимавшійся въ одной изъ здѣшнихъ литографій Александръ Галецкій, въ февралѣ мѣсяцѣ сего года, донесъ варшавскому оберъ-полицеймейстеру: что въ Царствѣ Польскомъ существуетъ будто бы заговоръ, къ которому принадлежитъ 3,000 человѣкъ въ разныхъ мѣстахъ, что цѣль этого заговора заключается въ томъ: чтобы взять варшавскую Александровскую цитадель, напасть на замокъ для умерщвленія Вашей Свѣтлости и вырѣзать всѣ войска въ Варшавѣ, и что оружіе заговорщики будутъ имѣть изъ Позена.

Вашей Свѣтлости благоугодно было: донесеніе объ этомъ варшавскаго оберъ-полицеймейстера, а равно снятый имъ по сему же предмету протоколъ со служащаго въ здѣшней полиціи Непомуцена Цыгановскаго, подтверждающій донесеніе Галецкаго, препроводить въ копіяхъ въ слѣдственную коммисію и предписать ей отъ 22-го февраля (5-го марта) сего года за № 167 приступить къ немедленному розысканію дѣла, по которому вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было аресто-

вать и передать для допросовъ въ коммисiю, знающихъ о заговорѣ, по указанiю Галецкаго: апликантовъ мазовецкаго губернскаго правленiя Аполинарiя Равицкаго и Матвѣя Гралевскаго, апликанта управленiя путей сообщенiя Iосифа Лоевскаго, бывшаго ученика гимназiи на Лешной улицѣ Ѳомы Вернера и вышеозначенныхъ Александра Галецкаго и Непомуцена Цыгановскаго.

Изъ допросовъ въ коммисiи поименованныхъ лицъ открылось:

1) что Иванъ Крживицкiй, находясь уже разъ подъ военнымъ судомъ за принадлежность къ демократическому обществу и будучи наказанъ годовымъ заключенiемъ въ казематѣ крѣпости Замостье, вошелъ вновь въ связи съ злонамѣренными людьми, привезъ въ Варшаву разныя возмутительныя сочиненiя, полученныя имъ отъ Чарновскаго съ прусской границы, продалъ Людовику Липскому, коему привезъ также отъ укрывающагося отъ поисковъ правительства Феликса Венгерскаго записочку, возбуждающую къ вреднымъ дѣйствiямъ, и какъ самъ читалъ такъ и другимъ давалъ читать подобнаго рода книги;

2) что Людовикъ Липскiй съ цѣлью распространять демократическiя правила, объясняя ихъ Вернеру, читалъ и раздавалъ читать другимъ книги въ томъ духѣ, для чего и купилъ за 80 злотыхъ значительное количество оныхъ Ивана Крживицкаго;

3) что Ѳома Вернеръ читалъ самъ и раздавалъ читать другимъ запрещенныя книги, для возбужденiя противъ правительства; доказывалъ возможность возстанiя и искалъ знакомства съ ремесленниками, чтобы наклонять ихъ къ участiю въ мятежѣ при первомъ возможномъ случаѣ;

4) что Iосифъ Лоевскiй разсуждалъ о демокрацiи; зналъ о замыслахъ Вернера, читалъ съ нимъ запрещенныя книги; доказывалъ, что на случай возстанiя необходимо лишить

жизни главнокомандующаго россійскими войсками, ходилъ въ танцовальныя залы, дабы, познакомившись съ ремесленниками, при случаѣ вовлекать ихъ въ намѣренія, о коихъ они мечтали съ Вернеромъ;

5) что Аполинарій Равицкій разсуждалъ о демокраціи; зналъ о замыслахъ Вернера; читалъ приносимыя имъ запрещенныя книги и ходилъ въ танцовальныя залы съ такою же цѣлью—знакомиться съ ремесленниками;

6) что Матвѣй Гралевскій зналъ о замыслахъ Вернера; старался познакомить его съ ремесленниками; приводилъ къ нему для той же цѣли подмастерья Томашевскаго, коему прежде читалъ возмутительное сочиненіе подъ заглавіемъ: «Бесѣда Бартоса», и бывалъ въ танцовальныхъ залахъ, посѣщаемыхъ ремесленниками, но при разговорѣ о лишеніи жизни Вашей Свѣтлости утверждалъ, что этого дѣлать отнюдь не слѣдуетъ, ежели и удалось бы арестовать;

7) что Станиславъ Томашевскій бывалъ у Гралевскаго и Вернера, слушалъ читанныя имъ возмутительныя сочиненія; зналъ о замыслахъ Вернера и намѣреніи его познакомиться съ ремесленниками съ вышеизъясненною цѣлью; обѣщалъ содѣйствовать ему въ этомъ и принести отъ товарища своего Мерша книги объ освобожденіи Америки; пересказалъ потомъ все это Мершу, а наконецъ говорилъ объ этомъ и другимъ товарищамъ своимъ: подмастерьямъ Ржонцу, Глембовскому и Левковичу, хотя они и не хотѣли слушать его;

8) что Антоній Дрылевичъ читалъ запрещенныя книги, давалъ оныя читать другимъ, и въ бытность свою за границею купилъ тамъ нѣсколько изъ таковыхъ по порученію Феофила Любовидскаго (бѣжавшаго за границу), которыя, какъ самъ показываетъ, Любовидскій увезъ съ собою въ деревню, чтобы давать ихъ читать своимъ пріятелямъ;

9) что Антоній Габасевичъ зналъ, что Лоевскій и Равицкій читаютъ запрещенныя книги; что таковыми снабжаетъ ихъ

Вернеръ; самъ читалъ нѣкоторыя изъ нихъ; находился у Лоевскаго при разговорѣ о возможности взять цитадель и зналъ отъ Равицкаго о замыслахъ ихъ;

10) что Игнатій Завадскій слушалъ демократическія разсужденія Лоевскаго; зналъ, что Лоевскій и товарищи получаютъ отъ Вернера запрещенныя книги; находился при чтеніи оныхъ и ходилъ съ Гралевскимъ въ танцовальный залъ, посѣщаемый ремесленниками;

11) что Непомуценъ Цыгановскій слушалъ разговоры Вернера, Лоевскаго и другихъ о возможности возстанія и взятіи цитадели, находился при чтеніи ими нѣкоторыхъ запрещенныхъ книгъ и открылъ предъ ними въ полиціи, что въ оной получено предписаніе о задержаніи 3 эмигрантовъ, имѣвшихъ прибыть сюда подъ чужими именами изъ Швейцаріи;

12) что Константинъ Сѣцинскій читалъ запрещенныя книги, получаемыя имъ отъ Феофила Любовидскаго и Людвика Липскаго, и давалъ читать нѣкоторымъ изъ нихъ Вернеру, и Дрылевичу; но при разговорѣ о взятіи цитадели и проч. не бывалъ и чтобы зналъ о замыслахъ Вернера никто на него не показываетъ;

13) что Болеславъ Мацѣевскій слыхалъ разсужденія Вернера о возможности возстанія; бывалъ при чтеніи имъ нѣкоторыхъ запрещенныхъ книгъ; имѣлъ отъ него одну изъ таковыхъ и не отказался отъ складки на подобныя книги, но при разговорахъ не былъ;

14) что Леопольдъ Хахульскій слушалъ разсужденія Вернера, зналъ о намѣреніи и цѣли его познакомиться съ ремесленниками; ходилъ съ нимъ въ танцовальныя залы, посѣщаемыя послѣдними; зналъ также, что Лоевскій и Равицкій читаютъ получаемыя ими отъ Вернера запрещенныя книги и бывалъ самъ при чтеніи таковыхъ;

15) что Феликсъ Михайловскій зналъ, что Вернеръ раздаетъ молодымъ людямъ читать запрещенныя книги; имѣлъ

самъ отъ него одну изъ таковыхъ; читалъ и переписывалъ нѣкоторую часть ея для Лоевскаго; слышалъ, какъ Вернеръ говорилъ о возможности взять цитадель и слыхалъ отъ Гралевскаго о замыслахъ ихъ;

16) что Максимиліанъ Боруцкій былъ при чтеніи Лоевскимъ книги объ эмисарахъ: Дзѣвицкомъ, Завишѣ, Воловичѣ и Конарскомъ;

17) что Александръ Галецкій обвиняется Лоевскимъ, Равицкимъ и Гралевскимъ въ возмутительныхъ разговорахъ противъ правительства и въ участіи съ ними въ чтеніи запрещенныхъ книгъ; но онъ донесъ объ этомъ правительству

и 18) что Ипполитъ Ржонца, Игнатій Глембовскій и Антонъ Левковичъ слыхали отъ Томашевскаго о замыслахъ Вернера и не донесли о томъ.

По тщательнѣйшемъ соображеніи вины каждаго изъ вышепоименованныхъ лицъ, коммисія полагала бы: Ивана Кржицкаго предать военному суду. Людвика Липскаго, Ѳому Вернера, Іосифа Лоевскаго, Аполинарія Равицкаго, Матвѣя Гралевскаго, Станислава Томашевскаго, Антонія Дрылевича, Антонія Габасевича и Игнатія Завадскаго: отдать въ военную службу въ зачетъ набора по конскрипціи, каждаго по той гминѣ или мѣсту, гдѣ кто изъ нихъ записанъ, съ назначеніемъ изъ нихъ: Липскаго, Вернера и Лоевскаго, какъ болѣе виновныхъ, въ отдаленный кавказскій корпусъ.

Непомуцена Цыгановскаго, поелику онъ негоденъ въ военную службу по слабости комплексіи и болѣзни въ ногахъ, исключивъ изъ полиціи, выдержать въ крѣпости Замостьѣ шесть мѣсяцевъ, ни въ какую гражданскую службу впредь не опредѣлять, и дабы онъ состоялъ подъ надзоромъ мѣстной полиціи.

Константина Сѣцинскаго и Болеслава Мацѣевскаго: опредѣлить въ военную службу, на правѣ, какое имъ служитъ по ихъ происхожденію.

Леопольда Хохульскаго: во вниманіе къ весьма молодымъ его лѣтамъ, и что онъ выѣхалъ къ родителямъ для избѣжанія товарищества съ вовлекшими его въ преступленіе; а Феликса Михайловскаго, какъ слабаго здоровьемъ, вмѣнивъ имъ въ наказаніе выдержанный арестъ въ цитадели и пригласивъ родителей ихъ, дабы они виновныхъ дѣтей своихъ наказали въ мѣстахъ ареста, уволить ихъ изъ-подъ онаго и подвергнуть ихъ надзору полиціи.

Максимиліана Боруцкаго: вмѣнивъ ему въ наказаніе выдержанный арестъ, уволить изъ онаго и обратить на службу въ мазовецкое губернское правленіе, съ тѣмъ, чтобы начальство имѣло его на особомъ замѣчаніи.

Галецкій самъ проситъ объ опредѣленіи его въ военную службу, о которомъ коммисія имѣетъ честь представить на благоусмотрѣніе Вашей Свѣтлости.

Мастеровыхъ: Ипполита Ржонца, Игнатія Глембовскаго и Антонія Левковича: наказать въ полиціи каждаго 16 розгами, если не воспрепятствуетъ тому здоровье кого-либо изъ нихъ, и послѣдняго, т. е. Левковича, какъ уроженца краковскаго округа, выслать за границу.

Мнѣніе сіе коммисія, предавъ на благоусмотрѣніе Вашей Свѣтлости, имѣетъ честь почтительнѣйше представить и протоколы показаній поименованныхъ лицъ съ русскими переводами на 313 листахъ, о лицахъ же, заключающихся во второй категоріи, она будетъ имѣть честь представить въ особомъ рапортѣ, по совершенномъ окончаніи дѣла объ нихъ.

№ 55.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1845 годъ.

(10 писемъ.)

25-го генваря 1845 г.

С.-Петербургъ.
30-го генваря (12-го февраля) 1845 г.

Хотя полагаю, что ты уже въ дорогѣ, мой любезный отецъ командиръ, но пишу тебѣ въ отвѣтъ на письмо твое отъ 16-го (28-го) генваря. Ты знаешь уже, что за несчастіе вновь насъ постигло! непостижима воля Божія, а предъ ней должно намъ смиряться, но тяжело остающимся!—По пріѣздѣ твоемъ переговоримъ о многомъ, намъ угрожающемъ; политическій горизонтъ болѣе и болѣе чернѣетъ; и намъ должно готовиться на упорный бой, ежели не физическій, то на моральный, съ которымъ можетъ быть еще труднѣе бороться. Потому надо намъ усугубить усилій отстранить все, что у насъ намъ угрожаетъ опасности, и устроить все такъ, чтобъ въ этомъ хотя быть съ свободными руками. Мнимая папская булла—скорѣе счастливое появленіе, потому что многимъ от-

кроетъ глаза, и разувѣритъ на счетъ мнимаго католическаго усердія, служащаго одной маской чисто революціоннымъ замысламъ; и потому ежели уступать намъ въ справедливыхъ нашихъ намѣреніяхъ устранить все опасное, опасеніемъ раздражать или пугать католиковъ, мы сами имъ служить будемъ, т. е. революціонному духу. Настало время, повторяю, гдѣ слѣдуетъ намъ поступать рѣшительно, довершая не довершенное и становясь твердой ногой тамъ, гдѣ мы покуда еще живемъ пришельцами; вотъ будетъ предметъ нашихъ занятій. Прочее при свиданіи.

Обнимая тебя душевно; на вѣки тебѣ доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

8-го августа 1845 г. Г. С.-Петербургъ.

С.-Петербургъ.
6-го (18-го) апрѣля 1845 г.

Вчера получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, и благодарю какъ за оное, такъ и сообщаемыя свѣдѣнія. Покуда меня наиболѣе сокрушаетъ опасность голода; боюсь, чтобъ не было достаточно принятыхъ мѣръ, дабы отвратить угрожающую гибель; надо все возможное дѣлать, чтобъ помочь злу, хотя и съ пожертвованіями. Свѣдѣнія, которыя сообщилъ тебѣ Ридигеръ, столь согласны съ собственными моими убѣжденіями, что мнѣ не мудрено дать имъ вѣру; я всегда былъ мнѣнія того, что нѣтъ ни благодарности, ни, еще менѣе, вѣрности въ этихъ людяхъ; одинъ страхъ и убѣжденіе потерять все, послѣднее, что осталось, ихъ еще удерживаетъ. Доколь мы сильны, не однимъ числомъ войскъ, но неумолимыми мѣрами сближенія съ Россіей, лишеніемъ ихъ всѣхъ особенностей, составляющихъ остатокъ ихъ мнимой народности, дотоль мы будемъ имѣть

верхъ, хотя современемъ и при постоянной настойчивости. Но лишь только мы ослабнемъ, или въ мѣрахъ сихъ, или вдадимся въ довѣрчивость къ нимъ, все пропадетъ, и гибель неминуема! Пруссаки дѣлаютъ свое, ругая насъ на пропалую; и я увѣренъ былъ, что, ежели король не удовлетворитъ ихъ общему желанію, то непремѣнно припишутъ это моему вліянію и увѣщаніямъ. Это мнѣніе мнѣ похвальный листъ, ибо доказываетъ, что мой образъ (мыслей) нигдѣ не подверженъ со мнѣнію. Но про это мнѣ изъ Берлина ничего не пишутъ; кажется какъ будто притихло покуда.

Приказалъ Чернышеву тебѣ предложить 4-й корпусъ за поздней весной въ лагерь не вводить, покуда не высохнетъ, но поставить на тѣсныя квартиры. Притомъ велѣлъ дать лишнюю мясную и винную порцію, желаю, чтобъ хоть этимъ предупредить болѣзненность.

Здѣсь новаго ничего. Съ Кавказа тоже, кромѣ что Акуша усмирилась. Сегодня простился съ сыномъ твоимъ.

У насъ зима сошла; все сохнетъ, но Нева стоитъ твердо. Жена моя тебѣ кланяется; а я цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Александрія близъ Петергофа.
7-го іюня 1845 г.

Восемь дней, какъ я воротился, любезный мой отецъ командиръ, и сегодня только могу тебѣ писать. Начну съ моей душевной благодарности и признательности за отличное состояніе всего, что тебѣ подвѣдомо. К. Горчаковъ тебѣ уже донесъ, въ какомъ отличномъ состояніи я нашелъ 4-й корпусъ; я смѣло скажу, что не только что онъ хорошъ, но что я полагаю, не лучшій ли онъ изъ четырехъ корпусовъ арміи. Ежели взять во вниманіе съ какими препятствіями бороться подлежало, чтобъ представиться столь отлично, то нельзя

не отдать полной справедливости какъ г. Чеадаеву, такъ и всѣмъ его помощникамъ; одно усердіе могло представить подобное. По возвращеніи сюда новаго ничего не нашелъ, кромѣ нестерпимаго холода; сегодня первый день, что вѣтра нѣтъ и что солнце грѣетъ. Съ Кавказа ничего, только пишетъ Воронцовъ, что все готово и что колоннамъ дано повелѣніе трогаться. Будущая почта вѣроятно привезетъ донесеніе, что онъ вступилъ въ горы. Напиши мнѣ, каковъ ты и началъ ли лечиться? Жену нашелъ я почти какъ оставилъ; біеніе сердца не прекращается, и холодъ ей не въ пользу. Больныхъ здѣсь тьма, и въ простомъ народѣ горячки. На будущей недѣлѣ начинаются маневры, могутъ быть любопытны.

Жена моя тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ и обнимаю тебя душевно. Навѣки твой искренно доброж.

Н.

Проѣзжая чрезъ Гомель, на станціи между Добрянки и Песочной Буды, нашелъ я болѣе 200 нищихъ, калѣкъ, старухъ и дѣтей; жалуются, что арендаторъ не кормитъ и что худо жить; главнаго, Баранова, я не видѣлъ, но велѣлъ ему сказать, чтобъ ѣхалъ на мѣсто и привелъ въ порядокъ, и что тебя увѣдомлю о непростительной безпечности и безпорядкѣ, и жалобахъ на управленіе; ибо знаю, сколь противно твоимъ намѣреніямъ. Обрати на это вниманіе.

Александрія близъ Петергофа.
24-го іюня (5-го іюля) 1845 г.

Благодарю тебя, любезный мой отецъ командиръ, за письмо твое отъ 14-го (26-го) іюня числа. Я промедлилъ отвѣтомъ потому, что дѣла было много все это время. Причина, что министръ Арнимъ тебѣ не отвѣчалъ, вѣроятно та, что онъ

просилъ въ то уже время увольненія отъ должности и сегодня я узналъ, что король его уволилъ, и такъ и еще однимъ честнымъ человѣкомъ менѣе при королѣ. Что послѣ того ожидать! Король въ проѣздъ свой чрезъ Кенигсбергъ говорилъ весьма сильно и прекрасно городскимъ депутатамъ, выговаривая имъ за скверный духъ, тамъ явно господствующій; что же вышло? они же ему адресъ написали, что они *милости* его себѣ не просятъ, ибо она имъ не нужна, но требуютъ его *справедливости*, ибо не признаютъ себя виновными! Каково? Хорошо бы королю ихъ посадить въ Пилау, а гарнизону велѣть при первомъ движеніи въ городѣ отвѣчать картечью; тогда бы *все* кончилось разомъ, но онъ на это, думаю, никогда не рѣшится. Котовскаго весьма жаль. Епископовъ я еще не видалъ. Томашевскому велѣно присутствовать въ коллегіи, онъ принялъ съ покорностію, но говоритъ, что папа его отрѣшитъ отъ епископства; посмотримъ. Покуда велѣлъ я Перовскому предложить тебѣ переименовать коммисію духовную въ Варшавѣ во 2-й департаментъ римской духовной коллегіи, а здѣшній назвать 1-мъ департаментомъ, оставя въ прочемъ весь нынѣшній въ обоихъ порядокъ дѣлъ и подчиненія. Кажется мнѣ мысль хорошая и устраняетъ всѣ затрудненія. Съ Кавказа покуда еще ничего особеннаго нѣтъ. Шварцъ имѣлъ весьма хорошее дѣло со стороны Кахетіи. Вліяніе Шамиля распространяется и на черкесъ праваго фланга, которые вновь въ сильномъ волненіи. Годъ рѣшительный и пора положить этому конецъ прочный. Здѣсь все тихо; однѣ губерніи, пораженныя неурожаемъ, меня заботятъ; что-то у тебя?

Цѣлую ручки княгинѣ; жена моя тебѣ кланяется; теплая погода наконецъ благопріятствуетъ ея леченію. Обнимаю тебя душевно и поздравляю со днемъ твоего Ангела.

Твой навѣки искренно доброж.

Н.

Палермо.
18-го (30-го) октября 1845 г.

Благодарю, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 3-го (15-го); дай Богъ, чтобъ нужда, тобой описываемая, могла нѣсколько облегчиться принятыми мѣрами. Переводъ войскъ, какъ ты предлагаешь, я принимаю. Здѣсь насъ вездѣ принимаютъ какъ нельзя лучше; и въ народѣ, и въ публикѣ, и въ королевскихъ семействахъ. Видѣлъ въ Миланѣ Австрійскій гарнизонъ, весьма порядочный; въ Генуѣ кадры, по 120 человѣкъ съ офицерами, но бат. Сардинскіе весьма посредственные; и вчера здѣшній гарнизонъ очень порядочный *по наружности*. Впрочемъ, ничего не знаю; здѣсь такая глушь, что ничего не слыхать. Обнимаю отъ души.

Н.

Женѣ моей нѣсколько лучше, тебѣ кланяется.

Дай знать по телеграфу, что здѣсь все благополучно и женѣ моей.

Палермо.
25-го октября (7-го ноября) 1845 г.

Письмо твое отъ 10-го (22-го) получилъ я, мой любезный отецъ командиръ. Рѣчь короля прусскаго была мнѣ извѣстна, но новая дерзость магистрата только что до насъ дошла; легко предвидѣть, къ чему подобное ведетъ, никто въ семъ не обманывается; *одинъ* король хочетъ быть въ заблужденіи! Ты хорошо сдѣлалъ, что писалъ въ Берлинъ насчетъ дерзости журналовъ, хотя увѣренъ я, что все даромъ, потому что тамъ все такъ идетъ. Новая канальская выдумка поляковъ о монахиняхъ произвела въ Римѣ желаемое ими дѣйствіе; баба, которую они нарядили въ сію должность, тамъ, и ей дѣлается формальный допросъ. Мы никогда не спасемся отъ подобныхъ

выходокъ, ибо нынѣ иначе не воюютъ, *какъ ложью*. Здѣсь покуда все тихо и хорошо. Принимаютъ насъ во всѣхъ сословіяхъ какъ нельзя лучше, и простой народъ привѣтливъ до крайности.

Женѣ моей немного лучше, она тебѣ кланяется, а я сердечно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Палермо.
1-го (13-го) ноября 1845 г.

Письмо твое отъ 18-го (30-го) получилъ я третьяго дня, любезный мой отецъ командиръ, и я крайне удивился, увидѣвъ изъ онаго, что ты въ опасеніи насчетъ недостатка въ продовольствіи для 2-го корпуса; не понимаю, какъ сіе можетъ быть, ежели должный шестимѣсячный запасъ на лицо, гдѣ быть долженъ, и когда мнѣ извѣстно, что должны быть запасные склады? Недостатокъ въ продовольствіи доказалъ бы непростительную безпечность генералъ-интенданта, которая его подвергла бы строжайшей отвѣтственности. Прошу тебя, растолкуй мнѣ это, и ради Бога, возьми всевозможныя мѣры, чтобъ до войска доходило то, что ему слѣдуетъ. Записку агента читалъ. Покуда еще немного намъ открылъ, надо требовать отъ него яснѣйшихъ показаній, которыя тогда быть могутъ очень важны. Здѣсь все попрежнему. Женѣ моей лучше, погода стоитъ, какъ у насъ жаркій іюль! Обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Палермо.
15-го (27-го) ноября 1845 г.

Съ послѣднимъ фельдъегеремъ не успѣлъ я тебѣ писать, мой любезный отецъ командиръ, ибо пароходъ опоздалъ при-

ходомъ за бурей, такъ что съ трудомъ могъ къ отходу его отвѣчать въ Петербургъ. Грабовскаго жаль, какъ добраго человѣка, но, признаюсь, немного его уважалъ, помня прежнюю его роль. Что сдѣлалось въ Архангелогородскомъ полку? Полкъ былъ хорошъ весной; жаль, что Потуловъ такъ себя уронилъ, но ничто ему, ежели виноватъ до такой степени, за это отвѣчать должны и бригадный, и дивизіонный начальники; гдѣ же у нихъ были глаза? Буду ждать, что открылось по новому заговору, и кто замѣшанъ и взятъ? Безпокоитъ меня продовольствіе арміи. Ради Бога не допусти недостатка въ продовольствіи, было-бъ непростительно! Отсюда ничего новаго не имѣю сказать. Благодареніе Богу, здоровье жены помаленьку лучше; морскія теплыя ванны ей кажется приносятъ пользу. Погода славная, только два дня была жестокая буря, но еще ни разу менѣе 10° тепла. Полагаю выѣхать 22-го (4-го) числа, пробыть 4 дня въ Неаполѣ, 5 въ Римѣ, 2 во Флоренціи, 2 въ Венеціи, 2 въ Вѣнѣ, и быть у тебя въ Варшавѣ 24-го декабря (5-го генваря). Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. На вѣки искренно тебѣ доброж.

Н.

Палермо.
23-го ноября (5-го декабря) 1845 г.

Полагалъ тебѣ отвѣчать, любезный отецъ командиръ, изъ Неаполя, но вчера вечеромъ была здѣсь такая сильная буря, что я рѣшился обождать до сегодня, между тѣмъ, чтобъ бумагъ не задерживать, отправляю фельдъегера. Столько разъ пруссаки принимались за дѣло и опять бросали, что я и сей разъ плохо вѣрю, чтобъ привело къ лучшему концу. Нашихъ, которые въ дѣлѣ у нихъ будутъ замѣшаны, не требовать назадъ, но ежели будутъ намъ высланы, то судить военнымъ судомъ, какъ всегда дѣлаемъ. Нужда въ Польшѣ и Литвѣ меня крайне печалитъ; да ежели-бъ канальи были готовы,

дѣло-бъ иначе пошло, и все бы уровнялось. Сообрази чѣмъ помочь войскамъ въ содержаніи?—боюсь болѣзней отъ сей нужды. Новаго ничего не знаю, посмотримъ, что будетъ въ Римѣ. Кажется они сами устыдились тому, что по слѣдствію монахини открылось, и очень не довѣряютъ канальѣ Яловицкому, который ее везъ и вездѣ показывалъ какъ мученицу. Что за канальи! Ежели вновь меня что не задержитъ, то полагаю быть къ тебѣ 24-го (5-го) вечеромъ и пробыть 25-го (6-го) и 26-го (7-го). Ежели въ Лазенкахъ будетъ холодно, то вели приготовить мнѣ квартиру въ Бельведерѣ со входа налѣво, въ комнатахъ *бывшихъ* Павла Константиновича.

Жена тебѣ кланяется, ей лучше, цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Неаполь.
29-го ноября (11-го декабря) 1845 г.

Пишу на-скоро, мой отецъ командиръ, на письмо твое отъ 14-го (26-го). Ты хорошо сдѣлалъ, что перевелъ 2 лег. дивизію въ Полтаву, ежели ближе, т. е. на Волыни, нельзя было; къ несчастію назначенный ею командовать г.-м. к. Багратіонъ умеръ, чего крайне жаль; теперь покуда дивизія безъ начальника, и будетъ на новыхъ квартирахъ лишена всѣхъ устройствъ, для кавалеріи необходимыхъ; чтобъ дивизія отъ сего крайне не опустилась, пошли г.-л. Реада все устроить на новыхъ квартирахъ, и тамъ остаться до того, какъ назначенъ и прибудетъ настоящій дивиз. начальникъ, котораго покуда ищу. Здѣсь всѣмъ очень доволенъ; принятъ какъ нельзя лучше, и ѣду завтра. Надѣюсь быть въ ночь въ Римѣ. Дай Боже, чтобъ тамъ все было хорошо, и чтобъ удалось изобличить коварство на всегда!

Обнимаю тебя. Твой на вѣки доброж.

Н.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 56.

а.

Секретно.

Милостивый Государь,

Князь Иванъ Федоровичъ!

Ваша свѣтлость донесли Государю Императору о конфирмаціи вашей по военно судному дѣлу о подпоручикѣ Симбирскаго егерскаго полка Ерогинѣ. Вы изволили полагать офицера сего, за предосудительные его поступки, выдержать въ крѣпости въ казематѣ шесть мѣсяцевъ и потомъ перевести на службу въ отдѣльный кавказскій корпусъ. Его Величество, усматривая, что подпоручикъ Ерогинъ не только изобличенъ въ нетрезвомъ поведеніи, отъ коего не исправился и по истеченіи назначеннаго ему для того шестимѣсячнаго срока, но оказался еще виновнымъ въ нанесеніи въ бытность въ караулѣ нижнимъ чинамъ побоевъ по лицу, въ наказаніи одного изъ нихъ тесаками, въ буйствѣ въ квартирѣ отставного офицера и въ неприличномъ отзывѣ дежурному по карауламъ,— изволитъ полагать, что, по симъ неприличнымъ званію офицера и въ службѣ нетерпимымъ поступкамъ, Ерогинъ подлежалъ разжалованію въ рядовые. Но какъ рѣшеніе ваше о немъ уже состоялось, то Государь Императоръ, не желая отмѣнять онаго, изъ особеннаго къ мнѣнію вашему уваженія, соизволилъ утвердить конфирмацію вашей свѣтлости и вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ мнѣ просить васъ, милостивый государь, неугодно ли вамъ на будущее время, при подобномъ обнаруживающемся по военному суду поведеніи офицеровъ, сообразоваться по возможности съ сообщеннымъ отъ меня вашей свѣтлости, отъ 29 декабря 1835 года, за № 479, Высочайшимъ Государя Императора повелѣніемъ.

Исполняя симъ таковую монаршую волю, имѣю честь покорнѣйше просить принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

Князь А. Чернышевъ.

№ 69
5-го іюня 1845 г.

Его свѣтлости, князю И. Ө. Варшавскому, графу Паскевичу-Эриванскому

б.

Арх. Гос. Сов. № д. 36—1836 г.

A S. Exc. M. le Prince de Varsovie.

№ 123 b.
Expédié le 10 1836.
par g.
Annexes.

Mon Prince.

Je me fais un devoir de porter à la connaissance de Votre Altesse que l'Empereur et Roi en prenant lecture du Journal № IV de la Séance tenue par le Conseil d'Administration le 3 (15) janvier a. c[te] a fixé particulièrement son attention sur l'article 64 relatif à la décision faite à l'occasion de la demande des époux Morosovski qui avaient sollicité que leur fils Léon Morosovski, ancien Expéditeur de la poste à Sandomir, ne fût pas mis sous jugement pour la . . . . . soustraction faite par lui dans la caisse de la poste; Sa Majesté a mis de sa main au bas de cet article: «я нахожу, что деньгами отплачиваться отъ заслуженнаго взысканія за безчестность вовсе противно смыслу законовъ и правиламъ службы; молодость не есть отговорка.»

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 57.

Разговоръ съ Mr D.

Mr D., въ разговорѣ о краковскихъ мятежникахъ, изъявлялъ удивленіе, какъ люди рѣшаются на подобныя дурачества; рискуютъ всѣмъ и для чего?

Я отвѣчалъ ему, что, напротивъ, они дѣлаютъ это по расчету и ничѣмъ не рискуютъ, ибо въ минуту опасности они бѣгутъ и увѣрены, что по крайней мѣрѣ въ Парижѣ ихъ примутъ съ участіемъ и съ распростертыми объятіями. Тисовскому, напримѣръ, терять нечего, а надежды много. Расчетъ почти вѣрный, и это сдѣлалось промысломъ. Если бы ему удалось добраться до Парижа, онъ явился бы тамъ какъ бывшій диктаторъ, прослылъ графомъ, сдѣлался бы львомъ. Ему нельзя бы дать обыкновеннаго польскимъ выходцамъ пособія, по три франка въ день; ему бы дали 1,000 франковъ въ мѣсяцъ, вездѣ бы принимали, назначили въ его пользу балъ, концертъ, и жизнь его, изъ безвѣстной и ничтожной, сдѣлалась бы весьма пріятною.

«Mais la même chose se fait à Londres», промолвился г. D.

— Vraiment? спросилъ я. И такъ не въ одномъ Парижѣ, люди, подобные Тисовскому, находятъ награду великихъ дѣлъ своихъ?

Прискорбно, что такимъ образомъ поддерживается духъ безпокойствъ, безсмысленныхъ надеждъ и преступныхъ замысловъ поляковъ; что этотъ духъ противодѣйствія правительствамъ, рано или поздно, точно также обратится противъ правительствъ Франціи и Англіи, какъ теперь онъ возбуждается противъ державъ монархическихъ чисто; ибо онъ дѣйствуетъ противъ всякаго порядка и законной власти.

№ 58.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1846 годъ.

(27 писемъ.)

С.-Петербургъ.
12-го (24-го) генваря 1846 г.

Благодарю, любезный отецъ командиръ, за письмо твое 4-го (16-го) генваря. Слава Богу, что у насъ покуда все тихо; но глядѣть все-таки надо въ оба глаза. Кажется у пруссаковъ дѣло не на шутку пошло; сами виноваты, зачѣмъ прежде намъ не вѣрили? Ты хорошо сдѣлалъ, что усилилъ кордонъ; не мѣшало-бъ на это время поручить границу г. Кузнецову, онъ лихой казакъ, а тутъ дѣло въ смѣтливости. Списокъ твой проказникамъ попалъ, съ этимъ же курьеромъ ѣдетъ въ подарокъ къ Ламдрускому, пусть радуется и любуется! Покуда въ Римѣ идетъ у насъ все ладно, что дальше будетъ? и папа очень сердится на глупые разсказы газетъ про наши разговоры и за живое принялъ. Новаго ничего. Обнимаю душевно, на вѣки твой доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
20-го генваря (1-го февраля) 1846 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 16-го (28-го), которое получилъ въ сію ночь. Кажется пруссаки очнулись, потому что за живое забрало, но посмотримъ на долго ли? и какъ судить будутъ. Письмо Каница и посылка п. Радзивила странная мысль; я тоже полагаю, что и ты, что король хочетъ обѣлить его, показавъ тебѣ и заставивъ его принять, но ты techni прими его учтиво, *но отнюдь не принцомъ*, а какъ прусскаго г.-маіора, ибо онъ не имѣетъ права корчить принца, что покойный король *никогда* не допускалъ. Я велѣлъ слѣдить за нимъ по Литвѣ и узнать, что онъ тамъ дѣлаетъ. Здѣсь все хорошо, но были холода жестокіе, теперь легче. Больныхъ рабочихъ изъ голодныхъ губерній очень много, и смертность большая, но не въ войскахъ. За холодами еще войскъ не видалъ. Въ политикѣ новаго ничего не знаю. Обнимаю отъ души, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
7-го (19-го) февраля 1846 г.

Искренно благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за поздравленіе съ помолвкой нашей Оли, слава Богу, что она нашла тоже себѣ по сердцу, достойнаго себѣ, вовсе неожиданно намъ было подобное и мы въ томъ видѣть хотимъ Божіе благословеніе. Будемъ надѣяться на милость Его и впредь. Кажется эта свадьба, какъ ни говорятъ, не нравится ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ, но Богъ съ ними, не мѣшайся они только въ наши дѣла. Покуда пруссаки кажется поиспугались тому, что у нихъ открылось, очень имъ здорово. Хотя не вѣрю истинно, а еще менѣе возможности исполнить

замыслы у насъ, но не мѣшаетъ и намъ держать ухо востро, что я думаю и дѣлается. Здѣсь холода непомѣрные, съ моего пріѣзда только два раза было 7°, а то никогда менѣе 12°, а сегодня опять 27°. Больныхъ въ народѣ, теперь и въ войскахъ очень много, госпитали полны, и все должно отказывать въ пріемѣ за недостаткомъ мѣста. Впрочемъ, новаго ничего. Обнимаю отъ души.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Куда дѣвался Туркуль?

16-го августа 1846 г.

С.-Петербургъ.
16-го (28-го) февраля 1846 г.

Еще не успѣлъ я отвѣчать на первое твое письмо, мой любезный отецъ командиръ, какъ, едва вставъ сегодня утромъ, получилъ второе отъ 11-го (23-го) февраля. Признаюсь тебѣ, хотя можетъ быть это и грѣшно, но я *съ особенною радостію* узналъ про новыя безумства поляковъ, ибо они такъ кстати проявились, что кажется всѣмъ откроютъ глаза и докажутъ наконецъ, какими *единственными* мѣрами можно съ ними управляться. Но что еще болѣе меня порадовало, это то, что *мужики* ихъ ловятъ и выдаютъ, вотъ намъ разительное доказательство, что народъ добръ, такъ и *привыкъ*, ежели не привязался къ нашему порядку, это лучшая для насъ гарантія. Хотя ты *всегда* былъ разрѣшенъ поступать съ подобными злодѣями по полевому уложенію, но для вящшаго сему еще подтвержденія посылаю тебѣ новый о семъ указъ, я его сообщаю и австрійцамъ, и пруссакамъ не затѣмъ, чтобъ надѣялся нашимъ примѣромъ заставить ихъ столь же строго наказывать, ибо филантропическая трусость или трусливая филан-

тропія, какъ это тебѣ угодно будетъ назвать, вѣрно имъ помѣшаетъ, но чтобъ доказать имъ, что *я* не перемѣняю своего образа дѣйствія, глядя на нихъ, затѣмъ пусть дѣлаютъ, что они хотятъ, *надъ ними и трость.* Нетерпѣливо жду дальнѣйшихъ донесеній объ открытіяхъ, которыя сдѣлалъ Жарской, и кто въ Варшавѣ будетъ виновенъ, и до чего доходили ихъ замыслы. Хорошо ты сдѣлалъ, что подтвердилъ по войскамъ быть осторожными, то же прикажи въ цитадели и по крѣпостямъ. Ежели-бъ случилось что по важнѣе, распоряжайся самъ и двигай войска и прочихъ корпусовъ, не теряя времени по востребованію. Обрати вниманіе на безсрочныхъ и, буде нужно изъ осторожности ихъ собрать, приступи къ сему. Тоже думаю хорошо бы присмотрѣть за бывшими офицерами, смирны ли и нѣтъ ли между ними движенія. Данный тебѣ указъ можешь хранить въ тайнѣ или обнародовать, какъ сочтешь лучше. Пруссаки испугались не на шутку, но посмотримъ, будутъ ли умѣть все дѣло разобрать и наказать виновныхъ. Воротился Состынскій изъ Берлина и онъ говоритъ, что короля всѣ не терпятъ, что хотя намѣренія его притихли, но все-таки остались непремѣнными, что войско покуда еще послушно, но что все держится на волоскѣ. Словомъ, все очень плохо. Здѣсь новаго ничего. Хотя жаль съ тобой не видаться, но покуда нельзя тебѣ сюда быть, долженъ быть всякій на мѣстѣ. Обнимаю тебя отъ души, вѣрь старой неизмѣнной дружбѣ искренно тебѣ доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
18-го февраля (2-го марта) 1846 г.

Вчера рано утромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, съ неожиданнымъ извѣстіемъ оставленія австрійцами Кракова. Сколь ни непонятна подобная мѣра,

однако, соображая съ прочими извѣстіями изъ Галиціи, кажется приписать это можно или ненадежности войскъ, или опасенію быть отрѣзанными отъ своихъ главныхъ силъ. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что сбираешь значительный отрядъ, дабы ничего не компрометировать; но вели теперь *Панютину* итти брать Краковъ и, ежели защищаться будетъ, *городъ не щадить и бомбардировать;* надо это гнѣздилище въ зародышѣ уничтожить, *но не грабить.* Вѣрить нельзя слухамъ изъ Галиціи; но буде подтвердятся, послѣдствія могутъ быть двояки, т. е. что австрійцы будутъ силой брать назадъ свое или не будутъ въ состояніи сего сдѣлать. Мы должны оставаться въ покоѣ, но готовыми на все. Полагаю, что ты самъ уже распорядился нужными движеніями войскъ; сіе тѣмъ нужнѣе, что распутица скоро весьма затруднитъ ихъ движеніе; потому, ежели они неминуемо предстоятъ, гораздо лучше ихъ начать ранѣе. Кажется мнѣ всего нужнѣе сдвинуть вправо 4-й корпусъ, къ которому, буде нужно, вытребуй *прямо* его кавал. дивизію по сношенію съ г. Герштенцвейгомъ, которому о семъ предписано. Подумать надо *о продовольствіи.* Казачій одинъ полкъ у насъ подъ рукой, и я приказалъ ему изъ Бессарабіи итти на Подольскъ къ австрійской границѣ. Подумай тоже о продовольствіи для 2-го корпуса, ежели двинуть или стягивать его надо. Покуда 1-й корпусъ полагалъ бы я не трогать; но ежели 4-й и 2-й будутъ вызваны, придется квартиры ихъ занять 1-мъ. Такъ какъ за отпускомъ бат. слабы, то разрѣшаю тебя *сейчасъ, когда нужнымъ сочтешь*, собрать безсрочныхъ, о чемъ предварены г. губернаторы, и тогда включи: польскихъ въ 3-й корпусъ, *Виленскихъ*, *Ковенскихъ*, *Гродненскихъ* во 2-й; *Подольскихъ*, *Волынскихъ* и *Кіевскихъ* въ 4-й корпусъ; уравнивая по полкамъ и артил. бригадамъ. Не забудь о провіантѣ для крѣпостей царства и для Бреста, но гарнизоны и *на 6 мѣсяцевъ.* Жду первыхъ твоихъ донесеній, чтобъ по-

слать къ тебѣ Берга въ твое распоряженіе, такъ какъ при тебѣ ни Горчакова, ни г. квартирмейстера нѣтъ. Боюсь, чтобъ курьеръ отъ жены, котораго жду, не попался въ руки бунтовщиковъ, что было-бъ для меня крайне непріятно. Пиши мнѣ почаще обо всемъ. Что Жарскій открылъ по Варшавѣ? Будь ты самъ для своей особы остороженъ и не вѣрь канальямъ; помни Бельведеръ, усугубь осторожности. Бибикова и Марковскаго отправилъ на ихъ мѣста, съ такими же указами, какъ даны тебѣ. Проучимъ каналій, ежели насъ подымутъ, я золъ на нихъ. Здѣсь покуда новаго ничего и все тихо. Обнимаю тебя отъ души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
20-го февраля (4-го марта) 1846 г.

Сегодня утромъ получилъ я письмо твое отъ 14-го (26-го) февраля, любезный отецъ командиръ. Нахожу, что все, что ты нашелъ нужнымъ сдѣлать, очень хорошо и по обстоятельствамъ весьма полезно. Надѣюсь, что г. Панютинъ будетъ умѣть исполнить возложенное на него порученіе ловко и скоро; оно необходимо, ибо симъ дѣломъ должно начать прежде всего, и самое гнѣздо истребить, тогда легче будетъ справиться съ прочимъ. Кажется и пруссаки подвели отрядъ, ежели и они въ дѣло вмѣшаются, вели Панютину съ ними обходиться *дружески*, но отнюдь не дать себя удержать ни ими и ни кѣмъ *взять Краковъ, coute que coute*; сдадутся? тѣмъ лучше; нѣтъ? брать силой и *непремѣнно взять*.

Слухи бунта въ Варшавѣ что-то мнѣ мудрены, *кому* бунтовать и *чѣмъ?* но сумасшедшая попытка на тебя всегда возможна и потому *требую* отъ тебя, отецъ командиръ,

чтобъ себя беречь. При первой попыткѣ къ бунту въ Варшавѣ *вели сейчасъ очистить эспланаду цитадели,* что будетъ кстати. Отправляю сегодня же къ тебѣ Берга; онъ тебѣ везетъ словесныя подробности взятыхъ мной покуда мѣръ. Вкратцѣ вотъ онѣ: 1) Царство, Подоль и Волынь объявлены въ военномъ положеніи. 2) Безсрочныхъ, о которыхъ тебѣ писалъ, велѣлъ я собрать *теперь же*, ибо поздно будетъ сбирать тогда, когда надо будетъ двинуться. 3) 4-й корпусъ велѣлъ я *сейчасъ* приводить въ военное положеніе. 4) Ежели 2-й корпусъ ты возмешь въ Польшу, надо 2-ю дивизію 1-го корпуса перевесть въ Литву, а одну дивизію въ Кіевъ, дабы и 4-й корпусъ былъ свободенъ. 5) Всѣ *предвидимыя нужными* передвиженія дѣлать же теперь, до *распутицы.* 6) Ежели насъ потребуютъ въ Галицію, трогаться не дробями, а двумя корпусами полагалъ бы я, дабы наше появленіе было *какъ гроза,* все подавляющее, т. е. 3-мъ и 4-мъ, занявъ Польшу 2-мъ, Литву и Кіевъ 1-мъ корпусами. Вотъ покуда все, дальнѣйшее зависѣть будетъ отъ хода дѣлъ; шутить не стану, *а буде меня хотятъ, заставлю плясать по своей дудкѣ*, и для того хочу имѣть силы въ рукахъ, чтобъ дѣйствовать согласно тому. Признаюсь тебѣ, не вѣрю ни депешѣ эрцгерцога, которая во многомъ противорѣчитъ тому, что сами знаемъ, и не вѣрю вообще ихъ удальству, зная коренные ихъ недостатки. Главное, что меня тревожитъ, это продовольствіе для движенія войскъ по Литвѣ; какъ ты сдѣлаешь?

Этого фельдъегеря, который везетъ письмо къ женѣ, отправь какъ за лучшее сочтешь, на Калишъ и Бреславль ли? или на Познань и Бреславль. Буде же Краковъ взятъ и дорога въ Вѣну свободна, то прямо; предоставляю тебѣ вполнѣ рѣшить, что вѣрнѣе будетъ. Отъ жены 11 дней нѣтъ фельдъегера; крѣпко боюсь, не попался ли онъ къ бунтовщикамъ, что было-бъ крайне мнѣ непріятно. Что про Варшаву то

крылъ тебѣ Жарскій. Здѣсь на поляковъ крайне злы; и хорошіе поляки въ отчаніи; и есть отъ чего! Покуда и все тутъ. Дай Боже, чтобъ все шло хорошо, и наши-бъ смирны были; но ежели нѣтъ? то знаешь, какъ тебѣ съ ними поступать должно. Обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

26-го февраля 1846 г.

С.-Петербургъ.
22-го февраля (6-го марта) 1846 г.

Благодарю тебя душевно, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 16-го (22-го) числа, которое вчера утромъ получилъ. Не могу довольно тебя благодарить за всѣ твои распоряженія, которыя *всѣ* совершенно согласны съ моими желаніями и ожиданіями. Фонтонъ глупо сдѣлалъ, давъ обѣщаніе, на которое онъ не былъ уполномоченъ, и тѣмъ болѣе не нужное, что и безъ того старѣйшій въ чинѣ, гдѣ дѣйствуютъ союзники *вмѣстѣ* по наружности, есть главный, хотя и не командуетъ; *подчинять* же моихъ войскъ никому не хочу, ибо у нихъ свое начальство. Повидимому пруссаки хотятъ первые быть въ Краковѣ, чтобъ имѣть право распоряжаться, какъ ихъ завоеваніемъ, но это глупо. Въ Вѣнѣ не знали еще про глупости ихъ генерала, но резидентъ ихъ на него жаловался, вообще въ Вѣнѣ смотрѣли на это легче, какъ должно. Э. Г. Фердинандомъ они недовольны, ибо онъ *ручался* имъ за спокойствіе и былъ кажется самъ поляками обманутъ. Что изъ этого выйдетъ, право еще не знаю. Меттернихъ облеченъ полною властію *на это время*, и это хорошо, а то бы еще хуже пошло. Ты, полагаю, знаешь уже, что викарный епископъ Гнезенскій арестованъ, какъ изобличенный въ заговорѣ! каковъ! Пора было имъ дать карачунъ!

Княгиня хотѣла было ѣхать къ тебѣ, я взялъ на себя отговорить, такъ ли? Все у насъ готово и кажется мѣры наши дѣльны, авось, Боже, и не нужно будетъ, тѣмъ лучше. Награждай щедро *всѣхъ*, кто даетъ опытъ вѣрности, и доводи до моего свѣдѣнія. Каково явятся безсрочные и усердно ли?

Обнимаю отъ души. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Весьма важно.

С.-Петербургъ.
24-го февраля (8-го марта) 1846 г.

Слава Богу! слава тебѣ мой отецъ командиръ, дѣло велъ прекрасно, и за то и славный конецъ. Признаюсь, что не могу довольно выразить тебѣ моей радости, что *мы* подъ носомъ выгнанныхъ изъ Кракова австрійцевъ поспѣли ранѣе всѣхъ и заняли Краковъ. Теперь и болѣе силы будетъ поставить на нашемъ, ибо *мы*, а не австрійцы, не пруссаки, заняли Краковъ. Меня душевно радуетъ тоже поведеніе мужиковъ у насъ; награждай щедро и болѣе усердствующимъ давай медали; надо сколь можно ихъ поощрять и награждать за вѣрность и усердіе. Извѣстія, которыя привезъ мнѣ вчера Коновницынъ изъ Галиціи, весьма любопытны. Мнѣ кажется, что *комюнизмъ*, ибо онъ точно есть, мужики тамъ поняли по своему, т. е. рѣзать помѣщиковъ при первомъ законномъ предлогѣ. Здѣсь оно хорошо, но опасно дать этому развиться. Теперь настало время сосѣдямъ наказывать виновныхъ, будетъ ли у нихъ столько духу? Сегодня писалъ я къ нимъ, что требую уничтоженія Кракова, не хотятъ взять его австрійцы, какъ условлено въ Теплицѣ, возьму я, *ибо мы вошли;* но не желаю того. Французы и Англія можетъ быть протестуютъ по вѣнскому конгресу, но такъ какъ Бельгію

по революціи они же отняли у Голландіи, то имѣемъ и мы право по революціи же уничтожить это вредное гнѣздо, и уничтожимъ. Принятыя тобой мѣры нахожу прекрасны, но побереги войска и лишнихъ не держи на площадяхъ, тогда какъ жители теперь обезоружены и все притихаетъ. Сомнительныхъ молодцовъ помѣщиковъ хорошо бы прибрать къ рукамъ. Сѣдлецкое дѣло просто убійство мерзкое. Не мѣшало бы взыскать съ тѣхъ мужчинъ, которые по вызову уѣзднаго начальника не подали ему помощи. Какъ ведутъ себя духовные? Любопытенъ знать, исправно ли явятся безсрочные въ Царствѣ, всякому, кто явится исправно, вели выдать по злоту сер., тоже дай войскамъ, вошедшимъ въ Краковъ, и по $^1/_2$ з. сер. прочимъ, въ отрядахъ бывшимъ. Спроси у эрцгерцога, какія у него и отъ кого свѣдѣнія на счетъ бунта, готовящагося въ Петербургѣ ко Святой, о которомъ начальникъ полиціи говорилъ Коновницину, подобнаго нельзя упустить изъ виду, не проясня. Посмотримъ какъ у нихъ-то кончится и что будетъ въ Венгріи.

На дняхъ пришлю тебѣ твоего сына. Прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ души, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
28-го февраля (12-го марта) 1846 г.

Съ вчера отправленнымъ къ женѣ моей фельдъегеремъ не могъ тебѣ писать, мой любезный отецъ командиръ; теперь, отправляя къ тебѣ сына твоего, отвѣчаю на письмо твое отъ 22-го (6-го). Новая попытка Дзялынскаго на Позенъ мнѣ служитъ только новымъ доказательствомъ дерзости и самонадѣянности каналій поляковъ, а съ другой—безпечности и глупости прусской полиціи, незнавшей или не умѣв-

шей узнать, что подъ носомъ готовилось съ толикой дерзостію! какъ послѣ того надѣяться на ихъ дѣятельное содѣйствіе къ разбору этого сложнаго дѣла и на усердіе преслѣдовать всѣ эти пагубные замыслы! Не знаю даже, будутъ ли своихъ каналій судить военнымъ судомъ? Ежели австрійцы глупо дали созрѣть всему заговору, ничего не хотя ни знать, ни видѣть, ежели съ обыкновенной своей мѣшкотой и формами сбирали войска воевать на Краковъ, когда мы все кончили 2-мя бат., за то, при всемъ ихъ глупомъ важничаніи, объявили они *Штандъ-Рехтъ*, т. е. la loi martiale, и я увѣренъ, что за Меттернихомъ дѣло не станетъ и съ канальями поступятъ они *на чисто*. Но повторяю, на пруссаковъ ничуть не полагаюсь. Жаль, что не удалось краковскихъ шельмъ переловить намъ, у нихъ половина уйдетъ или отпустятъ, и опять шельмы варить будутъ кашу по своему; врядъ ли не такъ будетъ. Изъ Вѣны мнѣ пишутъ, что мужики въ Галиціи душатъ не только помѣщиковъ, но и поповъ, а другихъ вяжутъ и представляютъ къ начальству. Какъ это имъ здорово, да и Императрицамъ и фанатической партіи, дабы убѣдились наконецъ, что за народъ эти попы, и правъ ли былъ я, что ихъ привожу къ порядку! Слава Богу, что у насъ все тихо; но будь остороженъ; чуть подозрительныхъ бери къ отвѣту, и воспользуемся симъ случаемъ, чтобъ вновь очистить или дочистить край отъ столько сору, сколько можно; пора съ ними надолго кончить. Войскамъ дай возможный покой. Теперь полагаю, что нѣтъ уже причины приводить 4-й корпусъ въ воен. положеніе, и я дѣло пріостановлю, дабы не дѣлать лишнихъ расходовъ. Но стянуть корпусъ вправо изъ Бессарабіи вонъ будетъ все лучше, дабы для новой нужды былъ бы подъ рукой. Отпускныхъ хочу собрать однако, какъ для опыта, такъ и для извѣщанія, что все *готово;* и край оставляя неопредѣлительно въ военномъ положеніи, для страха всѣмъ, какъ ты очень хорошо выра-

зилъ въ послѣднемъ письмѣ. Писалъ въ Вѣну и въ Берлинъ, и предлагаю по Теплицкому условію *кончить Краковъ,* не хотятъ —*я кончу.* Читалъ ли ты реляцію англинскаго сраженія въ Индіи? чуть было не поколотили ихъ, да полно не поколотятъ ли еще, ибо они что-то далеко задрали, да и теряютъ много; въ Англіи сей побѣдѣ не радуются, а призадумались. Здѣсь все тихо и покуда грязь непомѣрная. Получивъ будущаго курьера отъ жены, сбираюсь въ Москву на 8 дней и желаю быть сюда назадъ къ 12-му (24-му) марта.

Прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя душевно. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
3-го (15-го) марта 1846 г.

Сбирался отвѣчать на письмо твое отъ 25-го февраля (9-го марта), когда сегодня послѣ обѣда получилъ другое, любезный отецъ командиръ. Повторяю искренную и душевную мою благодарность за всѣ прекрасныя тобой принятыя мѣры, совершенно согласныя съ моими правилами и желаніями. Всѣ распоряженія, сдѣланныя Ридигеромъ, очень хороши, и всѣ попытки въ Краковѣ просить къ намъ передаться—принимаю еще менѣе, чѣмъ когда либо; подавно изъ Галиціи. Тѣмъ болѣе не хочу о томъ слышать, что должно осторожнѣе, чѣмъ когда-либо, избѣгать всего, чтобъ могло навести тѣнь сомнѣнія на чистоту и прямоту нашихъ намѣреній. Вѣрю очень, что теперь австрійцамъ не легко будетъ приводить народъ къ порядку, ибо сколько народное орудіе въ томъ случаѣ имъ не было полезно, оно самое опасное, ибо выводитъ изъ порядка и послушанія, а тутъ и комунизмъ готовъ. Этого-то примѣра я боялся для нашихъ на Волыни и Подолѣ, и сей-

часъ послалъ Бибикова съ строгимъ приказомъ *отнюдь* не дозволять никакой подобной попытки, ибо никогда не дозволю распорядковъ съ *низу*, а хочу, чтобъ ждали съ *верху!* Мои правила тебѣ извѣстны давно. Ты и въ Польшѣ проучи мужиковъ, которые бы хотѣли предлогомъ воспользоваться, чѣмъ подобное затѣвать; они *доноси* ежели подозрѣваютъ, но не распоряжайся сами. Согласно твоему желанію *отмѣняю* сборъ отпускныхъ, — хорошо, что не надо. Наконецъ и пруссаки штандъ рехтъ объявили; *пора было*. Но прочти Берлинскую газету, въ которой сказано, что поляки имѣли *несчастіе* быть атакованы нашей кавалеріей прежде чѣмъ достигли границы прусской; вездѣ явная злоба. Куда все это поведетъ, право страшно подумать. Съ удовольствіемъ читалъ я записку объ совершенныхъ войсками переходахъ, молодцы. Теперь, какъ все успокоилось, кажется не надо полякамъ показывать, что ихъ боимся; они обезоружены, — что они большое предпринять могутъ? потому и побереги войска, и мало по малу вводи опять прежній обычный порядокъ въ службѣ гарнизонъ. Все это не исключаетъ обыкновенной должной осторожности. *Самъ для себя будь остороженъ*. Здѣсь все тихо и хорошо, писалъ ли ты къ эрцъ-герцогу Фердинанду, чтобъ спросить какія до нихъ дошли свѣдѣнія о готовящемся у насъ здѣсь бунтѣ на Святой? Надо узнать. Вчера смотрѣлъ неожиданно всю кавалерію и конную артиллерію и былъ очень доволенъ. Вотъ покуда и все. Обнимаю тебя душевно. На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Москва.
14-го (26-го) марта 1846 г.

Получилъ здѣсь два твоихъ письма, мой любезный отецъ командиръ, и за оба весьма благодарю. Слава Богу, что все продолжаетъ быть спокойнымъ, и благодаря твоимъ мѣрамъ

и сдѣланному примѣру надъ Седлѣцкими злодѣями не полагаю, чтобъ нашлись довольно смѣлые, вновь что попробовать. Радуюсь очень, что наконецъ австрійцы совершили надъ Чарторижскимъ мѣру, которую по справедливости слѣдовало имъ исполнить тогда, когда уже у насъ онъ политически преданъ смерти какъ государственный измѣнникъ; тогда бы смѣло сказать можно, ничего бы теперешняго у нихъ не произошло. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь конечный ему и всей эмиграціи ударъ; не полагаю, чтобъ могли оправиться, хотя у прусаковъ найдутъ еще долго опору. Все, что Фонтонъ по сему пишетъ, очень любопытно; ихъ стыдъ, что опоздали и удивленіе нашей быстротѣ—прекрасно. По краковскому дѣлу я съ тобой несогласенъ. Брать себѣ *ничего не хочу*. Дѣло рѣшено еще въ Теплицѣ, Краковъ долженъ быть австрійскимъ, а не прусскимъ, такъ этому и быть. Но ежели хотятъ австрійцы промѣняться и отдать мнѣ Галицію, взамѣнъ всей Польши по Бзуру и Вислу, отдамъ, и возьму Галицію сейчасъ, ибо *нашъ* старый край. Ты очень хорошо сдѣлалъ, что воли мужикамъ не даешь, ихъ дѣло слушаться, и подъ предлогомъ усердія, не нарушать порядка и повиновенія. Накормить и помогать должно, сколько можно. Отпускныхъ не сбираю, такъ какъ ты не хотѣлъ, на что ты уполномоченъ былъ. Здѣсь былъ всѣмъ весьма доволенъ, видѣлъ 6 полковъ 6-го корпуса, смѣло скажу отличныхъ во всемъ; Тимофеевъ колдунъ, на корпусъ въ 54 т. человѣкъ нѣтъ 500 больныхъ, а рекрутъ 23 т.!!! славно, и что за лица, весело глядятъ.

Прощаюсь, въ обратный путь послѣ обѣда. Обнимаю тебя отъ души, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
16-го (28-го).

Приписываю только нѣсколько строкъ, чтобъ увѣдомить о моемъ возвращеніи; здѣсь ничего новаго не нашелъ; кажется въ Берлинѣ начинаютъ бодриться, на долго ли, увидимъ. Скажи мнѣ, полагаешь ли, что женѣ моей въ маѣ мѣсяцѣ можно будетъ *безопасно* избрать любой обратный путь, на Богемію ли и Краковъ, или чрезъ Шлезію и Калишъ? Кажется мнѣ, первый путь вѣрнѣе? Обнимаю.

Н.

С.-Петербургъ.
18-го (30-го) марта 1846 г.

Сейчасъ прибылъ твой фельдъегеръ съ письмомъ 14-го (26-го) числа, за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ командиръ; радъ ежели въ рескриптѣ моемъ нашелъ ты, сходно моему искренному намѣренію, выраженіе моей душевной признательности за новый опытъ твоихъ заслугъ государству. Слава Богу, что все приходитъ въ порядокъ. Надѣюсь, что у австрійцевъ на время хотя дѣло пойдетъ на ладъ, но за Пруссію никакъ не ручаюсь и твой взглядъ на положеніе дѣлъ дѣлю въ полной мѣрѣ. Однако я не могу отказаться отъ принятаго пути по дѣлу Кракова, ибо оно основано и на взаимномъ насъ трехъ обязательствѣ, и на моемъ убѣжденіи въ необходимости; *двое* насъ, которые *хотимъ*, какъ Пруссія *не хочетъ?* стыдно-бъ было, да и нельзя. Твой отвѣтъ Бибикову прекрасенъ, и не понимаю, какъ допустить могъ онъ столь необдуманной мѣры! Кіевъ нечего приводить въ оборонительное положеніе. Письма . . . . . . *) я еще не видалъ. Да, будущее въ Пруссіи грозно! вѣрю, что есть добрые люди тамъ, которые всегда видѣли къ чему все клонится

---

*) Неразобранное слово.

давно, и готовы грудью стать за короля и правое дѣло, лишь бы *самъ* король *за нихъ былъ*. Но у него нѣтъ двухъ сряду зрѣлыхъ мыслей въ головѣ, и *онъ* же ихъ выдастъ; при подобномъ положенiи дѣлъ, какъ всего дурнаго не ждать! Вооружиться намъ не долго, было-бъ что *есть*; *вотъ* что надо симъ лѣтомъ стараться для будущаго значительно приготовить и обезпечить; какiе способы у насъ въ виду, тебѣ передаю на разсужденiе. Въ лучшее и удобнѣйшее къ сему время надо будетъ и безсрочныхъ собрать, дабы знали куда кому сбираться въ случаѣ нужды, и когда можно будетъ, то 2 лег. дивизiи возвратить къ своему корпусу, а покуда 4-й корпусъ стянется въ право, замѣняясь постепенно 5-мъ, возвращающимся съ Кавказа и деформировывающимся. Такъ въ теченiи лѣта все у насъ будетъ готово. Затѣмъ, что Богъ дастъ!

За симъ обнимаю тебя отъ души, Богъ съ тобой.

Твой искренно доброж.

Н.

Получено 2-го (14-го) апрѣля 1846 г. Г. Варшава.

С.-Петербургъ.
29-го марта (11-го апрѣля) 1846 г.

Сейчасъ получилъ я письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, и отвѣчаю на-скоро. Мысли твои о сборѣ армiи я раздѣляю вполнѣ; къ тому прибавляю, что лучшимъ считаю предварительный сборъ армiи дѣлать по дивизiямъ или по двѣ, въ лагеряхъ, напр., при Брестѣ, Ковнѣ, и т. д., что представляетъ выгоду въ томъ, что можно лучше войска устраивать, лишь бы кормить было можно,—вотъ что готовить надо, съ прочимъ сладимъ. Получилъ сегодня утромъ отвѣтъ короля на мое письмо съ Бергомъ; отказывается кончить Краковъ, но ждетъ, что ему Фикельманъ везетъ; а ему Метернихъ велѣлъ объявить королю, что хочетъ ли, или не хочетъ, *а мы*

Краковъ уничтожаемъ. Какъ-то это ему полюбится? посмотримъ; а объявленіе хорошо, *по моему*. Метернихъ думаетъ, что король связанъ обѣщаніемъ, которое тайно далъ французамъ, Краковъ отстоять, ежели такъ, то тѣмъ хуже ему, *солгалъ*. Женѣ писалъ, чтобъ ѣхала на Краковъ; она была серьезно больна желчной лихорадкой съ рожей на лицѣ, слава Богу, что не было хуже! Съ нетерпѣніемъ жду ея возвращенія. Обнимаю отъ души, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Жена поручила мнѣ тебѣ кланяться и сказать, что она въ своемъ удаленіи въ Сициліи душевно радовалась твоимъ умнымъ, рѣшительнымъ и изумительно скорымъ дѣйствіямъ, которыя впрочемъ ее не удивили, тебя любя и зная,—вотъ ея собственныя слова, которыя просила тебѣ передать.

Получено 13-го (25-го) апрѣля 1846 г. Г. Варшава.

С.-Петербургъ.
9-го (21-го) априля 1846 г.

Благодарю, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 4-го (16-го) числа. Новыя свѣдѣнія изъ Пруссіи весьма печальны, хотя только (служатъ) подтвержденіемъ прежнихъ. Вчера получилъ я письмо короля очень дружеское, въ которомъ однако онъ проситъ меня, чтобъ переданныхъ намъ изъ Пруссіи подданныхъ нашихъ не казнить смертію и не ссылать въ Сибирь; на первое могу согласиться, на второе же *нѣтъ*; самъ Іисусъ Христосъ изгналъ плетью изъ храма воровъ, не въ долгѣ ли мы очистить край нашъ отъ разбойниковъ? Далѣе хочетъ онъ предложить, чтобъ всѣ мы сложились, чтобъ отослать въ Америку всѣхъ бунтовщиковъ, т. е. дать имъ возможность или дорогой бунтовать, или изъ Аме-

рики воротиться, когда захотятъ! непонятно. Полагаю, что въ Галиціи еще долго ни приведутъ въ порядокъ, ибо Метерниха не во всемъ слушаетъ эрцъ-герцогъ, такъ слѣпъ на поляковъ, что явно ихъ защищаетъ, и его хотятъ смѣнить, на что фанатическая партія сердится, ибо она въ рукахъ поляковъ. Словомъ, при этомъ порядкѣ вещей нельзя, чтобъ дѣло ведено было стройно къ концу. Про происшествіе на границѣ съ помѣщиками мнѣ Бибиковъ еще не доносилъ. Кажется незачѣмъ трогать кавалеріи, и довольно казачьяго полка, что въ Дубнѣ. Жду съ большимъ нетерпѣніемъ извѣстій отъ жены, она была очень серьезно больна желчной лихорадкой съ рожей на лицѣ, ей хотя и гораздо лучше было, но слабость требовала еще большой бережности, не знаю, когда она выѣдетъ. Въ концѣ этого мѣсяца или въ самыхъ первыхъ дняхъ мая сбираюсь къ тебѣ, чтобъ ближе быть къ женѣ. Кончены ли передѣлки въ Лазенкахъ и Бельведерѣ? и когда поспѣетъ церковь? Прощай, обнимаю отъ души, а княгинѣ цѣлую ручки.

Твой на вѣки искрено доброж.

Н.

Получено 25-го апрѣля (7-го мая) 1846 г. г. Варшава.

С.-Петербургъ.
22-го апрѣля (4-го мая) 1846 г.

Три дня какъ получилъ твое письмо отъ 15-го (27-го) числа, мой любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю. Конецъ дѣлу краковскому въ Берлинѣ столь удаченъ, что не могу ему нарадоваться и надивиться; кажется король, по словамъ его ко мнѣ, убѣдился и въ пользѣ, и въ необходимости, и въ правѣ нашемъ въ семъ приговорѣ; но онъ опасается, что извѣстіе о семъ сломитъ шею Гизо, и дастъ охоту другимъ, подъ этимъ предлогомъ, ста-

раться нарушить всякій трактатъ; но, не отвергая возможности подобнаго, я замѣчаю, что вѣнскій трактатъ противниками нашими уже нарушенъ былъ въ ихъ пользу отторженіемъ Бельгіи, здѣсь же мы не выходимъ *изъ правъ нашихъ*. Происходящее въ Галиціи урокъ добрый, и доказываетъ еще разомъ болѣе, что никогда *черни* воли давать не должно, что у насъ *отнюдь* не попущу. Чернь должна *слушаться*, а не дѣйствовать по себѣ. Затѣмъ я и отправилъ сейчасъ Бибикова во свояси, дабы у насъ не переняли, на что бы охотниковъ много было, *но я-то не охотникъ* до подобныхъ орудій. Оно можетъ быть отъохочитъ Австрію отъ Галиціи и расположитъ къ обмѣну, когда время придетъ объ этомъ замолвить. Они эрцгерцогомъ Фердинандомъ недовольны за то, что далъ себя полякамъ одурачить, но не смѣютъ ему рѣшительно отказать возвратиться. Слава Богу, жена благополучно прибыла во Флоренцію, завтра 23-го (5-го) числа должна была выѣхать въ Венецію, а оттуда 1-го (13-го) мая въ Зальцбургъ, на Линцъ, Прагу и Краковъ въ Варшаву, и, по разсчету, можетъ быть туда около 20-го мая (1-го іюня); я съ помощію Божіею полагаю пуститься къ тебѣ прямо 2-го (14-го) числа и могу быть въ Варшавѣ 6-го (18-го). Новое открытіе заговора противъ тебя доказываетъ, что канальи есть въ Варшавѣ; прошу тебя будь осторожнѣе съ собой, чѣмъ когда-либо; съ канальями не шути, а предавай суду по полевому положенію безъ милосердія, другого способа нѣтъ съ ними. Ежели въ гимназіи сей много виновныхъ, *вели ее закрыть*, а сумму, на нее опредѣленную, обратить на покупку домовъ подъ Эспланаду цитадели. Мальчишекъ изъ нея возвратить родителямъ, а учителей выслать въ Россію, ежели *чуть* сомнительны; такъ и впредь поступать. Здѣсь все хорошо. Княгинѣ цѣлую ручки, а тебя душевно обнимаю. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Миполовицы.
18-го (30-го) мая 1846 г.

Спѣшу тебя увѣдомить, любезный отецъ командиръ, что я прибылъ сюда утромъ въ 8-мъ часу, благодаря твоему Анисськову, нашелъ очень хорошо приготовленныя квартиры всѣмъ. Часъ спустя получилъ эстафету изъ Праги отъ эрцъ-герцога Стефана, съ извѣщеніемъ о благополучномъ прибытіи моихъ въ Прагу; отъ жены же получилъ вечеромъ вчера письмо изъ Табора; п. Вильгельмъ прусскій ѣздитъ съ нею; про нидерландскихъ положительнаго еще нѣтъ. Жена желаетъ, чтобъ п. прусскій помѣстился въ павильонѣ, что ты занималъ, стало *такъ этому и быть*. Меня возили славно, въ особенности изъ Варшавы въ Радомъ прибылъ не съ большимъ въ 4 часа! 1-ю карабинерную роту Кременчугскаго полка нашелъ здѣсь въ почетномъ караулѣ, въ должномъ порядкѣ, желательно-бъ было только большаго щегольства въ правильности пригонки мундировъ, которые сшиты довольно грубовато. Погода вѣтренная, ночью было холодно; я велѣлъ покуда надѣть зимніе панталоны. Унгернъ-Штернбергъ говоритъ, что австрійцевъ просто ненавидятъ; и все видитъ въ чернѣ; увѣряетъ, что все готовится къ новой вспышкѣ со стороны революціонной пропаганды, и что тутъ новыхъ эмисаровъ ими всюду разослано. Все это быть можетъ, но удача имъ возможна только тогда, когда трусить или плошать будутъ сосѣди. Въ этомъ вся и задача. Дорогой меня вездѣ ласково принималъ въ особенности простой народъ. Съ Горловымъ имѣлъ весьма любопытный разговоръ и велѣлъ ему, чтобъ тебѣ подробно донесъ о своихъ замѣчаніяхъ. Онъ мнѣ очень понравился; взглядъ его на дѣла самый правильный, и онъ настаиваетъ на необходимость вступиться за мужиковъ, которыхъ многіе помѣщики немилосердно притѣсняютъ по какимъ то старымъ обычаямъ. Выслушай его, стоитъ того за это приняться *Самодержавной*

властiею, когда здраваго разсудка, ни чести нѣтъ въ помѣщикахъ.

Обнимаю отъ души. Твой на вѣки искренно доброж.

Н

Миполовицы.
19-го (31-го) мая 1846 г.

Благодаренiе Богу, любезный отецъ командиръ, я обнялъ жену и дочь здоровыми. Всѣ тебѣ кланяются. Пошли записку на телеграфъ. Завтра въ 8 часовъ располагалъ ѣхать *прямо* въ Радомъ. Жена проситъ тебя остаться *въ твоемъ домѣ*, гдѣ жилъ, а п. прусскаго желаетъ имѣть близъ себя въ комнатахъ Окуловой, что за галлереей, а Окулову помѣстить въ покояхъ, гдѣ живалъ Раухъ. Почетный караулъ п. прусскому поставить, гдѣ становится для меня. Прочее все, какъ условились.

Обнимаю; твой вѣрный.

Н.

Петергофъ.
7-го (19-го) августа 1846 г.

Опоздалъ отвѣтомъ на твое письмо отъ 28-го iюля, мой любезный отецъ командиръ, за маневрами и безпрестанными переѣздами. Хорошо сдѣлалъ Горчаковъ, что открылъ виновника въ извѣстной бумагѣ, и употребленный на то офицеръ дѣйствовалъ очень расторопно. Полагаю, какъ и ты, что заключенiе въ монастырь будетъ для него самымъ полезнымъ наказанiемъ, и потому вели его отправить въ Суздаль, въ Спасо-Ефимiевъ монастырь, увѣдоми о томъ моимъ именемъ гр. Протасова. Записка о смертности въ 6-й дивизiи ужасна! Дай Богъ, чтобъ при лучшемъ урожаѣ въ томъ краю болѣзненность прекратилась, но здѣсь, не взирая на прелестную

погоду, смертность въ городѣ все велика. Войсками на маневрахъ я былъ очень доволенъ, не столько Сумароковымъ, командовавшимъ противъ сына. Въ субботу смотръ, а потомъ и конецъ, да и мнѣ пора отдохнуть. Новаго ничего не знаю; кажется папа *либеральничаетъ*, ежели такъ, то можетъ быть Блудову будетъ легче успѣть; посмотримъ. Каковъ ты? Доволенъ ли былъ своимъ Гомелемъ? Какъ нашелъ войска и новое шоссе?

Обнимаю отъ души, твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Петергофъ.
24-го августа (5-го сентября) 1846 г.

Письмо твое отъ 16-го (28-го) числа изъ Гомеля я получилъ на-дняхъ, любезный мой отецъ командиръ, и благодарю. Какъ я радъ, что ты 1-мъ корпусомъ былъ доволенъ; желаю, чтобъ имѣлъ случай быть довольнымъ и прочими. Молю Бога, чтобъ болѣзненность прекратилась, и потому нетерпѣливо жду твоихъ донесеній, какъ найдешь при проѣздѣ чрезъ Бобруйскъ въ Брестѣ и въ Варшавѣ. Послѣднія свѣдѣнія изъ Познани и Галиціи довольно жалки! Еще важнѣе свѣдѣнія, сообщенныя изъ Кракова Унгернъ-Штернбергомъ чрезъ агента, всегда ему вѣрныя свѣдѣнія доставлявшаго. Полагаю, что что-то скоро готовится опять, теперь ужъ и ядъ въ моду долженъ войти, чему и были уже пробы! ужасно и подумать! Скоро должно послѣдовать отъ Австріи объявленіе о присоединеніи Кракова, и надо быть готовымъ слышать много вздору и марать много бумаги; но не думаю, чтобъ дошло до формальной ссоры ни съ Франціей, ни съ Англіей. Другого новаго ничего нѣтъ. Здѣсь все тихо; большая часть гвардіи отдыхаетъ за городомъ, и до того блаженствуетъ, что въ одномъ полку только 3 чел. больныхъ, тогда какъ въ городѣ и теперь изъ гарни-

зона поступаетъ по 80 въ день въ госпитали! ужасъ! и не знаю какъ этому помочь. На-дняхъ разстаемся съ Олинькой! Ты поймешь, что въ насъ происходитъ! Прощай, мой любезный отецъ командиръ, обнимаю тебя отъ всей души, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

С.-Петербургъ.
3-го (15-го) сентября 1846 г.

Благодарю тебя, мой любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 27-го августа (8-го сентября). Весьма радъ, что ты на мѣстѣ послѣ довольно утомительнаго пути, ибо не думаю, чтобъ могъ уже проѣхать по новому шоссе. Я очень радъ, что ты нашелъ Нижегородскій полкъ въ лучшемъ видѣ, чѣмъ полагать можно было; дай Боже, чтобъ здоровье полка было лучше; полагаю, что усиленныя порціи много сему помогутъ, ежели *все до людей доходить будетъ*, въ чемъ нуженъ будетъ близкій надзоръ. Слабое числительное состояніе 3-го корпуса побудило меня назначить собственно на усиленіе его по три сильныя роты съ полковъ 6-го въ каждый полкъ 3-го, повелѣніе уже послано. Мнѣ бы весьма желательно было, чтобъ сіи сводные 12 бат. могли въ позднюю осень идти сухой по возможности дорогой; и для того хотѣлось бы ихъ направить на Бобруйскъ и по новому шоссе въ Брестъ; но здѣсь покуда нѣтъ свѣдѣній можно ли вдоль онаго найти для войскъ удобные ночлеги; для того прошу тебя, ежели ты раздѣляешь мое мнѣніе, велѣть выслать на встрѣчу хорошаго офицера г. штаба осмотрѣть эту дорогу въ семъ отношеніи и сдѣлать маршруты, которые бат. прямо и сообщить. Надѣюсь, что ты съ Блудовымъ многое подвигаешь къ концу, чего такъ желаю. Въ Римѣ надѣюсь нисколько болѣе не успѣть при ны-

нѣшнемъ расположеніи папы. Новаго ни изъ Познани ни изъ Галиціи ничего не знаю, врядъ ли что путное будетъ. Любопытенъ знать, что донесетъ Реадъ про состояніе прусскихъ войскъ. Здѣсь все тихо, но погода намъ измѣнила, и вотъ другая недѣля, что все холодно и вѣтренно. Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
19-го сентября (1-го октября) 1846 г.

Благодарю тебя, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 12-го (24-го) числа. Извѣстіе столь неожиданное о болѣзни Маріи Михайловны насъ крайне огорчило; дай Боже, чтобъ доктора вовремя захватили болѣзнь. Положеніе М. П. самое тяжелое между больной жены и болѣющей дочери!

Изъ Москвы имѣю донесеніе, что отправленіе маршевыхъ бат. готовится весьма дѣятельно, и скоро первый бат. (и чуть ли не завтра) уже выступаетъ; теперь знать надо, можно ли и выгодно ли будетъ бат. слѣдовать по Бобруйскому шоссе. Волненіе въ папскихъ владѣніяхъ должно было во всякомъ случаѣ быть, и я думаю чуть ли папа не по необходимости ли сдѣлалъ и амнистіи, и реформы, которыя предпринимаетъ, на что можетъ быть рѣшился и не по либерализму, а по необходимости, скоро этому повѣрка будетъ, ибо надо ему будетъ укрощать своевольство, которое иначе поняло его намѣреніе, посмотримъ сдѣлаетъ ли? Г. Буксгевденъ доноситъ, что пограничные наши мужики очень шевелятся и хотятъ будто выйти изъ повиновенія помѣщиковъ. Зная, что за канальи эти помѣщики, и въ особенности арендаторы у нихъ, весьма ожидаю подобной попытки; ихъ надо будетъ укрощать строго и скоро, но приняться надо и за помѣщиковъ и арендаторовъ

которые употребляютъ во зло свою власть въ угнетеніе крестьянъ. Прошу тебя велѣть особое обратить вниманіе; есть нѣкто Гекингъ, арендаторъ имѣній или Витгенштейна, или Радзивилла, какъ говорятъ извергъ сущій, вели это узнать. Вчера кончилъ 3-хъ дневный маневръ и былъ войсками очень доволенъ, а сегодня былъ смотръ, превосходный. Полагаю 28-го (10-го) числа ѣхать на нѣсколько дней въ Москву смотрѣть безсрочныхъ, тамъ собранныхъ. Новаго ничего. Обнимаю тебя душевно, на вѣки твой искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

Царское Село.
9-го (21-го) октября 1846 г.

На дорогѣ изъ Москвы сюда получилъ я твое письмо, мой любезный отецъ командиръ; и радуюсь, что все у тебя въ порядкѣ. Одни извѣстія объ В. К. Маріи Михайловнѣ насъ крайне сокрушаютъ, лучшаго нѣтъ! Весьма радъ, что ты прокаталъ Клейнмихеля съ собой въ Петриковъ, ему это будетъ очень полезно; не получилъ отъ него описанія, какъ онъ проплылъ Припетью и Королевскимъ каналомъ. Очень радъ, что ты нашелъ возможность провесть маршевые бат. изъ 6-го корпуса чрезъ шоссе Бобруйское; могу тебя завѣрить, что всѣ 12 бат. отличные, и будутъ украшеніемъ 3-го корпуса, ежели ихъ въ немъ будутъ умѣть сберечь; ибо въ Москвѣ почти больныхъ нѣтъ, и на весь корпусъ 500 съ чѣмъ то больныхъ, а въ Москвѣ на 5 полковъ было 173 въ госпиталяхъ. Я тамъ смотрѣлъ гарнизонъ и 13 бат. безсрочныхъ и былъ отмѣнно доволенъ. Кажется на сей разъ Реада и офицеровъ нашихъ приняли въ Пруссіи какъ должно. Что это въ Августовѣ и Гроднѣ? Эй не шутить съ зачинщиками и вели хорошо съ ними разсчитываться; не надо дать злу у насъ

зародиться, но сейчасъ изъ корня вонъ прекратить. Какъ тебѣ нравятся ссоры Франціи съ Англіей за свадьбу Montpensier; не мило-ли? вотъ имъ и *entente cordiale*; какъ это здорово; то-ли еще будетъ!—а мы покуда будемъ готовы на черный день. Открытіе гремучей хлопчатой бумаги очутилось въ Москвѣ уже за 20 лѣтъ извѣстнымъ, и найдено бѣднякомъ музыкантомъ, русскимъ, и онъ съ-дуру все про это молчалъ; теперь, услышавъ про это мнимое открытіе, пришелъ съ нимъ къ Щербатову, и я видѣлъ опыты точно изумительные. Теперь ихъ будутъ здѣсь продолжать, не зная. Это считаю очень важнымъ. Въ Москвѣ я всѣмъ былъ очень доволенъ, а пріемомъ глубоко тронутъ. Жена моя тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю; твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
24-го октября (5-го ноября) 1846 г.

Сегодня вечеромъ получилъ я письмо твое, любезный отецъ командиръ, отъ 20-го октября (1-го ноября), за которое душевно благодарю. Строгими мѣрами, принятыми къ остановленію возникавшаго безпорядка въ крестьянахъ, надѣюсь, что зло будетъ остановлено; что же касается до новыхъ эмисаровъ, готовящихся къ намъ, кажется кромѣ новыхъ жертвъ безразсудства, ничего произвесть не можетъ. Сей же вечеръ получилъ я изъ Вѣны донесеніе, что наконецъ рѣшились приступить къ объявленію объ уничтоженіи Кракова; пора было, и я долженъ былъ по почтѣ писать въ Вѣну очень сильно, что буде они трусятъ приступать къ дѣлу, то я готовъ взять *Краковъ себѣ*; но не дождались и сдѣлали, и тѣмъ лучше. Крику будетъ много, этому вѣрю, но послѣдствій никакихъ. Въ Лондонѣ домъ банкировъ Гирманъ, который 50 лѣтъ правилъ нашими дѣлами, обанкротилъ и мы теряемъ до 3 мил.

сер., непріятно, но кредита нашего не уронимъ ни чуть, и все исправно заплотимъ; со всѣхъ сторонъ сыплютъ къ намъ предложенія. На Кавказѣ тихо; но съ персіянами мы ссоримся за пароходы, но надѣюсь, что безъ драки обойдется. Здѣсь все совершенно тихо по прежнему; осень необычайно сухая, не было ни одного дня дождя, а со вчера морозъ достигъ 6°, но безъ снѣга; льду еще нѣтъ и навигація въ ходу очень дѣятельно. Получилъ проэкты Жванцовъ; 9 мил. сер. меня пугаютъ; надо будетъ умѣрить наши затѣи, ибо они черезъ чуръ тяжелы; постараюсь дѣло уладить. Что-то съ больными? — хорошо ли люди ѣдятъ? вели повѣрить изъ подъ руки во 2-мъ и 4-мъ корпусахъ; въ Кіевѣ непомѣрно много больныхъ и умершихъ.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую ручки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю; твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
8-го ноября (20-го) 1846 г.

Любезный мой отецъ командиръ, Саша тебѣ вручитъ это письмо; можетъ быть, когда его получишь, уже извѣстна тебѣ будетъ роковая вѣсть изъ Вѣны! *Въ такомъ случаѣ* прошу тебя *сей часъ* велѣть выбрать 1 офицера, 2 урядника и 8 казаковъ линейныхъ, самыхъ видныхъ и *надежныхъ* и съ однимъ изъ твоихъ адъютантовъ пошли сейчасъ же въ Вѣну, для принятія тѣла, и сопровожденія и караула при немъ, до Петербурга. Перевозъ Михайло Павловичъ поручаетъ г.-л. Бибикову, который сегодня же ѣдетъ въ Вѣну; вели командѣ быть въ его распоряженіи. Полагаю, что братъ согласится перевозку учинить безъ церемоніи, просто въ закрытой каретѣ; въ такомъ случаѣ ни встрѣчъ, ни церемоній нигдѣ быть не должно, и тѣло повезено будетъ по почтѣ. Но ежели братъ

пожелаетъ, чтобъ перевозка дѣлалась церемоніально, то надо будетъ нарядить сотню казаковъ на границу и провожать такимъ же образомъ. На ночлегахъ ставить роту въ караулъ, а въ Варшавѣ тѣло поставить въ соборѣ, и принять архіерею; далѣе же везти тоже подъ конвоемъ казачей сотни до того мѣста, гдѣ отсюда вышлю принять другимъ конвоемъ, что опредѣлится въ свое время. Но повторяю, надѣюсь, что братъ согласится перевозку дѣлать просто, келейно и по почтѣ. Такъ какъ на дняхъ должно было быть въ Краковѣ объявлено присоединеніе къ Австріи, то легко быть можетъ, что будутъ безпорядки и дорога будетъ не безопасна; въ такомъ случаѣ я прошу сыну не дозволять ѣхать тѣмъ путемъ, а обрати его на Шлезію; даже и въ такомъ случаѣ, ежели ты полагать будешь, что проѣздъ его черезъ Краковъ можетъ подать поводъ къ неприличнымъ изъявленіямъ. Горе наше велико и отразилось опять на здоровьи жены, молю Бога, чтобъ ожидающія насъ тяжелыя сцены вновь не испортили пользу леченія въ Италіи, и боюсь этого! Новаго ничего, Франція и Англія нынѣ въ насъ ищутъ, ибо обоимъ мы нужны, но я неподвиженъ и смотрю на нихъ съ презрѣніемъ. На Кавказѣ у Бебутова было славное дѣло, какого давно не было, и теперь все тихо.

Обнимаю тебя отъ души, жена тебѣ кланяется, цѣлую ручки княгинѣ. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Царское Село.
14-го ноября (26-го) 1846 г.

Письмо твое отъ 10-го (22-го) получилъ сегодня утромъ, любезный отецъ командиръ. Новое несчастіе, постигшее наше семейство, узнали мы третьяго дня вечеромъ; и то неполно, по телеграфу, а черезъ четыре часа позже прибылъ Ивановъ съ письмомъ брата. Несчастіе его точно душу раздираетъ.

При тебѣ онъ нѣсколько отведетъ душу, ибо будетъ съ тѣмъ, кого такъ душевно любитъ, и который испыталъ подобное намъ!

Слава Богу, что съ Краковомъ конецъ; шуму и крику будетъ много, не полагаю, чтобъ было другое; впрочемъ пусть суетятся, принять будемъ мы готовы. Ренневаль здѣсь очень испуганъ и говоритъ, что опасается, что Гизо не устоитъ; я такъ не полагаю этого; но ежели бы и было такъ, что намъ за дѣло; хоть бы и Тіеръ его замѣнилъ, не боюсь ничуть. Пальмерстонъ тоже будетъ шумѣть и грозить, но почти увѣренъ, что симъ и кончится. Положеніе Галиціи весьма не надежно, въ томъ нѣтъ сомнѣнія, и будетъ имъ худо, ежели не будутъ строже поступать и не облекутъ, кого послать хотятъ, полною властію. Увѣренъ, что пропаганда и эмиграція будутъ бѣситься и всячески искать будутъ новыхъ способовъ намъ вредить; надо быть осторожными. Въ Вильнѣ съ присылки Іолышина дѣло пошло гораздо лучше, и полагаю будутъ еще важныя открытія; надо идти до корня. Бунтующихъ мужиковъ въ Бѣлостокѣ надо примѣрно наказать, какъ и вездѣ, гдѣ затѣютъ выходить изъ повиновенія. Сокрушаетъ меня состояніе Радомской губерніи; нельзя либо было придумать новой шоссейной работы; или нанять ихъ для Брестско-Кіевской. Боюсь, чтобъ положеніе края вновь не отдалось на войско, и прошу тебя всячески стараться обезпечить ихъ отъ нужды. Здѣсь все тихо и новаго ничего. Княгинѣ цѣлую руки, а тебя душевно обнимаю; на вѣки твой искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
9-го (21-го) декабря 1846 г.

Сынъ вручилъ мнѣ письмо твое, мой любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю. Свиданіе съ М. П.

было самое тягостное и безъ жалости ни видѣть, ни слышать его нельзя; послѣ долгихъ колебаній онъ однако рѣшился выѣхать въ Новгородскій кадетскій корпусъ, дабы прождать тамъ, покуда всѣ ужасныя церемоніи не будутъ кончены; все это ляжетъ на насъ и не облегчитъ *наше* горе ужасными воспоминаніями; женѣ уже это отдалось и молю Бога, чтобъ хуже не было. Къ дѣлу. Всѣ твои записки читалъ съ удовольствіемъ, остается желать только, чтобъ все было успѣшно довершено. Сокращеніе издержекъ по администраціи и въ особенности уменьшеніе числа чиновниковъ считаю мѣрою и полезною и даже необходимою. Предупредить безпорядки, отъ уменьшенія повинностей ожидаемые, очень желательно; но ежели и будутъ, то нѣсколько примѣровъ строгости все укротятъ. Главное забрать должно зачинщиковъ зла и подстрекателей. По Краковскому дѣлу шуму и вранья много, но кажется тѣмъ и кончится; а что хорошо, то явная вражда между Англіею и Франціею, которая и при семъ обстоятельствѣ не могла быть предлогомъ для сближенія и взаимнаго противъ насъ дѣйствія. Радуюсь, что торги на провіантъ у тебя пошли удачно, крайне нужно, ибо не знаю какъ смѣту сведемъ. По моимъ свѣдѣніямъ, свод. бат. 6-го корпуса прошли Бобруйскъ очень благополучно, любопытенъ знать будешь ли ими доволенъ. Здѣсь покуда новаго ничего; эти дни будутъ намъ крайне тяжелы, да среди дѣлъ, нынѣ накопившихся, еще тяжеле, чѣмъ когда. Что дѣлать! терпѣть должно и молить Бога, чтобъ подкрѣпилъ.

Богъ съ тобой, обнимаю отъ души, а княгинѣ цѣлую руки.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Жена тебѣ кланяется.

С.-Петербургъ.
28-го декабря (9-го генваря) 1846 г.

Третьяго дня вечеромъ получилъ я письмо твое отъ 23-го декабря (4 генваря), за которое душевно благодарю, мой любезный отецъ командиръ, равно какъ и за поздравленіе съ новымъ годомъ; дай Боже, чтобъ былъ онъ для насъ всѣхъ мирнымъ и благополучнымъ, а въ прочемъ буди по Святой Его волѣ, часто намъ непостижимой, навѣрно къ лучшему, когда Онъ такъ опредѣляетъ! Свѣдѣнія, которыя ты сообщаешь про готовящееся въ Пруссіи, совершенно подтверждаются со всѣхъ сторонъ; но что всего хуже, король въ своемъ ослѣпленіи началъ теперь ссориться съ австрійцами за подчиненіе Кракова общему австрійскому тарифу; и такъ какъ Австрія весьма справедливо не соглашается на безсмысленныя требованія короля, — то онъ выходитъ изъ себя, ругается въ пропалую и право не знаю, до чего дойти можетъ. Я ему рѣшительно объявить долженъ былъ, что находя его требованія совершенно несправедливыми, объявляю ему, что не могу допустить его неправильныхъ притязаній къ Австріи, и въ случаѣ серіозной ссоры, присоединюсь къ Австріи, такъ какъ бы присоединился къ Пруссіи, ежели бъ считалъ вину со стороны Австріи; — авось этимъ предупрежду крайности. Этотъ примѣръ безразсудства короля не одинъ, такихъ много и по всѣмъ дѣламъ, и легко вообразить, что изъ всего этого происходитъ! просто срамъ и жалость. Здѣсь все тихо и хорошо. Брату лучше, и онъ теперь начинаетъ быть спокойнѣе духомъ, хотя часто очень грустенъ. Какъ я радъ, что мои 12 бат. 6-го корпуса благополучно добрели и что тѣми, что видѣлъ, ты доволенъ былъ. Я вполнѣ надѣюсь, что это комплектованіе 3-го корпуса будетъ надежное, красивое, и притомъ чисто русское, чего давно не было. Тебѣ уже писалъ Чернышевъ, что съ помощію Божіею я намѣренъ въ будущую осень смотрѣть 4-й корпусъ въ полномъ его составѣ въ Мед-

жибожѣ. Нужны тоже двѣ дивизіи на работы шоссе изъ Кіева въ Брестъ, и мнѣ бы казалось, что подъ Кіевомъ могла бы работать одна дивизія 1-го корпуса, а подъ Брестомъ дивизія 2-го, хотя бы съ отмѣной сбора подъ Ковной, замѣня Брестомъ; пора начать это шоссе и съ обоихъ концовъ на встрѣчу. Жду твоего отвѣта объ уменьшеніи числа безполезныхъ сенаторовъ, которыхъ здѣсь я поудалилъ, теперь надо и тебѣ тоже сдѣлать въ Варшавѣ, ибо много у тебя такихъ понабралось, что нѣсколько уменьшитъ издержекъ. Пора намъ вездѣ перебрать штаты и ненужное уменьшить до крайности; здѣсь я принимаюсь радикально.

Жена тебѣ кланяется, она послѣ нашего горя все время хворала, теперь получше; цѣлую руки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

№ 59.

Сообщено Ад. П. Берже въ „Русск. Стар.“, окт. 1885 г.

Варшава.
19-го февраля (3-го марта) 1846 г.

Всемилостивѣйшій государь. Въ Царствѣ Польскомъ спокойно. Войска наши двигаются: сегодня должны быть подъ Краковымъ; я думаю Краковъ сдастся безъ защиты. Странная претензія пруссаковъ, чтобы ихъ генералъ командовалъ въ Краковѣ, заставила меня послать ген.-ад. Ридигера, не такъ какъ командира отряда, а чтобы быть тамъ и наблюдать за происшествіями и, не отдаваясь въ команду, не брать оной. Главное разсужденіе мое въ томъ, что австрійцамъ скорѣе всего предлежитъ имѣть команду, ибо бунтъ у нихъ въ Галиціи, а пруссаки и мы должны, посему, быть въ ихъ распоряженіяхъ. При томъ, ген. Ридигеръ, въ послѣднюю войну, тамъ командовалъ, знаетъ мѣстоположеніе, людей тамошнихъ

и войну. Фонтонъ свѣтренничалъ, предлагая команду. Безпрестанныя, такъ сказать, вспышки къ бунту въ Царствѣ Польскомъ сдѣлали то, что нужно было дать отдѣльнымъ воинскимъ начальникамъ, и даже ротнымъ командирамъ, въ кругу ихъ расположенія, власть брать кого хотятъ, и представлять за карауломъ. Преступниковъ необходимо казнить смертію и судить ихъ по полевому положенію. Это и выдачи большихъ суммъ для войскъ заставили меня просить объявить Польшу въ военномъ положеніи. Распоряженіе, которое даетъ теперь власть даже ротнымъ командирамъ, есть одно средство удержать неистовое дворянство и шляхту въ повиновеніи. Они, дворяне и шляхта, болѣе мѣсяца держатъ въ страхѣ хорошихъ и честныхъ гражданъ; тѣмъ же надобно и имъ отплатить за страхъ страхомъ. Надобно, чтобы онъ вечеромъ, засыпая, боялся ночью не быть взятымъ подъ караулъ; а какъ въ продолженіи дня дѣла его и слова почти всегда противузаконны, то онъ успетъ очень дурно. Такимъ образомъ, не годъ, не два, но три, четыре продержать ихъ въ страхѣ, и тогда возвысятся военные, всѣ русскіе и честные граждане; а дворяне, шляхта и другіе, терпя всегдашнюю опасность, смирятся. Разумѣется, что нѣкоторыя изъятія личныя будутъ.

При семъ имѣю счастіе представить два отношенія эрцъ-герцога Фердинанда ко мнѣ. Положеніе дѣлъ въ Галиціи удивляетъ тѣмъ болѣе, что крестьяне тамъ горячо взялись и истребили въ началѣ бунтъ. Посылаю адъютанта моего, гр. Коновницына, для объясненій лично о галиційскомъ дѣлѣ. Замѣчательно, что жиды въ сіе возмущеніе стрѣляли изъ оконъ въ Краковѣ, большое охлажденіе къ сему бунту показали; такъ что извѣстія самыя невѣрныя были во все время въ мѣстахъ, гдѣ бунтовщики были; а въ прежнюю войну почти каждый шагъ мы знали о бунтующихъ. Въ прокламаціи, жиды, отъ бунтовщиковъ, названы *братьями поляками-израильтянами*.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и съ таковою же преданностію имѣю счастіе быть и пр.

Князь Варшавскій, графъ Паскевичъ-Эриванскій.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 60.

Разговоръ съ гр. Лубинскимъ.

Графъ Т. Лубинскій ѣздилъ въ Позенъ, и возвратясь оттуда за двѣ недѣли до бунта въ Краковѣ, разсказывалъ мнѣ съ видомъ удивленія и сожалѣнія о броженіи умовъ въ Познани, о распространеніи тамъ комунизма.

Я замѣтилъ ему, что въ настоящемъ волненіи есть два движенія: одно *комунизма*, другое *полонизма*, который, пользуясь комунизмомъ, старается имъ прикрыть свои дѣйствія. Это объясняется исторіею всѣхъ тайныхъ обществъ, соціальныхъ и политическихъ. Стоитъ вспомнить исторію Масонскихъ обществъ.

Въ началѣ Масонскія ложи были собраніемъ, можетъ быть, однихъ добрыхъ людей, которые увлекались мыслію, что нѣсколько человѣкъ, соединясь въ Общество, — могутъ сдѣлать болѣе добра, чѣмъ одно, отдѣльное частное лицо. Ихъ заманивали также — мистическія формы и обряды масонства. Такъ было до появленія иллюминатовъ, которые образовались уже съ цѣлію преступною, или какъ нынѣ говорятъ, политическою. Иллюминаты видѣли возможность воспользоваться собранными въ ложи масонами, изъ которыхъ иные были увлечены, другіе сами пристали къ ихъ политическимъ замысламъ.

Тогда масонство образовало первую, низшую ступень тайныхъ обществъ, куда завлекались адепты и приготовлялись къ поступленію на высшія степени.

Тѣмъ же путемъ слѣдовали и новыя общества, образовавшіяся позднѣе, съ болѣе или менѣе преступными цѣлями.

Каждое изъ нихъ употребляло другія слабѣйшія, менѣе энергическія общества какъ орудіе, какъ средство воспользоваться имъ и дѣйствовать вмѣстѣ или, въ случаѣ нужды, имъ заслониться.

Такъ и нынѣ. Комунизмъ существуетъ и распространяется по всей Западной Европѣ. Но полонизмъ имъ старается воспользоваться какъ силою, какъ орудіемъ, въ надеждѣ потомъ, въ случаѣ успѣха, отдѣлиться и подавить его.

Черезъ двѣ недѣли послѣ сего разговора, вспыхнулъ бунтъ въ Краковѣ и Галиціи. Событія оправдали мои слова.

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 61.

а.

Маія 1846 г.
Варшава.

Съ запискою о послѣднемъ заговорѣ поляковъ.

Осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить Вашему Императорскому Величеству краткую записку о началѣ, послѣдствіяхъ и причинахъ неуспѣха послѣдняго заговора мятежниковъ польскихъ.

Варшава.
„ “ маія 1846 г.

б.

Краткое обозрѣніе начала, послѣдствій и причинъ неуспѣха послѣдняго Польскаго заговора.

Источникъ, откуда проистекаютъ всѣ безпокойства въ разныхъ частяхъ бывшей Польши, есть безъ сомнѣнія польская эмиграція въ Парижѣ и Лондонѣ.

Эмиграція, по цѣли, раздѣлялась на двѣ партіи: демократическую и аристократическую.

Первая, такъ называемая демократическая, болѣе дѣятельная, безпокойная и дерзкая, состоитъ изъ лицъ средняго состоянія, часто не безъ способностей, докторовъ, литераторовъ, чиновниковъ, фабричныхъ. Замѣчательнѣе другихъ есть Лелевель.

Партія сія не есть демократическая въ собственномъ смыслѣ. О массѣ народа, о низшемъ классѣ, о поселянахъ, она никогда не думала. Мыслію ея не была республика, по образцу греческихъ, или даже римской. Истинною ея цѣлію всегда есть и было: уничтожить преимущества и власть высшаго класса, оставивъ аристокраціи одно только названіе, и захватить всю власть въ управленіи въ свои руки, то есть въ руки средняго класса, къ которому принадлежатъ всѣ лица отъ банкира до ремесленника включительно: все что заключается между дворянствомъ и землепашцами. Массы же народа она думала употребить только какъ средство къ достиженію свой цѣли. Но народъ чувствовалъ, что при этомъ новомъ порядкѣ участь его не улучшилась; напротивъ, въ небольшомъ числѣ прямыхъ своихъ владѣтелей онъ часто видѣлъ покровителей, и повиновеніе къ нимъ, основанное на почтеніи, передано было ему дѣдами, и обратилось въ привязанность. Нынѣ, это небольшое число замѣнилось новыми, гораздо большими по числу, людьми, которые будучи ближе къ нему по происхожденію, стали сильнѣе тяготѣть надъ ними. Народъ не находитъ въ нихъ прежнихъ покровителей; нѣтъ уже прежней связи, на благодѣяніяхъ, съ одной стороны, и на благодарности съ другой—основанной. Вотъ почему народъ не будетъ принадлежать къ обществамъ такъ называемымъ демократическимъ.

Другая партія—аристократическая — болѣе значительная по именамъ и богатствамъ, но менѣе дѣятельная, старалась

только воспользоваться тѣмъ, что приготовитъ партія демократовъ. Главою ея — по имени — есть князь Адамъ Чарторыйскій. Но какъ человѣкъ безъ характера, безъ энергіи, онъ далъ только имя свое и деньги. Руководителемъ же былъ графъ Владиславъ Замойскій.

Замыслы и средства заговорщиковъ.

Эмиграція, наученная неуспѣхомъ около 15-ти заговоровъ, съ 1831 года ежегодно въ Царствѣ Польскомъ открываемыхъ и наказываемыхъ, — эмиграція, соединивъ обѣ партіи, придумала другія средства. Не прибѣгая къ обыкновеннымъ, частнымъ заговорамъ, тайнымъ обществамъ и пр., — она старалась устроить и приготовить одинъ общій заговоръ между всѣми, одинаково мыслящими поляками. Для сего, каждый посвященный въ замыслы обязанъ былъ только разговаривать съ окружающими и сосѣдями. Предметомъ разговоровъ были, разумѣется, воспоминанія, сожалѣнія, желанія, наконецъ надежды.

Надежды, безумныя конечно, но были постоянно питаемы покровительствомъ Франціи и Англіи, и не газетами, не частными людьми; но правительствами, которыя, находясь въ дружественныхъ сношеніяхъ, или по крайней мѣрѣ въ мирѣ съ Австріею, Пруссіею и Россіею, въ теченіе 15 лѣтъ покровительствуя эмиграціи польской и деньгами и явнымъ участіемъ въ палатахъ, поддерживали такъ называемую національность польскую, и безпрестанно растравляя сію политическую язву, старались только дѣйствовать во вредъ державъ монархическихъ, и не дать изсякнуть источнику безпокойствъ и бунтовъ во всѣхъ частяхъ бывшей Польши.

Разрушительныя начала политики правительствъ Франціи и Англіи существуютъ давно; но до смерти прусскаго короля Фридриха Вильгельма III онѣ не имѣли такого сильнаго вліянія на державы сѣверныя. Къ несчастію, по смерти его, Пруссія, впустивъ къ себѣ эмигрантовъ польскихъ, дала имъ возможность ближе и сильнѣе дѣйствовать на Позенъ и Царство, и возбудила въ нихъ надежды, что Пруссія отдѣлится

отъ двухъ остальныхъ монархическихъ державъ и приблизится къ политикѣ французской и англійской.

Австрія, при нынѣшнемъ Императорѣ и эрцъ-герцогѣ Людвикѣ, не показала энергіи, дозволивъ безпрепятственно развитію духа провинціальнаго, и если порядокъ еще держится, то это благодаря силѣ еще прежней австрійской системы въ управленіи.

Князь Меттернихъ допускаетъ право пристанища (droit d'asile), но съ обязанностію надзора.

Такимъ образомъ преступники, законами на смерть осужденные, находятъ покровительство, пособіе; а надзоръ за ихъ поступками и происками внѣ государства — есть только воображаемый.

Ободренная симъ послабленіемъ, эмиграція польская стала распространять свои дѣйствія.

Посвященные въ скрытныя намѣренія эмиграціи должны были, каждый, избрать пятерыхъ изъ тѣхъ, кто раздѣлялъ ихъ образъ мыслей, такъ однако, чтобы сіи пятеро, не зная одинъ другаго, знали бы только одного ихъ принявшаго. Изъ сихъ пятерыхъ опять каждый на томъ же основаніи, долженъ былъ набрать пятерыхъ, и такъ далѣе.

Это названо было *цѣпною системою.* Выгоду сей системы они находили въ томъ, что, въ случаѣ открытія одного лица, можно по слѣдамъ его дойти выше до нѣсколькихъ только лицъ, а четыре пятыхъ всегда могли, по крайней мѣрѣ на долго, укрыться отъ розысканій.

И дѣйствительно, сколько разъ ни были открываемы разные частные случаи, всегда мы были останавливаемы невѣденіемъ самихъ заговорщиковъ, которые, сознаваясь во всемъ, показывая образъ мыслей отца, братьевъ, къ заговору непринадлежавшихъ, не могли указать на другихъ, причастныхъ къ заговору, сами никого не зная кромѣ одного лица, въ замыслы мятежниковъ ихъ посвятившаго. Нить нашихъ розысканій пре-

рывалась; а когда дѣлалось новое открытіе, то оказывалось, что оно имѣетъ связь съ прежними, связь часто неизвѣстную самимъ злоумышленникамъ. Такихъ примѣровъ можно насчитать нѣсколько.

На распространеніе цѣли давалось время, требовалась только готовность дѣйствовать, когда придетъ срокъ. Между тѣмъ надежды поддерживались извѣстіями о присылкѣ оружія, участіи, помощи. Обязывался притомъ каждый, по мѣрѣ возможности, и самъ запасать оружіе, аммуницію, порохъ, лошадей.

На посвященныхъ возлагалось также дѣйствовать на массы народа, обѣщаніемъ избавленія ихъ отъ барщины, раздачи имъ земель и освобожденія отъ платежа прежнихъ податей и повинностей.

Но главною пружиною вліянія на простой народъ и въ особенности женщинъ было католическое духовенство, которое прибѣгало для того къ мѣрамъ преступнымъ, и таинство исповѣди употребляло какъ средство, именемъ Бога побуждая народъ къ возстанію. Въ Галиціи и Позенѣ, какъ извѣстно, оно не только участвовало, но приготовляло и устраивало бунтъ; въ Краковѣ монастыри служили складочнымъ мѣстомъ оружія и запасовъ. Въ царствѣ, — съ достовѣрностію сказать можно, — духовенство католическое не лучше; но оно дѣйствуетъ болѣе скрытно, и не такъ смѣло. Но съ того времени особенно, когда въ Пруссіи были извѣстныя исторіи епископовъ, и мы встрѣчаемъ уже болѣе явное противодѣйствіе какъ въ дѣлахъ о бракахъ съ иновѣрцами, такъ и въ самыхъ заговорахъ; — чему доказательствомъ служатъ епископы Скурковскій и Гутковскій и ксендзъ Сцегенный.

Изъ прокламаціи князя Чарторыйскаго ясно видно, какую роль духовные играли въ приготовленіяхъ къ бунту. Князь Чарторыйскій убѣждалъ помогать имъ переходить изъ одного мѣста въ другое, слушать ихъ науку о свободѣ, *принесенную*

ими изъ Рима, быть у нихъ въ послушанiи и отъ нихъ ожидать указанiя, когда наступитъ время поднять оружiе.

И послѣ этого папа римскiй старается прикрыться личиною соболѣзнованiя и невѣденiя о поступкахъ духовенства. Забывъ благодарность, которою онъ обязанъ монархическимъ государствамъ, поддержавшимъ престолъ папскiй въ то время, когда не только власть его, но и христiанство и всѣ религiозныя чувства исчезали. Папа, личнымъ какимъ то разсчетомъ жертвуетъ дѣломъ цѣлой религiи, думая управлять паствою не примѣромъ смиренiя и покорности, истинно христiанскихъ добродѣтелей, но стараясь съ Ламне и другими лжеучителями равенства идти наравнѣ съ вѣкомъ. Опасаясь такъ называемаго общественнаго мнѣнiя и увлеченный духомъ нетерпимости къ восточной православной церкви, которую онъ явно называетъ *ересью*, папа допускаетъ своихъ клевретовъ разсѣвать повсюду сѣмена ихъ преступнаго ученiя, и когда оно начинаетъ нынѣ приносить свои кровавые плоды, то ограничивается соболѣзнованiемъ и отзывается невѣденiемъ.

Въ приготовленiяхъ возмутителей прошло около двухъ лѣтъ. Сѣть заговора покрыла мало по малу все пространство бывшей Польши, которую заговорщики раздѣлили на 5 частей. Въ каждой части, въ каждомъ уѣздѣ и округѣ назначены были начальники и всѣмъ имъ дана была инструкцiя.

По сей инструкцiи, въ тотъ моментъ, когда бы наступило время дѣйствовать, всѣ единомыслящiе поляки должны были вооружиться и въ одну ночь, во всѣхъ пяти частяхъ Польши, вырѣзать отдѣльныя военныя команды, главныя власти и, по слухамъ, — всѣхъ не поляковъ и не католиковъ.

Совершивъ убiйство, вооруженные должны были соединиться въ уѣздныхъ городахъ. Здѣсь встрѣтилъ бы ихъ начальникъ и раздѣлилъ на дѣйствующiе и резервные отряды. Первые изъ нихъ собрались бы въ назначенныхъ пунктахъ, сообразно составленной ими картѣ; а резервнымъ отрядамъ

поручено было бы брать или блокировать крѣпости, дѣлая впрочемъ тамъ только попытки, гдѣ будутъ участники, или единомышленники.

Таковы были намѣренія и средства эмиграціи и мятежниковъ.

Ихъ главныя надежды обращены были на Позенъ и на Краковъ. Они основывали ихъ на слабости правительства Краковскаго и на множествѣ недовольныхъ вообще въ Пруссіи.

Къ счастію, въ Позенѣ случайно были сдѣланы нѣкоторыя открытія, которыя навели правительство на слѣды заговора.

Въ Краковѣ волненіе было такъ замѣтно, что резиденты трехъ державъ, не имѣя еще никакихъ положительныхъ свѣдѣній, по отзыву сената, что онъ не ручается за сохраненіе спокойствія, признали необходимымъ занять городъ небольшимъ Австрійскимъ гарнизономъ.

Бунтъ въ Краковѣ.

Не смотря на то, бунтъ въ Краковѣ вспыхнулъ. Австрійскія войска выступили и мятежники старались учредить свое правленіе.

Въ Галиціи.

Вслѣдъ за тѣмъ они бросились въ Галицію, но здѣсь нашли противъ себя всѣхъ поселянъ.

Попытка бунтовщиковъ въ Сѣдльце.

Въ то же время они пробовали сдѣлать попытку и въ царствѣ, напавъ на Сѣдльце; но не имѣли никакого успѣха. Къ нимъ никто не присталъ и мужики связали бунтовщиковъ.

Причины сей неудачи были, кажется, слѣдующія:

Причины неуспѣха въ Галиціи.

Мятежники состояли изъ поляковъ: дворянъ, духовенства, мелкой шляхты, разночинцевъ, и только малаго числа крестьянъ, увлеченныхъ страхомъ смерти, или обѣщаніями и водкою; да и то малое число при первомъ случаѣ оставило бунтовщиковъ. Достаточно было увѣщанія австрійскаго окружнаго начальника въ одномъ маломъ городкѣ, чтобы всѣ крестьяне обратились противъ бунтовщиковъ и шляхты вообще; ибо вѣроятно всегда находили у правительства защиту противъ обычныхъ утѣсненій помѣщиковъ.

Ожесточеніе, съ которымъ поселяне рѣзали своихъ помѣщиковъ въ Галиціи, стараются представить слѣдствіемъ распространенія идей комунизма; но кажется, что комунизмъ служитъ въ томъ стучаѣ только ширмою, за которою хотѣли бы скрыться настоящіе виновники бунта, то есть шляхта польская. Въ волненіи крестьянъ не было идеи политической; въ немъ были только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ старинная ненависть рускаго къ поляку и вездѣ сродная — къ несчастію всему человѣчеству — зависть бѣднаго къ богатому, мужика къ помѣщику, желаніе, которое увлечетъ вездѣ и едва ли не во всякое смутное время поселянина, желаніе владѣть землею и не платить податей.

Въ Позенѣ — крестьяне польскіе, очиншеванные вопреки желанію помѣщиковъ, по распоряженію правительства, остаются по этому равнодушными и не принимаютъ сторону бунтовщиковъ. На нѣмцевъ въ Пруссіи, по случаю волненія тамъ умовъ, поляки также можетъ быть надѣялись, но когда сдѣлались извѣстными намѣренія поляковъ вырѣзать все, что не полякъ и не католикъ, когда при томъ открыты были покушенія ихъ отравить гарнизонъ въ Позенѣ и даже больныхъ въ госпиталяхъ, нѣмцы по необходимости отъ нихъ отдѣлятся. Раздѣленіе сіе рѣзко уже обозначается въ Австріи и вѣроятно проявится и въ Пруссіи, если опытъ чему либо научаетъ. Въ Позенѣ.

Въ Позенѣ однако истинною причиною предупрежденія бунта было открытіе во время заговора и арестація нѣкоторыхъ виновныхъ.

Въ царствѣ Польскомъ положеніе вещей другое. Здѣсь почти вездѣ одна кровь и языкъ, одна католическая вѣра, и у помѣщика, и у землепашца. Поэтому въ царствѣ должно было ожидать, что поселяне будутъ противъ шляхты только въ пограничныхъ мѣстахъ Люблинской губерніи; но въ другихъ мѣстахъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, на опытѣ основаннымъ, народъ останется равнодушнымъ. Въ Царствѣ Польскомъ.

Въ послѣднихъ событіяхъ въ Седльцѣ, въ Августовѣ, въ Радомской губерніи, мужики сами однако ловили бунтовщиковъ, и связанныхъ представляли начальству; но сего нельзя приписать ненависти мужика къ помѣщику по различію племени; а можетъ быть мѣрамъ покровительства и попеченій, которыя поселяне видятъ постояно въ теченіе 15 лѣтъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ помѣщика они не ожидаютъ ничего кромѣ притѣсненія. Такъ, во время неурожаевъ, правительство разсрочиваетъ и слагаетъ имъ подати, даетъ работу, хлѣбъ, деньги и всегда прибѣжище въ обидахъ и нуждѣ.

Были еще и другія причины, въ слѣдствіе коихъ можно было ожидать въ царствѣ болѣе серьозныхъ движеній злоумышленниковъ, именно: опасное сосѣдство Позена и Галиціи и важность царства и въ особенности Варшавы во всѣхъ преднамѣреніяхъ мятежниковъ; ибо нѣтъ сомнѣнія, что Варшава будетъ всегда центромъ ихъ интригъ, какъ по географическому положенію, такъ и по воспоминаніямъ историческимъ.

Мѣры и распоряженія по Царству Польскому.

По симъ причинамъ хотя я и могъ надѣяться на удержаніе злоумышленниковъ безпрерывнымъ надзоромъ пятнадцати лѣтъ, и на усмиреніе всякихъ покушеній силою оружія; но для сохраненія спокойствія въ краѣ, призналъ я необходимымъ, по первому извѣстію о происшествіяхъ въ Краковѣ, Галиціи и Сѣдльце, усилить мѣры обыкновенной осторожности, и вмѣстѣ съ тѣмъ принять слѣдующія мѣры:

1) Послать отрядъ войскъ для занятія Кракова, если не прежде, то вмѣстѣ съ войсками другихъ двухъ покровительствующихъ державъ. Къ нему, въ послѣдствіи, командированъ генералъ Ридигеръ, снабженный надлежащею на всѣ случаи инструкціею.

2) Собрать другой отрядъ войскъ на Галиційской границѣ и предложить Эрцъ-Герцогу Фердинанду вступленіе сего отряда въ Галицію въ его распоряженіе.

3) Всѣмъ войскамъ быть въ осторожности и готовыми къ выступленію.

4) Во всѣхъ мѣстахъ гражданскимъ властямъ наблюдать за помѣщиками, духовенствомъ, гимназистами, бывшими польскими военными, безсрочно отпускными и пріѣзжающими.

Исполненіе сихъ распоряженій произведено удовлетворительно: войска двигались быстро; гражданскіе мѣстные чиновники вели себя хорошо; виновные въ сѣдлецкомъ бунтѣ взятые съ оружіемъ въ рукахъ, по Высочайше дарованной мнѣ власти, наказаны смертію, другіе сосланы въ Сибирь и одинъ подвергнутъ тѣлесному наказанію.

Крестьяне, показавшіе преданность и представившіе бунтовщиковъ, награждены деньгами, медалями, избавленіемъ отъ рекрутской повинности. Другіе же, сосѣдніе съ Краковомъ и Галиціею, увлеченные примѣромъ и побуждаемые Галиційскими поселянами, начали было буйствовать и отказываться отправлять работы; но мѣрами скораго, безотлагательнаго наказанія зачинщиковъ и внушеніями настоящаго ихъ долга повиновенія и преданности законной власти они усмирены, и возвратились къ мирному исполненію своихъ обязанностей.

Такимъ образомъ явные и тайные злоумышленники были обузданы и спокойствіе въ царствѣ послѣ сѣдлецкой попытки было сохранено. Смѣю ручаться, что оно нарушено нынѣ не будетъ; но удерживаетъ Польшу только неусыпный надзоръ и страхъ наказанія; ибо нѣтъ сомнѣнія, что заговоръ распространенъ былъ по всѣмъ частямъ, нѣкогда Польшу составлявшимъ. Въ Краковѣ ожидаемы были депутаты изъ пяти частей, на которыя мятежники раздѣляли бывшую Польшу; на картѣ, ими составленной, черты доведены до Днѣпра; мѣста были розданы, начальники назначены; вездѣ и въ Позенѣ, и въ Галиціи затѣяло заговоръ дворянство польское, связанное родствомъ и съ нашими польскими помѣщиками въ Царствѣ и Имперіи.

В. арх. стар. дѣлъ. Sek. II. 8. a.
№ 5·575 a.

№ 62.

a.

Выписка изъ всеподд. отчета (полн.) намѣстника за 1846 г.

в. о крестьянахъ.

Государь Императоръ, въ отеческомъ попеченіи своемъ объ улучшеніи состоянія земледѣльческаго класса, указомъ отъ 26-го мая (7-го іюня) соизволилъ постановить правила для опредѣленія крестьянскихъ повинностей и отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Бытъ крестьянъ зависѣлъ предъ симъ въ частныхъ имѣніяхъ отъ произвола помѣщика. Ни пространства обрабатываемой ими земли, ни повинности крестьянъ къ помѣщику не были съ точностію обозначены; сверхъ того, они были обременены различными повинностями, изъ которыхъ однѣ, подъ названіемъ *даремщинъ*, отправлялись въ пользу помѣщика, а другія, хотя отправлялись и по найму, но не добровольному, а принужденному, за несоотвѣтственную труду плату. Вообще же исполненіе повинностей не было опредѣлено ни числомъ дней, ни родомъ работы, а договоры крестьянъ съ помѣщиками не имѣли законнаго основанія.

Нынѣ воспрещено помѣщикамъ самопроизвольно выселять хлѣбопашцевъ изъ своихъ имѣній, а равно отнимать у нихъ или уменьшать пространство владѣемой ими земли. Даремщины и принужденные наймы уничтожены вообще съ 20-го декабря (1-го января) 1846—47 года, въ имѣніяхъ же, отданныхъ въ аренду, со дня истеченія сроковъ заключеннымъ контрактамъ.

Развитіе сего Высочайшаго указа и установленіе судебной инстанціи для рѣшенія споровъ крестьянъ съ помѣщиками поручено совѣту управленія.

Для собранія различныхъ свѣдѣній, необходимыхъ къ развитію началъ помянутаго указа, а равно для устраненія злоупотребленій, какія бы могли произойти *) до введенія того указа въ дѣйствіе, совѣтъ управленія предписалъ комм. вн. дѣлъ:

1) Вмѣнить губернскимъ правленіямъ въ обязанность наблюдать посредствомъ войтовъ гминъ, чтобы ни одинъ земледѣлецъ, обработывающій на себя не менѣе *трехъ* морговъ, не былъ выселяемъ, пока будетъ исполнять свои обязанности.

2) Предоставить крестьянамъ совершенную свободу переселяться съ одного мѣста въ другое, съ условіемъ только, чтобы они предупреждали о семъ помѣщика за 3 мѣсяца предъ окончаніемъ хозяйственнаго года, и объявить, что помѣщикъ ничего не можетъ требовать отъ крестьянина, оставляющаго усадьбу, кромѣ возврата даннаго ему скота и зерноваго хлѣба на посѣвъ, сообразно съ постановленіемъ саксонскаго короля 21-го декабря 1807 года и Высочайшимъ указомъ 18-го января 1820 года.

3) Потребовать отъ всѣхъ владѣльцевъ селеній и мѣстечекъ престаціонныхъ табелей съ показаніемъ: чѣмъ каждый крестьянинъ владѣетъ, какія его обязанности, какія несетъ повинности и на чемъ онѣ основаны, съ тѣмъ, чтобы табели сіи были засвидѣтельствованы гминными войтами, подлежащими отвѣтственности личной и имущественной за вѣрность оныхъ.

По полученіи требованныхъ табелей и усмотрѣнію изъ нихъ, которыя изъ повиностей, имѣющихъ свойство даремщинъ, должны быть уничтожены, и которыя, имѣющія законныя основанія, должны быть оставлены на будущее время, совѣтъ управленія издалъ постановленіе объ уничтоженіи

*) Это слово написано карандашемъ вмѣсто зачеркнутыхъ: „учинить еще помѣщики“.

121 рода различныхъ даремщинъ, и вслѣдствіе того комм. вн. дѣлъ составила отдѣльныя рѣшенія для каждой земледѣльческой усадьбы, и таковыя препроводила въ губернскія правленія для раздачи гминнымъ войтамъ и объявленія крестьянамъ.

Изъ престаціонныхъ табелей оказалось, что въ общемъ количествѣ имѣній частныхъ, и принадлежащихъ разнымъ заведеніямъ и общинамъ, считается:

A) городовъ	160
B) деревень барщинныхъ . .	12,428
C) » чиншевыхъ . .	3,406
D) фольварковъ, въ коихъ земли обработываются дворовыми людьми	402
E) деревень, населенныхъ мелкими владѣльцами, называемыми мелкопомѣстною шляхтою	103

Различныя даремщины уничтожены въ 9,401 селеніи.

Замѣнены даремщины постоянною барщиною тамъ, гдѣ оной не было вовсе или гдѣ поселяне не работали и двухъ дней въ недѣлю отъ уволоки *) на помѣщика въ 20 имѣніяхъ.

Уничтожены такъ называемые *сгоны* или *толока* и замѣнены 6 днями барщины съ каждой усадьбы въ 363 имѣніяхъ.

Уничтожены принужденные наймы въ 7.728 селеніяхъ.

Имѣній, въ коихъ не было ни даремщинъ, ни принужденныхъ наймовъ, оказалось въ Царствѣ Польскомъ 6.641.

А какъ пр. комм. внутр. дѣлъ всѣ свои дѣйствія основывала на престаціонныхъ табеляхъ, самими владѣльцами имѣній

---

*) *Одна* уволока равняется *тридцати* моргамъ.

составленныхъ, то она и поручила гражд. губернаторамъ, чтобы они въ имѣніяхъ, въ коихъ не показано ни даремщинъ, ни принужденныхъ наймовъ, а равно въ тѣхъ, въ которыхъ крестьянскія повинности основаны на взаимныхъ условіяхъ крестьянъ съ помѣщиками, старались удостовѣриться, согласны ли табели съ дѣйствительностію и точно-ли существуютъ упомянутыя условія.

Что касается имѣній, отданныхъ въ аренду, въ коихъ даремщины и принужденные наймы должны прекратиться съ окончаніемъ срока контрактовъ, (то) оказалось такихъ имѣній въ Царствѣ, въ которыхъ кончается срокъ контрактамъ:

Въ 1847 году	177
» 1848 »	200
» 1849 »	92
» 1850 »	118
» 1851 »	138
» 1852 »	42
» 1853 »	38
» 1854 »	32
» 1855 »	6
» 1856 »	10
» 1857 »	21
» 1858 »	10
» 1859 »	15
» 1860 »	6
» 1861 »	8
» 1862 »	7
» 1863 »	9
» 1864 »	11
» 1865 »	9
» 1866 »	12
» 1867 »	3

Въ 1868 году		6
» 1869 »		1
» 1870 »		1
» 1873 »		1

Наконецъ, сообразно 4 статьѣ Высочайшаго указа, учрежденъ комитетъ для составленія проекта постановленія о введеніи скораго и не дорогаго порядка судопроизводства для рѣшенія споровъ между крестьянами и помѣщиками.

В. арх. стар. дѣлъ. Sek. II. 8 a.
№ 5575 f.

б.

Выписка изъ всеподд. отчета (полн.) намѣстника за 1847 г.

О крестьянахъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи Высочайшаго указа 26-го мая (7-го іюня) 1846 года о крестьянахъ, введено въ дѣйствіе постановленіе совѣта управленія объ уничтоженіи даремщинъ и принужденныхъ наймовъ; а хотя въ столь короткое время составлено и повѣрено 16,529 барщинныхъ (престаціонныхъ) табелей, указывающихъ повинности крестьянъ и отведенныя имъ земли и угодья, однако же противу рѣшенія коммисіи внутреннихъ дѣлъ поступило до нынѣ не болѣе 150 жалобъ, изъ коихъ 35-ть признаны уважительными и по онымъ измѣнены рѣшенія коммисіи, прочія же найдены неосновательными и отвергнуты.

Недостаточное уразумѣніе нѣкоторыми крестьянами правъ и преимуществъ, дарованныхъ имъ Высочайшимъ указомъ, а болѣе подговоры тайныхъ подущателей и ябедниковъ были поводомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уклоненія крестьянъ отъ исполненія тѣхъ даже повинностей, кои новыми распоря-

женіями не были отмѣнены. Впрочемъ, случаи эти не были многочисленны и встрѣтились только въ 27 имѣніяхъ, но и въ тѣхъ, по принятіи понудительныхъ мѣръ, крестьяне возвратились къ повиновенію, виновные же въ ихъ подущеніи, какъ оказалось 23 человѣка, преданы суду для наказанія по всей строгости законовъ. Тамъ же, гдѣ крестьяне, не уклоняясь отъ своихъ повинностей, приносили установленнымъ порядкомъ жалобы на обремененіе ихъ со стороны помѣщиковъ, коммисія внутр. дѣлъ, на основаніи 4 статьи Высочайшаго указа, входила въ тщательное разсмотрѣніе этихъ жалобъ, и разрѣшила подобныхъ дѣлъ, въ теченіе 1847 года, 61, оградивъ сама права крестьянъ прекращеніемъ разныхъ злоупотребленій, или же оказавъ крестьянамъ помощь въ спорахъ съ помѣщиками, подлежавшихъ судебному разбирательству.

При этомъ коммисія старалась общими распоряженіями отвратить и самыя причины, дававшія главный поводъ къ спорамъ сего рода, какъ-то:

1) Для предупрежденія самовольнаго со стороны помѣщиковъ наказанія поселянъ за поврежденія въ господскихъ поляхъ и лѣсахъ, коммисія опредѣлила, что споры сего рода только объ убыткахъ, не превышающихъ 1 р. 50 к. с., могутъ быть разбираемы гминными войтами и притомъ не иначе, какъ въ присутствіи трехъ солтысовъ изъ мѣстной и сосѣднихъ гминъ, споры же объ убыткахъ, превышающихъ показанную выше сумму, должны быть передаваемы въ судъ.

2) Какъ откладываніе барщины съ одного времени на другое нерѣдко отягощало крестьянъ господскими повинностями въ такое время года, когда имъ необходимо обрабатывать свои участки, то постановлено правиломъ, чтобъ барщина требуема была отъ крестьянъ только въ то время года, которое опредѣлено престаціонною табелью.

3) Изъ нѣсколькихъ частныхъ случаевъ удостовѣрясь, что

помѣщики, по случаю уничтоженія даремщинъ, присвоиваютъ себѣ право отказывать крестьянамъ въ пастбищахъ и топливѣ, коими они прежде пользовались, комм. вн. д., испросивъ предварительно разрѣшеніе совѣта управленія, увѣдомила губернскія правленія, что послѣ Высочайшаго указа 26-го мая (7-го іюня) 1846 года, сохраняющаго поселянамъ всѣ тѣ угодья, коими они пользовались съ изданія этого указа, — владѣльцы имѣній не могутъ отказывать имъ ни въ пастбищѣ, ни въ правѣ собиранія валежника, коль скоро крестьяне пользовались этими угодьями до воспослѣдованія указа; равномѣрно не могутъ помѣщики за эти угодья требовать какой либо повинности или платы, исключая тѣхъ только случаевъ, когда вознагражденіе за оныя въ натурѣ или деньгами было опредѣлено на законномъ основаніи.

4) Обращено вниманіе гражданскихъ губернаторовъ на отяготительный нарядъ крестьянъ къ поѣздкамъ по дѣламъ помѣщиковъ, и потребованы соображенія губернаторовъ объ ограниченіи впредь этой повинности, при заключеніи вновь договоровъ между помѣщиками и поселянами.

Въ развитіе 4-й статьи постановленія (совѣта управленія) 14-го (26-го) ноября 1846 года, дана инструкція для заключенія, подъ наблюденіемъ административныхъ властей, договоровъ между помѣщиками и крестьянами о замѣнѣ даремщинъ постоянными повинностями тамъ, гдѣ поселяне донынѣ не отбывали никакой постоянной барщины, а только однѣ даремщины.

Многочисленныя просьбы поселянъ объ очиншеваніи ихъ побудили сдѣлать общее распоряженіе, коимъ предписано мѣстнымъ начальствамъ объяснить крестьянамъ, что вообще очиншеваніе можетъ быть допущено не иначе, какъ по обоюдному добровольному согласію ихъ съ помѣщиками. А нотаріусамъ вмѣнено въ обязанность, при совершеніи о семъ нотаріальныхъ актовъ, дѣлать въ оныхъ оговорку, что актъ

сего рода не прежде получитъ законную силу, какъ по утвержденіи онаго административнымъ начальствомъ.

Въ дополненіе сего распоряженія дана общая инструкція, опредѣляющая правила, коихъ должны держаться административныя начальства при разсмотрѣніи актовъ объ очиншеваніи крестьянъ.

Главныя основанія этой инструкціи суть слѣдующія:

1) чтобы уговоръ былъ добровольный съ обѣихъ сторонъ;

2) чтобы чиншъ не былъ слишкомъ обременителенъ, вопреки существующимъ правиламъ, и вообще чтобы поселяне не были поставляемы въ положеніе болѣе отяготительное въ сравненіи съ отправленіемъ барщины;

3) чтобы условія очиншеванія не были ни въ чемъ противны основаніямъ указа 1846 года и постановленіямъ, въ исполненіе онаго изданнымъ.

Предписаны правила для руководства административныхъ властей при разсмотрѣніи и разрѣшеніи вопросовъ, могущихъ встрѣтиться на счетъ удаленія крестьянъ изъ занимаемыхъ ими усадебъ за неисполненіе ихъ (ими?) повинностей, и указаны основанія веденію контроля усадьбамъ, остающимся такимъ образомъ свободными, для недопущенія присоединенія оныхъ къ фольварочнымъ землямъ.

Хотя на основаніи 3-ей статьи Высочайшаго указа 1846 года уничтоженіе даремщинъ въ имѣніяхъ, отданныхъ въ арендное содержаніе до 1-го января 1846 года *), отложено до истеченія срока арендымъ контрактамъ, но коммисія внутр. дѣлъ, желая сколь возможно скорѣе распространить благодѣянія сего указа на крестьянъ, поселенныхъ въ такихъ имѣніяхъ, старалась достигнуть этой цѣли двумъ средствами:

1) тщательною повѣркою всѣхъ арендныхъ контрактовъ;

---

*) Т. е. въ такихъ имѣніяхъ, на арендное содержаніе коихъ *контракты заключены до 1-го января 1846 года.*

2) поощреніемъ помѣщиковъ или арендныхъ содержателей къ добровольному уничтоженію даремщинъ прежде истеченія срока контрактамъ.

Этими мѣрами въ теченіе 1847 года уничтожены даремщины:

а) вслѣдствіе повѣрки арендныхъ контрактовъ . . . . въ 379 имѣніяхъ;
б) по добровольному согласію владѣльцевъ или арендаторовъ » 264 »

всего . . . въ 643 имѣніяхъ.

А какъ изъ полученныхъ въ теченіе 1847 года ближайшихъ свѣдѣній оказалось, что отданныхъ въ аренду имѣній во всемъ краѣ считается не 964, какъ показано было въ отчетѣ за прошедшій 1846 годъ, а 1.023, то на 1848 годъ остается еще имѣній, въ которыхъ даремщины еще не отмѣнены, 380.

Арендаторамъ имѣній, которые уничтожили въ оныхъ даремщины до истеченія срока контрактамъ, намѣстникъ Царства объявилъ отъ своего имени похвалу, а Государь Императоръ при чтеніи журнала (Совѣта Управленія), въ коемъ о томъ упоминается, подъ статьею объ ономъ собственноручно начертать соизволилъ: «*подтвердить и отъ Меня*».

Сем. арх. кн. Паскевича.

№ 63.

а.

Ваше Императорское Величество изволили говорить о преобразованіи управленія въ Царствѣ Польскомъ.

Я всегда былъ того мнѣнія, что короче всего было бы присоединить Царство къ Имперіи и устроить общее русское правленіе.

Къ сожалѣнію, сдѣлать этого нельзя, ибо послѣ мятежа данъ былъ Царству Польскому статутъ. Но статутъ слишкомъ ограничивалъ власть правительственную и затруднялъ ходъ управленія. Не прошло нѣсколькихъ мѣсяцевъ, какъ безпрерывные заговоры и попытки революціонеровъ потребовали мѣръ болѣе поспѣшныхъ и власти болѣе сильной, чѣмъ та, которую правительство предоставило себѣ статутомъ.

Отъ этого сама собою явилась необходимость власти *исключительной*, то есть изъятій изъ закона и отступленій отъ формъ, закономъ установленныхъ.

Власть эта всегда будетъ необходима въ Польшѣ.

Между Нѣманомъ, Вислою и Одеромъ — гнѣздо всѣхъ безпокойствъ для Россіи; язва Имперіи.

Зло это существуетъ издавна. Вся исторія Польши есть только безпрерывный рядъ безпорядковъ, анархіи и вражды къ Россіи.

При короляхъ и республикѣ, въ цѣломъ составѣ и раздѣленная, отдѣльнымъ королевствомъ и присоединенными губерніями,— Польша всегда одинакова. Безпокойная, бурная, или при наружной тишинѣ, она всегда скрываетъ ядъ двойнаго зла: ненависти къ Россіи, отъ зависти къ сильнѣйшему государству и идей безпутной вольности, нетерпѣнія всякаго порядка и власти.

Причины, которыя поддерживаютъ это расположеніе умовъ въ Польшѣ, будутъ существовать еще долгое время. Вліяніе другихъ державъ, которыя рады поддерживать домашнія безпокойства въ Россіи и растравлять эту рану; общее нынѣ направленіе умовъ въ Европѣ; эмиграція польская; легкомысліе и безпокойное воображеніе поляковъ; семейное вліяніе старыхъ, хвастливыхъ авантюристовъ; наконецъ женщины;

все это вмѣстѣ было и будетъ еще долго поддерживать безумныя попытки Польши.

Какимъ образомъ отвратить это зло?

Къ несчастію, истребить его можетъ только время.

Присоединеніе Польши къ Россіи было бы лучшимъ изъ средствъ; но тутъ первое препятствіе есть Вѣнскій трактатъ; другое: уничтожимъ ли мы этимъ непріязненное расположеніе поляковъ? Не думаю. Примѣръ возвращенныхъ губерній служитъ намъ опытомъ. Мы присоединили Литву, Волынь, Подолію; но сдѣлались ли онѣ отъ того русскими? Многимъ ли онѣ лучше, по духу, чѣмъ Царство Польское? Между тѣмъ, на Волыни и Подоліи, это было во сто разъ легче: тамъ наша вѣра, нашъ народъ; оставалась одна шляхта.

Устроивъ въ Царствѣ русскій порядокъ, мы такъ же, какъ и нынѣ, принуждены будемъ выдти изъ обыкновеннаго порядка, то есть: увеличить власть мѣстную; ибо причины, по которымъ мы нынѣ увеличиваемъ власть противъ статута,— остаются тѣ же. Мы выиграемъ однѣ лишь названія, а дадимъ поводъ говорить о нарушеніи трактатовъ.

Нынѣ управленіе Царства есть первая линія, передовой постъ Россіи, какъ въ военномъ, такъ въ политическомъ и даже торговомъ смыслѣ.

Я раздѣлялъ мнѣніе графа Канкрина о невозможности снять таможенную линію между Россіею и Польшею, ибо легче защищать вторую линію, когда первую невозможно защитить отъ прорывовъ.

Можетъ быть тоже самое безполезно было бы примѣнить и къ управленію вообще, въ политическомъ и административномъ смыслѣ.

Обыкновеннымъ порядкомъ централизаціонныхъ управленій, министерскихъ, невозможно было управлять ни одною изъ отдаленныхъ частей Имперіи (Финляндія, Кавказъ, Сибирь). Тоже было съ Царствомъ Польскимъ и прежде, а

нынѣ дѣлается еще труднѣе. Происшествія въ Пруссіи причиною, что мы всегда должны быть на готовѣ. Годъ отъ году вліяніе Пруссіи на Польшу становится вреднѣе и по этому усиленіе власти мѣстной дѣлается необходимѣе.

Какія неудобства нынѣшняго управленія въ Царствѣ: во 1) отдѣльное существованіе Польши, въ смыслѣ политическомъ; оно, къ сожалѣнію родилось по необходимости, изъ трактатовъ; во 2) отдѣльное управленіе, въ смыслѣ административномъ. Но оно также сдѣлалось, какъ объяснено выше, необходимостію по обстоятельствамъ, которыя требуютъ власти исключительной, изъятія изъ общаго порядка, ибо централизаціонная власть министровъ не достаточна. Управленіе не пойдетъ, если испрашивать разрѣшенія, когда надо дѣйствовать.

Правда, и нынѣ многое основано на довѣренности ко мнѣ; но власть моя раздѣляется съ совѣтомъ управленія; притомъ вся гражданская часть въ Царствѣ, хотя и составляетъ отдѣльное управленіе, но находится не только въ спошеніяхъ съ общимъ управленіемъ Имперіи, но и въ нѣкоторой отъ него зависимости: *часть учебная* въ связи съ министерствомъ Имперіи; по части *финансовой* о всѣхъ дѣлахъ мы сообщаемъ, а о важнѣйшихъ сносимся предварительно, съ министромъ финансомъ. Для *судебной* части устроенъ сенатъ; по части *полицейской* даемъ знать шефу жандармовъ. Остается часть распорядительная и *внутреннихъ* дѣлъ; но вообще всѣ важнѣйшія дѣла вносятся въ государственный совѣтъ.

Въ Финляндіи управленіе гораздо въ меньшей зависимости отъ министровъ; на Кавказѣ теперь тоже. Но въ Польшѣ причинъ къ исключенію изъ общаго порядка не менѣе, чѣмъ въ Финляндіи и на Кавказѣ; именно: трактаты, заговоры — пламя подъ пепломъ, всегда готовое обратиться въ пожаръ;— вліяніе Англіи, Франціи и (особенно вредное въ послѣднее время) Пруссіи. Вліяніе это, по сосѣдству Позенскаго княже-

ства, было всего замѣтнѣе въ Калишской губерніи. Я очень радъ уничтоженію губернскаго управленія въ Калишѣ, ибо помѣщики тамошніе теперь принуждены будутъ пріѣзжать по дѣламъ въ Варшаву.

Здѣсь надзоръ за ними легче, чѣмъ въ провинціи; да и вообще, если въ Варшавѣ какъ въ большомъ городѣ, собирается много недовольныхъ, то за то наблюдать за ними удобнѣе; притомъ половина жителей связана интересами комерческими и собственностію; а всѣ они подъ выстрѣлами и потому—спокойны, если не изъ преданности, то отъ страха потерь при безпорядкахъ.

Вотъ мысли, которыя представились мнѣ съ перваго разу, вслѣдствіе разговора Вашего Величества; но предметъ такъ важенъ и задача такъ трудна, что я желалъ бы, чтобы Вы, Всемилостивѣйшій Государь, позволили мнѣ объ этомъ подумать и подумать.

Сем. арх. кн. Паскевича.

б.

Осмѣливаюсь сказать нѣсколько словъ о неудобствахъ министерскаго управленія.

1) Въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, можетъ ли управленіе, сосредоточенное въ рукахъ министровъ, быть достаточно сильно и скоро, на краю государства, гдѣ обстоятельства выходятъ ежедневно почти изъ обыкновеннаго порядка? Оно по необходимости связываетъ руки: тамъ, гдѣ надо дѣйствовать, идетъ переписка.

2) Потомъ несогласія министровъ съ мѣстнымъ начальствомъ рождаютъ затрудненія и останавливаютъ ходъ дѣлъ,

ибо покуда идетъ переписка — время уходитъ для дѣйствій. Примѣромъ служатъ: Бибиковъ въ Кіевѣ, князь Горчаковъ въ Сибири.

3) Министры, дѣйствуя каждый по свой части, не всегда согласны между собою. Единообразія и единодушія не можетъ быть въ общемъ.

4) Министры физически не могутъ все дѣлать сами, ибо времени нѣту иначе быть: у нихъ есть свои дѣлатели (les faiseurs), вліянію которыхъ они поневолѣ подчиняются.

Отсюда сила *бюрократіи.* Пруссія служитъ примѣромъ этой пагубной силы, увлекающей иногда правительство противъ его воли, это такая правда, что король, дворянство и народъ увлечены бюрократіею, противно своимъ интересамъ.

Если ввести въ Польшѣ русскій порядокъ, то управленіе сосредоточится въ канцеляріи генералъ-губернатора и будетъ, что и есть въ Россіи: по множеству дѣлъ въ рукахъ канцеляріи или бюрократіи, между тѣмъ вынудятъ отступить тотчасъ же отъ русскаго порядка и дать мѣстному начальству власть *исключительную*, которая и перейдетъ тогда безотчетно въ руки бюрократовъ.

№ 64.

ПИСЬМА

къ

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

за 1847 годъ.

(8 писемъ.)

Весьма важное

С.-Петербургъ.
5-го (17-го) февраля 1847 года.

Четыре дня тому, какъ получилъ твое письмо, любезный отецъ командиръ, за которое душевно благодарю. И такъ вотъ, чего мы опасались, сбылось! Пруссія изъ нашихъ рядовъ выбыла и ежели еще не перешла въ ряды враговъ, то почти навѣрно полагать можно, что, черезъ малое время, и вопреки волѣ короля, станетъ явно противъ насъ, т. е. противъ порядка и законовъ!

Нетерпѣніе короля чванствовать передъ своими камерами побудило его безъ всякой причины ихъ теперь же созвать, какъ бы въ доказательство, что смѣется надъ нами и надъ тѣми, которые не переставали ему выставлять всю безразсудность его затѣй! Что изъ этого выйдетъ, одинъ Богъ знаетъ. Но одно уже положительно: насъ было *трое*, теперь мы много

что *двое*; но за то отвѣчаю положительно, что я тверже и непоколебимѣе пребуду въ правилахъ, которыя наслѣдовалъ отъ покойнаго Государя, которыя себѣ усвоилъ и съ которыми съ помощію Божіею надѣюсь и умереть. Въ нихъ однихъ вижу наше спасеніе. Ежели же обратиться къ самому этому новому положенію или конституціи, то въ ней столько странностей и даже противорѣчій, что мудрено и понять. Между тѣмъ Мейндорфъ уже пишетъ про неудовольствіе дворянства за преимущество, дарованное одной части изъ ихъ сословія безъ уважительной причины, — стало уже есть зародышъ неудовольствія даже въ высшемъ сословіи; добрые люди находятъ, что все это лишнее, и не постигаетъ пользы всему; а либералы смотрятъ на это, какъ на первый будто шагъ въ ихъ смыслѣ, но отнюдь не какъ на конецъ того, что король даровать долженъ; — спрашиваю, кого же удовлетворилъ король? и самъ себя назвалъ въ *подчиненные*, стало не онъ одинъ уже правитъ, а зависитъ отъ 600 человѣкъ. Гадко и грустно!

Спасибо, что убавилъ сенаторовъ, а желалъ бы и еще. Извѣстіе о затѣяхъ на тебя въ Скерневицахъ доказываетъ, что тебѣ всегда должно быть осторожнымъ, и прошу впередъ брать караулъ. Когда-то мы съ тобой увидимся? и когда будешь сюда? Весной жена сбирается въ Варшаву, куда ее провожу; но смотръ корпуса полагаю осенью. Жду отъ тебя, гдѣ рѣшилъ быть смотру 4-го корпуса. Очень жалѣю болѣзненности въ маршевыхъ бат. 6-го корп., казалось приняты были всевозможныя мѣры къ ихъ сбереженію.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Цѣлую ручки княгинѣ.

С.-Петербургъ.
17-го (29-го) апрѣля 1847 г.

Душевно благодарю, мой любезный отецъ командиръ, за письмо и поздравленіе съ рожденіемъ мнѣ внука Владиміра; слава Богу, съ тѣхъ поръ все идетъ хорошо. Извѣстія изъ Пруссіи все еще очень неопредѣлительны; говорятъ, будто король хочетъ весьма рѣшительно дѣйствовать; желалъ бы сего, но что то плохо вѣрю; и понять не могу, зачѣмъ было ему соглашаться на отвѣтный адресъ, который, послѣ словъ его, былъ неумѣстенъ и только что далъ случай высказать много вздору и выказалъ до какой степени духъ въ остатокъ уже испорченъ. Кажется, что безпорядки, бывшіе въ Берлинѣ, точно не политическаго свойства, и дѣйствительно произошли отъ дороговизны; но статься можетъ, что это была только попытка, дабы удостовѣриться, какъ правительство приметсѧ; хорошо, что войско исполнило долгъ. Славянское общество, какъ кажется, мы успѣли захватить въ самомъ началѣ, а строго съ нимъ покончимъ. Занимаютъ меня много твои гомельскіе сосѣди, раскольники, которые съ той поры, что узнали, что появился въ Австріи лже-митрополитъ, какъ съ ума сошли, и дерзости ихъ начинаютъ выходить изъ мѣры; это преопасная струна, и по развитію, и по богатству, которое имѣютъ въ рукахъ. Будемъ дѣйствовать весьма осторожно, но положительно съ дерзкими. Здѣсь все тихо, отъ морозовъ отдѣлаться не можемъ; вчера $14^{1}/_{2}$°, сегодня 10°, ледъ стоитъ и ходитъ, а подъ Шлюсельбургомъ Нева вскрылась! — точно необычайно. Больныхъ очень много и много воспаленій. Кажется братъ доволенъ своимъ съѣздомъ и великой княгинѣ должно быть лучше.

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

С.-Петербургъ.
13-го (25-го) мая 1847 года.

Не взыщи, любезный отецъ командиръ, ежели я промѣшкалъ отвѣтомъ на твое письмо отъ 30-го апрѣля (12-го мая); ожидавъ ежедневно брата, хотѣлъ писать послѣ; сегодня вечеромъ по телеграфу узналъ про случившуюся остановку и спѣшу писать. Ты помнишь мое давнишнее мнѣніе насчетъ того, что ожидалъ въ Пруссіи; кажется я мало въ чемъ ошибся; и то скорѣе къ худшему. Непостижимое ослѣпленіе короля, глупость и надменность его окружающихъ, все ведетъ къ разрушенію. Свѣдѣнія изъ прочей Германіи не лучше, вездѣ дерзость, наглость, а со стороны правительствъ — кромѣ короля Ганноверскаго и Виртембергскаго въ послѣднее время — одна трусость или сумасбродство; конецъ легко предвидѣть и онъ близокъ. Надѣюсь, что принятыми тобой мѣрами голодъ предупредится — каковъ обѣщаетъ быть урожай? Третьяго дня разрѣшилъ постройку желѣзной дороги отъ Юрбурга до Лодавы; дѣло, которое считаю великой важности, ибо избавляетъ насъ прусскихъ таможенъ, и можетъ быть обратитъ часть польской торговли, по сей же причинѣ, въ ту же сторону. Торговля хлѣбомъ здѣсь ужасно развилась и продано до 8 мил. четвертей. Теперь печемся, чтобъ не вздорожалъ здѣсь для собственнаго продовольствія. Занимаюсь ученіями и покуда очень доволенъ; для смотра ждалъ брата. Очень жалѣю Капеля, большая потеря и не знаю, кѣмъ замѣнимъ. Бѣдный Бергъ очень плохъ однимъ глазомъ, не можетъ ворочать на право, хотя видитъ еще хорошо. У насъ все нестерпимый холодъ, и листья вовсе нѣтъ.

Цѣлую руки княгинѣ; жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю.

На вѣки твой искренно доброж.

Н.

Только что успѣлъ я запечатать письмо, какъ прибылъ твой фельдъегеръ отъ 10-го (22-го); надѣюсь, что братъ скоро поправится и будетъ въ состояніи воротиться. Мѣры, тобой принимаемыя для Радомской губерніи, совершенно одобряю; дай Боже, чтобъ сего было достаточно; но, ежелибъ не достало, надо еще помочь.

Не вѣрю, чтобъ въ Пруссіи пошло хорошо; это минутный отдыхъ.

— Нельзя (ли) жидамъ запретить покупать хлѣбъ на корню, объявивъ подобныя продажи не дѣйствительными?

1-го іюня 1847-го года. г. Варшава

Елагинъ-Островъ.
1-го (13-го) іюня 1847 года.

Вчера я получилъ твое письмо, мой любезный отецъ командиръ. Я совершенно согласенъ къ отмѣну сбора войскъ второго корпуса при Ковнѣ; и даже не настаиваю, чтобъ собрать одну дивизію при Дюнабургѣ, другую при Брестѣ; ибо и тамъ будетъ дорого. На сей годъ надо довольствоваться во второмъ корпусѣ сборами по полкамъ или по бригадамъ, гдѣ сіе можно. Такъ и распорядись; но за то на будущій годъ надо будетъ второй корпусъ непремѣнно собрать, дабы не отсталъ въ общихъ движеніяхъ. Цѣны на хлѣбъ и здѣсь упали по извѣстіямъ о хорошемъ урожаѣ за границей почти вездѣ; желательно, чтобъ и у насъ былъ таковой же, но покуда свѣдѣнія не положительны и разнорѣчивы. У насъ только четвертый день, что настало лѣто. Извѣстія изъ Пруссіи ежедневно хуже, и не въ галопъ, а въ карьеръ идетъ къ разрушенію и исходъ, по моему, и близокъ и несомнѣненъ самый пагубный. Бранятъ министровъ; соглашаюсь, что они дѣйствуютъ какъ нельзя хуже; но справедливо ли ихъ однихъ винить, когда они исполнители воли, которой не понимаютъ

сами? Здѣсь все тихо и хорошо; войсками на смотру я былъ весьма доволенъ. Больныхъ все много и смертность велика. На Кавказѣ развилась снова холера и дошла до Шемахи и Дербента; опасаюсь, что и мы не уйдемъ отъ нея, ежели въ сей годъ, такъ на будущій — ужасно! Торговля идетъ славно; подати поступаютъ гораздо исправнѣе прошлаго года, а въ кредитную кассу уже поступило за всѣми выдачами 132 мил. наличныхъ золотомъ и серебромъ, и продолжаетъ поступать по милліону и болѣе въ недѣлю. Состояніе банковъ тоже цвѣтуще, словомъ, дай Боже, чтобъ шло такъ и впредь.

Жена тебѣ кланяется, а я обнимаю отъ всей души. Цѣлую руки княгинѣ. Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Клейнмихелю велѣлъ я сообщить тебѣ замѣчаніе Вистхера на происшествіе на желѣзной дорогѣ; ни я, ни онъ, мы не можемъ понять какъ контръ-маршъ вагономъ быть могъ, ибо сему примѣровъ нѣтъ; очень нужно для насъ все подобное приводить въ ясность, для предупрежденія подобнаго и здѣсь.

Петергофъ.
10-го (22-го) іюля 1847 г.

Третьяго дня утромъ я получилъ твое письмо отъ 4-го (16-го), мой любезный отецъ командиръ, за которое тебя душевно благодарю. Признаюсь тебѣ, что я не совсѣмъ раздѣляю мнѣніе твое на счетъ исхода Сейма въ Берлинѣ; мнѣ кажется, что король, своими явными противурѣчіями между *словъ* и *дѣлъ*, въ конецъ себя уронилъ въ мнѣніи всѣхъ честныхъ и благомыслящихъ людей; говоря одно, дѣлая другое, послѣдній отказъ его никого не успокоилъ, ни кого не удовлетворилъ, и все оставилъ въ такомъ тяжкомъ недоумѣніи будущаго, что врядъ ли что можетъ быть хуже этого положенія.

Между тѣмъ, революціонная партія узнала свои силы, показывала много умныхъ говоруновъ и всю слабость такъ называемой правительственной стороны, и что всего хуже, она выставила всю неосновательность короля, и прикрылась мнимой личиной привязанности къ нему; и подъ этой то личиной готовится во всемъ краѣ грозная будущность порчею понятій, общаго мнѣнія массы народа, сію пору чуждой еще подобныхъ мыслей; но неминуемо должной испортиться отъ непрестанной адской работы революціонистовъ. Старой Пруссіи нѣтъ, она погибла невозвратно; нынѣшняя ни то ни сё, что то переходное, а будущее ужасно — вотъ мое убѣжденіе, отъ котораго желалъ бы, но не могу отойти. Пугаетъ меня, что пишешь про урожай; здѣсь тоже холодъ и вѣтры; это не лѣто; но извѣстія про урожай не худы. Холера дошла до Пятигорска, и кажется пошла на западъ; на востокъ далѣе Кизляра ея не было еще покуда. Радуюсь, что лихорадки слабѣютъ; но вижу по рапортамъ, что глазныхъ много; отъ чего это? — ужасно, буде расплодится. Здѣсь новаго ничего; ученій не начиналъ еще, ибо М. П. смотритъ. Въ моихъ проэктахъ перемѣны нѣтъ, думаю ѣхать около 2-го (14-го) сентября въ Кіевъ и быть 8-го (20-го) или 10-го (22-го).

Жена тебѣ кланяется; цѣлую руки княгинѣ; а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Получено 22-го августа 1847 года.

Александрія.
10-го (22-го) августа 1847 г.

Любезный мой отецъ командиръ, за маневрами и смотромъ не могъ собраться отвѣчать на послѣднее твое письмо, за которое душевно благодарю. Слава Богу я былъ всѣмъ очень

доволенъ, и все вчера кончилось благополучно; войска въ блестящемъ видѣ. Извѣстія объ урожаѣ почти вездѣ хороши, подати поступаютъ очень исправно; въ банкахъ 25 милл., въ кредитной кассѣ до 144 милл.! — словомъ все идетъ очень хорошо, но — холера идетъ быстро впередъ, и сегодня получилъ я донесеніе, что она уже въ Харьковѣ; о чемъ вѣроятно ты уже извѣстенъ! Гнѣвъ сей Божій должно сносить съ покорностію и съ терпѣніемъ; но эта гибель ужасная, ибо все разстраиваетъ. Остановить ее и думать нельзя, остается только соблюдать, что можно, дабы зло уменьшить, что и дѣлается;— надѣюсь, что и ты употребишь всѣ способы, чтобъ войска, елико можно, менѣе отъ сего пострадали. Мой отъѣздъ отсюда полагаю съ помощію Божіею 1-го (13-го) или 2-го (14-го) сентября, на Москву; гдѣ пробыть намѣренъ 4-го (16-го) и утро 5-го (17-го) и быть въ Кіевѣ 8-го (20-го). Ежели тебѣ можно бъ было выѣхать ко мнѣ въ Кіевъ изъ Винницы, мнѣ бъ это было очень пріятно, ибо обо многомъ есть поговорить. Въ Кіевѣ думаю все кончить въ три или четыре дня, и ѣхать въ Елизаветградъ 12-го (24-го), тамъ пробыть по 20-е (1-е) октября и быть въ Винницу 21-го (2-го). Но ежели холера завоюетъ Елизаветградомъ, то придется войска распустить, и тогда изъ Кіева поѣду прямо въ Винницу. Здѣсь новаго ничего нѣтъ. Про дѣла раскольничьи я серіозно говорю австрійцамъ, и объявилъ сегодня Колоредо, что буде не получу должнаго и немедленнаго удовлетворенія, то велю Медему выѣхать изъ Вѣны. Надо ихъ разбудить, а я шутить не люблю дѣлами подобной важности.

Теперь прощай, мой любезный отецъ командиръ, съ Божіею помощью до скораго свиданія. Душевно тебя обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Жена моя тебѣ кланяется.

С.-Петербургъ.
27-го октября (8-го ноября) 1847 г.

Благодарю тебя душевно, мой любезный отецъ командиръ, за письмо и радуюсь, что ты отдѣлался отъ мучительной боли въ ухѣ; опасаюсь, не въ Ново-Георгіевскѣ ли ты простудился, ходя со мной? По возвращеніи моемъ здѣсь я нашелъ все въ порядкѣ; но всѣ готовятся къ холерѣ, которая хотя медленно, но все къ намъ подвигается. Покуда въ Москвѣ она гораздо слабѣе дѣйствуетъ, чѣмъ въ прошлый разъ, развѣ весной разовьется. Сюда ее тоже не ранѣе ожидаю. Въ политикѣ новаго ничего. Англинская денежная криза и здѣсь чувствительна, я послалъ ихъ банку 4 милл. золотомъ, дабы хотя нѣсколько оживить торговлю съ нами; не знаю удастся ли? Швейцаріи угрожаетъ близкая междоусобная брань; многіе однако сію пору сомнѣваются, чтобъ дошло до того. При этомъ случаѣ ничтожность Германскаго союза вновь показалась и весьма разительно. Австрія предложила выставить войска союза вдоль по границѣ; король Виртембергскій сейчасъ согласился, лишь бы Баварія и Баденъ сдѣлали тоже. Но эти два отказались; и Баденъ, говоря, чтобъ было бъ это мѣрой предписанной Франкфуртскимъ сеймомъ, такъ бы послушался, а предложеніе Австріи отвергаетъ! Какъ тебѣ это нравится? — хоть плюнь на нихъ! *Сколачиваю смѣту;* и кряхчу; трудно; все расходы растутъ; уменьшеній въ цѣнахъ мало въ сравненіи другихъ прибавокъ, и не знаю, какъ покроемъ.

Жена тебѣ кланяется, а я отъ души обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

Мое почтеніе княгинѣ.
Каковъ Денъ?

С.-Петербургъ.
27-го ноября (9-го декабря) 1847 г.

Благодарю, любезный отецъ командиръ, за письмо твое отъ 20-го ноября (2-го декабря). Записку Гольдмана читалъ съ любопытствомъ; очень быть можетъ, что Вельцу отсюда сообщаютъ дурныя свѣдѣнія наши негодяи; что ихъ довольно, въ томъ нимало не сомнѣваюсь; клеймить или изобличить ихъ не легкое дѣло, и я ихъ не знаю. По газетамъ вижу, что приговоръ надъ познанцами произнесенъ; теперь надо знать, какъ король смягчитъ, ибо нѣтъ въ томъ сомнѣнія. Хорошо ужъ то, что приговоръ правильно произнесенъ. Швейцарскія дѣла весьма важны; слабость, равнодушіе, и нерѣшимость причиной, что среди Европы дали возстать въ высокой степени радикальной силѣ. Теперь хотѣли было меня завлечь въ пустословіе съ ними, какъ бы можно было съ бѣшеными говорить какъ съ находящимися въ здравомъ разсудкѣ. Я рѣшительно отказался, развѣ согласны будутъ выставить войска па границѣ Швейцаріи, которыя придадутъ силу нашимъ словамъ; и въ случаѣ отказа насъ слушать, могли бъ войти въ Швейцарію. Теперь уже Зондербундъ исчезъ; и огонь мятежа готовъ вспыхнуть въ Южной Германіи; ежели и теперь не очнутся, то я убѣжденъ, что въ скоромъ времени все будетъ тамъ вверхъ дномъ. Вообще все въ такой безтолочи, въ такомъ пошломъ положеніи, что тошно и говорить.

Вчера сынъ мой Константинъ присягалъ и поступилъ на дѣйствительную службу; дай Боже, чтобъ онъ пригодился государству; ума у него довольно. Здѣсь глупыхъ толковъ много; покуда важнаго ничего, но мы остро слѣдимъ и не зѣваемъ. Холера держится въ Москвѣ по прежнему, но здѣсь ея нѣтъ, ни по дорогѣ. Зимы досель вовсе нѣтъ, Нева чиста какъ среди лѣта; сырость непомѣрная и свѣту нѣтъ. Жаль мнѣ нашего Дена, все надѣюсь, что поправится. Да ты самъ

какъ себя чувствуешь? Прощай, мой любезный отецъ командиръ. Жена тебѣ кланяется; цѣлую руки княгинѣ, а тебя душевно обнимаю.

Твой на вѣки искренно доброж.

Н.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ.

(КЪ ТЕКСТУ ПЯТАГО ТОМА).

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

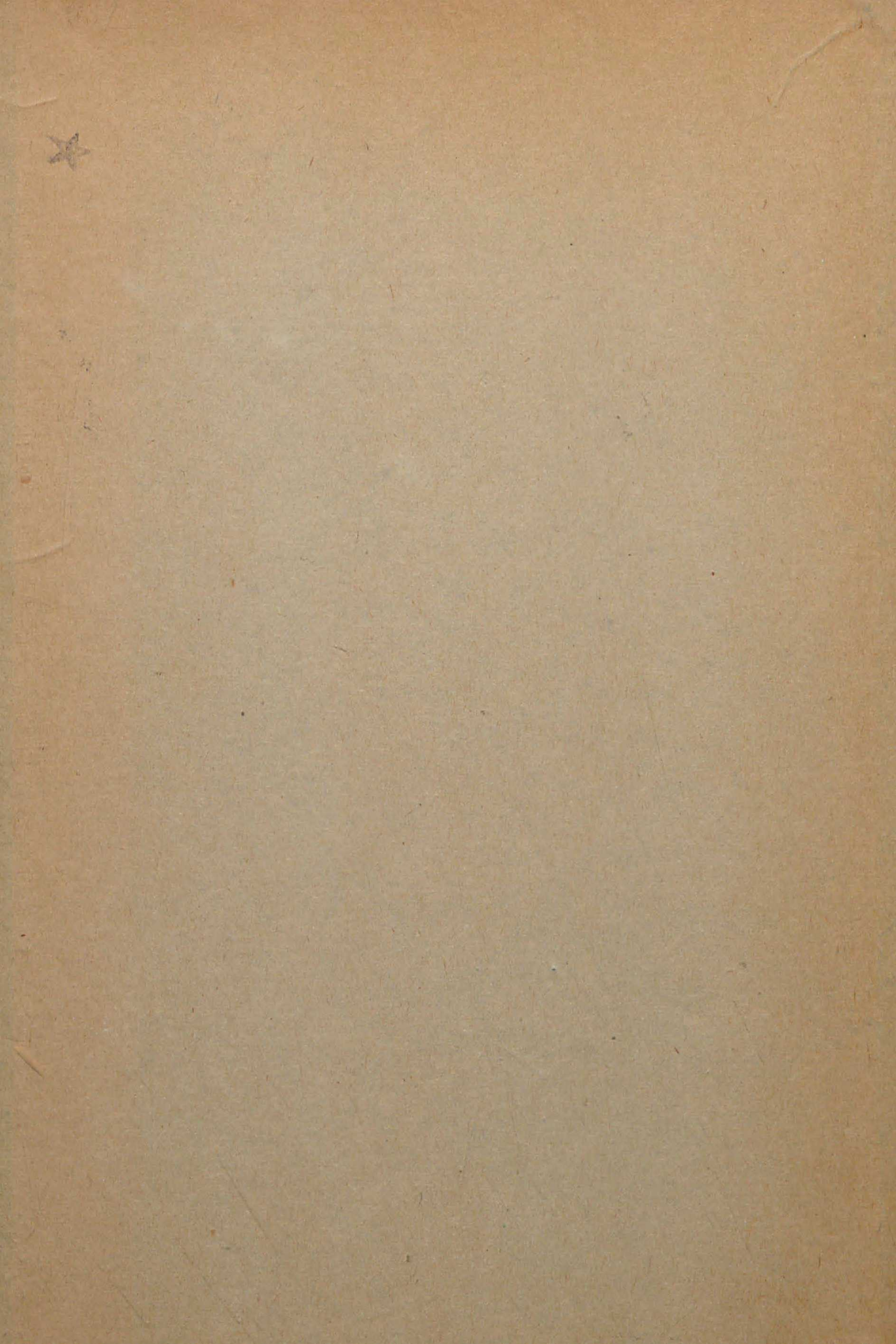
Ф.

*) На этой страницѣ (въ выноскѣ) ошибочно названъ **Тымковскимъ**.

Щ.

Э.

Я.

2014141352